СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

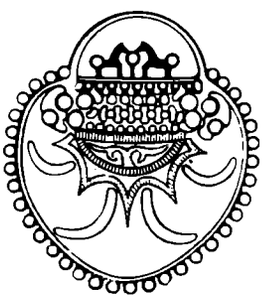
2

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

А. В. Арциховский (главный редактор),

О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,

В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков,

А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Статьи

Д. Я. ТЕЛЕГИН

О КУЛЬТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

За последние десятилетия в изучении неолитических памятников Центральной и Восточной Европы и иных смежных территорий достигнуты значительные успехи. Наряду с открытием и раскопками десятков новых поселений и могильников внимание археологов различных стран все больше привлекают проблемы, связанные с культурным членением и периодизацией неолитических памятников. В Польше, например, уточняется общепринятое деление неолитической эпохи на три основных периода — ранний (4200—3500 гг. до н. э.), средний (3500—2500) и поздний (2500—1700) [1]. Обоснованность этой периодизации объясняется правильным подходом наших польских коллег к принципу определения периодов, в основу выделения которых положены важные события в жизни древнего населения: сложение неолита, приход новых племен, появление металла и т. д.[2] В Чехословакии, Венгрии, Румынии наряду с установлением чрезвычайно дробной периодизации каждой культуры[3] намечается также тенденция к общему членению неолита и энеолита на периоды. Словацкие археологи неолитическую эпоху делят на три основных периода: ранний, собственно неолитический, поздний, энеолитический и период перехода к эпохе бронзы. В медном веке этой страны выделяют соответственно ранний энеолит (ЕнI), средний (ЕнII), поздний (ЕнIII) и позднейший (ЕнIV) [4]. Медный век Венгрии имеет три периода: ранний, средний и поздний[5]. Румынский археолог Д. Берчиу устанавливает в развитии неолитических и энеолитических культур своей страны пять основных этапов: протонеолитический (I), ранненеолитический (II), средний неолит (III), поздний неолит (IV) и период перехода к эпохе бронзы (V) [6]. Ведутся работы по общей периодизации нео-энеолитических культур и более крупных регионов Европы. Согласно опубликованной недавно Е. Неуступным таблице, в неолите и энеолите Центральной

---

[1] J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jazdzewski. Pradzieje Polski, Wrocław — Warszawa — Krakow, 1965.

[2] K. Jazdzewski. Tabele chronologiczne do pradziejowe Europy środkowej i srodkowo-wschodniej (w szczegolnosti Polski). Prace i mater. Muz. arch. i etnogr. w Lodzi, 14, 1967. В Польше, как и во многих других странах Европы, в эпоху неолита включены все культуры медного века и даже ранней бронзы.

[3] Например, в развитии культуры линейно-ленточной керамики сейчас устанавливается более 20 этапов.

[4] Pravek Východnégo Slovenska, Malá monografia Východnego Slovenska, VIII, 1, Ksice, 1966: J. Lichardus, J. Vladar. Zu Problemen der Ludanice-Gruppe in der Slovakei. SA XII—I, 1964.

[5] I. Bognar-Kutzian. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar — Basatania. Budapest, 1963.

[6] D. Berciu. Contributii la problemele neoliticului in Rominia in lumina noilor corectar. Bucuresti, 1961.

и Юго-Восточной Европы выделяется 6 периодов: средненеолитический (5000—4500 гг. до н. э.), поздненеолитический (4500—4200), протоэнеолитический (4200—3800), ранний энеолит (3800—3300), средний энеолит (3300—2900) и поздний энеолит (2900—2300) [7]. Как известно, Г. Чайлд историю древних керамических культур Европы делил на четыре периода [8].

Для Европейской части СССР общепринятой периодизации неолитических культур пока, к сожалению, нет. Имеющиеся схемы хронологического членения этой эпохи обычно охватывают незначительные территории с ограниченным числом культур (Карелия, Прибалтика, Среднее Поволжье, Украина) [9]. В тех же случаях, когда авторы ставят своей целью дать периодизацию культур более обширных территорий Восточной Европы, такие схемы нередко теряют конкретность. Примером последнего рода может служить попытка синхронизации культур неолита и меди юга Европейской части СССР, предпринятая недавно М. Гимбутас. Она все многообразие культур на данной территории сводит лишь к трем культурам: трипольской, днепро-донецкой (которую она называет северопонтийской) и курганной (ямная, Нальчик — Майкоп) [10].

Возможно, именно отсутствием обоснованной периодизации для неоэнеолитических памятников Европейской части СССР следует объяснять тот факт, что даже сравнительно хорошо изученные культуры нашей территории нередко не находят отражения в сводных работах по периодизации неолита Европы. В тех же случаях, когда отдельные культуры Европейской части СССР все же вносятся в синхронистические таблицы зарубежных авторов, в определении их абсолютного возраста часто наблюдаются огромные различия. Так, например, в работе Е. Неуступного ранняя дата Триполья помещается где-то около середины V тысячелетия до н. э., а этап В относится к протонеолитическому периоду (4200—3800 гг. до н. э.) [11]. Румынские же археологи культуру Кукутени (аналог Триполья В) относят к 2700—2000 гг. до н. э. [12]

Само собой разумеется, что создание общей периодизации неолита Европейской части СССР потребует усилий большого коллектива исследователей. Ее выработке должна предшествовать трудоемкая и кропотливая работа по выявлению культур и культурных типов, выяснению их внутренней хронологии и созданию локальных синхронистических таблиц. Настоящая статья посвящена подведению итогов в изучении неолита Украины и Белоруссии — двух соседних республик, территория которых в значительной степени совпадает с бассейном общей для них реки — Днепра. Изучение неолитических культур огромной Днепровской низменности, простирающейся в меридиональном направлении почти от Прибалтики до Азово-Черноморской впадины, во многих отношениях имеет ключевое значение для понимания неолита Восточной Европы в целом.

---

[7] E. Neustupny. Absolute Chronology of the Neolithic and Aeneolithic Periods in Central and South-Eastern Europe. SA, XVI—I, 1968.

[8] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

[9] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961; Л. Ю. Яниц. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960; Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

[10] M. Cimbutas. The Relative Chronology of Neolithic and Chalcolithic Cultures in Eastern Europe Nord of the Balkan Peninsula and the Black See, Chronologies in Old World Archaeology. Chicago — London, 1965.

[11] E. Neustupny. Ук. соч., стр. 48.

[12] D. Berciu. Ук. соч., стр. 12. В настоящей статье мы не затрагиваем вопрос о так называемой «короткой» и «долгой» хронологии Европейского неолита, острой полемики, разгоревшейся за последнее время вокруг этой проблемы, считая, что после разработки радиоуглеродного метода определения возраста древних памятников будущее останется все же за более глубокими датами памятников.

Первые сведения о находках неолитических материалов на территории современных Украины и Белоруссии относятся ко второй половине XIX — началу XX в. (Т. Кибальчич, В. Ляскоронский, М. К. Якимович, В. Е. Данилевич, Е. Р. Романов, В. Шукевич и др.). Значительное количество памятников этого времени было обнаружено, в частности, в связи с подготовкой археологических съездов (Н. Беляшевский, В. Б. Антонович, В. А. Городцов, Ф. В. Покровский, Е. Михайловский и др.).

После Великой Октябрьской революции изучение неолита УССР и БССР заметно усиливается. В первые же два десятилетия Советской власти были обследованы большие территории в бассейнах рек Днепра, Припяти, Сожа, Северного Донца, Западного Буга и Немана [13]. Существенные результаты получены и в изучении неолита крымских яйл, где работами Б. С. Жукова, О. Н. Бадера, Д. А. Крайнова были открыты первые пункты с неолитической керамикой (Ат-Баш, Юсуповский бассейн, Таш-Аир, Замиль-Коба II и т. п.) [14].

Важным вкладом в изучении неолитических памятников Украины явились работы Днепростроевской экспедиции 1927—1933 гг. (М. Я. Рудинский, А. В. Добровольский, П. Смоличев и др.), когда было раскопано около 10 неолитических поселений (Средний Стог, Собачки, Вовниги, Волчок, Виноградный, Похилый и др.) [15]. В 1930 г. Н. Е. Макаренко исследовал известный Мариупольский могильник [16]. К концу 1930 г. относятся первые раскопки неолитических стоянок Белоруссии (Кривина, Осовец) [17]. В 1930 и 1932 гг. работала Богессовская экспедиция, обследовавшая несколько неолитических поселений в долине Южного Буга (Гард, Саврань, Мельничное поле) и Черного Ташлыка (Миколина Броя-ка) [18].

Наряду с накоплением материалов по неолиту Украины еще в довоенные годы делались попытки их обобщения систематизации и датировки [19].

Целую эпоху в изучении неолита Украины и Белоруссии составили работы археологов за послевоенные годы, т. е. за последние 20—25 лет.

Начиная с 1946 г. возобновились исследования в районе Днепровского Надпорожья (А. В. Добровольский, В. Н. Даниленко, А. В. Бодянский), во время которых были раскопаны поселения на островах Сурском, Шулаевом, Стрильчей Скеле, полуострове Игрени VIII и др. [20] Опираясь на материалы этих исследований и данные из Приазовья (Каменная Могила), В. Н. Даниленко в 1950 г. поставил вопрос о выделении ранненеолитической сурской или сурско-днепровской культуры [21].

Сурско-Днепровская культура (СДК) была распространена в Надпорожье и Приазовье (рис. 1), где в настоящее время известно

[13] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. ГАИМК, 7—8, М., 1932; К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа. Зап. адд. гум. навук. 5, Минск, 1928; А. С. Коваленя. Археалогічныя раскопкі у верховях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомлі. Працы, III, 1932; М. Я. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень в межах УРСР. «Антропологія», IV, Київ, 1931; М. В. Сибилев. Древности Изюмщины. 1—4, Изюм. 1926—1930.

[14] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 92 сл.

[15] А. В. Добровольский. Неолит Надпорожья. Науч. арх. ИА АН УССР.

[16] М. Макаренко. Маріупольский могильник. Київ, 1933.

[17] К. М. Полікарповіч. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР. БАИЧП, 6—7, 1940.

[18] Ф. А. Козубовский. Археологічні досліджения на территорії Богесу, 1930—1932 рр. Київ, 1933.

[19] П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях города Изюма. Древности Изюмщины, 3, Изюм, 1928; М. Я. Рудинский. Ук. соч.; С. М. Библков. К вопросу о неолите Крыма. КСИИМК, IV; О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. СА, 5, 1940.

[20] О. В. Бодньский. Неолітична стоянка на острові Шулаевому. АП, II, Київ, 1949; А. В. Добровольский, VIII Ігренська неолітична стоянка. АП, II.

[21] В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини. «Археологія», III, Київ, 1950.

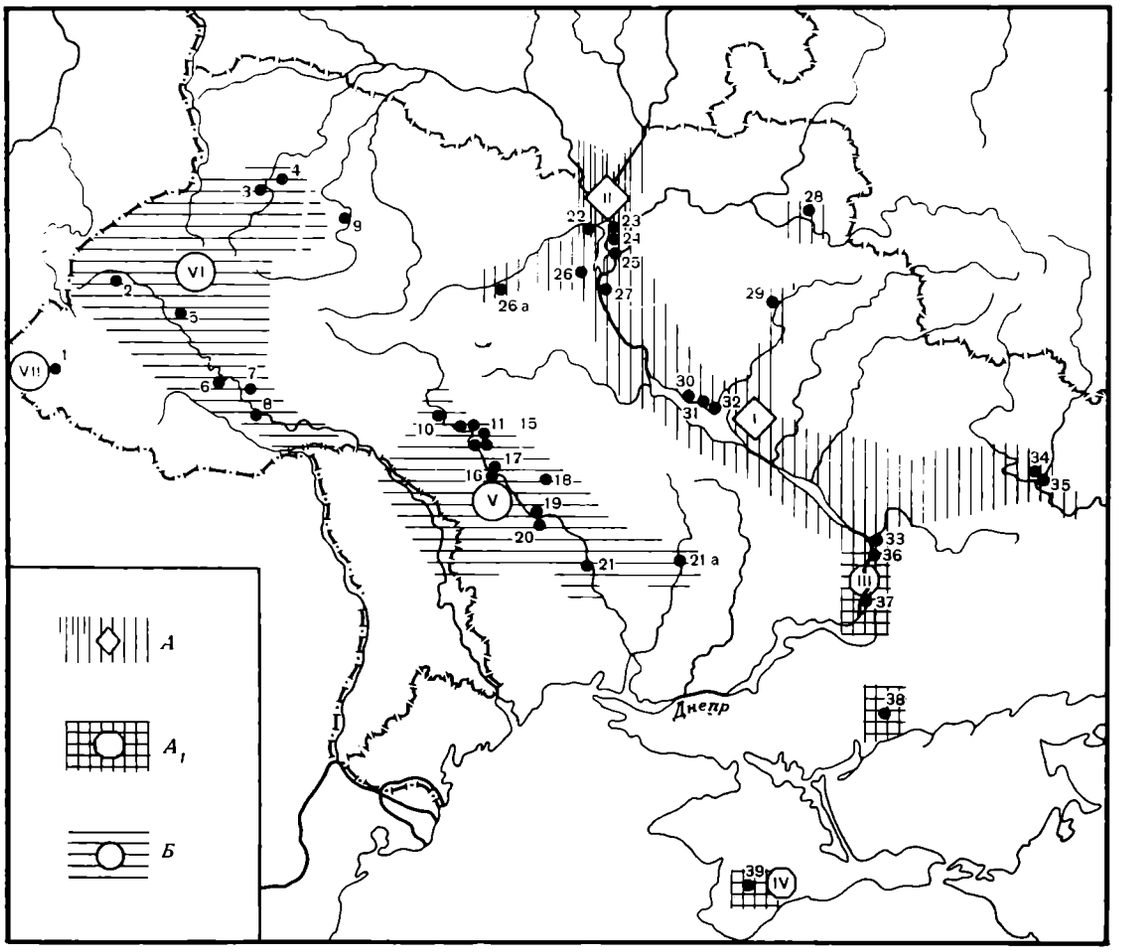


Рис. 1. Украина и Белоруссия в I и II периодах ранних керамических культур (неолит)

А — культуры северной охотничье-рыболовческой области: *I* — днепро-донецкая, *II* — струмельско-гастятинская группа; $А_1$ — культуры юго-восточной степной области: *III* — сурско-днепровская, *IV* — Кая-Араси-группа;
Б — культуры юго-западной правобережной области: *V* — буго-днестровская, *VI* — линейно-ленточной керамики, *VII* — Тисса. *1* — Малая Гора; *2* — Котоване; *3* — Баев; *4* — Луцк; *5* — Бовшив; *6* — Незвиско; *7* — Торское; *8* — Звенячин; *9* — Ольшаница; *10* — Печора; *11—15* — Самчинцы, Сокольцы 1—4; *16—17* — Скибинцы; *18* — Миколина Брояка; *19—20* — Мельничная Круча, Саврань; *21* — Гард; *22* — Хохора; *23—25* — Гастятин, Струмель, Заваловка; *26* — Ирпень; *26а* — Тетеревский; *27* — Никольская Слободка; *28* — Козловка; *29* — Сурмачево-Глинск; *30—32* — Бильки, Недогарки, Веремеевка; *33* — Игрень VIII; *34—35* — Бондариха, Устье Оскола II; *36* — Сурской, Шулаев; *37* — Виноградный; *38* — Каменная Могила; *39* — Таш-Аир I

уже более 30 стоянок и местонахождений с керамикой этого типа. Основное занятие сурско-днепровских племен — рыболовство, но в культурном слое некоторых поселений имеются уже и кости домашних животных (бык). Сосуды остродонные, темно-серого цвета, с примесью ракушки или песка в тесте; поверхность подлощена, орнамент разрежен, в виде горизонтальных рядов, шевронов и зигзагов, состоящих из прочерченных линий, неправильных углублений и т. п. (рис. 2). Известны и каменные сосуды различных форм (рис. 3, *8*). Кремень мелкий; топоры каменные, шлифованные. Очень богата и своеобразна костяная индустрия: гарпуны, острия стрел, тесла, рыболовные крючки, иглы и т. д. (рис. 3). Датируется эта культура V—IV тысячелетием до н. э. В ее развитии выделено несколько фаз (В. Н. Данпленко).

Благодаря работам А. А. Формозова, А. А. Щепинского, Ю. Г. Колосова и др. в Крыму обнаружены и раскопаны новые важные для понимания неолитической культуры этого района поселения (Кая-Араси) и первый в Крыму коллективный неолитический могильник (Долинка) [22]. Итоги по изучению неолита горного Крыма подведены недавно в работе

[22] Раскопки А. А. Щепинского.

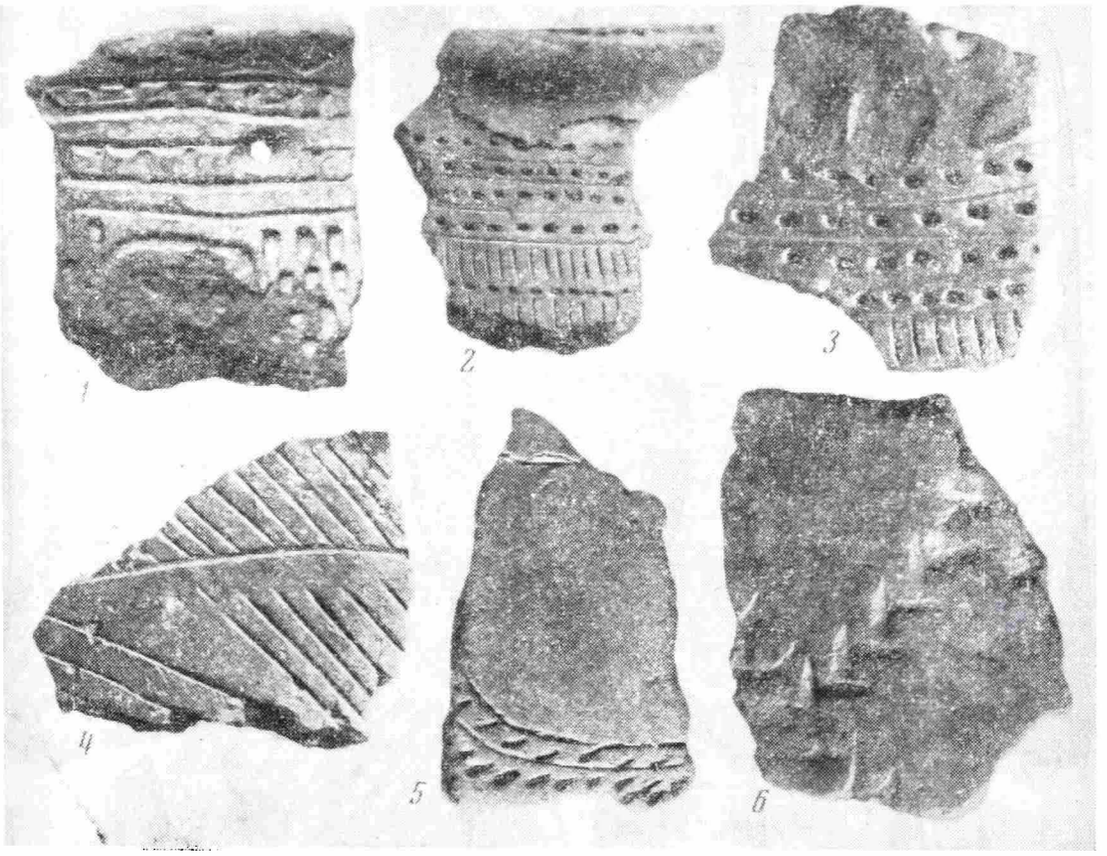


Рис. 2. Керамика сурско-днепровской культуры

1 — о. Сурской; *2—3* — Стрильчая Скеля; *4* — Вовниги; *5* — Волчок; *6* — Игрень V

А. А. Формозова[23]. Ю. Г. Колосов выделяет здесь две локальные группы неолитических памятников: степную (позднекукрекские стоянки, Долинка) и горнокрымскую (Кая-Араси, Таш-Аир[24], Ат-Баш и др.). Судя по инвентарю и обряду погребения, могильник у с. Долинка относится, несомненно, к надпорожско-приазовскому варианту днепро-донецкой культуры. Памятники горнокрымской группы типа Кая-Араси, Таш-Аира I, Замиль-Коба II, по мнению ряда исследователей (А. А. Формозов, Д. Я. Телегин), очень близки сурско-днепровской культуре, образуя, по-видимому, отдельную Кая-Араси-группу в рамках этой большой общности.

Памятники группы Кая-Араси (КАГр) занимают крымские Яйлы, первую и вторую гряды гор, где насчитывается свыше 10 поселений. Керамика темно-серого цвета с примесью песка, толченого известняка и ракушки в тесте. Сосуды остродонные с утонченным, ровным или слегка отведенным наружу венчиком. Орнамент состоит из поясов параллельных линий и рядов наколов. Кремень микролитический: трапеции, сегменты и др. (рис. 4). Датируется IV — возможно, концом V тысячелетия до н. э.[25].

Существенные успехи достигнуты за послевоенные годы в изучении неолита Десны, Припяти, Киево-Гомельского Приднепровья и бассейна Северного Донца, где работами М. В. Воеводского, М. Я. Рудинского, И. Г. Розенфельдт, И. Ф. Левицкого, В. Н. Даниленко, В. Ф. Исаенко, И. И. Артеменко, Д. Я. Телегина и другими исследован ряд важных поселений, таких, как Ходосовичи, Лучин, Стрелица, Литвин, Мыс Очкинский, Погореловка, Моства, Никольская слободка, Струмель, Скуносово, Бондариха, Устье Оскола и т. п. В то же время М. Я. Рудинским,

[23] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 92 и сл.

[24] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, М., 1960.

[25] А. А. Формозов. Неолит Крыма, стр. 149.

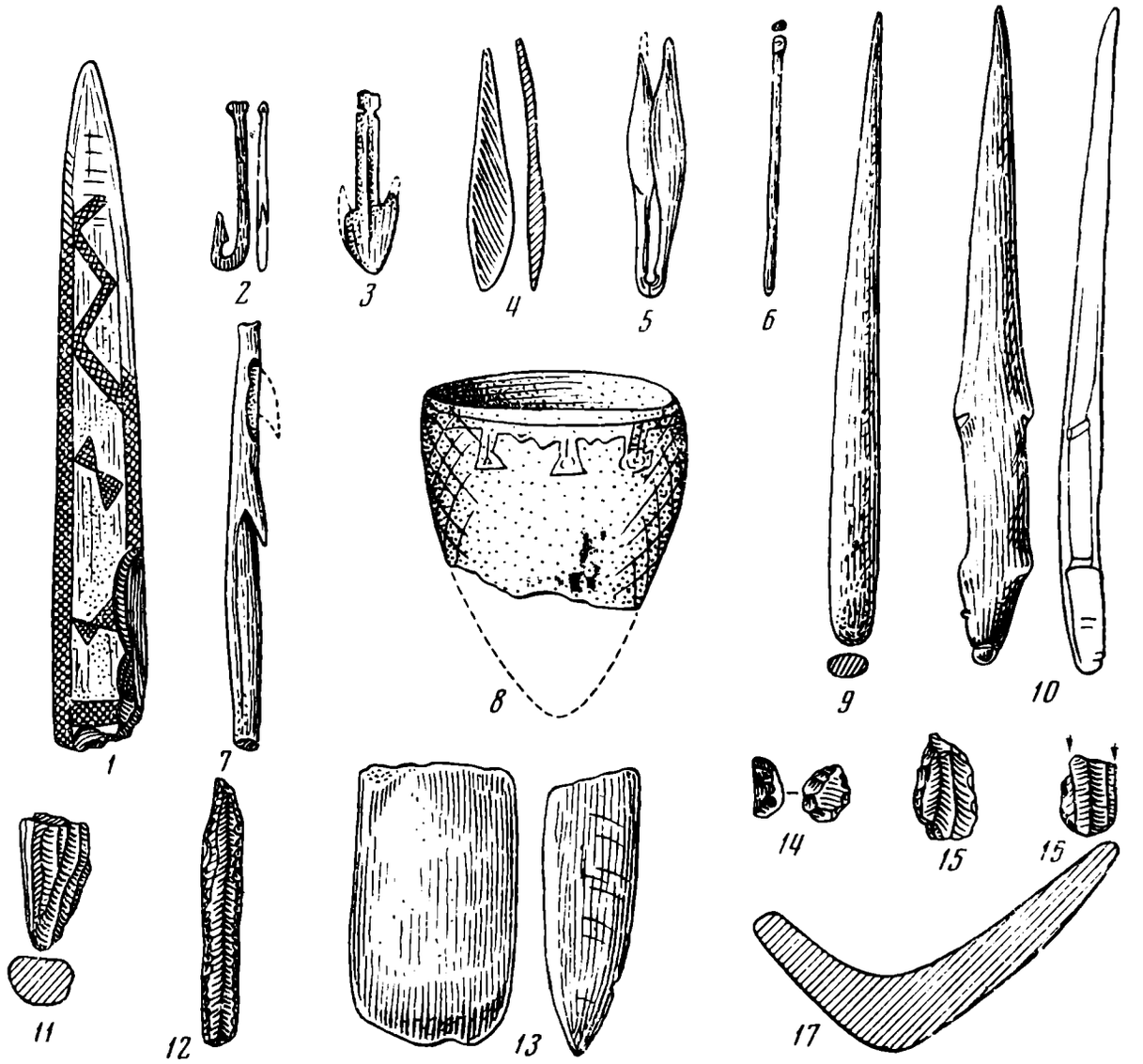


Рис. 3. Орудия труда и керамика сурско-днепровской культуры
1—7, 9—17 — о. Сурской; *8* — находка из бывшей Таврической губернии

А. В. Бодянским, А. Д. Столяром, О. Г. Шапошниковой, Д. Я. Телегиным раскопано около 20 крупных неолитических некрополей в Днепровском Надпорожье и соседних территориях (Вовниги, Васильевка, Марьевка, Никольское, Чаплин, Лысая Гора, Капуловка и др.) [26]. Материалы полевых исследований на севере Украины позволили выделить на Днепре и Волыни особую группу неолитических памятников типа Моствы—Никольской слободки [27] и выдвинуть предположение о принадлежности поселений лесостепного левобережья и Полесья Украины двум группам населения — носителям культур гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики [28].

В дальнейшем источниковедческая база по изучению истории культуры племен гребенчато-накольчатой керамики, получившей название днепро-донецкой, была значительно расширена за счет многолетних исследований Кременчугской, Днепродзержинской, Краснооскольской, Кочетокской и Киевской новостроечных экспедиций, работавших большей частью под руководством автора. Благодаря этим исследованиям стали известны новые поселения (Бузьки, Успенка, Комсомольское, Гринь, Пустынка V,

[26] Д. Я. Телегин. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место. СА, 1966, 1.

[27] В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе. КСИА, 2, 1953.

[28] Д. Я. Телегін. Неолітичні поселення лісо-степового Лівобережжя і Полісся України. «Археологія», IX, Київ, 1957.

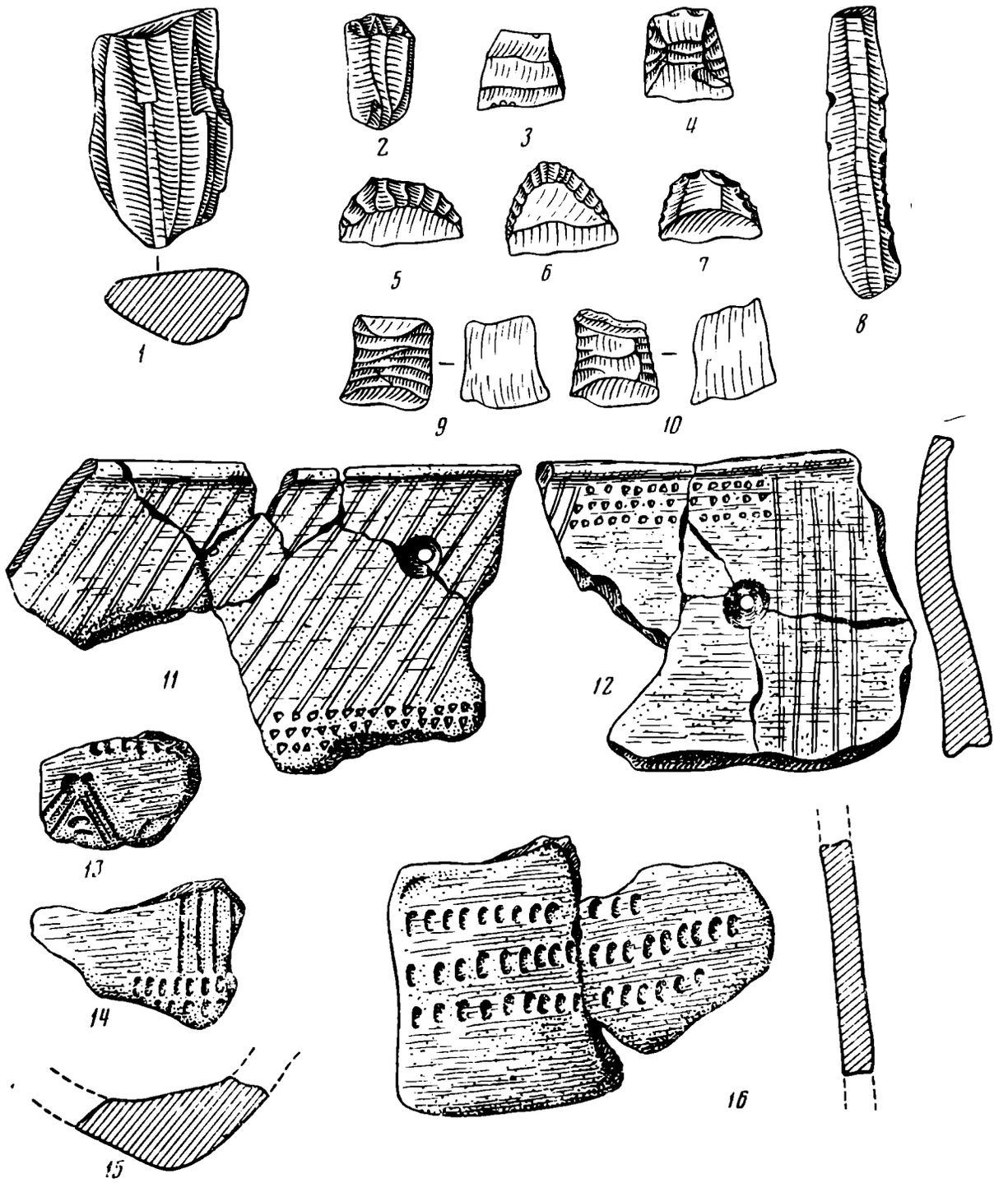


Рис. 4. Кремневые изделия и керамика из поселений типа Кая — Араси в Крыму
1—8, 13—15 — Таш-Аир I; *11—12* — Кая-Араси; *16* — Замиль-Коба II

Гастятин, Шмаевка, Каменка и др.) и открыты первые в лесостепи неолитические могильники (Дереивка, Александрия).

Днепро-донецкая культура (ДДК) распространена в долине Днепра и по среднему течению Северского Донца, где известно более 150 поселений и около 20 могильников (рис. 1). Она характеризуется остродонной и плоскодонной гребенчато-накольчатой керамикой с примесью травы или древы в тесте (рис. 5). Кремень преимущественно макро-микролитический. Погребения вытянутые на спине, в коллективных могилах. Датируется второй половиной V—III тысячелетия до н. э. В ее развитии выделяется три, а в Надпорожье и Надприпятьи — четыре этапа. Памятники второго этапа имеют пять локальных групп: надпорожско-приазовскую, черкасскую, донецкую, киево-волынскую и гомельскую[29]. По мнению некоторых исследователей, памятники надпорожско-приазовской и гомельской групп принадлежат отдельным культурам гребенчато-

[29] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

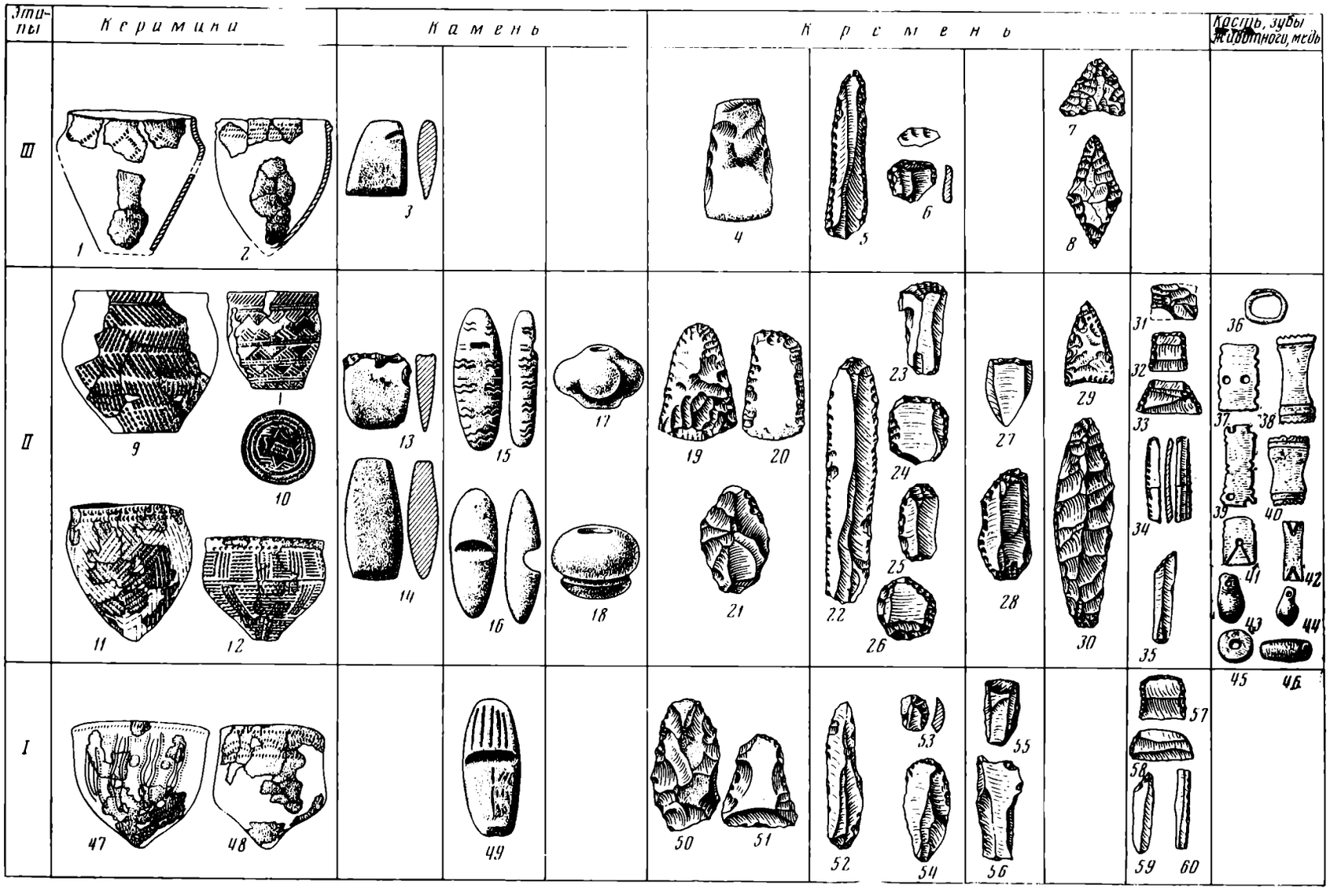


Рис. 5. Керамика и орудия труда, предметы вооружения и украшения днепро-донецкой культуры

1—3, 5, 6 — Пустынка V; *4* — Никольская Слободка; *7* — Лучин; *8* — Ветвь VI; *9, 10, 18, 23, 24, 36—39* — Никольский могильник; *11, 12, 31—33* — Бузьки; *13* — Богатырь; *14* — Сорокошичи; *15* — Полтавка; *16, 44* — Вовниги; *17, 20, 22, 34* — Мариуполь; *19* — Студенок; *21* — Петровское; *25, 29* — Вовчок; *26, 35* — Собачки; *27, 28* — Устье Оскола I, II; *30, 48* — Грини; *40, 41, 43, 46* — Деревка I; *45* — Лысая Гора; *47* — Заваловка; *49* — Киев; *50, 52—58* — Бондариха; *51* — Минивский Яр; *59, 60* — Устье Оскола II, нижний горизонт

накольчатой и гребенчатой керамики [30]. На третьем этапе ДДК территория ее распространения резко сокращается в связи с проникновением на Средний Днепр трипольских и среднестоговских племен. В изучении памятников третьего этапа ДДК северной Киевщины и Южной Белоруссии важный вклад сделан за последнее десятилетие открытием памятников типа Пустынки V севернее Киева (В. Н. Неприна, Д. Я. Телегин) и Литвин на Нижней Припяти (В. Ф. Исаенко), а также памятников рогачевской группы на Верхнем Днепре (И. И. Артеменко). Работы В. Ф. Исаенко в бассейне Припяти позволили установить четвертый этап в развитии ДДК, показать взаимоотношение памятников этой культуры с неолитом Понеманья [31].

По определению антропологов, носители ДДК принадлежали к позднекроманьонскому расовому типу.

Основными занятиями днепро-донецкого населения были охота, рыболовство и собирательство, которые на более северных лесных территориях сохраняют свое доминирующее значение до самого конца существования культуры. На юге же, на Среднем Днепре и в Надпорожье важную роль играло скотоводство (бык, свинья, овца, коза). На Среднем Днепре, кроме того, получены явные доказательства наличия у днепро-донецких племен примитивного земледелия [32].

Среди неолитических памятников северной Киевщины и западной части Черниговской области на основании материалов экспедиции «Большой Киев» (1948, 1953 гг.) и Киевской экспедиции 1960—1965 гг. выделяется отдельная группа поселений струмельско-гастятинского типа (СГГр), родственная памятникам типа Дубычай и Нарва III в Прибалтике. На севере Украины памятники струмельско-гастятинского типа представлены небольшими, по-видимому временными, стоянками и местонахождениями (Струмель, Гастятин, Шмаевка и др.—всего 20 пунктов) [33] (рис. 1). В последние годы ранненеолитическая керамика, близкая, вероятно, струмельско-гастятинской, обнаружена разведками М. М. Чернявского в бассейне Березины-Днепровской (Заценье).

Керамика струмельско-гастятинского типа остродонная, с почти цилиндрическими толстыми стенками. В тесте следы органических остатков. Орнаментирована она крайне скупо — отдельными наколами, рядами гребенки — или совсем лишена узора (рис. 7). Кремень мелкий, микролитический. Керамика струмельско-гастятинского типа встречается на поселениях первого и второго этапов ДДК (Грини, Камепка), что позволяет датировать выделенную группу IV началом III тысячелетия до н. э. (В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегин).

За последнее время на Украине и в Белоруссии получены важные материалы для изучения памятников ямочно-гребенчатой керамики. В. И. Неприной, в частности, впервые на Украине на широкой площади проведены раскопки поселения этого типа, давшего богатый однородный керамический материал (Погореловка-Вырчище).

Культура ямочно-гребенчатой керамики (КЯГК) на Украине занимает весь северо-восток республики до южной границы лесостепи (рис. 6). В Белоруссии памятники КЯГК известны на Соже и частично на Верхнем Днепре. Сейчас насчитывается свыше 40 поселений и местонахождений, которые характеризуются остродонной примитивной керамикой с примесью песка и дресвы в тесте. На ранних этапах встре-

---

[30] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969; И. М. Тюрина. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. М., 1967.

[31] В. Ф. Исаенко. Неолитические памятники типа Литвин на Нижней Припяти. «Древности Белоруссии», Минск, 1967.

[32] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стр. 207.

[33] Д. Я. Телегин. Неолитические стоянки типа Струмеля-Гастятина северной Киевщины. «Древности Белоруссии», Минск, 1966.

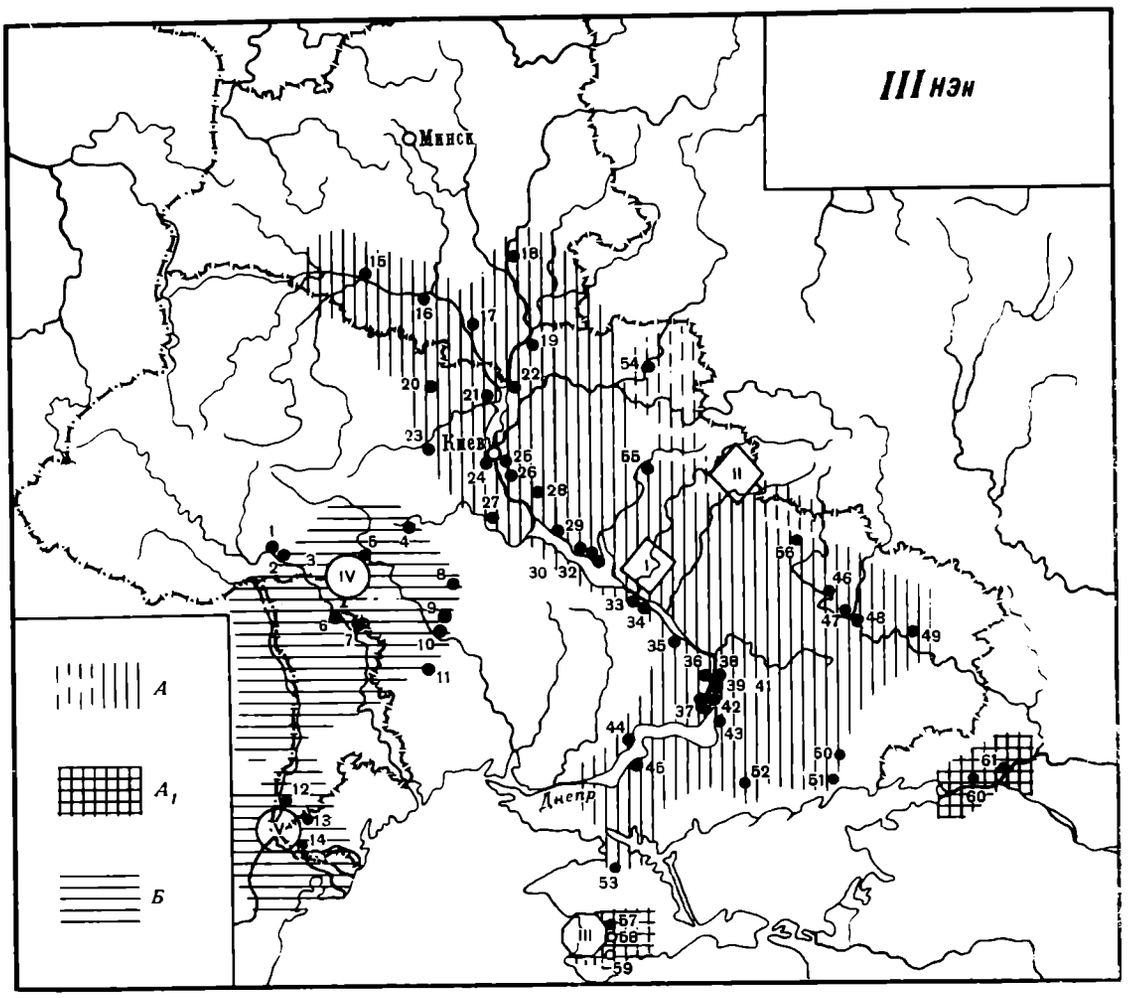


Рис. 6. Украина и Белоруссия в третьем периоде нео-энеолитической эпохи

А — культуры северной охотничье-рыболовческой области: *I* — днепро-донецкая, *II* — ямочно-гребенчатой керамики; $А_1$ — культуры юго-восточной области: *III* — Кая-Араси-группа; *Б* — культуры юго-западной правобережной области: *IV* — Триполье А; *VI* — Гумельница. *1* — Лука-Врублевецкая; *2* — Ленковцы; *3* — Ветиловка; *4* — Борисовка; *5* — Печора; *6* — Сороки; *7* — Солончены; *8* — Красноставка; *9* — Данилова Балка; *10* — Сабатиновка; *11* — Александровка; *12* — Вулканешти; *13* — Болград; *14* — Озерное; *15* — Теребин; *16* — Моисеевичи; *17* — Юревичи; *18* — Веть IV; *19* — Каменка; *20* — Мостра; *21* — Грини; *22* — Шмаевка; *23* — Тетеревский; *24* — Вита Литовская; *25* — Никольская Слободка; *26* — Гнидин; *27* — Житние Горы; *28* — Подсенное; *29* — Коробовка; *30—32* — Бузьки, Мутыхи, Пищики; *33—34* — Успенка, Дереивка; *35* — Литвиновка; *36* — Никольское; *37* — Волчок, Собачки; *38* — Васильевка; *39—41* — Марьевка, Вовниги, Вильнянка; *42* — Средний Стог I; *43* — Лысая Гора; *44* — Капуловка; *45* — Каиры; *46* — Веревкино; *47* — Устье Оскола I; *48* — Студенок; *49* — Боровское; *50* — Раздольное; *51* — Мариуполь; *52* — Каменная Могила; *53* — Долинка; *54* — Погореловка; *55* — Бодаква; *56* — Жихар; *57* — Таш-Аир; *58* — Кая-Араси; *59* — Ат-Баш; *60* — Раздорское; *61* — Бисергеновка

чается примесь растительных остатков. Орнамент состоит из рядов ямок и оттисков гребенки. Он обычно покрывает зонами всю поверхность сосудов. Кремень крупный, макролитический. На ранних поселениях изредка встречаются отдельные микролитические формы (рис. 8).

Аналогии с памятниками культуры ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна и Прибалтики позволяют предполагать, что носители КЯГК Украины принадлежали к северному типу европеоидов, возможно с некоторой монголоидной примесью. Основными видами занятий этих племен были охота, рыболовство и собирательство. Кости домашних животных не обнаружены. Датируется культура серединой IV—III тысячелетием до н. э. В ее развитии выделяются два основных этапа — ранний и поздний [34].

Важные результаты достигнуты сейчас в изучении неолита Северной Белоруссии — территории, которая до недавнего времени на неолитической карте была по существу белым пятном. Разведками и раскопками

[34] Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, 1962, 4.

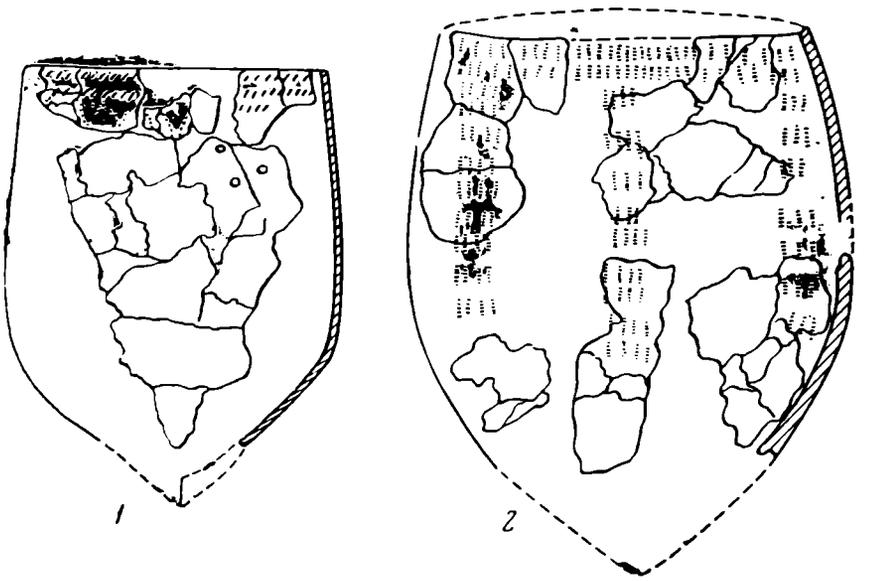


Рис. 7. Керамика струмельско-гастятинского типа
1 — Гастятин, *2* — Каменка

ряда поселений в бассейне Немана и Западной Двины раскрыт характер неолитической культуры данного района, что имеет немаловажное значение для решения вопросов связи неолита Украины с культурами Прибалтики и северо-восточной Польши.

В процессе новых исследований удалось установить наличие здесь памятников по крайней мере трех культур: нарвской, неманской и культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики (рис. 9). Выше уже отмечалось открытие на Березине поселений типа Заценье.

Неманская культура. Еще в 30-х годах около с. Любча на Немане была обнаружена стоянка со своеобразной гребенчатой керамикой. Несколько позже разведками А. Г. Митрофанова здесь открыто замечательное поселение у с. Добрый Бор, раскопанное позже И. М. Тюриной [35]. В Понеманье проводила разведки и раскопки Н. Н. Гурина, которая наряду с исследованием кремневых шахт открыла поселения неолитического времени (Бор, Черешля, Неман I и др.) [36]. Начиная с 1962 г. изучением неолита северной Белоруссии успешно занимается М. М. Чернявский. Им раскопан ряд новых поселений (Лысая Гора, Яново I, II, Яремичи и др.) [37]. Для понимания раннего этапа развития неолита Понеманья важное значение имеют раскопки стоянки Дубичай в Южной Литве [38].

Керамика дубичайского типа отличается примитивностью изготовления, очень рыхлая, слабого обжига, с примесью растительных остатков в тесте. Выделяется форма мешковидного горшка с острым дном и отведенным наружу венчиком. Известны миски со сведенным краем. Орнаментация, состоящая из оттисков палочки, двузубового штампа, довольно бедна. Узор нанесен только по венчику сосуда (рис. 10). Кремень имеет мезолитический облик, хотя отмечено и появление двусторонне обработанных орудий.

Горшки лысогорского типа имеют эсовидный профиль, хорошо обожжены, в тесте примесь дресвы и растительных остатков. Дно острое. Орнамент, состоящий из отступающих наколов, прочерченных линий, насе-

[35] Материалы хранятся в Минском историческом музее, где были обработаны нами с любезного разрешения автора раскопок.

[36] Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. МИА, 131, 1965.

[37] М. М. Чернявский. Некоторые итоги изучения неолитических поселений белорусского Понеманья. «Древности Белоруссии», Минск, 1966.

[38] Р. К. Римантене. Стоянки раннего неолита юго-восточной Литвы. «Древности Белоруссии», Минск, 1966

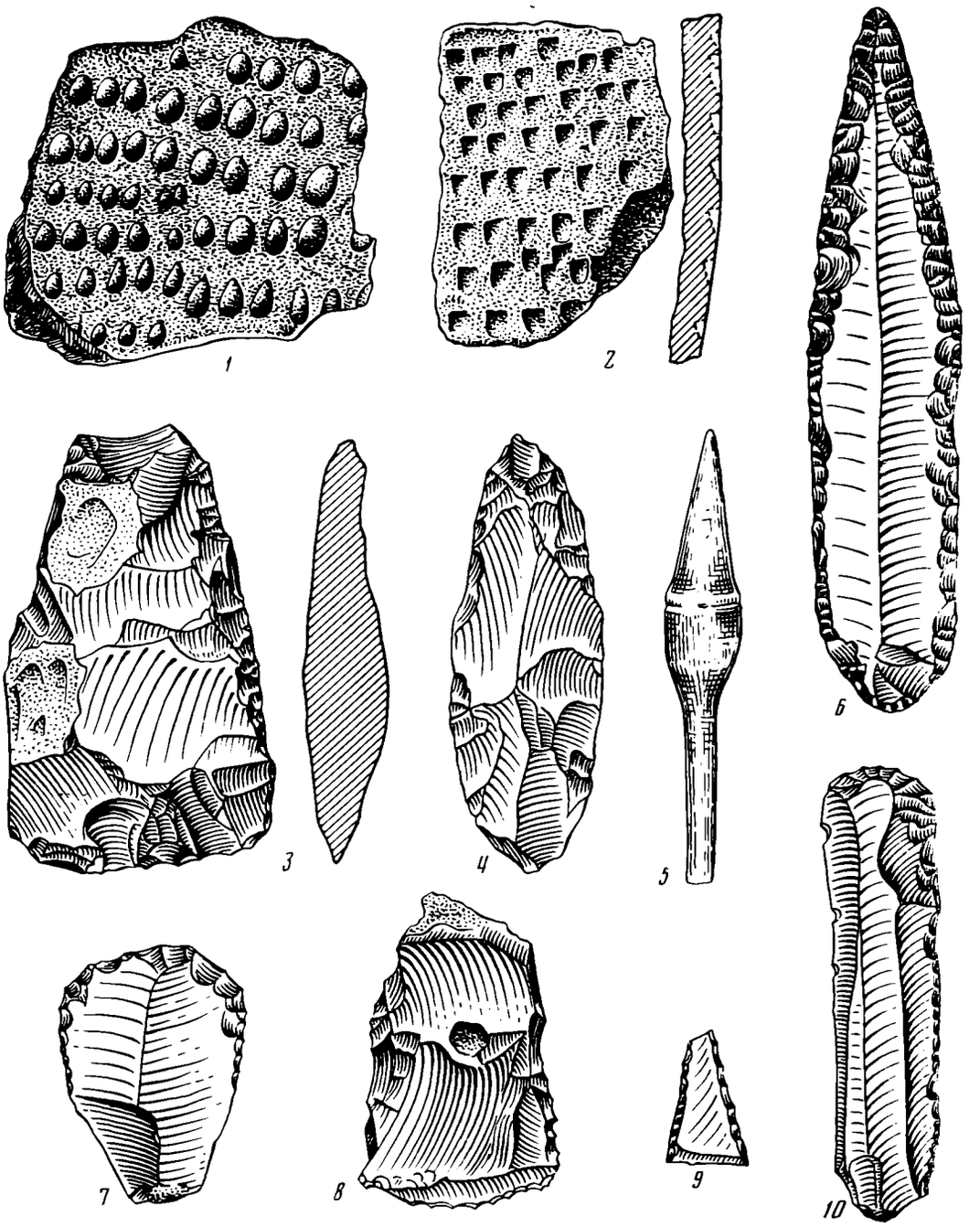


Рис. 8. Керамика и орудия труда культуры ямочно-гребенчатой керамики Украины

1, 2 — Таранский; *3, 5, 7—9* — Погореловка; *4* — Мыс Очкинский; *6, 10* — Комсомольское

чек, оттисков гребенки, покрывает нередко всю поверхность сосуда, но обычно носит разреженный характер (рис. 11, *1—5*). Венчик всегда подчеркнут рядом ямок и жемчужин. В системе узора преобладает горизонтальная зональность, но часто встречаются диагональные полосы и довольно сложные геометрические фигуры. Среди кремневых орудий крупные кремневые ножи, острия дротиков подтреугольной формы, с двусторонней обработкой, клиновидные кремневые и каменные шлифованные топоры (рис. 11, *6—13*).

Основными видами занятий неолитического населения Понеменья были охота и рыболовство. Поздний этап неманской культуры М. М. Чернявский сопоставляет по времени с третьим и четвертым этапами днепродонецкого неолита и датирует второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э.

Нарвская культура. Первые памятники нарвской культуры — поселения Кривина и Осовец — в пределах БССР, как упоминалось выше, обнаружены задолго до выделения этой культуры Л. Ю. Янитсом и

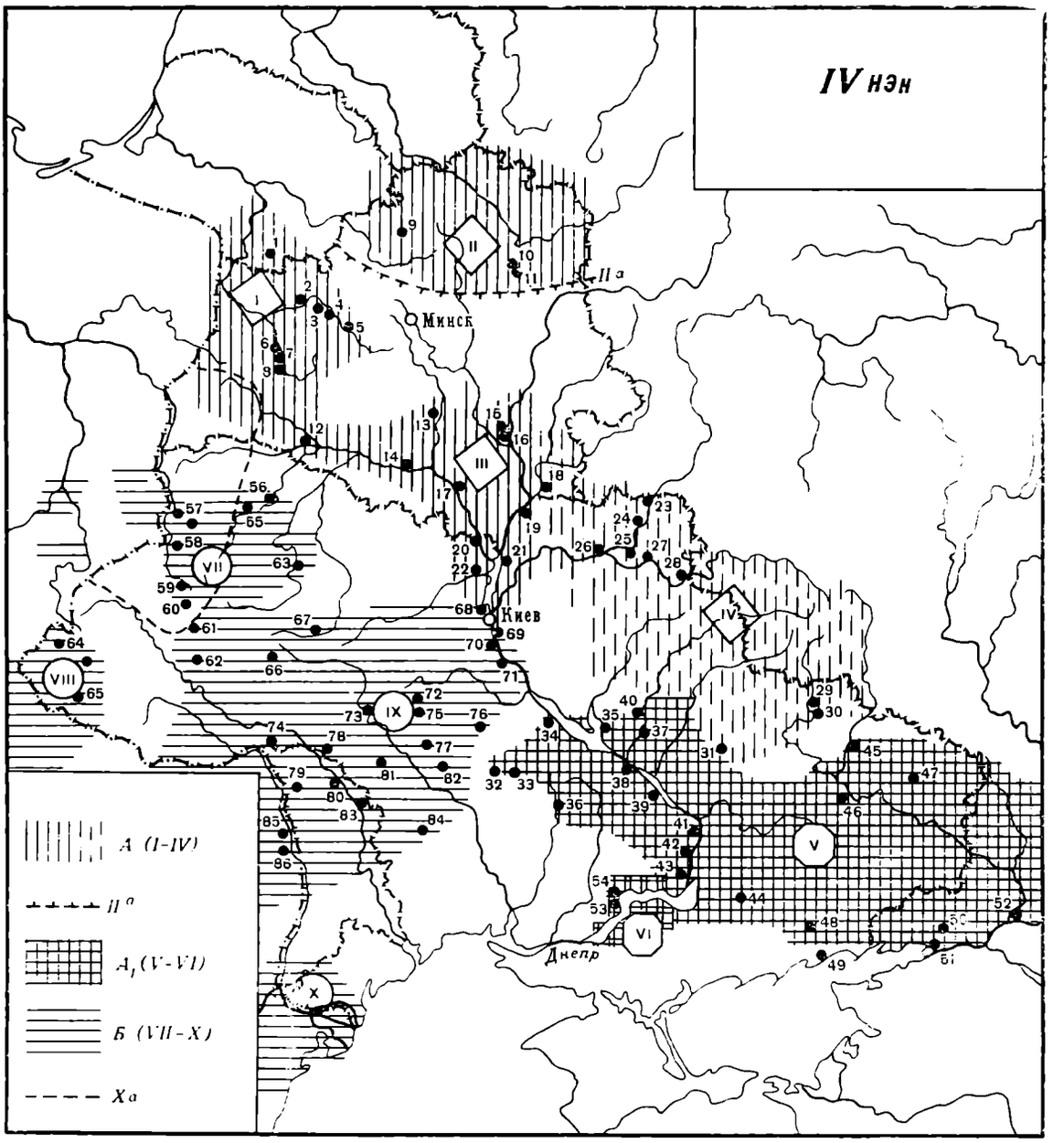


Рис. 9. Украина и Белоруссия в IV периоде нео-энеолитической эпохи

А — неолитические культуры северной охотничье-рыболовческой области: *I* — неманская; *II* — нарвская; *IIа* — южная граница распространения культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики; *III* — днепродонецкая; *IV* — ямочно-гребенчатой керамики Украины. A_1 — энеолитические культуры юго-восточной степной области: *V* — среднестоговская, *VI* — типа Михайловки-Широкого.

Б — энеолитические культуры юго-западной области: *VII* — лендельская с ленточной расписной и нерасписной керамикой, *VIII* — тисаполгарская и бодрогкерастурская, *IX* — Триполье В. С.I; *X* — Гумельница, поздняя фаза, *Ха* — восточная граница распространения культуры воронковидных сосудов. *1* — Дубичай, *2* — Черешли, *3* — Любча, *4* — хутор Бор, *5* — Лысая Гора, *6* — Тальковщина, *7* — Яново, *8* — Добрый Бор, *9* — Скема, *10* — Осовец, *11* — Кривина, *12* — Невир, *13* — Слободка, *14* — Слепцы, *15*—*16* — Ходосовичи, Лучин, *17* — Литвин, *18* — Стрелица, *19* — Радуль, *20* — Оташев, *21* — Пустынка 5, *22* — Грини, *23* — Мыс Очкинский, *24* — Мезин, *25* — Долинское, *26* — Вьюнище, *27* — Заболотово, *28* — Шечково, *29* — Рубцы, *30* — Комсомольское, *31* — Гупаловка, *31* — Мокрая Калыгирка, *33* — Веселый Кут, *34* — Молюхов Бугор, *35* — Жовнин, *36* — Кировоград, *37* — Поповка, *48* — Дереивка, *39* — Домоткань, *40* — Остапье, *41* — Стрильчая Скеля, *42* — Похилый, *43* — Средний Стог, *44* — Новоданиловка, *45* — Александрия, *46* — Яма, *47* — Старобельск, *48* — Раздольное, *49* — Мариуполь, *50* — Черкесск, *51* — Левенцовка, *52* — Константиновка, *53* — Михайловка, *54* — Золотая Балка, *55* — Семаки, *56* — Луцк, *57* — Зимно, *58* — Амбуков, *59* — Каменка-Бугская, *60* — Кукозов, *61* — Звенигород, *62* — Колоколин, *63* — Гоща, *64* — Великие Лазы, *65* — Дедово, *66* — Крутобородинцы, *67* — Бодаки, *68* — Казаровичи, *69* — Бортничи, *70* — Триполье, *71* — Гребени, *72* — Бубнов, *73* — Немиров, *74* — Поливанов Яр, *75* — Ладыжинские хутора, *76* — Старая Буда, *77* — Сушковка, *78* — Озаринцы, *79* — Петрены, *80* — Солончены, *81* — Белый Камень, *82* — Владимировка, *83* — Журы, *84* — Кринички, *85* — Хабашешти, *86* — Кукутени

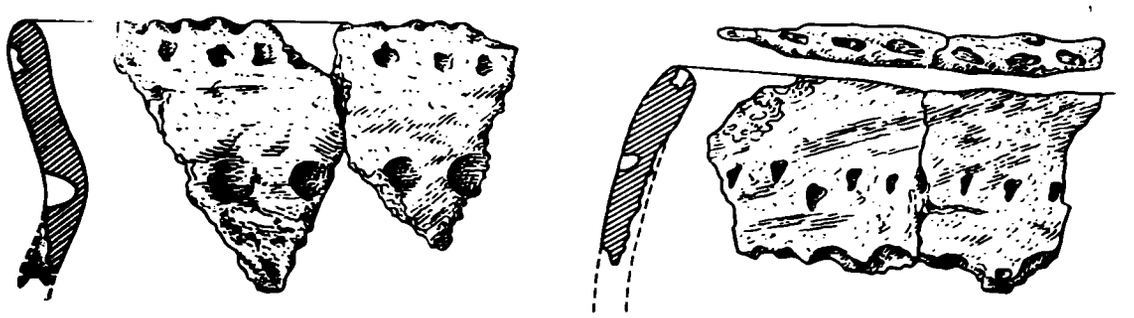


Рис. 10. Керамика из поселения Дубичай 3 в южной части Литвы

Н. Н. Гуриной на территории Эстонии и прилегающих к ней областей. В настоящее время благодаря работам М. М. Чернявского, И. М. Тихоненко в районе Поозерья и в верховьях Западной Двины количество памятников этого типа значительно возросло (Скема I, Просецкая Гора, Оконо и др.) [39].

Характерными чертами нарвской культуры, теперь уже сравнительно хорошо изученной, является преобладание роговых и костяных изделий (топоры, тесла, гарпуны, наконечники стрел, рыболовные крючки и т. п.) над кремневыми (рис. 12), наличие своеобразной пористой керамики и значительного числа янтарных изделий. В культурном слое Кривины и Осовца обнаружено множество изделий из дерева, в том числе зооморфные скульптуры и замечательное изображение головы мужчины [40].

Основными видами занятий племен нарвской культуры были охота, рыболовство и собирательство, хотя среди остатков фауны с поздних памятников встречены (по определению В. И. Бибиковой) кости домашнего быка.

В развитии керамики Кривины и Осовца М. М. Чернявский выделяет две фазы. Сосуды более ранней фазы гладкостенные, изготовлялись в технике торцового прилепа; масса горшков пористая, стенки слабопрофилированные, дно острое, венчик часто срезан косо внутрь. Орнамент (насечки, ямки, оттиски гребенки и шнура) разреженно покрывает всю поверхность сосуда. В узоре преобладает горизонтальная зональность, но часто встречаются вертикальные полосы, зигзаг и более сложные геометрические фигуры. Керамика этого типа находит аналогии в материалах типа Осы в Латвии, Кяпы в Эстонии [41], хотя, возможно, и несколько позднее последних. Нижний слой Кривины с этой керамикой датируется по С—14 третьей четвертью III тысячелетия до н. э. (2320—2340) [42].

Керамике второй группы Кривины и Осовца, выраставшей в процессе смешения элементов нарвской и среднеднепровской культур, свойственны заметные днепровские влияния. Горшки этого времени имеют эсовидный профиль, появляется плоское дно (рис. 13). В тесте органические примеси уступают место дресве. На поверхности сосудов появляются расчесы. Орнамент густо покрывает всю поверхность. Он состоит обычно из горизонтальных рядов насечек, оттисков гребешка, шнура, ямок. Сосуды изготовлены жгутовым способом, в технике косого налепа. Аналогии этой ке-

---

[39] М. М. Чернявский. Новые неолитические поселения на Кривинском торфянике. Доклады к XI конференции молодых ученых БССР. Минск, 1967; И. М. Тихоненков. Новые памятники каменного века северной Белоруссии. «Древности Белоруссии», Минск, 1967.

[40] М. М. Чернявский. Фигурка человека со стоянки Осовец II. СА, 1967, № 4.

[41] Ф. А. Загорский. Ранний и развитой неолит восточной части Латвии. Автореф. канд. дис. Рига, 1967; L. Jaanits. Die frühneilithische Kultur in Estland. Интернациональный конгресс по вопросам финно-угров. Хельсинки, 1965, 2.

[42] М. М. Чернявский. Новые неолитические поселения, стр. 383.

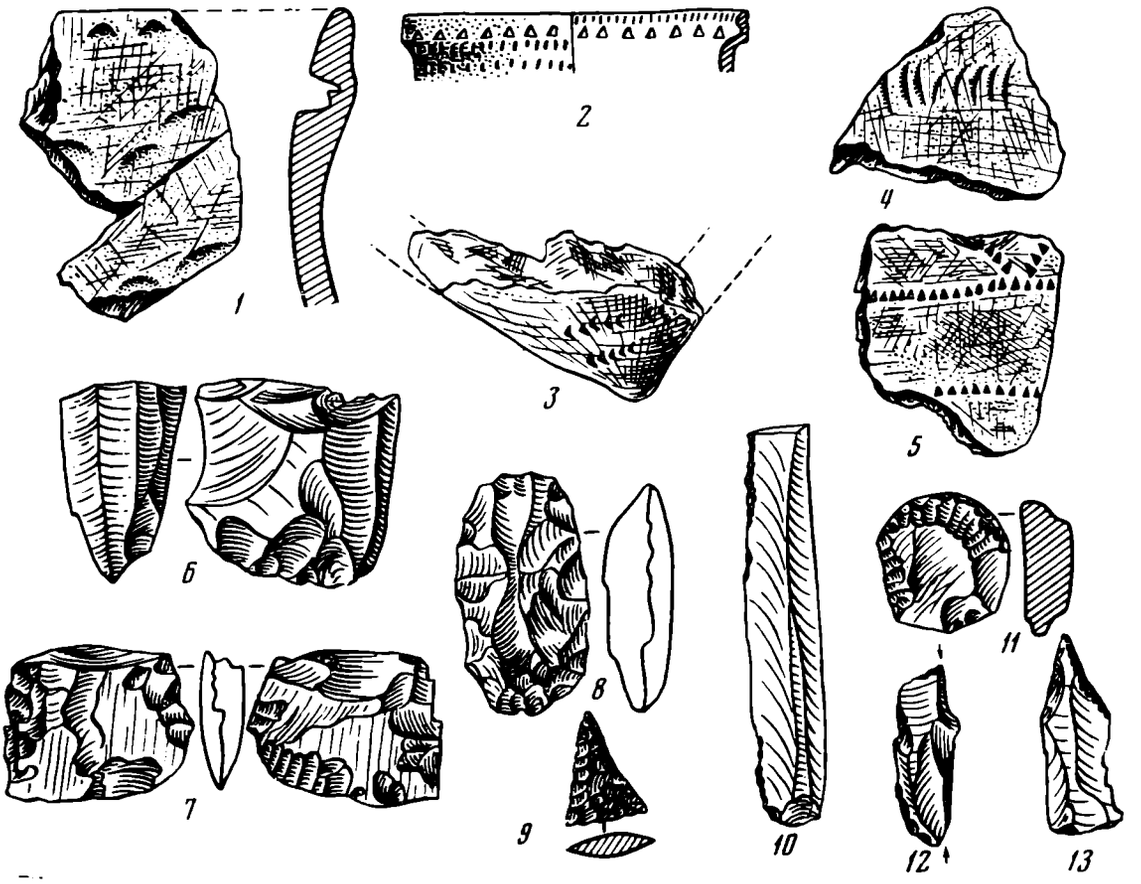


Рис. 11. Материалы неманской культуры

1—8, 10, 11, 13 — Лысая Гора; *9, 12* — Грудек

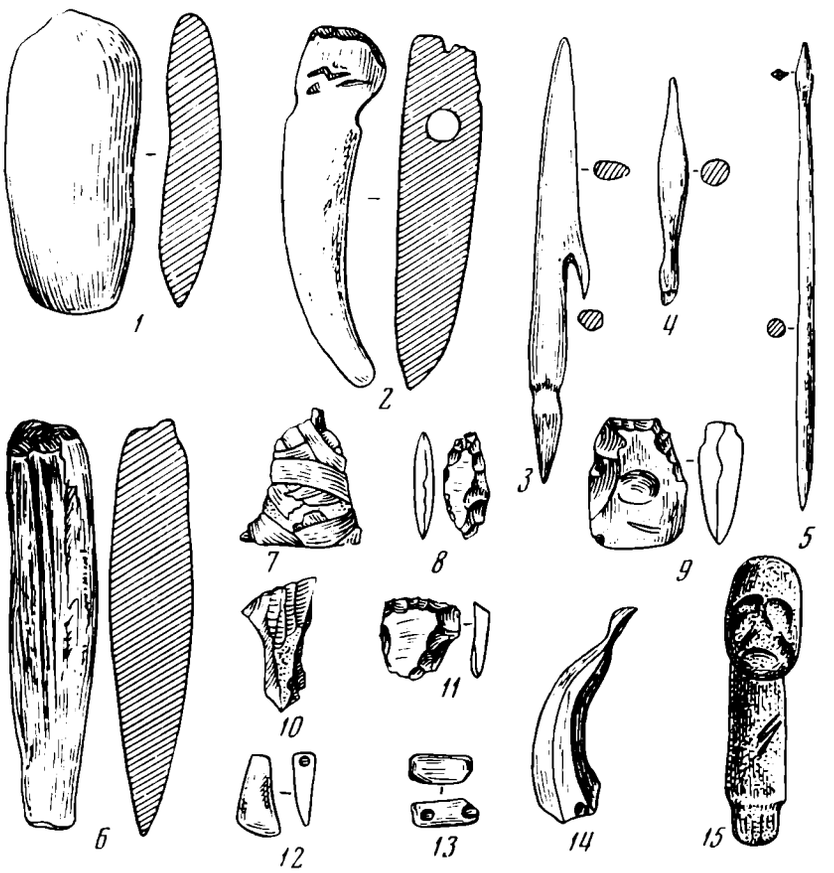


Рис. 12. Осовец 2. Изделия из кости (*1—6, 14*), кремня (*8—11*), янтаря (*12, 13*) и дерева (*7, 15*) нарвской культуры северной Белоруссии

рамике следует искать среди материалов верхнего горизонта поселения Усвяты Великолукской области [43].

Памятники типично ямочно-гребенчатой керамики занимают на территории БССР сравнительно небольшую область севера республики (рис. 9). По характеру материала они близко стоят к довольно хорошо освещенным в печати поселениям с керамикой этого типа в Латвии и Эстонии. На территории Белоруссии носители данной культуры обитали, очевидно, очень непродолжительное время.

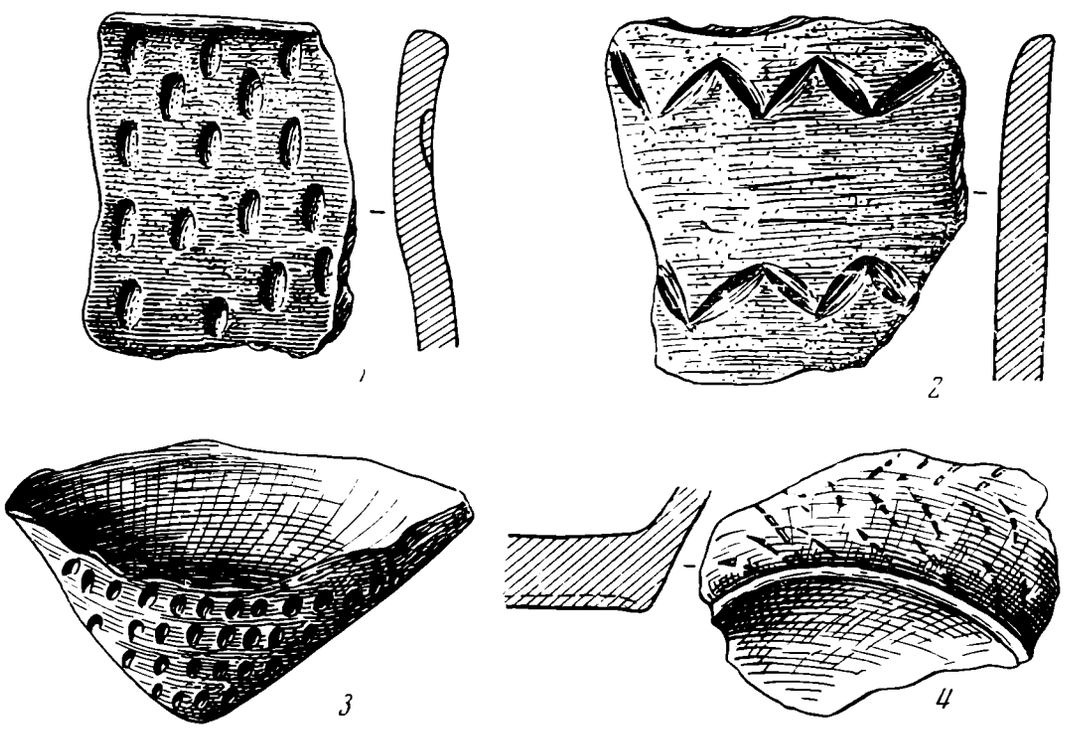


Рис. 13. Фрагменты керамики нарвского типа из поселения Кривина

Еще в 1949 г. на Южном Буге В. Н. Даниленко были раскопаны первые неолитические поселения [44]. Позже, благодаря разведкам П. И. Хавлюка [45] и В. Н. Даниленко, в этом районе открыто несколько десятков неолитических памятников, значительная часть которых исследована южнобугской экспедицией (о. Базьков, Митьков, Сокольцы, Самчинцы, Печора и др.). Основываясь на материалах этих работ, В. Н. Даниленко выделил южнобугскую неолитическую культуру [46], которая после открытия аналогичных памятников на Днестре получила название буго-днестровской [47].

Буго-днестровская культура (БДК) распространена по среднему течению рек Южный Буг и Днестр, где известно свыше 60 поселений и местонахождений (рис. 1). В культурном слое поселений БДК обнаружены кости домашних животных и отмечены следы земледелия. Памятники БДК характеризуются остро- и плоскодонной керамикой с примесью органических (ракушка, трава) и минеральных (песок, дресва) остатков. Известны две основные формы сосудов: горшок, обычно богато украшенный линейным (меандр, вертикальный зигзаг), щипковым, гребенчатым узором, и лощеная миска. Кремень мелкий, микролитиче-

[43] Раскопки А. М. Микляева. Материалы хранятся в Эрмитаже, где мы имели возможность ознакомиться с ними с любезного разрешения автора.

[44] В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі. «Археологія», X, Київ, 1957.

[45] П. И. Хавлюк. Стоянки развитого неолита в северной части среднего течения Южного Буга. КСИИМК, 75, 1959.

[46] В. Н. Даниленко. Неолит Украины...

[47] В. И. Маркевич. Исследование неолита на Среднем Днестре. КСИА, 105, 1965

ский. Обнаружено много роговых продольнолезвийных мотыг (рис. 14). Датируется она VI—V тысячелетием до н. э. В ее развитии выделяется три этапа: ранний, средний и поздний, которые в свою очередь имеют ряд фаз. Могильники БДК неизвестны. Судя по данным родственных культур Балкан, среди носителей БДК присутствовал, вероятно, средиземноморский расовый тип.

За последние два десятилетия заметно возросло количество обследованных поселений культуры линейно-ленточной керамики. На территории

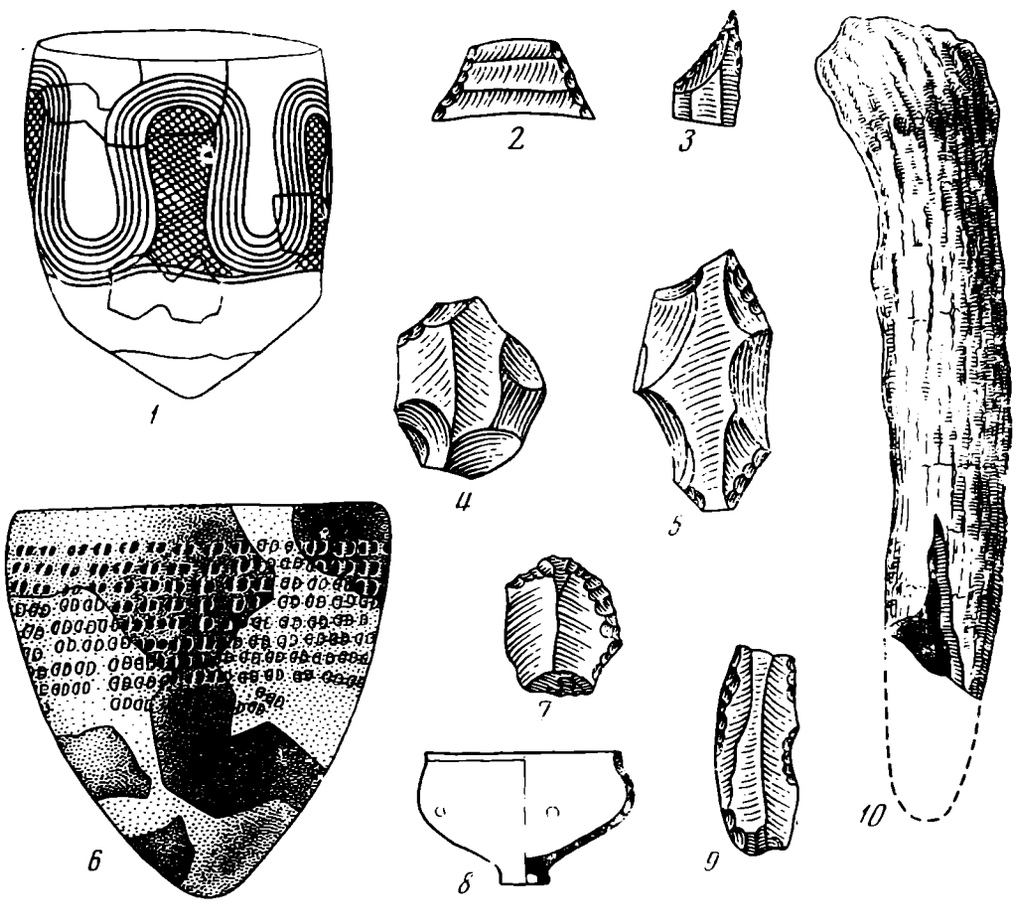


Рис. 14. Базьков остров. Орудия труда и керамика буго-днестровской культуры

СССР обнаружены первые погребения. Часть поселений (Незвиско, Торское, Звенячин) и погребений (Баево, Незвиско) раскопана В. Антоневичем, И. К. Свешниковым, Е. К. Черныш, Ю. Н. Захаруком и др. Благодаря новым раскопкам Т. С. Пассек (Флорешти) и В. И. Маркевича (Н. Русешти) в Молдавии уточнен вопрос о хронологическом взаимоотношении культуры линейно-ленточной керамики и Триполья.

Культура линейно-ленточной керамики (КЛЛК) получила распространение в западных областях УССР и на Волыни, где обнаружено около 20 памятников (рис. 1). Наиболее восточным пунктом этой культуры следует считать открытое в 1959 г. разведкой А. И. Тереножкина поселение у с. Ольшаница Ямпольского района Хмельницкой области (левый берег Горыни), где собрана типичная для этой культуры кухонная и столовая керамика (рис. 15).

Поселения КЛЛК характеризуются полушаровидной лощеной керамикой с плоским дном, украшенной нотным орнаментом. Кухонная посуда с примесью выгорающих остатков орнаментирована налепами. Кремень мелкий; топоры — в виде башмачной колодки (рис. 16). Основными видами занятий племен КЛЛК были примитивное земледелие и скотоводство. Датируется культура IV тысячелетием до н. э. Среди материалов КЛЛК

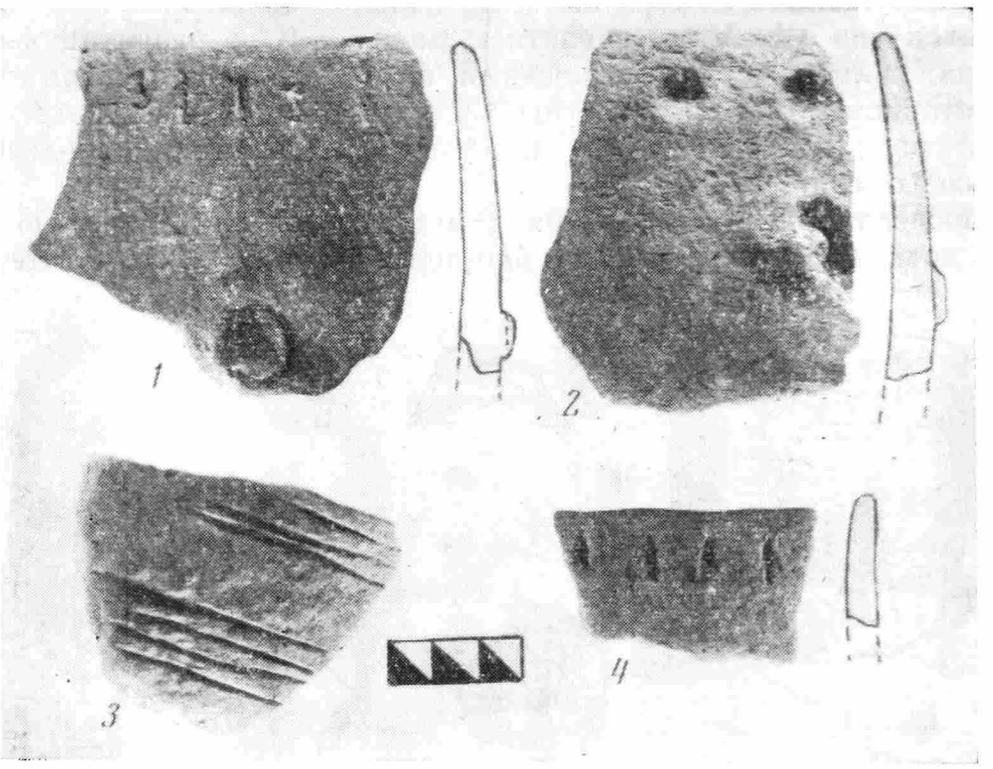


Рис. 15. Ольшаница. Фрагменты керамики линейно-ленточной посуды

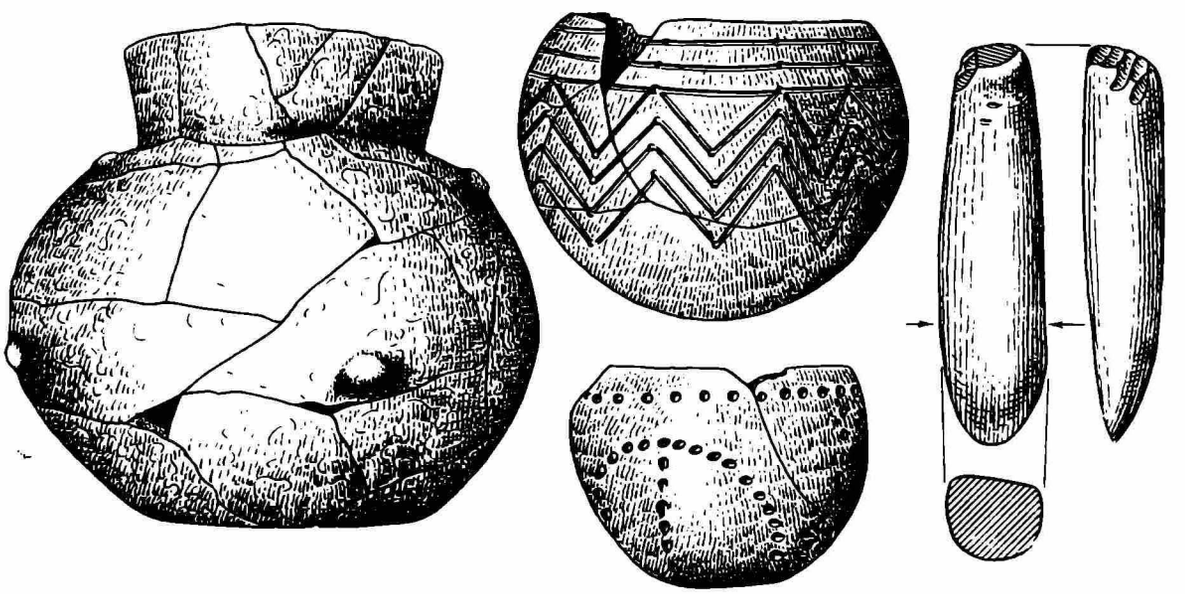


Рис. 16. Незвиско. Сосуды и тесло культуры линейно-ленточной керамики

Украины выделяются более ранние и поздние комплексы. Носителями КЛЛК были средиземноморские племена [48].

Неолитические памятники Закарпатья представлены пока единственным поселением на Малой Горе вблизи г. Мукачево, где после его открытия в 1877 г. в разное время проводили исследования Я. Бем, И. Янкович, Е. Затлукал, К. В. Бернякович и др. [49] Среди керамических находок с

---

[48] Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, БІ—II, М., 1963.

[49] К. Б. Бернякович. Енеолітичне поселення на Малій горі біля м. Мукачево. «Археологія», XX, Київ, 1966.

этого поселения, которые хранятся в Ужгородском музее, имеются материалы тисской и более поздних энеолитических культур Закарпатья.

Материалы тисской культуры представлены плоскодонным, широкогорлым и ребристым сосудом (рис. 17), а также фрагментами от других сосудов и обломком статуэтки. Имеется немного кремневых отщепов и пластин. Характерная черта керамики этого типа — врезной орнамент в виде параллельных линий, образующих меандр и сложный зигзаг (рамчатый стиль). Встречаются налепные шишечки.

Рис. 17. Сосуд тисской культуры из поселения Малая Гора в Закарпатье

Таким образом, за истекшие 60—70 лет изучения неолита Украины и Белоруссии накоплен огромный материал. В настоящее время здесь известно около 600 неолитических поселений и более 20 могильников этого времени. Многочисленные и разнообразные материалы этих памятников позволяют ставить и решать важные вопросы древнейшей истории, связанные с проблемами сложения неолитических культур, их хронологии, состава древнего населения, основных форм хозяйства, искусства, идеологических представлений, верований и т. п.

Первая попытка подвести итоги в изучении неолита Украины была предпринята в свое время Е. Ю. Кричевским и М. Я. Рудынским, а затем, в 1957 г., при написании труда «Нариси стародавньої історії Української РСР» (М. Я. Рудинський, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегин). Аналогичной работой занимается сейчас коллектив авторов первого тома «Археології УРСР» и «Истории БССР».

Как следует из вышеизложенного, в пределах Украины и Белоруссии выделяется 11 неолитических культур и отдельных групп (типов памятников), в том числе буго-днестровская, сурско-днепровская, струмельско-гастатинская, нарвская, неманская, ямочно-гребенчатой керамики Украины, типичной ямочно-гребенчатой керамики северной Белоруссии, днепро-донецкая, культура линейно-ленточной керамики, тисская и Кая-Арасигруппа.

Кроме выделения отдельных культур и групп памятников в неолите Украины давно делались попытки наметить здесь несколько более крупные хозяйственные зоны [50]. По культурно-территориальному и в известной мере этническому признаку перечисленные группы памятников делятся на три основные зоны, или области: область охотничье-рыболовческих северных культур (ДДК, СГГр, КЯГК, Нарва, неманская культура); юго-восточная степная область рыболовческо-скотоводческих культур (СДК, КАГр); область юго-западных земледельческо-скотоводческих культур (БДК, КЛЛК, Тисса).

Членение ранних керамических культур на три культурно-хронологические области хорошо прослеживается и в эпоху меди. Кроме указанных выше неолитических к земледельческо-скотоводческой области относятся культуры триполье, гумельница, а также материалы тиссаполгар, бодрогкерастур в Закарпатье и лендельская или потисская культура Прикарпатья и Волыни. К степной области относятся культуры медного века — среднестоговская, а также группа памятников типа Михайловки — Широкого (МШГр). В позднем энеолите здесь складывается ямная культура.

---

[50] Е. Ю. Кричевский. Древнее население западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, 3, 1940; Нариси стародавньої історії УРСР. Київ, 1957,

К энеолитическому времени на северо-западе республики относятся культуры воронковидных сосудов (КВС) и шаровидных амфор (КША), происхождение которых не без оснований связывают с неолитом Северной Европы.

В нашу задачу не входит рассмотрение энеолитических культур, но мы не можем не вспомнить о них как в связи с выделением культурно-территориальных областей, так и при периодизации неолита УССР и БССР, поскольку они подолгу развивались параллельно с неолитическими культурами.

Проблеме периодизации нео-энеолитических культур юга и юго-запада Европейской части СССР уже посвящена довольно большая литература (Т. С. Пассек, В. Н. Даниленко, Ю. Н. Захарук, Е. К. Черныш, И. К. Свешников, Т. Г. Мовша, Д. Я. Телегин и др.). К сожалению, в большинстве работ затрагиваются лишь вопросы синхронизации отдельных культур или регионов Украины. Только начинают еще набирать силу работы по синхронизации неолита Белоруссии (В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский). Нам кажется, что состояние источников по неолиту и энеолиту Украины и Белоруссии уже таково, что мы можем вместо хронологического сопоставления отдельных культур создать общую синхронизационную схему нео-энеолитических культур Днепровского бассейна и примыкающих территорий всех трех культурно-хозяйственных областей. Возможность создания единой периодизации по неолиту и энеолиту вытекает из фактов продолжительного существования на указанных территориях неолитических и энеолитических культур и тесного переплетения событий в истории древнего населения Украины и Белоруссии, сказывавшихся одновременно на племенах неолита и энеолита почти всех культурнохозяйственных областей. К числу таких событий, которые могут служить вехами в членении нео-энеолитических культур Украины на отдельные периоды, можно отнести: а) сложение культур неолита, б) распространение северных влияний в связи с продвижением на юг кроманьонских племен, в) сложение энеолитических культур правобережной области, г) проникновение на Днепр и в Правобережье среднестоговских влияний, д) распространение трипольских племен, е) проникновение на Украину племен культуры воронковидных сосудов, ж) сложение ямной культуры и т. п.

Учитывая эти и ряд других фактов в неолите и энеолите Украины и Белоруссии, можно выделить пять основных периодов, в том числе два «чисто» неолитических (I Н, II Н) и три периода, нео-энеолитических (III НЭн, IV НЭн и V НЭн). В последнем V НЭн-периоде происходит сложение первых культур эпохи бронзы (рис. 18).

I Н-период (5500—4500 гг. до н. э.) — время сложения древнейших керамических культур в южных областях — юго-западной, юго-восточной, степной; появление буго-днестровской (БДК) и сурско-днепровской (СДК) культур (рис. 1 и 18).

Абсолютный возраст памятников первого периода неолита определяется на основании анализов С-14 с поселений БДК (Сороки II — 4880 ± 150) [51], а также данных о возрасте родственных памятников культуры Криш-Старчево на Балканах, абсолютные даты которых ложатся в пределах 5300—4200 гг. до н. э. [52] Нижняя дата БДК на Днестре фиксируется временем существования здесь бескерамических слоев (Сороки II — 5470 ± 80; 5570 ± 120). О появлении древнейших поселений СДК еще в первом периоде неолита свидетельствует синхронизация более поздних типов керамики этой культуры с материалами ранней фазы ДДК, относящихся уже ко второму периоду неолита.

II Н-период (4500—3800 гг. до н. э.) — время ранних неолитических культур на юге Украины и сложение первых охотничье-рыболовческих

[51] Определение Берлинской лаборатории.

[52] H. Quitta. Radiocarbondaten und die Chronologie des mittel — and südosteuropäischen Neolithikums. Ausgrabungen und Funde. 12, 3, Berlin, 1967.

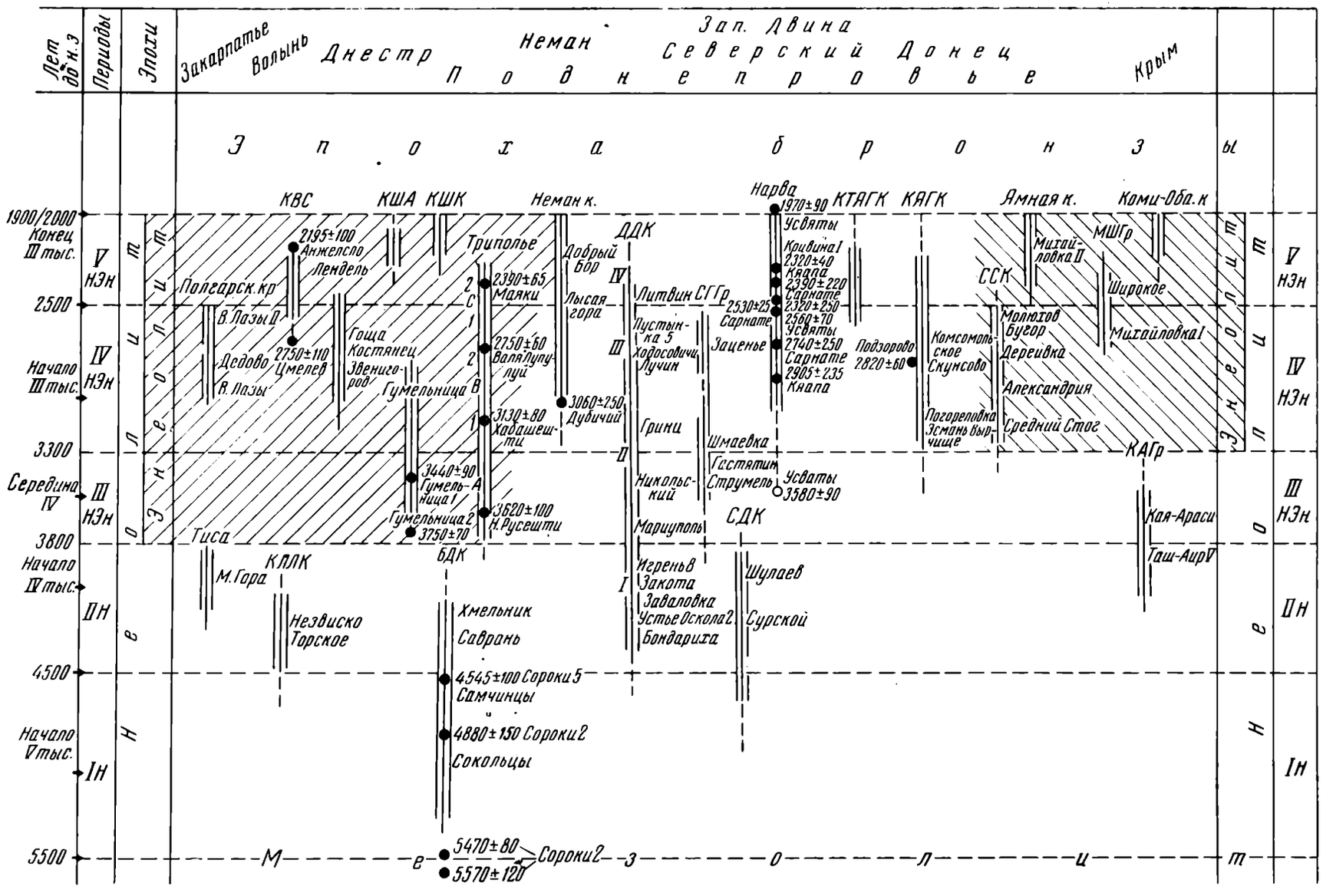


Рис. 18. Периоды в развитии (неолит и энеолит Украины и Белоруссии)

керамических культур в лесных районах Украины и Белоруссии; появление памятников днепро-донецкой культуры (Заваловка, Закота, Бондариха), распространение этой культуры в Надпорожье (Игрень VIII), развитый период СДК; проникновение с запада на Украину КЛЛК; культура Тиссы в Закарпатье; возможно, появление в Крыму первых памятников типа Кая-Араси (Таш-Аир V, рис. 1 и 18).

Определение относительной хронологии и абсолютного возраста культур II Н-периода вытекает из типологических сопоставлений материалов, стратиграфических наблюдений и определений по С-14. О возникновении ДДК в середине V тысячелетия до н. э. свидетельствует тесный контакт этой культуры с поздним этапом БДК (распространение на Буге гребенчатого орнамента, типичного для первого периода ДДК и частичное проникновение на Днепр буго-днестровских мотивов орнаментации керамики — Заваловка).

Весьма надежной следует считать датировку памятников КЛЛК, для которой сейчас имеется более 150 определений по С-14. Данные всех этих анализов довольно кучно ложатся в пределах 4600—4100 гг. до н. э. и лишь в отдельных случаях опускаются до 4750 г. до н. э.[53] Об одновременности среднего этапа БДК с КЛЛК свидетельствуют также найденные на Южном Буге в слое поселения самчинской фазы фрагменты посуды КЛЛК.

Распространяясь на юг, памятники ДДК встречаются в Надпорожье с поселениями развитого периода СДК, что позволяет отнести памятники первой и второй фаз СДК ко второй половине V тысячелетия до н. э. Типологическое сходство керамики развитого периода СДК и памятников типа Кая-Араси в Крыму позволяет поставить вопрос о появлении последних еще в конце V тысячелетия до н. э.

Существование в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. тисской культуры устанавливается по венгерским аналогиям, где памятники Тиссы непосредственно предшествуют культуре Герпаль-Чесгалом, которая датируется по С-14 3645 ± 60 г. до н. э.[54] Около 4000 г. до н. э. помещают Тису и югославские археологи[55].

III НЭн-период (3800—3300 гг. до н. э.) — время расцвета ДДК и максимального проникновения памятников этого типа на юг, вплоть до Приазовья (Мариуполь) и Северного Крыма (Долинка); появление на крайнем юго-западе Украины первых энеолитических культур — трипольской и гумельницкой. В III НЭн-периоде на северо-востоке Украины возникают поселения ямочно-гребенчатой керамики, а в Киевско-Гомельском Приднепровье — памятники струмельско-гастятинского типа (СГГр). Конец СДК и БДК (рис. 6 и 18).

Датировка ранних этапов трипольской и гумельницкой культур началом IV тысячелетия до н. э. устанавливается по С-14 (Н. Русешти —3620 ± ± 100; Вулканешти — 3860 ± 150). Раннетрипольский слой в Н. Русештах лежит выше слоя КЛЛК, что говорит об их относительной хронологии.

Синхронность памятников Триполья А и второго этапа ДДК вытекает из факта находки в могильниках (Никольский) и на поселениях (Пищики, Стрильчая Скеля, Грини) днепро-донецкой культуры трипольских керамических импортов[56].

Появление в III периоде нео-энеолитических культур Украины и Белоруссии памятников типа Струмеля-Гастятина и КЯГК подтверждается многочисленными случаями взаимовлияний струмельско-гастятинской и ямочно-гребенчатой керамики с посудой II периода ДДК[57]. В комплексах второго периода ДДК (Вита Литовская, Грини, Каменка) выделяется, на-

---

[53] Там же, стр. 116.
[54] J. Bognar-Kutzian. Ук. соч., стр. 554.
[55] Д. Срејовић. Данило-Бутмир — Ленфель. Старинар XVIII. 1967. Белград, 1968.
[56] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стр. 192.
[57] Д. Я. Телегин. О хронологии поселений, стр. 32.

пример, особая керамическая группа «а», возникшая здесь под воздействием стрмельско-гастятинских памятников [58].

IV НЭн-период (3300—2500 гг. до н. э.) — время расцвета южных энеолитических культур (Триполье, В — С I, Гумельница). Появление и расцвет среднестоговской культуры (ССК) — Средний Стог II, Деревка, Александрия, Молюхов Бугор; Ленделькая культура с расписной и нерасписной керамикой в Прикарпатье и на Западной Волыни; культуры Бодровского круга в Закарпатье: тисаполгарская и бодрогкерастурская; проникновение на Украину памятников воронковидных сосудов (КВС).

Поздний неолит Украины и Южной Белоруссии, ранний развитой неолит на севере БССР: третий этап ДДК (Пустынка V, Ходосевичи); поздние памятники КЯГК (Комсомольское); начало неманской культуры в Прибалтике, распространение этих памятников в верховьях Западной Двины (рис. 9 и 18); сложение памятников типа Дубичай и перерастание их в лысогорский тип; кратковременное проникновение на север Белоруссии памятников типичной ямочно-гребенчатой керамики (КТЯГК).

Появление в середине IV тысячелетия до н. э. ранних памятников ССК на Днепре и синхронность их с Трипольем В I хорошо показано в работе Т. Г. Мовши, изучавшей факт взаимопроникновения керамических импортов и взаимовлияний в развитии керамики указанных культур [59]. О том, что поздние памятники ССК доживают до первой половины — середины III тысячелетия до н. э., свидетельствуют находки сосудов этапа В II — С I Триполья в погребениях (Деревка, Игрень) и в культурном слое поселений (Молюхов Бугор) этой культуры [60].

Хронология памятников ленделькой культуры с позднеленточной керамикой, обнаруженных за последнее время на западе Волыни, устанавливается главным образом путем синхронизации их с Трипольем. По мнению Ю. Н. Захарука и Н. А. Пелещишина, памятники злотско-волынской группы одновременны Триполью В I, а поселения типа Гоща-Вербковица — этапу В II — С I [61]. Эти выводы в известной мере соответствуют заключению польских исследователей, которые также относят позднеленточную расписную керамику ко времени среднего Триполья [62].

Как установлено работами Ю. Н. Захарука, И. К. Свешникова, А. Н. Пелещишина, памятники ленделькой культуры Волыни сменяются поселениями КВС. Памятники этого типа, которые на территории Центральной и Северной Европы возникли еще в середине IV тысячелетия до н. э. [63], на наших землях появляются на позднем этапе своего развития, где-то в середине III тысячелетия до н. э.

Немногочисленные и еще слабо изученные памятники энеолитического времени в Закарпатье по типологическим особенностям керамического материала могут быть отнесены к полгарскому культурному кругу: тисаполгарская культура (Полгар III) и бодрогкерастурская (Полгар IV) [64]. Памятники более ранних фаз полгарского цикла (I—II) в Закарпатье пока неизвестны. Комплексы тисаполгарской культуры Словакии (Лучка — Тибава), к которым типологически ближе всего стоят материалы закарпатских памятников, словацкие археологи сопоставляют с Кукутени А

---

[58] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стр. 96.

[59] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, 1961, 2.

[60] В. Н. Даниленко. Археологические исследования в 1956 г. в Чигиринском районе. КСИА, VIII, 1959.

[61] Ю. М. Захарук, М. А. Пелещишин. Пам'ятки пізньострічкової кераміки. Научн. арх. ИА АН УССР.

[62] Я. К. Козловский. Некоторые вопросы относительной хронологии неолита Южной Польши. СА, 1967, 4.

[63] Ю. М. Захарук. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лійчастого посуду та Трипіллям. МДСПВ, 2, Київ, 1969.

[64] S. Sisk a. Tiszapolgerska kultura na Slovensku. SA. XVI—I, 1968.

4 — Триполье В II и Гумельница III. Таким образом, учитывая все вышесказанное об абсолютном возрасте культур Кукутени — Триполье и Гумельница, можно датировать энеолитические материалы наших закарпатских поселений (Дедово, В. Лазы, Дяково) в пределах конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э.

С установлением абсолютного возраста ССК стало возможным более определенно говорить о времени существования второго этапа памятников ямочно-гребенчатой керамики северо-востока Украины, несомненные следы влияния которой хорошо зафиксированы в Дереивке [65].

Доживание помятников третьего этапа ДДК до позднего Триполья С/I вытекает из материалов Пустынки-5, где в керамическом комплексе присутствует значительный процент сосудов, украшенных по трипольским мотивам вертикальным полосчатым сглаживанием по венчику и жемчужинами [66].

Сложение неманской культуры в конце IV тысячелетия до н. э. подтверждается датой поселения Дубичай 2 (3060 ± 250 г. до н. э.) [67], установленной по степени минерализации угля из очага. О весьма раннем возрасте ранних памятников этой культуры свидетельствуют и иные, косвенные, данные, в частности определение времени родственных памятников культуры Эртебелле, которая, судя по С-14, относится к концу V — началу IV тысячелетия до н. э.

По данным радиоуглеродных анализов, древнейшие памятники нарвской культуры Прибалтики (Кяпа — 2905 ± 235 г. до н.э.) и более восточных областей (Усвяты —2580 ± 90) датируются началом — первой половиной III тысячелетия до н. э. Для нижней части раннего слоя Усвят (слой Б) получена даже дата 3580 ± 90 г. до н. э. Слой с керамикой, близкой нарвской, на поселении Сарнате (Латвия) относится к первой половине III тысячелетия до н. э. [68] На севере Белоруссии нарвские памятники появились, вероятно, несколько позже (Кривина, нижний слой 2320 ± 40 г. до н. э.) [69].

В заключение рассмотрения вопросов хронологии культур IV НЭн-периода необходимо сказать несколько слов о выделенной за последнее время группе памятников типа нижнего слоя Михайловки (В. Н. Даниленко, О. Г. Шапошникова) и родственных им погребений у с. Широкого (Л. П. Крылова). Появление поселений и могильников михайловско-широчанского типа на юге Украины еще в доямное время (первая половина — середина III тысячелетия до н. э.) доказывается залеганием нижнего слоя Михайловского поселения под раннеямным [70]. Интересно, что в нижнем слое Михайловки обнаружено некоторое количество керамики позднего этапа ССК, что может указывать на их одновременность. Памятники михайловско-широчанской группы существуют и позже, во времена позднего этапа Триполья, о чем свидетельствует находка при одном из погребений Широкого позднетрипольской статуэтки [71]. В культурно-генетическом плане памятники этой группы сливаются с кеми-обинской культурой Крыма эпохи позднейшего энеолита и ранней бронзы.

---

[65] Д. Я. Телегін. Основні риси і хронологія середньостогівської культури. «Археологія», XXIII, 1970.

[66] В. И. Митрофанова. Поздненеолитическое поселение в урочище Лес близ с. Мнево на Черниговщине. «Древности Белоруссии», Минск, 1966; Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стр. 111.

[67] Р. К. Римантене. Ук. соч., стр. 12.

[68] А. А. Лийва, Э. О. Ильвес, Л. Я. Янитс. Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. МИА, 129, 1965, стр. 47; А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, 1.

[69] Сообщение М. М. Чернявского.

[70] Е. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайловское поселение. Киев, 1962.

[71] Л. П. Крылова. Отчет о раскопках курганов на Криворожье в 1965 г. Научн. арх. ИА АН УССР.

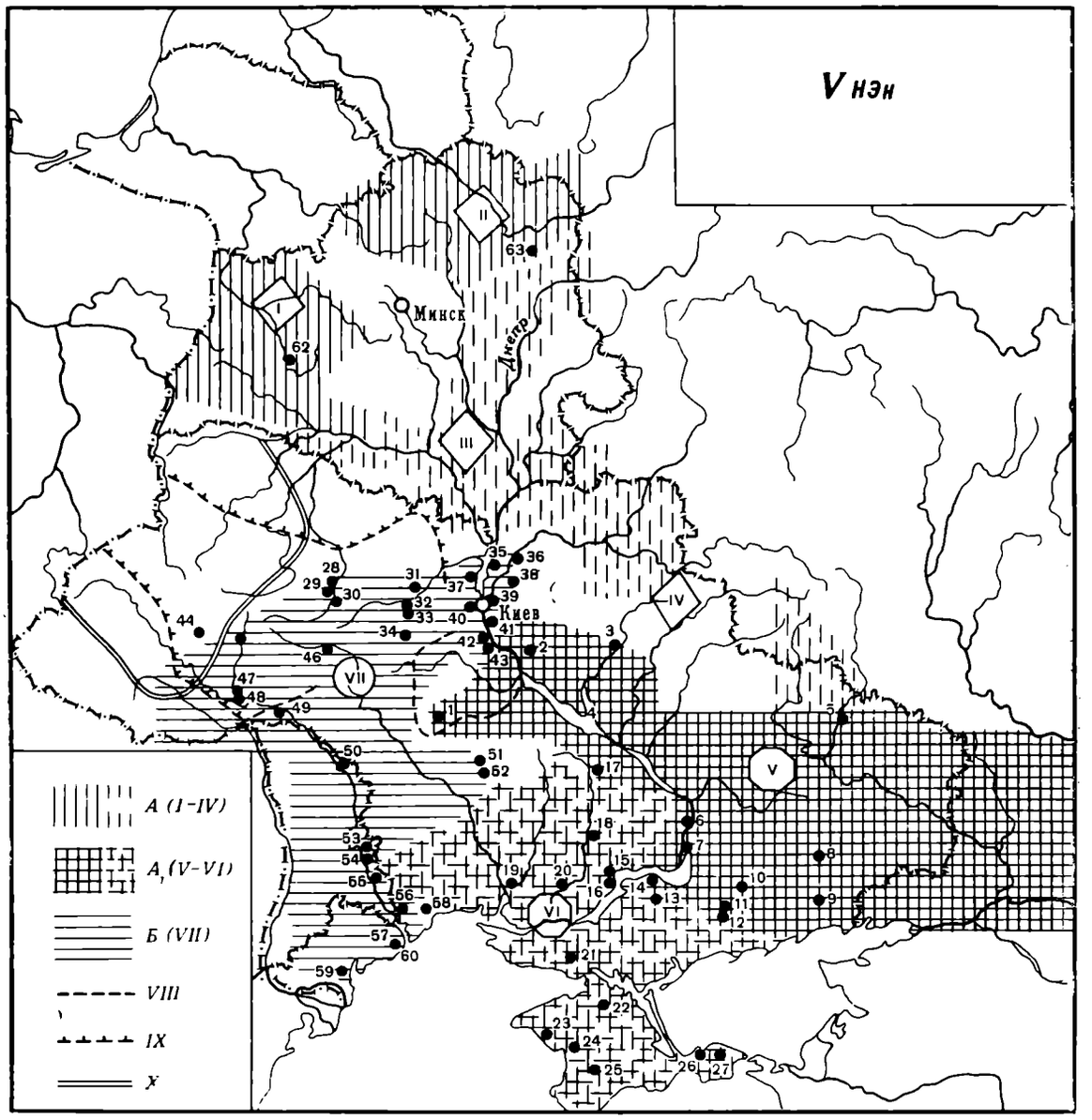


Рис. 19. Украина и Белоруссия в V периоде нео-энеолитической эпохи

А — культуры северной охотничье-рыболовческой области: *I* — неманская, *II* — нарвская, *III, IV* — позднейшие памятники гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики.

A_1 — культуры юго-восточной степной области: *V* — ямная, ранний этап, *VI* — типа Михайловки — Широкого и кеми-обинская. *Б* — культуры Правобережья Украины, Поднестровья, Прикарпатья и Волыни: *VII* — Триполья «С»/*II*; *VIII* — граница распространения среднеднепровской культуры, ранний этап; *IX* — восточная граница культуры шаровидных амфор; *X* — граница культуры шнуровой керамики. *1* — Яцковицы, *2* — Козинцы, *3* — Лубны, *4* — Жовнин, *5* — Александрия, *6* — Скеля, *7* — Кичкас, *8* — Донецк, *9* — Раздольное, *10* — Чингул, *11—12* — Ново-Филипповка, Аккермень, *13* — Первомаевка, *14* — Нижний Рогачик, *15, 16* — Михайловка, Золотая Балка, *17* — Александрия, *18* — Широкое, *19* — Гороховка, *20* — Баратовка, *21* — Каланчак, *22* — Долинка, *23* — Поповка, *24* — Мамай, *25* — Казанки, *26—27* — Астанино, Ильичево, *28* — Новая Черторыя, *29* — Колодяжин, *30* — Войцеховка, *31* — Городск, *32* — Троянов, *33* — Райки, *34* — Паволочь, *35* — Чернин, *36* — Евминка, *37* — Казаровичи, *38* — Лукаши, *39* — Красный Хутор, *40* — Чапаевка, *41* — Софиевка, *42* — Халепье, *43* — Ржищев, *44* — Кошиловцы, *45* — Бильче Злоте, *46* — Сандраки, *47* — Кашпировцы, *48* — Звенячин, *50* — Солончены *II*, *51, 52* — Ермолаевка, Серезлиевка, *53* — Красногорка, *54* — Парканы, *55* — Суклея, *56* — Маяки, *57* — Тудорово, *58* — Усатово, *59* — Нерушай, *60* — Шабалат

V НЭн-период (2500—2000/1900 гг. до н. э.) — время позднего неолита Украины и Белоруссии, поздний энеолит Украины, начало культур эпохи бронзы.

В V НЭн-периоде происходит упадок Триполья С/II: возникают позднетрипольские культуры типа Усатово, Городска, Софиевки; ССК сменяется ямной культурой; на Волыни появляется культура шаровидных амфор; позднейшие неолитические культуры на севере БССР: неманская (Добрый Бор) и нарвская (Кривина II); появление первых культур эпохи бронзы: шнуровой керамики (КШК), среднеднепровской и позднеямной (рис. 18 и 19).

Абсолютный возраст позднетрипольских культур — Усатово, Городск, Софиевка, Лукаши — устанавливается как определениями по С-14 (Маяки — 2390 ± 65; 2450 ± 100), так и путем типологического сравнения позднетрипольского металла с изделиями стран Средиземноморья [72]. По наблюдениям И. К. Свешникова, Ю. Н. Захарука, на Волыни, в Прикарпатье и Западном Подолье поселения КВС сменяются культурой шаровидных амфор [73]. По мнению Ю. Н. Захарука, КША относится к последней четверти III тысячелетия до н. э. [74] Имеющиеся даты для памятников этой культуры в Европе относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э. По общему мнению, КША и позднетрипольские памятники на Украине сменяются памятниками КШК (И. К. Свешников, Ю. Н. Захарук) и среднеднепровской культурой (И. И. Артеменко), которые относятся уже к эпохе бронзы.

В середине III тысячелетия до н. э. происходит процесс сложения ямной и кеми-обинской культур на юге Украины, которые на позднем этапе своего развития (в первой половине II тысячелетия до н. э.) также могут быть отнесены к ранней бронзе. К сожалению, конкретные пути сложения ямной и кеми-обинской культур, их хронологические взаимоотношения с более ранними культурами изучены еще слабо. Для этих культур мы пока не имеем ни одного определения по С-14.

В то время когда на Украине и в южных районах Белоруссии происходил процесс сложения культур эпохи бронзы, на севере и северо-западе БССР все еще процветали синхронные памятникам шнуровой керамики поздненеолитические культуры: неманская, нарвская и позднейшая ДДК. О доживании указанных культур, которые стояли нередко уже на энеолитическом уровне развития (Добрый Бор), до времени шнуровой керамики собрано уже немало фактов [75].

* * *

Предложенная схема хронологического и территориального деления исследуемых памятников, как нам кажется, в значительной степени облегчает понимание основных путей исторического развития населения, обитавшего в V—III тысячелетиях до н. э. в бассейнах рек Днепра, Днестра, Северного Донца, Немана и некоторых других смежных территорий.

Совершенно очевидно, что переход мезолитического населения на неолитический уровень культурного развития охватил прежде всего более южную территорию Украины, где уже около 5500 г. до н. э. среди южного, средиземноморского в своей основе, населения складываются буго-днестровская и сурско-днепровская культуры. Первый период неолита (I Н), таким образом, еще полностью связывается с культурами юга, где уже в это время намечается две этнокультурно-хозяйственные области: юго-западная земледельческо-скотоводческая и юго-восточная скотоводческо-рыболовческая.

Население более северных районов Украины и Белоруссии, как и иных смежных территорий Восточной Европы, в это время переживало еще мезолитический этап своей истории.

В начале второго периода неолита (около 4500 г. до н. э.) Украины и Белоруссии наряду с возрастанием количества неолитических культур на юге (КЛЛК, Тиса, КАГр) неолитическая «революция» распространяется

---

[72] В. Г. Збенович. Про кинджали усатівського типу. «Археологія», XX, Київ, 1966.

[73] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, XII, 1962; І. К. Свешніков. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львов, 1958.

[74] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии..., стр. 51.

[75] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стр. 123; В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии. «Белорусские древности». Минск, 1967.

и в северную охотничье-рыболовческую зону, т. е. в область обитания позднекроманьонского населения, что приводит к сложению на Среднем Днепре и Северном Донце днепро-донецкой неолитической культуры. Обогащенные достижениями (скотоводство, гончарное производство), заимствованными у своих южных соседей, поздние кромаиьонские племена Среднего Поднепровья начинают активно проникать на юг, вытесняя или ассимилируя южные неолитические племена, в частности носителей СДК и ЕДК. Процесс расселения днепродонецких племен на юг получил еще больший размах в последующее время (III НЭн-период).

Во втором неолитическом периоде заканчивается собственно неолитическая эпоха Украины, так как в последующее время население юго-западных областей вступает уже на энеолитический этап развития.

Третий относительно короткий (3800—3300) нео-энеолитический период в истории населения исследуемой территории характеризуется по крайней мере двумя важными событиями. Во-первых, значительным продвижением на юг северного позднекроманьонского населения, образовавшего своеобразный северный, днепровский «кроманьонский» клин, и, во-вторых, возникновением на Украине первых энеолитических культур — трипольской и гумельницкой, сложившихся в пределах юго-западной культурно-территориальной области.

Создателями северного клина были позднекроманьонские племена ДДК, достигшие к этому времени (середина IV тысячелетия до н. э.) своего расцвета. Этот клин своей основой опирался на бассейн Припяти, Киевское Приднепровье, низовье Сейма, а его острие проникало до Приазовья и в Северный степной Крым. Продвигаясь на юг, позднекроманьонское население ДДК в районе Надпорожья и в низовьях Днепра разделило до того стыкающиеся области юго-западных земледельческо-скотоводческих и восточных скотоводческо-рыболовческих культур носителями БДК и СДК.

Высокорослые широколицые позднекроманьонского типа пришельцы, которые еще раньше потеснили племена Южного Бута, теперь полностью ассимилируют население сурско-днепровской культуры. Остатки последнего и близкого к нему по культуре населения, возможно, сохраняются лишь в Горном Крыму и в районе Нижнего Дона.

Еще в конце II Н-периода исчезают также земледельческо-скотоводческие культуры линейно-ленточной керамики в западных областях Украины и культуры Тиссы в Закарпатье.

Таким образом, III НЭн-период — это время решительного преобладания в Поднепровье северного позднекроманьонского элемента, наводнившего собой почти половину современной территории УССР и, очевидно, всю Белоруссию.

Возможно, под влиянием ДДК в III НЭн-периоде местное мезолитическое население Северной Белоруссии также переходит на неолитический этап развития (Дубычай).

Четвертый нео-энеолитический период, охватывающий примерно 800 лет древнейшей истории Украины и Белоруссии, характеризуется в основном событиями, связанными с процессом отлива человеческих масс в обратном, северном направлении. Это было время (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.) доминирования в Поднепровье населения южных энеолитических культур. Процесс постепенного «отвоевания» территории у северного кроманьонского населения южными племенами начался с довольно быстрого расселения среднестоговских племен в лесостепное Левобережье и Среднее Поднепровье, где они к началу III тысячелетия до н. э. вышли на линию современных городов Изюм — Полтава — Черкассы, а после пересечения Днепра достигли района современного Кировограда. Совершенно аналогичная картина наблюдается и на правом берегу Днепра, где трипольские, в своей основе средиземноморские племена, на этапе В / II — С / I проникают на Днепр в район Канева и Киева, а местами переходят и на Левобережье Украины. Примерно в это

же время на Нижнем Днепре и в Северо-Восточном Причерноморье появляется новое население, проникшее сюда, очевидно, из Северного Кавказа через Крым и оставившее после себя памятники типа Михайловки-Широкого.

Показательно, что именно в IV НЭн-периоде после значительного перерыва на Волыни и в Прикарпатье снова появляются носители культур южного типа с линейно-ленточной расписной и нерасписной керамикой. Возможно, их продвижение далеко на восток следует также объяснять ослаблением на Украине активности северного позднекроманьонского населения.

В результате миграции племен среднестоговской и трипольской культур на север господствовавшие ранее на Среднем Днепре племена ДДК были полностью вытеснены. В результате этого брешь, проделанная ранее северным днепровским клином в едином фронте южных культур, теперь была полностью ликвидирована. Территория распространения левобережных степных и правобережных земледельческо-скотоводческих племен в IV НЭн-периоде снова, как и в первом периоде неолита, плотно сомкнулась.

Остатки днепро-донецкого населения в IV НЭн-периоде (потесненного, кстати, на северо-востоке племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики) продолжали обитать лишь на крайнем севере Украины и на юго-востоке Белоруссии. Здесь эти племена с родственным им по культуре населением неманской, а также поздненарвской культуры продолжали, очевидно, существовать и в V НЭн-периоде вплоть до конца нео-энеолитической эпохи. Таким образом, южные культуры в IV НЭн-периоде не достигли территории современной БССР и остановились где-то на широте севернее Киева.

В V НЭн-периоде, длившемся около 500 — 600 лет (2500 — 2000/1900), сходят с исторической арены почти все культуры Украины, носители которых играли ранее в истории заметную роль. Распадается на локальные варианты и «варваризуется», а затем исчезает совсем трипольская культура. На базе ССК, очевидно с притоком новых масс населения с востока, севера и юга, складывается ямная культура, начало формирования которой, возможно, следует относить еще к концу IV периода. В конце V НЭн-периода и в начале эпохи бронзы эта культура занимает весь юг Украины. Появившиеся в IV НЭн-периоде памятники типа Михайловки — Широкого перерастают в культуру, близкую кеми-обинской, существование которой также связывается уже с ранними этапами бронзы Украины.

Среди событий V НЭн-периода, имевших место на севере Украины и в Белоруссии, перед распространением культур эпохи бронзы, следует назвать продвижение в западные области БССР и УССР энеолитических племен культуры шаровидных амфор, сменивших здесь население культуры воронковидных сосудов. Носители КША обитали здесь, однако, недолго и были вытеснены на всей территории от Западного Буга до Поднепровья различными вариантами культуры шнуровой керамики.

D. Ya. Téléguine.

A PROPOS DE LA DIVISION CULTURELLE ET TERRITOIRIALE ET LA PÉRIODISATION DES MONUMENTS NÉOLITHIQUES DE L'UKRAINE ET DE LA BIÉLORUSSIE

Résumé.

Dans les limites de l'Ukraine et de la Biélorussie on distingue onze cultures et groupes (types) de monuments néolithiques, notamment: de Bug-Dniester, de Soura-Dniepr, groupe de Kaï-Aras, cultures de la céramique linéairo-rubanée, de Tissa, de Dniepr-Donetz, groupe de Stroumel-Gastiatine, culture de Narve, celle de Niémen, celle de la céramique au peigne et aux fossettes de l'Ukraine et celle de la céramique typique au peigne et aux fossettes de la Biélorussie septentrionnale.

D'après les indices culturaux et territoriaux, économiques et éthniques les groupes de monuments ci-mentionnés sont divisés en trois zones ou régions essentielles: 1) région des cultures des tribus septentrionaux pratiquant la chasse et la pêche; 2) région steppique du sud-est des cultures des tribus pratiquant la chasse et l'élevage; 3) région des cultures du souest des tribus pratiquant l'agriculture et l'élevage. Cette division des cultures céramiques anciennes en trois régions selon les indices culturaux et territoriaux est également bien perceptible à l'époque du Cuivre.

Les époques néolithiques et énéolithique en Ukraine et en Biélorussie peuvent être subdivisées en cinq périodes essentielles dont deux sont purement néolithiques et trois néo-énéolithiques. Au cours de la dernière (cinquième) période les premières cultures de l'époque du Bronze commencent à se former.

I-ère période: (5500—4500 ans avant notre ère) — le temps de la formation des plus anciennes cultures de céramique dans les régions méridionnales où l'on pratiquait l'agriculture et l'élevage, notamment de la culture de Bug-Dniester et de celle de Soura-Dniepr.

II-me période (4500—3800) — les étapes développée et tardive de la culture de Bug-Dniester et de celle de Soura-Dniepr; la diffusion de la culture de ceramique rubanée au peigne en Ukraine; la formation de la culture de Dniepr-Donetz.

III-me période (3800—3300) — un plein essor de la culture de Dniepr-Donetz, l'apparition des monuments se rapportant à la céramique au peigne et aux fossettes, la formation des premières cultures énéolithiques dans le sud de l'Ukraine, notamment celles de Goumelnitsy et de Tripolié.

IV-me période (3300—2500) — la formation des cultures néolithiques dans le nord de la Biélorussie (culture de Doubytchaï, celle de Niémen), l'apparition des cultures énéolithiques dans la zone steppique de l'Ukraine (culture de Stogovo moyen, celle du type de la couche inférieure de Mikhaïlovka), en Volhynie (Gochtcha) et aux Transkarpathes (V. Lazy, Dédovo et d'autres).

V-me période (2500—2000 (1900) — l'Enéolithique tardif en Ukraine et en Biélorussie (Tripolié C-2, les cultures des récipients en forme d'entonnoir et des amphores sphériques); les cultures néolithiques au nord de l'Ukraine et de la Biélorussie, l'apparition des cultures de l'époque du Bronze (du Dniester moyen, de la céramique cordée et d'autres).

В. Ф. ФИЛАТОВА

РУССКО-КАРЕЛЬСКИЙ ТИП ОРУДИЙ В НЕОЛИТЕ КАРЕЛИИ

Русско-карельский тип сланцевых орудий [1] явился одним из факторов, послуживших основой для выделения Карельской археологической культуры [2]. Своеобразие формы, не обусловленное функциональным назначением такого типа топоров [3], а также совершенная техника шлифования (полировка) [4] выделяют эти орудия среди прочих карельских изделий из камня.

Русско-карельский тип характеризуется рядом признаков, главный из которых — трапециевидность поперечного сечения [5]. А. Я. Брюсов различал раннюю и позднюю форму этого типа [6]. Обе они, несмотря на некоторые отличия, имеют и общие черты: тщательную шлифовку по всей поверхности, слегка округлое с боков лезвие, прямой обух. Грани на спинке могут быть четкими или слегка размытыми, сглаженными. Иногда они одинаковы по ширине почти по всей длине орудия, за исключением лезвия, где средняя грань расширяется [7]. Часто равны по ширине лишь две боковые плоскости, тогда как средняя имеет в плане треугольную форму [8]. Нередко грани идут не с самого обуха, а немного отступя от него [9]. При всех вариациях формы трапециевидность поперечного сечения остается неизменным и определяющим признаком.

А. Я. Брюсов, выделяя комплекс карельских неолитических орудий, опирался в основном на материалы коллекций ГИМа, Эрмитажа, КГМ. Эти коллекции, собранные в различных районах бывшей Олонецкой губернии в течение XIX в., составлены из случайных находок, не связанных с другими остатками материальной культуры [10]. Часть коллекций происходит из сборов на огромной площади, где могли размещаться разновременные памятники [11]. Помимо этого привлекался также материал из сборов на стоянках, размытых водой (на озере Лососинном и Машозере [12]).

Памятники, исследованные раскопками, немногочисленны [13]. Русско-карельский тип встречен только на одном из них — I Сунской стоянке (4 экз.) [14].

---

[1] А. Я. Брюсов все сланцевые орудия этого типа независимо от формы заточки лезвия называет топорами. В нашем понимании топорами являются орудия, заточенные симметрично. Орудия, близкие или равные по размерам топорам, но с асимметричной заточкой, я называю теслами.

[2] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 31.

[3] Там же, стр. 7.

[4] Там же, стр. 39—40.

[5] Там же, стр. 72.

[6] Там же. Приложение 7, табл. VIII, *5*; табл. IX, *6*.

[7] Там же, приложение 1, рис. 64, 95, 99.

[8] Там же, рис. 98, 100, 108; приложение 5, табл. VI, *31*.

[9] Там же, приложение 2^6, табл. 1, *3*.

[10] Там же, приложение 2^6.

[11] Там же, стр. 245.

[12] Там же, стр. 265—267.

[13] Там же, приложение 3, 4, 5.

[14] Там же, табл. VI, *31*.

Помимо русско-карельского на исследованном памятнике представлены и другие типы орудий: три топора с прямоугольным поперечным сечением и два — с овальным. Все орудия I Сунской стоянки сопровождались смешанным керамическим комплексом из трех типов различной по происхождению керамики (сперрингс, ямочно-гребенчатой и асбестовой) [15] Этот керамический комплекс был признан самым древним, а время существования стоянки определено концом III тысячелетия до н. э.[16] К тому же времени отнесли появление русско-карельского типа, который доживает до середины II тысячелетия до н. э. [17]

В процессе дальнейшего археологического освоения территории Карелии выяснилось, что эпоха неолита начинается здесь с III тысячелетия до н. э.[18] Уже ранний этап неолита характеризуется многообразием керамических комплексов. Один из них представлен керамикой сперрингс, другой — ямочно-гребенчатой. Оба типа отличаются друг от друга происхождением и временем появления в Карелии [19].

Автор этой схемы предпринял попытку выделить для каждого типа керамики свой арсенал орудий. Анализ был сделан на материале стоянок Пушсовхоз 2 с чистым комплексом сперрингс и Вой-наволок 5 с таким же комплексом ямочно-гребенчатой посуды. Общее заключение гласило, что для обоих типов керамики, а следовательно, и для обоих разновременных комплексов, различных и по происхождению, характерны одни и те же формы орудий (и наряду с прочими русско-карельский тип) [20].

Однако к этому типу были отнесены орудия, неоднородные по признакам: округлые в поперечном сечении топоры со стоянки Пушсовхоз 2 [21] и трапециевидные в сечении русско-карельские топоры (Вой-наволок 5) [22]. Несмотря на различия, все орудия объединены в один русско-карельский тип, который характеризует и оба столь своеобразных типа керамики [23].

Во всех последующих трудах по археологии Карелии основное внимание уделялось керамике [24]. Характеристика орудий давалась в общих чертах и для каждого исследованного памятника отдельно [25]. Большой материал опубликованных Н. Н. Гуриной стоянок позволил наметить для каждого этапа неолита Карелии характерные формы орудий. Таким был признан и русско-карельский тип. Из всех 19 опубликованных стоянок [26] он обнаружен только на трех: Сямозеро I — 1 экземпляр, Курмойла I — 1 экземпляр, Соломенное I — 1 экземпляр [27]. Первая стоянка содержит ямочную керамику, два последние — смешанный комплекс ямочной, сперрингс и асбестовой керамики. Все три памятника отнесены к развитому неолиту (середина III — середина II тысячелетия до н. э.) [28]. Ни на одной из стоянок эпохи раннего неолита русско-карельского типа нет. В то же время топоры и тесла на этих памятниках встречались в значительном количестве и самых разных форм.

---

[15] Там же, стр. 22—23.

[16] Там же, стр. 294.

[17] Там же, стр. 156, прим. 22; его же. Археологические памятники III—I тысячелетия до н. э. в Карело-Финской ССР. «Археологический сборник», Петрозаводск, 1947, стр. 21.

[18] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 96.

[19] Там же, стр. 94, 101, 137.

[20] Там же, стр. 81.

[21] Там же, рис. 4, *3—5*.

[22] Там же, стр. 97.

[23] Там же, стр. 137.

[24] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961; М. Е. Фосс. Древняя история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952.

[25] Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 190—278, рис. 11.

[26] Имеются в виду поселения эпохи неолита, содержащие керамику (Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 190—278).

[27] Там же, стр. 218, 244; рис. 81, 7.

[28] Там же, табл. II.

В 1964 г. вышла монография Г. А. Панкрушева, в которой на огромном материале старых и новых памятников дана развернутая характеристика каменного инвентаря[29], разделенного на хронологические этапы[30]. Собственно неолитом является первый хронологический этап, характеризующийся двумя типами керамики: сперрингс и ямочной, существующих как в чистых комплексах, так и смешанно на одном поселении одновременно[31]. Орудия этого этапа очень разнообразны, в их число входит и русско-карельский тип[32]. Из общего числа 146 топоров и тесел со стоянок этого этапа данный тип представлен 16 экземплярами[33]. Время его появления определено второй половиной III тысячелетия до н. э.[34]

Комплекс орудий первого этапа выделен Г. А. Панкрушевым по материалам стоянок этого времени, разделенных, как уже отмечалось, на три керамических комплекса. Русско-карельский тип происходит с поселений, содержащих ямочную керамику чистого комплекса и стоянок со смешанным одновременным комплексом керамики[35]. На поселениях с чистым комплексом керамики сперрингс этот тип представлен одним экземпляром со стоянки Пески II[36], содержащей керамику сперрингс стадии расцвета — конец III тысячелетия до н. э.[37] Тесло русско-карельского типа с этой стоянки по форме и технике шлифования резко выделяется среди прочего инвентаря поселения — орудий, их обломков и заготовок. В комплексе стоянки оно, безусловно, чужеродное.

В процессе работы над каменными орудиями карельских поселений автор данной статьи просмотрел инвентарь всех поселений, исследованных в течение 1955—1969 гг.[38] Эти памятники, общим числом около 800, представляют все эпохи начиная с мезолита и включая раннежелезный век. Русско-карельский тип обнаружен на 30 стоянках в количестве 39 экземпляров (5 топоров и 34 тесла). Он отсутствует на мезолитических памятниках и на поселениях с чистым комплексом керамики сперрингс[39]. Все другие памятники, где есть этот тип, содержат либо одну ямочную керамику разных стадий развития, либо смешанные комплексы ямочной керамики и сперрингс, а также ямочной, сперрингс и асбестовой. Они относятся к III—II тысячелетиям до н. э., причем большая их часть — ко II тысячелетию до н. э. Кроме того, памятники содержат большое число топоров и тесел других форм.

Все стоянки, где обнаружен русско-карельский тип, имеют одну общую черту: присутствие ямочной керамики. Она представлена разными стадиями развития — от древнейшей ямочной до развитой, энеолитического облика.

Известно, что ямочная керамика появилась в Карелии вместе с переселенцами из Волго-Окского междуречья в начале III тысячелетия до н. э.[40]

---

[29] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964, стр. 18—25.

[30] Там же, стр. 54—56.

[31] Там же, стр. 53.

[32] Там же, стр. 55.

[33] Там же, приложение I, табл. 2.

[34] Там же, стр. 55.

[35] Этот вывод сделан в результате просмотра инвентаря всех поселений, отнесенных Г. А. Панкрушевым к первому хронологическому этапу.

[36] Г. А. Панкрушев. Ук. соч., приложение IV, табл. 26, *4*.

[37] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. В кн. «Новые памятники истории древней Карелии». М.— Л., 1966, рис. 15. Архив Карельского филиала АН СССР. 1957, ф. I, оп. 20, № 83, стр. 6—10.

[38] Все эти данные взяты из отчетов Карельской археологической экспедиции за 1955—1969 гг. (Архив Карельского филиала АН СССР), а также явились результатом личного просмотра каменного инвентаря памятников.

[39] Такие орудия отсутствуют на поселениях с чистым комплексом керамики сперрингс, исследованных Н. Н. Гуриной.

[40] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 98.

Пришельцы застали здесь вполне сложившуюся материальную культуру, истоки которой были заложены еще в мезолите [41]. В среде местных племен примерно во второй половине IV тысячелетия до н. э. возникла керамика сперрингс [42]. В каменной индустрии позднемезолитического и ранненеолитического этапов этой культуры не наблюдается никаких начальных стадий зарождения русско-карельского типа. Техника изготовления местных орудий, а также их типы кардинальным образом отличаются от приемов изготовления и форм русско-карельского типа. Последний появился уже со своими приемами изготовления, неизвестными у местных племен: техникой шлифования, близкой к полировке, и первичным приемом крутого скола по болванке произвольных очертаний.

Самой ранней стоянкой, где обнаружен русско-карельский тип, является Соломенное IV, расположенное в районе Петрозаводска. Высота стоянки над уровнем Онежского озера 5 *м* [43]. Она датируется началом III тысячелетия до н. э. [44] Керамический комплекс стоянки смешанный (керамика сперрингс и ямочная), но одновременный. Подавляющее большинство керамики составляет ямочная (116 фр.), а сперрингс обнаружено всего три фрагмента. Ямочная керамика Соломенного IV не самая ранняя из известной в Карелии, но все же достаточно древняя [45].

Русско-карельский тип этой стоянки представлен четырьмя орудиями. Одно из них целое (рис. 1, *8*), остальные незакончены (рис. 1, *7*). Первичным приемом скола им придана трапециевидная форма; некоторые грани зашлифованы; техника шлифовки близка к полированию.

Большинство всех известных в Карелии орудий русско-карельского типа происходит со стоянок конца III—II тысячелетия до н. э. со смешанным керамическим комплексом, содержащим три типа керамики. Реже они встречаются на стоянках с чистым комплексом развитой ямочно-гребенчатой керамики энеолитического облика. И совсем редко — на стоянках с ямочной керамикой и сперрингс, существующих одновременно на одном поселении (на 15 стоянках найдено всего семь экземпляров, общее же число сланцевых орудий — 176).

Существуя столь длительное время, русско-карельский тип, безусловно, претерпевал изменения в форме, размерах и т. д. Однако определяющий его признак — трапециевидность поперечного сечения — оставался неизменным (рис. 1, *1—6*, *9*). Неизменным было и сопровождение этих орудий ямочной керамикой.

Основная масса орудий этого типа происходит с поселений в низовьях р. Выг, в районе г. Беломорска (15 экземпляров из 39). Все здешние стоянки содержат ямочную керамику и относятся ко II—I тысячелетиям до н. э. В других районах подобные орудия встречаются реже, по одному-два экземпляра на поселении, за исключением некоторых стоянок северного побережья Онежского озера (Вой-наволок 5, 9 и др.).

Из всего сказанного следует, что русско-карельский тип орудий нельзя считать характерным для неолита Карелии, т. е. для второй половины IV — первой половины III тысячелетия до н. э. Он распространился позднее, во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. Существовавшая здесь до прихода племен — носителей ямочной керамики

---

[41] Г. А. Панкрушев. Археологическое изучение Карелии. В кн. «Научная конференция Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». 30 октября 1967 г. Сокращенные доклады. Петрозаводск, 1968, стр. 28—45.

[42] Там же: его же. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений, стр. 40.

[43] Отчет Карельской археологической экспедиции 1955 г. Архив Карельского филиала АН СССР. 1955, ф. I, оп. 14, № 18, стр. 7—9.

[44] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений, рис. 18.

[45] Там же, стр. 40; его же. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 57.

культура к этому времени ассимилируется пришельцами. В каменной индустрии появляются новые формы, неизвестные прежде. Одной из таких форм и был русско-карельский тип, который появился на территории Карелии уже в сложившимся виде и вместе с ямочной керамикой.

Однако этот тип орудий до сих пор считается как бы олицетворяющим всю эпоху неолита Карелии. Местное, карельское происхождение его ни у кого не вызывает сомнений, а все случаи нахождения этих орудий за пределами Карелии объясняются торговыми связями [46].

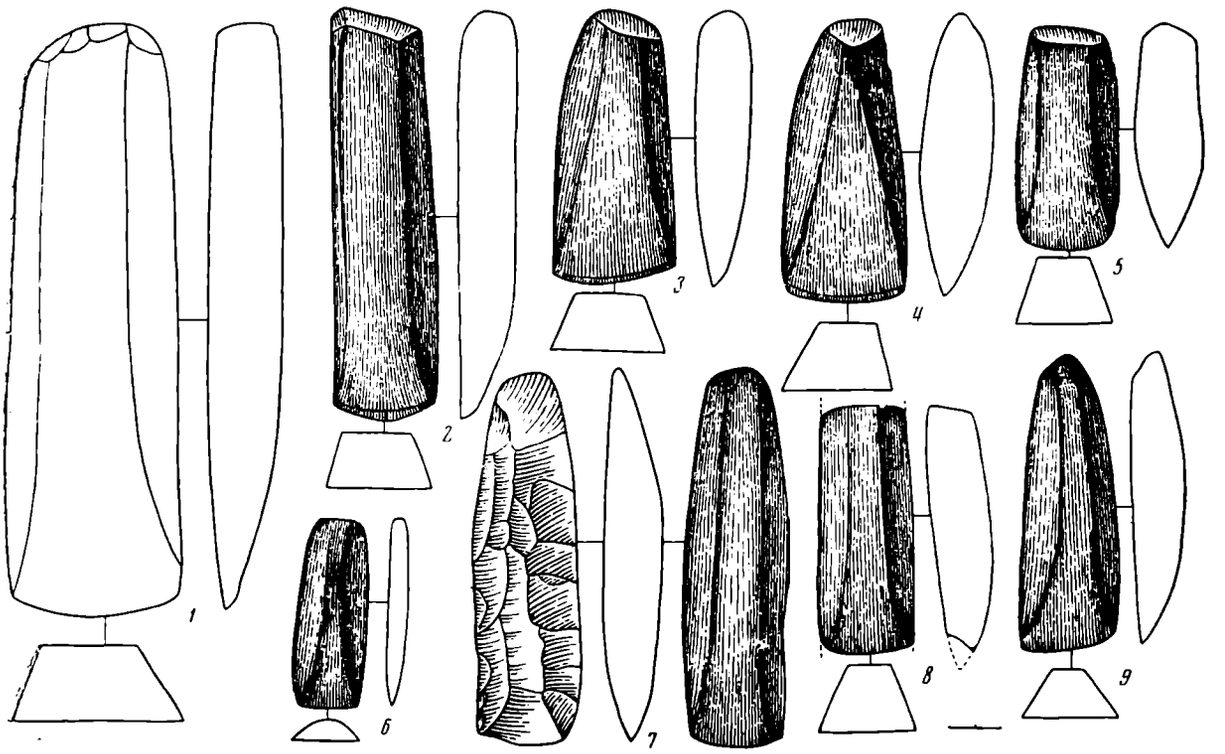


Рис. 1. Русско-карельский тип топоров и тесел

1—4, 6—9 — тесла; *5* — топор; сланец. *1* — Ялгуба III, *2* — Сулгу Уа, *3* — Золотец I, *4* — Залавруга II, *5* — Бесовы следки II, *6* — Вой-наволок XXIV, *7—8* — Соломенное IV, *9* — Ялгуба II

Одним из доводов в пользу зарождения этого типа на территории Карелии служит материал [47]. Однако сланец считается типичным сырьем и во многих других районах: в Архангельской области, где сланцевые орудия насчитываются десятками [48], Ленинградской и Новгородской [49], Костромской [50], Волго-Окском междуречье, в частности, на территории волосовской культуры, для которой сланцевые орудия вообще типичны [51]. Широко распространены изделия из сланца в Прикамье и Волго-Камье [52].

---

[46] М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 196; е е ж е. Культурные связи севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. СЭ, 1948, 4.

[47] Русско-карельский тип в Карелии изготовлялся не только из зеленого сланца, распространенного в окрестностях города Петрозаводска. Большинство изделий сделаны из серого или темно-серого сланца различной плотности и зернистости.

[48] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 108, 220.

[49] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада..., стр. 40—43.

[50] Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское. МИА, 110, 1963, стр. 41.

[51] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, 22, М., 1953, стр. 44.

[52] Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, 1, 1940, стр. 34—35; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. МАЭ, 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 67—68; е г о ж е. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 94; Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1968, стр. 87.

Тот факт, что во всех этих районах сланец не является господствующим сырьем, объясняется наличием здесь кремня, более пригодного для крупных рубящих орудий с острым прочным лезвием.

При столь широком распространении сланца вряд ли можно считать все изделия из него, в том числе и русско-карельский тип, привозным из Карелии. С неменьшим успехом родиной сланцевых изделий могла быть любая из названных территорий.

Сомнение в карельском происхождении русско-карельского типа вызывает и отсутствие его в местной ранненеолитической культуре, а также его немногочисленность по сравнению с прочими типами топоров и тесел [53]. В то же время этот тип известен в других областях на многих памятниках: в Архангельской [54] (стоянки Кубенино, устье реки Кинемы, Ягорба II, Модлона I и II [55]), Ленинградской (Усть-Рыбежна I, Приладожские, Вознесенская и др.) [56], Новгородской [57] областях. Пять экземпляров этого типа обнаружено в Сибири [58]. Идентичны русско-карельскому типу сланцевые орудия стоянок из района Вычегды [59] и Прикамья [60]. Близки ему и некоторые изделия из Прибалтики [61]. Сравнительно часто эти орудия встречаются в Финляндии и даже в Швеции [62]. В центральной части лесной зоны русско-карельский тип обнаружен на многих неолитических памятниках, в том числе на древнейшем из них [63]. На некоторых стоянках интересующие нас орудия представлены значительным числом [64]. Нередко они изготовлены из кремня с последующей зашлифовкой [65]. Более того, для некоторых областей русско-карельский тип признан характерным: например, для района озера Лача [66], Белого озера и Поволжья [67], а также Прикамья [68]. Орудия, идентичные русско-карельскому типу, считаются характерными для балахнинской [69] и волосовской культур [70]. Следовательно,

---

[53] Г. А. Панкрушевым выделено 11 типов топоров и тесел, характеризующих собой все археологические эпохи Карелии (Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 20). Общее количество орудий русско-карельского типа, обнаруженных на исследованных раскопками поселениях за все годы археологических работ в Карелии, не превышает 50 экземпляров, тогда как топоры и тесла других типов насчитываются сотнями.

[54] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 216—217, рис. 59, *3;* стр. 40, рис. 59, *5*; 100, *7*; 12, *5*.

[55] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951, стр. 36; С. В. Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к Каргопольской культуре. СА, 1966, 4.

[56] Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада, рис. 121, *7, 10*; 122, *21*; 152, *8*; стр. 443; е е ж е. Орудия Вознесенской стоянки. МИА, 2, 1941, табл. II, *4*; III, *1—3, 5—8*.

[57] М. П. Петров. Неолитическая стоянка Стрелка в Новгородской области. СА, 1966, 3, стр. 213.

[58] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1957, табл. II, *2;* III, *3, 5*; VI, *3;* XII, *2;* стр. 25.

[59] Г. М. Буров. Ук. соч., табл. XIX, XX.

[60] Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, 2, 1961, стр. 121; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, табл. IX, *1—3, 13;* XV, *9*, табл. XXI.

[61] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, Таллин, 1959, стр. 217, 226—227, рис. 27, 30, *1, 3*.

[62] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 19, 31; е г о ж е. Археологические памятники III—I тысячелетий до н. э. в Карело-Финской ССР. Археологический сборник, Петрозаводск, стр. 18.

[63] В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, 2.

[64] В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Стоянка Выселки. СА, 1964, 4, рис. 6, *29*.

[65] В. М. Раушенбах. Ук. соч.; Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов. Новые памятники льяловской культуры, СА, 1959, 1.

[66] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области, стр. 68.

[67] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 196.

[68] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья..., стр. 80, 83.

[69] Там же, стр. 96, 106, 112; И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры. МИА, 110, 1963, стр. 63, 65; рис. 8, *6*.

[70] И. К. Цветкова Волосовские неолитические племена, рис. *5*.

считать эти орудия привозными из Карелии, где они составляют ничтожно малую группу, вряд ли возможно.

Для Карелии главным доказательством чужеродности этих орудий служит неизменная связь их с ямочной керамикой. Этот же тип керамики характерен для всех перечисленных выше областей (за исключением Сибири). Таким образом, связь русско-карельского типа орудий с ямочной керамикой — явление повсеместное, характерное для всего ареала ее распространения.

Все известные экземпляры русско-карельского типа в Карелии и прочих районах представляют собой законченный, вполне сложившийся тип с прекрасной шлифовкой, а нередко и полировкой. Вероятно, должна существовать какая-то более ранняя форма, получившая в процессе дальнейшего становления вид русско-карельского типа. Начальные ступени формирования его следует искать, очевидно, там, где ямочная керамика является местной по происхождению и самой древней по возрасту и облику. Если судить только по орудиям, то наиболее вероятным прообразом этого типа могут быть орудия с выпуклой спинкой, характерные для раннего этапа балахнинской культуры. Эти формы несут в себе достаточное количество признаков, сумма которых и дала впоследствии русско-карельский тип. Это подтверждается датировкой второй половины IV тыс. до н. э.[71] раннебалахнинской и раннельяловской керамикой, входящих в одну общность, на базе которой возникли более поздние варианты культуры ямочной керамики. Еще одним доводом в пользу этого будет признание русско-карельского типа орудий характерным для так называемой «волосовской» индустрии, принадлежность которой ко времени раннельяловского варианта ямочной керамики[72] не вызывает сомнений.

V. F. Filatova

LE TYPE RUSSE — CARÉLIEN D'OUTILS SE RAPPORTANT AU NÉOLITHIQUE DE LA CARÉLIE

Résumé

Le Néolithique de la Carélie se caractérise par une grande diversité des ensembles céramiques non simultanés appartenant à des groupes éthniques diverses. De ce fait, plusieurs particularités qui étaient considérées auparavant comme typique demandent à présent à être précisées. De tous les types d'outils de pierre celui russe — carélien est le plus spécifique. Dans les station étudiées en 1955—69 (dont le nombre monte à pen près à 800) les outils de ce type ne sont pas fréquents (39 exemplaires découverts à 30 stations). Ils sont toujours associés à la céramique aux fossettes et au peigne. Le type précité ne se rencontre pas dans les matériaux du Mésolithique et du Néolithique ancien à l'ensemble pur de la céramique du type Sperrings qui caractérisent la culture locale. Le type russe — carélien d'outils est largement diffusé en dehors de la Carélie. Là — bas il est accompagné de diverses variantes de la céramique aux fossettes. On peut considéré ce type d'outils comme toujours accompagnant ladite céramique. En Carélie il apparut s'étant déjà formé en même temps que cette céramique au debut du III millénaire avant notre ére. Les outils au dos convexe se rapportant à la jeune étape de la culture de Balakhnino pourraient être considérés en tant que ceux du premier degré de l'évolution du type en question.

---

[71] А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 96, 100.

[72] М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро. КСИИМК, 75, 1959, стр. 38; В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья. МИА, 131, 1965, стр. 222.

М. Ф. КОСАРЕВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ (II И I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.)

Томско-Нарымское Приобье находится к северу от Барабинской лесостепи и территориально почти не выходит за современные границы Томской области. Этот огромный таежный район отличается пониженным характером рельефа, предельной заболоченностью и широтным расположением ландшафтных подзон. Почвенная, ландшафтная и гидрографическая специфика этой территории давно уже привлекают внимание палеогеографов и палеоклиматологов. Однако прежде чем приступить к рассмотрению накопленных палеоклиматических данных, остановимся вкратце на некоторых общих вопросах.

В свое время Г. Э. Гроссет высказал положение, которое с тех пор никем не оспаривалось, что лесостепь является остатком ранее существовавшего там леса и лес может вновь занять территорию лесостепи, если климат станет более влажным[1]. Другими словами, при колебаниях климата в сторону повышения или понижения влажности должна обязательно возникнуть тенденция к смещению ландшафтных границ в южном или северном направлении.

Вопрос о закономерностях климатических изменений довольно спорен, хотя подавляющее большинство палеоклиматологов признает сейчас наличие в послеледниковое время нескольких заметных колебаний климата. Спорность вопроса заключается даже не в том, были или не были такие колебания, а в том, насколько они были существенны, какова их хронологическая повторяемость и какими причинами они обусловливались.

В настоящее время существует три широко признанных теории о периодических изменениях климата: теория О. Петерсона[2], теория М. Миланковича[3] и теория Э. Д. Эпика[4]. Они не исключают, а дополняют друг друга и призваны объяснить колебания климата разной продолжительности — от десятков и сотен лет до тысяч и десятков тысяч.

При выяснении причин климатических колебаний в послеледниковое время принято обращаться к теории О. Петерсона. Она исходит из законов небесной механики и решена в виде математической задачи. Сущность ее заключается в том, что в процессе вращения Луны вокруг Земли плоскость лунной орбиты постепенно меняется, и через каждые 1800—

---

[1] Г. Э. Гроссет. Лес и степь в их взаимоотношениях в пределах лесостепной полосы Восточной Европы. Воронеж, 1930, стр. 80.

[2] O. Pettersson. Changes in the Oceanic Circulation and their Climatic Consequences. Geogr. Rev., 1, 1929.

[3] М. Миланкович. Математическая климатология и астрономическая теория колебаний климата. М.—Л., 1939.

[4] Обобщенное изложение теории Эпика с библиографией см. в работе: П. Л. Бхатнагар. Внутреннее строение солнца и изменения климата. Сб. «Изменение климата», М., 1958.

1900 лет Земля, Луна и Солнце совмещаются на одной прямой, причем такое положение сохраняется длительное время. В результате происходит суммирование приливообразующей силы Луны и Солнца с возрастанием ее приблизительно на 12%. Это вызывает существенные возмущения земной гидросферы и приводит к повышению общей увлажненности климата.

Несколько лет назад А. В. Шнитников в ряде работ, особенно в чрезвычайно интересной монографии «Изменение общей увлажненности материков Северного полушария»[5], обобщил громаднейший палеоклиматический материал и показал, что он находится в соответствии с циклами изменения приливообразующей силы по теории О. Петерсона. Опираясь на математические расчеты О. Петерсона, а также на палеогеографические, палеоботанические и другие данные, А. В. Шнитников внес очень существенные коррективы в традиционную палеоклиматическую схему Блитта — Сернандера, по которой послеледниковое время в климатическом отношении представлялось как чередование одинаковых по продолжительности бореальных и атлантических (сухих и влажных) периодов с цикличностью немногим более двух тысяч лет.

А. В. Шнитников разделил послеледниковую эпоху на 1850-летние климатические периоды, совпадающие с повторяющимися максимумами приливообразующей силы. Каждый из этих климатических ритмов состоит из двух фаз. Сначала идет прохладно-влажная фаза, носящая до известной степени характер катаклизма. Она сопровождается энергичным распространением океанического и горного оледенения, увлажнением торфяников и болот, увеличением стока рек, повышением уровня озер и возрастанием общей влажности климата. Продолжительность этой фазы составляет от 300 до 500 лет. За ней следует фаза медленно развивающегося сухого и теплого климата, которой сопутствуют постепенное отступание океанического и горного оледенения, уменьшение стока рек, медленное усыхание торфяников и болот, понижение уровня озер и уменьшение общей увлажненности материков. Продолжительность этой фазы превышает тысячу лет[6]. В последние годы взгляды А. В. Шнитникова нашли новые подтверждения в работах А. И. Дзенс-Литовского, Е. В. Максимова, К. М. Рябцевой и других исследователей[7].

Изложенное выше свидетельствует о том, что периодические изменения климата происходили синхронно, однонаправленно и в масштабах планеты. В этой связи следует считать безусловным, что в пределах одного климатического пояса Земли проявления и результаты климатических изменений были в общем сходны. Для нас это очень важно, так как в случае отсутствия отдельных палеоклиматических данных для интересующей нас территории мы вправе обратиться к соседним областям и вообще к территориям, расположенным в пределах той же самой ландшафтной и широтной зональности.

Вторая половина III тысячелетия до н. э. соответствует, по А. В. Шнитникову, влажной климатической фазе. Если исходить из общей закономерной зависимости между климатическими и ландшафтными изменениями, то можно предполагать, что в это время области, лежащие к югу от Томско-Нарымского Приобья (нынешняя лесостепная Бараба и степная Кулунда), были более облесенными, чем в настоящее время, и более удобными для ведения охотничье-рыболовческого хозяйства. Свидетельством былой облесенности лесостепи являются «реликтовые иллювиальные гори-

---

[5] Записки географического общества СССР, 16, нов. сер., М.— Л., 1957.

[6] А. В. Шнитников. Ук. соч., стр. 283.

[7] А. И. Дзенс-Литовский. Палеогеографическая стратификация донных отложений озер и торфяных болот СССР. Труды лаборатории озероведения АН СССР, V, М.— Л., 1957; Е. В. Максимов. Ледники массива Чоктал в Кунгей-Алатау и их внутривековая и многовековая изменчивость. Уч. зап. ЛПИ им. А. И. Герцена, 289, Л., 1966, стр. 93—95; К. М. Рябцева. Динамика оледенения Хибин в голоцене в связи с ритмами увлажненности северного полушария. Автореф. канд. дис., М., 1967.

зонты, наблюдаемые... у выщелоченных черноземов, развивающихся под степной растительностью или используемых в земледелии» [8].

В засушливой Кулундинской степи и в северной части Восточного Казахстана, известных большой засоленностью почв, существуют сейчас значительные по величине островные массивы боров, что, видимо, следует считать явлением реликтового порядка. То же самое мы наблюдаем в Северном Казахстане (в Тургайской степи), где годовое количество осадков равно сейчас 250—300 *мм* при испаряемости 500—600 *мм*. Ряд исследователей связывает островное расположение боров в степном Казахстане с гибелью сосновых лесов в результате иссушения и континентализации климата. Такого мнения придерживаются, в частности, А. Г. Гаель и Н. А. Воронков, во всяком случае, для северной группы степных островных боров (Аман-Курган и др.). Они считают, что дерново-подзолистые связнопесочные почвы, характерные для этих боров, формировались в далеком прошлом в условиях климата, гораздо более влажного, чем современный [9]. Это подтверждается не только особенностями структуры почв, но и некоторыми другими данными, например находкой пыльцы ольхи, вяза, дуба, кедра, лиственницы и пихты в торфянике близ оз. Боровое [10].

Этим данным не противоречит и характер археологических находок. Работами М. П. Грязнова в Верхнем Приобье были выявлены позднеолитические памятники, оставленные охотничье-рыболовческим населением, не отличавшимся существенно по характеру хозяйства и облику материальной культуры от более северных томско-нарымских племен [11].

Во II тысячелетии до н. э. на смену прохладно-влажной фазе приходит, по А. В. Шнитникову, более чем тысячелетний период постепенного изменения климата в сторону потепления и большей сухости, завершившийся на рубеже II и I тысячелетий до н. э. временем максимально сухого климата. Видимо, в значительной мере в связи с этим прогрессирующим усыханием климата население Верхнего Обь-Иртышья, тяготевшее ранее в хозяйственном и культурном отношении к таежному западносибирскому массиву, во II тысячелетии до н. э. все более втягивается в сферу южных степных влияний, отходит от некогда единых для всей Западной Сибири неолитических традиций и приобщается к скотоводческо-земледельческому хозяйству.

К середине II тысячелетия до н. э. различия между Нарымским и Верхним Приобьем углубляются настолько, что можно уже говорить о существовании здесь двух больших культурных областей — самусьско-нарымской, уходящей основным своим массивом вглубь Нарымского края, и томско-окуневской, уходящей основной частью своего ареала в сторону верхнего Енисея и Восточного Казахстана [12]. Если предположить, что культурно-хозяйственные различия на этой территории установились в соответствии с ландшафтными различиями, то граница леса и лесостепи на Западно-Сибирской равнине должна была проходить в середине II тысячелетия до н. э. приблизительно на широте Томска, т. е. почти по линии современного ландшафтного рубежа.

Определившаяся во II тысячелетии до н. э. граница расселения лесных охотничье-рыболовческих племен и лесостепного населения, знакомого со скотоводством и земледелием, в течение нескольких веков оставалась относительно стабильной. Однако в последней четверти II тысячелетия до н. э. мы наблюдаем неожиданное и, видимо, очень быстрое распространение

---

[8] Западная Сибирь. М., 1963 (коллективная монография), см. раздел «Почвы», стр. 174).

[9] А. Гаель, Н. А. Воронков. О взаимоотношениях древесной и травянистой растительности в островных борах Казахстана. Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1963, 2, стр. 131, 132.

[10] Л. С. Берг. Природа СССР. М., 1955, стр. 10.

[11] М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. КСИИМК, 64, 1956.

[12] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2, стр. 244, 245.

андроноидных по облику культур племен далеко на север от Томска — в низовья Томи, в бассейн Чулыма и далее на север, к Кети и Васюгану, в труднодоступные таежно-болотные районы Нарымского края. Это продвижение зафиксировано по распространению в томско-нарымской тайге памятников так называемого «еловского» типа [13].

Сдвиг южного населения к северу имел место и в смежных районах, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные археологические и палеоклиматические данные, изложенные в работах О. Н. Бадера для Прикамья [14].

Весьма любопытны наблюдения и выводы американских исследователей, например Дж. Б. Гриффина, который отмечает для Северной Америки в период с 1300 по 800 г. до н. э. продвижение на север, в частности с юга Новой Англии в район северного Висконсина, ряда элементов южных культур и связывает это явление с периодом теплого и сухого климата, что подтверждается там палеоклиматическими данными [15].

Если в определении времени и характера более ранних климатических изменений между специалистами существуют известные разногласия, то для этого периода, т. е. для последних веков II и начала I тысячелетия до н. э., почти все палеоклиматологи сходятся сейчас на том, что он совпадает с фазой теплого и сухого климата. Так, А. А. Борисов, который вообще довольно скептически относится к ксеротермам и считает, что теплые климатические фазы на протяжении нескольких последних тысячелетий не совпадали с периодами повышенной сухости, делает исключение лишь для конца II тысячелетия до н. э., полагая, что в это время термический максимум сопровождался периодом очень большой сухости [16].

Н. Я. Кац на основании стратиграфии западносибирских болот приходит к выводу, что в рассматриваемое время бореальные виды древесной, травянистой и болотной растительности продвинулись на несколько сот километров к северу от их нынешней северной границы. Сравнивая температуру мест их обитания в настоящее время с современной температурой мест, где они, судя по палеоботаническим данным, произрастали в тот период, Н. Я. Кац полагает, что летние температуры тогда были почти на 4° выше современных [17], К. Брукс, основываясь на подобных же наблюдениях и сопоставляя степень заболоченности Западной Европы в разные периоды, приходит к выводу, что количество осадков в Западной Европе в то время составляло от 42 до 67% современных, а испарение, наоборот, значительно превышало нынешний уровень [18].

В отношении даты этого периода для Европейской части СССР очень интересна недавняя работа группы специалистов во главе с М. И. Нейштадтом. Ими были взяты образцы для определения радиоуглеродных датировок пограничных горизонтов на нескольких торфяниках. Полученные даты соответствующего горизонта в общем укладываются в диапазон,

---

[13] М. Ф. Косарев. Десятовское поселение. КСИА АН СССР, 97, 1964, рис. 27; его же. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3, рис. 1; В. И. Матющенко, Л. Г. Игольникова. Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века средней Оби. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966; А. П. Баранес, А. Ф. Косарев, В. Д. Славнин. Еловский археологический комплекс. Уч. зап. ТГУ, 60, 1966.

[14] О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, 2, М.— Л., 1950; его же. Основные этапы этнокультурной истории Урала. МИА, 79, 1960, стр. 100 сл.

[15] Дж. Б. Гриффин. Некоторые связи между изменениями климата и культуры в предыстории востока Северной Америки. Сб. «Солнечная активность и изменение климата». Л., 1966, стр. 348.

[16] А. А. Борисов. Климаты СССР. М., 1967, стр. 291.

[17] Н. Я. Кац. К истории позднечетвертичной флоры и климата Севера СССР. Материалы по четвертичному периоду СССР, 3, М., 1952, стр. 44.

[18] К. Брукс. Климаты прошлого. М., 1952.

отведенный для позднего этапа среднего голоцена [19], что соответствует палеоклиматическим данным, накопленным к настоящему времени для Западной Сибири и других территорий.

При рассмотрении палеогеографических особенностей Западной Сибири специалисты всегда отмечали типичность для Томско-Нарымского Приобья, включая бассейн Васюгана, почв подзолистого характера, имеющих достаточно хорошо выраженный гумусовый горизонт. Большинство исследователей связывает образование этого горизонта со вторичным развитием подзолистого процесса на степной или луговой почве и считает, что это могло произойти лишь в условиях завоевания лесом ранее существовавших здесь степных или лесостепных пространств [20].

Известный исследователь западносибирских лесов Г. В. Крылов на основании анализа лесотипологических, лимнологических и других данных пришел к выводу, что на поздней стадии среднего голоцена островные смешанные лиственнично-березовые леса лесостепного характера доходили на севере до Васюгана [21].

Касаясь вопроса о колебаниях климата и смещениях ландшафтных зон, Б. Г. Иоганзен в качестве одного из доказательств того, что степь в Приобье в рассматриваемое время заходила далеко на север, указывает на присутствие сейчас в средней части Томской области (т. е. в южной половине Нарымского Приобья — опять-таки до бассейна Васюгана) некоторых типичных представителей степного животного мира — алтайского цокора, светлого хорька, отдельных видов стрекоз, некоторых птиц и т. д. [22]

Возвращаясь к вопросу об особенностях томско-нарымских почв, следует признать, что вторично подзолистые почвы, свидетельствующие о наличии здесь некогда степных или открытых луговых пространств, сами по себе, конечно, не датируют процессов остепнения тайги и не могут быть определенно отнесены к интересующему нас периоду. Вторичные подзолы и результаты их картографирования важны для нас как указание на предрасположенность лесов этой почвенной зоны уступить свое место при определенных климатических обстоятельствах степному и лесостепному ландшафту. Поэтому рассмотрение их, как и других реликтов, вне датированных палеоклиматических данных и вне археологического материала вряд ли перспективно.

В связи с этим нам хотелось бы, в дополнение к изложенному, привести некоторые интересные наблюдения томских археологов. П. И. Кутафьев и А. П. Дульзон, обследовавшие бассейн Тыма (первый в 1938 г., второй — в 1953 г.), отметили здесь отсутствие курганного способа захоронения, тогда как к югу от Тыма курганы — обычное явление. «На Тыме, — сообщает А. П. Дульзон, — имеются только грунтовые могилы, расположенные в тайге, которые трудно выявить. В отличие от этого для побережья самой Оби, как и для побережья ее притоков — Васюгана, Парабели с Кенгой, Кети, Чулыма, характерны курганные могильники с наземными погребениями» [23]. Большинство этих курганов не раскапыва-

---

[19] М. И. Нейштадт. Некоторые итоги изучения голоцена. Сб. «Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиокарбонного метода». М., 1965, стр. 120, 121, 139.

[20] Р. С. Ильин. О деградированных и вторичноподзолистых почвах Сибири. «Почвоведение», 1937, 4; Б. Ф. Петров. К вопросу о происхождении второго гумусового горизонта в подзолистых почвах Западной Сибири. Тр. ТГУ, 92, 1937; Западная Сибирь. М., 1963 (коллективная монография, см. раздел «Почвы», стр. 164); И. М. Гаджиев. О генезисе вторичноподзолистых почв Васюганья. Труды Биологического института Сибирского отделения АН СССР, 12, Новосибирск, 1964.

[21] Г. В. Крылов. Леса Западной Сибири. М., 1961, стр. 69.

[22] Б. Г. Иоганзен. Природа Томской области. Томск, 1959, стр. 26.

[23] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956, стр. 233—235.

лось, но, видимо, они в подавляющей своей части оставлены охотничье-рыболовческими племенами, населявшими эту территорию уже в железном веке. Однако, судя по археологическим данным, курганный способ захоронения был впервые принесен в эту часть Прпобья в конце II тысячелетия до н. э. андроноидным еловским населением, знакомым со скотоводством и земледелием.

В итоге получается, что северная периферия курганного способа захоронения совладает с северными пределами керамических комплексов еловского типа, имеющих андроноидную геометрическую орнаментацию, с северной границей распространения вторичных подзолов и с северной окраиной нахождения отдельных представителей степной фауны. Совпадение этих ареалов слишком очевидно, чтобы быть случайным. Поэтому, исходя из совмещения известных нам археологических, почвенных и зоологических показателей, мы вправе с большой долей вероятности предполагать, что граница леса и лесостепи около рубежа II и I тысячелетий до н. э. (в еловское время) проходила несколько севернее устья Васюгана и немного южнее бассейна Тыма — приблизительно тремя градусами севернее нынешней ландшафтной границы. (Карта опубликована. См. М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3.)

Вместе с тем следует заметить, что терминология, употребляемая для обозначения явлений, связанных с подвижностью ландшафта («наступление степи на лес», «надвигание леса на степь» и т. д.), видимо, все-таки не совсем точно отражает подлинный характер изменения ландшафтов на рассматриваемой территории. Изменение климатических условий Томско-Нарымского Приобья в сторону потепления и большей сухости должно было проявиться, прежде всего, в уменьшении стока рек и усыхании громадных нарымских болот, что само по себе, отвлекаясь от других факторов, скорей способствует увеличению площади лесов (за счет болотных и пойменных пространств). В этой связи необходимо учитывать еще одну особенность сухого климата. Известно, что даже кратковременные засухи способствуют усилению лесных пожаров, причем не только от руки человека, но и от так называемого самовозгорания леса. В те редкие засушливые годы, которые случались в сибирской тайге за последние 50 лет, количество пожаров и площади уничтоженных ими лесов увеличивались во много раз. Достаточно сказать, что в засушливом 1915 г. в Сибири было уничтожено пожарами около 10 млн. *га* леса [24].

Частые лесные пожары, которые, видимо, были совершенно неизбежны в условиях долговременного сухого климата интересующей нас эпохи, не могли способствовать самовозобновлению древесной растительности, что приводило к появлению в Томско-Нарымском Приобье, как и в южной части западносибирской тайги вообще, значительных остепненных пространств. В результате ксеротерма и частых лесных пожаров в Томско-Нарымском Приобье могли сложиться благоприятные условия для освоения его в скотоводческо-земледельческом отношении, что открыло возможность для продвижения сюда лесостепных и степных групп населения, знакомых со скотоводством и земледелием.

Конкуренция лесных и степных растительных формаций наиболее активна на границе этих ландшафтных зон. Относительная стабильность данной границы в каждый конкретный отрезок времени определяется относительной стабильностью климатических условий. Западно-Сибирская равнина, при ее пониженном характере рельефа и классическом широтном расположении ландшафтных зон, является территорией, где ландшафтные границы должны были более чутко, чем где бы то ни было, реагировать на колебания климата. Вообще, если сравнить различные области северной половины СССР по степени континентальности, по характеру рельефа и другим особенностям, влияющим на микроклимат, то

[24] Западная Сибирь (см. раздел, написанный В. И. Орловым, стр. 334).

можно предполагать, что первое место по готовности леса уступить место степи займет Западная Сибирь, второе, видимо, Европейская часть СССР и последнее, безусловно, Восточная Сибирь. В настоящий момент это несходство выражается в том, что в Европейской части страны, несмотря на большую роль антропогенного фактора в изменении ландшафта, граница леса и лесостепи проходит гораздо южнее, чем на Западно-Сибирской равнине, а в Восточной Сибири и Алтае-Саянском районе вообще не прослеживается сколько-нибудь выраженной широтной зональности в распределении тайги и лесостепи.

В этой связи нам хотелось бы обратить внимание еще на один факт, свидетельствующий о неодинаковых ландшафтно-климатических эффектах ксеротерма в разных районах. Так, на юге Средней Азии климатический оптимум, совпадающий с поздними этапами бронзового века, должен был, видимо, привести к усилению таяния горных ледников и увеличению общей увлажненности предгорных районов. Прогрессирующее усыхание степей, особенно усилившееся в конце II тысячелетия до н. э., могло вызвать миграцию части степных племен не только на север, но и на юг, в сторону предгорий. Это подтверждается, в частности, активным продвижением в конце бронзового века тазабагьябского населения Приаралья на юг Средней Азии[25]. В этом отношении интересно также массовое переселение во второй половине бронзового века скотоводческо-земледельческого андроновского (федоровского) населения из лесостепного Зауралья далеко на восток — в предгорья Алтая и Саян.

Накануне эпохи железа в Томско-Нарымском Приобье происходит этнокультурный сдвиг в обратном направлении, выразившийся в продвижении на юг, в сторону нынешней лесостепи и степи северных лесных культур. Первый этап этого продвижения фиксируется по начавшемуся в переходное время от бронзового века к железному проникновению на юг и, в частности, в низовья Чулыма многих элементов таежных культур, что особенно хорошо видно в изменении характера орнаментации поздней еловской посуды и в появлении в пределах андроноидного ареала лесных форм керамики[26]. В Восточном Зауралье этот процесс прослеживается по распространению на юг, в область современной лесостепи, лесного по облику материальной культуры гамаюнско-каменогорского населения[27].

Этнокультурный сдвиг на юг в это время подтверждается и антропологическим материалом. Данные по изучению черепов в лесостепной зоне Западной Сибири, изложенные В. А. Дремовым (для Приобья) и М. С. Акимовой (для зауральской части Западной Сибири), показывают, что на протяжении I тысячелетия до н. э. в среде местного населения идет возрастание монголоидной примеси. Причем оба автора приходят к выводу, что этот монголоидный компонент накапливается не за счет южных, а за счет северных таежных воздействий[28].

Если говорить о хорошо датированных данных, накопленных за пределами Евразии, то следует указать, что в Северной Америке, по свидетельству Дж. Б. Гриффина, между 800 и 300 гг. до н. э. наблюдаются диффу-

---

[25] М. А. Итина. Новые стоянки тазабагьябской культуры. МХЭ, 1, М., 1959, стр. 69; ее же. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3. МХЭ, 5, М., 1961, стр. 74.

[26] М. Ф. Косарев. Десятовское поселение, рис. 28, *4*, *8*, *12*, *13*; 29; его же. Бронзовый век..., рис. 3.

[27] В. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, табл. 1; К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 46.

[28] В. А. Дремов. Палеоантропологические материалы лесостепного Приобья и вопрос о происхождении уральской расы. V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967; М. С. Акимова. Некоторые вопросы формирования физического типа населения Западной Сибири и Приуралья. Доклад прочитан на V Уральском археологическом совещании 1 марта 1967 г. Тезисы не опубликованы.

зии элементов северных культур на юг — в Иллинойс, в долину Огайо и другие районы [29].

Эти исторические явления совпадают по времени с отмеченным большинством специалистов (О. Петтерсон, Н. Я. Кац, К. Брукс, О. Н. Бадер, А. В. Шнитников, А. И. Дзенс-Литовский, Г. К. Тушинский и др.) началом фазы прохладного и влажного климата, который отмечается по материалам спорово-пыльцевых анализов, по стратиграфическим показателям торфяных разрезов и т. д.

К. Брукс считает, что количество выпадавших тогда осадков намного превышало нынешний уровень и подтверждает это, в частности, тем, что ряд образовавшихся тогда болот сейчас высыхает [30]. В Англии прохладно-влажная фаза была зафиксирована благодаря искусственным дорогам в Соммерсете, которые были проложены для пересечения возникших в то время болот между 870 и 310 гг. до н. э. [31] В Северной Америке повышенная влажность указанного периода подтверждается и результатами анализа годичных колец секвой [32].

В Западной Сибири палеоклиматические данные тоже свидетельствуют о повышенной влажности в этот период. Так, Г. В. Крылов, много лет изучавший леса Западной Сибири, считает, что тогда южная граница тайги, проходившая в предшествующую климатическую фазу на широте Васюгана, сдвинулась на 3—4° к югу [33]. Н. Я. Кац в отношении Западной Сибири отмечает для данного времени существенное понижение летних температур и смещение на несколько сот километров к югу северной окраины бореальной флоры [34]. В этой связи представляют большой интерес свидетельства древних китайских хроник, которые приводит в одной из своих статей Л. Н. Гумилев. Там есть высказывания, из которых следует, что ныне пустынные и полупустынные земли, лежащие к югу от Сибири, во времена расцвета могущества хунну изобиловали тучными пастбищами, водой, лесами и зверем [35].

Вместе с тем продвижение лесных западносибирских племен на юг в тот период вряд ли правильно объяснить только смещением ландшафтов. В период становления и развития кочевого скотоводства население Южной Сибири было в состоянии справиться с наступлением леса и отстоять свои пастбищные угодья. Наблюдаемый в это время этнокультурный сдвиг был вызван, видимо, не столько надвиганием леса на степь, сколько повышением общей увлажненности и уровня вод, что привело в Западной Сибири, и особенно в Нарымском Приобье, к гибели больших площадей леса, к затоплению огромных низменных пространств и ранее пересохших болот.

В результате этих условий, которые можно рассматривать, видимо, как неоднократно повторявшиеся катастрофические наводнения, площади, удобные для существования людей и пригодные для скотоводческо-земледельческого хозяйства, сократились во много раз. Это и послужило одной из причин массового исхода нарымских племен в поисках других, более удобных для жизни территорий. Надо полагать, что на юг двинулись главным образом те таежные группы, которые активно контактировали с андроноидными еловскими племенами, усвоили у них некоторые элементы скотоводческого быта и начали переходить (или перешли) накануне железного века к комплексному хозяйству. Сейчас начинает накапливаться материал, позволяющий предполагать, что некоторая часть таежного

[29] Дж. Б. Гриффин. Ук. соч., стр. 348.
[30] К. Брукс. Ук. соч., стр. 277.
[31] H. Goodwin, E. H. Willis. Cambridge Universiti Natural Radiocarbon Measurement 11. Amer. J. Sci. Radiocarbon, прилож. 11, 1960.
[32] К. Брукс. Ук. соч., стр. 314.
[33] Г. В. Крылов. Ук. соч., стр. 69.
[34] Н. Я. Кац. Ук. соч., стр. 43—45.
[35] Л. Н. Гумилев. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. «История СССР», 1967, 1, стр. 58—60.

западносибирского населения продвинулась на запад — к предгорьям Урала, где в это время распространяются памятники гамаюнско-каменогорского типа, имеющие ряд близких соответствий в автохтонных культурах Нарыма.

В южной части Томско-Нарымского Приобья, в низовьях Томи и Чулыма, поселения, располагавшиеся ранее на первых надпойменных террасах и даже в поймах, переносятся на материковые берега, иногда на высоту до 30—50 и более метров (Молчановская Остяцкая гора, Томское лагерное городище, Басадайское городище и др.). Подобная хронологическая закономерность в изменении топографического расположения памятников прослежена В. Н. Чернецовым для Омской области и Н. Л. Членовой для Новосибирской [36]. Возникновение в Томско-Нарымском Приобье в переходное время от бронзового века к железному укрепленных поселений (городище Остяцкая гора, Шайтанское городище и др.), видимо, отчасти было обусловлено участившимися в этот период соприкосновениями инокультурных племен и столкновениями разных групп населения в условиях борьбы за жизненные пространства.

Говоря о ландшафтных изменениях того времени, можно предполагать, что в разных областях Сибири, учитывая степень заболоченности и характер рельефа, они были далеко не одинаковы. Очевидно, в Восточной Сибири и Алтае-Саянском районе ландшафтные сдвиги, если они имели место, скорее должны были выразиться в некотором изменении не столько широтной, сколько вертикальной зональности. Гораздо меньший эффект, чем в Западной Сибири, произвело бы здесь и повышение увлажненности. Если в Нарыме повышение уровня вод на 3—5 *м*, по сравнению с обычным, равнозначно катастрофе, то глубоко врезанные русла и долины восточносибирских рек могли вместить избыточную влагу без существенного изменения общего характера гидрографической сети.

Колебания ландшафтных границ, захватившие в рассмотренное время значительную часть Томско-Нарымского Приобья и окрестных западносибирских областей, вынуждали обитателей этой неустойчивой в ландшафтном отношении территории либо приспосабливать характер своего хозяйства к новым условиям естественно-географической среды, либо переселяться в другие, более подходящие для прежних форм хозяйства места. Во всех случаях это должно было накладывать определенную печать на культуру и быт местных племен. Так, переход во II тысячелетии до н. э. населения южной окраины Западной Сибири от охотничье-рыболовческого к скотоводческо-земледельческому хозяйству не мог не привести к появлению новых форм производственного инвентаря, новых производственных навыков, новой производственной терминологии, новых традиций и, что самое главное, к установлению новых экономических и культурных связей.

Нам кажется, что распад западносибирской неолитической общности, начавшийся где-то к концу III тыс. до н. э., проходил в какой-то мере синхронно с изменением ландшафтного облика этой территории. Ландшафтная дифференциация, вызванная прогрессирующим усыханием климата во II тысячелетии до н. э., способствовала хозяйственной дифференциации населения, а также тому, что основными связями стали не контакты внутри западносибирского массива, как это было ранее, а между лесостепной (уже) его частью и степными районами Казахстана. Все это вело к увеличению не только хозяйственных и культурных различий между северной и южной частями Западной Сибири, но и способствовало, видимо, углублению различий этнического порядка.

Вместе с тем следует иметь в виду, что ландшафтные изменения сами по себе, вне определенных исторических условий, не могут способствовать

---

[36] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 86; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 46.

переходу населения от одной формы хозяйства к другой. Степной ландшафт, как условие возникновения и развития более прогрессивного скотоводческо-земледельческого уклада, мог сыграть определяющую роль лишь в тот период, когда местные племена обнаруживают потенциальную готовность перейти от присваивающего хозяйства к производящему и когда этот шаг подготовлен общим уровнем развития производительных сил. В неолитическую эпоху, до перехода к скотоводству и земледелию, степь по сравнению с тайгой, наоборот, давала предельно скудные возможности для существования и имела, судя по археологическому материалу, резкое и немногочисленное население.

Само собой разумеется, что миграции, усиление этнокультурных взаимодействий и другие явления этого рода вызывались, прежде всего, социально-экономическими причинами, в частности давлением на определенных этапах избытка населения на производительные силы. Естественно-географическая среда являлась лишь своего рода фоном, на котором развертывалась социально-экономическая история древних племен и народов, но этот фон мог быть более благоприятным и менее благоприятным. В этом смысле ландшафтно-климатические изменения как факторы, стимулирующие отдельные стороны жизни общества, имели большое значение.

В. Н. Чернецов в одной из своих работ указал на важность естественно-географических условий «местного значения», к которым он отнес, в частности, протяженность и направление речных путей, а также наличие или отсутствие удобных для эксплуатации в древности рудных месторождений. Он считает, что эти внешние факторы «локального воздействия» могли приводить к выделению частных форм хозяйства и специализированных культур, а также действовать как в сторону ускорения, так и в сторону замедления развития уровня культуры [37].

Одним из важных условий, оказавших значительное влияние на жизнь населения Западной Сибири, было наличие разветвленной системы речных путей, по которым могли осуществляться экономические, культурные и исторические связи. Бассейн Оби раскинулся на огромной территории, намного превосходящей площадь самой Западной Сибири. По площади бассейна (около 3 млн. *кв. км*) Обь является самой крупной рекой Евразии и превышает площадь бассейна Волги в два с лишним раза. Сама Обь и ее крупнейший приток Иртыш начинается на Алтае. Левые притоки Иртыша Тобол и Ишим пересекают несколько ландшафтных зон и уходят своими истоками в степные просторы Казахстана. Левые притоки Тобола Исеть, Тавда, Тура соединяют обский бассейн с Уралом. Правые притоки Оби Томь и Чулым начинаются в предгорьях Саян, в непосредственной близости от Минусинской котловины.

Таким образом, речная система Западной Сибири должна была способствовать сравнительно легкому перемещению этнических и культурных групп практически во всех направлениях. Особенно важное значение имели пути по Тоболу, Ишиму, Иртышу, Томи и Чулыму. Они соединяли Западную Сибирь с Казахстаном и Алтае-Саянским нагорьем и облегчали проникновение на север элементов передовых южных культур.

Нам кажется, что в Томско-Нарымском Приобье и в Западной Сибири вообще водные пути в те времена сыграли более важную роль, чем на сопредельных сибирских территориях. Географическое положение Восточной Сибири в этом отношении было менее выгодным. Бассейн Лены целиком лежит в пределах горно-таежной страны, в результате чего контакты, осуществляемые там по речным путям, были более затруднительны и, что самое главное, не могли выходить за пределы таежной зоны. Замкнутое общение в родственной охотничье-рыболовческой среде способствовало

---

[37] В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 2.

консервации отдельных культурных традиций и технических навыков и привело, начиная с эпохи металла, к замедленному развитию культур этой территории по сравнению с Западной Сибирью.

Другим важным фактором географической среды является наличие или отсутствие каменных и рудных месторождений. Одним из основных отличий неолита Западной и Восточной Сибири является значительное несходство каменного инвентаря. Это несходство было обусловлено в ряде случаев различными сырьевыми базами для каменной индустрии. Известно, что вязкость, твердость и другие качества разных пород камня (сланец, кремень, нефрит, халцедон, яшма и др.) далеко не одинаковы. Каждая из этих пород обладает разной способностью поддаваться оббивке, пилению, ретуши и шлифовке, что может существенно влиять не только на технику обработки, но и на саму форму орудий.

В Нарымском Приобье по существу единственным пригодным для изготовления каменных орудий материалом были сланцевые породы. Каменные изделия здесь, даже в ранних памятниках, сравнительно немногочисленны. Они делались на отщепах и обработка их внешне выглядит довольно небрежно. Видимо, посредственными техническими свойствами местных пород камня следует объяснять то, что в Томско-Нарымском Приобье за исключением его восточной (приенисейской) окраины, не получили распространения техника призматических нуклеусов и изготовление орудий на ножевидных пластинах.

В то же самое время в правобережной части Енисея и в Ангаро-Байкалье мы наблюдаем необыкновенный расцвет каменной техники, который нашел свое выражение в разнообразии и многочисленности каменных орудий, в тонком мастерстве выделки кремневых изделий и в уменье обрабатывать разные породы камня, в том числе халцедон, яшму и нефрит. Нет сомнения, что этот расцвет был в значительной мере обусловен богатством Восточной Сибири различными породами камня.

Однако, как нам кажется, отсутствие в Западной Сибири хорошего кремня и, наоборот, обилие в Восточной Сибири и, в частности, в Ангаро-Байкалье, источников сырья для каменной индустрии предопределили в дальнейшем разную степень стимуляции технического прогресса. В Западной Сибири скудость источников каменного сырья вызвала по мере развития производительных сил насущную необходимость поставить свое хозяйство на более прочную техническую основу. Используя опыт своих южных соседей, население юго-восточной части Приобья начинает осваивать местные месторождения самородной меди и касситерита и создает собственную бронзовую металлургию [38].

Население же Восточной Сибири и в бронзовом веке продолжает основывать производство орудий преимущественно на прежней сырьевой базе, которая, видимо, его вполне удовлетворяла. В Прибайкалье, например, во II тысячелетии до н. э. развитие производственного инвентаря идет, главным образом, за счет увеличения количества и типов каменных орудий. Создается впечатление, что техника обработки камня в глазковскую эпоху здесь не только не приходит в упадок, но, наоборот, в некоторых отношениях достигает новых высот развития. Особенно больших успехов прибайкальские мастера достигли в обработке такой трудоемкой породы, как нефрит. Глазковские нефритовые изделия — ножи, топоры, просверленные диски, шестигранные кольца — распространялись далеко за пределы собственно Приангарья, где добывался нефрит и где эти нефритовые вещи, очевидно, изготовлялись.

В известном смысле между Восточной и Западной Сибирью произошло то, что В. Н. Чернецов называет специализацией культур [39]. Это, видимо,

---

[38] М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4.

[39] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 2.

явилось одной из причин интенсификации в глазковско-сейминскую эпоху экономических связей между Урало-Западносибирской территорией, с одной стороны, и Ангаро-Байкальем — с другой. Западносибирские медно-бронзовые орудия, в частности кельты и копья турбинско-сейминских типов, распространяются далеко на восток, а восточносибирские нефритовые изделия и орудия из высококачественного кремня проникают далеко на запад, вплоть до Урала и Восточной Европы.

Таким образом, естественно-географические условия, не влияя существенно на общие закономерности развития первобытного общества, могли задерживать или ускорять это развитие, влиять на форму хозяйства, характер контактов, накладывать специфический отпечаток на облик культуры в целом. Вместе с тем, отдельные признаки географической среды — особенности ландшафта, направление речных путей, наличие или отсутствие удобных для эксплуатации каменных и рудных месторождений — в разных своих сочетаниях, в разное время и в разных исторических условиях проявлялись по-разному. Этим обстоятельством следует объяснять тот не совсем понятный с чисто исторической точки зрения факт, что неброский, внешне невыразительный (особенно по кремню) неолит Западной Сибири рождает изумительные по богатству и самобытности культуры эпохи металла, и наоборт, племена, создавшие в эпоху неолита богатые, колоритнейшие культуры, как это было в Восточной Сибири, позднее консервируются в своем развитии и начинают отставать от своих западносибирских соседей.

Изучение древней истории Сибири с учетом ее палеогеографических особенностей дает возможность лучше понять специфику экономического и культурного развития разных областей этой территории на разных исторических этапах.

M. F. Kossarev

CERTAINES PARTICULARITÉS DE D'HISTOIRE ANCIENNE DES RÉGIONS DE TOMSK ET DE NARYM SITUÉES DANS LE COURS DE L'OBI DU POINT DE VUE PALÉOGÉOGRAPHIQUE

Résumé

Les données pédologiques, paléobotaniques, limnologiques et d'autres obtenues dans les régions de Tomsk et de Narym situées dans le cours de l'Obi témoignent du fait que le II millénaire avant notre ère était l'époque de l'assèchement du climat s'accentuant de plus en plus. Ce phénomène atteint son point culminant au dernier quart du II — debut du I millénaire avant notre ere. Les savants sont d'avis qu'à l'époque précitée la frontère des zones de taïga et de steppe boisée s'était déplacée à trois degrés plus au nord par rapport à la limite actuelle des mêmes zones et passait à la 59-me parallèle près.

C'est probablement par cela qu'il faut expliquer le mouvement vers le nord qui avait lieu à la fin de l'époque d'Andronovo parmi les tribus pratiquant l'agriculture et l'élevage. Actuellement ces derniers ont mis en oeuvre les territoires de taiga et de marais difficilement accessibles de la région de Narym.

La période moyenne et la seconde moitié du I-er millénaire avant notre ère coïncident à une phase climatique relativement froide et humide. Ce fait provoqua le déplacement inverse des zones et aboutit à ce que le paysage des régions de Tomsk et de Narym attenantes à l'Obi se rapprocha de nouveau à celui de nas jours. On observe la diffusion simultanée de plusieurs élements des cultures septentrionales de taïga dans la direction sud et on voit se multiplier les traits particuliers aux Mongols du Nord dans le type antropologique andronoïde.

Ces phénomènes aboutissaient au mélange des éléments des cultures de taïga et de steppe dans la Sibérie Occidentale et, notamment, à l'introduction dans l'art des peuples de la Sibérie Occidentale des traditions ornementales andronoïdes qui sont conservées dans le milieu ougrien — samodien jusqu'à nos jours.

Ю. А. КРАСНОВ

РАЛА СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ СТЕЛЫ

(К истории пахотных орудий в Старом Свете)

Один из интереснейших источников для изучения истории упряжных пахотных орудий и пашенного земледелия в Европе — симферопольская стела, обнаруженная Н. Л. Эрнстом при раскопках кургана № 1 в урочище Бахчи-Эли близ Симферополя и хранящаяся ныне в Симферопольском музее [1]. Изображенные на ней рала — древнейшие прямые свидетельства наличия пашенного земледелия в Восточной Европе и уже поэтому заслуживают самого тщательного и всестороннего анализа.

Несмотря на то, что они уже освещались в археологической литературе [2], имеет смысл вновь вернуться к этому сюжету и, сконцентрировав главное внимание на реконструкции симферопольских рал, их археологических и этнографических параллелях, выяснить место, которое они занимают среди древнейших упряжных пахотных орудий Старого Света.

Симферопольская стела представляет собой известняковую плиту размером 107 × 70 × 15 *см*, с обеих широких сторон и на боковых гранях которой выбиты изображения. Верхняя, торцовая сторона несет два ряда чашевидных углублений. Несмотря на то, что стела обнаружена в кургане, где перекрывала могильную яму, особенности расположения изображений на ней бесспорно свидетельствуют, что первоначально плита была вкопана в вертикальном положении, представляя собой, вероятно, надгробный памятник и одновременно жертвенник [3].

В настоящее время стела убедительно датируется катакомбным временем [4]. Общепринятая датировка катакомбной культуры — первая половина II тысячелетия до н. э. При этом нельзя не учитывать, что нижняя дата ее еще недостаточно обоснована и, вероятно, нуждается в удревнении [5]. Поэтому вряд ли будет ошибкой дать симферопольской стеле более

---

[1] Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет. ИТОИЭА, IV, 1930, стр. 76, 79; фотографии одной из сторон стелы и ее описание впервые были даны А. М. Тальгреном (A. M. Tallgren. La Pontide prescythique après l'introduction des métaux EEA, II, Helsinki, 1926, стр. 49, рис. 36 *B*, *6*). Позднее этот памятник рассматривался А. А. Формозовым, опубликовавшим фотографии всех четырех сторон стелы (А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи раннего металла. СА, 1958, 2, стр. 137—139, рис. 1) и А. А. Щепинским (А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, 3, стр. 43—44, рис. 4, *13*). Наиболее четкая фотография стелы и точная прорисовка основных ее изображений опубликована Б. А. Шрамко (Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, 4, стр. 96—99, рис. 5, 6).

[2] H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa. EAF. I, Berlin, 1953, стр. 51, рис. 5, *в*; его же. Die Völkerkundliches Agrarforschung im Rahmen der Ethnohistorie. EAF, IV, Berlin, 1968, стр 83—86, рис. 7 *B*; Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 96—99.

[3] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 139.

[4] Там же, стр. 138, 139; А. А. Щепинский. Ук. соч., стр. 39—46.

[5] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 24, 25.

широкую дату — конец III — первая половина II тысячелетия до н. э. А. М. Тальгрен выделил среди многочисленных рисунков стелы лишь изображения человеческих фигур и топоров; А. А. Формозов, кроме того, — тамгообразные знаки. А. А. Щепинский обратил внимание на изображения орудий, «напоминающих мотыги, посохи и т. д.». Им же был отмечен сложный характер изображений стелы, «в комплексе носящий характер повествования», хотя общий смысл их остался невыясненным. Впрочем, это должно быть отнесено только к изображениям одной стороны стелы, которую мы будем называть лицевой. Уловить какую-либо систему и смысл в изображениях оборотной и боковых сторон стелы не представляется возможным. Изображения пахотных орудий среди ее рисунков впервые отметил Х. Коте, а затем Б. А. Шрамко, выделивший здесь, кроме пахотных орудий, топоров и людей, изображения мотыг, кирки, парной упряжки волов в ярме. Он же высказал предположение, что на лицевой стороне стелы запечатлена «культовая сцена подготовки к пахоте, которая должна была магически способствовать получению хорошего урожая, увеличивать плодородие полей. Поэтому орудия, связанные с земледельческими работами, изображены, но не показаны в действии». Фигуры людей рядом с пахотными орудиями Б. А. Шрамко истолковал как изображения умирающего и воскресающего божества плодородия. На симферопольской стеле, таким образом, «изображена целая сцена, связанная с земледельческим культом» [6], что должно указывать на давние традиции пашенного земледелия. Не лишним будет подчеркнуть здесь, что все предметы, изображенные на стеле и поддающиеся смысловому истолкованию, прямо или косвенно связаны с земледелием.

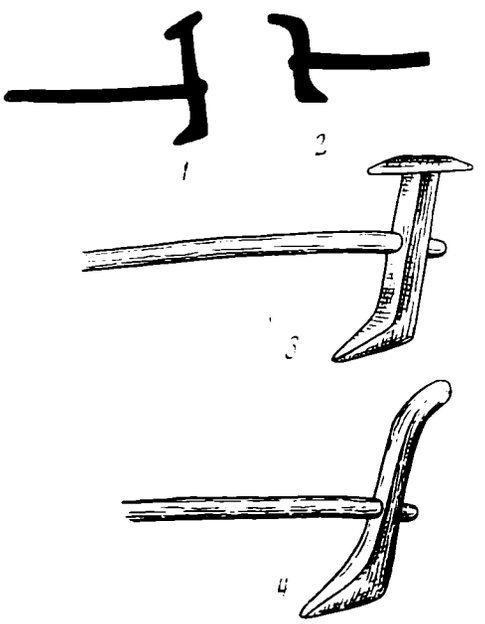


Рис. 1. Изображения рал на симферопольской стеле (*1—2*) и их реконструкция (*3—4*)

Что же заставляет интерпретировать рассматриваемые нами изображения симферопольской стелы (рис. 1, *1—2*) именно как изображения упряжных пахотных орудий?

Во-первых, эти рисунки могут получить смысловое истолкование только при сравнении их с пахотными орудиями, известными по этнографическим данным (рис. 2). Во-вторых, они проявляют значительное сходство с наскальными рисунками пахотных орудий из Северной Италии, где последние показаны в процессе работы в бычьих упряжках и где такая интерпретация изображений не вызывает никаких сомнений (рис. 3, *1 — 7*). Тот факт, что на симферопольской стеле пахотные орудия изображены без впряженных в них животных, а также то, что изображенные рядом с ними люди не держатся за рукояти орудий, отнюдь не должно нас смущать. Исчерпывающее объяснение этому дано Б. А. Шрамко. Кроме того, среди бесспорных наскальных рисунков пахотных орудий эпохи бронзы известны и такие, которые изображаются без упряжных животных [7]. В некоторых сценах пахоты из Северной Италии пахарь изображен не держащимся за рукоять рала [8]; другие сцены вообще не содержат изображений

---

[6] Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 99.

[7] L. Baltzer. Hällristningar fran Bohuslen (Sverige), 1, Göteborg, 1881, табл. 1; II, Göteborg, 1882, табл. 7, рис. 23.

[8] P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica. Kuml, 1954, рис. 1—2.

пахаря [9]. В-третьих, аргументом в пользу защищаемой точки зрения служит значительное различие между предполагаемыми рисунками рал и другими изображениями симферопольской стелы. Только недоразумением или использованием недоброкачественной фотографии можно объяснить то, что Б. Брентьес счел изображения рал рассматриваемого памятника за изображения топоров [10]. Следует заметить, что ни один исследователь, изучавший стелу de visu, не высказывал такого мнения.

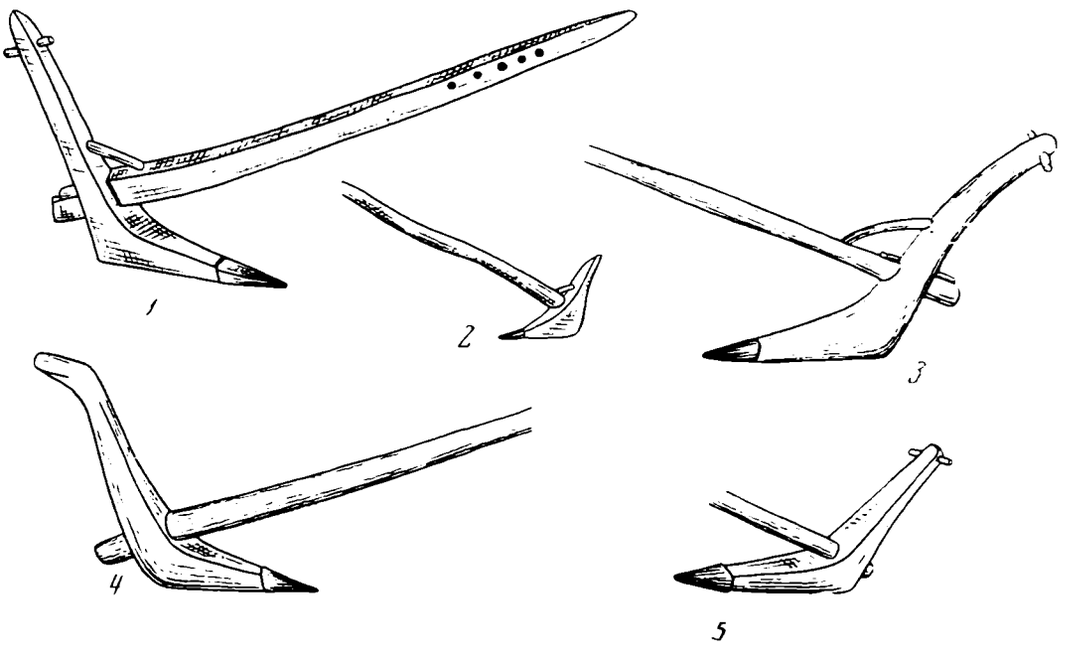


Рис. 2. Однорукояточные прямогрядильные рала с полозом по этнографическим данным

1—3 — Средняя Азия; *4* — Индия; *5* — Кафиристан

Изображения пахотных орудий на симферопольской стеле, несмотря на их малые размеры, достаточно реалистичны и содержат все необходимые данные для реконструкции их внешнего облика, в чем огромную помощь оказывает не только сравнительный археологический и иконографический материал, но и этнографические данные. Основной их частью служила деталь, сочетающая функции рукояти, точнее — стойки ее, и рабочей части — ральника (конструкция рукоять-ральник). Она прямая, с резким изгибом в нижней части, образующим ральник в виде короткого горизонтального полоза. У одного изображения (рис. 1, *1*) хорошо видна клиновидная форма последнего, столь характерная для рал, известных по данным этнографии (рис. 2). Нет никаких оснований считать, что полоз был образован особой деталью, скреплявшейся со стойкой рукояти. Против этого говорит плавный переход от последней к полозу, отсутствие какого-либо выступа в его задней части по отношению к стойке рукояти, что всегда отмечается у рал с полозом [11]. Очевидно, что конструкция рукоять-ральник была сделана из одного куска дерева. В верхней части этой конструкции хорошо показана ручка-держак, с помощью которой пахарь управлял орудием. В одном случае (рис. 1, *1*) держак изображен выступающим по обе стороны стойки рукояти и должен быть реконструирован в виде планки, присоединенной к верхней части этой последней. Обращает на себя внимание, что держак показан как бы под углом к зрителю. Это наводит на мысль, что он мог располагаться перпендикулярно к пап-

[9] P. V. Glob. Ard og plov i Nordens Oldtid. Aarus 1951. рис. 127; его же. Provbilder i Val Camonica, рис. 4, 5, 7.

[10] B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pflüges, III. WZ, Jg. III, 2, 1953—1954, стр. 395, 396, рис. 40.

[11] P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931. рис. 261, 270, 274, 282; З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горные пахотные орудия террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, рис. 1, *3*, *4*.

равлению движения орудия, так что при работе за него можно было держаться двумя руками (ср. рис. 2, *3*, *5*). На втором изображении (рис. 1, *2*) держак показан в виде резкого, почти под прямым углом, отгиба назад стойки рукояти. В этом случае он может реконструироваться либо в виде планки, набитой на верхний конец стойки рукояти параллельно направлению движения орудия и выступающей только назад, либо, вероятнее, как специальный изгиб верхней части конструкции рукоять-ральник (ср. рис. 2, *4*). Вряд ли могут быть сомнения в том, что держак в обоих

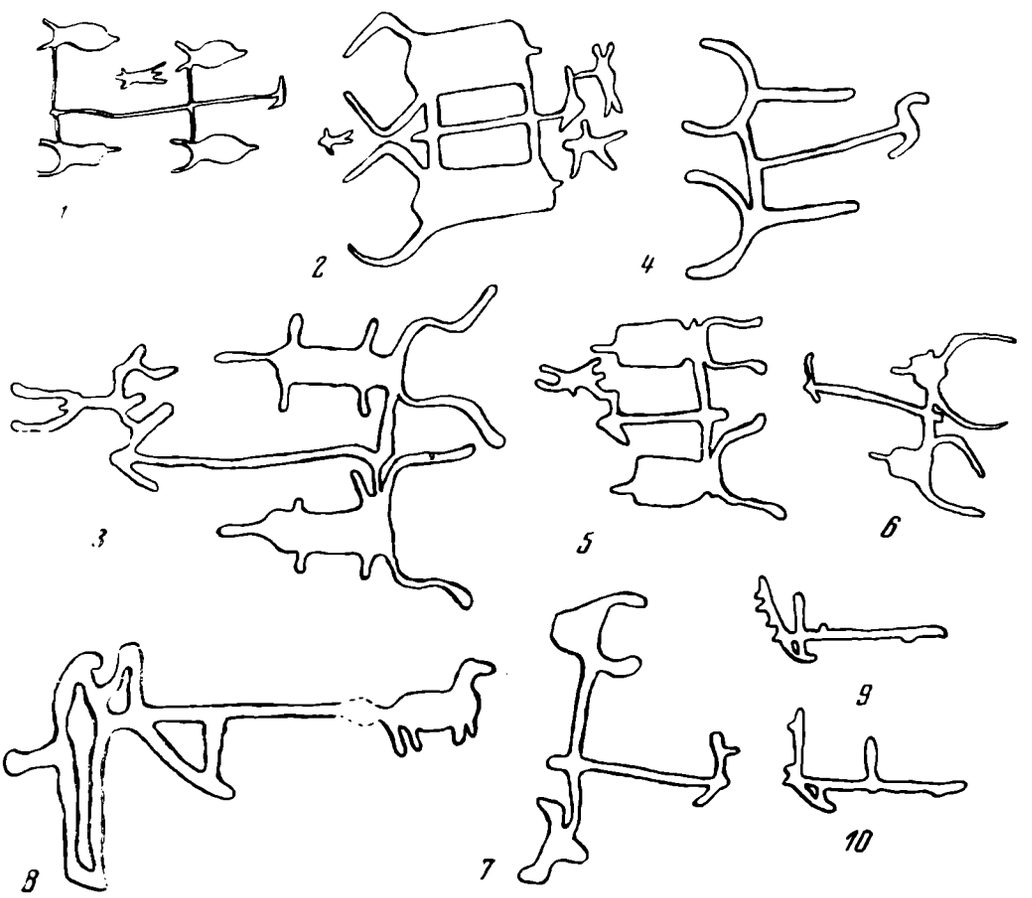


Рис. 3. Сцены пахоты из наскальных изображений Северной Италии (*1—7*) и Южной Швеции (*8—10*)

случаях не проходил через специальное отверстие в верхней части стойки рукояти, как у рал на рис. 2, *1*, *3*, *5*. Такое устройство этой детали до сих пор встречающееся в этнографическом материале, должно считаться весьма древним.

К конструкции рукоять-ральник присоединялся прямой грядиль, к которому припрягались тягловые животные. Грядиль входил в отверстие, проделанное несколько ниже середины стойки рукояти. На обоих изображениях пахотных орудий симферопольской стелы хорошо виден выступающий позади стойки рукояти задний конец грядиля. Грядиль — относительно короткий, что характерно для ранней стадии развития пахотных орудий рассматриваемого типа [12]. Особенности конструкции рукоятки-ральника и грядиля указывают на относительно высокое расположение центра тяжести орудий, их малую устойчивость в работе, но большую поворотливость. Эти орудия, по-видимому, отличались небольшими размерами, легко заглублялись в почву и также легко выходили из нее. Небольшой полоз позволял обрабатывать почву лишь на минимальную глубину, необходимую для заделки семян. Никаких следов отвальных приспособлений на рисунках симферопольской стелы мы не видим. Таким образом, перед нами орудия, которые с точки зрения функциональных особенностей

[12] P. Leser. Ук. соч., стр. 268, 531.

представляли собой рала, т. е. безотвальные пахотные орудия для симметричной обработки почвы, в процессе работы разрывающие слой земли и раздвигающие его своим полозом по обе стороны. С точки зрения формально-типологической, они должны квалифицироваться как однорукояточные прямогрядильные [13], с рабочей частью, образованной коротким горизонтальным полозом (рис. 1, *3*, *4*).

Близкие пахотные орудия мы встречаем среди наскальных рисунков Северной Италии: в Лигурийских Альпах (Вал Фонтанальба, Вал делла Меровигле [14] и в северо-восточной Италии (Вал Камоника) [15] (рис. 3). Наскальные изображения из Вал Фонтанальбы и Вал делла Меровигле убедительно датированы П. Глобом в пределах 1500—1000 гг. до н. э. [16]. Рисунки из Вал Камоники относятся к более позднему времени — концу эпохи бронзы — началу раннего железа, в абсолютных цифрах — к 1000—500 гг. до н. э.[17].

Почти все рала североитальянских наскальных изображений принадлежат к тому же типу однорукояточных прямогрядильных рал, что и пахотные орудия симферопольской стелы. Сомнения в том, что эти пахотные орудия имели прямой грядиль, высказанные еще П. Лезером [18] и основанные на том, что сцены пахоты здесь всегда изображены более или менее в плане, благодаря чему трудно судить, прямой или искривленный грядиль имели эти рала, вряд ли можно принять. Ясные и четкие воспроизведения североитальянских наскальных рисунков в работах П. Глоба, намного превосходящие по качеству и точности рисунки Бикнелла, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что сами рала, как и идущие за ними люди, изображались здесь, в отличие от фигур быков, со стороны, в фас. Здесь мы видим те же основные детали пахотных орудий, что и на симферопольской стеле: прямой грядиль, иногда столь же короткий, как и на симферопольских изображениях конструкцию рукоять-ральник из одного куска дерева, задний конец грядиля, выступающий позади стойки рукояти. Грядиль и конструкция рукоять-ральник и здесь скрепляются несколько ниже середины стойки рукояти. Некоторые изображения дают представление о наличии у рал короткого горизонтального полоза клиновидной в профиле формы (рис. 3, *1* — *2*, возможно — *5*). У ряда изображенных здесь рал держак образован отгибом стойки рукояти назад (рис. 3, *4*).

При общем сходстве рала симферопольской стелы и североитальянских наскальных изображений имеют и некоторые отличия, не столь существенные, впрочем, чтобы считать их принадлежащими к различным типам. Рабочая часть орудий из Вал Фонтанальбы, Вал делла Меровигле и Вал Камоники в большинстве случаев показана под углом к почве; следовательно, эти орудия не имели горизонтального полоза (рис. 3, *3*—*4*, *6*—*7*). Впрочем, угол наклона ральника у многих этих орудий очень невелик

---

[13] Среди рал могут быть выделены три семейства, разделяющиеся на типы, виды и т. д.: рукояточные, грядильные и полозовые. Признаком для такого разделения служит то обстоятельство, образует ли рабочая часть продолжение рукояти, грядиля или является самостоятельной деталью. К семейству рукояточных рал мы относим такие орудия, рукоять и ральник которых изготовлены из одного куска дерева, представляя единую деталь рукоять-ральник. Это семейство может быть разделено на два подсемейства: однорукояточные, у которых конструкция рукоять-ральник одинарная, и двухрукояточные, с двойной конструкцией рукоять-ральник (например, древнейшие шумерийские или древнеегипетские рала). Рала симферопольской стелы относятся к подсемейству однорукояточных рал.

[14] C. Bicknell. The Prehistoric Rock Engraving in the Italian Maritime Alps. Bordighera, 1911; P. V. Glob. Ard og plov...; его же. Plovbilder i Val Camonica.

[15] P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica.

[16] Там же, стр. 16.

[17] P. V. Glob. Ard og plov..., стр. 116, 124; его же. Plovbilder i Val Camonica, стр. 16.

[18] P. Leser. Ук. соч., стр. 267; Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 109.

(см., например, рис. 2, *4*). Такое положение рабочей части обусловливалось, по-видимому, потребностями обработки почвы, сильно засоренной камнями или корнями деревьев. Далее, большинство рал североитальянских наскальных изображений имеет более длинный грядиль, чем рала симферопольской стелы. П. Лезер считает длину грядиля у этого типа пахотных орудий признаком их относительной развитости, определенного положения в эволюционном ряду. Если это так, то рала симферопольской

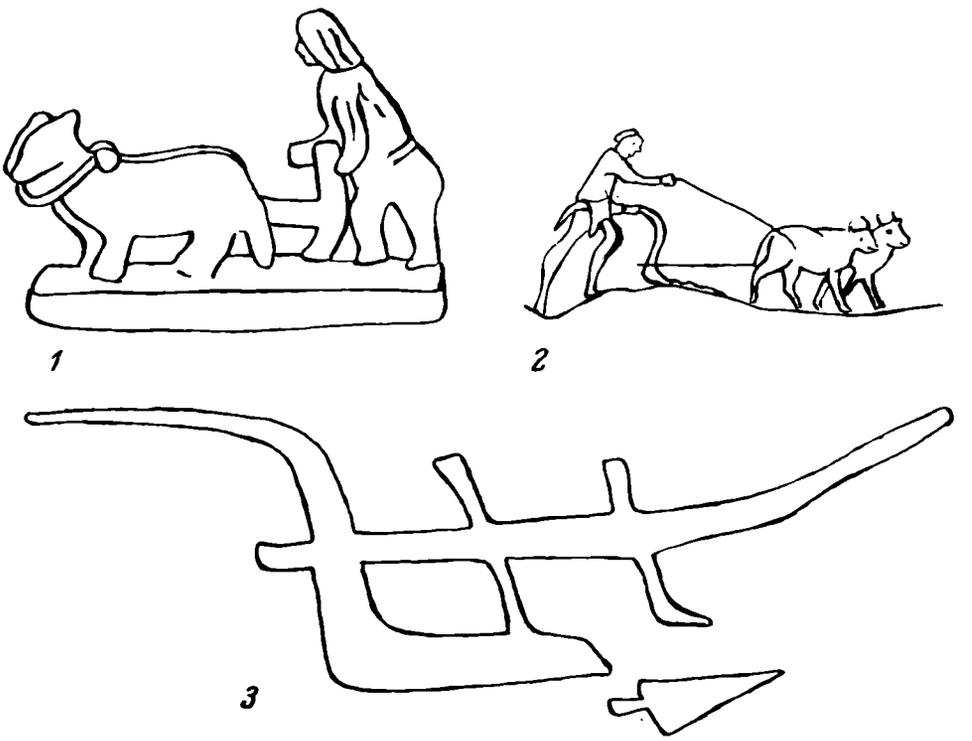


Рис. 4. Однорукояточные прямогрядильные рала римского времени и эпохи средневековья

1 — статуэтка из Дурхэма (Англия); *2* — миниатюра из английской раннесредневековой рукописи; *3* — изображение на стене церкви в Осендрупе (Дания)

стелы следует считать несколько более примитивными, вероятно и несколько более ранними, чем орудия, изображенные в Приморских Альпах и Вал Камонике. Наконец, на североитальянских изображениях пахотных орудий держак часто изображен вставленным в отверстие в верхней части конструкции рукоять-ральник (рис. 3, *3, 5, 7*). Последнее обстоятельство также свидетельствует об относительно большей развитости североитальянских рал эпохи бронзы.

Тот же тип однорукояточных прямогрядильных рал, но в новой разновидности, представлен среди наскальных рисунков Богуслена (южная Швеция), датируемых эпохой поздней бронзы — 800—500 гг. до н. э.[19] Это изображения из Тегенби, Финнторпа II[20], Кассена и Бракке[21] (рис. 3, *8—10*). Характерная особенность богусленских рал этого типа — наличие стойки между ральником, работающим под углом к почве и не образующим, таким образом, полоза, и грядилем. Эта черта, совершенно не свойственная для более ранних изображений пахотных орудий, ставит богусленские рала еще выше в типологическом ряду.

---

[19] P. V. Glob. Ard og plov..., стр. 118, 126.

[20] Там же, стр. 54—55, 66, рис. 58, 63. Изображение из Финнторпа II может быть истолковано и как принадлежащее иному типу прямогрядильных рал, у которых рукоять и наклонно поставленный ральник не составляют одного целого, а образованы отдельными деталями. Эту разновидность следует считать генетически связанной с рассмотренными выше.

[21] L. Baltzer. Ук. соч.

Время бытования однорукояточных прямогрядильных рал в Европе не ограничивается эпохой бронзы и началом раннего железа. Наряду с другими типами они существуют здесь и в более позднее время. Изображение рала без полоза и стойки мы видим на бронзовой статуэтке римского времени из Дурхэма (Англия) [22] (рис. *4*, 1). Употреблялись они и в раннее средневековье, о чем свидетельствуют миниатюры ряда рукописей [23] (рис. 4, *2*) и схематические рисунки на стене Малого дворца в Плиске (Болгария) [24]. В XII—XIII вв. их бытование засвидетельствовано росписью ротонды св. Екатерины в Знойме (Чехия) [25]. Изображения однорукояточных прямогрядильных рал с длинным, хорошо выраженным полозом, стойкой между ним и грядилем, снабженных железным наральником и чересломи, известны на стенах церквей в Оксендрупе и Ельмелунде (Дания) конца XV в. [26] (рис. 4, *3*). Конструкция прямогрядильных однорукояточных рал с полозом и стойкой нашла свое дальнейшее развитие в ряде типов ранних прямогрядильных плугов [27].

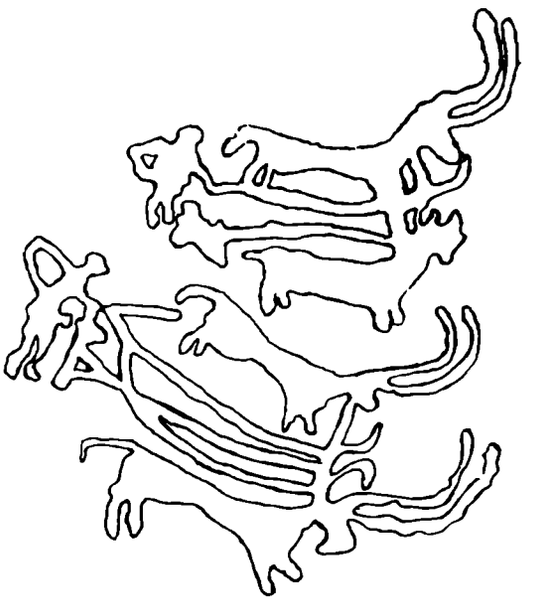


Рис. 5. Сцена пахоты из Сеймалы-Таш

Таким образом, возраст симферопольской стелы и типологические особенности изображенных на ней пахотных орудий позволяют считать их древнейшими известными нам однорукояточными прямогрядильными ралами в Европе.

Однорукояточные прямогрядильные рала встречаются, судя по археологическим и иконографическим данным, и вне пределов Европы. По-видимому, к этому типу следует отнести пахотные орудия из наскальных изображений Сеймалы-Таш в Фергане, относящиеся к эпохе бронзы [28]. Пахотные орудия изображены здесь в процессе работы, их рабочая часть не видна, так как погружена в землю. Четко различимы прямая стойка рукояти и отходящий назад держак, прямой грядиль, соединенный с ярмом, положенным на шеи животных, быков или яков (рис. 5). Прямизна стойки рукояти в сочетании с прямым грядилем предполагает наличие у этих рал короткого полоза.

К III—I вв. до н. э. относится изображение сцены пахоты однорукояточным прямогрядильным ралом на стеле из Будгойя в долине Инда [29]. Рало показано в момент вхождения в почву, поэтому хорошо видна его рабочая часть в виде короткого горизонтального полоза. Стойка рукояти прямая, задний конец грядиля проходит через отверстие в ней и несколько выступает сзади. Держак не виден (рис. 6, *1*). VIII в. н. э. датируется единственная подлинная находка однорукояточного прямогрядильного ра-

---

[22] A. S. F. Gow. The Ancient Plough. JHS, 34, 1914, рис. 8, стр. 257.

[23] Там же, рис. 23; H. Kothe. Die Völkerkundliche Agrarforschung..., рис. 7.

[24] Ж. Н. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, стр. 44, 45, рис. 18.

[25] Z. Podwinska. Technika uprawy roli w Polsze sredniowiczney. Wrozlaw — Warszawa — Krakow, 1962, рис. 152.

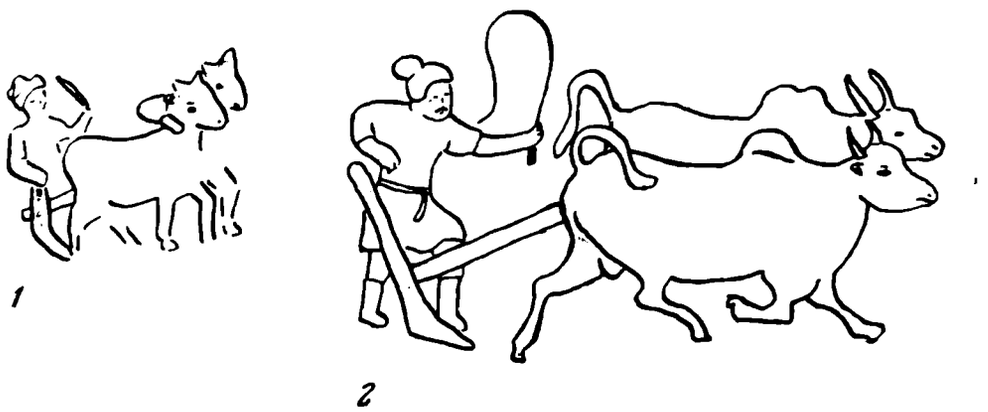
[26] A. Steensberg. Nord West European Plough-Types. AA, VII, Kobenhavn, 1937, рис. 16.

[27] См., например, английские плуги с миниатюр X — начала XI в.; Z. Podwinska. Ук. соч., рис. 106—107 и др.

[28] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Сеймалы-Таш. СЭ, 1952, 2, рис. 5. Сб. «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, рис. 25.

[29] A. G. Handricourt, M. J.-B. Delamarre. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, рис. 18, стр. 83, 84.

ла на городище Ак-Бешим в Северной Киргизии [30]. Рало изготовлено из арчи, рукоять-ральник имеет цельную конструкцию с резким изгибом в нижней части, образующим массивный полоз длиной около 0,4 *м* характерной клиновидной формы. Рало было снабжено железным наральником, оставившим следы на рабочей части орудия. Стойка рукояти прямая. Несколько ниже середины ее имеется отверстие для закрепления грядиля (рис. 7, *1—3*). Последний не сохранился, но этнографические параллели этому



1

2

Рис. 6. Однорукояточные прямогрядильные рала древней Индии
1 — по рельефу на стеле из Будгойя, *2* — по миниатюре XVI в.

орудию, а также единственно возможная его реконструкция не оставляют сомнения в том, что он был прямой. Изображение аналогичного рала с росписи стен крепости Базаклык в восточном Туркестане опубликовано Е. Вертом [31] (рис. 7, *4*). Такое же рало известно на миниатюре индийской рукописи XVI в.[32] (рис. 6, *2*). Описанные выше древние однорукояточные прямогрядильные рала из районов Средней Азии и Индии представляются типологически наиболее близкими к ралам симферопольской стелы.

Можно согласиться с Б. Брентьесом, истолковавшим ряд знаков, встреченных на гадательных костях из Аньяна, как достаточно реалистические изображения упряжных пахотных орудий [33] (рис. 8, *1—3*). Эти рисунки относятся к эпохе Инь, периоду расцвета китайской бронзы (XIV—XII вв. до н. э.). Если это предположение верно, то древнейшие пахотные орудия Китая, появляющиеся именно в иньское время, должны рассматриваться как однорукояточные прямогрядильные рала. Конструкция рукоять-ральник изготовлялась у них из одного куска дерева, имела в нижней части значительный изгиб вперед, не образующий, впрочем, горизонтального полоза. Верхняя часть этой конструкции отгибалась назад, образуя держак. У некоторых орудий (рис. 8, *3*) держак представлял отдельную деталь, набивавшуюся на верхний конец конструкции рукоять-ральник. Короткий прямой грядиль соединялся с рабочей частью одной или даже двумя стойками. Пахотные орудия такой конструкции известны по более поздним китайским рисункам (рис. 8, *4—5*) и до сих пор употребляются в различных районах Китая (рис. 8, *6*) [34]. Эта разновидность однорукояточных прямогрядильных рал представляется типологически более поздней, чем рала симферопольской стелы и североптальянских наскальных изображений. В то же время с ней могут быть типологически связаны едва ли не все типы китайских пахотных орудий.

[30] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Кирг. АЭЭ, II, М., 1959, рис. 37, стр. 202.
[31] E. Werth. Grabstock, Hacke und Pflug. Lüdwigsburg, 1954, рис. 60.
[32] A. G. Haudricourt. M. 1.— B. D. Delamarre. Ук. соч., табл. IX, 39.
[33] B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges. I. WZ, Jg. II, 2, 1952—1953, табл. 1, рис. 2.
[34] P. Leser. Ук. соч., рис. 247, 249, 187; E. Werth. Ук. соч., рис. 67 и др.

Однорукояточные прямогрядильные рала в древности не были распространены в очагах древних цивилизаций Месопотамии, Египта и Средиземноморья. В этих районах среди многочисленных изображений древних пахотных орудий нет ни одного, которое могло бы быть истолковано как изображение рал указанного типа. Для древней Месопотамии, начиная с IV тысячелетия до н. э., были характерны различные варианты двухрукояточных кривогрядильных рал, в Египте с начала III тысячеле-

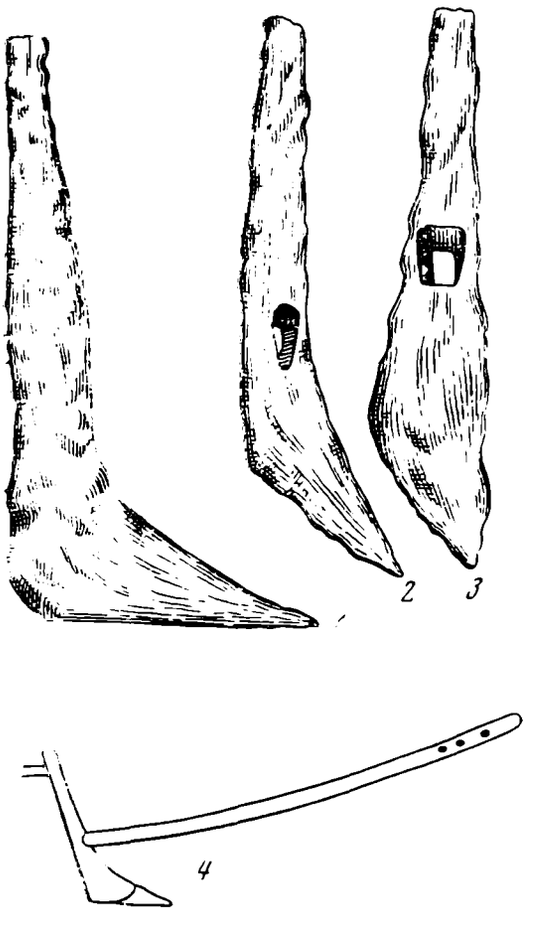


Рис. 7. Древние среднеазиатские рала

1—3 — ак-бешимское рало в различных ракурсах; *4* — рало с настенной живописи из Базаклыка

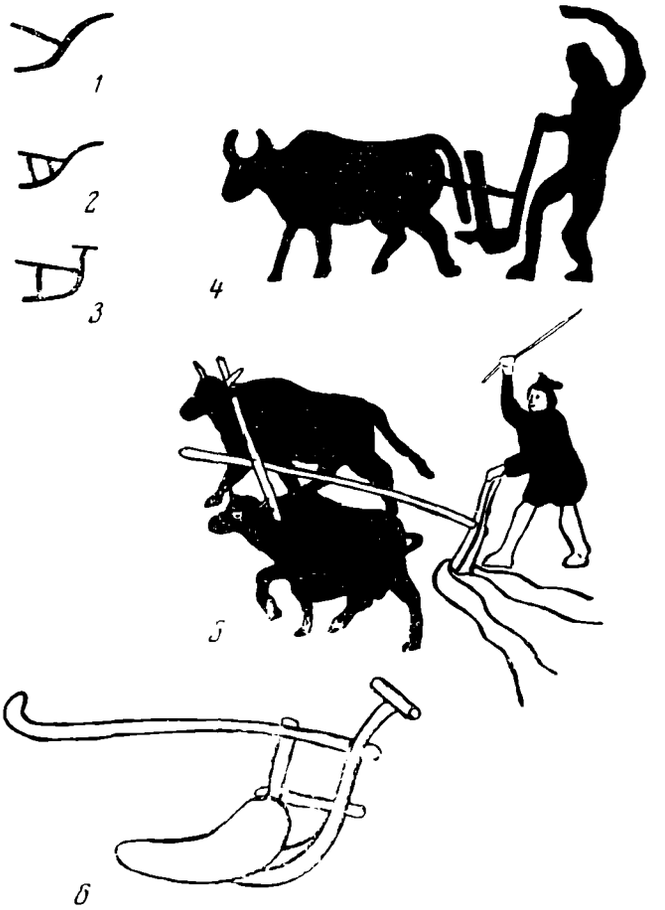


Рис. 8. Китайские древние и современные пахотные орудия

1—3 — по рисункам на гадательных костях из Аньяна; *4—5* — по рисункам эпохи Хань (II в. до н. э.— II в. н. э.); *6* — современный китайский плуг

тия до н. э. употреблялись двухрукояточные прямогрядильные рала. Указанные типы пахотных орудий здесь пережиточно сохраняются вплоть до наших дней. Установить генетическую связь между этими типами рал и однорукояточными прямогрядильными при отсутствии переходных форм как в археологическом и иконографическом, так и в этнографическом материале, крайне затруднительно. В восточном Средиземноморье с конца III — начала II тысячелетия до н. э. стали известны грядильные и полозные рала, распространившиеся в течение II тысячелетия до н. э. по Европе вплоть до Ютландии и южной Скандинавии. Эти орудия также невозможно связать в генетическом плане с однорукояточными прямогрядильными ралами. Следует упомянуть еще об одном типе древних пахотных орудий — однорукояточных кривогрядильных ралах. Во второй половине II тысячелетия до н. э. их изображения появляются в некоторых районах восточного Средиземноморья, несколько позже — в Испании и ряде областей Западной и Северной Европы. На цилиндрических печатях Ближнего Востока можно проследить переходные формы от двухрукояточных кривогрядильных

рал с дополнительным ральником к однорукояточным кривогрядильным. Их распространение в Испанию (и далее в Западную и Северную Европу), минуя Египет, южную часть Европы и Северную Африку, можно связать с деятельностью финикийских мореплавателей. Очевидно, и этот тип пахотных орудий чужд по своему происхождению однорукояточным прямогрядильным ралам. Последние представляются, таким образом, самостоятельным типом. Конечно, самостоятельность эта весьма относительна. Отсутствие видимых генетических связей между однорукояточными прямогрядильными ралами и другими типами древнейших пахотных орудий еще не доказывает полной самостоятельности их возникновения, полной самостоятельности возникновения пашенного земледелия в тех районах, где эти пахотные орудия были древнейшими. Пашенное земледелие могло возникнуть здесь под влиянием культурных стимулов из других районов, где оно появилось в более раннее время. Возможно, имело место заимствование самой идеи употребления тягловой силы домашних животных, для обработки полей, которая на новом месте нашла иное, чем на своей родине, техническое воплощение в виде нового типа упряжных пахотных орудий. Именно в этом смысле мы и говорим о самостоятельности типа однорукояточных прямогрядильных рал. Основной район их распространения лежит к северу и востоку от тех территорий, на которых можно предполагать очаги возникновения других типов древнейших пахотных орудий. Очевидно, там и следует искать родину однорукояточных прямогрядильных рал.

По этнографическим данным, этот тип пахотных орудий распространен на огромной территории. Его ареал охватывает практически всю территорию пашенного земледелия в Старом Свете — от Японии до Пиренеев и от Скандинавии до Индонезии. Все остальные типы пахотных орудий применялись на значительно меньшей территории. Нас, естественно, интересует распространение только одной разновидности рассматриваемых орудий, наиболее близкой к изображенным на симферопольской стеле — однорукояточных прямогрядильных рал с полозом, без стойки, соединяющей грядиль и ральник. Как уже отмечалось, эта разновидность в свете имеющихся данных может считаться типологически наиболее ранней. Район распространения таких орудий охватывает Среднюю Азию, Синцзянь, Афганистан, Пакистан, Индию и Непал, прилегающие к Афганистану районы Ирана [35]. Такие типы рал были единственным типом упряжных пахотных орудий у тувинцев, алтайцев и других народов южной Сибири, знавших пашенное земледелие до распространения здесь русских пахотных орудий [36]. Конструкция рабочей части таких пахотных орудий стала основой для так называемой «тобольской сохи» [37]. Такие же рала были единственными пахотными орудиями и у монголов [38]. Такова же конструкция большинства пахотных орудий Индонезии, куда пашенное земледелие проникло несомненно, с севера и северо-запада [39]. Во всех этих районах рассматриваемый тип рал следует считать древнейшим. Никаких следов употребления иных, более древних упряжных пахотных орудий здесь не прослеживается. Встречающиеся с северо-западной Индии, Пакистане и Афганистане, наряду с однорукояточными прямогрядильными, грядильные и полозные рала по-

[35] P. Leser. Ук. соч., рис. 217, 218, 222; E. Werth. Ук. соч., карта 14, стр. 102, рис. 10, 61, 62, 202, 203; A. G. Handricourt, M. J.-B. Delamarre. Ук. соч., рис. 114—116, 119, 120; М. В. Сазонова. К этнографии узбеков южного Хорезма. Тр. ХАЭЭ, 1, М., 1952, стр. 256; С. М. Абрамзон. Киргизское население Синцзян-Уйгурской автономной области КНР. Тр. Кирг. АЭЭ, II, М., 1959, стр. 343.

[36] E. Werth. Die vorrussische Ackerbaugrenze in Asien. Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde, 1941; его же. Grabstock, Hacke und Pflug, рис. 62; А. С. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 321.

[37] P. Leser. Ук. соч., рис. 73.

[38] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. 2, СПб., 1881, стр. 111.

[39] P. Leser. Ук. соч., рис. 265—267; A. G. Handricourt, M. J.-B. Delamarre. Ук. соч., рис. 121, 122.

явились здесь сравнительно поздно, не ранее эллинистического периода, проникнув через Ближний Восток, из областей восточного Средиземноморья. Наряду с другими типами однорукояточные прямогрядильные рала с полозом и без стойки известны в Передней Азии [40].

Где же следует искать центр возникновения рассматриваемого типа пахотных орудий? Каким путем проникли они в Европу? Несмотря на то, что изображения рал симферопольской стелы следует считать древнейшим свидетельством существования однорукояточных прямогрядильных рал, нет оснований полагать, что именно в конце III— начале II тысячелетия до н. э. и именно в Северном Причерноморье и возник этот тип пахотных орудий. Вряд ли может быть принято и предположение о самостоятельном возникновении его в различных районах Старого Света. Для решения поставленных вопросов мы располагаем весьма отрывочными данными, достаточными, впрочем, для построения рабочей гипотезы.

Во-первых, мы уже отмечали, что рала симферопольской стелы по ряду признаков представляются примитивнее пахотных орудий североитальянских наскальных изображений, а тем более наскальных рисунков Богуслена. Они и датируются более ранним временем. Это наводит на мысль, что путь их распространения в Европе шел с востока на запад. Во-вторых, в конце III — начале II тысячелетия до н. э. на юге Европы применялись иные типы рал, которые генетически не могут быть связаны с однорукояточными прямогрядильными. Это — различные виды полозных и грядильных рал, известные по статуэтке из Вуноса (Кипр) и значкам на критских пиктографических табличках и печатях [41]. Уже в эпоху бронзы они распространялись в Европе вплоть до Скандинавии и употреблялись наряду с однорукояточными прямогрядильными. Но последние ни в это, ни в более позднее время не зафиксированы в Средиземноморье. Это может свидетельствовать о том, что однорукояточные прямогрядильные рала проникли в Среднюю и Северную Европу не через Средиземноморье, а иным путем, лежащим севернее. Этот путь не мог проходить через Кавказ. Здесь мы не знаем ни древних изображений, ни подлинных находок пахотных орудий, близких к рассматриваемому времени. Но в чрезвычайно богатом этнографическом материале о пахотных орудиях Кавказа мы не найдем никаких свидетельств употребления однорукояточных прямогрядильных рал, хотя здесь представлены едва ли не все типы древнейших пахотных орудий, отмечающие различные этапы в развитии пашенного земледелия и различные культурные влияния и заимствования.

В-третьих, этнографические данные указывают, что район, где рассматриваемый тип рал существует в наиболее близкой к симферопольским разновидностям, находится в Средней Азии, Индии и некоторых прилегающих к ним районах, где такой тип пахотных орудий следует считать древнейшим, появившимся, вероятно, вместе с появлением пашенного земледелия.

Пашенное земледелие, как в Средней Азии, так и в Индии, безусловно, должно было существовать и в более раннее время, чем сере-

[40] P. Leser. Ук. соч., рис. 198; E. Werth. Grabstock, Hacke und Pflug, рис. 63; «Народы Передней Азии». М., 1958, стр. 137.

[41] Последние следует считать древнейшими прямыми свидетельствами применения упряжных пахотных орудий в Европе. Роговое орудие из неолитической стоянки Каськоарели в Румынии (V. Dumitresku, T. Banateanu. A propos d'un soc de charrue primitive en bois de cerf, découvert dans la station néolitique de Cascioarele. «Dacia», IX, Bucarest, 1955), деревянное орудие из Бодмана в Швейцарии (H. Reinerth. Pfahlbauten am Bodensee. Augsburg — Stuttgart, 1922) и некоторые другие находки близких к ним по форме и функциональному назначению орудий, которые иногда трактуются как древнейшие рала, вряд ли могут так интерпретироваться. Форма и размеры позволяют считать их частями ручных орудий для проведения борозд типа шотландского cashrom'a. Этот вопрос, однако, требует специального исследования.

дина и вторая половина II тысячелетия, которыми датируются наскальные рисунки Сеймалы-Таш. Очевидно, какие-то пахотные орудия должне были появиться в более раннее время в иных районах Средней Азии, с более древней и более высокой земледельческой культурой. Таким районом могла быть юго-западная часть Средней Азии, один из древнейших очагов земледельческой культуры Старого Света. Действительно, косвенные данные о наличии пашенного земледелия здесь восходят по крайней мере к началу III тысячелетия до н. э. Еще в эпоху Намазга II (конец IV тысячелетия до н. э.) здесь появляются терракотовые колесики с односторонней втулкой, известные по находкам в Кара-Депе, Илгынлы-Депе и ряде других геоксюрских поселений[42]. Возможно, что они принадлежали моделям повозок и являются, таким образом, свидетельством знакомства населения с колесным транспортом. Существование же последнего следует считать достаточно надежным признаком наличия пашенного земледелия[43]. Если в назначении этих предметов все же можно сомневаться, то в слоях Намазга III (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.) на многих памятниках встречены уже совершенно бесспорные глиняные колесики от моделей повозок, имеющие двухстороннюю, хорошо сформованную втулку. Одна из найденных здесь фигурок животных имеет сквозное отверстие, проделанное в холке, скорее всего предназначавшееся для помещения фигурки в упряжь. В это время исчезают кремневые вкладыши жатвенных орудий, характерные для более раннего времени, что заставляет предполагать появление медного серпа[44]. Но металлические серпы, по-видимому, также являются приобретением уже пашенного земледелия[45]. На памятниках юго-запада Средней Азии конца III тысячелетия до н. э. встречается уже большое число моделей повозок двух типов, что свидетельствует о широком применении в быту тягловой силы домашних животных[46]. Заметим кстати, что изображения колесных повозок известны и среди рисунков Сеймалы-Таш.

Отсутствие в этнографическом материале Средней Азии, в том числе и в юго-западных ее районах, иных пахотных орудий, кроме рассматриваемого нами типа, делает вполне вероятным, что именно однорукояточные прямогрядильные рала были известны среднеазиатским земледельцам уже в конце IV или начале III тысячелетия до н. э.

То же можно сказать о районах, прилегающих к долине Инда. Уже отмечалось, что древнейшее прямое указание на наличие однорукояточных прямогрядильных рал здесь относится лишь к III—I вв. до н. э. (изображение из Будгойя). Кстати, это и древнейшее прямое указание на наличие здесь пахотных орудий вообще. Несомненно, однако, что пашенное земледелие имеет в данном районе гораздо большую древность. В «Ведах» упоминаются два термина для обозначения пахотных орудий — «langala» и «sīram». Древнеиндоевропейское происхождение их не вызывает сомнений. Эти названия сохранились местами до наших дней. Первое известно в ряде районов Белуджистана, у кхмеров в Индокитае, у племени буги на Целебесе. Его употребление зафиксировано в дравидийских и индоарийских языках, в языке мунда. Второе до сих пор употребляется у дравидов[47]. Оба термина обозначают сейчас различные варианты однорукояточных прямогрядильных рал, что может быть определенным указанием на существование этого типа пахотных орудий в ту эпоху, когда складывались «Веды». Наличие пашенного земледелия можно предполагать, в долине Инда и в более раннее время, в эпоху Харапской цивилизации. Кос-

---

[42] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1966, стр. 166.

[43] Ю. А. Краснов. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1968, 2, стр. 4—11.

[44] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 165—166.

[45] Ю. А. Краснов. Ук. соч.

[46] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 182.

[47] A. G. Haudricourt, M. J.-B. Delamarre. Ук. соч., стр. 85.

венным свидетельством этого являются находки моделей колесных повозок этого времени [48]. Никаких следов употребления иных типов пахотных орудий, более древних, чем однорукояточные прямогрядильные рала, нет и в долине Инда. Вероятно, они появляются здесь также уже в III тысячелетии до н. э.

Таким образом, вероятным очагом возникновения однорукояточных прямогрядильных рал следует считать древние земледельческие районы юго-запада Средней Азии и долины Инда, может быть, включив сюда некоторые прилегающие районы. Время их возникновения относится, вероятно, к концу IV—III тысячелетию до н. э. Отсюда этот тип пахотных орудий, вместе с первым знакомством с пашенным земледелием, проник в другие районы Средней Азии и Индии, в Китай, а затем и в Европу. Путь их распространения в Европу лежал через Северное Причерноморье, свидетельство чему — изображения пахотных орудий на симферопольской стеле.

Yu. A. Krasnov

L'ARAIRE DE LA STÈLE DE SIMFÉROPOL (SUR L'HISTOIRE DES INSTRUMENTS DE LABOUR DANS LE MONDE ANCIEN)

Résumé

Les images des araires à mancheron unique et au timon droit que comporte la stèle dite de Simféropol se rapportant à la fin du IIIe-la première moitié du IIe millénaire avant notre ère servent d'une des sources les plus intéressantes en vue d'étudier l'histoire des instruments de labour de l'agriculture dans le Monde Ancien. Leur reconstitution, la comparaison aux autres images ancinnene et aux trouvalles des instrument de labour authentiques ainsi que l'analyse de plusieurs données indirectes s'y rattachant donnent lieu à croire que le centre de l'apparition des araires du type précité se trouve dans les régions des cultures agricoles les plus anciennes du sud-ouest de l'Asie Moyenne et du nord-ouest de l'Inde. On suppose que la date de leur apparition peut être rattachée à la fin des IV — III millénaires avant notre ère. C'est de ces régions que les instrument de labour du type analysé se diffusèrent dans la direction est (en Chine, Indochine et Indonésie) et à l'ouest en Europe via les régions situées aux bords nord de la Mer Noire.

---

[48] Э. Маккей. Древнейшая цивилизация долины Инда. М., 1952.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

ОБРАЗ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА В РАННЕСКИФСКОМ ИСКУССТВЕ

За последние годы в нашей науке заметно повысился интерес к проблемам скифо-сибирского искусства и особенно к вопросам происхождения скифского звериного стиля. Возрождению этого интереса способствовало открытие ряда новых памятников II—VI вв. до н. э.

Широкую известность среди них получило погребение знатного воина-кочевника в Иранском Курдистане, у селения Зивие, в окрестностях г. Саккыза [1]. В числе находок здесь оказались предметы раннескифского обихода [2]. Для украшения этих вещей наряду с древневосточными мотивами использован ряд образов раннескифского искусства: скифский олень (на золотой пластине налучия), орлиные головы (серебряный диск, золотые обкладки ленты), заяц (серебряный диск, пектораль), фигуры кошачьего хищника (серебряный диск, золотые обкладки лент, наконечник ножен акинака, пектораль, обломок керамического блюда).

По мнению одних ученых (А. Годар), предметы из Зивие свидетельствуют о переднеазиатском происхождении скифского искусства. Этой же точки зрения придерживается М. И. Артамонов. Он считает, что в Северо-Западном Иране, на окраине Ассирии сформировалось искусство, представляющее наиболее близкие соответствия восточным элементам в искусстве скифского мира. Именно к нему и принадлежат вещи из Зивие. Оно послужило основой для формирования, с одной стороны, искусства ахеменидского Ирана, с другой — искусства причерноморских скифов и среднеазиатских саков. Будучи принесенным в готовом сложившемся виде, оно, через посредство скифов, распространилось у многих других народов Евразийских степей. По мнению М. И. Артамонова, скифское искусство представляет собой переработку сюжетов и форм, заимствованных с Древнего Востока [3]. Б. Б. Пиотровский же считает, что скифские элементы из Зивие — результат проникновения туда скифского влияния, связанного с пребыванием скифов в Приурмийском районе, на южной границе страны Мана. По времени и художественному стилю скифская группа изображений из Зивие очень близка келермесским и мельгуновским и представляет явление одного историко-культурного плана [4].

Р. Гиршман прямо называет погребение из Зивие могилой скифского

---

[1] Количество погребений, открытых у Зивие, точно установить не удалось. Возможно, хищническим раскопкам подверглись не одно, а два погребения.

[2] A. Godard. Le trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950; его же. A-propos du trésor de Ziwiye. «Artibus Asiae», XIV, 3, 1951; R. Ghirshman. La trésor de Sakkez. «Artibus Asiae», XVIII, 3, 1950; R. D. Barnett. The Treasure of Ziwiye. «Iraq», XVIII, 2, 1956; «7000 ans d'art en Iran» (каталог выставки). Paris, 1961, стр. 81—102.

[3] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифского искусства. Сб. «Omagiului George Oprescu». Bucuresti, 1961, стр. 42—46.

[4] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, стр. 255; его же. Искусство Урарту. М., 1962, стр. 78—81; его же. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 156.

князя конца VII в. до н. э. и полагает, что в окрестностях Саккыза находилась ставка скифских царей периода пребывания скифов в Передней Азии. Среди художественных изделий Зивие ассирийского, урартийского, урартийско-манейского производства этот автор выделяет значительное количество вещей, выполненных в традициях скифского искусства [5]. Рассматривая предметы, сделанные в смешанном скифо-урартийском художественном стиле (пекторали, пояс, «блюдо»), Р. Гиршман высказывает интересную мысль о существовании в ставках скифских царей в Передней Азии особой царской мастерской, в которой по заказу скифского князя делали вещи мастера различного происхождения, в том числе ассирийские и урартийские златокузнецы. Выполненные ими скифские мотивы приобретали восточное звучание, и таким образом в северо-западной части иранского плоскогорья создавался особый художественный стиль, сочетающий ассиро-урартийские черты с традициями скифского звериного стиля. Эта мысль Р. Гиршмана весьма близка известному положению Б. Б. Пиотровского о том, что оружие скифских вождей из келермесского и мельгуновского курганов делалось скифами под влиянием образцов урартского искусства или же изготовлялось для скифов в кавказских районах, где урартская культура была еще жива [6].

Р. Барнет также выделяет группу скифских мотивов в составе художественных изображений из Зивие, противопоставляя их искусству древневосточного круга как явление чуждое и привнесенное извне. Впрочем, он считает, что эта гробница могла содержать захоронение не скифского, а мидийского царя [7].

Не успела погаснуть дискуссия, вызванная находкой в Зивие, как в 1960 г. было сделано еще одно открытие. В долине р. Чиликты, южнее оз. Зайсан, в Восточном Казахстане на границе с Монголией С. С. Черниковым был раскопан курган с гробницей сакского вождя. Среди уцелевшего от ограбления инвентаря находилась группа золотых украшений в зверином стиле; фигурки оленя, кабана, свернувшегося хищника кошачьей породы, стилизованные изображения хищной птицы и рыбы. Время погребения — конец VII, самое позднее — рубеж VII—VI вв. до н. э.[8]. Здесь все интересно и многозначительно: географическое положение памятника в недрах азиатских степей, древность, не уступающая по архаичности погребению в Зивие, и т. д. Интересна и законченная художественная стилизация изделий в духе раннескифского искусства при отсутствии следов древневосточного ассиро-урартийского влияния.

Анализ этой группы изображений позволил С. С. Черникову присоединиться к мнению о самобытных корнях скифо-сибирского звериного стиля, сложившегося у народов евразийских степей независимо от искусства древневосточного западноиранского круга. Трудность определения генетических корней этого искусства, по мнению автора, вероятнее всего объясняется тем, что на ранних этапах оно складывалось в недошедших до нас изделиях из дерева, кожи, войлока, шерстяных тканей (аппликаций) и проч. Так или иначе, к VII—VI вв. до н. э. скифо-сибирский звериный стиль не только существовал, но и прошел уже довольно длительный путь развития. «Весь рассмотренный нами материал,— пишет С. С. Черников,— говорит о том, что кочевники появились в Передней Азии уже с достаточно выработанным художественным вкусом и традициями, к которым в большей или меньшей степени приходилось приспосабливаться ассирийским, урартским, маннейским, мидийским, а затем и греческим мастерам» [9]. Оценивая состав вещей из Зивие и Келермеса, в которых

---

[5] R. Girchman. Iran Protoiranier. Meder und Achämeniden. München, 1964, стр. 98—113.

[6] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 252.

[7] R. D. Barnett. Median Art. «Iranica Antiqua», II (1). Leiden, 1962, стр. 77 сл.

[8] С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965.

[9] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 130.

могут быть выделены изделия различных художественных стилей. С. С. Черников развивает мысль о том, что здесь на скифских царей работали мастера различных национальностей: скифы, ассирийцы, урарты, греки. В этом вопросе он солидаризуется с Гиршманом.

Исключительный интерес представляют находки предметов звериного стиля в сакских могильниках низовьев Сырдарьи (работы Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстого), в могильнике Уйгарак (раскопки О. А. Вишневской) и Тагискен (раскопки М. А. Итиной), в том числе в погребениях, относящихся к древнейшей поре VII и VII—VI вв. до н. э. [10]

За последние годы вышло несколько работ Н. Л. Членовой, посвященных вопросам скифо-сибирского искусства [11]. Собрав и обобщив огромный материал по тагарскому искусству Сибири и приведя ему многочисленные аналогии в искусстве ряда других народов от Северного Причерноморья до Ордоса, Н. Л. Членова приходит к выводу, что раннетагарский «минусинский» звериный стиль VII—VI вв. до н. э. восходит к искусству карасукской или родственной ей культуры, которая, в свою очередь, связана с древневосточным искусством северной Месопотамии и Ирана, в частности с искусством Луристана и Керкука. Для Сибири эта связь не непосредственная, а через «почти неизвестное нам искусство Афганистана и Монголии» [12].

С этими же группами древневосточного искусства, по мнению Н. Л. Членовой, связано и происхождение западноскифского искусства, чем и объясняются общие черты в зверином стиле Причерноморья и Южной Сибири на раннем этапе. Предметы из Зивие рассматриваются как результат формирования этого искусства на основе указанных древневосточных групп, причем автор отмечает, что между этими двумя ступенями (искусством Керкука и Луристана, с одной стороны, и раннескифским, с другой — *В. И.*) и на этой территории должен был существовать по крайней мере один промежуточный этап, пока неизвестный [13]. Это искусство было принесено скифами в готовом виде в Причерноморье из горных областей Месопотамии, горного Ирана, может быть Мазендарана.

Произведения раннего звериного стиля (VII—VI вв. до н. э.) были обнаружены М. К. Кадырбаевым в ранних захоронениях могильников Тасмала в Центральном Казахстане. Рассматривая эти находки, М. К. Кадырбаев возражает против гипотезы о появлении звериного стиля у сакских племен в результате походов ранних кочевников в Переднюю Азию и считает возможным нахождение местной подосновы скифского прикладного искусства [14].

Таким образом, мы видим, что новые открытия и находки активизировали научную мысль, вызвали ряд новых исследований и поисков. Однако в целом проблема остается еще далекой от разрешения. Мнения исследователей по-прежнему крайне противоречивы. Особенно отчетливо определилось два направления, из которых одно полагает, что скифское искусство целиком сложилось на почве Древнего Востока и в готовом виде было принесено в евразийские степи, и второе, согласно которому в скифском искусстве представлены изначальные древние элементы, сложившиеся на местной основе, некоторые из этих элементов проникли на Древний Восток в результате скифских переднеазиатских походов и получили там восточную окраску.

---

[10] С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи. СА, 1966, 2, стр. 152 сл.

[11] Н. Л. Членова. Скифский олень, МИА, 115, 1962, стр. 167; ее же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, М., 1967, стр. 110 сл.

[12] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен..., стр. 129.

[13] Там же, стр. 129.

[14] М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. Сб. «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 375.

В одной из работ мне приходилось отмечать, что скифское искусство Северного Причерноморья уже на самой ранней ступени выступает как явление чрезвычайно сложное, и вопрос о происхождении его не может быть решен на основании какого-то одного, отдельно выделенного образа [15]. С нашей точки зрения, постановке вопроса о происхождении скифского искусства должно предшествовать детальное изучение каждого из основ-

Рис. 1. Изображения геральдически противостоящих львиных хищников в раннескифском искусстве

1, 3 — на золотых наконечниках ножен келермесского и мельгуновского мечей; *2* — на келермесском зеркале; *4* — на бронзовой бляхе из Цукур-Лимана; *5* — на костяной пластинке из Кармир-Блура; *6* — на золотом наконечнике ножен из Зивие

ных раннескифских образов с учетом всех основных вариантов его иконографии. При этом надо выделить наиболее древние изначальные мотивы и приемы их художественной стилизации, определить культурные области, для которых они являются общими, проследить историю развития образа на протяжении последующих этапов, уточняя характер и направление изменений и, по возможности, выясняя причины, обусловившие эти изменения.

Под этим углом зрения мы попытаемся рассмотреть образ хищника кошачьей породы в раннескифском искусстве. Как и многие другие мотивы скифского звериного стиля, образ этот весьма сложен, различные проявления его качественно неоднородны, на протяжении скифского времени он претерпевает значительную эволюцию.

Изображения хищника кошачьей породы — один из наиболее распространенных мотивов в скифском искусстве Северного Причерноморья. Он появляется здесь во второй половине VII, на рубеже VII—VI вв. до н. э. Уже на этом раннем этапе могут быть выделены следующие основные варианты этого образа: изображения двух симметрично обращенных на-

---

[15] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 86 сл.

встречу друг другу фигур животных в геральдической позе; одиночная фигура животного: а) с опущенными вниз, б) с поджатыми под туловище лапами (фигура стоящего или лежащего животного), в) хищника, свернувшегося в кольцо [16].

Мотив геральдически сопоставленных хищников. В отношении первого из указанных вариантов (рис. 1) существует вполне обоснованное мнение о генетической связи этого мотива с искусством древневосточного мира. Действительно, мотив геральдически противостоящих львов очень распространен у различных народов Древнего Востока начиная с глубокой древности. Мы встречаем его на монументальных рельефах, на печатях, в изделиях из бронзы, золота и т. д. [17].

Рассматривая эту группу скифских изображений, следует отметить, что они в большинстве случаев передают конкретные черты львиного хищника, а также и то, что в передаче их отсутствует единый строго выработанный канон.

Изображения двух противостоящих львов имеются на наконечниках ножен келермесского и мельгуновского мечей (рис. 1, *1, 3*). Как убедительно доказал Б. Б. Пиотровский [18], в данных случаях мы имеем дело с урартской передачей этого мотива. Между головами хищников на келермесском мече помещен орнамент, характерный для урартских поясов.

По композиции фигур (поднятые вверх задние ноги) к описанным выше близки изображения хищников на костяной пластинке из Кармир-Блура (рис. 1, *5*). Фигурки животных выполнены схематично, без дополнительной разработки деталей.

В другой художественной манере переданы два льва на восьмом секторе келермесского зеркала (рис. 1, *2*). Животные обращены симметрично в профиль, но так, что видны все четыре лапы, три из которых соединены попарно. М. И. Максимова относит эту группу к числу изображений греко-варварского стиля, отмечая, что в данном случае в манере восточно-греческой стилизации выполнен мотив, заимствованный из искусства Востока [19].

На бронзовой бляхе из Цукур Лимана (рис. 1, *4*) фигуры изображены в профиль, каждая с одной передней и одной задней ногой, пасть оскалена, лапы соединены вместе, загнутый хвост образует петлю на спинке, части тела выделены рельефом. Как уже неоднократно отмечалось, эта бляха имеет ближайшую аналогию в бронзовых навершиях Луристана и Каппадокии [20].

Еще один вариант этой композиции известен на золотом наконечнике ножен из Зивие. Здесь изображены геральдически противопоставленные протомы кошачьего хищника: морда, плечо и передняя лапа. Манера стилизации отличается от всех прочих (рис. 1, *6*): сердцевидное ухо, глаза в виде концентрических кружков, округлая выпуклость плеча и нижней челюсти, ноздри и пасть в виде бутона лотоса. С таким вариантом стилизации мы встречаемся при передаче скифского мотива кошачьего хищника в восточной обработке.

---

[16] Выделение различных вариантов изображений кошачьих хищников в скифском искусстве было предпринято Г. Боровкой (G. Borovka. Scythian Art. London, 1928) и К. Шефольдом (K. Schefold. Der Skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938). Однако оба автора не учитывают хронологических различий между выделенными группами.

[17] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, стр. 166; Ekrem Akurgal. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. 1961, стр. 51, 87; G. Contenau. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanns. Paris, 1948, стр. 49, 141, 163.

[18] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 78.

[19] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 286, 296.

[20] Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, 63, Пг., 1917, стр. 48; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 345.

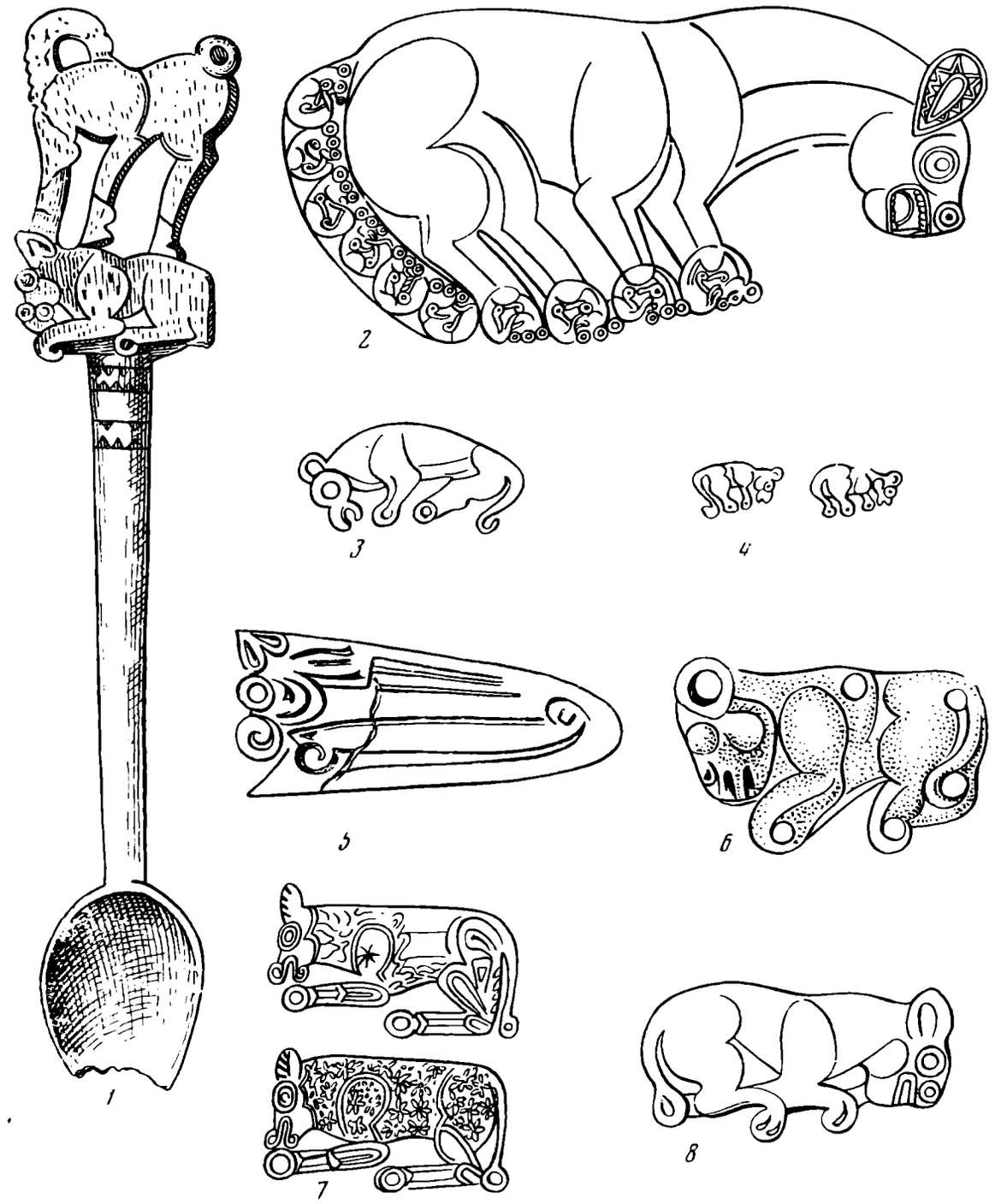


Рис. 2. Изображения кошачьих хищников с поджатыми или опущенными вниз лапами в раннескифском искусстве

1 — костяная ложка из Дарьевки; *2* — келермесская «пантера»; *3* — изображение на келермесском зеркале; *4* — на обкладке колчана из Келермеса; *5* — на бронзовом наконечнике ножен из Старшой Могилы; *6, 8* — золотые бляхи из курганов у Ульского аула; *7* — фигуры на рукояти келермесской секиры

Таким образом, мы видим, что один и тот же мотив геральдически сопоставленных львиных хищников, заимствованный из репертуара древневосточного искусства, встречается в раннескифское время в разнообразной трактовке: урартской, луристанской, ионийско-греческой и скифской (в восточном преломлении). В VII—VI вв. до н. э. этот мотив известен лишь в памятниках западноскифской группы, включая сюда Северное Причерноморье, Кубань, Кавказ, погребение в Зивие, т. е. именно ту часть кочевого населения, которая в этот период оказалась в наиболее тесном контакте со странами Древнего Востока.

У народов Сибири и Средней Азии изображения подобного рода того же периода пока неизвестны: приведенные Н. Л. Членовой параллели из

Западной Сибири относятся к более позднему периоду V—IV вв. до н. э.[21]

В Северном Причерноморье к числу более поздних вариантов этого мотива относятся изображения на перекрестье ножен томаковского меча, фигуры двух рогатых львов на золотом налобнике из Цимбалского кургана, обломок формы для отливки двух геральдических львов из Пантикапея. Все предметы изготовлены греческими мастерами V—IV вв. до н. э.[22]

Мотив кошачьего хищника с опущенными вниз или поджатыми лапами. Видовые признаки животного менее определенны. Это просто кошачий хищник (львица, пантера, барс, рысь и т. д.) без уточнения конкретной породы[23]. В основе этих изображений лежит строго канонизированный образ с определенными приемами стилизации: три кружка на одной линии, передающие ухо, глаз и ноздри, открытый полуовал пасти; в округлом выпуклом рельефе выполнены нижняя челюсть, плечо, бедро; кольчатые концы лап и хвоста, характерный сердцевидный вырез бедра (рис. 2).

К числу наиболее замечательных изображений этого рода, выполненных великим скифским художником, относится прежде всего келермесская «пантера» (рис. 2, *2*). В этом уникальном экземпляре, предназначенном для царского снаряжения, художник несколько отошел от традиционного образа. У животного видны все четыре лапы, ухо в виде овала разделено перегородками для треугольных цветных вставок, в пасти видны язык и клыки, над верхней губой намечена поперечная складка оскала — все эти элементы, вероятнее всего, следует отнести за счет знакомства художника с изображениями львиных хищников в искусстве Древнего Востока. Произвольными элементами в композиции является также оформление хвоста и лап в виде кошачьих хищников, свернувшихся в кольцо. Как сам мотив, так и прием декорировки — чисто скифские, более чем что-либо другое выдающие руку скифского мастера. По единодушному мнению ученых, прототипом этого изображения явилась модель, отработанная в резьбе по дереву.

Традиционные изображения подобного рода известны на золотой накладке колчана из Келермеса (рис. 2, *4*), на золотых бляшках из кургана 1908 г. у Ульского аула (рис. 2, *8*)[24].

Схематичное воспроизведение этой фигуры дано в нижнем ряду третьего сектора келермесского зеркала (рис. 2, *3*). По мнению М. И. Максимовой, указанный образ — прямая копия широко распространенного скифского мотива, не содержащего ничего греческого и восточного[25]. В отличие от прочих скифских экземпляров, глаз находится посредине головы, кружок на месте ноздрей отсутствует.

Среди изображений кошачьих хищников с поджатыми под туловищем лапами одно из наиболее интересных — изображение на костяной ложке из кургана у Дарьевки близ Шполы (рис. 2, *1*)[26]. Особенностью данного экземпляра являются черточки на плече, очевидно, передающие шкуру животного. Прекрасное изображение «пантер» с поджатыми лапами имеется среди золотых бляшек Ульского аула (рис. 2, *8*). Две фигуры «пан-

---

[21] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен..., табл. 31, *33*, *34*, *35*.

[22] Сокровища скифских курганов. В собрании Гос. Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Л. — Прага, 1966, табл. 65 и 187; И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 51.

[23] Разделение изображений кошачьего хищника на свернувшихся и стоящих «барсов» и львов имеются в работе К. Шефольда. Большинство других исследователей скифского искусства не делает этих различий, объединяя эти образы под общей рубрикой «львы» или «кошачьи хищники».

[24] Сокровища скифских курганов..., табл. 21; ОАК, 1908, стр. 118, рис. 168.

[25] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 286, 299.

[26] Смела, II, СПб., 1894, стр. 132, рис. 12.

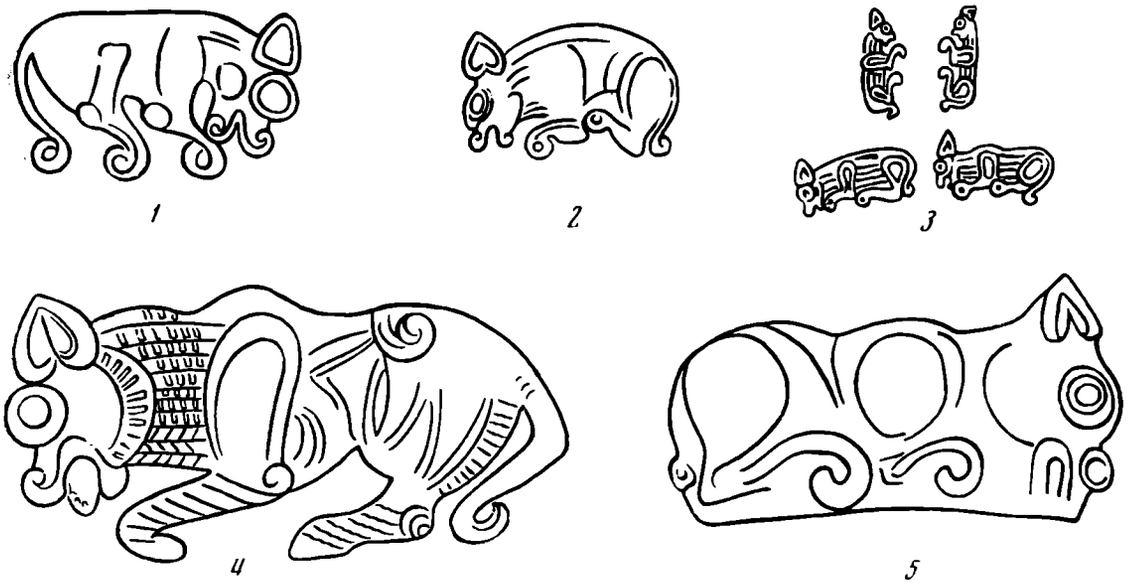


Рис. 3. Изображения кошачьих хищников на предметах из Зивие

1, *2* — на золотых лентах; *3* — на серебряном «блюде»; *4* — на золотой пекторали; *5* — на керамическом блюде

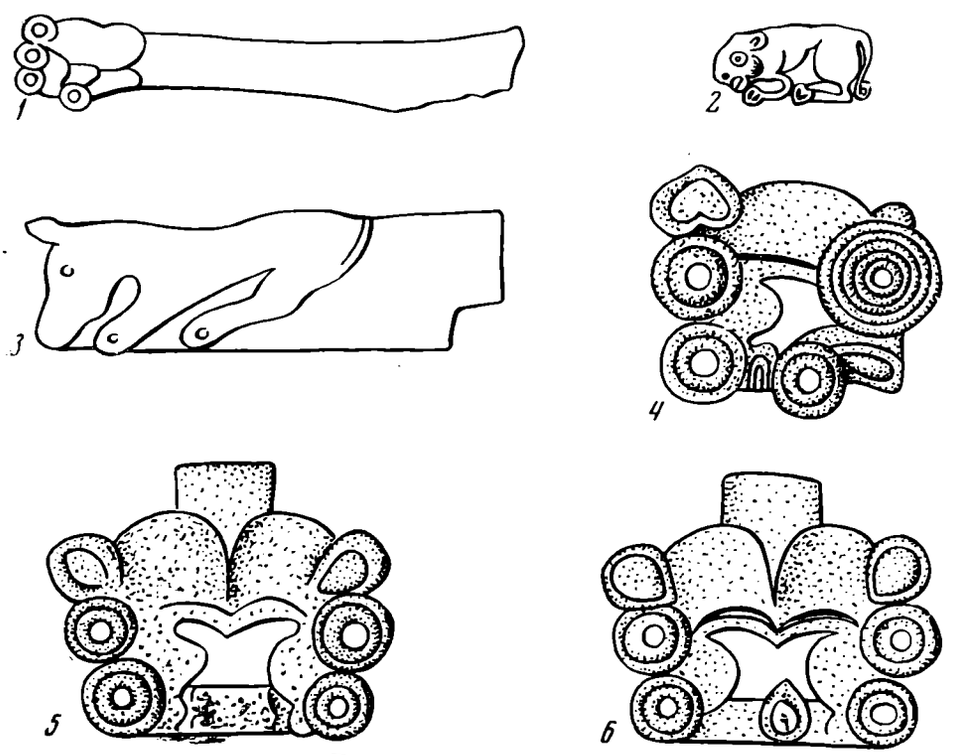


Рис. 4. Изображения кошачьих хищников в искусстве ранних кочевников Средней Азии

1 — на бронзовом ноже из погребения у пер. Юпитер в Восточном Казахстане; *2* — золотая бляха из кургана № 45 у Тагискена; *3* — костяная накладка из кургана № 33 группы Уйгарак; *4*—*6* — бронзовые бляхи из кургана № 27 группы Уйгарак

тер» воспроизведены на рукоятке келермесской секиры (рис. 2, 7) [27]. Поза животного та же, однако детали отделки выдают руку восточного мастера. Плечо и бедро выделены дуговидным внутренним контуром, мускулатура лап передана параллельными линиями, ноздри и пасть — в виде бутона лотоса. У первой пантеры на плече выштампован лучевидный значок, мелким нарядным орнаментом передана разделка шерсти.

Очевидно, мотив протомы кошачьего хищника с сердцевидным ухом и спирально закрученным завитком ноздрей следует видеть и на бронзовом наконечнике ножен из Старшой Могилы (рис. 2, *5*).

---

[27] Сокровища скифских курганов..., стр. 16, рис. 17, табл. 17.

Серия изображений кошачьих хищников имеется на золотых предметах из Зивие (рис. 3) [28]. Стиль оформления их очень близок к келермесским. Ухо сердцевидной формы, ноздри и пасть в виде цветка лотоса, контур бедра и плеча передан в древневосточной манере. В некоторых случаях орнаментом выделены завитки шерсти (фигурки на «блюде», пекторали, рис. 3, *3*, *4*). Уникальным является изображение фигуры кошачьего хищника с поджатыми лапами на боковом выступе керамического блюда из Зивие (рис. 3, *5*) [29]. Это модель — одна из наиболее «скифских». Очевидно, имевшаяся в распоряжении гончара каменная или глиняная форма была использована для оттиска по сырой глине.

Таким образом, среди рассмотренного варианта изображений кошачьих хищников в западноскифской группе отчетливо выделяется ряд экземпляров, выполненных под сильным влиянием древневосточного искусства и, скорее всего, при непосредственном участии ассирийских или урартийских мастеров.

В отличие от геральдически противостоящих львов, изображения хищника с поджатыми или опущенными лапами имеют бóльшую древность и широкое распространение среди других народов евразийских степей, и в частности в сакской культуре Казахстана. Изображение протомы кошачьего хищника с кольчатым ухом, глазом, ноздрей и окончанием лапы имеется на рукоятке бронзового ножа из погребения у дер. Юпитер в Восточном Казахстане (рис. 4, *1*), где были найдены также асимметрично-ромбические бронзовые стрелы, позволяющие отнести погребение к рубежу VII—VI вв. до н. э. [30].

В кургане № 45 из группы Тагискен, конца VII или начала VI в. до н. э., обнаружены золотые бляшки с изображением кошачьего хищника с поджатыми лапами (рис. 4, *2*). Здесь налицо все элементы типично скифской стилизации, с той только разницей, что вместо кольчатых окончаний лап местный художник изобразил типичный для раннесакского искусства мотив сердцевидного копытца. Авторы исследования отмечают местную художественную манеру и отсутствие львиных черт данного изображения [31].

В кургане № 33 группы Уйгарак, комплекс которого не позднее VII в. до н. э., найдена костяная накладка в виде схематично выполненной фигурки с опущенными лапами (рис. 4, *3*). В кургане № 27, относящемся к этой же поре, оказались три бронзовые бляхи конского убора, на одной из которых изображена протома кошачьего хищника с сердцевидным ухом, глазом, ноздрями, окончанием лапы, плечом в виде концентрических кружков с отверстием в центре (рис. 4, *4*). Две бляхи в виде двойных развернутых головок с округло-овальным ухом, глазом и ноздрями в виде концентрических кружков с отверстием в центре (рис. 4, *5—6*).

Основные элементы стилизации образа те же, что и в раннескифской группе, но перетолкованы несколько по-своему, с различиями как в типах вещей, так и в исполнении: своеобразно использование мотива концентрических кругов и отверстий, несколько сдвинут вниз выступ нижней челюсти, либо опущен совсем, либо слабо выделен овал пасти. Характерно для этой группы полное отсутствие элементов древневосточной стилизации образа, хотя по времени они не уступают, а в ряде случаев превосходят возраст наиболее ранних изображений этого рода в западноскифской серии.

Мотив кошачьего хищника, свернувшегося в кольце. В Северном Причерноморье древнейшие из изображений этого рода происходят из кургана Темир-Гора, относящегося ко второй половине VII в. до н. э. Изображение вырезано на костяной бляхе с круглым отверстием в центре (рис. 5, *1*). Видовые признаки животного очень неопределенны: большое круглое ухо, удлиненная морда; кружками выделены глаз, пасть, ноздри,

---

[28] «7000 ans d'art en Iran», табл. XXXVI, XLI, XLIII.
[29] R. Girschman. Iran, стр. 123, рис. 172.
[30] С. С. Черников. Загадка Золотого кургана, стр. 60. 61.
[31] С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи, СА, 1966, 2, стр. 172.

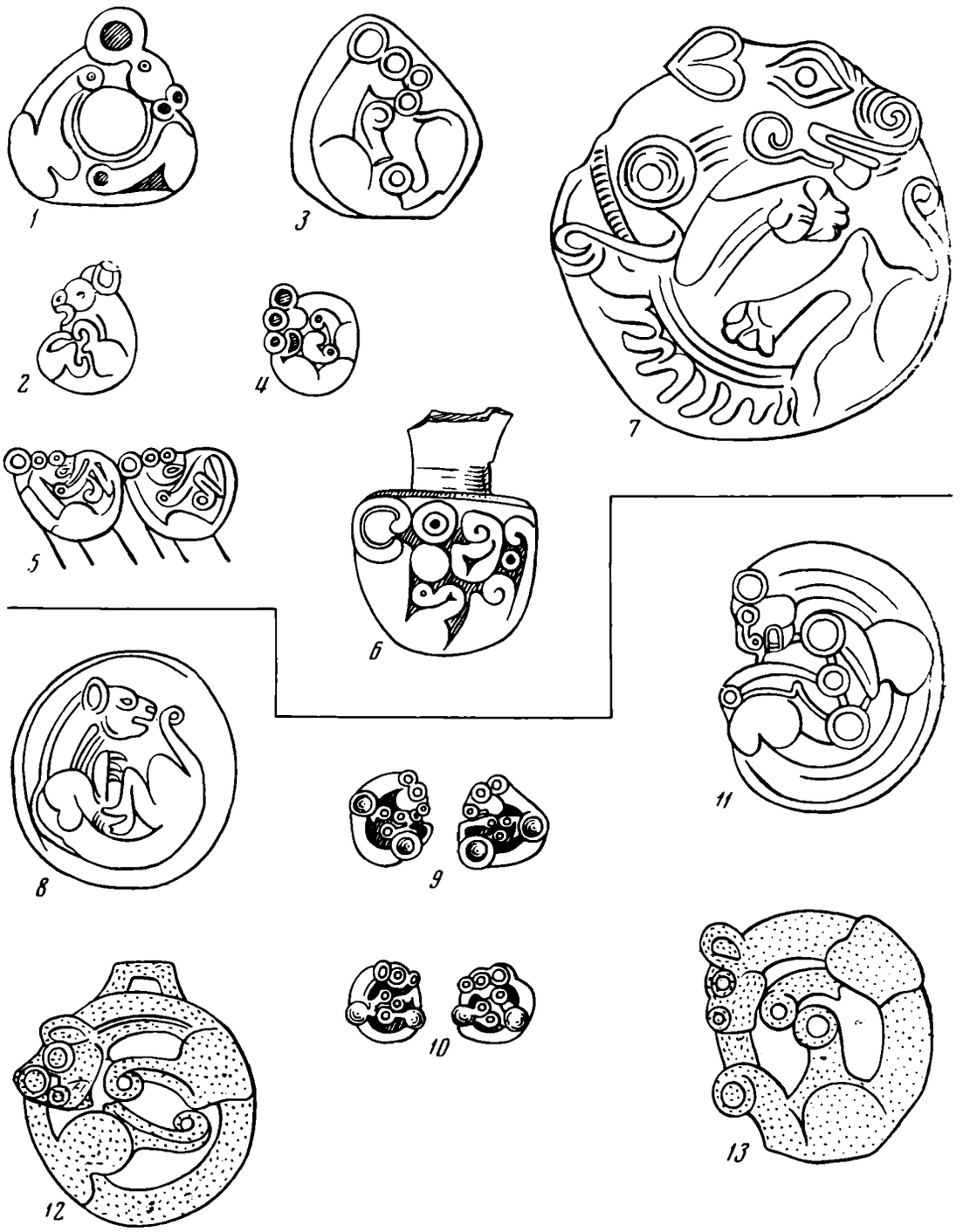


Рис. 5. Изображения свернувшихся в кольцо хищников в раннем искусстве скифов и саков

1 — Темир-Гора, кость; Константиновка, бронза; *3* — бляха на ручке бронзового зеркала из Келермеса; *4* — пряжка-пронизь из Келермеса, кость; *5* — на лапах келермесской пантеры; *6* — наконечник ножен из Дарьевки, кость; *7* — золотая бляха из Зивие; *8* — золотая накладка из Майэмира; *9*, *10* — золотые бляхи из Чиликты; *11* — золотая бляха из сибирской коллекции Петра I; *12*, *13* — бронзовые бляхи из кургана № 33 Уйгарака

кольчатые окончания лап; плечи и бедра переданы выпуклым рельефом [32]. К фигуре из Темир-Горы очень близко изображение животного на бронзовой бляхе из кургана у с. Константиновка (рис. 5, *2*) [33].

Высокохудожественное изображение свернувшегося кошачьего хищника представлено на костяной пряжке-пронизи из Келермеса (рис. 5, *4*). Голова животного выполнена в классической раннескифской манере. Нижний конец согнутой передней ноги находится в основании шеи, задней — под животом, концы лап кольчатые, загнутый хвост проходит под перед-

[32] Сокровища скифских курганов..., стр. 16, рис. 16.

[33] П. Д. Либеров. Курган у с. Константиновка. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 141.

ним концом морды. В очень близкой манере выполнены 10 фигурок, украшающих хвост и концы лап келермесской пантеры, и бронзовая бляха центральной ручки келермесского зеркала (рис. 5, *3, 5*). Изображения свернувшихся кошачьих хищников имеются на четырех округлых выступах золотого наконечника из Келермесского кургана [34].

Интересно изображение на костяном наконечнике ножен из кургана у с. Дарьевка (рис. 5, *6*) [35]. Форма предмета полуовальная. Голова животного непропорционально большая. Ноздри и пасть переданы при помощи особого орнаментального элемента, так называемого «огурчика» с загнутым в спираль верхним концом. Передняя лапа — в виде крючка с кольцом, задняя — в виде спирального завитка. В особую деталь выделен хвост с крючковидным концом. Форма головы, плеча, лапы очень близка изображениям на золотом наконечнике ножен из Зивие (рис. 1, *6*).

В духе восточной стилизации переработана фигура свернувшегося хищника на крупной золотой бляхе из Зивие (рис. 5, *7*).

Мотив свернувшегося в кольцо зверя кошачьей породы хорошо известен среди древнейших памятников раннекочевых народов Средней Азии и прежде всего раннесакских племен Казахстана. В их числе наиболее ранними являются 10 золотых накладок на деревянные бляхи, найденные в урочище Майэмир в Восточном Казахстане (рис. 5, *8*). Как отмечает С. С. Черников, изображение животного на этих пластинах наиболее реалистично и не сведено к элементам условной стилизации. Находка датируется VII в. до н. э. [36] Интересно, что основу этого изображения составляла резьба по дереву.

В кургане № 33 Уйгарака (VII в. до н. э.) найдены две бронзовые ажурные бляхи, выполненные в духе классической скифской стилизации (рис. 5, *12, 13*). Из 29 золотых чиликтинских блях [37] две имеют круглые углубления на плече и бедре (рис. 5, *9*), а остальные 27, сделанные более грубым штампом, имеют в соответствующих местах круглые выпуклины (рис. 5, *10*). Заканчивающийся кружком хвост чиликтинских «пантер» загнут внутрь под мордой животного. Чиликтинские «пантеры» представляют в миниатюре ближайшую параллель знаменитой массивной кольчатой бляхе из Сибирской коллекции Петра I (рис. 5, *11*), что позволяет отнести ее также к числу предметов раннескифского искусства. Эту ее дату (VII—VI вв. до н. э.) предлагает С. И. Руденко на основании сопоставления сибирской бляхи с особенностями моделировки келермесской пантеры и костромского оленя [38].

Скифская и сакская группы изображений кошачьих хищников, свернувшихся в кольцо, очень близки между собой. Некоторые отличия заключаются в бóльшей ажурности раннесакских изображений, выделением плеча и бедра при помощи выпуклого или углубленного кружка, а также в полном отсутствии элементов древневосточной стилизации образа, подобных тому, как это сказалось на бляхе из Зивие.

В тагарском искусстве Сибири мотив кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо, а также с поджатыми или опущенными вниз лапами известен с VI в. до н. э. Таковы изображения на бронзовой бляхе с кольчатым отверстием в центре из кургана № 33 у Тагарского озера и на навершии бронзового шила из кургана № 32 этой же группы [39] (рис. 6, *1, 2*). По аналогии с ними к этой же ранней поре относят бронзовые бляшки из Бийска (рис. 6, *3, 4*) [40]. По этому признаку наиболее ранние сибирские

---

[34] Сокровища скифских курганов..., стр. 12, рис. 7, стр. 13, рис. 9, 11; табл. 35.
[35] Смела, II, стр. 132, рис. 13.
[36] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 59.
[37] Там же, стр. 35.
[38] С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ. д. 3—9. 1962, табл. VI, *1*, текст. стр. 31.
[39] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен..., табл. 27, *2, 8*.
[40] Там же, табл. 27, *1, 3*.

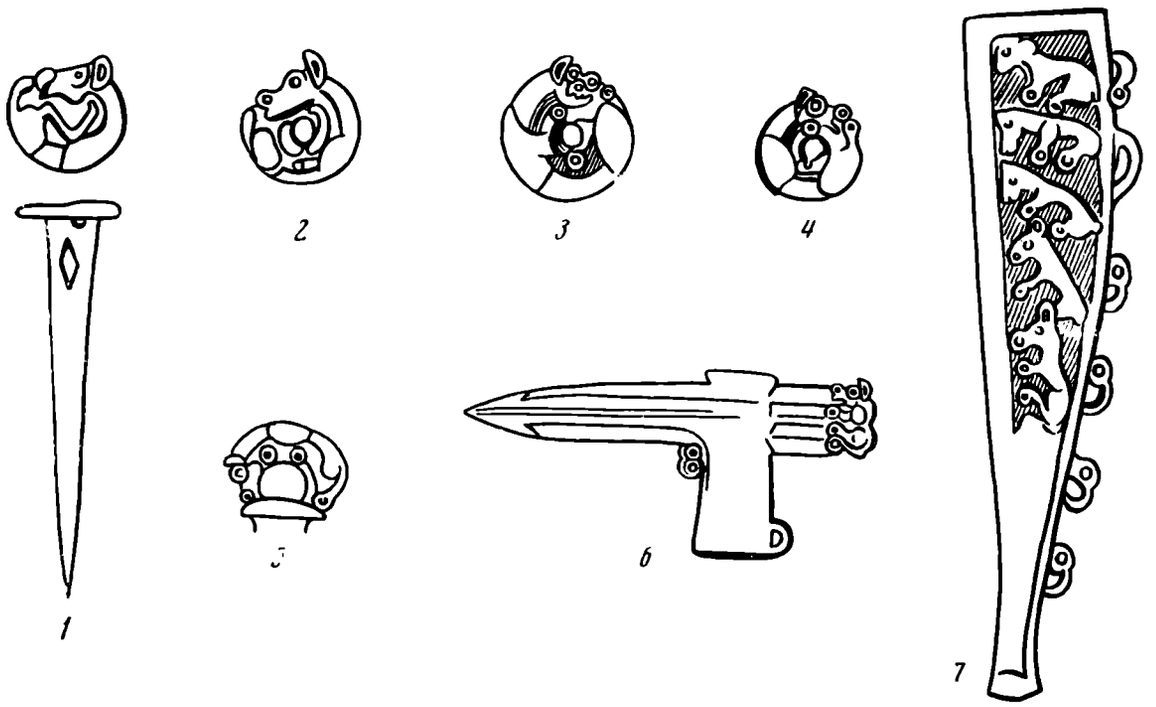


Рис. 6. Изображения кошачьих хищников в раннетагарском искусстве Сибири (по Н. Л. Членовой)

1, 2 — из курганов № 32 и 33 у Тагарского озера, бронза; *3—4* — из Бийска, бронза; *5—7* — из Минусинского края, бронза

изображения свернувшегося хищника напоминают древнейшую скифскую костяную бляху из Темир-Горы.

Из числа изображений кошачьего хищника с опущенными или поджатыми лапами к наиболее ранним относятся фигурки «пантер» на прорезных ножнах меча из Минусинского края, датируемого VI в. до н. э. на основании причерноморских аналогий (рис. 6, *7*); изображение согнутого полукольцом зверя на навершии шила-вкладыша (рис. 6, *5*); изображения на обушках бронзовых чеканов конца VI — начала V в. до н. э. (рис. 6, *6*)[41].

Однако уже на этом раннем этапе отчетливо заметны признаки своеобразной стилизации мотива в раннетагарском искусстве по сравнению со скифским и сакским. Ухо животного выполнено в виде полукруга, морда более вытянута, пасть передана не с помощью кружка или овала, а в виде углубленного вреза.

Несомненно, мотив этот восходит к единому общему прототипу, однако в VII—VI вв. до н. э. уже произошло расщепление первоначального мотива и оформление нескольких его локальных вариантов: скифского, сакского и западносибирского, тагарского.

Несмотря на различные позы, изображения кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо, «стоящего» или «лежащего» животного с опущенными или поджатыми лапами весьма близки между собой по особенностям стилизации глаза, уха, пасти, щеки, ноздрей, окончаний лап и хвоста. Животное передано в наиболее общей отвлеченной манере, без подчеркивания каких-либо символических угрожающих или хищных черт. Основу идеи здесь составляет воплощение образа животного как такового. Мягкая округлость форм тела и позы передана при помощи наиболее лаконичных точно определенных, условных приемов.

Вопрос о генетических корнях этих вариантов кошачьего хищника в раннескифском искусстве представляется нам более сложным, чем в первом случае. Находками подобных изображений на предметах из Зивие по

---

[41] Там же, табл. 27, *18*а; табл. 7, 8; табл. 28, *24*.

существу и ограничивается круг аналогий с территории Передней Азии. В отношении же этого памятника, как мы видели, возможны два толкования: или это искусство, сложившееся на древневосточной основе и принесенное скифами в готовом виде в Причерноморье, или наоборот, сложившееся у скифов, занесенное ими в Переднюю Азию и подвергшееся здесь своеобразной переработке. Решение этого вопроса надо искать не в зависимости от находок в Зивие, а исходя из особенностей стилизации этого образа в искусстве древневосточного мира, с одной стороны, и степного евразийского мира — с другой. Мы совершенно согласны с С. С. Черниковым, что для доказательства аналогий нельзя ограничиваться только формальным сходством зоологического вида животного и его позы, а надо исходить из всей трактовки сюжета, конкретных особенностей художественной стилизации [42]. Тем более, что, когда удается проследить направление связей скифского искусства с искусством какого-либо другого, в частности древневосточного круга, эта связь всегда оказывается вполне предметной, логически и исторически обусловленной [43].

Образ львиного хищника является одним из наиболее древних и традиционных в искусстве древневосточного мира. Его корни восходят к истокам древнейшей цивилизации Двуречья. Львиный хищник изображался одиночно как символ силы и могущества, в геральдических сценах борьбы, как составная часть композиции терзания травоядного животного, в мифологических сценах как атрибут божества, в сценах борьбы героя, поражающего льва, или сценах царской охоты. Этот мотив хорошо известен в искусстве Шумера, Аккада, Ассирии, Хеттского и Ванского царств, в Луристане и памятниках доахеменидского и ахеменидского Ирана.

Мы встречаем его на памятниках монументального искусства — на каменных рельефах и в круглой скульптуре, в миниатюре — на глиняных и резных печатях (в том числе и на печатях типа Керкук), на керамических и металлических (бронза, золото) сосудах, на щитках булавок, в качестве украшений парадной обстановки и утвари, на оружии и предметах воинского доспеха, на различных украшениях из золота и т. д.

Несмотря на огромное разнообразие вариантов львиного хищника в искусстве Переднего Востока, на наличие различных школ и стилей, мотив львиного хищника во всех случаях служил символическим выражением силы и могущества. Фигура животного даже в спокойной позе динамично напряжена, с особо подчеркнутой мускулатурой, пасть с торчащими клыками и рядами зубов угрожающе оскалена, различными приемами выделена шерсть животного и особенно грива.

В то же время в искусстве Древнего Востока неизвестно изображение аморфной фигуры кошачьего хищника в спокойной позе и тем более свернувшегося в кольцо, черты которого были бы переданы при помощи условных приемов, главными элементами которых является кружок или овал, сердцевидный вырез на месте плеча или бедра. Более того, эти приемы художественной стилизации глубоко чужды всей многовековой традиции развития образа львиного хищника в древневосточном искусстве и «противопоказаны» ему. И здесь дело не только в разнице художественных стилей, но и в разнице мироощущений, в подходе к предмету изображения и набору художественных средств.

Для нас важно отметить, что с точки зрения исследователей искусства древнего Востока эти варианты изображений кошачьего хищника, встре-

---

[42] С. С. Черников. Загадка Золотого кургана, стр. 120.

[43] В этом легко убедиться хотя бы на примере рассмотренного выше мотива геральдически сопоставленных львов, на примере мотива горного козла с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, ушастого грифона, быка и оленя на скифских навершиях и пр. В. И. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 86 сл.; ее же. Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев. СА, 1967, 4, стр. 295.

тившиеся в Зивие, воспринимаются как явление чуждое и инородное. Вот что пишет по этому поводу Р. Барнет: «В центре лент изображены странные свиноподобные львицы (обжоры?), встречающиеся и на других вещах Зивие, для искусства которого они, можно сказать, достаточно типичны, хотя совершенно ясно, что они происходят целиком от скифского искусства, идущего через Кавказ»[44].

Таким образом, даже эти наиболее «древневосточные», с точки зрения скифской культуры, изображения оказываются чуждыми древневосточному миру. В то же время, как уже отмечалось, в культуре сакских племен Казахстана этот мотив без всяких признаков древневосточной стилизации встречается с VII в. до н. э., т. е. несколько раньше, чем в Зивие. Если бы эта группа изображений раннескифского искусства действительно сложилась на ассирийской периферии древнеиранского мира в качестве общей протоосновы для скифо-сакского и персидского искусства, то элементы ее должны были бы улавливаться в искусстве стран Переднего Востока предшествующего времени (IX—VII вв. до н. э.) и аналоги ее должны были бы быть унаследованы искусством ахеменидского Ирана, где, как мы знаем, нет ничего подобного.

Сторонники точки зрения о переднеазиатском происхождении скифского звериного стиля нередко прибегают к методу сопоставления древневосточных изображений (без учета степени их древности и возможности реальных культурно-исторических связей) с любым из евразийских мотивов от Северного Причерноморья до Ордоса. При этом учитываются не конкретные признаки стилизации, общая композиция, смысловое содержание изображения, а формальный элемент морфологического сходства какого-нибудь изолированно выделенного признака. Особенно легко проводится параллель между искусством древневосточного круга и памятниками скифского искусства V—IV вв. до н. э., когда на культуру скифов оказывают активное воздействие такие могучие факторы, как искусство ахеменидского Ирана и античной Греции, во многом действительно восходящие к искусству Древнего Востока. На основе этих поздних параллелей решается вопрос и о происхождении скифского искусства.

Рассмотрим в этой связи, каким путем обосновывает древневосточное происхождение мотива кошачьего хищника Н. Л. Членова. В качестве исходных образцов ею принимаются изображения львов с подвернутой назад головой на вавилонских, ассирийских и ахеменидских печатях, на которых изображена сцена борьбы героя (или двух героев) со львом (или двумя львами). Для показа полноты победы герой (царь) держит льва (или львов) вверх ногами. В одном случае (ассирийская печать) божество поражает из лука стоящего на задних лапах крылатого льва с повернутой назад головой. Н. Л. Членова приводит также изображение льва с «вывихнутым» туловищем на бронзовом топоре из Хамадана и на бронзовой булавке из Луристана, где изображено божество, держащее вверх ногами двух львов[45]. Эти львиные изображения сопоставляются с бронзовыми псалиями из 4-го и 6-го Семибратних курганов (середина, вторая половина V в. до н. э.) в виде львов с «вывихнутым» туловищем, а также с бронзами из Минусинского края V в. до н. э. и фигуркой животного с «перевернутым» туловищем на бронзовой бляшке неизвестного времени из Ордоса[46].

Здесь налицо глубокий хронологический разрыв, отсутствие непосредственных культурно-исторических контактов, различия в сюжетах и художественных стилях, не говоря уже о том, что аналогии со скифскими бронзами второй половины V в. до н. э. ничего не дают для понимания истоков звериного стиля.

---

[44] R. D. Barnett. Median Art, стр. 80.

[45] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен..., табл. 31, рис. 1, *6*.

[46] Там же, табл. 31, рис. 7, 8, 9, 11.

Установив параллель между мотивом геральдически сопоставленных львов на ножнах раннескифских мечей и изображением двух полусогнутых фигур животных на перекрестии ножен томаковского меча, Н. Л. Членова определяет это последнее как выполненное в чисто евразийском зверином стиле и считает, что если эти фигуры немного «развернуть», то получится известная поза «животного на корточках» или «скребущего», а если немного «свернуть» — животное, свернувшееся в кольцо [47]. При этом упускается из вида, что томаковский меч относится к началу V в. до н. э. Мастером, делавшим его, был не скиф, а грек. Изображение это никак нельзя назвать чисто скифским и тем более евразийским. Фигуры животных на перекрестии меча относятся к тому этапу развития скифского искусства, когда греческие мастера начали по-своему перерабатывать древнескифские сюжеты, и этот образец никак не может служить исходным для формирования мотива скифских «пантер» VII—VI вв. до н. э. Опять-таки путь доказательства идет от древневосточной архаики к скифскому искусству V в. до н. э. и отсюда назад — в скифскую архаику. Однако едва ли можно от более поздних вариантов мотива выводить его первоначальную основу. Происхождение мотива скифского кошачьего хищника из искусства Древнего Востока остается недоказанным.

Эту группу ранних изображений следует, по-видимому, отнести к числу наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первоначальное ядро скифского звериного стиля. Корни его уходят в глубины культур народов евразийских степей. Если мы пока не улавливаем прообраз этого мотива в памятниках поздней бронзы срубной, андроновской и карасукской культур, то это еще не может служить основанием для того, чтобы связывать его с переднеазиатским миром, в искусстве которого среди огромной массы изображений львиных хищников прототип этот заведомо отсутствует.

Изображения кошачьего хищника в искусстве скифов Причерно́морья в конце VI—V в. до н. э. В конце VI и особенно с начала V в. до н. э. происходят существенные изменения во всем комплексе скифской материальной культуры, в том числе изменения в скифском зверином стиле. Происходит деградация и исчезновение одних мотивов и зарождение других. С большой наглядностью этот процесс можно проследить на примере рассматриваемого нами образа. Прежде всего представляется возможным выделить группу изображений, прямо связанных с использованием этого раннескифского мотива греческими мастерами при оформлении различного рода изделий, предназначенных на сбыт скифам. В нашей литературе обычно эту группу изображений не отличают от раннескифской, хотя она обладает рядом качественно новых признаков.

К числу предметов, вышедших из греческих мастерских Ольвии или Боспора, по единодушному мнению ученых, относятся золотые отделки мечей Шумейковского и Томаковского курганов. Особенность их состоит в сочетании греческих орнаментов и приемов ювелирной отделки с использованием скифских мотивов. Средняя часть ножен шумейковского меча украшена вертикальным рядом из семи фигурок пантер с опущенными вниз лапами. Мастер весьма точно скопировал скифский образец, только концы лап не кольчатые, а когтистые. Новым здесь является густое покрытие ножен рядом вплотную примыкающих фигур, создающих рельефный волнистый рисунок поверхности (рис. 7, *1*).

На упоминавшемся уже перекрестии ножен томаковского меча изображены две симметрично расположенные фигуры полусогнутых животных. Мастер, делавший этот предмет, соединил два ранних мотива: геральдически сопоставленных львов и скифских хищников, свернутых в кольцо. Концы лап когтистые, ноздри и пасть соединены вместе и имеют вид широко открытого полуовала, морда вытянута, конец хвоста оформлен в виде птичьей головки (рис. 7, *2*).

[47] Там же, стр. 127.

На крестовидной бляхе из Ольвии (рис. 8, *5*) концы оформлены в виде орлиных головок, в центральном круге вписана фигурка свернувшегося животного, существенно отличающегося от скифских образцов: голова непомерно большая, ноздри не выделены, пасть намечена разрезом, передняя лапа не поджата под шею, а опущена вниз, она трехпалая. Такое

1

2

Рис. 7. Изображения фигурок кошачьих хищников

1 — на мече из хутора Шумейко; *2* — на мече из Томаковского кургана

же изображение имеется на бронзовой бляхе из кургана № 482 у с. Басовка (рис. 8, *4*). По-видимому, это также предмет античного производства.

На крестовидной бляхе из Опишлянки изображен вертикальный ряд из четырех скифских пантер с трехпалыми лапами, а в центре и на боковых выступах — свернувшийся в полукольцо зверь. Схема та же, что и в предыдущих случаях, с той только разницей, что в нижнюю часть круга вписано изображение пожираемого травоядного животного (рис. 8, *1*).

К числу предметов античного производства, несомненно, относится бронзовое зеркало из кургана у с. Гавриловка на Псле (рис. 8, *3*). Конец ручки оформлен ионийскими вилютами. Ручка разделена на семь медальонов, в каждом из которых — схематичная фигурка стоящего хищника.

Серия изображений стоящих хищников представлена на концах ручек «ольвийских» зеркал. Образ животного, по сравнению с ранпими прототипами, здесь совершенно деградировал. Пропорции тела иные, с удлинен-

ными лапами, худым поджарым туловищем, маленькой головкой, ноздри и пасть либо не выделены вовсе, либо намечены группой поперечных рубчиков. Скифский мотив утилитарно переработан для оформления петельки на конце зеркала [48].

К этой же группе переработанных под влиянием греческого искусства скифских мотивов можно отнести и золотые бляшки в виде пантер на колчанах из Витовой могилы и Опишлянки [49]. Новые элементы здесь — оформление плеча, концов лап и хвоста в виде голов хищной птицы. Этот

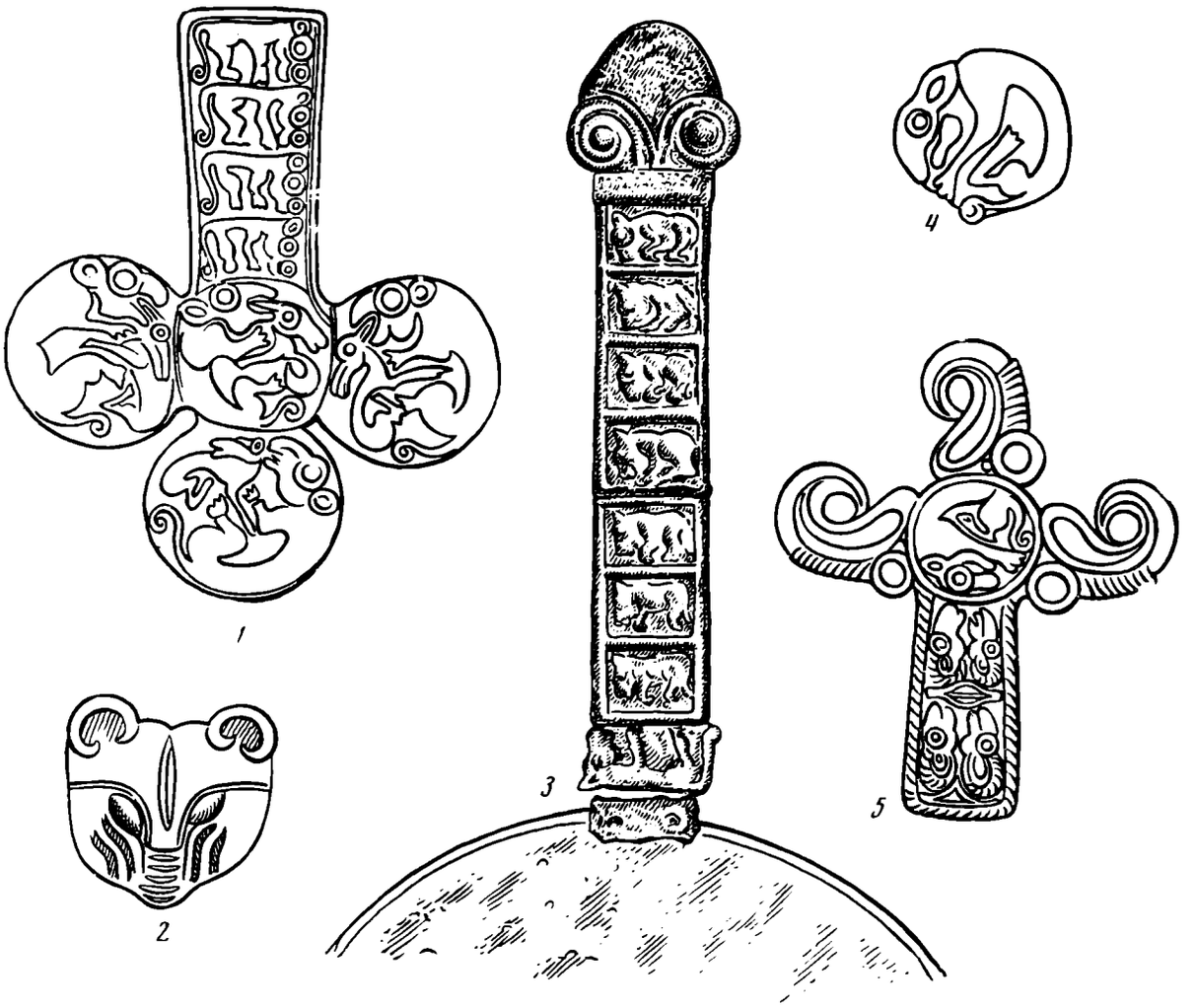


Рис. 8. Изображение кошачьего хищника на бронзовых предметах греческого производства конца VI — начала V в. до н. э.

1 — из кургана у с. Опишлянка; *2* — из кургана у аула Шунтук на Кубани; *3* — из кургана у с. Гавриловка на Псле; *4* — из кургана 482 у с. Басовка; *5* — на бронзовой бляхе из Ольвии

мотив, как мы видели, имеется у «пантер» на ножнах томаковского меча.

Таким образом, на предметах античного производства, предназначенных для скифов, мотив кошачьего хищника разрабатывается весьма разнообразно и с большим отступлением от исходных образцов. Прежде всего оказываются утраченными основные элементы стилизации морды и туловища животного, остается только схема рисунка, свободно соединяются и комбинируются различные варианты позы, изменяется основной принцип построения фигуры. Главной целью становится не образ животного, а декоративное оформление предмета, и этому подчиняется использование различных вариантов мотива. В чисто орнаментальную композицию превращено, например, изображение свернувшегося в клубок льва на бронзовой бляшке из 4-го Семибратнего кургана.

---

[48] В. М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Сб. «Культура и искусство античного мира», Тр. Гос. Эрмитажа, VII, Л., 1962, стр. 5 сл; Смела, III, СПб., 1901, табл. XI, *2*.

[49] Г. Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, стр. 102, 103.

Изображения кошачьего хищника, основанные на использовании и переработке раннескифских образцов греческими мастерами, существовали сравнительно недолго и к середине V в. до н. э. практические вышли из употребления. С начала V в. до н. э. получили широкое распространение новые варианты изображений львиных хищников, не связанные с древней местной традицией и знаменующие собой новую струю в развитии скифского искусства. К этой серии относятся прежде всего львиные головы в

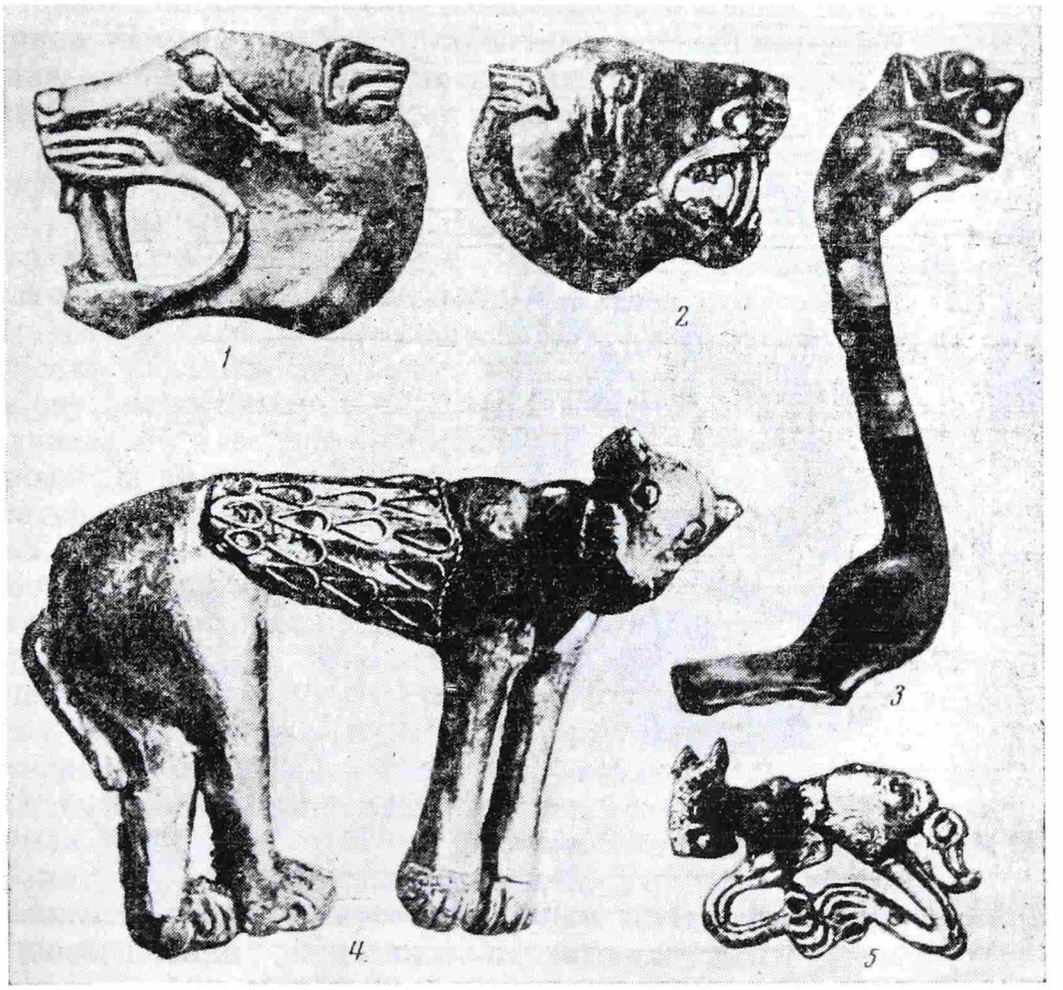


Рис. 9. Изображения львиных хищников на скифских бронзовых предметах V в до н. э.

1 — из кургана № 400; *2* — из кургана № 401 у с. Журовка; *3* — из четвертого Семибратнего кургана; *4* — из Золотого Симферопольского кургана; *5* — из кургана № 401 у с. Журовка

профиль (рис. 9, *1*, *2*) и в фас (рис. 7, *2*; 8, *2*), встречающиеся на бронзовых и костяных бляхах. Классическими образцами львиных головок в профиль могут служить бронзовые бляхи из курганов № 400, 401, «Г» у Журовки, № 4 у с. Берестняги [50]. Отчетливо переданы видовые признаки животного (лев или львица). Этот мотив не имеет ничего общего с архаическими изображениями кошачьих хищников. Если обратиться к прошлому скифского искусства, то они, несомненно, ближе к изображению львиных голов в сценах геральдически сопоставленных львов урартийского или ионийского вариантов.

Очевидно, возрождению и самостоятельному развитию этого мотива у скифов V в. до н. э. способствовало влияние греческого искусства, где аналогичные варианты львиных головок были распространены на предметах

[50] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, 14, СПб., стр. 11 сл., рис. 13, 23, 32; Смела, III, стр. 96, рис. 45, 46.

прикладного искусства и вазовой живописи [51]. Не случайно бронзовые и резные из кости львиные головки аналогичного стиля, а также литейные формы для отливки львиных фигур или головок были найдены на территории античных городов (Ольвия, Мирмекий, Пантикапей) и их ближайшей периферии (Широкая Балка, Аджигол) [52]. В погребении V—IV вв. до н. э. из кургана № 20 у Холодного Яра найдена вырезанная из кости головка льва, представляющая предмет античного (как полагают, ольвийского) производства [53].

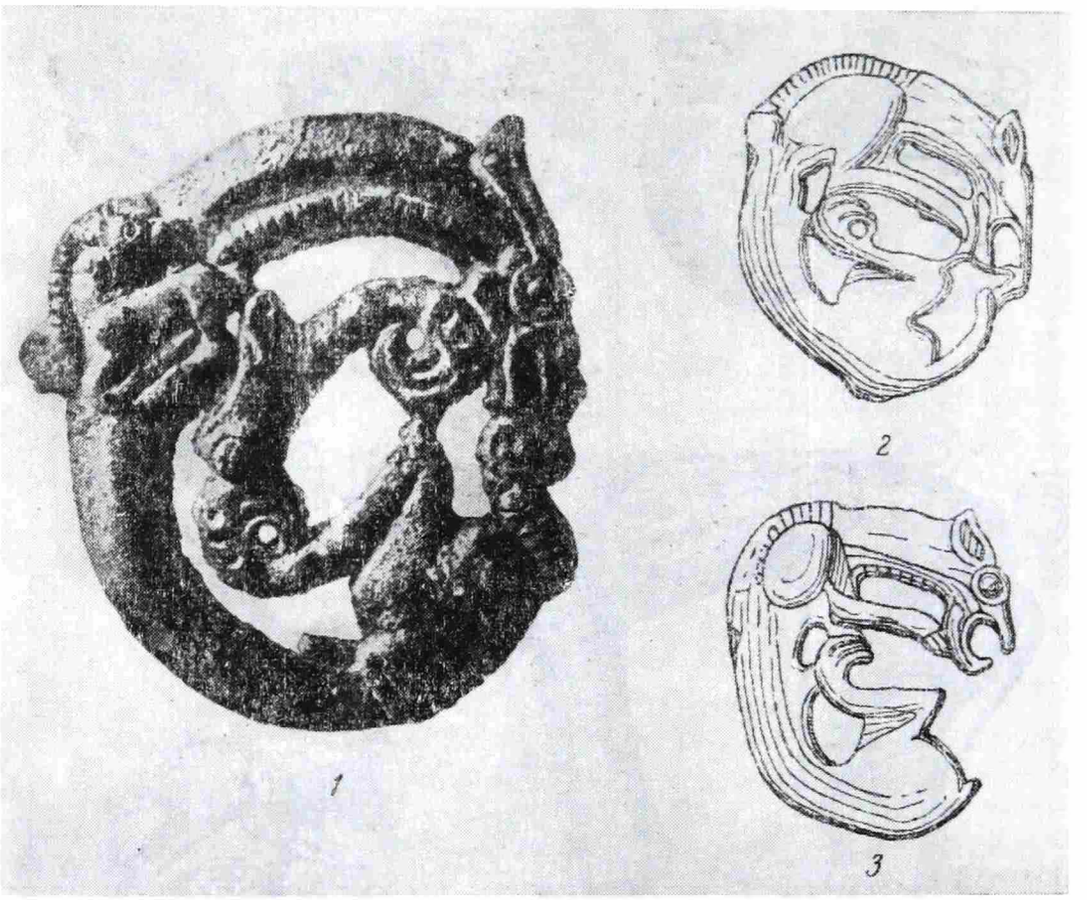


Рис. 10. Изображения свернувшегося в кольцо волчьего хищника на скифских бронзовых бляхах V в. до н. э.

1 — из кургана в окрестностях Симферополя; *2, 3* — из кургана № 499 у с. Басовка

Другим вариантом данного мотива является изображение львиных головок в фас. Подобные изображения известны на ножках томаковского меча, на скифских бронзовых бляхах V в. до н. э. (рис. 7, *2*; 8, *2*). В раннескифское время этот мотив неизвестен. Истоки его легко обнаружить в греческом искусстве на многочисленных образцах вазовой чернофигурной живописи, где постоянно встречаются изображения львиц с телом в профиль и повернутой в фас головой [54]. Изображение головки львицы в фас встречается в чернофигурной аттической росписи в качестве эмблемы, ук-

[51] E. Gerhard. Griechische Vasenbielder, I, табл. XXVI.

[52] В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 173; Н. Грач. Из раскопок Мирмекия, СГЭ, XX, Л., 1961, стр. 48; И. Д. Марченко. Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 51; M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin. Praehistorische Zeitschrift, V, Berlin, 1913, стр. 9, рис. 6.

[53] Е. Ф. Покровська. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. «Археологія», X, Київ, 1957, стр. 70.

[54] A. Rumpf. Chalkidische Vasen. Berlin — Leipzig, 1927, табл. XXII, XLIV, XLVI, XCI; Erwin Bielefeld. Corpus vasorum antiquorum, I, Berlin, 1959, табл. 3; 4, *3*; 6, *1*; 8, *6*.

рашающей щит греческого воина (рис. 11) [55]. В этом вопросе мы разделяем точку зрения К. Шефольда, полагавшего, что изображения львиных головок в скифском искусстве V в. до н. э. навеяны греческим влиянием [56]. Вырезанная из слоновой кости головка льва в фас в стиле древневосточного искусства найдена, как известно, в кургане из окрестностей Шполы вместе с предметами раннескифского типа [57]. Очень близкая по стилю головка из слоновой кости была обнаружена на Фасосе в слое VII в. до н. э.[58]. В появлении этого мотива у скифов в V в. до н. э. немалую роль могло играть также влияние искусства ахеменидского Ирана.

В конце VI — начале V в. до н. э. сравнительно короткое время бытовала группа изображений львиных хищников с туловищем в профиль, выполненным в выпуклом рельефе, и головой, повернутой в фас, выполненной в круглой скульптуре. Таковы фигура львицы из Золотого Симферопольского кургана и бронзовые налобники из курганов у с. Макеевка и Журовка (рис. 9, *4, 5*). Львица из Золотого кургана, вероятнее всего, изделие греческого мастера. Вопрос о сложении этой группы изображений недостаточно ясен. Весьма возможно, что данный мотив перенесен в бронзовое литье с греческой вазовой живописи. С другой стороны, изображение львиных фигурок в подобном ракурсе имеется среди деревянных скульптур Пазырыка [59].

Сравнительно небольшую, территориально замкнутую группу второй половины V в. до н. э. составляют бронзовые бляхи и псалии с изображением фигур львиных хищников с «вывихнутым» туловищем. Они встречены пока лишь в Семибратних курганах (рис. 9, *3*). Здесь, в Таманской части Боспора, существовал, по-видимому, особый художественный центр бронзового литья, отличавшийся изощренной вычурностью изделий. Произведения этого центра были широко распространены на Кубани, Керченском полуострове, проникали в Причерноморскую Скифию (бронзовые предметы конской узды из кургана у Верхнеднепровска) [60].

Возможно, что появление этого варианта изображений львиного хищника в искусстве V в. действительно, как полагает Н. Л. Членова, связано с влиянием ахеменидского Ирана и в этом отношении является отголоском более ранних древневосточных традиций. Но более вероятно, что здесь можно видеть влияние искусства народов Алтая, Сибири, где в этот период изображения животных с «вывихнутым» туловищем были особенно широко распространены.

Рис. 11. Львиная головка на щите греческого воина (вазовая роспись)

Так или иначе, это возрождение восточной традиции, в ее ионийско-греческом или ирано-персидском варианте, не имеет отношения к начальным истокам скифского звериного стиля. Это явление вторичное, связанное с конкретной исторической ситуацией и культурными взаимоотношениями, сложившимися в Скифии конца VI и V в. до н. э.

В начале V в. до н. э. появляется новый образ свернувшегося в кольцо хищного зверя, выполненный в той же манере и в той же кольчатой ажурности, что и ранние изображения подобного рода. Однако вид животного изменился. Вместо кошачьего хищника с округлыми формами, кольчатыми лапами и хвостом в эту схему вписан хищник собачьей породы, скорее всего волк с длинными, прижатыми к затылку ушами, вытянутой мордой, хищно

---

[55] Там же, табл. 33.
[56] K. Schefold. Der Skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII.
[57] Смела, II, стр. 131, рис. 10, 11.
[58] BCH, LXXXII, 1959 — II, Paris, стр. 775, рис. 1.
[59] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, табл. LXIII, *5*, *6*.
[60] ДП, III, табл. XLIII, *334*.

оскаленной пастью, худым поджарым туловищем и большими тяжелыми лапами. Расположение лап такое же, как и у кошачьего хищника: передняя — под шеей, задняя поджата под туловищем, когтистые лапы переданы поперечными рубчиками, конец хвоста — у основания морды. Подобные изображения встречаются преимущественно на бронзовых бляхах конской узды в комплексах V в. до н. э. (Курган Кулаковского у Симферополя, курганы № 8, 12 группы Частых, № 491 у ст. Макеевки, № 2 у с. Волковцы, № 499 у с. Басовка, № 398 у с. Журовка и др.) [61] (рис. 11, *1—3*).

Формальное сходство между ранними и поздними вариантами изображений хищника, свернувшегося в кольцо, настолько велико, что ряд исследователей (Э. Минз, М. И. Ростовцев, С. И. Киселев, К. Шефольд) не делают различий между этими двумя мотивами, объединяя их в одну группу, хотя по существу они глубоко различны.

На отличие зоологического вида животных обратил внимание Г. Боровка, но поскольку он считал, что скифский звериный стиль имеет местное северное происхождение, он представлял себе, что образ кошачьего хищника у скифов сложился на основе изображения медведя или волка в искусстве северных, ананьинско-сибирских народов, трансформируясь под воздействием южного влияния [62]. При этом он явно не учитывал хронологического соотношения изображений свернувшихся животных в искусстве скифов, народов Средней Азии и Сибири.

Мотив зубастого хищника — волка или собаки — не характерен для раннескифского искусства и появляется здесь сравнительно поздно. Корни его ведут в Прикамье, Поволжье, Приуралье, в область ананьинской и савроматской культур. Изображение волчьего хищника встречается здесь на обушках бронзовых культовых топориков, на костяных и подражающих им бронзовых клыках-амулетах, на бронзовых крючках от пояса или колчана, на костяных рукоятках и т. д.[63]

Что касается мотива волчьего хищника, свернувшегося в кольцо, то К. Ф. Смирнов полагает, что он сформировался в культуре савроматов на основе преобразования и переработки образа хищника кошачьей породы и замены его животным местной фауны. Из савроматского Поволжья и Приуралья этот мотив проник на Восток, в Западную Сибирь и на запад — в Северное Причерноморье [64].

Вопрос о том, где впервые произошло переоформление этого образа — у савроматов или у племени ананьинской культуры представляется нам не вполне ясным. Возможно, что переработка южного мотива кошачьего хищника в хищника волчьей породы произошла раньше в среде более северных народов, где данный мотив был более исконным. Однако несомненно и то, что уже во второй половине — конца VI в. этот мотив становится одним из излюбленных в искусстве савроматов. Появление в Скифии изображений волчьего хищника, свернувшегося в кольцо, а заодно с ними костяных и бронзовых клыков-амулетов, бронзовых блях с изображением зубастого хищника связано с влиянием, идущим со стороны савроматского мира. Очевидно, под этим же воздействием указанные мотивы в аналогичных вариантах появились и у племен тагарской культуры V в. до н. э.

---

[61] Сводку по этой группе скифских изображений см. В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 134.

[62] G. Borovka. Scythian Art. Нью-Йорк, 1929, стр. 43—50.

[63] А. В. Збруева. История населенья Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 138 сл; К. Ф. Смирнов, Савроматы. М., 1964, стр. 223 сл.

[64] Там же, стр. 224, 225.

B. A. Iliinskaia

L'IMAGE DU CARNASSIER FÉLIN DANS LA PÉRIODE INITIALE DE L'ART SCYTHIQUE

Résumé

Pour étudier les problèmes concernant l'origine du style scythe fauve, il est indispensable d'analyser scrupuleusement ses images essentielles tout en précisant les variantes principales de l'iconographie, les procédés de stylisation, l'aire de distribution et le caractère de modification durant la période postérieure. C'est dans cette optique que nous considérons l'image du carnassier félin qui était le sujet préféré de l'art scythe dans sa première période.

Aux VII—VI siècles avant notre ère, dans l'art des Scythes habitant les régions de la Mer Noire les variantes suivantes sont connues de ce motif: fauves héraldiques évaquant des lions se faisant face, fauves félins de race indéterminée soit lovés, soit aux pattes repliés ou baissées. La première de ces variantes est localisée dans les limites de l'aire de propagation de l'art scythe occidental. Son origine est indiscutablement influencée par l'art de l'Ancien Orient. En ce qui concerne les autres variantes, leurs aires de distribution sont comprises entre de vastes limites de zones des steppes eurasiques où elles sont connues depuis le VII siècle avant notre ère. Le caractère particulier de stylisation ne permet pas de lier leur génèse à l'art de l'Ancien Orient. Il serait plus probable de rapporter ces variantes aux éléments anciens du début de l'art scytho—saque d'origine locale.

О. Я. НЕВЕРОВ

МИТРИДАТ И АЛЕКСАНДР: К ИКОНОГРАФИИ МИТРИДАТА VI

Известно, какое впечатление произвела на современников личность Александра Македонского. Портреты прославленного завоевателя Востока, выступившего в роли мстителя персам, некогда захватившим Грецию и Ионию, оказали заметное влияние на иконографию многих из его преемников [1]. С портретами Александра в греческом искусстве появляется новый иконографический тип: юноша-царь, в образе которого подчеркивались неукротимая энергия и как бы вдохновленный свыше порыв. Лучезарная красота портретов юного Александра, героичность, ликующая мажорность его образа отражали положительные тенденции эпохи — греческую экспансию на Восток, невиданную ширь горизонтов, раскрывшихся перед греческой культурой. В портретах Александра нашло свое выражение и обожествление создателя огромной эллинистической монархии. Это выразилось не только в появлении изображений типа Александра-Геракла, Александра-Диониса, Александра-Аммона или Гелиоса, соответственно этапам апофеоза владыки, но и в самом стиле его портретов. Поднятые ввысь глаза царя, как бы вдохновленные мистическим лицезрением божества, подчеркивали связь обоготворенного владыки с небом. Высоко поднятые надо лбом, развевающиеся по плечам волнистые кудри Александра делали его похожим на изображения традиционых богов Олимпа. Изображения царя, в которых подчеркивалось вдохновение, доходящее до религиозного экстаза, где Александр, поднявший взоры к небу, как бы беседовал с божеством, должны были делать и его самого в глазах подданных воплощенным богом [2] (рис. 1).

После смерти Александра число его изображений не уменьшается (рис. 2). Его портреты стали необходимым компонентом в династическом культе, который оформляется в державах Птолемеев, Селевкидов, Аттанидов [3]. Окруженный мистическим ореолом образ Александра Великого придавал как бы видимость легитимности их власти. Отблеск славы знаменитого полководца и завоевателя обеспечивал им поддержку масс. Стремлением опереться на моральный авторитет своего прославленного предшественника, использовать в политических целях его посмертную славу диктовалась и характерная черта в портретах последующих властителей эллинизма: их нормативность, ориентация на изображения Александра Великого. Отныне каждый из них стремится чем-то походить на знаменитый образец. Вдохновенные, охваченные экстазом лица, устремленные ввысь взгляды, развевающиеся длинные кудри, подчеркнутое сходство черт лица с Александром бесконечно повторяются в иконографии эллинистических царей от Деметрия Полиоркета до Митридата Евпатора.

---

[1] K. Gebauer. Alexanderbildnis und Alexandertypus. Athen. Mitt. 63/64, 1938—1939. I сл: M. Bieber. The Portraits of Alexander the Great. PPS, 93, 1949, стр. 349 сл.

[2] H. P. L'Orange. Apotheosis in ancient Portraiture. Oslo, 1947, стр. 5 сл.

[3] L. Cerfaux — J. Tondriau. Le culte des Souverains dans la civilisation Gre-

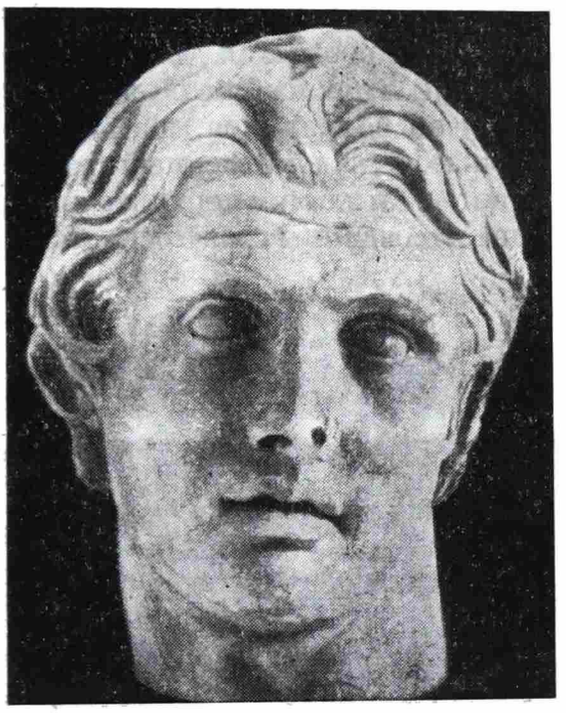


Рис. 1. Портрет Александра Македонского из Пергама. Стамбул. Археологический музей

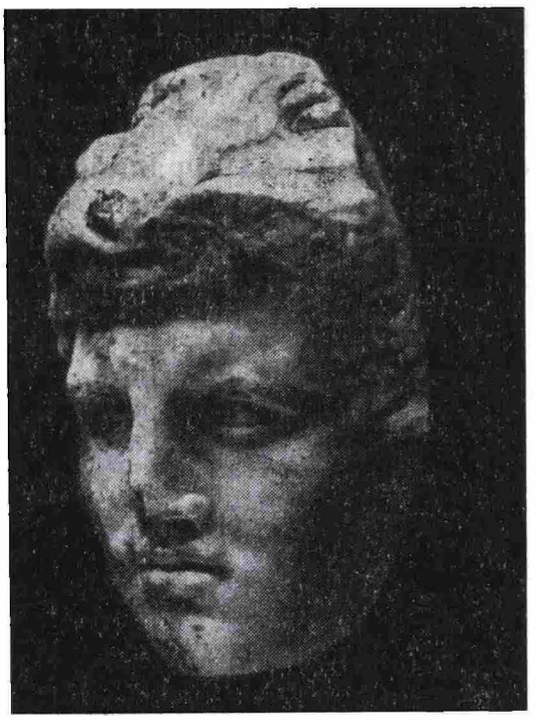


Рис. 2. Александр в образе Геракла. Бостон. Музей изящных искусств

Последний был особенно ревностным подражателем македонского царя. Митридат VI, отважившийся на неравную борьбу с огромной римской державой, нуждался в широкой поддержке своих планов и верно оценил политические преимущества, которые давал авторитет его знаменитого предшественника. Само свое происхождение Митридат, династ полуварварского Понтийского царства, возводил к Александру. «Он утверждал, что его предки по отцу восходят к Киру и Дарию, основателям персидского царства, а предки по матери — к Александру» [4]. Как реликвию хранит Митридат военный плащ и доспехи прославленного полководца, некогда завоевавшего мир, и облачается в них в особо торжественных случаях [5]. Подобно Александру, и он добавляет к своему имени многозначительный эпитет «Великий» [6]. Как и тот, он стремится стать новым Дионисом и Гераклом и получает от своих подданных имена этих старых греческих богов [7]. Современники и даже враги Митридата, пораженные энергией правителя небольшого малоазийского государства, «последнего из самостоятельных царей», без всякой лести и без тени иронии сравнивали его с Александром Великим [8].

Стремление использовать авторитет и славу Александра, пожалуй, особенно явственно обнаруживается в портретах Митридата VI. С приходом его к власти на монетах Понта резко прерывается серия портретов, в которых с жестким реализмом изображались его предки — иранцы [9]. Их некрасивые, прозаические и жестокие лица полуперсов, полугреков, с коротко остриженными головами, с чертами, отмеченными какой-то неприятной плотоядностью, внезапно исчезают. Их сменяют лучащиеся

co-Romaine. Paris, 1956, стр. 142, 194, 200.

[4] Юстин. Эпитома 38, 7; Paternos majores suos a Cyro Dareoque, conditoribus Persici regni, maternos a Magno Alexandre, referat.

[5] Аппиан. Войны Митридата, 20; 117.

[6] Светоний. Цезарь, 35.

[7] Сохранились надписи, где Митридат назван Дионисом. Exploration archéologique de Delos, XVI, стр. 39. Inscriptions de Delos, № 1562, 1568, 2039. IOSPE, II, 356.

[8] Цицерон. Академики II, 1.

[9] E. Babelon — T. Reinach. Recueil général de monnaies grècques d'Asie Mineure. Paris, 1904, табл. I—III; E. T. Newell. Royal Greek Portrait Coins. New York, 1937, стр. 48.

юной идеальной красотой изображения вдохновенного Митридата-Александра, гордо вскинувшего голову в венце развевающихся длинных кудрей [10]. Несомненно, в основе этих патетических, героизированных портретов лежит образ Македонского царя, каким он сохранился, например, на монетах Лизимаха Фракийского [11]. Владыка-бог, вдохновенный и вечно юный сын Зевса-Аммона — таким предстает в этих посмертных изображениях Александр. В портретах Митридата, созданных на основе этого

Рис. 3. Александр-Геракл. Серебряная монета. Берлин. Частное собрание

Рис. 4. Александр Македонский. Серебряная монета Лизимаха. Бостон. Музей изящных искусств

прототипа, греки легко узнавали привычный образ «освободителя Греции», мстителя за поруганную Элладу — Александра Великого. Этот своеобразный «маскарад» Митридата диктовался необходимостью опереться на поддержку греков в борьбе с Римом. Вместо реального образа династа-иранца на первый план выступает более отвлеченный, идеальный, но одновременно и более близкий грекам образ второго Александра.

Возглавить борьбу «против владычества римлян и за всеобщее освобождение» [12] Митридат VI мог, лишь отказавшись от местных, династических притязаний понтийского царька и приняв на себя роль вождя всех греков. Известно, какой энтузиазм вызвало освобождение Малой Азии от римлян войсками Митридата в 88 г. до н. э. Понтийский царь как новый Александр, «провозглашается богом, отцом, освободителем Азии, Вакхом, Либером» [13]. Резиденцией Митридата становится Пергам, на выпущенных здесь монетах начинает обозначаться новое летоисчисление — «эра освобождения» [14]. В Берлине хранится найденный в Пергаме рельеф, где Митридат в образе Геракла изображен в аллегорической сцене «Освобождение Прометея», что должно было символизировать освобождение Азии от владычества римлян [15]. Несомненно, работа пергамского мастера этих лет

---

[10] K. Lange. Herrscherköpfe des Altertums im Münzbild ihrer Zeit. Berlin, 1938, табл. 82.

[11] Там же, табл. 45.

[12] Так характеризуется движение, возглавленное Митридатом VI в одной надписи Эфеса: ὑπερ τε τῆς Ρωμαίων ἡγεμονίας καὶ τῆς κοινῆς ἐλευθερίας. Dittenberger, Syll. 3.742 P. W. XXX, 2173.

[13] Цицерон. В защиту Флакка, 25: Mithridatem deum, illum Patrem, illum conservatorem Asiae... Bacchum, Liberum nominabant. Ср. Диодор Сицилийский. Фрагменты 37, 26.

[14] G. Kleiner. Bildnis und Gestalt des Mithridates. JDAI, 68, 1953, стр. 92 сл.

[15] Altertümer von Pergamon. VII, стр. 175, табл. 37; G. Krahmer. Eine Ehrung für Mithridates VI. Eupator in Pergamon, JDAI, 40, 1925, стр. 191, сл., рис. 1, *12*.

сохранилась и в скульптурном портрете Митридата VI в Лувре [16]. И здесь, в подражание Александру Македонскому, Митридат изображен как новый Геракл. Вдохновенную, гордо вскинутую голову царя с устремленным ввысь взором и взволнованно полуоткрытыми губами венчает маска Немейского льва.

В нумизматике изображения Митридата-Геракла сохранились лишь на монетах западнопонтийской колонии Одессос [17]. Это дало основание

Рис. 5. Митридат VI. Серебряная монета 80-х годов I в. до н. э. Берлин. Государственные музеи

Рис. 6. Митридат-Геракл. Серебряная монета Одессоса. Нью-Йорк. Американское нумизматическое общество

предположить, что инициатива обожествления царя как нового Геракла исходила от жителей греческих городов Северного побережья Черного моря [18]. Но надо думать, что и церемония апофеоза, описание которой, как кажется, сохранилось у Плутарха, и первые выражения его в пластике имели место в Пергаме [19].

Созданием пергамского мастера является и новый портрет Митридата, появляющийся на тетрадрахмах «эры освобождения», в котором художник исходил из портрета Александра (рис. 3—6). Недавно была сделана попытка связать этот тип портретов царя с именем резчика гемм Солона, видимо, вырезавшего и монетные штемпели [20]. Возможно, в этом изображении на монетах сохранилось воспроизведение какого-то памятника монументального искусства, где понтийский царь был изображен в виде вдохновенного юного героя, мчащегося на колеснице [21].

Древние писатели упоминают о такого рода изображениях Митридата, привезенных в Рим для триумфов Лукулла и Помпея [22].

Монеты, пергамский рельеф и луврский портрет Митридата VI составили основу для изучения иконографии понтийского царя. В настоящее время известны два юношеских портрета Митридата конца II в. до н. э. с

---

[16] L. Laurenzi. Ritratti greci. Firenze, 1941, стр. 132, табл. 29; F. Winter. Mithridates VI Eupator, JDAI, IX, 1894, стр. 254, табл. 8.

[17] А. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООИД. XXIX, 1911, табл. 1, 13, 15; M. Bieber. The Sculpture of the Hellenistic Age. New York, 1961, рис. 484.

[18] G. Kleiner. Ук. соч., стр. 87.

[19] Плутарх. Сулла, XI.

[20] M. L. Vollenweider. Die Steinschneidekunst und ihre Künstler in spätrepublikanischer und Augusteischer Zeit. Baden, 1966, стр. 49.

[21] W. Wroth. Catalogue of Greek Coins. British Museum. 13. London, 1889, стр. XXV; ср. E. Q. Visconti. Iconographie grècque II. Paris, 1821, стр. 183.

[22] Плиний Ст. N. H. 33, 151, Ср. Плутарх. Лукулл. 37. Аппиан. Войны Митридата, 116.

о. Делос[23] и один-два портрета, группирующихся вокруг Пергамских памятников 80-х годов I в до н. э.[24]

Нам представляется возможным связать с этим кругом памятников и два скульптурных портрета из Северного Причерноморья. Один из них, хранящийся в Гос. Эрмитаже, происходит из Керчи[25]. Эта случайная находка с северо-восточного склона горы Митридат в 1909 г. была приобретена В. В. Шкорпилом для Археологической комиссии, а затем в 1910 г. поступила в собрание Эрмитажа как «идеальная голова времени эллинизма». Портрет изображает мужчину в расцвете лет. Суммарно обозначенные волнистые волосы обрамляют его лицо с подчеркнуто большими, как будто широко раскрытыми глазами. Голова гордо вскинута вверх и слегка наклонена к правому плечу, губы полуоткрыты, взгляд направлен вперед и несколько вверх. Это сообщает портрету динамичность, подчеркивая интенсивность внутренней жизни, выделяя основную черту в характере изображенного — неукротимую, как бы с трудом сдерживаемую энергию (рис. 7).

Это, несомненно, лишь часть статуи, о чем свидетельствует обрез шеи, которая вставлялась в отверстие на плечах. Высота сохранившейся части 0,38 *м*. Портрет исполнен из голубоватого, на сколах крупнозернистого мрамора, покрытого желтой патиной. Материал, по-видимому, малоазийского происхождения[26]. Сохранность портрета плохая: утрачена верхняя часть головы, отбит нос, сбита поверхность на губах, подбородке и шее.

Мастер, создавший керченский портрет, применил частую в позднеэллинистической скульптуре экономную технику — «membra desjecta», при которой верхняя часть головы, как правило, исполнялась из отдельного куска мрамора, крепившегося на основную часть с помощью выступа и металлических штырей[27]. В данном случае эта верхняя часть утеряна, но на месте соединения сохранились характерные отверстия. Возможно, статуя была исполнена в технике акролита, так что фигура могла быть изваяна из другого материала, известняка или дерева[28].

Работа скульптора отличается некоторой жесткостью и суммарностью: он четко подчеркивает веки, придавая им вид выпуклых валиков, сильно сглаживая лоб и щеки. Ноздри и уголки губ слегка тронуты буравом; в обработке же волос этот инструмент не применен.

Портрет отличается некоторой противоречивостью: с одной стороны, в нем налицо черты героичности, динамизма и патетики, свойственные образу человека в искусстве высокого эллинизма; с другой стороны, в работе скульптора обнаруживается такое обобщение индивидуальных черт, которое присуще, пожалуй, лишь классицизу I в. до н. э.— I в. н. э. Общая композиционная схема, динамичность и пафос керченского портрета заставляют вспомнить некоторые изображения Александра Македонского. Особенно близка ему голова Александра из Пергама, хранящаяся в Стам-

---

[23] C. Michalowski. Les portraits hellénestiques et romains. Exploration archeologique de Delos XIIII. стр. 5, табл. VII; J. Charbonneaux. La Venus de Milo et Mithridate le Grand. «La Revue des Arts», I, 1951, стр. 8 сл.

[24] Сюда относится изображение Митридата-Диониса в Венеции. L. Sartorio. San Teodoro statua composita. «Arte veneta», 1947, стр. 132. Изображение Митридата в образе Персея или Митры видят в портрете из Амиса, хранящемся в Mariemont; F. Cumont. La Persée d'Amisos. «Revue arch.». V, 1904, стр. 180 сл.

[25] Гос. Эрм., инв. № П, 1909; 144; JDAI, Arch, Anz, 1910, стр. 208, рис. 8. Античные города Сев. Причерноморья. Очерки истории и культуры, I, М.— Л., 1955, стр. 305, рис. 14.

[26] G. Hafner. Späthellenistische Bildnisplastik. Versuch einer Landschaftlichen Gliederung. Berlin, 1954, стр. 48.

[27] Ср. несколько портретов эпохи позднего эллинизма, происходящих с о. Делос и из северных районов Малой Азии. C. Michalowski. Les portraits hellénistiques et rómaines. Exploration archéologique de Delos, XII, Paris, 1932, стр. 17, 42, G. Hafner. Späthellenistische Bildnisplastik, стр. 48—73, табл. 20—31.

[28] Части подобных статуй были найдены в Керчи. См. В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1953 гг. МИА, 103, 1962, стр. 28.

буле [29]. Этот портрет, исполненный в середине II в. до н. э., восходит еще к традиции Лисиппа [30]. Для него характерно энергичное движение головы, патетический взгляд помещенных глубоко в тень глаз, полуоткрытые губы, придающие взволнованность образу юного царя. Лишь более живописная пластика с пересекающими лоб складками и более мягкой игрой светотени отличает стамбульский портрет от эрмитажного.

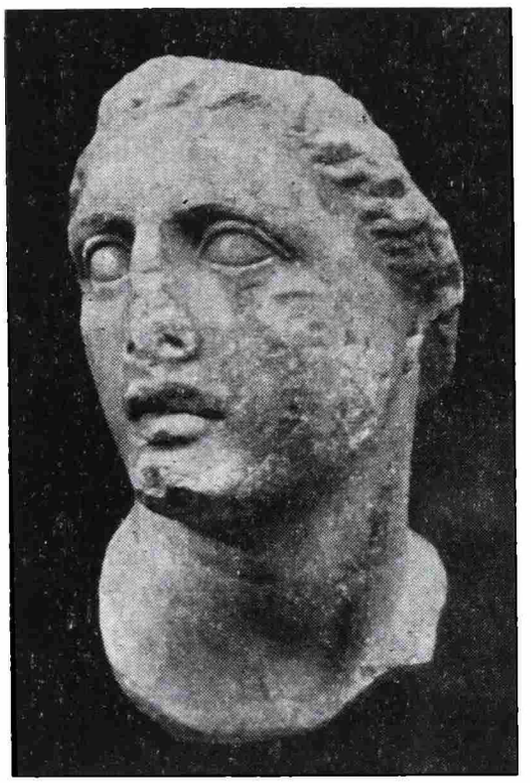


Рис. 7. Портрет Митридата VI из Керчи. Ленинград. Эрмитаж

Гораздо больше общего имеет портрет из Керчи с головой неизвестного эллинистического правителя, хранящейся в Берлине [31]. Она также происходит из Пергама, и в ней видят изображение царя Каппадокии Ариарата IX, сына Митридата [32]. Этот портрет исследователи склонны относить к 90—80-м годам I в. до н. э. [33]

Не касаясь вопроса об отождествлении изображенного здесь лица, отметим только бросающуюся в глаза близость технических приемов работы скульптора и характерное своеобразие трактовки лица. Мастер подчеркивает и выделяет светотенью огромные глаза, окруженные жесткими валиками век, нос и рот; плоскости же щек, лба, подбородка оставляет совершенно гладкими, не расчлененными на планы.

Эти черты своеобразного «классицизма» в позднеэллинистической портретной пластике очень характерны именно для Пергама [34]. Кроме вышеприведенного берлинского портрета здесь могут быть названы уже упомянутые изображения Митридата-Геракла в Лувре и Берлине [35]. Наследие Пергамской скульптурной школы II в. до н. э. сохраняется в подчеркнутом

[29] Altertümer von Pergamon, VII, Berlin, 1908, стр. 147, табл. 33; M. Schede. Meisterwerke der türkischen Museen. Berlin, 1928, табл. 18.

[30] О. Ф. Вальдгауер. Лисипп. Берлин, 1923, стр. 36, рис. 26.

[31] Altertumer von Pergamon, VII, стр. 150, рис. 132; E. Buschor. Das hellenistische Bildnis. München, 1959, стр. 32, рис. 29.

[32] G. Kleiner. Bildnis und Gestalt des Mithridates, стр. 92, рис. 5, 6.

[33] L. Laurenz. Ritratti greci. Ferenze, 1941, стр. 126; G. Kleiner. Ук. соч., стр. 92 сл.

[34] G. Hafner. Ук. соч., стр. 45 сл., табл. 18, 19.

[35] Altertümer von Pergamon, VII, стр. 175, табл. 37; G. Hafner. Ук. соч., табл. 18, 19.

динамизме и патетичности образов. Новым является сильно обобщенная трактовка лица, почти полное отсутствие планов, моделировки мускулов, складок, что делает лицо как бы нерасчлененной рамой для выделенных тенью огромных глаз, носа, рта. Суммарная пластика лба и щек, характерная трактовка глаз, помещенных в глубокую тень и подчеркнутых сухо прочерченными веками и удлиненными слезницами — все это налицо и в керченском портрете. Его близость к кругу работ пергамских мастеров начала I в. до н. э. представляется нам несомненной.

Кто же изображен в этом портрете? Напрашивается имя Александра Македонского. Это объясняется общим типологическим сходством с его портретами, но кажется маловероятным, чтобы в керченском портрете пергамский мастер начала I в. до н. э. изобразил Александра. Кроме того, нет здесь типичных для портретов македонского царя высоко поднятых над лбом прядей волос, его львиной «ἀναστολὴ τῆς κομῆς» [36]. Слегка волнистые локоны ровной рамкой окружают лоб и лицо изображенного здесь эллинистического царя. Не типичен для портретов Александра и покатый лоб с подчеркнутыми, сильно выступающими надбровьями. Напротив, именно эти черты постоянно встречаются в скульптурных портретах Митридата VI. Достаточно сравнить с керченским портретом упомянутые выше изображения Митридата VI в Афинах, Берлине и Лувре [37].

Несомненно, все названные портреты, подобно керченскому, восходят в своей общей схеме к известным изображениям Александра Македонского. Выше было указано, какой политический смысл придавался этим отождествлениям Митридата с Александром.

Ореол славы завоевателя мира, создавшего огромную греко-варварскую монархию, простиравшуюся от Африки до Индии, был необходим его подражателю Митридату, надеявшемуся добиться успеха в сходных замыслах. Интересно отметить, что к тому же средству для укрепления своего политического престижа среди греков были вынуждены прибегать и противники понтийского царя. Известно, что Гней Помпей, носивший такое же многозначительное прозвище «Великий», стремился подчеркнуть не только сходство своей судьбы, удачливости, военной славы с судьбой и славой Александра, но гордился именно чертами внешнего сходства с македонским царем [38].

Стремление подчеркнуть сходство с Александром, столь явственное в керченском портрете, как бы само подсказывает нам имя изображенного здесь царя I в. до н. э. Это косвенно подтверждает и место находки скульптуры в развалинах древнего Пантикапея. Речь может идти лишь о Митридате VI, бывшем в конце II — первой половине I в. до н. э. царем боспорского царства. Здесь, в Пантикапее, в 63 г. до н. э. уже изгнанный войсками Помпея из Малой Азии и кончил свои дни этот ревностный подражатель Александра Великого.

Керченский портрет Митридата VI ввиду его несомненной близости изображениям царя, относящимся к 88—85 гг. до н. э., ко времени освобождения Азии и пребывания в Пергаме, может быть датирован именно этим периодом. В самом Пергаме, а может быть где-нибудь на севере Малой Азии, или пергамским мастером, работавшим в далеком Пантикапее, и был создан этот героический, полный пафоса портрет Митридата VI.

Второй, близкий керченскому, портрет хранится в Одесском археологическом музее [39]. Происхождение его точно неизвестно. В собрании музея

---

[36] L. Laurenzi. Ук. соч., табл. XIV, *38*; XV, *40—41*; XVI, *42*; XXIV, *69*, XXXIV, *87*.

[37] Exploration archéologique de Delos, XIII, табл. VII; L. Laurenzi. Ук. соч., табл. 29.

[38] A. Bruhl. Le couvenir d'Alexandre le Grand et les Romains. Mélanges d'Ecole fr. de Rome. 47, 1930, стр. 206 сл.; H. C. L'Orange. Apotheosis, стр. 49 сл.

[39] В. Д. Власов. Два памятника греческой скульптуры в собрании Одесского археологического музея. ЗОАО, I (34), 1960, стр. 324 сл., рис. 1.

он значится с 1895 г. Подобно керченскому Митридату VI, это — также часть статуи, о чем говорит характер обреза шеи. Высота сохранившейся части 0,42 *м*. Портрет исполнен из мелкозернистого, теплого по тону, возможно, греческого мрамора. Портрет изображает молодого мужчину с высоко поднятой, чуть склоненной влево головой, увенчанной пышной массой длинных волнистых кудрей. Надо лбом пряди резко поднимаются кверху, с боков — ниспадают на шею, оставляя открытыми мочки ушей. Глаза помещены в глубокую тень, взгляд, обращенный вверх, имеет патетическое, даже несколько страдальческое, выражение. Полные губы немного полуоткрыты (рис. 8).

Рис. 8. Портрет Митридата VI. Одесса. Археологический музей

Сохранность портрета плохая: недостает верхней губы, носа, есть сколы на бровях, подбородке, прядях волос. Здесь, как и в керченском портрете, налицо та же экономная резка мрамора, характерная для позднеэллинистической портретной пластики. Задняя часть головы не сохранилась, а на оставшейся части имеется залитое свинцом отверстие для крепления.

Динамичное, беспокойное движение, черты патетичности и героизации образа сближают этот портрет с керченским. В. Д. Власов отнес его к работам пергамской школы конца II в. до н. э. Автору представляется несомненным прямое воздействие мастеров фриза пергамского алтаря Зевса [40]. Однако, несмотря на большую мягкость и живописность пластики, отличающую одесский портрет от керченского, нельзя не отметить в нем и черт своеобразного «классицизма», характерного для пергамской скульптурной мастерской начала I в. до н. э. Почти идентичны приемы обработки поверхности щек, подбородка, глаз, обрамленных сухими, графично прочерченными валиками век и снабженными характерными, удлиненными слезницами. Лишь отличие в трактовке лба, пересеченного глубокой складкой, а также легкие складки под глазами выдают руку другого мастера.

Этот портрет прежде считался изображением Александра Македонского; затем в нем видели изображение варвара (Э. Штерн); а В. Д. Власов склонен считать его изображением галла [41].

Близость к вышеперечисленным изображениям Митридата VI представляется нам очевидной. И здесь понтийский царь угадывается под привычным в его иконографии прототипом Александра Великого. Отсюда тот характер «варвара» и то впечатление, которое производит изображение на исследователей. К сожалению, как и в керченском портрете, здесь не сохранилось наиболее важных для иконографического отождествления черт. Нет носа, почти полностью сбита верхняя губа. Но тип лица, глаза, помещенные глубоко в тень, сильно выступающие надбровья и покатый лоб — достаточно четкие признаки, чтобы и здесь признать изображение

---

[40] В. Д. Власов Ук. соч., стр. 325.
[41] Там же, стр. 326.

Митридата VI. Этот портрет исполнен пергамским скульптором в годы наибольших политических успехов Митридата. Как ни один из сохранившихся портретов понтийского царя он близок его изображениям на пергамских монетах «эры освобождения» [42]. Надо думать, что лежащий в основе прототип, созданный в 80-х годах одним из пергамских мастеров, был одобрен самим царем. Этим объясняется его необычайная популярность и тот факт, что он вытесняет все прежние изображения Митридата [43]. Художник сильно идеализирует облик почти 50-летнего царя и подчеркивает лишь некоторые из черт его характера, наиболее выгодные в официальном портрете, оставляя без внимания или затушевывая остальные. Неукротимая энергия, вечная юность владыки, его реальное или вымышленное сходство с Александром Великим — вот все, что было сочтено достойным запечатления в героизированном изображении Митридата.

В этих портретах мы напрасно станем искать черты реального, противоречивого и сложного облика Митридата, сочетавшего свирепое своеволие, коварство и жестокость своих предков-иранцев с лоском и утонченностью эллинской культуры [44]. Эта причудливая смесь культур Запада и Востока в лице того, кого Моммзен метко характеризовал «восточным султаном» [45], у иных исследователей вызывала сравнение Митридата с Петром Великим [46].

Мало кому из властителей древности была суждена такая долгая популярность в литературе и изобразительном искусстве. Еще спустя полвека после гибели Митридата его портреты хранились в самом сердце Рима, в храме Юпитера Капитолийского [47]. К этому же времени относится лучшая литературная характеристика понтийского царя, оставленная историком Веллеем Патеркулом: «Митридат, царь Понта, муж, о котором нельзя ни умолчать, ни говорить с пренебрежением, в войне полный решимости, отличавшийся воинской доблестью, иногда великий своей удачливостью, но всегда — отвагой, замыслами был вождь, в битвах — воин, по ненависти к римлянам — второй Ганнибал» [48].

В IV в. на самом закате античного мира поэт Сидоний Аполлинарий видел еще в одной из галльских вилл живописные композиции, темой которых была бурная жизнь понтийского царя. На одной из них была представлена осада Митридатом Кизика, а на другой он приносил в жертву Посейдону белых коней [49].

Естественно, что и в Северном Причерноморье, где разыгрался последний драматический акт из жизни Митридата, сохранилось немало его портретов.

Знаменательно, что во всех этих изображениях Митридата VI остается нечто и от образа его знаменитого предшественника — Александра, которому так стремился подражать понтийский царь [50].

---

[42] Там же.

[43] E. Babelon — Th. Reinach. Recueil général, I. табл. II—III. Воспроизведение этого портрета бесконечно повторяется на монетах после 88 г. до н. э. К нему восходят и почти все известные изображения Митридата VI на геммах. A. Furtwangler. Die antiken Gemmen. Berlin, 1900, табл. XXXII, *29*; XLIX, *5*; H. Walters. Catologue of the Engraved Gems. London, 1926, № 1228. табл. 16.

[44] Аппиан. Войны Митридата, 112; «он был склонен к буйству и свиреп... любил эллинскую культуру...». Ср. Плиний Ст. N. H, VII, 88, XXV, *5*; Цицерон. За Мурену, 15, 33. Дион. Кассий, 37, 12.

[45] Т. Моммзен. История Рима. III. М., 1941, стр. 110. 111.

[46] Th. Reinach. Mithridate Eupator, roi do Ponte, Paris, 1890, стр. XIV.

[47] Манилий, V, 513.

[48] Валлей Патеркул. II, 18.

[49] Сидоний Аполлинарий. XXX, 157 сл., 162 сл.

[50] Помимо двух скульптурных портретов Митридата VI, о которых шла речь, в собрании Эрмитажа хранятся две геммы с его изображениями. О. Я. Неверов. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея. СА, 1968, 1, стр. 235 сл.; его же. Золотой перстень с портретом эллинистического царя. ВДИ. 1969, 1, стр. 171 сл.; возможно, Митридат VI изображен также на гемме из Пантикапея. Инв. № ПАН, 1764.

O. Ya. Névérov

MITHRIDATE ET ALÉXANDRE. A PROPOS DE L'ICONOGRAPHIE DE MITHRIDATE VI

Résumé

L'auteur propose compléter l'icônographie de Mithridate VI par deux portraits de sculpture. L'un d'eux trouvé à Kertch est conserve à l'Ermitage. L'autre se trouve au Musée archéologique d'Odessa, son origine n'est pas encore claire. Les deux monuments sont liés à l'école de sculpture de Pergame et se rapportent au debut du Ier siècle avant notre ère. Dans l'article est signalé le phénomène propre à l'icônographie de Mithridate VI: l'orientation apparente sur les images d'Alexandre de Macédoine. Ce phénomène trouve son explication dans les particularités de la politique sociale du roi de Ponte, dans ses plans politiques hardis qui avaient besoin d'être secourus par couches diverses des sujets de son rayaume éphémére. Les affinités pareilles sont signalées également quant aux monnaies battues de Mithridate VI; il est à noter que leur apparition coincident à la période d'une politique active qui assura le ralliement des grandes forces de la coalition anti-romaine au roi de Ponte.

Mithridate VI juissait d'une grande renommée dans les régions attenantes aux côtes du nord de la Her Noire. Cela est temoigné non seulement de ses deux portraits de sculpture cimentionnés mais aussi des intailles-sceaux comportant les images du roqui sont cesonrvés à l'Ermitage.

А. К. АМБРОЗ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

От точности датировок раннесредневекового археологического материала зависит правильное понимание процесса формирования многих современных народов и генезиса феодализма. Однако принятая сейчас хронология очень неравноценна в отдельных частях и во многом устарела. Она складывалась с конца XIX в. по частям и нередко эмпирически. Поэтому даты часто расплывчаты («V—VI вв.», «V—VII вв.» и даже «IV—VIII вв.»). Ее основа — немногочисленные могильники с монетами (Керчь, Суук-Су, Чми), а огромную массу безмонетных памятников датируют, подыскивая отдельные приблизительные аналогии в этих памятниках-эталонах.

Монеты сами по себе не дают точной даты комплексов. Даже в некрополях античных городов они нередко «запаздывают» на 100 — 400 лет. Еще более это относится к «безмонетным» периодам и территориям. Вот несколько примеров из многих. В могилах второй половины VI и VII вв. из Суук-Су найдены следующие платиновые и медные монеты: две 279 —308 гг., по одной III в., 408 — 450, 518 — 527, 527 — 565, 597 — 602 гг. В Галиате лежали вместе монеты 613 — 614 и 701 гг. В могилах, датированных арабскими монетами VIII и IX вв., часты византийские и сасанидские монеты (и брактеаты) VI и VII вв. (семь комплексов в Чми, шесть в Мыдлань-Шае) и т. д.[1] Аналогичная картина наблюдалась и на западе, в близком соседстве с римскими и византийскими провинциями с их развитым денежным хозяйством. Так, в 30 западносарматских погребениях IV в. в Венгрии монеты относились к I и II вв. и только в шести были современны захоронениям. Там же в гепидских некрополях VI в. встречаются только бронзовые и серебряные монеты II и IV вв.: в четырех из 73 могил на кладбище в Сентеш-Кёкеньзуг, в восьми из 306 в Сентеш-Берекхат, в пяти из 114 в Кишзомборе «Б». И лишь два раза на эти 18 римских монет из 523 погребений VI в. пришлись золотые монеты 491 — 518 гг. В византийской крепости Диногеция медные римские монеты IV — V вв. обращались наравне с более поздними и обильны в слое пожарища середины VI в.[2]. Не показательна и степень изношенности монеты: она зависит

* Статья печатается в двух частях. Нумерация рисунков (1—15) и таблиц (I—IV) общая для всей работы (рис. 1—8 и табл. I—II помещены в первой части, остальные — во второй).

[1] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. I—ИАК, 19, СПб., 1906; стр. 16, 23; II — ЗООИД, XXVII, 1907; стр. 122, 123 (Суук-Су); Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. СОНИИ, IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 151—153, 164 (Галиат); Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908 (Чми); В. Ф. Генинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ, 3, Свердловск, 1962.

[2] M. Párducz. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III. Budapest, 1950, стр. 226, 231, 245, 246; D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest, 1961, стр. 28, 35, 73—92, 149, 174—190; J. Barnea. L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle. «Dacia», X. Bucureşti, 1966, стр. 257, 258.

от интенсивности ее хождения в стране чекана до того, как она попала к варварам; а сколько она хранилась у варваров как сокровище, это можно узнать только по сопровождающим ее местным вещам.

Наиболее объективен метод относительной хронологии. Сначала по устойчивым сочетаниям «узких» вариантов вещей объединяют комплексы как можно в более однородные и, значит кратковременные группы. Выяснив их относительную последовательность (по стратиграфии или двум-трем и более параллельным эволюционным рядам вещей), получают как бы серию напластований. Лишь теперь видно, какие датирующие вещи характерны для каждого этапа, а какие случайно запоздали (рис. 1, *3*). Каждый комплекс датируется по самой поздней вещи. В итоге получается большое количество местных вертикальных шкал, каждая включает от двух до шести-восьми этапов (рис. 1, *2*).

Следующий этап работы — синхронизация этих шкал. Например, геральдические пряжки и бляшки (рис. 5 и 6) встречены во многих колонках. Их принято относить к VI — VII вв., по Суук-Су и византийским городам на Дунае. Но ряд памятников с подобными пряжками (Пашковская I, Гиляч, Шипово) датирован исследователями IV—V вв. только по наличию вставок стекла на украшениях (со ссылкой на Керчь). Однако геральдические части поясов настолько специфичны по своим деталям формы, что о конвергенции не может быть речи: они распространились путем заимствования и подражания. Следовательно, содержащие их комплексы приблизительно одновременны. Волнистая линия на рис. 1, *2* показывает, как противоречиво разные исследователи датируют комплексы с этими вещами (колебание до 350 лет), а прямая линия от цифры 600 — их синхронизацию. Естественно, что это лишь наглядная схема: сама синхронизация велась на основе систематизации карточек с воспроизведением всех вещей каждого комплекса. Сопоставление других типов вещей (различных пряжек, серег, фибул, подвесок, оружия, стремян и т. д.) позволило синхронизировать и другие этапы местных шкал.

В итоге получилась единая относительно-хронологическая система, показывающая взаимосвязь между всеми этапами разных культур IV — IX вв. на обширных пространствах Южной Европы и Азии (рис. 1, *1* — *2*). Эта система подобна прочной, но эластичной сетке: ее «узлы» на пересечении вертикальных местных колонок и синхронистических горизонтов «держат» всю взаимосвязанную систему так, что уточнение абсолютной даты любого этапа одной из колонок вверх или вниз (скажем, с V на VI в.) неизбежно повлечет перемещение не только выше- и нижележащих этапов этой колонки, но и синхронных им этапов по всей системе. Это очень важно. Ведь при изолированной датировке методом случайно выхваченных аналогий синхронные памятники разных территорий могли быть произвольно датированы с разрывом между ними в 300 — 400 лет, и это не вызывало у исследователей сомнения в правильности датировок. При единой хронологической системе достаточно абсолютно датировать лишь некоторые звенья в локальных колонках, как уже вся совокупность получит абсолютно-хронологическое определение. Например, как видно, на рис. 1, *2*, датирующие монеты есть лишь для некоторых этапов очень немногих памятников, но в сумме они хорошо обеспечивают по полустолетиям всю систему (столбец 1 на рис. 1, *2*). Монет и надписей нет лишь во второй половине VII в., но выше и ниже этот отрезок как бы «подпирается» этапами с монетами. Точно так же каждый этап с монетами с двух сторон «подпирается» и ограничивается соседними.

Откуда были взяты первые датировки в начале работы, когда еще не было системы? Относительная хронология большинства материалов в V—VIII вв. на Юге СССР разработана слабо, лишь для немногих памятников были выделены этапы, имелось много лакун. Прочную «рамку» давали лишь позднеантичные могильники Крыма IV в. и хорошо изученные салтовские древности второй половины VIII и IX в. Между ними

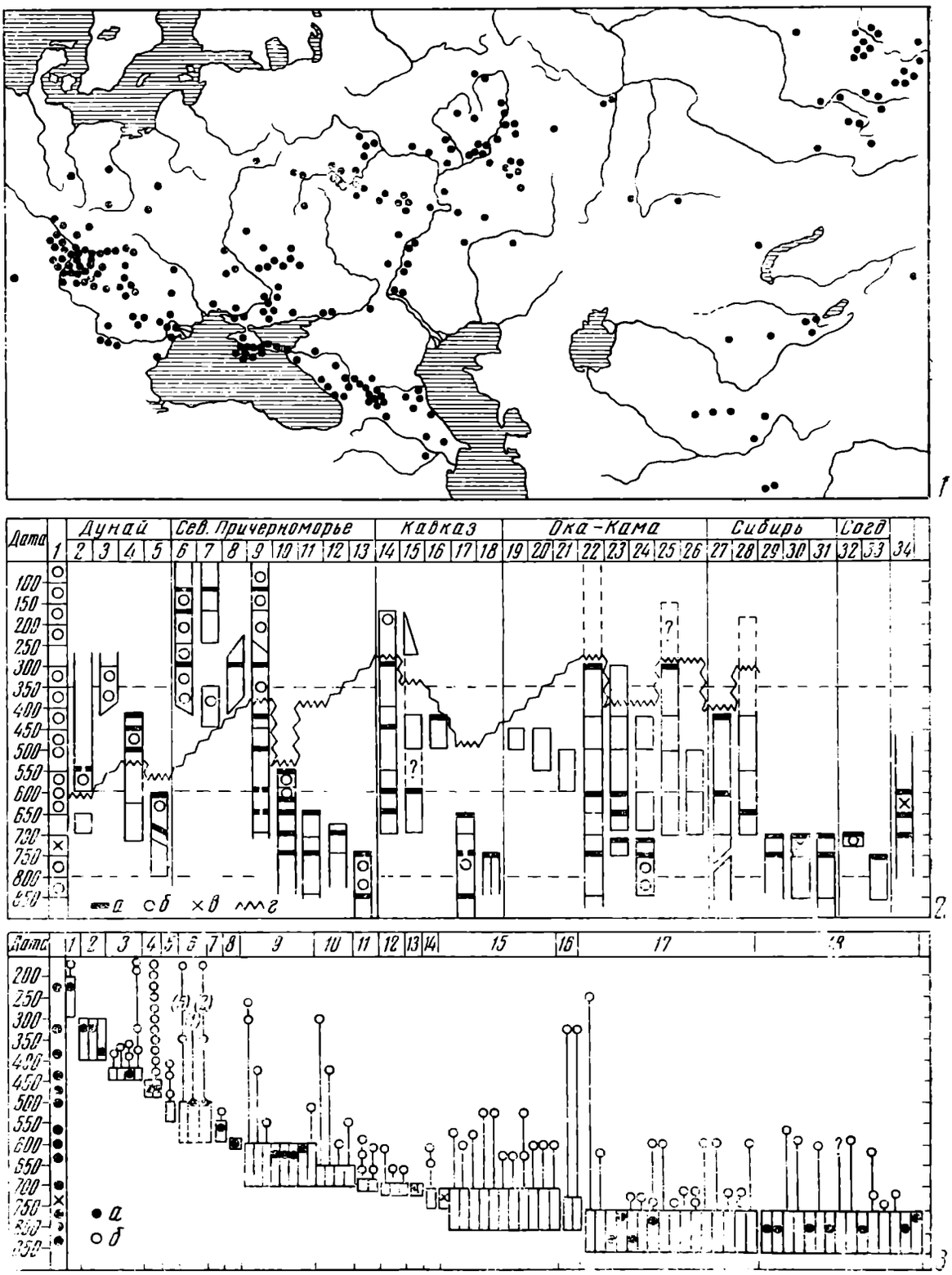


Рис. 1. Географическое и хронологическое распределение использованных материалов

1 — размещение памятников; *2* — основы периодизации. Обозначения: *а* — хронологически важное изменение стиля; *б*, *в* — дата подтверждена монетами (*б*) и надписями (*в*); *г* — пример разнобоя в общепринятой хронологии (для памятников VII в.). Цифровые обозначения: *1* — распределение датирующих монет и надписей по столетиям; *2* — византийские города на Дунае и поселение VII в. на развалинах Юстинианы Примы; *3* — римские могильники (Шагвар и др.); *4* — древности эпохи переселения народов (с инкрустированными вещами гуннской поры, послегуннские, гепидские и типа Кёрнье); *5* — авары; *6* — сельские могильники Юго-Западного Крыма; *7* — Танаис; *8* — черняховская культура; *9* — Пантикапей — Боспор; *10* — памятники типа Суук-Су; *11* — «антские» комплексы Среднего Поднепровья; *12* — Перещепино, Глодосы и Вознесенка; *13* — салтовская культура, по С. А. Плетневой; *14* — Абхазия; *15* — Байтал-Чапкан; *16* — Нальчик, могила, раскопанная М. И. Ермоленко в 1923 г. за Вольным Аулом; *17* — Чми; *18* — Галиат (1935 г.) и Песчанка; *19* — Муслюмово; *20* — Тураево; *21* — Федоровка; *22* — рязано-пензенские культуры; *23* — Башкирия (Бирск, Шареево); *24* — ломоватовская культура (Качка из раскопок В. Ф. Генинга; Бурково и могила «а» в Качке; Деменки и Неволино; Мыдлань-Шай); *25* — мазунинская культура; *26* — азелинская культура; *27* — Верхняя Обь (одинцозский — сросткинский этапы); *28* — поздняя таштыкская культура; *29* — Кудыргэ; *30* — тюркские изваяния; *31* — тюркские древности с поясными бляхами-оправами («катандинская группа»); *32* — III группа живописи Пенджикента; *33* — тюркская могила у обсерватории Улугбека; *34* — этапы развития стремян. *3* — Соотношение ар-

опорным пунктом был только нижний горизонт Суук-су, приуроченный В. К. Пудовиным ко второй половине VI и первой половине VII в. Поэтому сначала за основу была взята хронология Среднего Дуная IV — VIII вв. Над ней работало много исследователей, и она стала у нас и за рубежом общепризнанным хронологическим эталоном из-за обилия кратковременных этапов часто сменявших друг друга культур. Вот эти этапы: 1—IV в. (римская и сарматская культуры); 2 — первая половина V в. (эпоха гуннов); 3 — вторая половина V в.; 4 — VI в. (гепиды и лангобарды); 5—VII в. (ранние авары); 6 — рубеж VII—VIII вв. (II аварский период); 7 — VIII в. (поздние авары). Сами эти этапы составляют не более 100 лет, а расхождения между датами исследователей не превышают 50 лет. Уже одно подробное сопоставление с Дунаем внесло важные поправки в хронологию Боспора и Кавказа. Позднее разработка единой хронологической системы СССР не только явилась самостоятельной основой, но внесла существенные уточнения в хронологию Среднего Дуная. Теперь наиболее доказательна система в целом. Поэтому при чтении каждого раздела надо кроме частных обоснований учитывать всю систему взаимнодополняющих разделов.

Чем был обусловлен отбор материала для работы? Мной подробно датированы памятники IV — VII вв. Восточной Европы и Кавказа (кроме Прибалтики, слабо связанной с Югом СССР), по публикациям использованы сравнительные материалы Сибири, Средней Азии, а также Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и в меньшей мере других стран (рис. 1, *1*). Пока опущена керамика: она везде локальна и не всегда хорошо представлена в погребениях. Неразработанность хронологии V —VIII вв. и неравномерная обеспеченность эпох материалом заставили начать с разработки хронологии комплексов, однако без полноты охвата всех находок данной эпохи за счет привлечения огромного беспаспортного материала музеев. Именно нужды работы по составлению свода фибул V — IX вв. побудили меня сначала обратиться к общим вопросам хронологии. Лишь на базе предварительной единой хронологической системы можно будет перейти к углубленному монографическому исследованию отдельных категорий вещей в виде «сводов». Объем текста сильно сжат за счет описаний и количественных показателей, поскольку весь материал опубликован. Например, достаточно просмотреть указанные здесь публикации по IV и V вв., чтобы на большом материале убедиться в существенном различии язычков пряжек. Для краткости не разбираются точки зрения на хронологию, с которыми автор не согласен.

Многолетняя систематизаторская практика заставила меня отвергнуть некоторые требования формального метода. Построение всей классификации по одному признаку обеднило бы многообразие материала и подменило бы реальные закономерности развития вещей чисто условной схемой. Построение эволюционных рядов обязательно, но их правильность подтверждается только хронологией комплексов. Я не привожу корреляционные таблицы комплексов отдельно по каждому могильнику, так как почти ни один из них не раскопан целиком. Их эволюция полнее обрисовывается

хеологической периодизации и монет: *а* — монеты датируют; *б* — не датируют. Перечень памятников: *1* — Керчь, могила из раскопок 1841 г.; *2* — Инкерман, могилы *37*, *13*, *31*; *3* — Керчь, склепы 143, 154 и 24 июня 1904 г.; Валя Стрымба (Текерёпатак), клад; *4* — Каравуково, Югославия; Турнэ, Бельгия; *5* — Конажев, Польша, клад; *6* — могильники гепидов Венгрии: Сентеш-Берекхат. Сёрег, Кишзомбор «Б»; *7* — Суук-Су, мог. 56; *8* — Суук-Су, мог. 77; *9* — Суук-Су, мог. 166, 199; аварская I группа: Сынпетрул Жерман, Крштур, Ловченац, Кишзомбор «О», Кунагота; *10* — Суук-Су, мог. 131, 154; Кореиз; Чми, мог. XII; *11* — Перещепино, Келегейские хутора; *12* — аварская II группа: Сегвар-Кородьпарт, Сегед-Маккосердё, Озора; *13* — забутовка-субструкция под зданием IV комплекса VI объекта в Пенджикенте; *14* — Новые Сенжары; *15* — памятник Кюль-Тегина (с надписью 732 г.); Кудыргэ, мог. 15; Чми, мог. VII, XXIII; Неволино, мог. 4, 12, 13, 34, 53, 81; Деменки, мог. 8, 63; *16* — аварская III группа: Пилишмарот-Башахарц, мог. 188, 225; *17* — Неволино, мог. 41, 65; Мыдлань-Шай, мог. 1, 5, 7, 8, 10, 14, 16, 20, 21, 58а, 64, 69, 74; Деменки, мог. 64; *18* — Чми, мог. II, V, XIV, XVI, XIX, XX, XXII, XXVI, XXVII; Харх, мог. 2; Галиат, 1935 г.; Романовская: Столбица; Сростки, мог. 2; Катанда II, мог. 2

при объединении нескольких близких памятников в одну таблицу. Особые таблицы для показа взаимовстречаемости вещей — в лучшем случае тавтология, но чаще они затемняют картину, объединяя материал разных этапов по случайному признаку формальной взаимовстречаемости (за счет запоздавших ранних вещей в более поздних комплексах), и ведут к ошибкам [3]. Лишь корреляционные таблицы комплексов (табл. I — II) чутко показывают реальное сочетание вещей, позволяя отделить основной период бытования от случайного запаздывания. Исчерпывающая разработка хронологии комплексов должна предшествовать и использованию статистических методов [4].

Выясняется, что в основу общепринятой восточноевропейской хронологии IV — VI вв. в значительной мере положена датировка В. В. Шкорпилом некрополя Керчи (развитая Л. А. Мацулевичем): IV в.— этап инкрустаций; V в.— этап пальчатых фибул; в VI в., по Л. А. Мацулевичу. Керчь якобы заглохла, и этот этап представлен Суук-Су. В. В. Шкорпил не был специалистом по IV—VI вв., он датировал найденные им могилы предварительно, по одним монетам, без детального анализа инвентаря и без сопоставления с более изученными материалами западных областей. Так же поступали Н. И. Репников и В. В. Саханев. Однако последующие авторы ограничились ссылками на В. В. Шкопила, Н. И. Репникова и В. В. Саханева, не подвергая их предварительные датировки проверке или уточнению. Единственным исключением явилась ценная работа В. К. Пудовина о хронологии Суук-Су [5]. Не удивительно, что при более детальном изучении восточноевропейской хронологии V — VIII вв. выявилась неизбежность ее коренного пересмотра в целом.

Период III — VII вв. на Боспоре делится на пять этапов. Первая половина III в.— расцвет Боспорского царства. Его влияние, судя по фибулам, охватило Северный Кавказ, Поволжье, Дон и частично Крым (фибулы I — IV вв. исследованы мной в специальной книге). Фибулы традиционных северопричерноморских форм не перешли в следующее столетие. Пряжки I—III вв. (их дата общепризнана) на Юге СССР различны. Фигурные литые пряжки связаны с культурой городов и исчезли в III в. Округлые простые проволочные пряжки имели гладкий, слегка прогнутый в середине и слабо изогнутый на конце узкий язычок (как на рис. 2, *2*) [6]. Их изменения по столетиям не изучены (иные пряжки с прогибом есть и в VI—VII вв.— рис. 9, *31, 37, 57*). Уже в III в. кольца и язычки многих округлых пряжек равномерно утолщены, иногда гранены (рис. 2, *1 — 5*) [7]. Встречаются кольца, чуть утолщенные спереди, язычки иногда уже без прогиба, массивные и украшенные фасетками так, чтобы у основания оставалась плоская площадка — эти признаки получили дальнейшее развитие в IVв. В III в. много обтянутых золотым листочком и инкрустированных украшений (типа «гробницы с маской», рис. 2, *3 — 5*).

Но вопреки традиционному мнению, их стиль иной, чем в эпоху великого переселения народов (рис. 2, *13, 17—27, 29, 30*), прямой преемственно-

[3] В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 132—135, рис. 4; по монетам часть могил VIII—IX вв. отнесена к VI—VII вв. (ср. здесь табл. IV).

[4] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV — V вв. СА, 1959, 3, стр. 49, 51, 57, 64 (статистические подсчеты основаны на традиционном отнесении к IV—V вв. Пашковской I, Борисова, Гиляча, Байтал-Чапкана, части Суук-Су и Чуфут-Кале).

[5] В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, 1.

[6] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, рис. 82, *4*; 85, *4*; 91, *4*; 95, *4*; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, рис. 49, *11*; Э. А. Сымонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, 4, рис. 3, *2*.

[7] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, рис. 4 (с ними серебряные подвязные фибулы III серии 15-й группы с гранеными дужками, хранящиеся в Пятигорском музее. Все вещи имеют аналогии в сарматских и керченских могилах III в.); Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2, рис. 3, *1—3, 7, 8, 12*.

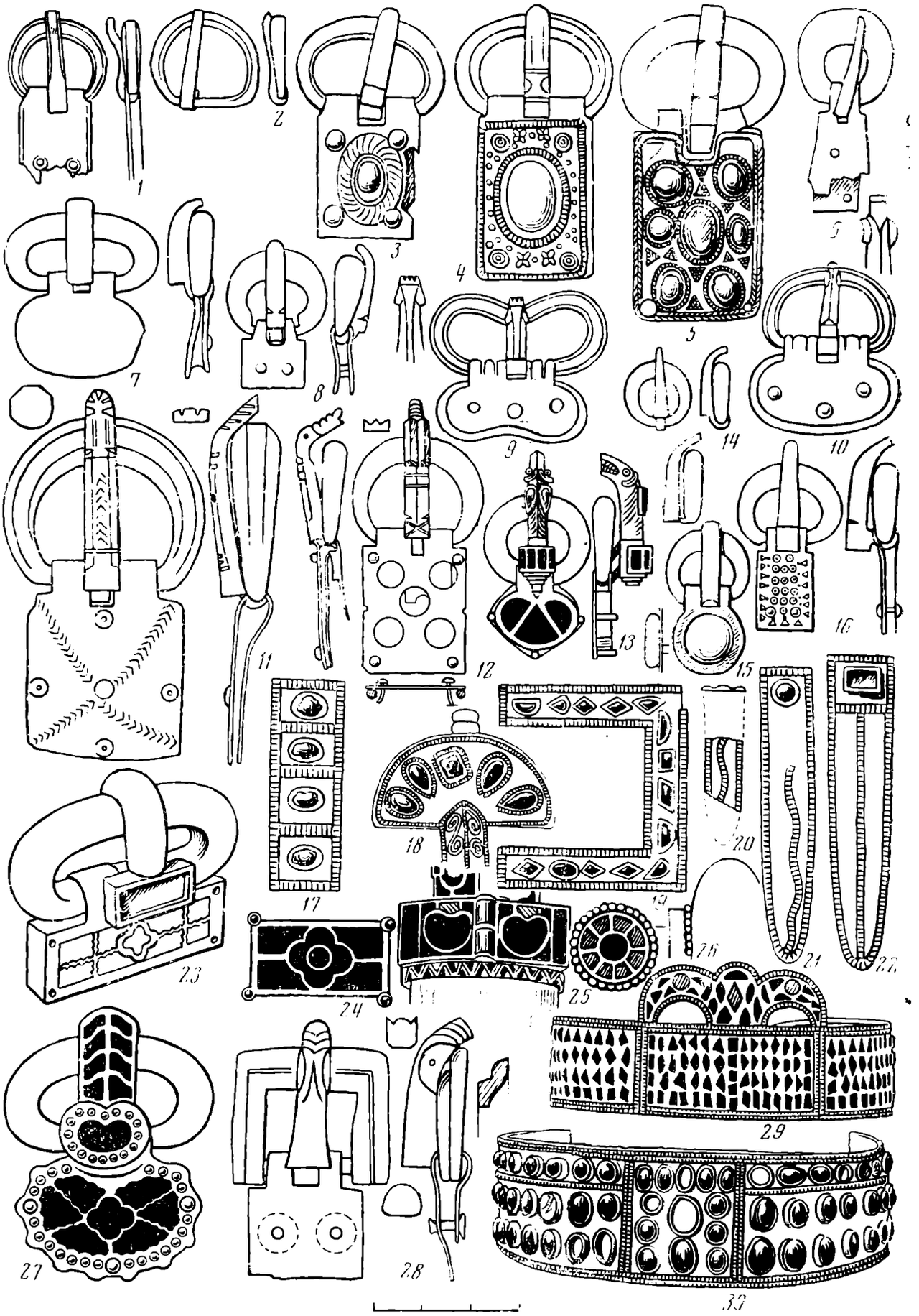


Рис. 2. Вещи III—V вв.

1—5 — III в., *6—10* — IV в., *11, 12* — V и первая половина VI в., *13—22, 25, 26, 29, 30* — V в. (*13, 16, 18* — первая половина V в.), *23, 24, 27* (может быть, и *25*) — вторая половина V в., *28* — VI—VII вв. *1—2* — Буденновская слобода; *3* — Херсонес; *4* — Тимошевская; *5* — Керчь, на бывш. усадьбе Мессаксуди; *6* — Будешты; *7* — Спанцов, Румыния; *8* — Индепенденца, Румыния; *9—10* — Шагвар, Венгрия; *11* — Аухвамахва, погр. 3 (по М. М. Трапшу); *12* — Рутха; *13, 18, 25, 29* — Керчь; *14, 15, 20* — Вольный Аул, могила; *16* — Якушовице, Польша; *17, 19, 22, 26* — Ново-Григорьевка; *21* — совхоз им. Калинина; *23* — Украина (ГИМ); *24* — Чегем; *27* — Апахида, Румыния; *28* — Абгыдзрахва, п. 13; *30* — Березовка. Масштаб — к рис. *1—18, 20—22, 24, 26—28*

сти между ними нет. Подобные вещи III в. есть в Херсонесе (рис. 2, *3*) и западнее: в Словакии, Силезии, Дании, Северной Германии [8]. Истоки этого стиля надо искать шире — в провинциально-римском искусстве.

Во второй половине III в. Боспорское царство было опустошено носителями черняховской культуры. Столица уцелела, но разорение сельской округи подорвало основу экономического процветания Боспора. Царство сократилось до размеров одного города и пришло в упадок, усугубившийся ростом натурализации хозяйства. Прекратилась чеканка монеты, исчезли многие местные украшения. Обилие прогнутых подвязных и двупластинчатых фибул IV в. говорит о сильном варварском (черняховском) влиянии на быт местного населения. Пряжки IV в.— с толстым хоботковым язычком, ступенчато срезанным сзади (часто с высоким уступом). Острый конец язычка не выступает вперед за пределы кольца или выступает немного (рис. 2, *6 — 8*). Передняя часть кольца резко утолщена, иногда очень сильно, особенно у круглых пряжек. В IV в. они обычны на всей черняховской территории от Донца до Муреша, в Крыму (Инкерман, Совхоз 10, Керчь, Харакс — с монетами IV в.); на Оке, в Башкирии, на Северном Кавказе и Абхазии [9].

Полихромный стиль последующей эпохи гораздо проще, суше и грубее полихромного стиля античных городов или скифов и сарматов поры их расцвета. Характерно обтягивание серебряных вещей золотой фольгой, довольно нерегулярное размещение выпуклых и плоских красных камней в отдельных гнездах, как бы россыпями, скупое применение зерни и скани. Есть уже и плоские перегородчатые инкрустации, но лишь как дополнение к основным «россыпям» [10]. Стиль — довольно однородное целое, его нельзя непосредственно вывести из какой-нибудь одной художественной школы предшествующей поры (рис. 2, *11 — 22, 25, 26, 29, 30*; 3, *2 — 4*). Признаков его постепенного сложения нет в IV в. нигде (включая Боспор). Он появился как бы сразу в сложившемся виде в первые десятилетия V в. Его центр — на Дунае, где до рубежа IV — V вв. ему предшествовала провинциально-римская культура (последовательность некрополей: Шагвар, Чаквар).

[8] Н. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 2. СПб., 1889, рис. 134—138; M. Rostovtzeff. Une trouvaile de l'epoque greco-sarmate de Kertch. Monumenties et memoires publies par l'Academie des inscriptions et belles-lettrs. Fondations E. Piot. 26. Paris, 1923 (Боспор); ОАК, 1894, стр. 37, 38, рис. 40 (Прикубанье); ОАК, 1897, рис. 232 (Херсонес); А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, рис. 138, 3, 4; D. Grempler. Der II. und III. Fund von Sackrau. Berlin, 1888, табл. III, *18*, *19*; B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm. 1904, рис. 95—99; B. Stjernquist. Simris. Bonn — Lund, 1955, стр. 108—165.

[9] В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, 19, 1965, рис. 10, *7*; Є. В. Веймарн. Археологічни роботи в районі Інкермана. АП, XIII, Київ, 1963, стр. 42 и рис. 9; Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, рис. 13, *2*, *6—8*; 14, *1—4*; МИА, 82, 1960; 116, 1964; 139, 1967; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967; I. Kovács. Cimetiere de l'epoque de la migration des peuples à Marosszentanna. Dolgozatok, III, 2. Kolozsvár, 1912; Gh. Diaconu. Tîrgsor. Bucureşti, 1965 (пряжка из могилы 182 — табл. CLXII, 8 и стр. 91 — выглядит на табл. CXIII, 3, как обычная для IV в.). B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV lea e. n. în Muntenia. Bucureşti, 1966.

[10] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München, 1956, стр. 130, рис. 2, табл. 4, 9, 10, 13, 15—19, 26—29, 40, 50, 52, 53, 59, 61, 64, 69—75; W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunn. Jahrbuch für Altertumskunde, 5, 1—3. Wien, 1911; N. Fettich. Der 2. Schatz von Szilágy — Somlyo. Budapest, 1932; его же. Le découverte de tombes princières hunniques à Szeged — Nagyszéksos. Budapest, 1952, табл. I—V, XII—XVII; A. Abramowicz, K. Dąbrowski, K. Jażdżewski, S. Nosek. Periode des migrations des peuples. Inventaria archaeologica. Łódź, 1959 (Якушовице); Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3. Саратов, 1927 (Новогригорьевка, могилы VIII и IX; Нижняя Добринка); ОАК, 1899, рис. 250; В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, 2, рис. 2—5; А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. ИАК, 17, СПб., 1905; Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. СА, 1966, 3; О. Д. Дашевская. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. МИА, 169, 1969 (Беляус).

Датировка памятников V в. лучше разработана для Дуная. Она наиболее полно изложена И. Вернером. Проверка и некоторое уточнение сделаны мной по фибулам и пряжкам. В сложении стиля сыграли роль традиции ремесла дунайских провинций. Дунайские вещи V в. крупнее и роскошнее аналогичных восточноевропейских, сделаны в более разнообразной ювелирной технике, полнее представлены звенья эволюции фибул (развитие других предметов не выяснено) [11]. Новая мода затронула только верхушку общества. Плохо изученная культура рядового населения первой половины V в. была, вероятно, во многом близка культуре IV в.: сохранились некоторые формы пряжек, фибул, посуды, стеклянные стаканы с синими налепами. Даже почти все монеты и медальоны из комплексов этой поры — IV в., только в одном керченском склепе была индикация монеты 425—455 гг. Однако это не значит, что памятники V в. можно определять простым расширением даты с IV в. на «IV—Vвв.», как поступают некоторые исследователи черняховской культуры.

Пряжки V в. развивают формы IV в., но кольца утолщены спереди не так резко, как в IV в., а хоботковые язычки далеко выступают вперед (рис. 2, *12—16*). Для Дуная характерно сильное увеличение размеров вещей, особенно фибул. На язычках пряжек появились звериные головки. На золоте и серебре они имеют заштрихованную вкось переносицу, подчеркнутые надбровные дуги, пасть, прижатые к затылку длинные уши (Керчь: Новиковский склеп 1890 г. в ГИМ, рис. 2, *13* и склеп 154 из раскопок 1904 г. в ГЭ). Более упрощены головки бронзовых пряжек Северного Кавказа и Абхазии: брови и уши слились в длинные выступы, глаза — кружки с точкой, иногда все изображение заменено нарезками (рис. 2, *11, 12*). Головки были и на язычках дунайских провинциальных пряжек IV в. (рис. 2, *9, 10*), но они лишены всяких деталей, выступы в виде ушей коротки и округлы [12], в СССР они найдены В. В. Кропоткиным на черняховском памятнике. Есть и другие формы вещей V в.: серьги калачиком и с полиэдрической бусой (до специального изучения не удается отличить их от экземпляров VI—VII вв., а для литых полиэдрических — и от VIII—IX вв.); узкие длинные тисненые язычки ремней (рис. 2, *20—22*); крестовидные, ромбические и ленточные бляхи от узды (рис. 2, *17*, *19*); железные удила с утолщенными концами из цветного металла. Только наличие характерных вещей V в. позволяет отнести к этому времени тот или иной комплекс.

В V в., после столетнего перерыва, на Боспоре появилось много богатых могил. Вероятно, при гуннах город несколько оправился от последствий готских нашествий III в. Тогда же возродился уничтоженный готами Танаис: вновь была заселена вся площадь городища, укреплялись и ремонтировались руины, строились новые дома. Там найдены монеты 364—378, 379—383 и 383—388 гг., стекло, амфоры, западная пряжка рубежа IV—V вв. [13]. Это и неудивительно. Кочевники-гунны сеяли разрушения в соседних непокоренных областях на западе. Но в своих владениях они нуждались в ремесленных и торговых центрах, в сохранении покоренного оседлого населения для производства земледельческих продуктов. Действительно, письменные источники говорят о покорении и присоединении к гуннам «скифов». Например, остроготы, «подчиненные власти гуннов, ос-

---

[11] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. САИ, Д1-30. М., 1966, стр. 86—91.

[12] Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XL, *10, 12, 14*; МАК, VIII. М., 1900. табл. CIII, *9, 11*; CIV, *18*; B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, рис. 95, *20;* 103, *141;* 114, *257*, табл. XCII, *3, 6* (IV в).
склеп); A. Sz. Burger. The Late Roman Cemetery at Ságyár. AAH, XVIII, 1—4. Budapest, 1966. рис. 95, *20:* 103, *141;* 114, *257;* табл. XCII, *3, 6* (IV в.).

[13] Д. Б. Шелов. Новые данные о Танаисе. Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962. стр. 75; его же. Раскопки северо-восточного участка Танаиса. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 127—129, рис. 61; его же. Танаис и Нижний Дон. Автореф. докт. дис., М., 1968, стр. 53—55.

тались в той же стране», и «готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и соответственно решению гуннов» (Иордан, § 125—127, 130, 246—253). Несомненно, гуннское иго было тяжелым, но местная знать, войдя в союз с кочевниками и участвуя в их грабительских походах (как остроготы и гепиды), нашла новые возможности для обогащения. Этим объясняется богатство подвластной гуннам знати Боспора. Находка в склепе 5 в Инкермане бронзовой монеты Феодосия I (379—395 гг.) показала, что некрополь без изменений функционировал и после гуннского завоевания. В склепе — обильный инвентарь: меч, стекло, посуда, золото, монета и др.[14]. В нем еще нет признаков полихромного стиля, что подтверждает его отсутствие в Крыму до первых десятилетий V в.

Обезлюдение в V в. огромных пространств Северного Причерноморья надо связывать не с истреблением населения, а с уводом его основной массы на запад в составе гуннского войска в первых десятилетиях V в., когда центр гуннской державы был перенесен в Среднее Подунавье. Поэтому на изученных до сих пор черняховских памятниках не найдено вещей V в. Одиночные богатые могилы на Украине и в Молдавии (Концешты, Нежин, Ласки, Качин, Круглица) содержат изделия дунайских, а не причерноморских мастеров. Они входят в большую группу одиночных погребений, разбросанных в зоне походов и кочевий гуннов и их союзников от Волги до Нормандии. Это могилы или конных воинов, или знатных женщин германского или потисско-сарматского происхождения (восточные сарматы IV—V вв. не носили двупластинчатых фибул). Знаменитые румынские клады в Шимлеул Сильваней и Петроссе были собственностью знатных семей и зарыты, судя по их стилю, один в середине V в., возможно, в период падения гуннов, другой — во второй половине V в., в эпоху независимого королевства гепидов[15]. Они связаны с индивидуальными судьбами людей той кровавой эпохи: опала, гибель на войне и т. д. Для королевских сокровищ (как их часто неправильно называют) они слишком бедны: те измерялись многими десятками повозок (например, имущество дочери франкской королевы VI в. Фредегунды).

На Дунае вторая половина V в., как показали исследователи,— особый этап. Инкрустации перегородчатые с возвышающимися над плоским фоном отдельными выпуклыми вставками (подобно изображенным на рис. 6, *27*, *37*, *38*; Блучина, Петросса, Апахида); часто перегородки имеют полукруглый выступ (рис. 6, *25*); характерны четырехлепестковые розетки (рис. 2, *23*, *24*, *27*), окантовка мелкими гранатовыми шариками (рис. 2, *27*), вставки в виде валиков (рис. 2, *25*); иногда камни вставлены не в напаянные гнезда, а в прорези в поверхности предмета (Петросса). Появилась резная гранчатая орнаментация на пряжках и фибулах (рис. 3, *6*, *8*). Монеты 433 г. (Каравуково в Югославии) и 480-х годов (Турнэ в Бельгии) подтверждают датировку[16]. Отдельные вещи (инкрустации, рис. 2, *23*, *24*; двупластинчатые фибулы варианта IIб, рис. 3, *5*; маленькие фибулы с трехгранно-выемчатой геометрической резьбой, рис. 3, *6*) известны и у нас, но, как правило, из депаспортизированных находок. Однако материалы второй половины V в. в Восточной Европе в основном иного облика, чем на западе.

В VI в. появились боспорские пальчатые фибулы и резные пряжки (рис. 3, *12—14*), судя по аналогиям в древностях остроготов Италии и

---

[14] Є. В. Веймарн. Археологічни роботи, стр. 37 и 42.

[15] А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 88—91.

[16] J. Werner. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935, стр. 30—34; его же. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts. SA, VII, 2. Bratislava, 1959; его же. Eine ostgótische Prunkschnalle von Köln — Severinstor. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 3. Köln, 1958; его же. Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel. Helvetia antiqua. Zürich, 1966; K. Tihelka. Knížeci hrob z období stěhování národů u Blučiny. PA, LIV, 2. Praha, 1963.

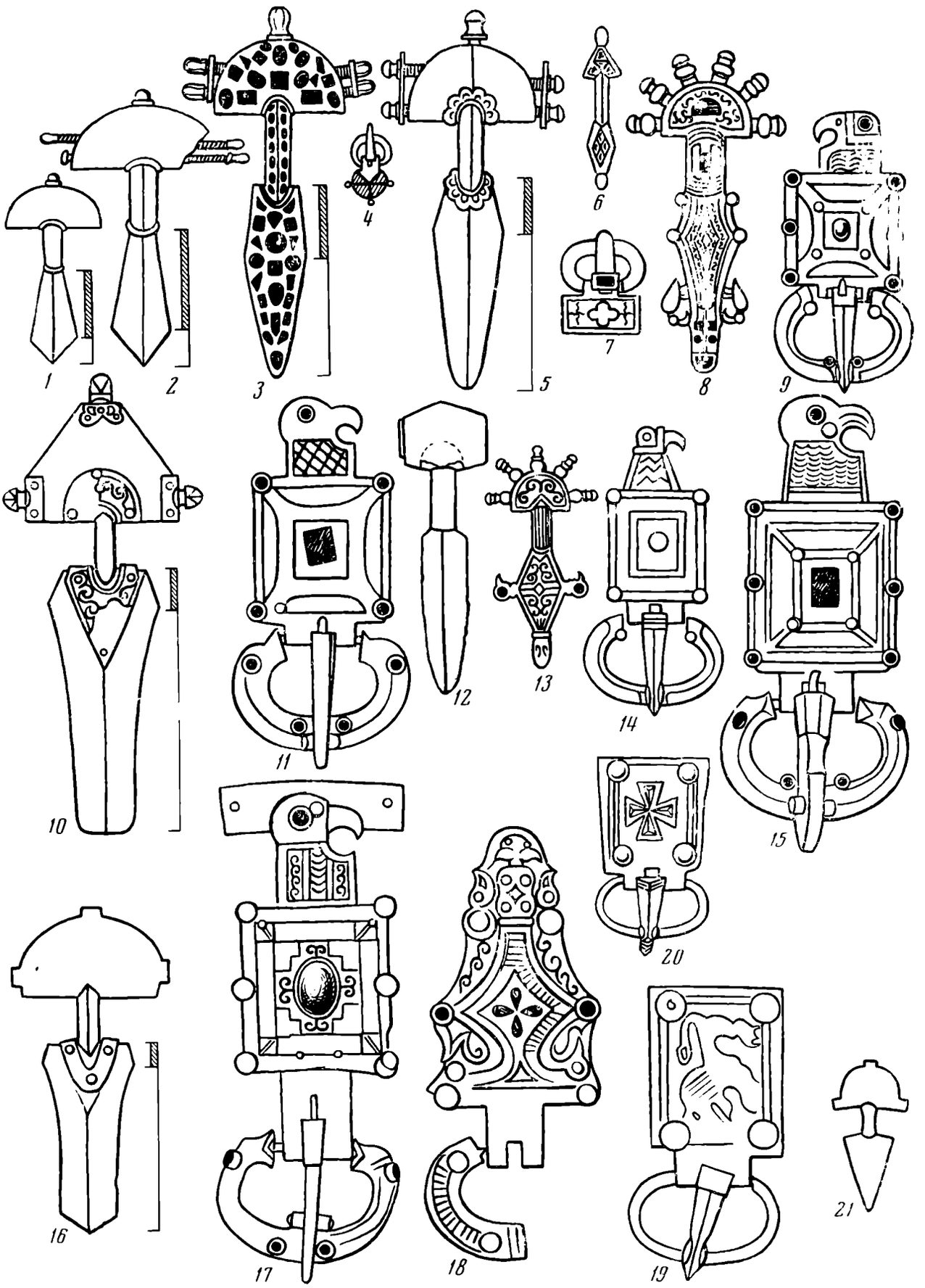


Рис. 3. Эволюция украшений Крыма и Подунавья в IV—VII вв.

1 — IV в.; *2—4* — первая половина V в.; *5—8* — вторая половина V в.; *9* — VI в.; *10* — вторая половина VI и первая половина VII в.; *11* — вторая половина VI в.; *12—14* — вторая половина VI и VII в.; *15* — рубеж VI и VII в.; *16, 19, 20* — первая половина VII в.; *17, 18* — VII в.; *21* — вторая половина VII в.; *1, 7* — Украина; *2* — Козьминка, Польша; *3, 4* — Унтерзибенбрунн, Австрия; *5* — фибула, дунайского типа из Борков (Рязань, сборы В. И. Зубкова); *6* — Карнунтум, Австрия; *8* — Венгрия; *9* — Керчь (прибозная с территории Румынии); *10, 11, 15—19, 21* — Суук-Су; *12—14* — Керчь; *20* — Чуфут-Кале

гепидов на Дунае. Но частое наличие в тех же боспорских комплексах поясных наборов VII в. (см. раздел о Суук-Су) заставляет расширить их бытование на весь VII в. [17].

Подробнее культура Боспора предстанет после опубликования и изучения некрополей. Но и сейчас ясно, что в VI—VII вв. там концентрировалось значительное население. Признаков упадка материальной культуры по сравнению с IV—V вв. нет. На Боспоре известны и пышные ювелирные изделия VII в. (рис. 6, *30*, *31*, *33*) [18], вероятно, варваризированная переработка византийских прототипов.

Наиболее яркий памятник V в. на Северном Кавказе — «бескурганное погребение», раскопанное М. И. Ермоленко 7 и 8 сентября 1923 г. за Вольным Аулом в г. Нальчик [19]. Типичный узкий тисненый язычок ремня (рис. 2, *20*), две местные фибулы: тонкая двупластинчатая варианта I-аб (или маленькая II-а?) и двучленная с завитком на конце; шесть хоботковых пряжек (три с крупной вставкой стекла, рис. 2, *15*), кусочек желтоватого стеклянного стакана, четко граненые бусы из ярко-вишневого и темно-желтого сердолика. Возможно, к V в. относится могила 4 в Тамгацике. Могильники Байтал-Чапкан и на р. Гиляч использовались несколько веков. В каждом из них самая ранняя могила (родоначальника?) лежит на верхней точке могильника: могила 10 в Байтал-Чапкане (обломок небольшой фибулы с S-видным завитком и две пряжки с прогнутыми язычками, II—III вв.) и могила 18 на Гиляче (V в., судя по большой хоботковой пряжке на плане погребения и удилам с бронзовыми головками). Байтал-чапканские могилы 17, 20, 24, 30 можно отнести к VI в. (не раньше, по приуральским аналогиям, см. ниже), 29 — к VI или VII в., 9, 14, 23 — к VII в., почти все гилячские — к VII в. В Дагестане к V в. может относиться курган 2 из Паласа-Сырта [20]. На Северном Кавказе преобладают беспаспортные вещи V в., в основном из Северной Осетии и Кабардино-Балкарии [21]: типичные инкрустации, местные двупластинчатые фибулы II подгруппы, хоботковые пряжки с большой вставкой стекла, большие пряжки с звериной головкой (рис. 2, *12*), возможно, часть подвязных фибул и фибул с завитком и надставленными концами пружины [22].

Особое значение приобретают большие могильники Абхазии, известные автору по публикациям и любезным сообщениям М. М. Трапша, Ю. Н. Воронова и Г. К. Шамбы [23]. Они содержат многочисленный, хоро-

---

[17] А. К. Амброз. Рец. на кн.: J. Werner, Katalog der Sammlung Diergardt. CA, 1966, 4, стр. 213, 214; его же. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.). КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 14—17.

[18] N. Fettich. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Budapest, 1951, табл. XLVI. *1—7*; ОАК, 1891, стр. 59—61, рис. 38—40; простые пояса VII в.: В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, 58, 1955, рис. 32; О. И. Беч. Первые раскопки некрополя Пантикапея. МИА, 69, 1959, рис. 2, *A*, *3*, *P*, *Q*, *O* (кург. 1, склепы 7 и 17); М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 60, рисунок.

[19] Нальчикский музей, № 2525, вещи нашиты на планшет М. И. Ермоленко, подробная опись — в книге поступлений за 1923 г., № 268—287; недавно типичные могилы V в. раскопаны М. П. Абрамовой в Северной Осетии (Брут).

[20] Материалы ГИМ, Нальчикского и Черкесского музеев. Публикации: Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, 2—3. Ставрополь, 1960, ее же. Археологические памятники р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951; ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956; Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 10, *1*; 11, *2* (Тамгацик); В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 148—156, табл. XIII.

[21] ОАК, 1897, рис. 176 (Чегем); МАК, VIII, табл. CIII, *9*, *11*; CIV, *18* (Рутха); И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, 3, СПб., 1890, рис. 180.

[22] А. К. Амброз. Фибулы..., табл. 6, *3—4*; 10, *7—9*.

[23] М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963; Г. К. Шамба. Фибулы из некрополя Ахаччархва. Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969; Ю. Н. Воронов,

но поддающийся корреляции материал, показывающий связи с Боспором, Северным Кавказом и Закавказьем и происходящий из индивидуальных погребений с обильным инвентарем. Представлены мужские погребения (с мечом, длинным боевым ножом, умбоном и ручкой щита, двумя копьями, топором, стрелами, амфорой, стеклянным кубком, большой пряжкой, одной фибулой, бусиной-привеской к мечу) и женские (по тришесть фибул, почти всегда разных вариантов, серьги, браслеты, бусы, мелкие пряжки, двуспиральные привески, мотыки). Уточнение хронологии Боспора позволяет выделить в Абхазии ряд этапов (табл. I) [24].

Абхазские могилы II—III вв. содержат северопричерноморские лучковые подвязные фибулы одночленные 4-го варианта I серии (рис. 4, *1*) и римские монеты [25]. В Западной Грузии — это эпоха памятников типа Колдеети, с местными дуговидными подвязными фибулами. Их более поздний одночленный вариант из могилы 37 в Абгыдзрахва (рис. 4, *2—3*), возможно, относится ко второй половине III в. (подобные же, по сообщению Ю. Н. Воронова, найдены им и в могилах IV в.). Могилы IV в. (2-й этап) — с небольшими хоботковыми пряжками, местными двучленными лучковыми подвязными фибулами 3-го варианта IV серии 15-й группы (рис. 4, *4*) и стеклянными сосудами с синими налепами (на Дунае и в Крыму — IV в.). На Северном Кавказе II—III вв.— время северопричерноморских фибул и пряжек, в IV в. и там появились массивные хоботковые пряжки и прогнутые подвязные фибулы.

Для 3-го этапа характерны местные дуговидные двучленные фибулы с фигурной обмоткой (рис. 4, *5*) и прогнутые подвязные: «лебяжьинские» с овальной спинкой (рис. 4, *9*) и проволочные (рис. 4, *6—8*), серьги с гирьками, стаканы с синими налепами, известные не только в IV в., но и в гуннскую эпоху (Танаис, Синявка, Керчь, Унтерзибенбрунн). Прогнутые подвязные фибулы распространились на Юге СССР из черняховской культуры. На Боспоре есть лишь черняховские и местные варианты IV в. На Северном Кавказе они беспаспортны, но типологически еще дальше от черняховских (с широким кольцом для оси пружины) и явно сделаны на месте. Поэтому их можно предположительно датировать со второй половины IV в. Появление их в Абхазии связано с северокавказским влиянием (судя по «лебяжьинским» фибулам), следовательно, дата несколько позднее: видимо, ее надо расширить на всю половину V в. Находки С. Ф. Стржелецкого у Совхоза 10 в Крыму заполняют пробел в хронологии «лебяжьинских» фибул, позволяя отнести двучленные лучковые к IV в. (с монетами IV в. в могилах 81 и 154, одна фибула деформирована) и наиболее поздние одночленные — к III в. (с монетой середины III в. в могиле 47). Следовательно, прогнутые появились в конце IV—V вв.; их поздний вариант дожил на Северном Кавказе до VII в. (Пашковская I), в Абхазии они не пережили V в.

4-й этап по его месту в общей системе должен занять вторую половину V и первую половину VI в. Украшения: большие пряжки с звериными головками (рис. 2, *11*), крестовидные фибулы с круглой в сечении дужкой (рис. 4, *10*), сохранились серьги с гирькой и большие дуговидные двучленные фибулы с фигурной обмоткой (рис. 4, *5*). Наряду с амфорами с нерезким перехватом туловища и валиком посредине почти вертикального венчика появились амфоры с более резким перехватом, сужающиеся книзу, с воронкообразным венчиком, бытовавшие до VII в. На позднем отрезке этапа есть крестовидные фибулы полукруглого сече-

---

А. С. Вознюк, В. А. Юшин. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии. СА, 1970, 1; Г. К. Шамба. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.

[24] А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 54, 55, 57. Изучение некрополей Суук-Су, Приуралья и Оки заставляет сдвинуть некоторые предложенные мной в 1966 г. даты примерно на 50 лет позднее.

[25] Ю. Н. Воронов. Археологическая карта, стр. 59, 64, табл. XL, *34, 35;* XLI, *1;* Г. К. Шамба. Ахаччарху, табл. VI.

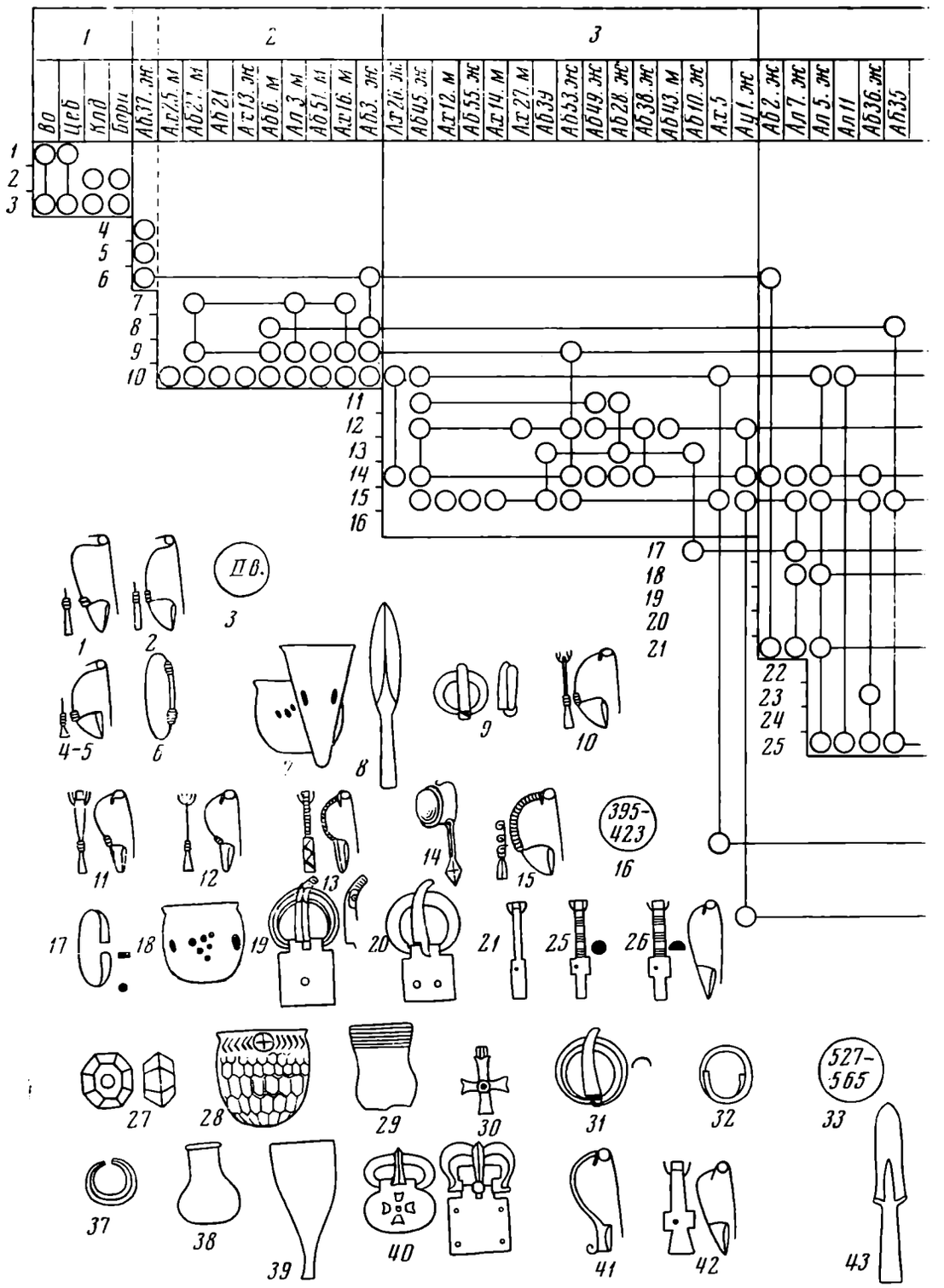
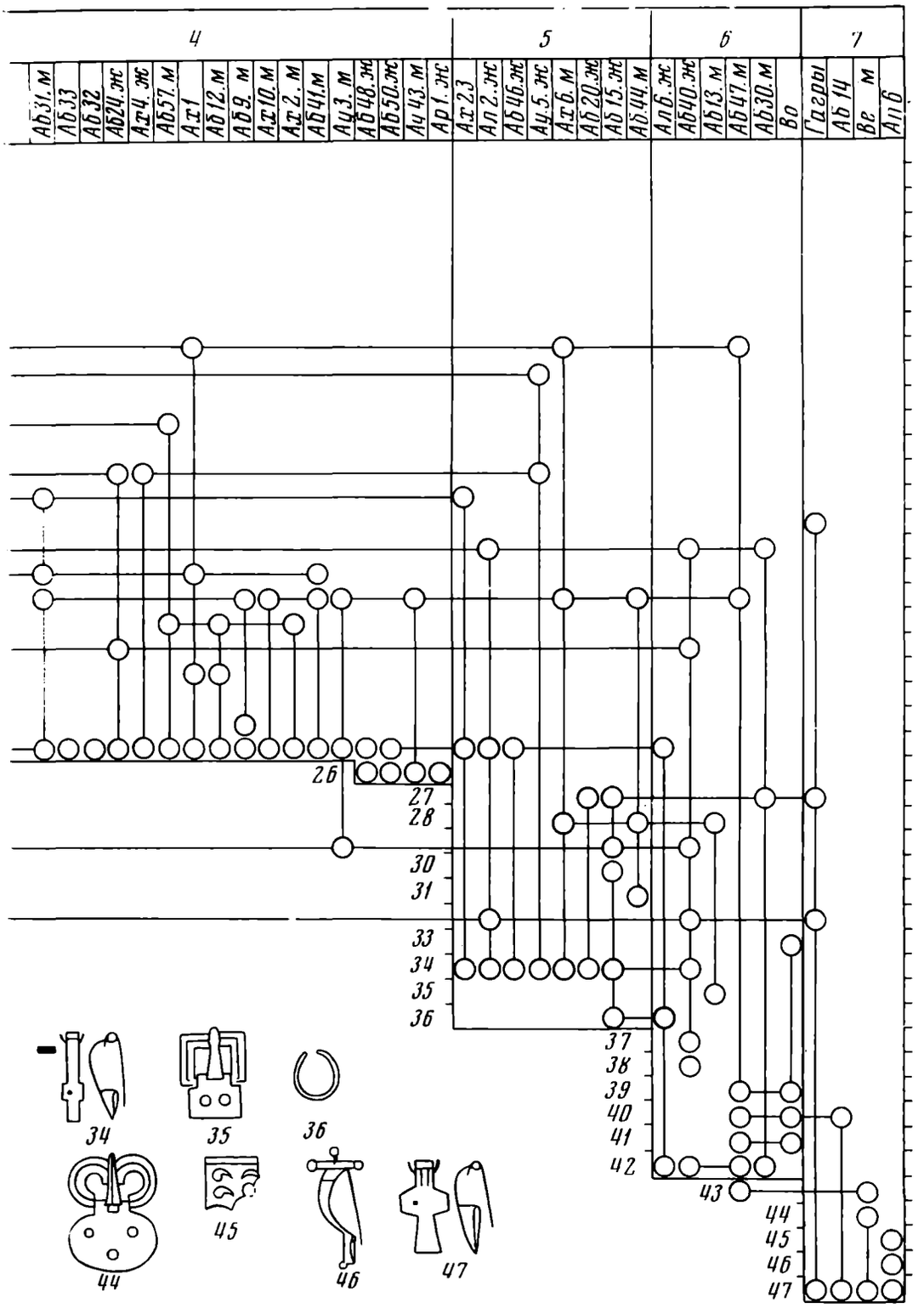


Таблица I. Эволюция могильников Абхазии III—VII вв.

По горизонтали помещены номера погребений и этапов, по вертикали — номера вещей. Схемы типов вещей нарисованы в разном масштабе. Сокращения: Во — сборы Ю. Н. Воронова в Цебельде; Клд.— Клдеети; Аб — Абгыдзрахва; Ах — Ахацарахва; Ал — Алрахва; Ау — Аухвамахва; Ач — Ахаччарахва; Ар — Арахва (пять пунктов — по материалам М. М. Трапша); Г — Гагры; Ве — Веселое, Ап.— Апушта; муж.— мужское погребение; жен.— женское (по инвентарю). *1* — причерноморские фибулы типа рис. 4, *1*; *2* — подвязные фибулы типа Клдеети; *3* — монеты II в.; *4*, *5* — одночленные дуговидные фибулы типа изображенных на рис. 4, *2* (№ 4) и рис. 4, *3* (№ 5); *6* — завязанные браслеты; *7* — стеклянные сосуды с синими налепами; *8* — лавролистные копья, *9* — простые хоботковые пряжки; *10* — фибулы; рис. 4, *4*; *11* — фибулы, рис. 4, *9*; *12* — фибулы, рис. 4, *6* и *7*; *13* — фибулы рис. 4, *8*; *14* — серьги с гирькой; *15* — фибулы, рис. 4, *5*; *16* — монета 395—423 гг.; *17* — браслет с уплощенными концами; *18* — стеклянные сосуды с синими налепами (не идентичны № 8, но до детального изучения охарактеризовать трудно); *19* — большие пряжки, рис. 2, *11*;



20 — большие пряжки с неорнаментированным концом язычка; *21* — фибулы с приклепанной завязкой, но без крестовины; *22* — стеклянный сосуд с глубокими желобками; *23* — стеклянный сосуд с шлифованным орнаментом; *24* — стеклянная чаша с выпуклым дуговидным орнаментом; *25, 26* — крестовидные фибулы (№ 25 — рис. 4, *10;* № 26 — рис. 4, *11*); *27* — хрустальные бусы; *28, 29* — стеклянные сосуды (*28* — с шлифованными крестами; *29* — обмотанные синей нитью); *30* — христианские нательные кресты; *31* — ранние полые пряжки, выдержанные в традициях V в.; *32* — серьги с заходящими концами; *33* — монеты VI в.; *34* — крестовидные фибулы, рис. 4, *12; 35* — пряжки, рис. 2, *28; 36* — проволочные серьги-колечки; *37* — серьги «калачиком»; *38* — стеклянный бальзамарий; *39* — стеклянный кубок на ножке; *40* — поздние пряжки (рис. 6, *4* и *6*); *41* — фибулы с завитком типа изображенных на рис. 15, *1—2; 42* — крестовидные фибулы; рис. 4, *13; 43* — копье с широким концом; *44* — пряжка, рис. 6, *7; 45* — пластинка, рис. 4, *16; 46* — шарнирная Т-образная фибула; *47* — крестовидные фибулы; рис. 4, *14, 15*.

ния (рис. 4, *11*). Некоторое запаздывание пряжек в традициях Vв. и их широкое бытование в VI в. до появления полых поясных наборов VII в. (см. о Суук-Су) характерно и для Приуралья и Поволжья.

5-й этап — вторая половина VI в. Типичны крестовидные фибулы с плоским ленточным корпусом равномерной ширины (рис. 4, *12*), стеклянные сосуды со шлифованными крестами, большие граненые хрустальные бусы, как в Суук-Су (могилы 46 и 56 — второй половины VI в., 59, 67 — первой половины VII в., 86 — второй половины VII в.) и в Пашковском I могильнике (VII в.). Большие пряжки продолжают традиции V в., но часть их — полые снизу (Абгыдзрахва, 44). Христианские крестики из женских могил в Абгыдзрахва (погр. 15) и Гаграх можно сопоставить с синхронными сведениями Прокопия о христианстве у абазгов и апсилов.

Могилы с вещами VII в. — 6 и 7 этапов. Из них 6-й этап надо отнести к первой половине VII в. Украшения: крестовидные фибулы с треугольно расплющенной ножкой, подвязка приклепана к нижней трети корпуса; калачиковые и простые проволочные серьги; хрустальные бусы; полая В-образная пряжка (рис. 6, *6*); северокавказская фибула с завитком (типа рис. 15, *1—2*). Восточногрузинские стеклянный бальзарий и обломок серьги (Абгыдзрахва, 40), имеющие аналогии того же времени в Мцхете. 7-й этап — вторая половина VII в. В отличие от крестовидных фибул 6-го этапа заклепка помещена на средине корпуса. Полые пряжки с намечающимися чертами «вычурного» стиля (рис. 6, *5—7*; о стиле см. ниже) — второй половины VII в.; детали поясных наборов — типа изображенных на рис. 5. Пластинка с характерными для VII в. прорезями в виде запятых (рис. 4, *16*; ср. рис. 5, *51*). Копья с широким концом острия (с. Веселое) [26]. Три золотые монеты Юстиниана (527—565 гг.) — в одной могиле с пряжками (рис. 6, *5*, *8*). Найдена инкрустированная пряжка (рис. 6, *4*).

Вторая половина VI и VII в. наиболее ярко представлена в «эталонных» для этой эпохи памятниках типа Суук-Су в Юго-Западном Крыму [27]. Так называемый нижний слой могильника Суук-Су принято датировать второй половиной VI в. и первой половиной VII в. В. К. Пудовин делил его на два этапа: 1 — с большими пряжками и фибулами; 2 — с некоторыми маленькими пряжками, отнесенными Д. Чалланем к VII в.[28]. «Верхний слой» (с захоронениями преимущественно в каменных гробницах) специально не изучался. Н. И. Репников считал его «едва ли позднее IX—XI вв.», И. Вернер и Д. Чаллань относят византийские пряжки типа Коринф (рис. 7, *13*), характерные для этого слоя, ко второй половине VII в.[29].

Различия в инвентаре и погребальном обряде позволяют выделить в могильниках Юго-Западного Крыма шесть этапов (табл. II). Для этапа I

[26] Мало известная могила второй половины VII в. в с. Веселом (рис. 6, 7): ОАК, 1904, стр. 130; А. А. Спицын. Могильник V в. в Причерноморье. ИАК, 23. СПб., 1907 (Веселое и Гагры); А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, 33, СПб., 1907, стр. 83, рис. 22, *3*, *11*, *17*; 23, *3*. В 1904 г. найдены две фибулы, при доследовании в 1907 г.— пряжки (одна изображена на рис. 6, 7), меч, копье, нож и трехгранная стрела. Кости не найдены (сожжение?).

[27] Н. И. Репников. Некоторые могильники, ч. I и II (Суук-Су, Артек, Кореиз, Бал-Гота); его же. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 105—119 (Суук-Су, могилы 189—200; Узень-Баш); его же. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, 12, 1—8, 1932; Є. В. Веймарн. Могильник біля висоти Сахарна голівка. АП, XIII 1963; В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965; Е. В. Веймарн, А. П. Смирнов. Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое (склеп 307). КСИА АН СССР, 100, 1965.

[28] В. К. Пудовин. Датировка.... стр. 183, 184.

[29] J. Werner. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1. Köln, 1955; Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства: I — Acta antiqua, II, 3—4. Budapest, 1954; II — Acta antiqua, IV, 1—4. Budapest, 1956.

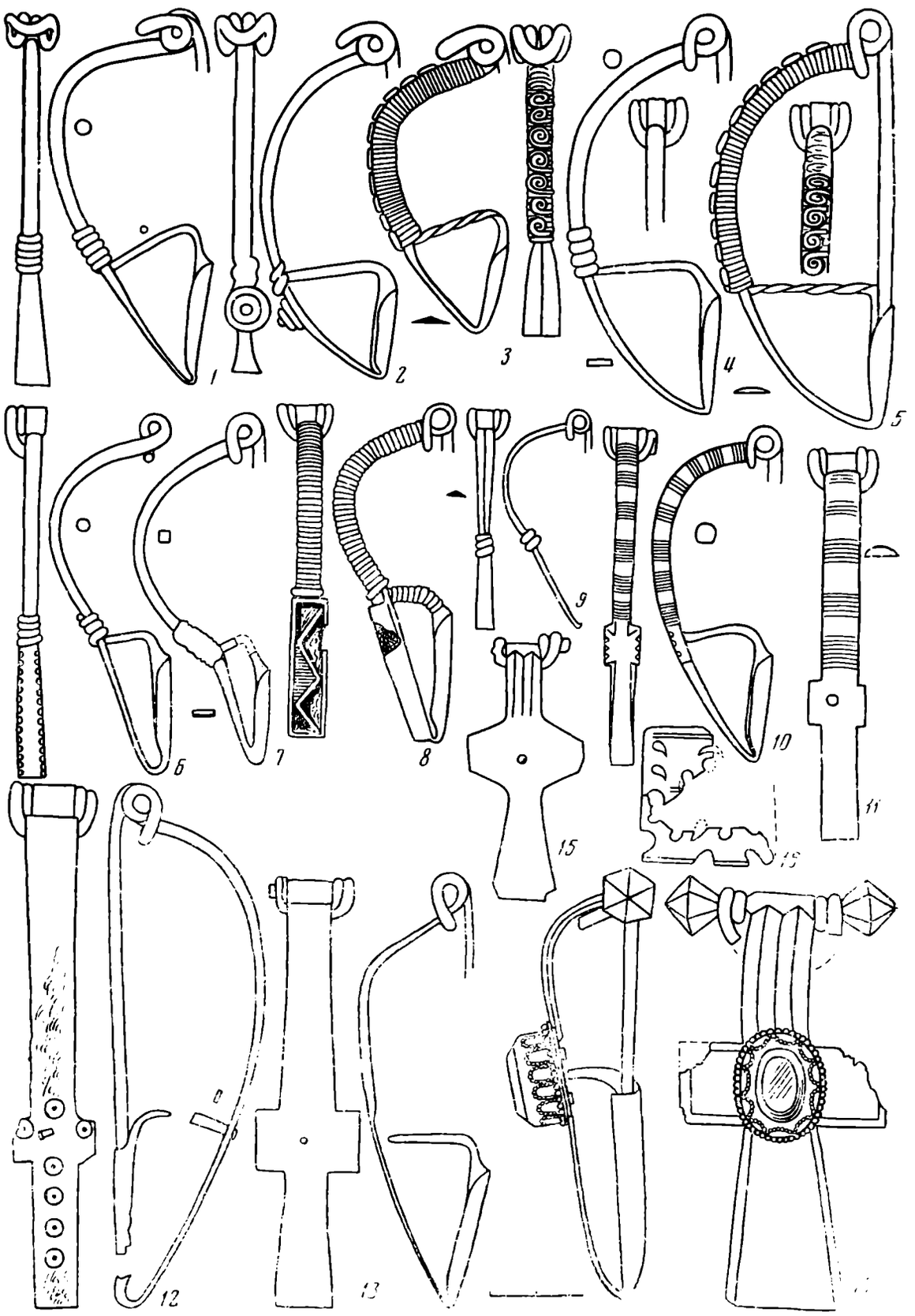


Рис. 4. Фибулы Абхазии II—VII вв.

1 — вторая половина II в.; *2*, *3* — вторая половина III в.; *4* — IV в.; *5* — V в.; *6—9* — первая половина V в.; *10* — вторая половина V — первая половина VI в.; *11* — первая половина VI в.; *12* — вторая половина VI в.; *13* — первая половина VII в.; *14—16* — вторая половина VII в.; *1*, *6*, *12* — Цебельда (по Ю. Н. Воронову); *2—5*, *7—12* — Абгыдзрахва (по М. М. Трапшу; *2*, *3* — погр. 37; *4* — погр. 6; *5*, *10* — погр. 31; *7* — погр. 45; *8* — погр. 39; *9* — погр. 49); *11* — Цебельда (ГИМ); *13* — Алрахва I, погр. 6 (по М. М. Трапшу); *14* — Веселое; *15*, *16* — Апушта, погр. 6 (по Ю. Н. Воронову)

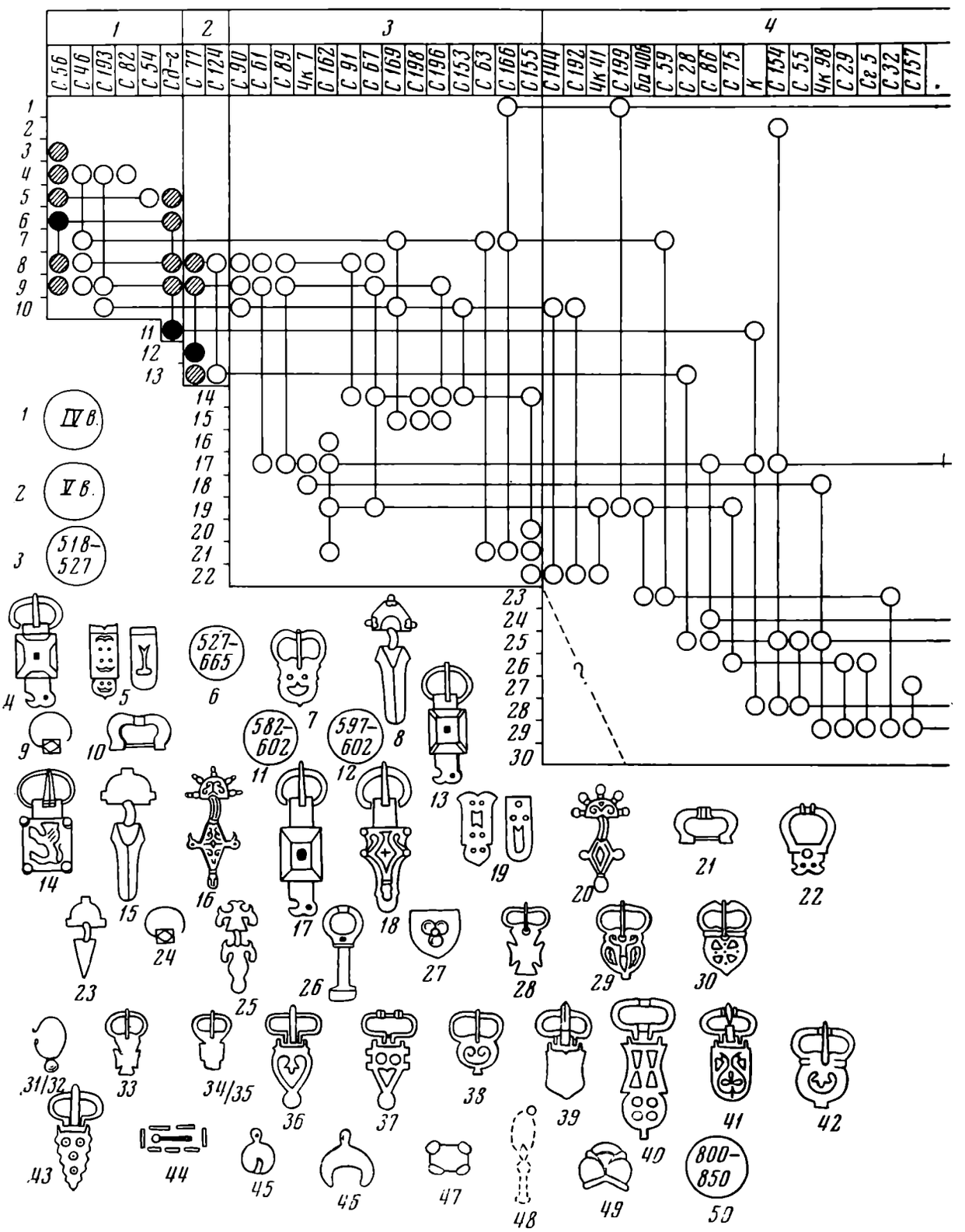
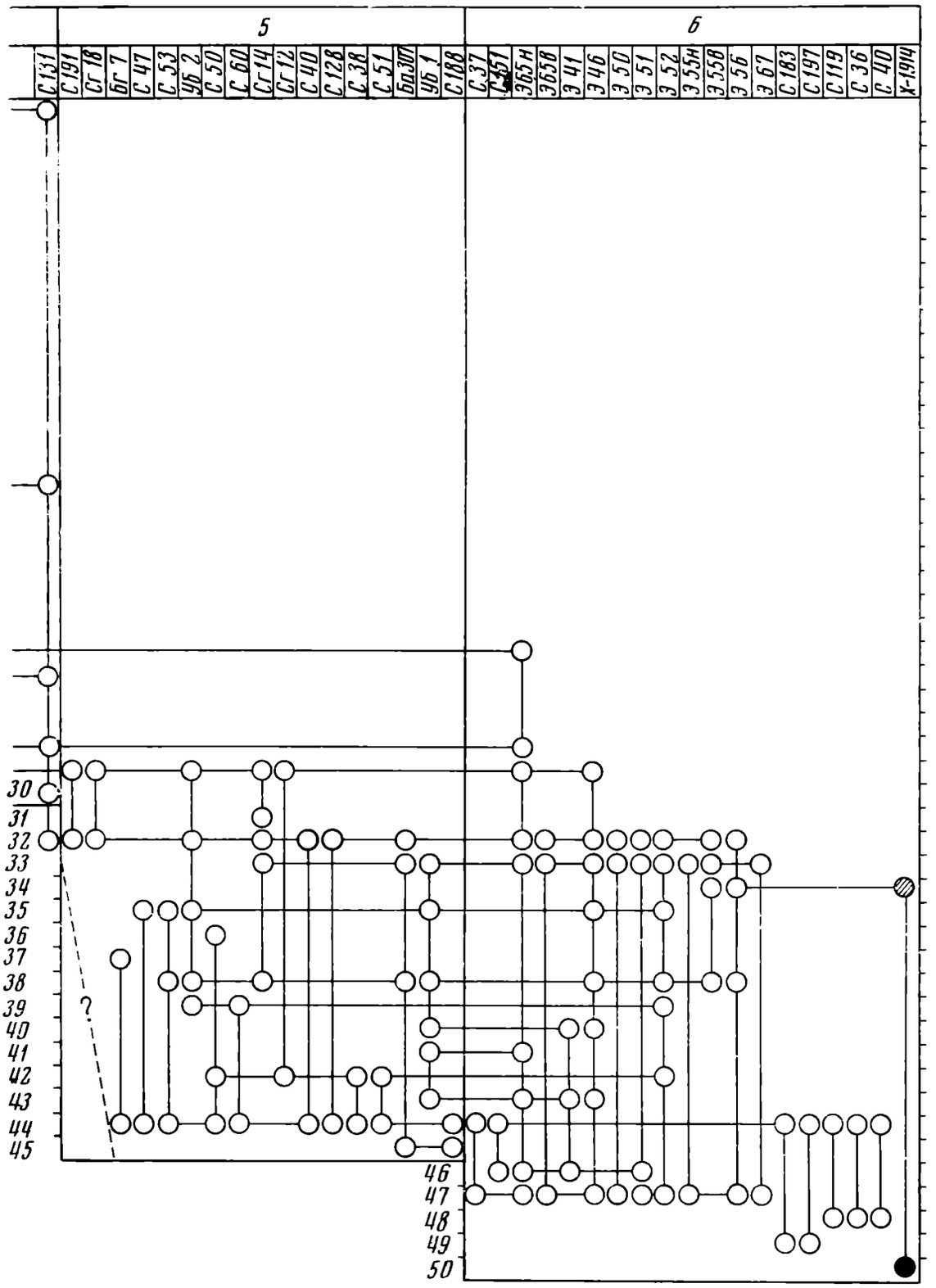


Таблица II. Эволюция могильников юго-западного Крыма второй половины VI—IX вв.

По горизонтали помещены номера погребений и этапов; по вертикали — номера вещей. Сокращения: С — Суук-Су; Сд — Садовец (Болгария); Чк — Чуфут-Кале; Ба — Бакла; К — Кореиз; Сг — Сахарная головка; Бг — Бал-Гота; Уб — Узень-Баш; Э.— Эски-Кермен; Х — Херсонес. Схемы типов вещей нарисованы в разном масштабе. *1* — монета IV в.; *2* — монета V в.; *3* — монета 518—527 гг.; *4* — орлиноголовая пряжка I варианта (рис. 3, *11*); *5* — поясной набор I группы (рис. 5, *4—17*); *6* — монета 527—565 гг.; *7* — полые пряжки с нешироким В-образным кольцом; *8* — большие фибулы с накладками, рис. 3, *10; 9* — золотые полиэдрические серьги; *10* — В-образные пряжки; *11* — монета 582—602 гг.; *12* — монета 597—602 гг.; *13* — орлиноголовая пряжка II варианта (рис. 3, *15*); *14* — большие пряжки со львом (рис. 3, *19*); *15* — большие двупластинчатые фибулы с выступами (рис. 3, *16*); *16* — боспорские пальчатые фибулы (рис. 3, *13*); *17* — орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, *17*); *18* — ромбические пряжки с длинными петлями для кольца (рис. 3, *18*); *19* — поясной набор II группы; *20* — боспорские пальчатые фибулы с ромбической ножкой; *21* — пряжки со слабо



выдвинутыми «губами»; *22* — лировидные пряжки; *23* — маленькие двупластинчатые фибулы (рис. 3, *21*); *24* — бронзовые полиэдрические серьги; *25* — днепровские пальчатые и зооморфные фибулы; *26* — пряжка для сумки с обоймой для ремня; *27* — язычки пояса с тремя выемками (рис. 5, *42*); *28* — крестовидные пряжки I варианта (рис. 7, *5*); *29* — пряжки типа Сиракузы (рис. 7, *2*); *30* — сумочные пряжки с крестом (рис. 7, *3, 4*); *31* — серьги с крючком (рис. 8, *18—23*); *32* — серьги с малой подвеской (рис. 8, *18—23, 25*); *33—35* — крестовидные пряжки (*33* — вариант II, *34* — III, *35* — IV; рис. 7, *6—8*); *36* — пряжки типа Бал-Гота, вариант II (рис. 7, *12*); *37* — пряжки типа Коринф (рис. 7, *13*); *38* — «сумочные» пряжки с волютами (рис. 7, *14*); *39—41* — U-образные пряжки (*39* — с угловатым щитком, рис. 7, *22; 40* — с диском, рис. 7, *18; 41* — с растительным трилистным орнаментом, рис. 7, *19—22*); *42* — «сумочные» пряжки с прорезями (рис. 7, *15—17*); *43* — фестончатые пряжки; *44* — каменная гробница; *45* — бубенчик с прорезью; *46* — пастовая лунница; *47* — салтовские бусы; *48* — салтовские серьги с подвеской; *49* — бляшки салтовского пояса; *50* — монета 800—850 гг.

характерны большие орлиноголовые пряжки I варианта (рис. 3, *11*); геральдические поясные наборы (рис. 5, *4—17*) отличаются от остальных поясных наборов Суук-Су. Две медные монеты Юстиниана (527—565 гг.) из могилы 56 датируют этап второй половиной VI в. О том же говорит типологическая связь ранних больших пряжек (рис. 3, *11*) с гепидскими пряжками первой половины VI в. (рис. 3. *9*) [30]. Близкие, но более развитые детали поясов (рис. 5, *19—24*) найдены в Болгарии в византийской крепости Садовско-Кале, разрушенной на рубеже VI—VII вв. (последние монеты из слоя пожарища — 582—602 гг.) [31].

Этап II (с орлиноголовыми пряжками II варианта, рис. 3, *5*) датирован рубежом VI — VII вв. или началом VII в. по бронзовой монете 597—602 гг. из погребения 77. На этапе III распространены орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, *17*), большие пряжки с изображением льва (рис. 3, *19*), ромбические пряжки со схематизированными изображениями зверей (рис. 3, *18*) и очень длинными петлями для скрепления обоймы с кольцом пряжки (как у III варианта орлиноголовых пряжек). Поясные наборы чуть грубее по форме, но, главное, отличаются декором (прорези в виде «зерна фасоли», запятой, замочной скважины, восьмерки, U-образные, рис. 5, *26, 36, 46, 50—59, 65*). Для этапов I — III характерны большие двупластинчатые фибулы варианта II-в с декоративными накладками у кнопок на головке (рис 3. *10*) и золотые серьги с инкрустированной полиэдрической бусиной. В течение этапа III такие фибулы постепенно исчезают; их относительно поздний вариант — большие фибулы с тремя выступами вместо кнопок (рис. 3, *16*). Полиэдрические серьги имеют датирующее значение лишь для раскопанных комплексов типа Суук-Су. В других местах их разные варианты бытовали в V — VIII вв. В-образные пряжки есть на этапах I—III, но в Венгрии и в Поднепровье они изготовлялись долго, до этапа псевдопряжек.

На этапе IV сменились многие формы украшений. Вместо больших двупластинчатых фибул появились маленькие, с треугольной ножкой (рис. 3, *21*). Вероятно, отказом от старых форм фибул объясняется и массовое появление здесь ранних пальчатых и зооморфных фибул днепровских типов. Как правильно отметил А. Л. Якобсон, их не меньше, чем на Днепре (где, впрочем, не было массовых раскопок могильников), но за их чужеродность в Крыму говорит объединение в пары разнородных экземпляров (в Крыму большие местные фибулы VI — VII вв. всегда парны), а также отсутствие здесь многих вариантов, особенно более поздних. На Днепре их развитие продолжалось и в VIII в. Пряжки с петлей для конца ремня [32] и пояс с тройными выемками на бляшках (рис. 5, *42*) [33] имеют аналогии в аварских древностях Венгрии. Характерны крестовидные пряжки I варианта (рис. 7, *5*). В Суук-Су первые изображения христианских крестов появились на них, на «сумочных» прорезных пряжках (рис. 7, *4*) и на больших тисненых пряжках (рис. 3, *20*). Часты византийские пряжки типа Сиракузы (рис. 7, *2*), нередкие и в следующем этапе V.

На этапе V в Суук-Су и Бал-Готе преобладают сложенные из каменных плит гробницы, часто с коллективными захоронениями, в Узень-Ба-

---

[30] А. К. Амброз. Дунайские элементы, стр. 14. 16—20; связь дунайских пряжек с гепидами подтверждается и новыми данными: Z. Vinski. Adlerschnallenfunde in Jugoslawien. Liber iosepho Kostrzewski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, стр. 317, 318, 321—323, 325.

[31] I. Welkov. Eine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien). «Germania», 19, 2. Berlin, 1935, стр. 157, 158, табл. 19, *2*; H. Vetters. Dacia Ripensis. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. XI, Wien, 1950, стр. 56, 57.

[32] S. Uenze. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh. Bayerische Vorgeschichts-Blätter, 31, 1—2. München, 1966, стр. 142—146.

[33] N. Fettich. Die Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926, табл. IV, *7—13* (Фельнак); Istoria Romîniei, I. Bucureşti, 1960; стр. 721, рис. 180, *1—4* (Сынпетрул Жерман, с монетой 610—641 гг.)

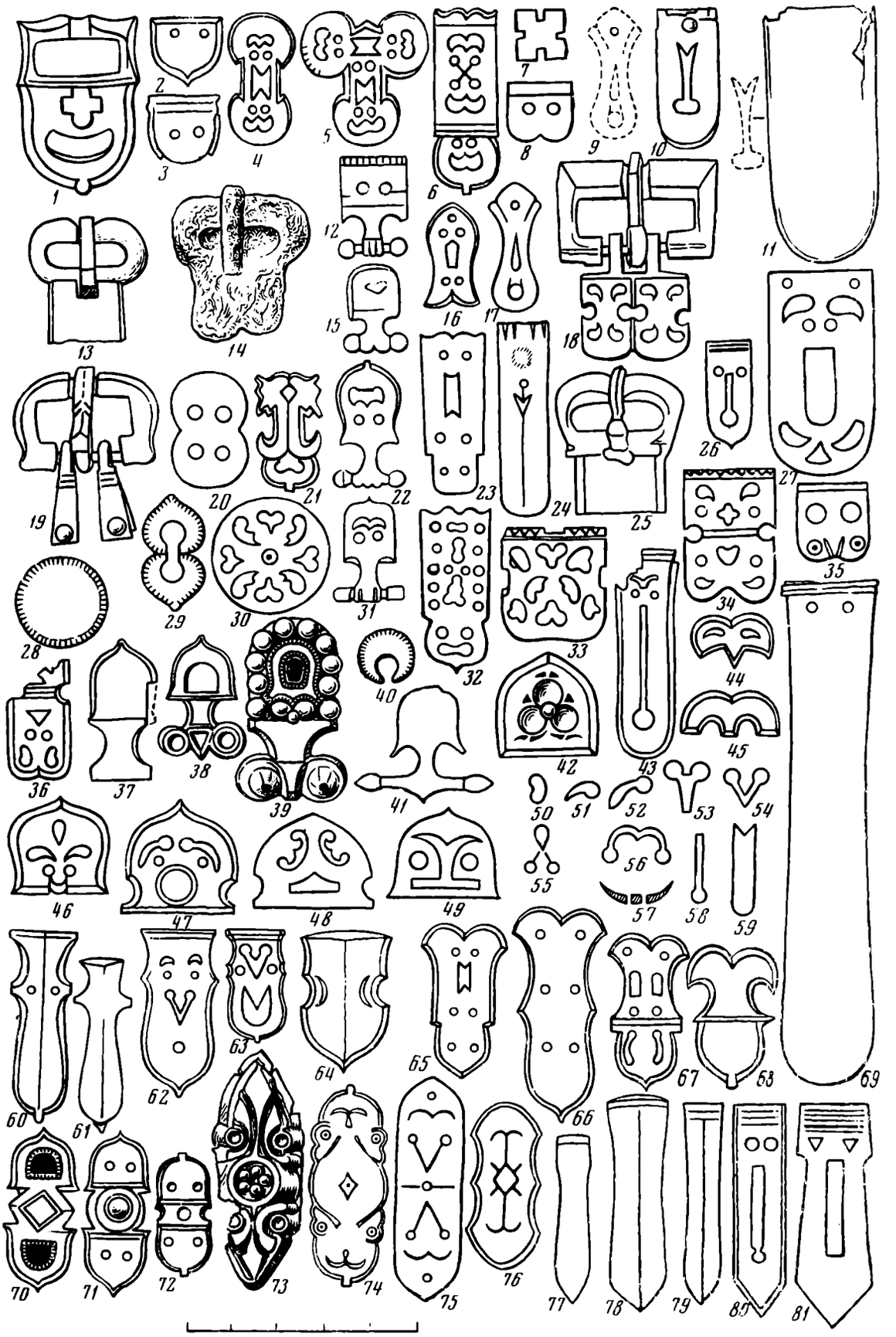


Рис. 5. Украшения поясов VI—VIII вв.

1—17, 19—24 — вторая половина VI в.; *18, 25, 26, 28—37, 40, 42—44, 46, 47, 50—60, 62, 63, 65—67, 69, 71, 72* — VII в.; *27, 38, 39, 70, 74—76* — вторая половина VII в.; *41, 45, 48, 49, 61, 64, 68, 73, 77—81* — VIII в. *1—3* — Большой Токмак, погр. I; *4—17, 36, 42, 46, 65* — Суук-Су (*4—12* — погр. 54; *13—17* — погр. 56; *36, 46, 65* — погр. 67; *42* — погр. 157); *18, 25, 27, 29—35* — Пятра Фрекэцей, Румыния, могила; *19—24* — Садовско-Кале, Болгария, крепость; *26, 28, 37, 38, 40, 43, 44, 47, 62, 63, 66, 67, 69, 71, 77—79* — Чми (*26, 38, 40, 63, 71* — мог. XI; *28, 37, 44, 47, 62, 66* — мог. XVII; *43, 67, 69* — мог. XII; *77* — мог. VII; *78, 79* — мог. XXIII); *30* — Переще-пино; *41, 45, 48, 49, 61, 68* — Неволино (*41* — погр. 13; *45* — погр. 71; *48* — погр. 79; *49* — погр. 65; *61* — погр. 57; *68* — погр. 41); *60* — Тызыл, погр. 1928 г.; *64* — Кудыргэ, мог. 4; *70* — Белозерка, кург. 14; *72, 74—76* — Мартыновка, клад; *73* — Камунта; *80, 81* — Демонки, погр. 9

ше, Эски-Кермене и Сахарной головке сохраняются склепы. Пряжки сделаны под сильным византийским влиянием: II — IV варианты крестовидных (рис. 7, *6, 7*), пряжки II варианта типа Бал-Гота (рис. 7, *12*), Коринф (рис. 7, *13*), «сумочные» с волютами и с прорезью (рис. 7, *14 — 16*), U-образные (часть с рельефным орнаментом, рис. 7, *17, 19—22*), U-образные с диском (рис. 7, *18;* развитие типа большой пряжки из Перещепина, рис. 7, *1,* найденной с монетами 641—668 гг. в комплексе рубежа VII — VIII вв.). Серьги с застежкой-крючком, многие с небольшой подвеской: гирькой, шаром, пирамидкой (рис. 8, *18 — 23*). Серьги с небольшой подвеской типичны для аварских памятников VIII в. (II и III группы, рис. 8, *10, 11, 14—17*) [34].

Этап VI по обряду погребения и большинству типов вещей близок к этапу V, но в нем появились салтовские пряжки, бляшки поясов, серьги, пастовые лунницы и бусы, как установлено С. А. Плетневой, хорошо датирующиеся второй половиной VIII и первой половиной IX в. (типа изображенных на рис. 8, *27—31, 33, 42,* 12, *33, 34, 52*). В Херсонесской могиле 18 из раскопок 1914 г. вместе с крестовидной пряжкой (рис. 7, *8*) находилась монета 800 — 850 гг. [35]. К этапам V и VI принадлежат христианские нательные крестики и, вероятно, большинство погребений, лишенных инвентаря.

Твердая датировка этапа VI (по салтовским аналогиям) позволяет уточнить даты других этапов, так как между этапами I — VI нет резких граней ни по вещам, ни по погребальному обряду: развитие непрерывно и постепенно. «Досалтовский» этап V падает на первую половину VIII в.; II, по монете,— на рубеж VI—VII вв., следовательно, III и IV — на первую и вторую половину VII в. Проводимое ниже сопоставление с памятниками других областей подтверждает эти определения. Как следствие уточняются даты отдельных категорий вещей. Большие двупластинчатые фибулы варианта II-в с боковыми накладками у кнопок (рис. 3, *10*) бытовали во второй половине VI и первой половине VII в. В первой половине VII в. появились большие фибулы с выступами (рис. 3, *16*); во второй половине VII в. они исчезли, сменившись упрощенными маленькими (рис. 3, *21*). Орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, *17*) и В-образные (типа рис. 5, *13* и 6, *6*) бытовали почти весь VII в. В VII в. изготовлялись тисненые пряжки с крестом или львом (рис. 3, *19, 20*). Днепровские фибулы распространены в VII в., больше в его второй половине (это подтверждают комплексы Поднепровья и Венгрии, см. ниже).

Во второй половине VII в. в Юго-Западном Крыму исчезает старая варварская мода на очень большие украшения готских типов (рис. 3, *10, 18*), зато возрастает число византийских украшений (рис. 7, *2 — 5*), появляются христианские символы. Крымские готы были православными христианами уже давно, возможно, с III — IV вв. [36]. Но лишь со второй половины VII в. византийское влияние настолько здесь укоренилось, что повело к некоторому изменению старых языческих обычаев. Это и неудивительно: и христиане-франки VI — VII вв. хоронили еще с оружием, посудой и украшениями, а в 539 г. «принесли в жертву» «как начатки войны» захваченных жен и детей гóтов, ибо, «будучи христианами, сохранили многое из своих прежних верований: они приносят человеческие жертвы и совершают другие религиозные обряды, далекие, от истинного благочестия» [37]. Вопреки распространенному мнению, византийские пряжки типа Сиракузы (рис. 7, *2*) появились в Крыму во второй поло-

[34] Z. Čilinská. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966, рис. 10 и 11.

[35] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, стр. 135—143, 161—168; В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА., 1961, 3; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 275, рис. 140.

[36] А. А. Васильев. Готы в Крыму. I, ИРАИМК, I, 1921, стр. 286, 287.

[37] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 240 (II 25, § 9—11).

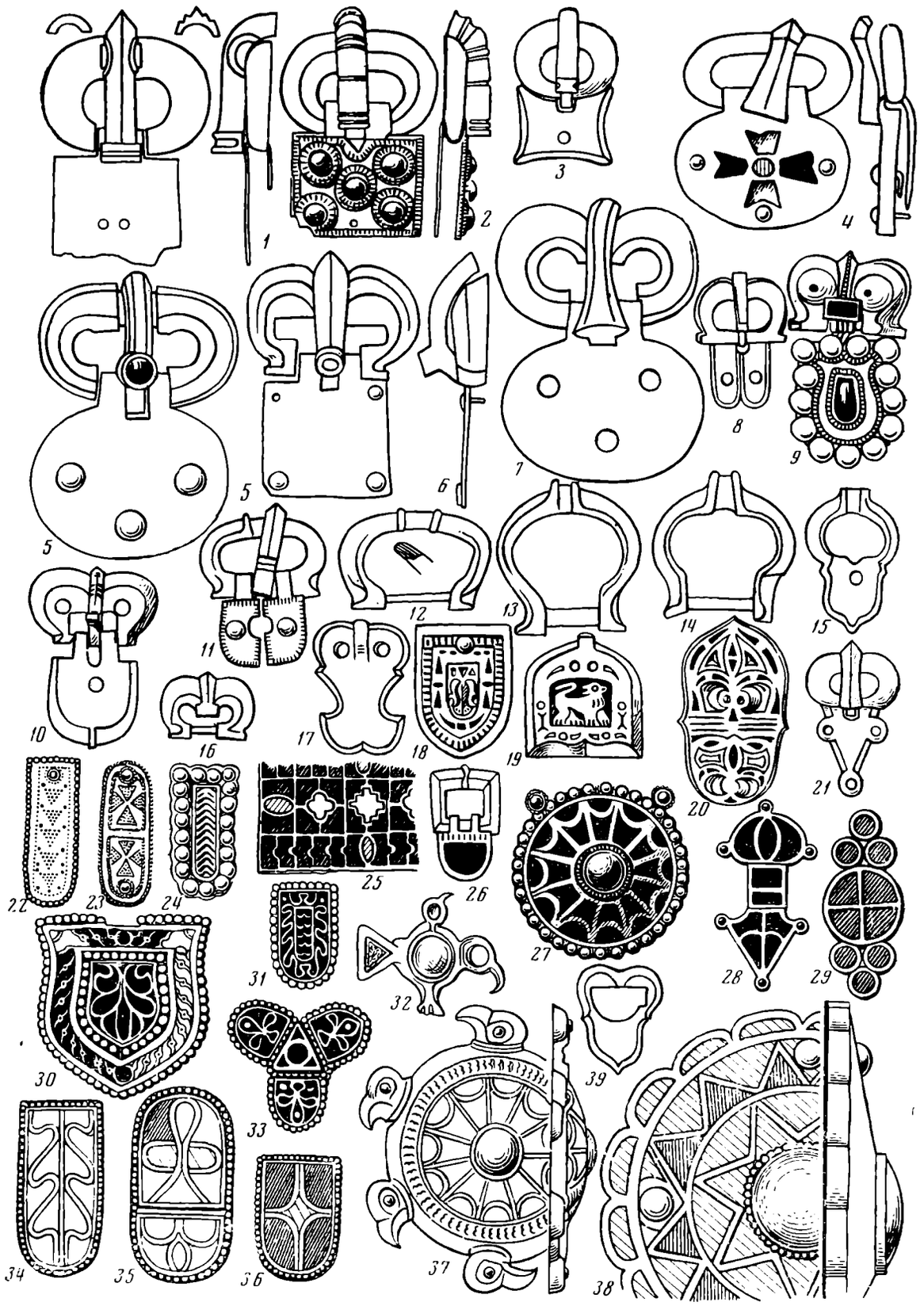


Рис. 6. Украшения VII—VIII вв.

1—6, 8, 15, 18—21, 26—29, 32, 37, 39 — VII в.; *7, 9—11, 30—31, 33—36, 38* — вторая половина VII в.; *12—14* — VII и VIII вв. (*13* — из комплекса VII в.); *16, 17* — VIII в; *22—24* — около рубежа VII—VIII вв.; *25* — VI в. *1—21* — Тызыл, мог. 1928 г.; *2, 12, 14, 37* — Гижгид (*2, 37* — случайно; *12, 14* — склеп 1897 г.); *3* — Бирск, погр. *4, 6, 8* — Цебельда (*4* — Абгыдзрахва, погр. 14; *5, 8* — Цибилиум, могила с монетами Юстиниана I; *6* — Абгыдзрахва, погр. 47); *7* — Веселое, *9* — Перещепино; *10* — Хацки; *11, 13, 39* — Чми (*11, 39* — катакомба XI; *13* — кат. XVII); *15, 16* — Сегед-«Ченгеле» (Венгрия), погр. I; *16* — Неволино, погр. 13; *17* — Кудыргэ, погр. 8; *18* — Кунагота, Венгрия; *20* — Фельнак, клад, Румыния; *22, 24* — Камунта, *23* — Уфа (с рис. 8, 9); *25* — Кельн (ФРГ); *26—28* — Былым (Кудинетово), курган; *29* — Байтал-Чапкан, погр. 23; *30, 31, 33* — Керчь; *32* — Северный Кавказ; *34—36* — Кабардино-Балкария; *38* — Верхний Чир-Юрт, мог. 59

вине VII в. и удерживались в VIII в., а поздний вариант пряжек типа Бал-Гота (рис. 7, *12*, ранние были в VII в.), пряжки типа Коринф (рис. 7, *13*) и U-образные (рис. 7, *17—22*) характерны здесь для всего VIII в. Рост византийского влияния на быт варваров Юго-Западного Крыма и углубление их христианизации в VIII в. были следствием внутреннего развития, ведущего к ослаблению местных первобытнообщинных традиций.

Этот факт не противоречит тому, что вторая половина VI—VIII в. были периодом ухудшения экономической обстановки в Херсоне и экономически важных для него областях Византии [38].

Материалы Суук-Су позволяют поставить вопрос о происхождении геральдических наборных поясов VI—VII вв. (рис. 5 и 6). Выделяются четыре группы: I — второй половины VI в. из могил 54 и 56 в Суук-Су (рис. 5, *4—17*) и из Садовско-Кале (рис. 5, *19—24*); II—VII в. из могил III и IV этапов Суук-Су (типа рис. 5, *26*, *36*, *46*, *50—59*, *62*, *65*, *66*); III — тисненые и вычурные из аварских могил и из Среднего Поднепровья (рис. 5, *38*, *39*, *42—44*, *47*, *63*, *67*, *70*, *74—76*; 6, *5*, *7*, *9*, *10*, *18—20*, *24*); IV — наиболее поздние, уже деградированные, из удаленных районов (Приуралье, Алтай, рис. 5, *41*, *48*, *49*, *61*, *64*, *77—81*; 6, *16*, *17*). Пояса I группы довольно просты по форме, прорези однообразны (рис. 5, *4—6*, *16*, *17*, *21—24*), их ареал — Суук-Су и Садовско-Кале в Болгарии. Более богато декорированы в стиле VII в., но непосредственно продолжают традиции I группы пояса из могил 67 (рис. 5, *36*, *46*, *65*) и 199 в Суук-Су и из Пятра Фрекэцей в Добрудже (Румыния, рис. 5, *18*, *25*, *27*, *29—35*) [39]. Следовательно, кроме Юго-Западного Крыма они характерны лишь для византийских крепостей на Нижнем Дунае. В этом ареале они представлены во второй половине VI в. и продолжали развиваться в VII в. В византийских крепостях на Дунае во второй половине VI в. делали также очень близкие по технике и стилю пряжки типа Суцидава (рис. 5, *1*), которые пока не найдены в других областях Византии [40]. Эти пряжки попадали к гепидам и лангобардам. В СССР имеется только одна находка подобного рода в могиле с заплечиками и гробом из планок, впущенной в более ранний курган в степи около г. Большой Токмак (рис. 5, *1*) [41]. С нею — поясные бляшки (рис. 5, *2*, *3*), своей простотой напоминающие бляшки из могилы 45 в Суук-Су (рис. 5, *8*). Можно предполагать (до новых находок), что стиль выгнутых из пластины пряжек и поясных бляшек сложился в полуварварской среде в византийских городах и крепостях на Дунае и оттуда проник в Крым и к кочевникам Юга СССР.

II группа существовала весь VII в. Сложилось много форм полых пряжек. Бляшки стали грубее по очертаниям, их формы уже далеки от византийских прототипов (ср. рис. 5, *6*, *21*, *23* и рис. 5, *65*, *66*), прорези разнообразнее, иногда появляется тенденция передать прорезями человеческое лицо (типа рис. 5, *26*, *43* и сложнее) [42]. III группа тесно переплетается со II. Известно, что боевые пояса носили подолгу, количество бляшек до-

[38] Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, М., 1961, стр. 60, 61, 63—67.

[39] П. Аурелиан. Предварительные сведения в связи с хронологией могильника в Пьятра Фрекэцей. «Dacia», VI, Bucarest, 1962, рис. 13.

[40] J. Werner. Byzantinischen Gürtelschnallen, стр. 39, 40, рис. 6, табл. 8, *6—11*, карта 1; Старинар, I, Београд, 1950, рис. 35; D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden, табл. XXV, *13*; CCXIII, *13*; CLXXX, *4*; CLXXVIII, *2*; П. Аурелиан. Предварительные сообщения, рис. 11, *1—2*; D. Tudor. Oltenia romană. Bucureşti, 1968, рис. 142.

[41] К. Ф. Смирнов. Кургани біля м. Великого Токмака. АП, VIII, Київ, 1960, стр. 176, 177, рис. 128, *1*, *2*.

[42] Есть мнение, что бляшки с детально переданным лицом — самые ранние из геральдических и что поэтому стиль возник на Северо-Западном Кавказе; V. B. Kovalevskaja. Recherches sur les systèmes sémiologiques en archéologie. Archéologie et calculateurs. Paris, 1970, стр. 190. Но в комплексах им всегда сопутствуют бляшки II и III групп («костыльковые» с «утиной головкой» вместо перекладины, язычки типа изображенных на рис. 5, *43* и др.).

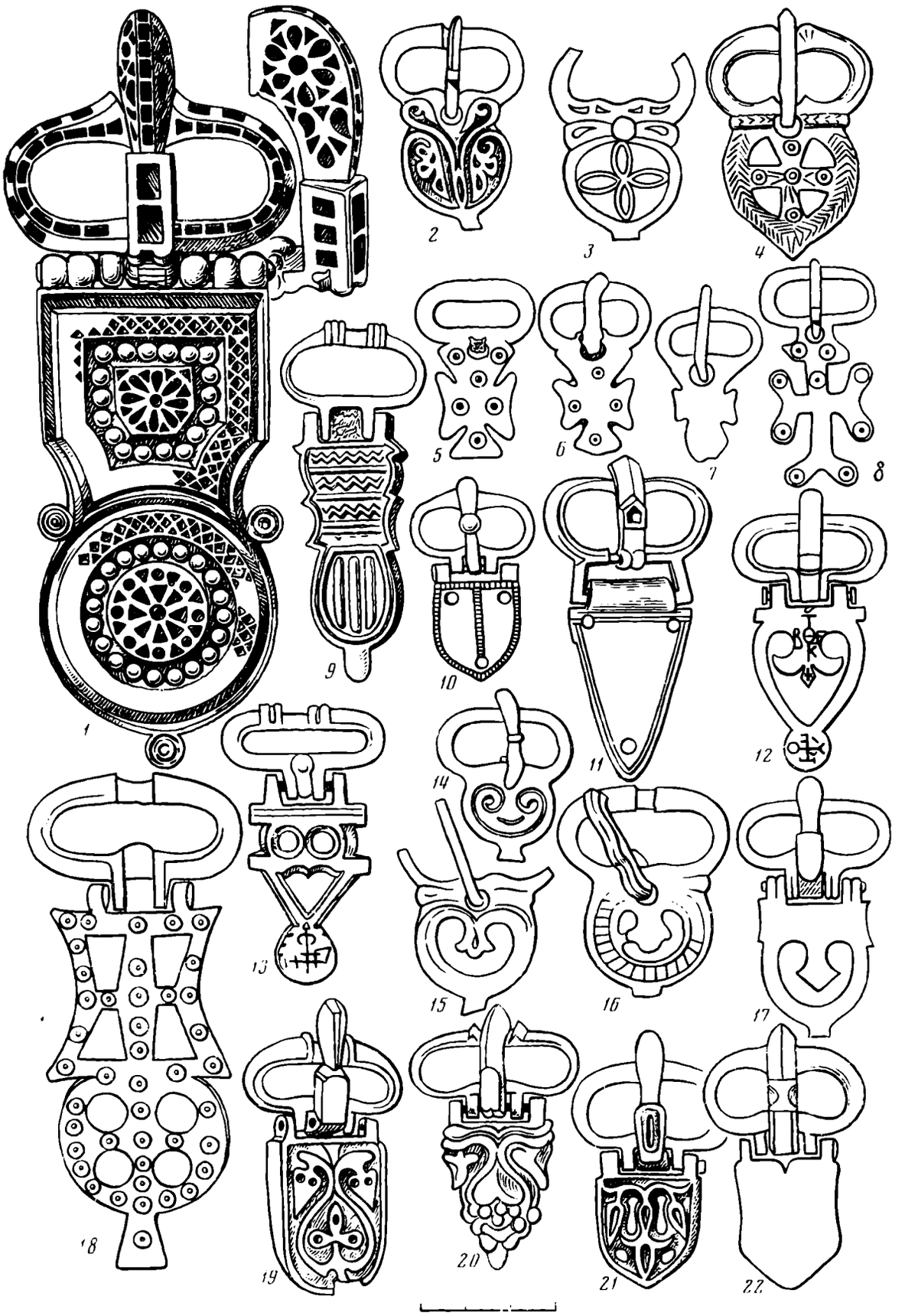


Рис. 7. Пряжки византийских типов VIII—IX вв.

1, 9—11 — конец VII — начало VIII вв.; *2 — 5* — вторая половина VII в.; *6, 7, 12—20, 22* — VIII в. и, вероятно, отчасти IX в.; *8* — IX в. *1, 10, 11* — Перещепино; *2—7, 12—14, 20* — Суук-Су (*2* — погр. 58; *3—5* — погр. 131; *7, 13* — погр. 53; *12* — каменная гробница 7; *14* — погр. 80; *20* — погр. 38); *8* — Херсонес, 1914 г., склеп 18; *9* — Игар (Венгрия), находка III; *15* — Артек; *16, 21* — Эски-Кермен, склеп 14; *17, 18, 22* — Узень-Баш, склеп 1; *19* — Сахарная головка, склеп 12

полнялось, иногда заменялись потерянные экземпляры [43]. Поэтому бляшки группы III часты в наборах II, но появилась эта группа позже, синхронно с IV этапом Суук-Су (где наборные пояса пока не представлены). Бляшки III группы вычурны по форме, прорези усложнены, нередки прорези с

[43] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 166.

окантовкой из золотой рубчатой проволоки (иногда со вставками стекла),— это так называемый стиль псевдопряжек (рис. 5, *38*, *39*, *53*, *56*, *63*, *67*, *70*, *71*; 6, *7*, *9*, *10*). Наиболее характерны комплексы с днепровскими фибулами (Мартыновка, Блажки, Суджа, Колосково, Подболотье; без фибул: Хацки), могилы 11, 12, 17 в Чми, Перещепино и Келегейский хутор (с монетами 641—668 гг.) [44]. Часть бляшек VII в.— с рельефным тисненым узором (рис. 5, *39*, *42*; 6, *9*, *18—20*). Пояса с элементами группы III есть на Боспоре, в Абхазии, на Северном Кавказе, на Оке, в Башкирии [45], в степях от Венгрии до Волги, и их поздние отзвуки (IV группа) — в Среднем и Верхнем Прикамье, Западной Сибири и на Алтае (подробнее см. в разделе о VIII в.). Поясам VII в. сопутствуют прямые мечи с Р-образными ушками, круглые стремена с петлей и горизонтально-овально расширенные с пластинчатым ушком (рис. 14, *2—4, 8, 9, 11, 19*).

Принято считать, что аварские могильники I этапа на Среднем Дунае синхронны «нижнему слою» Суук-Су и якобы относящимся к VI в. кладам из Мартыновки и Хацков. Поэтому «раннеаварские» памятники обычно датируют с 567 г. (дата прихода авар в Подунавье по письменным данным) до 680-х годов. За подтверждение ранней даты принимают находки монет VI в.: золотой 527—565 гг. из могилы в Кунагота и бронзовых 518—527 и 527—565 гг. из разрушенных могил в Сент-Эндре (но там же — 602—610 гг.) и Деске. Аварский инвентарь I группы весьма однороден: это пряжки с вытянутыми «губами» (рис. 6, *15*), тисненые и гладкие бляшки поясов (рис. 5, *42;* 6, *18—20*), многие с элементами «стиля псевдопряжек» (как рис. 5, *39*; 6, *9* и др.), стремена III этапа (см. ниже): круглые с петлевидным ушком и слабо овальные «яблокообразные» с вытянутым пластинчатым ушком (рис. 14, *8—9*, *19*), Р-образные ушки мечей (рис. 10, *30*, *31*; 14, *2*), бахромчатые бляхи уздечек, серьги из больших шаров (рис. 8, *1*, *2*), глазчатые бусы с разводами [46]. Этот инвентарь не делится на хронологические подгруппы. У авар нет византийских поясов I группы, нет пряжек типа Суцидава и мало В-образных. Аварские древности (и типа Кёрнье) находят соответствия в III (немного) и IV (больше) этапах Суук-Су, а особенно в днепровских комплексах с пальчатыми фибулами и поясами III группы и в Чми. В полном соответствии с этим большинство монет в аварских комплексах — VII в.: Сыннетрул Жерман (610—641 гг.), Крштур (610—641 гг.), Ловченац (613—641 гг.), Кишзомбор «О» (602—610 гг.) [47]. Очень близки к аварским комплексы из Перещепина и Келегейских хуторов на Украине, содержавшие монеты 582—602, 602—610, 613—631, 631—641, 641—668 гг.— в первом (всего

[44] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. III. СПб., 1901, табл. 14 (Хацки); ОАК, 1895, стр. 55, рис. 111—114 (Колосково); В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде. Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 147, табл. III, *1—3*; Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVIII, 1949; его же. Древние русы. СА, XVII, 1953 (Хацки, Колосково, Мартыновка): N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937, табл. CXXI—CXXIV (Мартыновка); J. Werner. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. Reinecke-Festschrift. Mainz, 1950, стр. 168—170, табл. 34, *3* (Мартыновка); Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 175—185 (Чми: материал в ГИМ); Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958, рис. на стр. 630 (Чми, катакомба 11); А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, 34, Пг., 1914 (дополнение: М. И. Артамонов. История хазар, рис. на стр. 240, 243, 245, 247); N. Fettich. Die Metallkunst, табл. CXXVIII, *1*; CXXXIX, *1—43* (Келегейский хутор).

[45] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, табл. VI, *10*; VII, *1* (Бахмутино); Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, М., 1968, табл. 5, *24*, *25*; 6, *26*, *31*, *32*; 12, *14* (Бирск).

[46] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, стр. 224—228; D. Csallany. Grabfunde der Frühawarenzeit. FA, I—II. Budapest, 1939 (Кишзомбор «О», Деск «Г», Сегед-Ченгеле); его же. Византийские монеты в аварских находках. ААН, II. Budapest, 1952; I. Kovrig. Contribution au probleme de l'occupation de la Hongrie par les avars. ААН, VI, 1—4. Budapest, 1955; N. Fettich. Garnitures de fourreaux des sabres du temps des Avares en Hongrie. «Arethuse», 1926, avril, Paris, 1926, табл. VIII (Кунагота); L. Jankó. Grabfunde aus der Awarenzeit zu Pápa. AE, XLIV, Budapest, 1930.

Рис. 8. Украшения VII—IX вв.

1, 2 — VII в.; *8, 9, 45—47* — конец *VII* — начало VIII вв.; *7, 10—17* — VIII в.; *18—25, 34* — VIII в.; насколько заходят в IX в.— не выяснено; *27—32, 46* — вторая половина VIII — первая половина IX в.; *26, 35, 36, 48—50* — вторая половина VIII и IX вв.; *37—44* — VIII — первая половина IX в.; *33* — вторая половина IX в. *1, 2, 7, 11, 14—17* — Венгрия (*1* — Саразд, *2* — Кишзомбор «О», погр. 2; *7, 11, 14—17* — Алаттьян, погр. 233, 471, 392, 502, 386, 317); *3—5* — Камунта; *6* — Песчанка, мог. 2; *8* — Глодосы; *9* — Джигинское; *10* — Нове Замки (Словакия); *12, 13* — Новые Сенжары; *18, 21* — Сахарная головка, погр. 20, 14; *19, 20* — Узень-Баш, склеп 1; *22, 23, 42* — Эски-Кермен, погр. 55, 52, 41; *24* — Катанда II, кург. 5; *25* — Скалистое, погр. 307; *26, 35, 36* — Мыдлань-Шай, погр. 8, 10, 74; *27—33, 37—41, 43, 44, 46, 48—50* — Чми (*27* — катакомба 2; *28, 32, 44* — кат. 26; *29, 31, 40, 46, 48, 49* — кат. 20; *30* — кат. 3; *33, 43* — кат. 8; *37* — кат. 13; *38* — кат. 21; *39* — кат. 22; *41* — кат. 18; *50* — кат. 27); *45, 47* — Перещепино

69 монет) и 610—641, 641—668 гг.— во втором (семь монет) [48]. Аварские вещи известны в могильниках германцев VII в. на поселении, возникшем на развалинах византийского города Юстиниана Прима в Югославии (судя по монетам, город разрушен после 602—610 гг.). Аналогичные аварским поясные бляшки были в Акаланском кладе (Европейская Турция) с монетой 610—641 гг. Овальные стремена, изображенные на памятнике императора Тайцзуна, построенном в 637 г., типологически древнее (рис. 14, *10*, *11*) [49]. Таким образом, при обилии данных о VII в. материалов VI в. среди привлекаемых к дискуссии раннеаварских памятников Венгрии пока нет (включая и могильник Халимба).

«Поздняя» датировка аварских древностей не нова. Д. Чаллань уже в 1939 г. отнес к VII в. основные известные комплексы, включая и Кунагота [50]. При этом он дал типологический ряд скоб мечей: 1 — рис. 14, *4*; 2 — рис. 14, *3*; 3 — рис. 14, *5*, связывая Р-образные скобы с большим выступом (рис. 14, *3*) с более поздней частью памятников VII в. Это хорошо согласуется с материалами СССР, где скобы типа рис. 14, *3* преобладают и связаны с этапом «вычурных поясов» и последующим этапом начала VIII в. (Мартыновка, Чми, Уч-Тепе, Глодосы, Армиево, Арцыбашево, Борисово, живопись Пенджикента и Афрасиаба). В 1948 г. Д. Чаллань отнес аварскую группу I к периоду до 680 г., II (рис. 13, *1—8*, *11*, *12*) — к 680—720 гг., III — (рис. 13, *1*, *9—17*) — после 720 г. [51]. Не столь велики, как может показаться, разногласия и с другими венгерскими специалистами по аварам. Ведь они считают, что «Мартыновская находка одна из ключевых находок этой группы VI — VII вв.». Если они по традиции все еще относят ее к «VI в., отчасти, может быть даже первой половине VI в.» [52], то и И. Вернер уже в 1950 г. убедительно показал, что Мартыновка датируется «эпохой Перещепина», т. е. второй половиной VII в.[53]. Отнесение ко второй половине VI в. известных ныне «раннеаварских» памятников базировалось не столько на самом дунайском материале, сколько на ссылках на мало разработанную хронологию Юга СССР. Уточнение последней неизбежно повлекло и изменение аварской хронологии.

Авары поселились на Дунае в 567—568 гг. и на 60 лет стали серьезным противником Византии. В 620—630-е годы аварский каганат ослабел (тяжелое поражение от византийцев, отложение славянского государства Само и кутургуров, прекращение аварского политического влияния в Северном Причерноморье). В 681 г. на Дунае образовалось Болгарское государство, отделившее авар от Византии. Если ориентировочно датировать «раннеаварские» памятники в пределах 620—690 гг. (учитывая их переживание наряду с новой II группой), получается, что памятники 50—60 лет наибольшего могущества авар пока неизвестны. Это и неудивительно: С. А. Плетнева показала, что после завоевания новой области кочевники долго могли заниматься таборным кочеванием, беспрестанно переходя с места на место и оставляя слишком мало следов, уловимых для

[47] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld, стр. 106, 113; Z. Vinski. O nalazima 6 i 7 stoljeca u Jugoslaviji. Opuscula archaeologica. Zagreb, 1958, табл. VII, 20—25; D. Csallány. Grabfunde.

[48] В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4. М., 1962, стр. 10, 36, 37.

[49] D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest. 1956, стр. 152, 153 (Линц); A. Lippert. Ein frühawarischer Grabfund aus Wien XII. AAH, XXI, 1—2. Budapest, 1962, стр. 48—50; Старинар, V—VI. Београд, 1956, стр. 163, рис. 37, *9*, *13*, *14*; Старинар, VII — VIII, Београд, 1958, стр. 325; J. Werner. Slawische Bügelfibeln, стр. 168 (Акалан); I. Kovrig. Contribution, табл. VI, *1—2* (памятник Тайцзуна).

[50] D. Csallány. Grabfunde, стр. 166—169.

[51] D. Csallány. Rapports archéologiques entre les trouvailles tombales de l'epoque avare de Szeged et des cors à boire hunno-bulgares. AÉ, VII—VIII—IX. Budapest, 1948, стр. 360; H. Mitscha-Märheim. Eine awarische Grenzorganisation des 8. Jahrbunderts in Niederösterreich. Jahrbuch des RGZM. 4, Mainz, 1957, стр. 133, 134.

[52] I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld, стр. 227, 228.

[53] J. Werner. Slawische Bügelfibeln, стр. 170.

археолога [54]. Вероятно, и следы ранних авар со временем удастся выделить среди случайно находимых и нехарактерных в культурном отношении памятников второй половины VI в. Лишь тогда, когда в начале VII в. военные успехи авар пошли на убыль и паразитическое существование за счет военной добычи затруднилось, началось более прочное оседание их на землю и выработка первого общеаварского стиля. Он был еще очень зависим от внешнего, византийского влияния, чему, как отметил Х. Митша-Мерхайм, способствовали ежегодные византийские выплаты аварам за сохранение мира [55]. В позднеаварский период, когда оседлость у авар быстро росла, появились большие поселения и большие могильники, а с 720—730-х годов впервые сложился самобытный художественный стиль литых украшений [56], тесно связанный с духовной культурой аварского народа (рис. 13, *9, 13—17*).

На Северном Кавказе хорошо представлены поясные наборы VII в. (Чмп, Борисово, Верхний Чир-Юрт, Хусанаты, Нижний Джулат и др.) [57], есть большие полые пряжки (рис. 6, *2*), поздние Р-образные ушки мечей, в Чир-Юрте — варварские подражания византийским монетам середины VII в. По наличию полых пряжек, местных двупластинчатых фибул варанта II-в и других вещей к VII в. относятся могильники Пашковский I, Гилячский (особенно ярко погребение 21), Кудинетовская находка (рис. 6, *26—28*) [58]. Из других вещей для VII в. характерны инкрустированные фибулы-броши с головками птиц (рис. 6, *32, 37*), местные броши-цикады, броши-«якорьки», геометрические броши (рис. 6, *29, 38*), крупные хрустальные бусы, бронзовые коробочки, часто с вкладышем «якорька» (возможно, двувильчатый символ небесного огня, палицы Юпитера и Варуны?), детские подвески в виде фаллических человечков [59] (синхронны боспорским VII в). Разнообразные фибулы и посуду с коническими выступами из комплексов VII в. пока трудно охарактеризовать правильно, поскольку неизвестны предшествующие звенья из памятников V—VI вв. Вероятно, к концу VII и частично VIII в. относятся золотые поясные наборы, обильно украшенные зернью и тиснением, пирамидальные и некоторые составленные из больших шаров серьги «аварских» типов (рис. 6, *22—24;* 8, *3, 8*) [60]. Элементами VIII в. в Чир-Юрте следует считать четырехугольные бронзовые (рис. 13, *21*), треугольные (рис. 13, *22*, иногда «рогатые»), U-образные и фестончатые пряжки (типа рис. 13, *19*), пастовые лунницы (рис. 8, *42*), бипирамидальные стеклянные (типа рис. 8, *39*) и расписные сердоликовые бусы (как на рис. 8, *37*), ранние браслеты с утолщенной серединой. Вероятно, Чир-Юрт в основном относится к концу VII и первой половине VIII в.

---

[54] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 181, 182.

[55] H. Mitscha-Mährheim. Eine awarische Grenzorganisation, стр. 133.

[56] Там же, стр. 134.

[57] Коллекции ГИМ, Нальчикского и Орджоникидзевского музеев; В. В. Сахарнев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., ИАК, 56, СПб., 1914 (Борисово, большинство могил I и II участков); Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД. II, Махачкала, 1961; М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника. Уч. зап. КБНИИ, XXV, Нальчик, 1967.

[58] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, 3, стр. 143, рис. 149, 150, 172, 173; М. И. Артамонов. История хазар, рис. на стр. 129; N. Fettich. Le découverte, табл. XXXVIII, XXXIX — Кудинетово; М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, СА, I, 1936; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 155—159; Очерки истории СССР, рис. на стр. 639 — Пашковская. А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 57, 87, 88, 91, рис. 8, *8*.

[59] И. Т. Кругликова. Погребение IV—VI вв. в дер. Айвазовское. СА, 1957, 2, рис. 1, *3*; 2, *1, 2, 4, 6, 7* (три хороших комплекса VII в., инвентарь двух неизвестен); В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-Кале, рис. 44, *6*.

[60] МАК, VIII, М., 1900, табл. CXXIV, *7, 12, 14—16*; П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. V. Археология. Тифлис. 1902, табл. V, VI; А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА, 125, 1965; ср. Арцыбашево и Вознесенку.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

О РОЛИ БАЛТСКОГО СУБСТРАТА В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В последних работах В. В. Седова большое внимание уделяется роли балтского субстрата в формировании славянского населения Верхнего Поднепровья. Основной тезис В. В. Седова сводится к тому, что балтский субстрат был основным при образовании белорусской народности, т. е. при образовании трех летописных племен: кривичей, дреговичей и радимичей. В подтверждение этого он приводит целый ряд лингвистических, этнографических и археологических данных [1].

В чем же проявляется «балтский субстрат»? Прежде всего в погребальном обряде и инвентаре.

К числу «балтских признаков» в погребальном обряде отнесены:

а) наличие кострища в основании кургана (у дреговичей, радимичей, полочан и смоленских кривичей);

б) погребение умерших в теремках-домовинах;

в) восточная ориентировка умерших в древнерусских курганах XI — XIV вв.;

г) наличие погребений с конем на территории славянских племен.

В инвентаре балтское влияние проявляется в распространении у славян таких видов украшений, как вайнаги, змееголовые браслеты, подковообразные фибулы, звездовидные пряжки, радимичские шейные гривны (как пластинчатые, так и жгутовые) с заходящими концами и розетками или многогранниками на концах.

Наличие кострищ в основании древнерусских курганов XI — XIII в. В. В. Седов связывает с погребальным ритуалом верхнеднепровских балтов. Основное доказательство состоит в том, что эти курганы характерны лишь для некоторых областей древней Руси (радимичей, дреговичей, полочан и смоленских кривичей), где до прихода славян жили балты [2].

Полагая, что кострища в славянских курганах XI—XIII вв. — один из пережитков более раннего балтского ритуала, В. В. Седов совершенно игнорирует тот факт, что до этого времени (XI — XIII вв.) здесь у славян в течение ряда веков повсеместно господствовал обряд трупосожжения. Переход от одного обряда к другому происходил постепенно. Нам известны курганы с неполным сожжением умершего, курганы, в которых еще долгое время существовали следы трупосожжения в виде кострищ, огненных крад или отдельных вкраплений угля в насыпи.

---

[1] В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1962, 2, стр. 120; его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья в X—XIV вв. М., 1970. Детальный анализ этнографических сопоставлений дан в работе: М. Я. Гринблат. К происхождению белорусской народности. СЭ, 1968, 5 стр. 79 сл. Автор не разделяет точки зрения В. В. Седова и отмечает, что подбор был произведен не совсем объективно.

[2] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья...

О длительном существовании пережитков обряда трупосожжения свидетельствует и этнографический материал [3].

Б. А. Рыбаков на примере радимичей и А. В. Успенская на примере дреговичей установили, что курганы, в которых пережитки обряда сожжения сказываются сильнее, как правило датируются более ранним временем и следуют непосредственно за курганами с трупосожжениями [4].

Кострища в основании кургана встречаются в Верхнем Поднепровье далеко не повсеместно. Так, на территории радимичей курганов с кострищем (и вообще с золой или углем) нет по р. Снови. В районе Новозыбкова (по р. Ипути) в одних курганах кострище встречается на горизонте под умершим, в других — над умершим, а в третьих отсутствует совсем. Например, в курганной группе Большие Щербиничи из 13 насыпей угольная прослойка была найдена в 6; в Гулевке из 19 курганов — в 7, причем из этих 7 только в одном кострище находилось под умершим, и т. д. [5] Чаще встречается угольная прослойка в Сурожских курганах (раскопки П. М. Еременко) и в Днепро-Сожском междуречье.

Однако в радимичских курганах мы имеем дело не просто с зольной прослойкой или кострищем, а со своего рода огненным кольцом, идущим по краю основания кургана. Как правило, к центру кургана слой золы и угля уменьшается, в то время как у краев он образует кольцо, достигающее высоты 60 *см* при ширине 40—50 *см*. Это «огненное кольцо» характерно пока только для радимичских курганов XI—XII вв. и не находит себе аналогий, а тем более прототипов в балтских древностях [6].

Кроме того, курганы с зольной прослойкой известны и за пределами территории с балтской гидронимикой. Зольная подсыпка под скелетами встречается в Волынских курганах. Есть она и в Приладожских и Петербургских курганах. Причем в последних остатки кострища идут по всему основанию кургана [7].

Наличие кострищ в курганах с трупоположениями в одном и том же районе и даже в ряде случаев в одном и том же могильнике, на наш взгляд, более закономерно связывать с пережитком обряда сожжения у славян, нежели с влиянием погребального обряда балтов, для которых этот вид погребального ритуала в целом нехарактерен.

Как отмечают Х. А. Моора и Ф. Д. Гуревич, «на протяжении второй половины I тысячелетия н. э. у балтийских племен наблюдалась тенденция к единообразию погребального обряда. Это выражалось в стремлении к смене курганов грунтовыми могильниками. Исключением являются аукшайты, прочно связанные с восточными славянами и придерживающиеся общей с ними курганной формы могильника» [8].

Эти грунтовые могильники с трупоположениями в глубоких узких могильных ямах, естественно, не могли служить прототипом для древнерусских курганов с кострищами.

Да и сам В. В. Седов вынужден был отметить, что «в погребениях Верхнеднепровских балтов I тысячелетия н. э. аналогичной детали погре-

---

[3] В Белоруссии еще в XIX в. существовал обычай выносить из дома покойника горшок с углями и бросать его в могилу после того, как в нее опустят умершего. В ряде случаев у головы покойника зажигали пучок соломы; І. Сербаў. Археолёгічныя раскопки ў аколіцы Менску ў 1925 г. Гистарична — Археолёгичны Зборнік, 1, Менск, 1927; В. В. Завитневич. ОАК за 1892, М., 1894, стр. 148.

[4] Б. А. Рыбаков. Радзімічы Працы, III, Менск, 1932; А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953, стр. 97—125.

[5] Ту же самую картину А. В. Успенская наблюдала у дреговичей. А. В. Успенская. Ук. соч., стр. 106, 107; Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1-57, М., 1961.

[6] Работами нашей экспедиции исследовано около 300 курганов, и в каждом мы встречали «огненное кольцо». Ближайшей аналогией таким кольцам могут служить славянские курганы Юго-Западной Руси (например, близ Головно). Ю. В. Кухаренко. Ук. соч.

[7] А. А. Спицын. Радимичские курганы. ЗРАО, VIII, 1—2, СПб., 1896.

[8] Ф. Д. Гуревич, Х. А. Моора. Племена Прибалтики. Очерки истории СССР, III, М., 1958, стр. 643—657.

бального ритуала не прослеживается» [9]. Известны они только у той части литовских племен, которые граничили со славянами.

Второй признак — погребения в теремках-домовинах. Согласно мнению В. В. Седова, этот обычай также относится к числу реликтов дославянской обрядности. Основание все то же: захоронения в теремках-домовинах встречены только у тех славянских племен, которые пришли на смену балтам.

Погребения в теремках-домовинах, находящихся внутри курганной насыпи, имеют довольно ограниченный район распространения. Они встречены главным образом у дреговичей, в бассейне р. Березины [10], а также у пограничных с ними радимичей (пять погребений) и древлян (в трех курганных группах). Совершенно нет их у кривичей, хотя земли последних также входили в область балтской гидронимики. Крайне редки они и у радимичей.

По-видимому, курганы с захоронениями в теремках — одна из особенностей д р е г о в и ч с к о г о погребального ритуала. С исчезновением курганного обряда домовины здесь сохранились, но стали сооружаться над могильной насыпью. Такие сооружения В. З. Завитневич сам наблюдал в Бобруйском уезде Могилевской губернии [11] (в том же районе, где до этого были курганы с домовинами).

В этот же период домовины широко бытовали и у финно-угорских племен [12].

Основным аргументом в пользу балтской принадлежности погребений с восточной ориентировкой в древнерусских курганах у В. В. Седова служит сопоставление их с латгальскими грунтовыми могильниками и ряд взаимных аналогий в погребальном обряде и инвентаре.

Первую ошибку В. В. Седов допускает тогда, когда начинает сопоставлять разновременные памятники на разных территориях. Прежде всего, необходимо отметить, что грунтовые могильники латгалов относятся к VII — VIII вв., а курганные погребения славян — к XI — XIV вв. [13]. В I тысячелетии на территории славян был повсеместно распространен обряд трупосожжения. Господствовал он и там, где в XI—XIV вв. появляются затем славянские курганы с восточной ориентировкой умершего.

Таким образом, в то время как латгалы хоронили своих покойников в узких глубоких могильных ямах (мужчин головой на восток, а женщин на запад), славяне верхнего Поднепровья (дреговичи, радимичи, кривичи) сжигали своих умерших. На этой территории нет пока ни одного памятника с погребальным обрядом, аналогичным захоронениям латгалов. Таким образом, говорить здесь о преемственности обряда никак не приходится, тем более что погребения с восточной ориентировкой в конце I тысячелетия были известны (так же, как и домовины) не только у балтов, но и у многих финских племен. Так, в Рязанских могильниках на Оке погребения с восточной ориентировкой встречаются как среди мужских, так и среди женских захоронений [14].

---

[9] В. В. С е д о в. К происхождению белорусов. СЭ, 1967, 2, стр. 119.

[10] Курганы с домовинами найдены в следующих курганных группах: городище Волосовичи, Дворец, Кострицкая Слобода, Любовичи, Леневка, Мохов, Старцы, Устиж, Ясень, Эсьмоны по одному, реже два кургана в группе — у дреговичей; Головичи, Демьянки, Кулешовка, Петуховка, Попова Гора по одному кургану — у радимичей; Бука, Игнятин, Городок — у древлян.

[11] В. З. З а в и т н е в и ч. ОАК, 1892, стр. 33.

[12] Е. П. Г о р ю н о в а. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 78—81.

[13] На карте В. В. Седова даны вместе латгальские погребения VII—VIII вв. и славянские курганы XI—XIV вв., что действительно создает видимость «единства» обряда. Однако это «единство» сразу же пропадает, стоит только выделить на карте две хронологические группы погребальных памятников: конца I тысячелетия и XI—XIV вв.

[14] В Кошибеевском могильнике восточную ориентировку имеют 80% из 60 раскопанных погребений, в Сергачском — 4 из 5, в Борковском и Кузьминском могиль-

Обратимся теперь к славянским курганам с восточной ориентировкой умершего. Ареал этих курганов значительно шире области распространения балтской гидронимики. Это и естественно, так как данный обычай, на наш взгляд, не является типично балтским. Курганы с восточной ориентировкой были широко распространены и у западных славян. Чешские и польские ученые исследовали ряд славянских могильников IX — X вв. с погребениями подобного рода. Так, Б. Достал в своей работе, посвященной погребальным памятникам Моравии, отмечает, что из 32 могильников восточная ориентировка была встречена в 11, северо-восточная — в трех и юго-восточная — в одном [15].

Характерна восточная ориентировка и для ряда славянских могильников того же времени в Словакии, Польше, Хорватской Далмации. Причем в Польше обряд погребения умершего головой на восток существовал в некоторых областях до XIV в [16].

Наличие восточной ориентировки умершего у финских племен и ряда славянских племен (как восточных, так и западных) опровергает тезис В. В. Седова о чисто балтской принадлежности этой черты погребального ритуала.

Кроме того, остальной погребальный обряд, так же как и инвентарь захоронений, свидетельствует в пользу славянской принадлежности верхнеднепровских курганов с восточной ориентировкой. Наибольшее количество курганов с восточной ориентировкой встречается на территории радимичей. Причем здесь на восток ориентированы не только мужские захоронения, но и одновременные им женские.

В меньшей степени они известны у кривичей и дреговичей. В то же время значительное количество курганов с восточной ориентировкой встречено на территории вятичей за пределами области с балтской гидронимикой, а также у полян. У последних, как отмечает И. П. Русанова, курганы с восточной ориентировкой (как мужских, так и женских) встречены в 14 курганных группах — 40 погребений [17].

Курганы с восточной ориентировкой ничем (кроме положения умершего) не отличаются от обычных одновременных им славянских захоронений. Здесь в ранних погребениях также встречаются пережитки обряда трупосожжения в виде неполного сожжения умершего, наличия кострищ, угля, огненного кольца и т. д. [18]. Здесь рядом с умершим помещаются сосуды (в латгальских погребениях с восточной ориентировкой керамика отсутствует). Здесь в женских погребениях тот же набор украшений: браслетообразные височные кольца кривичей, семилопастные — вятичей, семилучевые — радимичей и т. д. [19]. Чем же объяснить восточную ориентировку в славянских курганах? Наиболее вероятно, что это связано со временем захоронения умершего. Умерший должен всегда быть обращен

никах преобладающей была северо-восточная ориентировка. Погребения с восточной ориентировкой были встречены в Холуйском могильнике, Хотимольском (Ивановская обл.), в могильнике у с. Вакино и т. д.

[15] B. Dostal. Slovanska pohrebiste ze Stredni doby tradistni na Morave, Praha, 1966, стр. 25.

[16] Krumphanzlova. Der Ritus der slawischen skelettfridelhofe der Mittleren und jungeren Burgwallzeit in Böhmen; P. A, LVIII, 1966, стр. 272—327; J. Eisner. Rukovet Slovanske Archeologic. Praha, 1966, стр. 381—383; M. Miskiewicz. Погребальные обряды могильников раннего средневековья. Państowowe Museum Archeologiozne. Materialy wszesno Sredniowieczne, VI, Wrozlaw — Warszawa — Kraków, 1969.

[17] И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. САИ, Е1-24, М., 1966, стр. 15.

[18] В курганной группе Грязивец Могилевской области в одном из курганов было обнаружено кострище штабельной конструкции, а на нем — полуобожженный скелет человека, лежащего головой на восток. На восток были ориентированы умершие и в остальных раскопанных курганах этой группы; Е. Р. Романов. Археологические раскопки в Могилевской губернии. Вильно, 1911, стр. 29, 30.

[19] Исключением являются западные районы Полоцкой земли и юго-западные Псковской, где встречены погребения с восточной ориентировкой и латгальским инвентарем, в том числе и с виллайне.

лицом к солнцу, и, если его хоронили во второй половине дня (а зимой дни особенно короткие), его обязательно помещали головой на восток.

Таким образом, и этот тезис В. В. Седова не находит подтверждения в археологическом материале.

Четвертый признак — погребения с конем.

В. В. Седов говорит, что «бесспорной балтской особенностью являются конские захоронения, встреченные в ряде восточнославянских курганов», и что «конские захоронения — специфическая особенность балтского похоронного ритуала, не свойственная славянскому миру» [20].

Погребения с конем, так же как и восточная ориентировка, характерны отнюдь не для всех балтских племен. Если восточная ориентировка была встречена только у латгалов, то погребения с конем были распространены в основном в Литве и у пруссов.

Как отмечает Р. К. Куликаускене [21], в Литве этот обряд широко представлен с конца I — начала II тысячелетия (800—1200 гг.).

Конские захоронения сопровождали останки сожженного хозяина. Иногда сжигали и коня.

Коней хоронили со снаряжением, которое в некоторых случаях было просто роскошным. Обычно убивали одного коня, но встречаются погребения, в которых было найдено два-три и даже восемь конских захоронений.

Это были погребения воинов-всадников вместе с боевыми конями, погребения дружинников. В то время обычные литовские (крестьянские) погребения конских захоронений не имели. Таким образом, здесь мы имеем дело не с этническим, а с социальным признаком (о большой роли конницы в литовских войсках этого времени говорят и письменные источники).

В этот период (конец I — начало II тысячелетия) погребения с конскими захоронениями появились у славян, а также у некоторых финских племен, особенно Муромы [22].

Как отмечает Д. Н. Анучин [23], «чем дальше на восток, тем остатки лошадей и конского наряда, по-видимому, встречаются в могилах чаще».

Нельзя также забывать, что обряд погребения с конем был характерен и для кочевников русских степей, с которыми населению Руси X—XII вв. приходилось встречаться довольно часто.

Появление конских погребений у славян относится к X—XI вв. В известном рассказе Ибн-Фадлана о похоронах знатного руса, в частности, сообщается, что вместе с умершим был сожжен и конь [24]. Аль-Масуда также отмечает, что русы и славяне, живущие в Итиле, сжигают со своими умершими лошадей [25]. Знает о конских захоронениях и русская летопись. Андрей Боголюбский приказал похоронить своего павшего в бою боевого коня отдельно «жалуя комоньства его». О погребении воина с конем известно нам также и из былинного эпоса — былина о Потоке-богатыре [26]. Во всех этих случаях речь идет опять не о рядовых славянах, а о феодальной верхушке (воинах, купцах и т. д.).

---

[20] В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья...,

[21] Р. К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, стр. 211—222.

[22] В житии Константина Муромского автор жития говорит о Муроме: «где рекам и озерам требы кладущей..., где кони заколающеи по мертвыи и ременные шипы с ними вместе в землю покоповающе»; А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 126; Конские погребения встречены в Подболотьевском могильнике.

[23] Д. Н. Анучин. Сани, ладьи и кони как принадлежности погребального обряда. «Древности», XIV, М., стр. 219.

[24] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939.

[25] А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, сер. истор., философ., III, 5, М., 1946, стр. 463.

[26] Кирша Данилов. Былина о Потоке, М., 1818, стр. 222, 223.

Обнаруженные археологами конские захоронения подтверждают сообщения письменных источников: обычно мы встречаем погребение дружинника и его боевого коня. Найдены они большей частью под Киевом, в самом Киеве, в Черниговских курганах, в Гнездовье, в южном Приладожье и в Ростово-Суздальской земле. Нет ни одного погребения с конем ни на территории дреговичей, ни у радимичей, ни в обычных кривичских курганах, т. е. в районах наибольшего влияния «балтского субстрата» на славянские племена.

В заключение можно сказать, что в конце I и начале II тысячелетия с развитием феодальных отношений и усилением роли конного войска в феодальных дружинах распространился обычай погребать умершего дружинника с конем как с частью имущества последнего.

Этот обычай можно наблюдать у ряда славянских, балтских и финских племен.

Следовательно, мы не можем связывать эту черту погребального ритуала в древнерусских курганах X—XI вв. с влиянием прото-балтских племен на славянское население Верхнего Поднепровья, где к тому же эти памятники и не встречаются.

Остановимся теперь на погребальном инвентаре. В. В. Седов неоднократно подчеркивает, что речь может идти не о прибалтийском импорте, а «исключительно о местных украшениях, имеющих прототипы или аналогии в вещевых коллекциях древних литовско-латышских племен» [27].

В качестве доказательства В. В. Седов приводит карту «балтских» элементов в древнерусских курганах [28].

а) Вайнаги — головной убор латгалов, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок. Эти головные уборы были найдены в нескольких длинных курганах кривичей, а также в некоторых более поздних (круглых) курганах Верхнего Поднепровья и Подвинья. На территории радимичей и дреговичей они не встречены ни разу.

Как известно, в длинных курганах имеется (кроме вайнаг) целый ряд других вещей балтского типа. К их числу относятся трапециевидные подвески, предметы с выемчатой эмалью и др. Как отмечает сам автор, эти балтские элементы встречаются только в поздних длинных курганах и не по всей территории кривичей, а лишь на границе с балтскими племенами. Присутствие балтских элементов у кривичей сам В. В. Седов объясняет «захоронениями в этих насыпях части местного балтского населения, попавшего под славянское влияние» [29].

Таким образом, погребения с вайнагами в Верхнем Поднепровье, как признает сам В. В. Седов, принадлежат не славянам, попавшим под влияние балтов, а балтам, причем балтам, находящимся под влиянием славян [30].

б) Змееголовые браслеты. В. В. Седов отмечает, что основная часть их происходит из той части Восточной Европы, где до прихода славян жили балты.

Змееголовые браслеты появились в Прибалтике в IX—XI вв. в могильниках люцинского типа. Ф. Д. Гуревич связывала широкое распространение их с культом змеи, который долгое время бытовал здесь, особенно у населения Литвы [31]. В XI—XII вв. такие браслеты получили широкое распространение у славянских и финских племен.

Предположение В. В. Седова о том, что они чаще всего встречаются на территории, занятой в древности балтами, не совсем соответствует действительности. Ареал их значительно шире. Они встречены в Южном При-

---

[27] В. В. Седов. К происхождению белоруссов, СЭ, 1967, 2, стр. 117.

[28] В. В. Седов. Там же, стр. 118, рис. 2.

[29] В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья..., стр. 26.

[30] Следует также отметить, что подобные головные уборы были известны и у финского населения (в Рязанских могильниках и особенно у мордвы).

[31] Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из Прибалтийских могильников. КСИИМК, XV, 1947, стр. 68—77.

ладожье, на Белом озере, в Ярославском и Костромском Поволжье, в Волго-Окском междуречье и т. д.[32]. Меньше всего их найдено на территории древней балтской гидронимики (у кривичей, дреговичей и радимичей). Так, в верховьях Волги, Днепра и Двины (т. е. на территории летописных кривичей) они найдены примерно в 10—15 курганах, у радимичей — в 5, у дреговичей — в двух[33].

Наибольшее их число приходится на Ярославское и Костромское Поволжье, а также на бассейн Клязьмы, т. е. на территории, занятые в древности не балтским, а финским населением, которое затем было вытеснено славянами.

По технике изготовления эти браслеты можно разделить на две группы: одни, более сложные, были привозными и происходят из Прибалтики; другие, простые, изготовлялись местными мастерами. Прототипом для таких простых браслетов также служили прибалтийские змееголовые браслеты.

Поздняя дата появления и распространения этих браслетов (XI—XII вв.), их довольно широкий ареал и наличие наибольшего количества этих браслетов на территории финских племен может свидетельствовать только об импорте (этой точки зрения придерживается и большинство исследователей), тем более что в данный период существовали довольно интенсивные связи Прибалтики с русским Северо-Западом. А импортные предметы, как отмечает сам В. В. Седов, «не могут быть использованы для каких-либо этнических выводов».

Что же касается культа змеи, который, по мнению В. В. Седова, был характерен для балтских племен, а из всех восточнославянских племен только для белоруссов, то и этот его тезис не находит подтверждения в этнографическом материале.

Детальный анализ указанного положения дан в работе М. Я. Гринблата[34]. М. Я. Гринблат отмечает, что культ змеи существовал с древнейших времен у многих народов мира, в том числе и у прибалтийских и у восточнославянских племен независимо друг от друга. Причем наибольшего распространения поверия о змеях среди славянского населения получили на юге у украинцев. В заключение он пишет: «таким образом основной этнографический довод В. В. Седова — почитание змей, существовавшее якобы исключительно у древних балтов, а от них воспринятое белоруссами, — беспочвенный»[35].

Привлечение же В. В. Седовым спиральных браслетов в качестве одного из признаков балтского субстрата вообще неправомерно. Их найдено всего несколько экземпляров у кривичей и нет ни одного у дреговичей и радимичей. Как отмечают исследователи, все они, бесспорно, являются импортными[36].

Следующая категория — шейные гривны. Шейные гривны в начале I тысячелетия широко бытовали в Прибалтике, у финских племен (мордва и мурома), а также у всех славянских племен, как западных, так и восточных. Появились они в X в., но наибольшего распространения достигли в XI—XII вв., а в XIII—XIV вв. постепенно исчезли. Известно значительное число их видов. В. В. Седов из всего этого разнообразия выбирает только один вид — шейные гривны как пластинчатые, так и витые, с заходящими концами, завершающимися или розеткой, или многогранником. Он часто встречается у радимичей, а пластинчатые гривны получили даже наименование «радимичских».

---

[32] Данные приводятся по работе: В. П. Левашева. Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, М., 1967, стр. 207—253.

[33] Следует отметить, что на территории этих племен раскопано несколько тысяч курганов (около 8000).

[34] М. Я. Гринблат. Ук. соч.

[35] Там же, стр. 84.

[36] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 84.

Наиболее ранний тип гривен с заходящими концами, оканчивающимися многогранником, но сделанных из дрота ромбического сечения, известен из Финляндии и датируется VIII—X вв. (Финляндия считается их родиной) [37]. В XI —XII вв. у радимичей появляются пластинчатые гривны (дающие в сечении треугольник), аналогичные финским [38]. В это же время в Прибалтике (Нукшинский могильник) появляются пластинчатые гривны, аналогичные финским, но в отличие от последних (так же как и от радимичских), на концах их нет многогранников, они заострены [39].

Второй вид — витые гривны, составляющие значительное большинство среди древнерусских гривен, представлены значительным разнообразием форм. Витые гривны с заходящими концами, оформленными многогранником или розеткой, известны в основном с территории радимичей и в единичных экземплярах в Калининской, Псковской и Рязанской областях и в одновременных им памятниках Прикамья.

Следовательно, за основу типа мы можем взять только заходящие концы, ибо во всем остальном славянские гривны резко отличаются от прибалтийских.

Родиной этого вида гривен, судя по всему, является Финляндия, где найдены наиболее ранние экземпляры (VIII—X вв.) и откуда, по-видимому, они в XI—XIII вв. распространились в Прибалтику, Приднепровье и Прикамье, где слегка видоизменились и приобрели отдельные специфические черты, характерные для той или иной области.

У латгалов и приднепровских славян гривны с заходящими концами появились почти одновременно в X — начале XI в. Естественно, что мы не можем поэтому считать древнерусские гривны радимичей украшениями, имеющими балтский прототип.

Следующая категория вещей — подковообразные фибулы и звездовидные пряжки.

Подковообразные фибулы, появившись в IX—X вв. в Прибалтике (в том числе и в Эстонии), Скандинавии, на о. Готланд, в Финляндии, затем в XI—XII вв. получили широкое распространение на всем Северо-Западе Восточной Европы [40].

Они найдены также в незначительном количестве на землях летописных кривичей, радимичей и дреговичей, но наибольшее число находок на Русь падает на Петербургские, Приладожские, Владимирские курганы и т. д., т. е. на области, где преобладало финно-угорское население.

Широкий ареал этих фибул делает несостоятельным довод В. В. Седова о том, что они характерны для славянской территории с древней балтской гидронимикой.

И Э. С. Мугуревич и В. А. Мальм связывают распространение этих фибул с развитием торговли прибалтийских народов с Киевской и Владимиро-Суздальской Русью и считают их импортными [41].

Звездовидные фибулы заслуживают особого внимания. Их лучи настолько похожи на лучи радимичских височных колец, что Л. Нидерле считал родиной их землю радимичей [42]. Однако уже Б. А. Рыбаков отметил, что у радимичей они встречаются крайне редко, а основной район их распространения — Прибалтика (Латвия), где они известны в памятниках XI—XIII вв. [43]. Это обстоятельство и дало возможность В. В. Седову сде-

[37] Гривны финского типа были встречены в древностях X—XI вв. в Юго-Восточном Приладожье, на восточном берегу Чудского озера и в одном экземпляре на территории радимичей (д. Козаричи) с дирхемом 913 г.

[38] За пределами радимичей гривны этого типа в единичных экземплярах были найдены в Калининской, Ленинградской, Московской областях и в Ичевском могильнике.

[39] М. В. Фехнер. Шейные гривны. Тр. ГИМ, 43, стр. 58—88.

[40] В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, стр. 149.

[41] Э. С. Мугуревич. Ук. соч.; В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Тр. ГИМ, 43.

[42] Л. Нидерле. Славянские древности, М., 1956, табл. XII, *15*, стр. 224.

[43] Б. А. Рыбаков. Радзімічы.

лать вывод о существовании балтского прототипа для славянских звездовидных фибул.

Э. С. Мугуревич на основе анализа инвентарей Восточной Латвии приходит к выводу, что звездовидные фибулы XI в., найденные на территории кривичей и радимичей, неполностью аналогичны латгальским фибулам. «Создается впечатление,— пишет он,— что латгальские фибулы, которые в целом относятся к XI—XII вв., отлиты по образцам фибул кривичей и радимичей, причем отдельные находки свидетельствуют, что отливка происходила на месте» [44].

Таким образом, по-видимому, здесь, вопреки положению В. В. Седова, славянские предметы послужили прототипом для балтского вида украшения.

Попробуем подвести итоги анализу балтских элементов в археологическом материале дреговичей, кривичей и радимичей — племен, послуживших основой для формирования белорусской народности. Можем ли мы говорить о значительной роли «балтского субстрата» и материальной культуре этих племен?

Анализ погребального обряда свидетельствует против В. В. Седова. Сопоставление погребальных памятников славян и балтов конца I тысячелетия показывает, что уже в этот период у славян существовал общий для всех племен вид погребального ритуала — курганы с трупосожжениями, в то время как у соседних с ними балтских племен единого обряда еще не было (нам известны курганы с каменными кольцами у литвы, грунтовые могильники латгалов и т. д.).

Ассимилированные славянами балтские племена не оказали сколько-нибудь существенного влияния на последних (исключением, пожалуй, являются длинные курганы кривичей).

Что же касается памятников XI—XIII вв., то здесь речь может идти не о влиянии отдельных протобалтийских племен на отдельные славянские племена (радимичей, дреговичей и кривичей), а о взаимосвязях Киевской Руси с Прибалтикой (Латвией, Литвой и др).

В. В. Седов говорит о кострищах в основании славянских курганов (хотя вынужден заметить, что у балтов этой черты погребального ритуала нет), приводит как доказательство теремки дреговичей (хотя они также нехарактерны для балтов), берет восточную ориентировку латгалов, погребения с конем пруссов и литвы и т. д., игнорируя тот факт, что указанные черты широко известны и у других народов.

Начиная свою работу с тезиса о том, что импортные вещи не могут быть использованы для каких-либо этнических выводов, он в то же время широко использует их для доказательства своих взглядов.

Таким образом, на наш взгляд, роль балтского субстрата в истории верхнеднепровских славян В. В. Седовым несколько преувеличена.

G. F. Soloviéva

A PROPOS DU RÔLE DU SUBSTRATUM BALTIQUE DANS L'HISTOIRE DES TRIBUS SLAVES DU COURS SUPÉRIEUR DU DNIEPR

Résumé

Dans les publications archéologiques récentes une grande attention est prêtée au rôle du substratum baltique dans l'histoire des tribus slaves du cours supérieur du Dniepr. Entre autres, ses traces sont révélées dans le rite funéraire (disposition des morts vers l'orient, couches de cendres, maisonnettes funéraires, etc.) et dans le mobilier (torques, fibules en fer à cheval, bracelets à têtes de serpents et autres). Cependant, l'analyse méticuleuse des rites et mobiliers funéraires slaves permet de conclure que dans leurs travaux, certains historiens (notamment exagèrent V. V. Sédov) sensiblement le rôle du substratum baltique, ce qui ne correspond pas à l'état réeel des choses.

[44] Э. С. Мугуревич. Ук. соч., стр. 89—91.

Публикации

В. А. РАНОВ, Г. Ф. КОРОБКОВА

ТУТКАУЛ — МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГИССАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

1. Общая часть

Гиссарская культура впервые выделена А. П. Окладниковым в 1953 — 1959 гг. после обследования крупной стоянки Тепеи-Газиён, расположенной в 25 *км* западнее Душанбе [1].

В дальнейшем памятники гиссарской культуры были обнаружены во многих районах Таджикистана, преимущественно на юге республики [2]. В 1957—1959 гг. А. П. Окладников производил раскопки гиссарского поселения Куй-Бульён [3]. На Восточном Памире в 1956—1960 гг. были обнаружены и исследованы стоянки новой культуры, очень близкой по характеру обработки камня к гиссарской, но хронологически более ранней [4]. В 1959—1963 гг. произведены раскопки навеса Ак-Тангн в Туркестанском хребте, в котором обнаружены поздние этапы гиссарской культуры и длительное переживание присущей гиссарским памятникам техники обработки камня [5].

Отдельные находки свидетельствуют о распространении культур, родственных гиссарской, и в других районах горной части Средней Азии: на берегах оз. Иссык-Куль [6], в Алайской долине [7], Фергане [8], в Приташкентском районе [9], горах Байсун-Тау [10].

Общая характеристика гиссарской культуры дана А. П. Окладниковым [11] и В. М. Массоном [12]. Первоначальное представление о возрасте па-

[1] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958, стр. 14—19.

[2] Всего в Таджикистане сейчас известно около 100 пунктов с находками изделий «гиссарского типа».

[3] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г., Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, 1961, стр. 5—11.

[4] В. А. Ранов. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.), МИА, 124, 1964, стр. 7—50.

[5] Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки в навесе Ак-Тангн в 1961 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XLII, 1964, стр. 3—24.

[6] М. Юнусалиев. Изучение каменного века в Киргизии. Изв. АН КиргССР, 4, 1967, Фрунзе, стр. 95, 96.

[7] В. А. Ранов. Находки каменного века в Алайской долине. Тр. ИИ АН КиргССР, 4, 1958, стр. 103—110.

[8] В. А. Ранов, С. А. Несмеянов, П. Т. Конопля. Палеолитические местонахождения в Южной Фергане. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967, стр. 21—24.

[9] Работы А. П. Окладникова в 1958 г.

[10] А. П. Окладников. Ампр-Темпр — новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау. КСИИМК, 6, 1940, стр. 68. Это первое упоминание о находках гиссарского типа.

[11] А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1959, стр. 176—184.

[12] В. М. Массон. Гиссарская культура в Западном Таджикистане. В кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966, стр. 145—148.

мятников гиссарской культуры (IV—II тысячелетия до н. э.) постепенно менялось. После открытий на Памире стало ясно, что «гиссарские» приемы обработки камня присущи ряду значительно более древних памятников горной части Средней Азии.

Следует отметить, что характер изменения основных типов орудий на различных этапах развития гиссарской культуры в значительной мере скрадывался тем обстоятельством, что в руках исследователей имелся в основном подъемный материал, в котором встречались преимущественно крупные изделия и почти не представлены кремневые. Немаловажную роль играет и отсутствие керамики, которая появляется только на самых поздних памятниках гиссарской культуры.

Вопрос об экономической основе гиссарцев пока не решен однозначно. А. П. Окладников и В. А. Ранов считают, что памятники гиссарской культуры принадлежат примитивным земледельцам и скотоводам, В. М. Массон предполагает, что в основной массе гиссарские стоянки оставлены обществом, находившимся еще на стадии охотничье-собирательского хозяйства.

Работы в Туткауле осуществлялись в 1963 г., 1965—1967 гг. Нурекским отрядом Таджикской археологической экспедиции (начальник отряда — В. А. Ранов) [13].

Памятник, открытый в 1956 г. А. П. Окладниковым [14], расположен в 70 *км* юго-восточнее Душанбе у входе реки Вахш в Пулисангинское ущелье, в 12 км выше г. Нурек. Кишлак Туткаул, около которого он находится, входит в зону затопления Нурекской ГЭС. Туткаул не единственный памятник гиссарской культуры в этом районе. На расстоянии 1,5 *км* выше по течению Вахша имеется значительное по площади одновременное поселение Саед [15], в 8 *км* открыт еще один пункт с находками изделий гиссарской культуры — Кум-тепе [16]. Целая серия памятников открыта в районе Нурека [17]. Не исключено, что данный район был заселен одним большим племенем или группой родственных племен. Тогда отдельные поселения и временные стоянки соответствуют местам обитания родовых общин, причем различные по своему характеру пункты могут отражать различные хозяйственные занятия или их смену в зависимости от времени года.

2. Стратиграфия

Поселение Туткаул связано с местностью Дашти-Мазар, площадь которой равняется 4 *га*. Дашти-Мазар представляет собой типичный конус выноса, сформировавшийся в основном отложениями сая Дараи-Ослё, перекрывающими аллювиальную террасу р. Вахш. Нулевая точка репер раскопа находится на высоте 37 *м* над урезом воды р. Вахш.

Культурные слои каменного века залегают под двухметровой толщей суглинка, в котором размещаются остатки средневекового городища Темлият [18].

---

[13] Помимо сотрудников ТАЭ в раскопках поселения в разные годы принимали участие ленинградские археологи: Н. Н. Гурина, Г. Ф. Коробкова, З. А. Абрамова, Л. Я. Крижевская. Каменные орудия Туткаула исследуются с применением бинокуляра Г. Ф. Коробковой.

[14] А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г. Тр. АН ТаджССР, XLI, стр. 19.

[15] А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана, стр. 177. В настоящее время памятник раскапывается А. Х. Юсуповым.

[16] Работы А. Х. Юсупова. А. Х. Юсупов. Стоянка Кум-Тепа. МКТ, 1, 1968, стр. 48 сл.

[17] А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана..., стр. 19—20.

[18] Э. А. Юркевич. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г., ТРИИ АН ТаджССР, XLII, 1964, стр. 114—123.

Геологический возраст упоминавшегося конуса выноса почти всеми геологами, посетившими раскопки, устанавливается как голоценовый [19]. В схематизированном виде разрез отложений, с которыми связаны культурные слои, имеет следующий вид (рис. 1). Археологические материалы различного времени встречены в следующих слоях.

В верхней части палевого суглинка встречаются остатки средневекового поселения (мощностью от 50 *см* до 2—4 *м*).

В нижней части палевого суглинка, над 1-м горизонтом каменного века, найдены следы разрушенного позднейшими постройками поселения эпохи бронзы. Помимо небольшого количества неорнаментированной керамики, близкой по форме венчиков и фактуре к керамике «степной» бронзы кайрак-кумского типа, найдены бронзовые вещи: двухперый плоский наконечник стрелы, широкий браслет, шилья четырехугольного сечения.

Темноокрашенный углистый слой мощностью в 10—15 *см* — 1-й горизонт каменного века, включенный в палевый лессовидный суглинок.

Основной (2-й) горизонт каменного века на большей части раскопа отделяется от 1-го горизонта стерильной прослойкой палевого суглинка толщиной от нескольких сантиметров до 2,5 *м*. На небольшом участке раскопа (по линии пикетов А-9-15) слои контактируются. Слой темноокрашенный, углистый, включающий культурные остатки. Мощность колеблется от 0,4 до 2 *м*. По археологическому материалу условно может быть разделен на 3 уровня, принадлежащих различным этапам развития гиссарской культуры.

В основании второго темноокрашенного слоя археологически выделяется еще один горизонт — 2 а. Изделия этого горизонта также включены в линзу крупно-обломочной щебенки, переходящей в восточной части раскопа в подстилающие 2-й горизонт силевые выносы. Условная толщина горизонта 0,4 — 0,5 *м*.

В западной части раскопа, в сером песке аллювиального происхождения, отделенный от вышележащих культурных слоев 2-метровой толщей, лежит 3-й горизонт Туткаула. Этот горизонт отличается как по характеру залегания культурных остатков, так и по составу инвентаря. Мощность слоя 4—7 *см*. В раскопе, заложенном в юго-западной части урочища Дашти-Мазар (размеры 70 × 50 *м*), указанные горизонты каменного века вскрыты на площади: 1—500 *м*², 2—3500 *м*², 2А — 168 *м*², 3—30 *м*². Общий объем земляных работ, потребовавшихся для вскрытия культур-

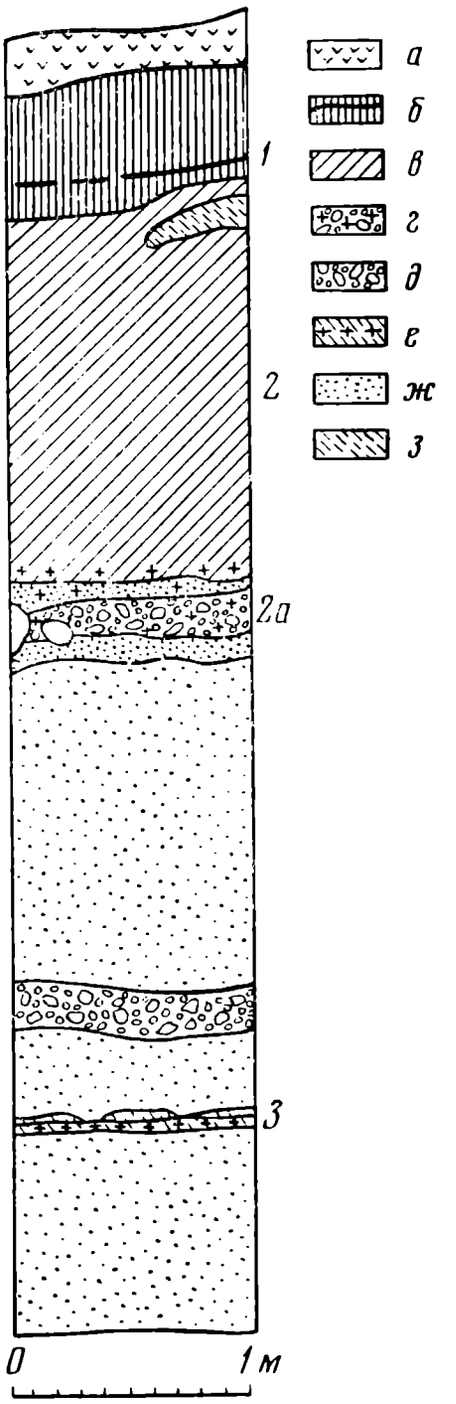


Рис. 1. Поселение Туткаул. Стратиграфический разрез в пикете А—17

а — почвенный слой; *б* — лессовидный суглинок с остатками 1-го горизонта; *в* — 2-й горизонт; *г* — желтый суглинок и щебенка, включающие обработанный камень. Крестиками обозначены находки в слое 2а; *д* — линза щебня; *е* — 3-й горизонт; *ж* — серый однородный песок; *з* — включения глины; *1—3* — культурные слои (горизонты)

[19] Геологические условия Туткаула изучались геологами Л. Н. Дриго, Н. П. Костенко, С. А. Несмеяновым, А. А. Никоновым, Г. Ф. Тетюхиным и др. Палеогеографические наблюдения осуществлялись в 1967 г. Г. Н. Лисицыной.

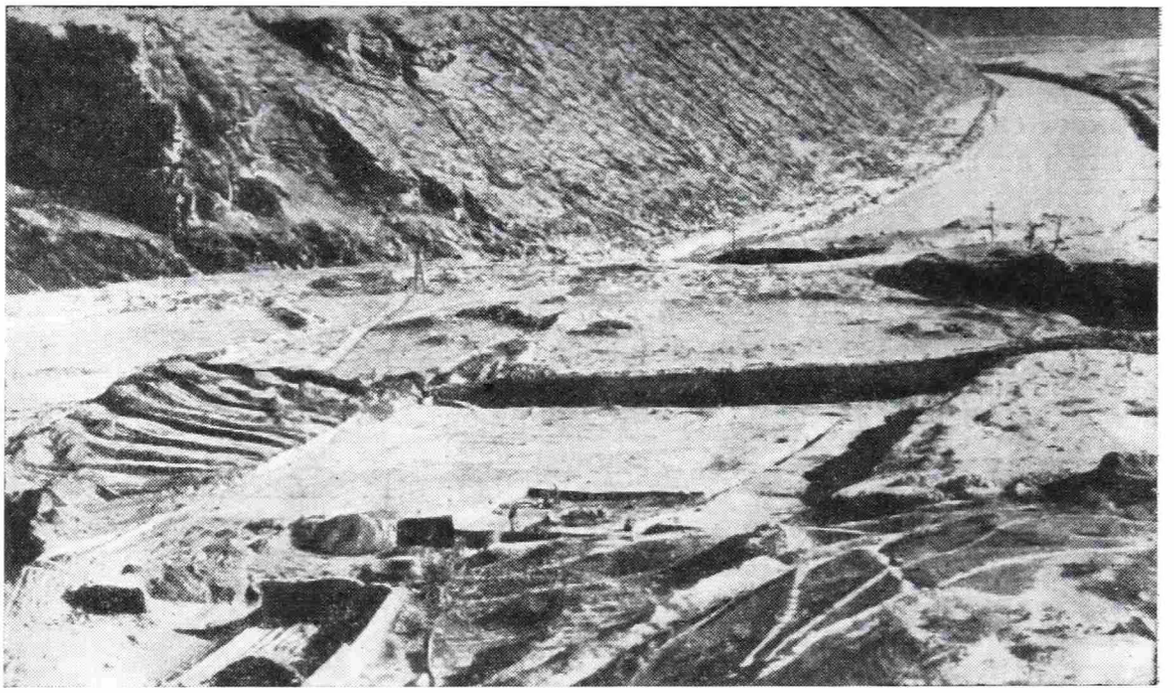


Рис. 2. Общий вид раскопа в конце сезона 1966 г. Вскрыта поверхность второго горизонта

ных горизонтов, был значителен — вынуто около 12000 $м^3$, что потребовало применения механизации на отдельных этапах работ (рис. 2).

Помимо раскопа была заложена серия траншей и шурфов с целью оконтуривания площади поселения, которая в итоге (в уменьшенном размывом размере) занимает несколько менее 1 *га*.

1-й культурный горизонт прослеживается только в юго-западной части раскопа, так как на значительной площади он разрушен ямами средневекового города. Он состоит из небольших, тщательно выложенных каменных очагов, остатков каменных выкладок и угольных пятен. По своей структуре горизонт ничем не отличается от нижележащих. 2-й горизонт тщательно разобран на площади 510 $м^2$. Остальная часть вскрыта серией траншей, охватывающих всю неразобранную площадь раскопа.

Темная окраска слоя связана с размывом углей огромного количества очагов, но механизм этого размыва остается неясным.

Совершенно очевидно, что такой мощный слой не мог накапливаться единовременно, но отсутствие стерильных прослоек (вся толща окрашена более или менее равномерно) исключает возможность стратиграфического расчленения толщи. Поэтому указанная площадь, разбитая на 2-метровые квадраты, разбиралась по условным уровням в 5 *см*. Основной конструкцией, встречающейся в культурном слое, являлся очаг полусферической формы, выложенный из обломков известняка и расколотых (реже целых) речных галек красного песчаника. Изредка в таких очагах попадаются галечные орудия, использованные как гальки при строительстве очага.

Для устройства такого очага первоначально выкапывалась ямка глубиной в 15—30 *см*. Дно ямы выстилалось камнями, иногда очень тщательно. На камни укладывались дрова, а затем на горячие угли снова настилались камни. К сожалению, ввиду интенсивной окрашенности культурного слоя очажные ямы прослеживались лишь в подстилающем 1-й горизонт суглинке и в щебенке — в основании 2-го. В остальном случае очаги фиксировались только в плане, как остатки разных уровней каменных выкладок.

Очаги более или менее стандартны. Их средний диаметр 1 *м*. Форма в плане разнообразная: есть очаги прямоугольные, овальные, приближающиеся к правильному кругу.

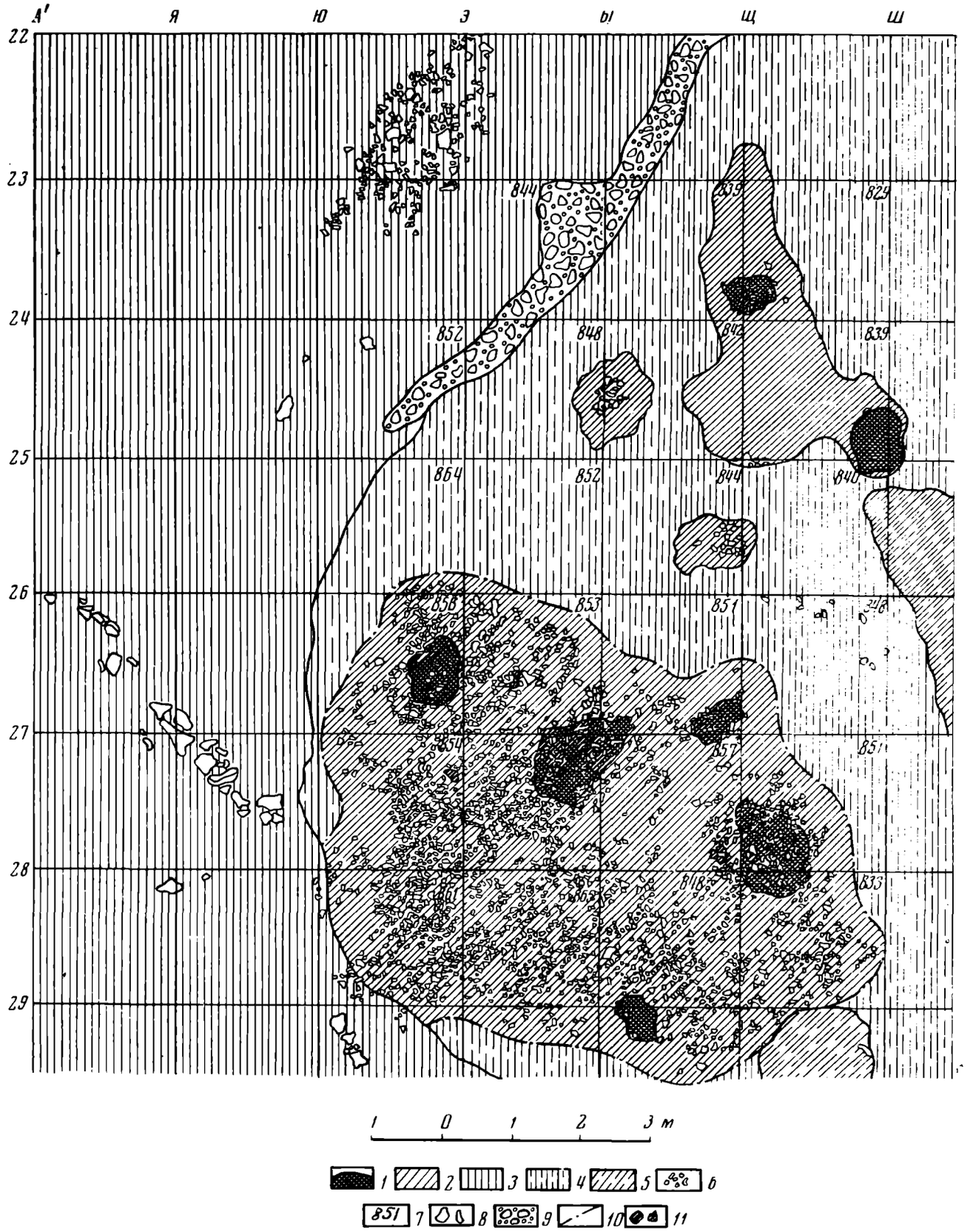


Рис. 3. План выкладок и очажных пятен 1-го горизонта в раскопе 3

1 — очажное пятно; *2* — культурный слой; *3* — палевый суглинок; *4* — красноватый суглинок; *5* — красный суглинок; *6* — расколотый камень в выкладках; *7* — нивелировочные отметки от репера; *8* — крупные обломки камней; *9* — линза щебенки; *10* — граница углистого слоя; *11* — обломки песчаника

Подобные очаги существовали в Средней Азии длительное время, начиная с эпохи мезолита [20] вплоть до поздних этапов бронзы [21].

Вторым конструктивным элементом культурного слоя Туткаула являются каменные выкладки. Они представляют собой горизонтальные пло-

[20] Например, очаги в нижних слоях навеса Ак-танги. Раскопки В. А. Ранова, 1963 г.

[21] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Тр. АН ТаджССР, 33, 1962.

щадки из плотно уложенных камней (обломков известняка, расколотых и целых галек). Отмечаются выкладки многослойные в несколько рядов. В отдельных случаях внутри таких площадок-выкладок отмечаются угольные пятна — очаги. На всей вскрытой площади 2-го горизонта расчищены три хорошо сохранившиеся площадки, самая крупная из которых имеет площадь в 40 $м^2$. Остатки подобных «жилых площадок» вместе с отдельными очагами встречаются на всех участках раскопа и на всех уровнях (рис. 3). Естественно предположить, что площадки являлись основанием (полом?) жилища в целях предохранения от сырости луговой почвы, на которой жили «туткаульцы» [22]. Каким было перекрытие, сказать трудно. Никаких следов стен, оградок, столбов, поддерживающих кровлю, не сохранилось. Возможно, кровля сооружалась из легких жердей (в этой связи не случайно большое количество скобелей — орудий для обработки дерева — в каменном инвентаре). В одном случае отмечено углубление, заполненное углистой массой, очажными камнями, обработанным камнем (диаметром около 12 *м*, глубиной 1 *м*), контур которого близок к овалу. Возможно, что это полуземлянка. Но и здесь никаких конструкций перекрытия не сохранилось. Следует отметить, что хорошо сохранившиеся «жилые площадки» имеются лишь в верхней и средней части описываемого горизонта.

Во 2-м горизонте сделаны первые для гиссарской культуры антропологические находки. Хорошо сохранилось погребение пожилой женщины. Три остальных черепа — детские, скелеты дошли до нас в разрушенном состоянии. Люди были похоронены прямо в культурном слое поселения. Никаких погребальных сооружений над скелетами не зафиксировано. Один череп найден в средней части горизонта, два других и погребение — в основании. Погребение перекрыто 90 *см* культурного слоя. Оно находилось на глубине 2,5 *м* от дневной поверхности в кв. А-20-21, около северной стенки раскопа. Никаких нарушений в структуре слоя на стенке не замечено.

Форму могильной ямы установить не удалось: ее контуры совершенно не прослеживались. Скелет лежал в самом основании культурного слоя, частично на щебенке, его подстилающей. Можно думать, что труп был погребен в неглубокой овальной ямке и сверху присыпан землей, в которой встречены отщепы и микропластинки (всего около 10 экз.). Никакого сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Погребенная лежала в сильно скорченном положении на левом боку, лицом на юго-запад. Руки согнуты в локтях, ладони положены под щеку.

По определению антрополога Т. П. Кияткиной, это европеоид, длинноголовый, низкоорбитный. К сожалению, череп сильно посмертно деформирован.

Верхняя часть горизонта 2-а стратиграфически не выделяется. В самом основании 2-го горизонта начинают попадаться орудия, отличные от вышележащих (острия с затупленной спинкой). Ниже, в подстилающей слой щебенке (в юго-западной части раскопа, содержащей большое количество мелкой окатанной гальки), в глинистых отложениях, являющихся заполнителем, отмечаются сильно размытые очажные пятна, отдельные угольки и обработанный камень. Условия формирования этого горизонта не совсем понятны: часть изделий находилась в щебенке в явно переотложенном состоянии.

На глубине около 2 *м*, ниже, лежит наиболее древний культурный слой Туткаула. Он отделяется от горизонта 2-а толщей песка и связан с серым, хорошо отмученным мелкозернистым песком аллювиального происхождения и тонкой прослойкой красноватой глинки пойменного характера.

3-й горизонт представляет собой скопление мелких угольков, совершенно разрушившихся костей и обработанного кремня. В центральной

---

[22] Совершенно аналогичные выкладки встречаются в ранненеолитических памятниках Ирака: R. Braidwood and Bruce Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, 31, Chicago, Illinois, 1960, стр. 52, табл. 22 А.

части вскрытой площади отмечается наибольшее скопление углей и линза красно-бурого («подочажного») песка. Вокруг этого кострища в основном и концентрируются кремневые изделия — следы деятельности древнего человека. Площадь, на которой встречается кремень, незначительна — 20 $м^2$. Поиски в других частях раскопа не принесли успеха. Не исключено, что часть лагеря охотников, располагавшегося некогда на берегу Вахша, уничтожена позднее селевыми потоками.

3. Археологический материал. Датировка горизонтов

Добытая за четыре полевых сезона коллекция каменных изделий Туткаула, самая крупная из памятников гиссарской культуры, насчитывает свыше 40 тыс. предметов [23]. Анализ туткаульского инвентаря позволит в ближайшем будущем создать типологическую классификацию гиссарской культуры, проследить различия хронологического порядка, исследовать функциональное назначение орудий.

Только детальная статистическая обработка всего материала позволит выделить внутри 2-го горизонта хронологические подразделения, которые, однако, отмечались нами в процессе полевых наблюдений во время раскопок. Так, судя по находкам, 1-й горизонт и кровля 2-го составляют один этап в истории поселения не одновременной средней части горизонта. В настоящей работе мы вынуждены ограничиться суммарной характеристикой следующих горизонтов: а) 1—2-го, б) 2а, в) 3-го.

1-й—2-й горизонты. Главной особенностью гиссарской культуры является широкое применение так называемой «галечной техники», в основе которой лежит сохранение формы гальки при изготовлении орудий и специфические приемы раскалывания камня, не дающие сколько-нибудь значительного процента пластинчатых заготовок. Но уже первые работы на гиссарских стоянках показали, что изделия из галек и сопровождающие их отщепы являются лишь частью гиссарского инвентаря. Вторую часть составляют кремневые изделия, связанные с плохо оформленными укороченными пластинками [24]. Туткаульский материал позволяет хорошо понять эту особенность.

Для изготовления орудий на поселении Туткаул использовались в основном окремненные изверженные зеленокаменные породы, в лучшей части приближающиеся к роговикам или яшмам, и кремень, приносной, хорошего качества (из него сделаны крупные удлиненные пластины) и местный, пропластки которого можно найти в 1,5—2 *км* от поселения в меловых известняках горы Дондонишикан.

В рассматриваемых горизонтах изделия из кремня составляют около 30%. Таким образом, ведущую роль в гиссарской индустрии играет «примитивная» техника обработки камня, в основе которой лежит принцип изготовления орудий из галек, массивных осколков неправильных очертаний, отщепов, часто использованных в работе без всякой подправки лезвия.

Поэтому мы вводим термин «гиссарский элемент», равнозначный понятию «галечная техника», которое применено к конкретной культуре. Ниже в первую очередь будет рассмотрен «гиссарский элемент» коллекции, потом — кремневый.

Подавляющее место в сборах на гиссарских памятниках занимают отщепы [25]. Туткаул не представляет собой исключения. Средний размер отщепов 2,5—6 × 1,8—5,5 *см*. Они имеют преимущественно широкие, скошенные ударные площадки, чаще не подправленные, плоскую спинку, со-

---

[23] За исключением нескольких бус и обломков костяных поделок (шилья?), всю остальную часть коллекции составляет обработанный камень.

[24] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана..., стр. 16.

[25] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., стр. 10.

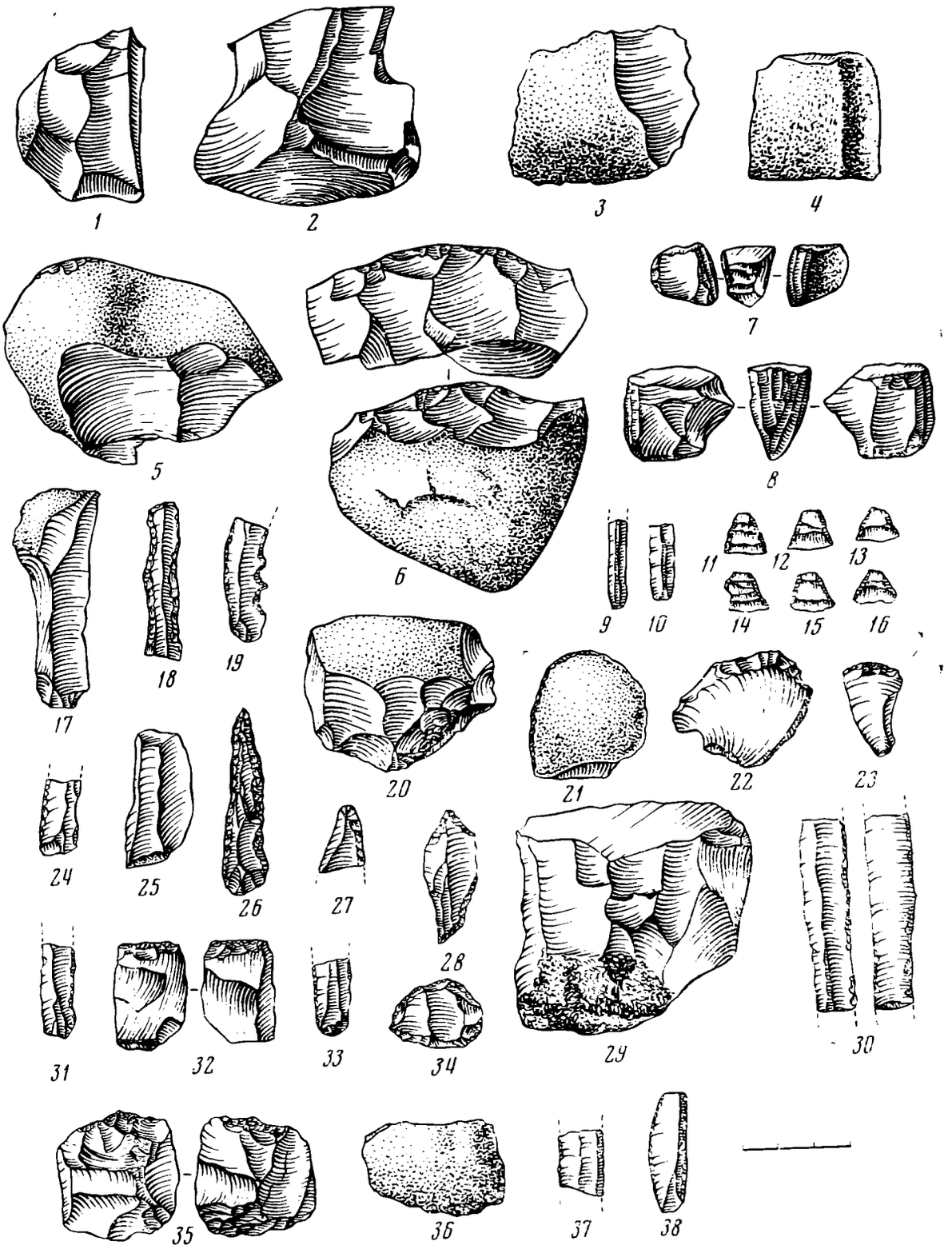


Рис. 4. Каменные орудия 1—2-го горизонтов

храняющую негативы либо грубо параллельных, либо ступенчатых сколов. Специфической чертой является боковой, торцовый скол (рис. 4). Вторичная обработка встречается очень редко. Это или обработанные мелкой ретушью выемки, или небольшие участки края, покрытые чаще всего небрежной подправкой. Как показал трассологический анализ, наиболее распространенными орудиями являются скобели, изготовленные из крупных, не обработанных ретушью отщепов (рис. 4).

Очень выразительной группой являются изделия из галек. Обозначаемые обычно как «галечные орудия», они в действительности несут различные функции, прежде всего функции нуклеусов. Как и галечные орудия более раннего, палеолитического времени, они могли использоваться в качестве орудий уже после того, как выполнили свою первоначальную функ-

цию — нуклеуса [26]. Внешний облик гиссарских отщепов, их очертания, характер отделки спинки, скошенные ударные площадки, угол между последними и плоскостью скалывания хорошо сопоставляются с негативами сколов на галечных орудиях, использованных как ядрища. Типологически наиболее распространенной формой являются большие скребла — чопперы (рис. 4); реже встречаются двусторонне обработанные гальки — чоппинги (рис. 4). Среди других типов обращают на себя внимание гальки высокого профиля, обработанные с трех сторон и имеющие с четвертой выпуклую галечную поверхность. Эти изделия непонятного назначения встречаются во многих памятниках гиссарской культуры. Средние размеры галечных орудий Туткаула — 6 × 7, 2 × 3,5 *см*. Наиболее часто встречаются двояковыпуклые гальки эллипсоидной формы с поперечным одним или несколькими сколами. Функционально среди галечных орудий помимо нуклеусов выделяются грубые скобели для обработки дерева, рубящие орудия для раскалывания костей, отбойники. Лезвие у ряда галечных скобелей массивное, крутое, оформленное крупными фасами. Такие орудия в основном могли использоваться по твердому материалу. Встречаются единичные находки строгальных ножей, изготовленных на чопперовидных осколках галек почти со сплошной обработкой поверхности. Среди галечных орудий имеются заготовки топоров-тесел, сделанные из расколотых вдоль крупных галек клиновидной формы длиной 11,8, шириной 6,5, толщиной 1,1 *см*, оформленных по обоим краям зауженного конца крупной занозистой ретушью.

В качестве отбойников служили как необработанные, удлиненных пропорций гальки, так и оформленные с одной стороны ступенчатыми сколами куски галек и чопперы. Изредка встречаются скребла для первичной обработки шкур, изготовленные из массивных, веерообразной формы галечных осколков, у которых лезвие сформовано краевой ступенчатой ретушью, нанесенной со стороны галечной поверхности. Выделяется группа ядриц обычно со смежными скошенными двумя или тремя ударными площадками. Редко они имеют форму галечных грубопризматических нуклеусов (рис. 4).

Среди других форм следует назвать ядрища конусовидных и призматических очертаний со следами начального скалывания, клиновидной формы без специально обработанного бокового ребра, галечные нуклеусы без выделенной ударной площадки и веерообразным скалыванием и др.

Кремневый инвентарь характеризуется следующими изделиями. В общих чертах кремневые отщепы выполнены в той же технике, что и галечные. Среди нуклеусов наиболее распространены похожие на галечные, но меньшие по размерам нуклеусы с двумя или тремя смежными скошенными площадками (рис. 4). Очень часты маленькие торцовые нуклеусы (рис. 4). Есть и клиновидные нуклеусы, которые в отличие от сибирских [27] и Казахстанских [28] ядрищ отделаны по боковому ребру вертикальным сколом.

С этих нуклеусов скалывались микропластины (рис. 4). Их средний размер 1—3×0,4×0,7 *см*. Большая часть их, очевидно, употреблялась без всякой дополнительной обработки в качестве вкладышей. С заготовками этого типа связаны и геометрические орудия — трапеции, найденные на кровле 2-го горизонта (всего 12 экз.). Они мелкие по размерам, высокие (высота их часто превосходит основание), симметричной формы, с ретушированными со спинки боковыми гранями (рис. 4).

Среди других кремневых орудий — выемчатые скобели, скребки, чаще на отщепах, сверла, развертки, отбойники (рис. 4). К редким единич-

[26] H. De Terra and T. T. Paterson. Studies on the Ice Age in India and Associated Human Cultures. Carnegie Inst. of Washington, Publ. 493, Washington, 1939, стр. 306.

[27] А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены. МИА, 39, 1953, стр. 232, 239, рис. 8-*с*, стр. 244.

[28] Г. Ф. Коробкова. К вопросу о технике расщепления камня и изготовления орудий. МИА, 131, 1965, стр. 303—314.

ным орудиям можно отнести вкладыши серпов на широких пластинах (2 экз.) (рис. 4), долотовидные орудия (pieces écaillées), пилки, резчики-скобели и т. д. (рис. 4).

Значительной серией представлены шлифованные изделия: тесла, скребки, ножи, долота. Полностью зашлифованные орудия редки, чаще как и в иракских памятниках (Карим-Шахир, Зави-Чеми-Шанидар), в основном использовались орудия с пришлифованным лезвием. Процентное количество полностью зашлифованных орудий ничтожно: учитывая осколки, в Туткауле найдено не более 10 топоров [29].

Как в Туткауле, так и в других памятниках гиссарской культуры в Южном Таджикистане совершенно отсутствуют наконечники стрел или дротиков. Среди охотничьей добычи туткаульцев присутствуют такие крупные животные, как олень, и поэтому отсутствие охотничьего оружия представляется загадочным. Вряд ли его в полной мере могла заменить праща или распространенный до сего времени среди местного населения для охоты на птиц лук для метания круглых галечек (гулак). Кстати, мелкие круглые галечки, напоминающие камни для пращи, часто встречающиеся в раннеземледельческих комплексах [30], нередки в культурном слое Туткаула. Присутствие в коллекции из Туткаула кремневых нуклеусов, служивших для производства пластин правильной призматической формы, наличие орудий из этих пластин, с одной стороны, и широкое распространение «гиссарского элемента» — с другой, представляют характерную особенность гиссарской культуры, отличающую ее от пластинчатых культур степной части Средней Азии. Сходство основных приемов раскалывания кремня и речных галек говорит о существовании здесь двух технических приемов, являющихся проявлением одной и той же техники. Что же касается различий внутри 2-го горизонта, то без детального, требующего много времени анализа их вскрыть нельзя. Отмечается присутствие вкладышей для серпов, трапеций, pièces écaillées и вообще усиление «кремневого элемента» в 1-м и начале 2-го горизонтах. Уменьшение количества кремня, развитие ножей с пришлифованным лезвием, отсутствие долотовидных орудий, геометрических орудий, увеличение «гиссарского» элемента — для нижней половины 2-го горизонта.

Горизонт 2а. Изделия, собранные в основании 2-го горизонта и в подстилающих отложениях (горизонт 2а), по сырью, технике и типам орудий не отличаются сколько-нибудь значительно от описанных выше. Это та же галечная техника, культура, в инвентаре которой преобладает «гиссарский элемент». Повторяются такие детали, как характер ударных площадок, обработка спинки, общие размеры отщепов. Совершенно одинаковы изделия из целых галек. Все это позволяет говорить о принципиальной близости горизонтов 2 и 2а. Но, вместе с тем, имеются и значительные различия.

Среди заготовок довольно часты крупные, сравнительно широкие пластины правильных очертаний. Появляется совершенно новый тип орудий — высокие пластины удлиненных пропорций с дугообразным, реже прямым краем, тщательно оформленным притупливающей ретушью, близкие по характеру к остриям «федермессер» или «шательперрон». Генезис этих орудий пока не совсем ясен. Но судя по находкам в гроте Ташкумыр, они существовали еще в раннем мезолите [31]. Можно представить их развитие из «граветтийских» острий Ходжа-Гора [32], но, по-видимому,

---

[29] Основным материалом для изготовления шлифованных орудий служили серпентиновые породы. Исключительный интерес представляет небольшой нефритовый топорик-клин, принесенный, по-видимому, издалека. В. А. Ранов. Шлифованные топоры из Таджикистана. СА, 1966, 4, стр. 168.

[30] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 82—83; В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 58 и 90, табл. VIII, *6*.

[31] Работы В. А. Ранова, 1967.

[32] А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана, стр. 170—171.

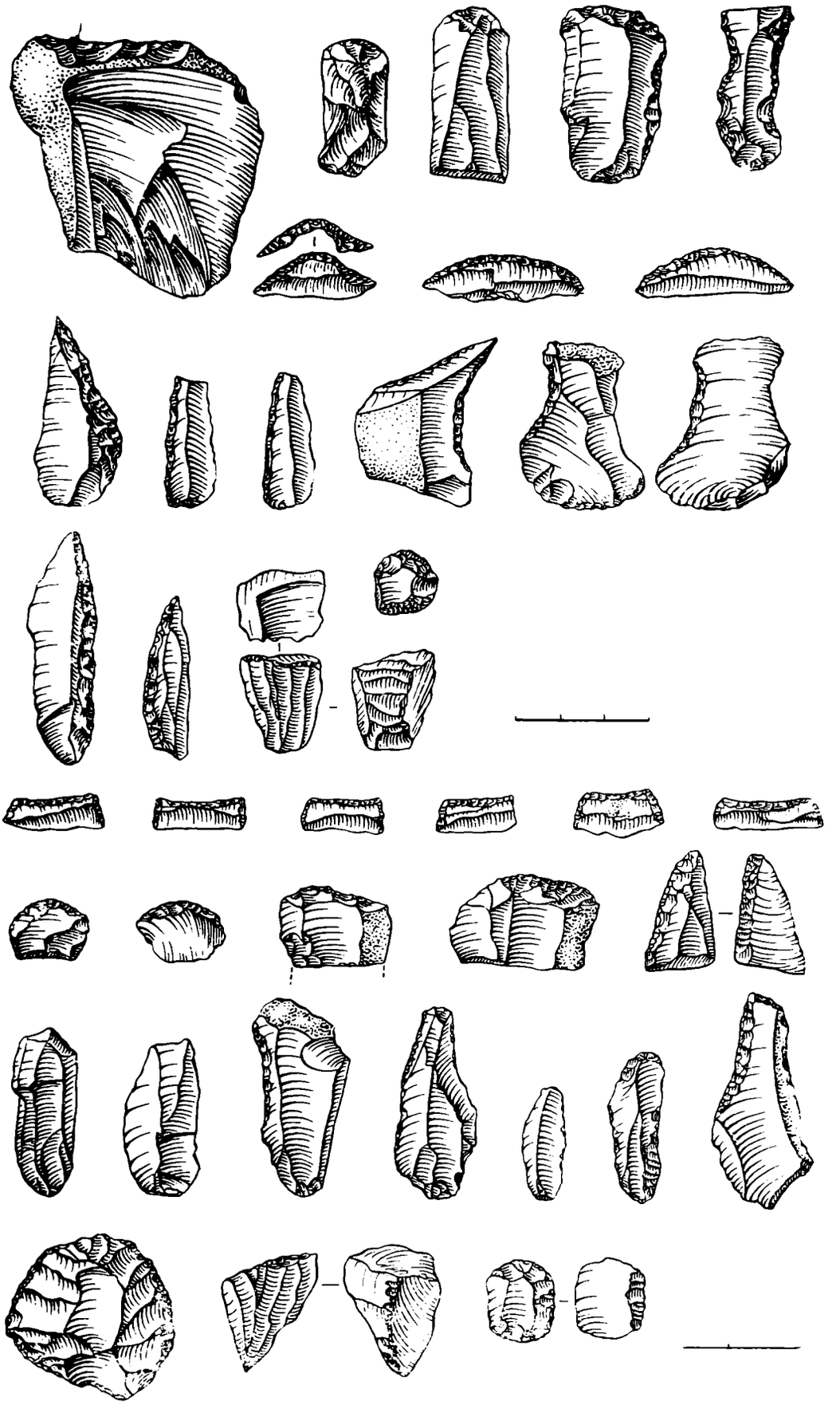


Рис. 5. Каменные орудия 2а — 3-го горизонтов

их происхождение иное. Туткаульские острия сопровождаются находками крупных низких (длина 2,6—3,8 *см*, ширина 0,8—1 *см*) сегментов удлиненных пропорций с дугой, обработанной крутой ретушью. Среди других орудий этого горизонта имеются скобели, ножи, скребки, резчики-скобели, сверла и т. д. Отмечается увеличение изделий из кремня (рис. 5).

Горизонт 3. Все изделия 3-го горизонта (около 300 экз.) представлены только кремнем, «гиссарский элемент» здесь полностью отсутствует. Сырье, по-видимому, местного происхождения. Техника изготовления орудий пластинчатая, микролитическая, вместе с тем пластины правильной формы очень редки.

Наиболее распространенным типом орудий являются низкие трапеции удлиненных пропорций, приближающиеся по своим очертаниям к прямоугольникам (рис. 5).

Подобные предметы широко известны в ранненатуфийских комплексах Передней Азии (например слой B_2 Мугарет-Эль-Вад, соответствующий по схеме Р. Невиля Натуфу I) [33]. Более редки они для каменных индустрий Средней Азии. Прямоугольники, в частности, встречены в раннем периоде джейтунской культуры [34], а также в нижних слоях навеса Ак-Тангы [35]. Кстати, в переднеазиатских памятниках и в джейтунских слоях эти орудия сделаны из сечений сравнительно крупных пластин и отделаны по краю крупной ретушью. Туткаульские же изделия тонкие, миниатюрные, с неровными краями, оформленными тонкой ретушью. Еще более миниатюрны прямоугольники из навеса Ак-Тангы.

Вторым типом орудий 3-го горизонта Туткаула являются скребки, чаще на отщепах, реже концевые — на концах сечений или обломков крупных призматических пластин. Удалось также выделить скобели, микроскребки, развертки. Нуклеусов мало. Хорошо выражен нуклеус с односторонней выпуклой плоскостью скалывания, напоминающий высокие нуклевидные скребки, которые встречаются в верхнепалеолитических и раннемезолитических комплексах Средней Азии (Самаркандская стоянка) [36] и Передней Азии (ранненатуфийские памятники) [37]. Имеются и конусовидные нуклеусы со смежными скошенными площадками с четкой и правильной огранкой на плоскостях скалывания (рис. 5).

Таким образом, горизонт 3 резко отличается от вышележащих. Это отличие может быть объяснено или значительным хронологическим разрывом, или же приходом племен с иными техническими традициями.

Абсолютная дата верхней части 2-го горизонта по C^{14} 5150 ± 140 гг. до н. э. (РУЛ ЛЕ—690). Она подтверждается и археологическим материалом, в частности вкладышами серпов и микролитическими трапециями. Судя по находкам сегментов и острий типа лезвия перочинного ножа, горизонт 2а может датироваться VII тысячелетием до н. э. Таким образом, в Туткаульской колонке слоев гиссарская культура охватывает VII и VI тысячелетия, соответствуя в верхней части джейтунской культуре, а в нижней предшествуя ей. Судя же по другим памятникам, гиссарская культура доживает до конца IV и даже начала III тысячелетия и, таким образом, существует в Средней Азии по меньшей мере 3,5—4 тысячелетия. Что же касается третьего горизонта, то он может датироваться ранним мезолитом по многим причинам, в том числе по своему геологическому поло-

---

[33] D. A. Garrod and D. M. A. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. I, Oxford, 1937, табл. IX. стр. 117; R. Neuville. Le paléolithique et mésolitique du desert de Judee. Archives de l'Inst. de Paléontologie Humaine. 24, Paris, 1951, стр. 126—131.

[34] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1968, стр. 4.

[35] Раскопки В. А. Ранова, 1961—1963 гг.

[36] Д. Н. Лев. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Тр. САМГУ, нов. сер. 135. Самарканд, 1964, стр. 60, рис. 41 и стр. 82, рис. 64.

[37] R. Neuville. Ук. соч., стр. 156, рис. 67, *29*; D. Kirkbride. Five Seasons at he Pre-Bottery Neolithic Village of Beidha in Iordan, PEQ Jan.-June, 1966, London, стр. 50, рис. 19, 67—69.

жению в линзе вахшского аллювия. Как уже подчеркивалось, инвентарь 3-го горизонта Туткаула обнаруживает большое сходство с ранненатуфийскими комплексами. В абсолютных цифрах это время может быть ориентировочно отнесено к X—XI тысячелетиям до н. э.[38]

4. Заключение

Раскопки в Туткауле позволяют во многом совершенно по-новому взглянуть на проблемы, связанные с изучением гиссарской культуры. Следует отметить, что гиссарская индустрия, генезис этой культуры, хозяйство ее носителей и место среди синхронных культур Средней Азии и прилегающих стран ставят больше вопросов, чем можно решить при данном состоянии наших знаний. Впервые советские исследователи сталкиваются с необходимостью характеристики непластинчатой неолитической индустрии. Отсюда необходимость выработки новых типологических классификаций, в установлении которых мы не имеем возможности опереться на другие работы. Нет пока в среднеазиатских памятниках и аналогичных по своему характеру поселений. Все это создает дополнительные трудности в интерпретации полученных данных.

Сложных доказательств требует та или иная точка зрения на экономическую основу туткаульцев. Огромная площадь, на которой жили люди 2-го горизонта Туткаула, насыщенность культурными остатками слоя, большое количество разнообразных каменных выкладок и очагов, интенсивная угольная окраска — все это говорит за то, что перед нами не стоянка, а поселение в полном смысле слова.

В расположении гиссарских стоянок Южного Таджикистана хорошо прослеживается одна существенная закономерность. Экологически они всегда связаны с областью распространения лессовых пород и располагаются, как правило, на конусах выноса, перекрывающих голоценовые террасы, или на более высоких уровнях (верхний и средний плейстоцен). Положение таких гиссарских стоянок, как Туткаул, Куй-Бульен, Кухна-Бай, Тепеи-Газиен и многих других, соответствует тем условиям, в которых могло происходить «оседание» на землю бывших бродячих племен, переход от присваивающей формы хозяйства к производящей. Именно в таких районах, по В. М. Массону, должны располагаться памятники, стадиально предшествующие джейтунской культуре[39]. Это тем более вероятно, что Южный Таджикистан, по заключению Н. И. Вавилова, входит в зону возможного окультуривания растений[40]. Однако пока у нас нет достаточного числа конкретных данных о широком развитии земледелия у гиссарских племен. Остатки злаков не обнаружены, а земледельческие орудия в Туткауле практически отсутствуют, если не считать 2—3 вкладышей серпов, которые могли использоваться и при сборе дикорастущих злаков. Лишь на поздних этапах развития гиссарской культуры в подъемном материале встречаются обломки зернотерок и пестов-курантов (Тепеи-Газиен, Кухна-Бай, Танги-Товри и др.). Следует отметить, что по своему облику гиссарская культура даже на поздних этапах существенно отличается от хорошо известных оседлоземледельческих комплексов Средней Азии и Ближнего Востока (отсутствие глинобитной архитектуры,

---

[38] Прежняя датировка ранненатуфийского слоя Иерихона — 7823 ± 240 гг. до н. э. (см. K. Kenyon, Excavations at Jericho. 1957—1958. REQ, 1960. July — Dec., стр. 100; W. F. Albright. The Archaeology of Palestine. London, 1951, стр. 59) в связи с удревнением возраста докерамического неолита А Иерихона теперь пересмотрена. По новым данным радиоуглеродного анализа, нижний слой Иерихона определяется в 9216 ± 107 лет до н. э. (Radiocarbon, V, 1963, стр. 107).

[39] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 82 сл.; Г. Н. Лисицина. Основные этапы истории земледелия на юге Средней Азии (Тезисы докладов). Л., 1968. стр. 82.

[40] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.— Л., 1932, стр. 7.

расписной плоскодонной керамики, культовой скульптуры и т. д.). Вместе с тем нет основания принять точку зрения В. М. Массона, считающего, что представители гиссарской культуры стояли на стадии охотничье-собирательского хозяйства; об этом говорит хотя бы отсутствие охотничьих орудий. Имеется еще одно косвенное доказательство к тому, что хозяйство гиссарцев Туткаула было достаточно сложным. Это динамика накопления толщи 2-го горизонта. Судя по всему, двухметровый культурный слой накапливался постепенно, по всей очевидности сезонно. Только так можно объяснить многоярусность каменных выкладок, пронизывающих весь горизонт. Вряд ли в условиях Средней Азии могла соблюдаться такая строгая последовательность сезонных охотничьих перекочевок, скорее следует ожидать другой экономической базы для столь длительного обживания района Туткаула.

Следовательно, остается предположить, что основой экономики гиссарцев, живших в Туткауле, было производящее хозяйство, связанное не с земледелием, а с другим прогрессивным путем неолитической революции — скотоводством [41].

К сожалению, костные остатки с поселения очень незначительны. По определению Б. Батырова, среди них помимо диких животных (лисица — Vulpes, Vulpes L.; благородный олень — Cervus elaphus L.; бык — Bos primigenius Boj?) имеются и домашние (осел — Equus asinus и баран или коза — Ovis aut Capra). В пользу скотоводства и экологические условия, в которых находятся гиссарские памятники — об этом уже говорилось выше — горные районы Южного Таджикистана до сих пор являются прекрасными пастбищами для скота. Если обратиться к ряду других памятников Средней и Передней Азии, так или иначе связанных с горами, то и здесь (Джебел, Дам-Дам-Чемше 2 [42], пещеры Южного Прикаспия, открытые стоянки Ирана и Ирака [43]) исследователи получают факты, говорящие о том, что в этих районах «скотоводческая модель» «неолитической революции» была основной в переходе к производящему типу хозяйства. Надо только помнить, что в памятниках типа Туткаула мы, вероятно, сталкиваемся с самыми ранними проявлениями указанных процессов. Не исключено при этом (как считает В. А. Ранов), что в конце эпохи, представленной отложениями 2-го горизонта, появляется и примитивное земледелие.

От охоты и собирательства к начальному скотоводству и от него к примитивному земледелию — так можно представить развитие человеческого общества в Южном Таджикистане от X до V тысячелетия до н. э. по материалам раскопок поселения Туткаул [44].

Очень интересно, что и в Туткауле, и в расположенном рядом Саеде слой конца VI тысячелетия перекрывается остатками поселения степной бронзы. Поздний этап гиссарской культуры, несмотря на раскопки двух памятников (Куй-Бульен, Ак-Тангы), изучен еще плохо. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что период керамического неолита в горах

---

[41] В. М. Массон. Проблема неолитической революции. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968, стр. 14.

[42] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 202 сл.; В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым. Там же, стр. 220—221; Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2, стр. 122—123.

[43] A. Pohlhausen. Jäger, Hirten und Bauern in der Aralo-Kaspischen Mittelsteinzeit. 35 BRGK, 1954, Berlin, 1956, стр. 1, 2; C. S. Coon. The Seven Caves. New York, 1957; D. Perkins. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq. «Science», 144, № 3626, 1964, стр. 1565; I. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Preliminary Report of the Danish Archaeological Expedition to Iran, 1963. Copenhagen, 1964, стр. 106; F. Hole and K. V. Flannery. The Prehistory of Southwestern Iran. A Preliminary Report. PPS for 1967, XXXIII, стр. 166.

[44] По мнению Г. Ф. Коробковой, в материалах гиссарской культуры пока нет данных, свидетельствующих о сколько-нибудь значительном развитии земледелия, а общий облик культуры свидетельствует скорее против такого предположения.

Средней Азии не получил большого развития. Очевидно, скотоводство как основа производящего хозяйства не было таким прогрессивным делом, как земледелие. Может быть, определенную роль сыграли другие, нам еще неизвестные факторы.

Во всяком случае материалы Туткаула показывают, что шедшая вровень с достижениями своего времени в VI тысячелетии до н. э. гиссарская культура уже через тысячу лет оказалась далеко позади культур запада Средней Азии. Здесь мы получаем конкретное выражение неравномерности развития после перехода к производящей системе хозяйства. Немалую роль в этом отставании могло сыграть географическое положение территории распространения гиссарской культуры, ее естественноисторическая изолированность, отсутствие твердых связей с более развитыми культурами своего времени.

Гиссарская культура, как показывают проведенные исследования, связанная с горными районами Средней Азии, является третьей культурно-исторической общностью эпохи неолита Средней Азии и так же, как кельтеминарская и джейтунская культуры, имеет свою территорию, особенности материальной культуры, отличные от указанных общностей генезис и развитие. Изучение гиссарской культуры подчеркивает разнообразие тех путей, которые при всей монотонности техники каменного века были все же различными по многим признакам. Туткаул является сейчас наиболее подробно раскопанным памятником гиссарской культуры и тщательное исследование материалов этого поселения поможет осветить многие стороны еще мало изученной и загадочной жизни горцев каменного века.

V. A. Ranov, G. F. Korobkova

TOUTKAOUL, LA STATION À PLUSIEURS COUCHES APPARTENANT A LA CULTURE DE HISSAR AU TADJIKISTAN MERIDIONAL

Résumé

A l'heure actuelle sont achevées les foilles de la station multicouche de Toutkaoul se rapportant à la culture de Hissar. On a découvert 2500 m² de surface. La station comprend 4 couches archéologiques dont trois supérieures contiennent les matériaux de la culture de Hissar et l'inférieure le mobilier du Mésolithique ancien. La première couche est de faible épaisseur (10—15 cm.). Ici on a trouvé toute une série des foyers demi — sphériques et de petites maçonneries de pierre. Le mobilier: outils de galets et nucléi, hâches polies, éclats, objets de silex. La seconde couche est puissante, des teintes foncées. On y a découvert nombre considérable de foyers, de grandes maçonneries de pierre et d'habitats semi — souterrains. Les matériaux retrouvés sont analogues au premier niveau, mais ici on signale une quantité élevée d'objets de silex et les microlithes géométriques. La couche 2-A est en forme de lentille, elle se situe dans les galets anguleux sous — jacents le deuxième niveau. Outre les outils de galet sont découverts les segments, pointes du type de canif, lames larges. La troisième couche qui est une mince feuille de 4 à 7 cm. est séparée des niveaux cidessus par une assise stérile de 2 m. Le mobilier ne comprend que des silex. Sont fréquents les rectangulaires allongés, gratoirs, lamelles. L'industrie de Hissar se caractérise par une technique grossière de galets et par celle des lames de silex (30%). Pour la partie supérieure du deuxième niveau on a obtenu par le radio — carbone la date de 5150 ± 140 ans avant notre ère. D'après les données typologiques toute la station se rapporte à la période des X—VI millénaires avant notre ère. A la base du troisième niveau ont été découvertes trois sépultures d'enfants et un tombeau d'une personne adulte. Cette dernière est une femme âgée qui est ensevelie dans une fosse peu profonde en position fortement repliée. C'est une européoïde à crâne longue et aux orbites étroites. Certaines données parmettent de conclure que cette population pratiquait l'élevage. Les faits se rapportant à Pagriculture primitive sont insuffisants.

И. Д. МАРЧЕНКО

ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ОРУЖЕЙНИКА В ПАНТИКАПЕЕ

За последнее время в археологической литературе поднимаются вопросы о различных центрах металлообработки в античных городах Северного Причерноморья. Они встают при попытке определить место изготовления отдельных произведений скифского искусства или при исследовании шедевров торевтики, происходящих из южнорусских курганов [1]. Большинство исследователей считают, что Пантикапей являлся тем центром, где были изготовлены эти шедевры. Но отсутствие веских материалов, происходящих из раскопок этого города, влияло на окончательное решение вопроса, поскольку бросалось в глаза несоответствие между высоким художественным и техническим мастерством, с которым сделаны важнейшие памятники, и низким уровнем боспорского металлообрабатывающего ремесла, о чем можно было судить на основании имеющихся фактических материалов. По сравнению с Ольвией, где в результате систематических раскопок, проводимых в течение полувека, скопилось много данных, Пантикапей выглядит бедно, поскольку еще не достаточно накоплено материалов, говорящих о его ремесле в ранний период, хотя косвенные показатели, в частности начало монетной чеканки с середины VI в. до н. э., позволяли предполагать древние корни богатой боспорской торевтики.

Благодаря археологическим раскопкам последних лет, систематически проводимых на северном склоне горы Митридат, где исследованы архаические напластования и залегающие в них остатки городских сооружений, получены некоторые материалы и сделаны наблюдения, на основании которых следует по-новому решать эти вопросы. С твердой уверенностью можно говорить о металлургии Пантикапея конца VI — начала V в. до н. э., о разработанной системе металлообработки, об устойчивой традиции боспорского ремесла. Эти новые данные свидетельствуют о сыродутной выплавке железа из местной руды и об изготовлении различных видов вооружения, столь необходимого гражданам Пантикапея, прибывшим из далекой Ионии и обосновавшимся среди чуждых им местных племен.

Первые материалы были обнаружены при раскопках 50-х годов, когда в доме № 1 были открыты остатки бронзолитейного производства: печь, в которой расплавляли бронзу, и две каменные литейные формы. В первой отливали части упряжи — кольца и ворворки, во второй — фигурные бляхи с изображением хищного зверя, выполненного со стилистическими чертами, близкими к скифскому звериному стилю [2]. Тогда же найдены были шлаки железные и бронзовые.

---

[1] М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства. СА, 1968, 4, стр. 27 сл.; Н. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 159 сл.

[2] В. Д. Блаватский. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 40, 41.

Раскопки 60-х годов Ново-Эспланадного раскопа привели к существенному расширению наших представлений по интересующему нас вопросу. В нескольких архаических ямах, исследованных в районе архаической улицы и в соседних с ней домах (дома № 8, 10 и 14), открыты остатки, связанные с сыродутной выплавкой железной руды, комки руды, орудия производства и бракованные или незаконченные обработкой изделия.

За эти годы увеличилось на три число литейных форм, обнаруженных при раскопках [3]. Правда, они являются обломками целых форм, на одном, например, сохранился только литник, а часть с отливаемым изделием утрачена, во второй форме отливались шаровидные подвески и лунницы, в третьей — удлиненные овальные бусы. Последний обломок найден в районе архаической ямы и может быть отнесен к эпохе конца VI — начала V в. Происхождение их из античных слоев характеризует развитие металлообрабатывающего ремесла Пантикапея.

Наиболее ранние находки происходят из трех мест: ямы у кладки № 628, из ям № 596 и № 494, расположенных на 58 площади, к северу от дома № 1. В последней, используемой первоначально как зерновая, а также заполненной культурным слоем конца VI — начала V в., оказались обломки ионийских амфор, архаических пифосов с широким устьем и отогнутым широким краем [4], сероглиняных лощеных ойнохой, нескольких лепных лощеных обломков сосудов типа местных, различных понтийских кратерисков, мисочек и кувшинчиков, чернолаковых килпков и клазоменских ваз с чешуйчатым орнаментом и с изображением пальметт и спленов [5], обнаружен бронзовый шлак, маленький простой сосудик типа льячки, несколько прямоугольных камней со следами потертости и заглаженности и бронзовый наконечник стрелы с кососрезанными и широко расставленными крыльями и короткой втулкой (рис. 1, 2). Вблизи ямы найдены обломки глиняного тигля диаметром около 15 *см* и высотой до 9 *см* с прикипевшим бронзовым шлаком.

Не вызывает сомнения, что льячка, тигель, шлаки и, возможно, наконечник попали сюда из дома № 1, где проводились плавка бронзы в котле и в тигле и разлив металла в формы. В. Д. Блаватский [6] предполагает, что в этом доме был эргастерий металлурга, и материалы из ямы 494 подтверждают это предположение. Следует отметить, что найденные в этих участках металлические изделия вполне могут быть отнесенными к рядовой продукции работавших здесь металлистов: простой пластинчатый перстенек с расширенной жуковинкой (из дома № 8), наконечники стрел, браслет с несомкнутыми утолщенными концами [7], бронзовые чешуйки панциря, некоторые железные предметы — вток от копья, массивное кольцо (служившее, по-видимому, ручкой двери) и наконечник копья из дома № 16 (рис. 1, *2*).

Несколько иного характера материалы из двух первых ям, раскрытых в северо-западном участке раскопа и из мусорной подсыпки под каменную вымостку архаической улицы. Здесь весь слой был насыщен перегоревшей землей, комками шлаков, руды, перегоревших сырцов, угольков. В нем обнаружено несколько кусков железных полос, вероятно, остатки заготовок ножей, различные бронзовые стержни (возможно, части проколок, гвоздей или каких-то инструментов), куски проволоки, опилы рога

---

[3] Первый обломок найден в 1945 г. на раскопе у Старого музея № 4049, половинка второй литейной формы найдена в 1956 г. на Ново-Эспланадном раскопе в насыпи I в. до н. э., ее № 1303. Третья форма № 1251 происходит из раскопок 1967 г.

[4] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 155, 156, рис. 9, *1*, *2*.

[5] Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, 103, стр. 131, 132, рис. 12.

[6] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 40.

[7] Подобную форму имеют браслеты в могилах середины VI в. до н. э. в некрополе Тамани, см. В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 158 сл., рис. 2.

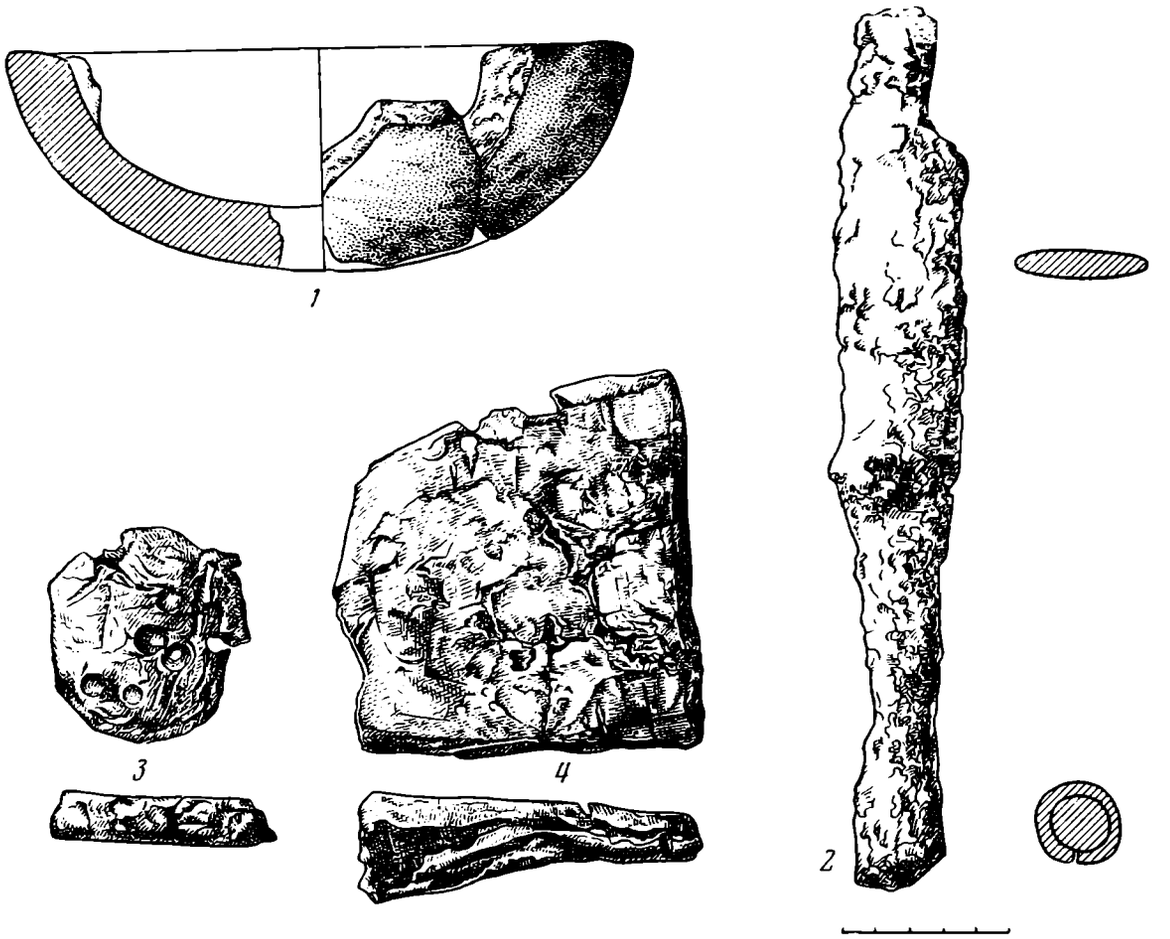


Рис. 1

1 — льячка из ямы № 494; *2* — железный наконечник копья из дома № 16; *3* — круглая свинцовая подкладка для прокалывания отверстий; *4* — свинцовая подкладка-подушка для выбивания чешуек

оленя и костей животных, из которых изготавливали рукоятки ножей и шильев.

Вместе с ними в разных местах найдено много панцирных чешуек (до 250 экз.). Из них большинство железных (примерно 200 экземпляров), остальные из бронзы (рис. 2, *11*). Анализ этой бронзы показал, что в состав ее входит серебро. Некоторые железные чешуйки выделяются из основной массы большими размерами, они слегка выпуклы, имеют скругленный конец и по две-три дырочки вверху и своей формой очень схожи с чешуйками скифских панцирей[8]. Вместе с ними найдены тонкие бронзовые пластинки, перегнутые по длинной стороне и скрепленные маленькими гвоздиками, у которых заклепаны концы. По-видимому, они служили для оковки и скрепления частей панциря.

Некоторые из предметов непосредственно связаны с ремеслом оружейника. Особо следует отметить круглую свинцовую пластину[9] со следами использования ее как упругой подкладки или подушки под плоское металлическое изделие, по-видимому, под панцирные чешуйки при прокалывании в них отверстий. На поверхности этой пластины имеются округлые вмятины, в центре одной из них видна часть застрявшего железного шила, сломавшегося при прокалывании.

У другой свинцовой подушки прямоугольной формы, обнаруженной в яме пола архаического дома № 14 в том же северо-западном углу раскопа сохранились отпечатки панцирных чешуек, обрабатываемых на ней[10]

---

[8] Е. В. Черненко. Панцири скифского времени. «Археология», Киев, 1965, XVIII, табл. II; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, Д1-31, М., 1965, табл. 21, *1*, *7*, *94—99*.

[9] Размер ее: диаметр 6,5 *см*, толщина 2 *см*. Найдена в 1965 г. на 100 пл. № 456.

[10] Размер ее 11 × 10 × 3 *см*. Найдена в 1964 г., ее № 1152, см. И. Д. Марченко. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг. Сообщения ГМИИ, IV, М., 1968, стр. 33.

(рис. 1, *4*). Они по форме совпадают с найденными чешуйками меньших размеров. Очевидно, обе свинцовые подушки служили для производства изделий оружейника. К ряду средств его труда нужно отнести крупное, сильно деформированное железное орудие [11], у которого один конец сильно расплющен и утолщен от ударов молота, другой заострен (рис. 2, *10*). Толстый слой ржавчины покрывает весь предмет и не позволяет определить ширину рабочего края, но ряд признаков позволяет отнести его к разновидности рубящих орудий и видеть в нем зубило, отрубавшее панцирные чешуйки от железных полос. Сходный тип орудия встречен при раскопках [12] скифского центра металлургии на Каменском городище. Не исключено, что это зубило было здесь же отковано. В соседней яме оказалось много отходов металлургического производства: комья руды, крупные куски железных шлаков, куски железных полос, гвоздей. После изучения и определения образцов этих материалов в Институте археологии АН СССР нами получено заключение от Б. А. Колчина, что образцы руды являются железной рудой осадочного происхождения, вероятно, местной из Керченского железорудного бассейна. Руда богата железом (немного более 50%), а крупные куски шлаков являются металлургическим сыродутным железным шлаком, образовавшимся на дне горна.

Это заключение подводит твердое основание под предположения о раннем развитии боспорской металлургии. Если предшествующими раскопками были добыты материалы, говорящие о следах пантикапейской металлургии в римское время [13], то теперь этот вывод следует отнести и к более раннему периоду.

Многое говорит за то, что в ранний период жизни города его жителям требовалось большое количество железа. Оно использовалось при строительстве в виде гвоздей и пронов, для изготовления разнообразных орудий труда как для сельского хозяйства, так и для городских ремесленников и для употребления его в быту. Большое количество железа шло на вооружение, на изготовление копий, мечей и панцирей. Изучение пантикапейского некрополя архаической поры показывает [14], что процент пантикапейцев, погребенных с оружием, достигает довольно солидной цифры — 12%. Такой сравнительно высокий процент обусловлен тем, что мужское население архаического Пантикапея должно было осуществлять защиту города от окружающих племен и по мере необходимости образовывать народное ополчение, где воины обязаны были выступать со своим снаряжением. Последнее состояло из наступательного оружия (копья, стрелы, мечи) и защитного (щит, панцирь, шлем). Не случайно именно воину принадлежало одно из пантикапейских скульптурных надгробий в виде шлема, относящееся к архаической поре [15]. Не случайна находка подобного каменного шлема в другом античном центре Боспора [16].

Первоначально, на протяжении VI в. в военном деле малочисленного населения Пантикапея сохранялись черты, общие с военным строем и снаряжением жителей их метрополии, т. е. Ионии.

Как правильно отмечает В. Д. Блаватский [17], в военном деле греческих переселенцев под влиянием взаимодействия с соседними племенами появился ряд существенных особенностей. Одной из них, вероятно, следует

---

[11] Длина его 12 *см*, № 325.

[12] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 124, табл. XVI, 7.

[13] П. Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 162 сл.; О. Ю. Круг, Н. В. Рындина. К вопросу о железной металлургии Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 255—258.

[14] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 68.

[15] А. П. Иванова. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 56, рис. 10.

[16] Найдена Г. И. Соколовым вблизи Фанагории в 1967 г.

[17] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 65.

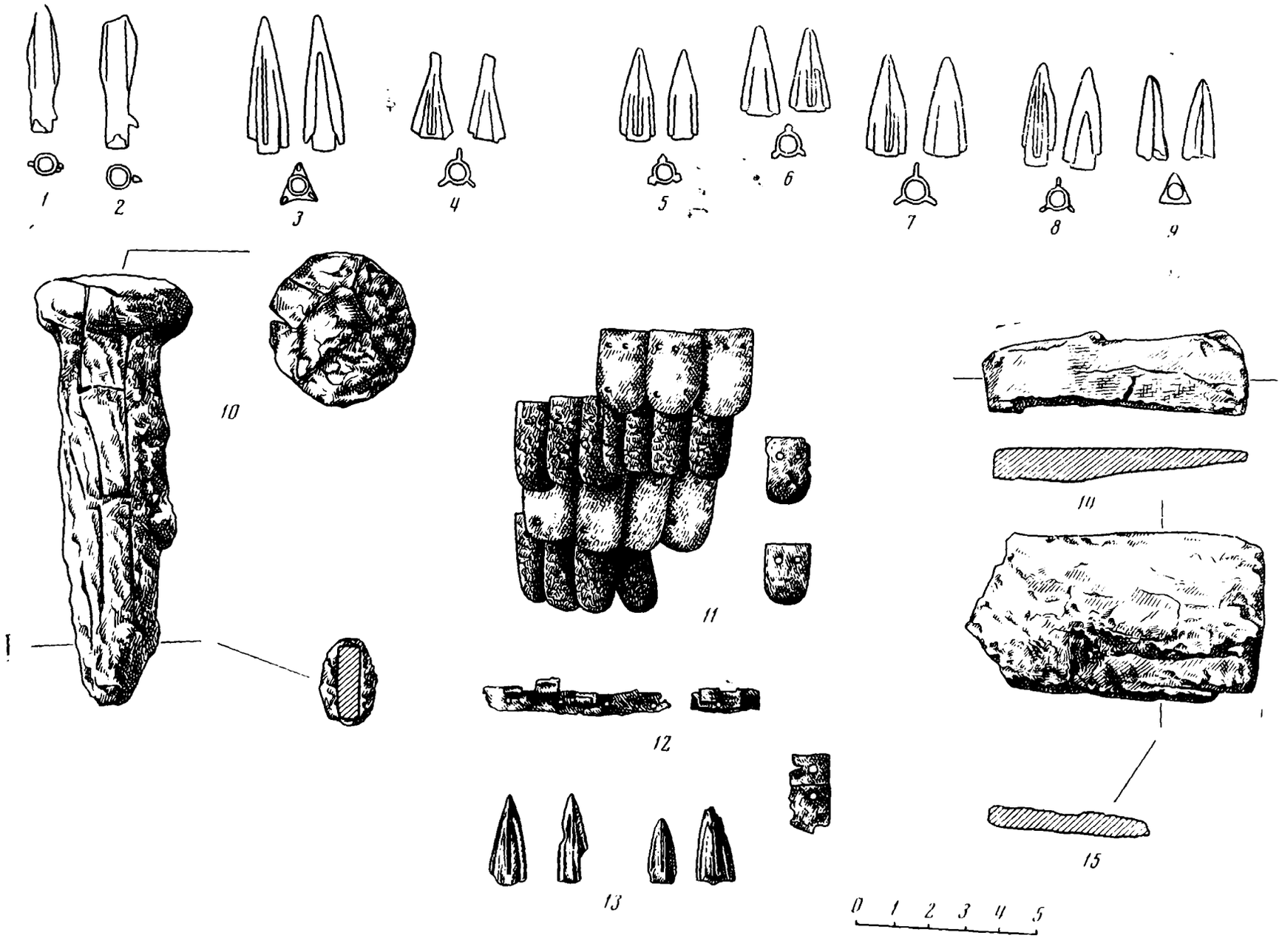


Рис. 2

1—2, 5—9 — бронзовые наконечники стрел из слоя VI—V вв. до н. э.; *3* — из ямы № 494; *4* — с незаконченной обработкой; *10* — железное зубило из дома № 14; *11* — бронзовые и железные панцирные чешуйки; *12* — бронзовые оковки частей панциря; *13* — наконечники стрел из дома № 13; *14, 15* — железные лезвия тесел из дома № 10

считать использование в защитном снаряжении ополченцев облегченного панциря, напоминающего панцирный доспех конного воина, изображенного на гребне из кургана Солоха. В условиях постоянных военных столкновений со скифским войском, широко применявшим оружие дальнего боя, у боспорцев возникла необходимость индивидуальной защиты ополченца в виде металлических панцирей разного типа и заставило их применять то же оружие — лук и стрелы. Нужно, помимо того, учитывать, что городские ремесленники могли перенять у скифов другие виды вооружения, выполняя их заказы.

Если раньше это положение применялось в отношении Ольвии, что подтверждено рядом эпиграфических памятников, то на Пантикапей оно не распространялось, поскольку в культурных слоях его обнаружено было меньше наконечников стрел. В настоящее время эти сведения пополнились, что существенно изменило картину. Примерный подсчет показывает, что за время кампаний 60-х годов обнаружено в архаических слоях свыше 50 бронзовых наконечников стрел. Одни из них найдены в архаических домах (№ 8 и 10), другие под вымосткой архаического переулка, третьи в ямах с производственными отходами (рис. 2, *1—9*, *13*).

По своей форме они совпадают с типами ранних стрел [18], обнаруженных на Марафоне [19], на северном склоне афинского акрополя [20], места штурма персов в 480-х годах до н. э. в Олинфе [21], и по классификации Британского музея относятся к разновидностям варварских типов, распространенных в северной Греции, в Дельфах, Олимпии, Фракии и Македонии. Стрелы этих типов трехлопастные с широким основанием, образованным кососрезанными лопастями и короткой втулкой. Подобные наконечники найдены и в скифских курганах конца VI — начала V в. до н. э.[22]. Два наконечника стрел относятся к ранним скифским типам VI в. (рис. 2, *1, 2*), они двулепестные и имеют шип — крючок. Крупный наконечник из ямы 494 (рис. 2, *3*) близок к типу бронзовых стрел, распространенных в Греции, в частности подобные стрелы найдены в Дафне, месте стоянки греческого гарнизона в 570-х годах. На территории Скифии схожие формы встречены в курганах конца VI в., например у с. Куриловка [23]. Как видим, сравнение архаических наконечников из Пантикапея с другими типами близкого времени дает основание считать, что они не имели существенной разницы между собой и, следовательно, стрелы Пантикапея не могут быть выделены от стрел Греции и Скифии, поскольку совпадали с распространенными повсюду формами.

Важно отметить, что некоторые наконечники имеют явные признаки незаконченности. У одних остались после отливки литники и затупленное острие, не подвергнутое заточке, у других при литье испорчена втулка (рис. 2, *4*). Подобное явление прослежено в Ольвии и определено как показатель местного изготовления [24]. В яме с отходами металлического производства найдены скипевшиеся в виде комка семь головок бракованных стрелок, у которых при отливке не вылилась нижняя часть. Все эти фак-

---

[18] H. Walters. Catalogue of the Bronses in the British Museum. London, 1899, стр. 347.

[19] K. Schumacher. Beschreibung der Sammlung antiken Bronsen. Karlsruhe, 1890, стр. 144, № 784, табл. XIV, *29—36*.

[20] O. Broneer. Excavations on the North Slope of the Acropolis in Athens, 1931—1932, «Hesperia», II, 1933, стр. 341, рис. 13 и «Hesperia», IV, 1935, стр. 114—116, рис. 4, 5.

[21] D. Robinson. Olynthus..., X, Baltimore, 1941, стр. 380—410, табл. CXXV; CXXVI.

[22] В. Б. Петренко. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1-4, 1967, табл. 34. *13—17*, *29*; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону. САИ, Д1-31, 1965, рис. 2, *178*, *179*; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964, рис. 17.

[23] В. Б. Петренко. Ук. соч., табл. 34, *17*.

[24] А. И. Фурманская. Литейные формы из раскопок в Ольвии. Археологические памятники УССР, VII, Киев, 1958, стр. 41, рис. 1.

ты дают основание говорить об отливке здесь наконечников стрел, и хотя не обнаружены специальные формы, подобные тем, что найдены в Поднепровье[25] и в Греции[26], мы можем с уверенностью говорить об отливке в Пантикапее бронзовых стрел в конце VI — начале V в. до н. э.

По аналогии с точильными камнями из Каменского городища, среди точильных камней, найденных в Пантикапее, выделяются типы точильных плит в виде прямоугольных брусковидных точил и круглых в сечении оселков (рис. 3, *4—7*). У одних камней гладкая рабочая поверхность имеется на двух соседних плоскостях, у других на одной, есть углубления, возникшие от заточки на них небольшого острия, от шила или от стрел. Такие камни широко использовались ремесленниками для заточки, шлифовки и придания изделию законченного вида.

Мы уже обращали внимание[27] еще на одну сторону деятельности ремесленников-металлистов: они ремонтировали глиняную посуду, просверливая в ней мелкие отверстия, через которые продергивали свинцовую проволоку или накладывали скрепляющую обе половины сосуда свинцовую заклепку. При неудачном ремонте фрагменты сосуда выбрасывались. Таким путем во дворе ремесленника образовывались скопления обломков расписных ваз, среди которых оказались обломки клазоменских, понтийских и чернофигурных сосудов. Один из них — небольшой кратер V в. до н. э. с изображением бегущих гоплитов на одной стороне и с головой менады, помещенной между силенами,— на другой, имеет мелкие просверленные отверстия — следы ремонта. Другой пример: самосская ольпа с полумесяцами и фризом животных[28] оказалась вместе с панцирными чешуйками и шлаками в яме на архаической улице, а чернофигурная ваза со сценой выезда, найденная в 1967 г., имеет сверлины и свинцовые скрепы.

Как выяснено при раскопках Каменского городища[29], ремесленники-металлисты умели обрабатывать рог оленя и кость животных, используя их для изготовления рукояток ножей, шильев и других предметов. Большое количество спиленных пластинок имеет характер полуфабрикатов, они зеленоватого цвета, имеют запилы в поперечном и продольном направлении (рис. 3, *1—2*). Некоторые готовые изделия были орнаментированы — маленькая костяная поделка с орнаментом в виде меандра, найдена в доме № 10 вместе с рукоятками из рога оленя.

Не исключено, что к раннепантикапейским изделиям относится обломок тонкой костяной пластинки с изображением сцены терзания[30]. На ней сохранилась часть корпуса кентавра с когтистой лапой хищника на спине. Фрагментарность пластинки затрудняет определение как ее назначения, так и всей сцены, но высокое мастерство резьбы и тонкость графического рисунка, выполненного в стиле понтийского искусства, позволяют отнести его к периоду классики.

Среди найденных в архаическом слое костяных изделий имеются бесспорно привозные. К ним относится небольшое навершие из слоновой кости[31], украшавшее рукоятку меча или кинжала (рис. 3, *3*). Форма его — скругленная вверху — имеет аналогии среди подобных изделий. Совершенно такую же форму имеют костяное навершие меча из архаического

---

[25] Ф. М. Штітельман. Дві ливарні форми для бронзовых наконечників стріл из збірки Київського історичного музею. «Археологія», I, 1947, стр. 161—164.

[26] D. Robinson. Olynthus..., X, табл. CXXVI.

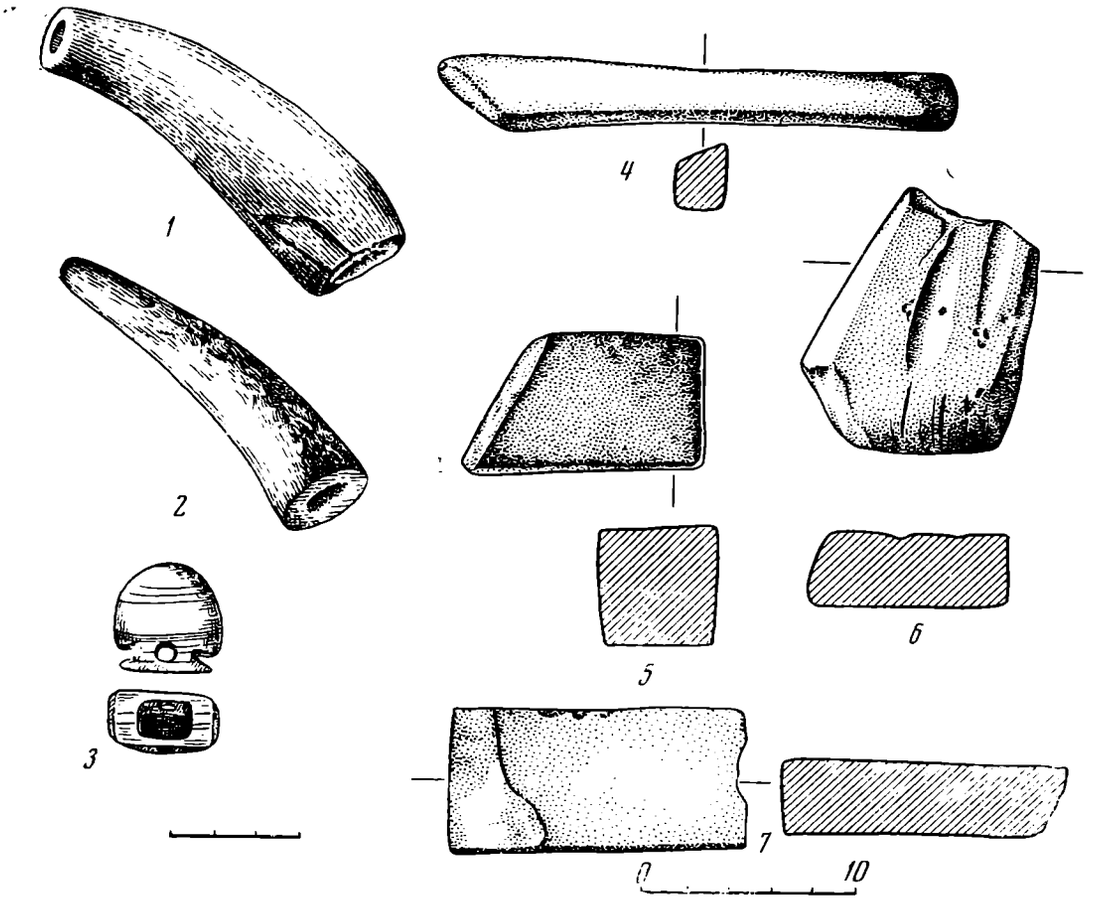
[27] И. Д. Марченко. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг. Сообщения ГМИИ, IV, М., 1968, стр. 41, рис. 14.

[28] Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея. Сообщения ГМИИ, IV, 1968, стр. 111, рис. 1.

[29] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 127.

[30] Найдена в 1962 г. на 88 пл. № 9. Размер 7 × 3 *см*.

[31] Найдена в 1962 г. на 91 пл. в архаическом слое. Размер 2,7 × 2,7 *см*. Инв. № 1064.



1—2 — рукоятки из рога оленя; *3* — навершие кинжала из слоновой кости; *4—7* — точильные камни

слоя Ольвии [32] и навершие, недавно найденное в Коринфе [33]. Последнее сделано из кости и дерева.

Насыщенность культурного слоя такими многообразными и многочисленными материалами, являвшимися отходами или средствами труда оружейника, свидетельствует о проведении в данном квартале различных видов обработки металла; здесь проводилась сыродутная плавка железа, выковывались пластины, делались панцири, ножи, вероятно, кинжалы и копья. Один из таких листовидных наконечников копья найден в доме № 16 при раскопках 1968 г. Здесь же проводилась переплавка и отливка в формах бронзовых изделий с последующей обработкой и заточкой, изготовление костяных рукояток из костей животных и рога оленя. Все это дает серьезные основания определить данный участок древнего города как район ремесленников-оружейников и металлургов, которым было предложено занимать одну часть города, отведенную специально для них, так же как в Афинах, где кузнецы и ремесленники по металлу населяли отведенный им район.

Можно считать, что дом № 14 был эргастерием оружейника, где работал он сам и его рабы. Не случайно южное помещение этого трехкомнатного дома отличается от других такими признаками, которые присущи нежилым: через него проходил водосток, пол неровный, у восточной стены выходы природной скалы образуют скамью или лежанку, нужную для помещения, связанного с подобным производством. Это помещение служило, вероятно, лавкой и мастерской. Внутри дома в яме восточной комнаты найдена прямоугольная свинцовая подушка — подкладка. Из северного помещения происходит железное орудие типа зубила, вокруг нежилого помещения в ямах обнаружено множество панцирных чешуек. Это все позволяет определить дом № 14 как эргастерий оружейника, более свя-

[32] Хранится в Киевском историческом музее. № 5073.

[33] H. S. Robinson. Excavations at Corinth. 1960. «Hesperia», XXXI, 2, 1962, стр. 126, табл. 46, *e*.

занного с металлургией и кузнечным делом, чем бронзолитейным. Вероятно, с последним следует связать деятельность другого ремесленника, владевшего в доме № 1 мастерской с бронзолитейной печью, так как из нее происходят две каменные формы. В. Д. Блаватский считает возможным определить и его как эргастерий.

Одновременность функционирования этих двух эргастериев говорит об одинаковом развитии в древнем Пантикапее как производства бронзовых изделий — предметов утвари, оружия, конского убора, так и местной железной металлургии и кузнечного дела.

Среди греческих переселенцев, прибывших сюда из Ионии, безусловно, большой процент составляли мелкие ремесленники, которые сами вели весь процесс производства, начиная от выплавки руды. Их ремесло было необходимо для жизни горожан. Железные изделия — орудия труда и предметы вооружения — должны были изготавливаться на месте, там, где они жили. Существенное значение для них имело наличие вблизи Пантикапея богатых и легко добываемых местных железных руд.

I. D. Martchenko

L'ARMURERIE DU VI SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE À PANTICAPÉE

Résumé

Lors des fouilles du quartier archaique de Panticapée effectuées ces dernières années, un nouveau matériel se rapportant à l'évolution de la métallurqie et de l'artisanat spécialisé dans le travail du fer a été mis au jour.

Dans lesfosses de l'époque archaique, il a été découvert des débris de creusets, de moules de fonderie, des pointes de flèches en bronze mises au rebut lors de leur fusion ou inachevées. Toutes ces pièces complètent la découverte des années 50 se rapportant à l'atelier du maitre — fondeur des bronzes retrouvé dans la maison N 1.

Dans l'édifice archaique N 14, il a été découvert des vestiges de l'atelier d'un armurier qui avait fabriqué des cuirasses en fer et en bronze. Des outils, deux coussinets — supports pour estamper les écailles, des pierres à aiguiser de divers types, des ébauches des manches d'outils faites de morceaux de corne ou d'os y ont été découverts.

Ces deux ateliers du VIe siècle avant notre ère témoignent de la grande portée de l'artisanat dans la période initiale de l'histoire de Panticapée.

В. Н. ЦЫГЫЛЫК

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЗЛЕ СЕЛА РЕМЕЗОВЦЫ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(I в. до н. э. — III. в. н. э.)

Важное значение для изучения проблемы славянского этногенеза имеют исследования новых памятников рубежа и первых столетий нашей эры на Верхнем Поднестровье — месте стыка различных этнических групп населения Юго-Восточной и Центральной Европы. Одним из таких памятников является поселение возле села Ремезовцы Золочевского района Львовской области, которое было открыто в 1965 г. и исследовалось на протяжении трех летних сезонов Липицкой археологической экспедицией Института общественных наук.

Поселение находится в 300 *м* к северо-востоку от села Ремезовцы. Оно занимает весь южный и юго-западный склоны урочища «Куты», представляющего собой надпойменную террасу левого берега Золотой Липы (левого притока Днестра).

На поселении было заложено три раскопа и несколько контрольных траншей, позволивших определить границы поселения. Поселение тянется по всему склону полосой в 100—120 *м* ширины. Культурные останки залегают в черноземе на глубине 0,2—0,45 *м* от современной поверхности; находки встречаются в культурном слое и на поверхности. Основное скопление находок наблюдается над заполнением объектов и вблизи них.

На исследованной площади в 1950 $м^2$ выявлено 15 жилищных сооружений, 16 хозяйственных ям и несколько скоплений глиняной обмазки, которые вошли в стенки раскопа. Все жилища, за исключением одного, углублены в землю. Глубина их колеблется от 0,7 до 2,3 *м* от современной поверхности. Площадь большинства из них не превышает 20 $м^2$. Исключение представляют жилища II и XII, площадь которых составляет 25 и 29 $м^2$.

По форме плана жилища делятся на четырехугольные (I, II, X, XI, XIII, XV, XVI) и овальные (V, VI, VII, IX, XII, XVII). Близким к четырехугольному было жилище VIII, которое имело три прямые и одну закругленную стенки.

Большинство жилищ четырехугольной формы ориентированы стенками соответственно топографии урочища (северо-запад — юго-восток), и только стенки двух совпадают со странами света.

Жилища представляли собой вырезанные в материке камеры с отвесными, иногда с несколько суженными к низу стенками; пол ровный, хорошо утрамбованный (рис. 1). Исключение составляют три жилища (VII, XIV, XVII), у которых центральная часть дна сильно углублена. Возможно, находящиеся под стенками материковые возвышения служили опорами для деревянного настила, а свободное пространство под ним использовалось для хозяйственных целей (подпольные ямы). Подпольные ямы меньших размеров выявлены в жилищах X, XIII, XVI.

Входом в жилища служили вырезанные в материке ступени (жилища I, IX, XII, XIV). Все они, как правило, находились под юго-восточной частью стенок.

Отапливались жилища очагами, их остатки выявлены на полу жилищ VI, IX, X. Два очага найдены на открытом месте за пределами жилищ. Очаги были выложены из кусков песчаника, скрепленных глиной. Исключением является очаг жилища IX, который представлял собой выжженную на 3—4 *см* до красного цвета часть дна. Размеры очагов 0,4—0,7×0,6—1,1 *м*.

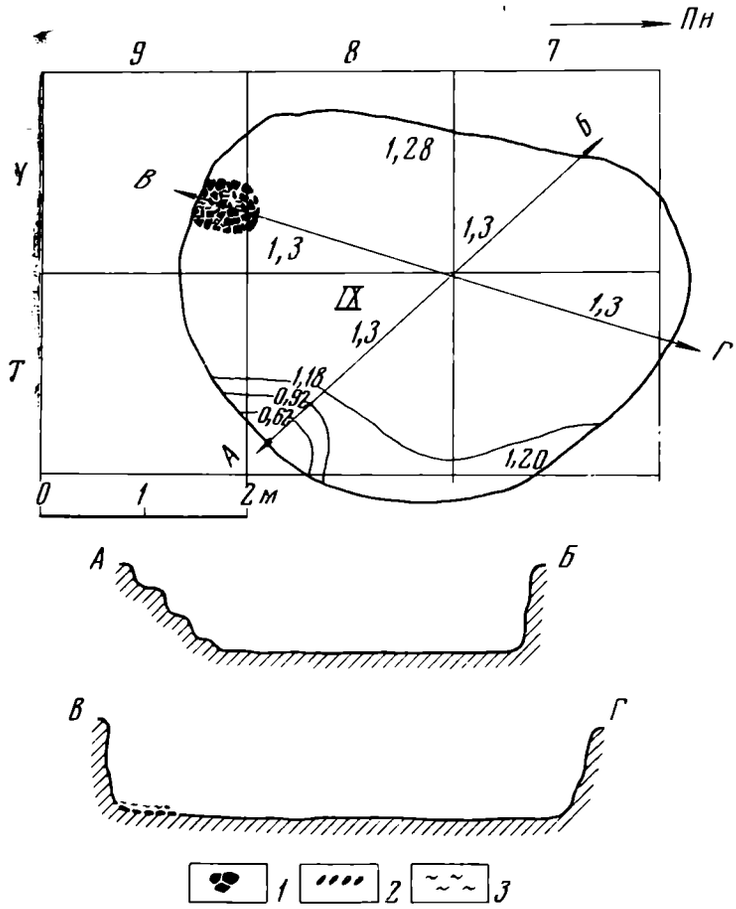


Рис. 1. Поселение в Реземовцах, ур. «Куты». План и разрезы жилища IX
1 — обожженная глина; *2* — угли; *3* — пепел

Более подробно следует остановиться на характеристике жилищ II и XII, связанных с процессом выплавки железа.

Жилище II представляло собой полуземлянку четырехугольной формы с отвесными стенками и ровным сильно утрамбованным дном. Ее размеры 2,1×3 *м*, глубина 0,96 *м* от современной поверхности. К восточной стенке жилища примыкала более углубленная пристройка, которая конструктивно соединялась с жилищем. Она представляла собой четырехугольную камеру с немного закругленным северо-восточным углом. Стенки книзу немного сужены, дно не очень ровное. Размеры камеры 2,3×3 *м*, глубина 1,6 *м* от современной поверхности. Под восточной и частично под северной стенкой находилось вырезанное в материке возвышение шириной 0,3—0,35 *м*. Оно служило для лучшего подхода к железоплавильным горнам, расположенным на северном борту объекта.

Четыре горна размещены вместе, пятый находился в 0,7 *м* к западу от них (рис. 2).

Все горны врезаны в материке. Они имеют округлую в плане форму, расширенные книзу стенки и ровное дно. В стенках прослежены продухи, которые выходили внутрь объекта. Глубина сохранившейся части горна 0,3—0,52 *м*, диаметр по дну 0,3—0,4 *м*, диаметр у верхней части 0.2—0,28 *м*. Стенки обожжены на толщину 4—6 *см* до серого цвета, местами ошлакованы, дно прокалено на толщину 2—3 *см* до красного цвета.

Расчистка горнов и разрез стенок показали, что в процессе выборки металла и шлаков они немного разрушались и поэтому их дополнительно подмазывали глиной.

На дне всех горнов находился слой древесного угля толщиной 2—4 *см*, на котором залегал шлак весом 8—10 *кг*.

Как видно из сказанного выше, описанный объект представлял собой конструктивно соединенное между собой жилище и пристроенную к нему мастерскую по выплавке железа.

Жилище XII представляло собой землянку овальной в плане формы. Ее размеры 5×5,3 *м*, глубина 1,8 *м* от современной поверхности.

Вырезанные в материке стенки почти вертикальные, дно ровное, хорошо утрамбованное.

Материковое возвышение шириной 1—1,4 *м*, находящееся под стенками жилища, за исключением их западной части, поднималось на 0,52—0,67 *м* от уровня дна. На юго-восточной части возвышения под стенкой находился небольшой выступ полукруглой в плане формы, который представлял собой ровную площадку размером 0,4 × 1,3 *м*.

Перед площадкой на борту жилища находился железоплавильный горн. Он представлял собой вырезанное в материке округлое в плане углубление с почти вертикальными стенками и немного углубленным дном. Его диаметр по дну 0,22 *м*, диаметр по верху 0,21 *м*, глубина 0,92 *м* от уровня выявления. На высоте 0,45 *м* от дна в западной стенке отходил продух шириной 0,18 *м*. Он выходил на площадку перед горном.

Стенки горна обожжены на толщину 3—4 *см* до серого цвета, местами ошлакованы. В разрезе стенок видны следы дополнительного подмазывания глиной. Дно обожжено до красного цвета.

На дне горна находился слой древесного угля толщиной 0,2 *м*, а сверху залегали куски шлака. Местами шлак соединился со стенками. Горн вместе с подступами к нему, вероятно, был отделен от жилой части какой-то перегородкой.

Анализ шлака, проведенный в лаборатории Института археологии АН СССР, показал, что добыча железа на поселении производилась сыродутным способом. Сыродутные горны относятся к типу развитых, высокопроизводственных форм. Отсутствие в шлаке вкраплений металлических зерен восстановленного железа говорит о достаточно развитом металлургическом процессе.

Учитывая наличие больших скоплений шлаков возле обоих объектов и по целому поселению, а также следы дополнительных исправлений стенок горнов, которые немного разрушались при каждой выборке металла и шлаков, можно считать, что эти горны употреблялись многократно, а не служили для единичной плавки, как это, например, характерно для Свентокржиских горнов (Польша) [1].

Для одноразовой плавки железа были предназначены и горны последней четверти I тысячелетия до н. э., открытые в металлургическом центре возле с. Ново-Клиново (Закарпатье) [2].

Кроме землянок и полуземлянок, на поселении открыты следы одного наземного жилища. Оно сохранилось на глубине 0,35 *м* от современной поверхности в виде скопления глиняной обмазки неправильно овальной формы размером 3,6 × 5,5 *м*. На кусках обмазки видны оттиски деревянных конструкций, а среди них — отпечатки четырехугольных столбов. К юго-восточному краю обмазки примыкал очаг, создавая с ней единое целое. Очаг представлял собой выложенные на черноземе куски песчаника, скрепленные глиной. На месте очага прослежены уголь и зола, найдены фрагменты керамики.

На территории Верхнего и Среднего Поднестровья, кроме Ремезовец, углубленные в землю жилища липицкой культуры известны еще на пяти поселениях.

Все восемь жилищ, открытых автором этой статьи на поселении возле села Верхняя Липица, были землянками и полуземлянками [3].

---

[1] K. Bielenin i M. Radwan. Badania nad starożytnym hutnictwem żelaza w rejonie Gór Swiętokrzyskich w latach 1956 i 1957, Materialy archaeologiczne, I, Kraków, 1959, стр. 280—283, 296; K. Bielenin. Dotychczasowe wyniki badań nad źuźlem starożytnym w rejonie Gór Swiętokrzyskish, WA, 1—2, 1957.

[2] В. И. Бидзиля, Д. Т. Березовец, С. П. Пачкова. Закарпатский металлургический центр раннего железного века. Арх. исследования на Украине 1965—1966. Киев, 1967, стр. 153—156.

[3] В. М. Цигилик. Розкопки на поселені липицкої культури близ села Верхня Липиця, Івано-Франківської області у 1962. «Археологія», XVIII, Київ, 1965; его же. Поселення перших століть нашої ери біля с. Верхня Липиця I в.— Франківської області, Тези доповідей XXXIX наукової кофереції ЛДУ, стр. 63.

Два углубленных жилища липецкой культуры открыты на поселении возле села Черепин[4] в 1954—1956 гг. Углубленные жилища — одно четырехугольной, второе — округлой формы известны на поселении возле Бовшева[5]. Жилища-полуземлянки известны на многослойном поселении возле с. Незвиска[6]. Две полуземлянки четырехугольной формы открыты в последнее время возле села Зеленый Гай[7]. Следует отметить, что жилища-полуземлянки обычны среди синхронных культур смежных территорий (зарубинецкая культура).

Особенно это относится к поселениям Полесья[8]. Наземные жилища известны тоже как в липецкой[9], так и в зарубинецкой культуре[10].

Кроме жилищ на поселении у с. Ремезовцы выявлены 15 хозяйственных ям. Они имели округлую или почти округлую в плане форму, немного суженные к низу стенки и ровное или слегка углубленное дно. Диаметр большинства ям 1,75—1,85 *м*, глубина от 1,2 до 1,95 *м* от современной поверхности. Исключением является яма № 5, которая имела в диаметре 2,65 *м*. Под южной стенкой этой ямы находился материковый выступ со следами трех ступеней. Нижняя часть стенок была покрыта копотью и слегка обожжена. Обожжены немного стенки и в яме № 15.

Наиболее массовым археологическим материалом в гумусном заполнении жилищ и ям является керамика. По способу изготовления она разделяется на две группы: 1) лепная; 2) изготовленная на гончарном круге.

Лепная керамика преобладает (92—95%) и, в свою очередь, разделяется на две подгруппы: А) с неровной, шероховатой поверхностью, Б) с ровной, выглаженной поверхностью. Обе подгруппы отличаются не только качеством изготовления, но и формой сосудов.

Лепная керамика с неровной поверхностью коричневого или темно-серого цвета представлена обломками горшков с выпуклыми боками, плавно изогнутыми плечиками и легко отогнутыми наружу или почти прямыми венчиками. Диаметр венчиков 12—20 *см*. Горшки орнаментированы налепными валиками с вдавлениями посредине, налепными валиками с пальцевыми защипами или горизонтальными рядками пальцевых вдавлений по наибольшей выпуклости бочка (рис. 3, *1—3, 6*). Налепными валиками был также орнаментирован небольшой горшочек шаровидной формы с шероховатой поверхностью темно-коричневого цвета. Его размеры — диаметр венчика 8 *см*, высота 9 *см*, диаметр дна 5,5 *см* (рис. 3, *7*). Некоторые горшки орнаментированы косыми нарезами по венчику (рис. 3, *8, 5*). Сюда же относятся и очень характерные для липицкой культуры конические плошки с массивными ручками (рис. 3, *4*). Некоторые из них имеют несвойственный этой форме сосудов орнамент — косые нарезы по венчику (рис. 3, *5, 8*).

Часть лепной посуды имеет ровную, выглаженную, иногда лощеную поверхность коричнево-желтого цвета. Это биконические горшки с ровносрезанным краем необозначенных венчиков (диаметр венчиков 10—23 *см*), биконические миски с загнутыми внутрь венчиками (рис. 3, *9, 10, 11*), а также присущие липицкой культуре чаши на высокой ножке.

---

[4] В. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ. 1961, стр. 10, 12, рис. 3.

[5] Л. І. Крушельницька. Дослідження верхніх шарів поселення біля села Бовшів. Івано-Франківської обл. у 1961 р. МДАПВ, 5, Київ, 1964.

[6] Marcjan Śmiszko. Osady kultury lipickiej. Prace Lwowskiego towarzystwa przehistorycznego. I. Lwow, 1934, стр. 1—15.

[7] В. Д. Баран. Раскопки раннеславянского поселения в с. Зеленый Гай на Днестре. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 236—237.

[8] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, М., 1964, стр. 11, табл. II, *4*; В. И. Довженок и Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА. 70, 1959, стр. 104, 105, 106.

[9] М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП, III, Київ, 1952, стр. 338—339, рис. 2.

[10] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 11; В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. МИА, 70, стр. 115.

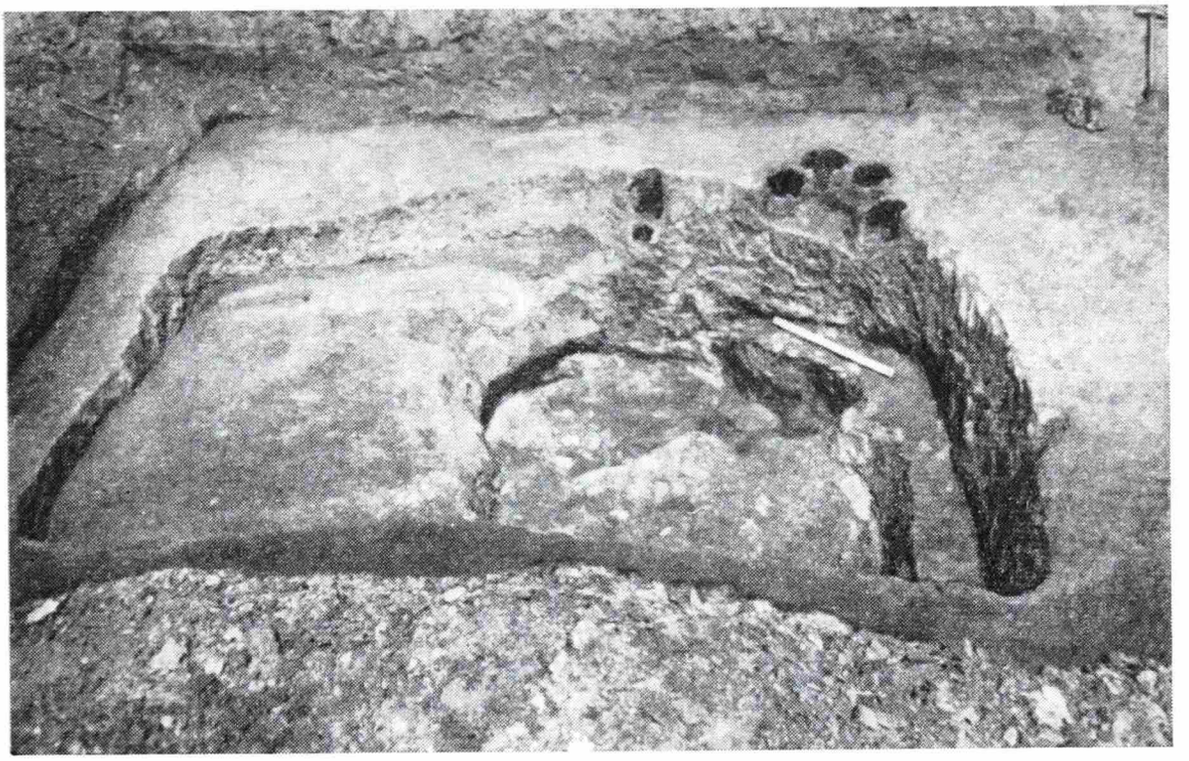


Рис. 2. Поселение в Ремезовцах, ур. «Куты». Жилище II с помещением для выплавки железа (на борту железоплавильные горны)

К липицкой культуре полностью относится и кружальная керамика, которой на поселении меньше. Она изготовлена из хорошо очищенной глины, имеет ровную, заглаженную, иногда лощеную поверхность серого, реже — черного цвета. Ассортимент составляют горшки, кувшины и чаши на высокой ножке.

Горшки имеют сильно выпуклую, почти биконическую форму стенок, слабо выделенные плечики, утолщенные отогнутые венчики. Диаметр венчиков 14—26 *см* (рис. 3, *12*). Дно всегда имеет кольцевую подставку (рис. 3, *15*).

Второй формой кружальной керамики являются небольшие сосуды с расширенными стенками, которые выше половины высоты при помощи кругового уступа переходят в конически суженую верхнюю часть, заканчивающуюся легко развернутыми венчиками. Диаметр венчиков 10—14 *см*. Две лентовидные ручки соединяют венчик с уступом на половине высоты. Коническая часть сосудов орнаментирована комбинацией прочерченных линий (рис. 3, *18, 19*).

Присущи липицкой культуре чаши на высокой округлой ножке. Ножка постепенно расширяется кверху и переходит в чашу с вертикальными (рис. 3, *13*) или горизонтально отогнутыми венчиками.

Кувшины представлены фрагментами профилированного горлышка с утолщенным легко развернутым венчиком (рис. 3, *14*).

Аналогии для всей этой керамики мы имеем в материалах из могильника и поселения в Верхней Липице [11], поселений в Черепине [12], Залесках [13], Незвисках [14], а также на дакийских памятниках современной Ру-

[11] M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów. 1932, стр. 118, 131; табл. VIII, *6, 7, 10—12;* табл. XI, *5,* стр. 139; табл. X, *6, 7*; табл. IX, *1, 3, 4, 6*; табл. VII, *5, 7, 9*; В. М. Цигилик. Розкопки на поселенні..., стр. 182, табл. I, *2, 4—14.*

[12] В. Баран. Поселення..., стр. 14—15; табл. I, *1, 4, 5, 7*; стр. 16, табл. II, *1, 2, 5, 6, 12*; табл. III, *2, 4, 5, 7, 9.*

[13] М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП, III, Киев, 1952, стр. 341, табл. II, *1;* стр. 344, табл. II, *8*; стр. 349.

[14] Г. І. Смирнова. Підсумки дослідження верхніх шарів Незвиського поселення. МДАПВ, 2, Киев, 1959. стр. 90, рис. 2.

Рис. 3. Поселение в Ремезовцах, ур. «Куты». Лепная и гончарная керамика липицкой культуры

1 — жил. I; *2, 4, 14* — жил. X; *3, 12* — жил. XVII; *5, 8, 13* — жил. I; *6, 15,19* — жил. XII; *7* — яма № 7; *9* — жил. V; *10* — яма Б; *11* — жил. II; *16* — яма № 9; *17* — жил. IX; *18* — жил. XVI

мынии [15]. Аналогичная керамика известна также на территории Словакии [16] и Венгрии [17].

Вместе с описанной выше керамикой, несомненно относящейся к липицкой культуре, в этих же самых объектах выступает, иногда в преобладающем большинстве, керамика иного типа.

---

[15] R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. «Dacia», III—IV, Bucurest, 1933, стр. 291, рис. 44—*1*, *2—4*, *20*, *23*; стр. 292, рис. 45, 46, 47, 49, 54, 56, 59; их же. Les fouilles de Tinosul. «Dacia», I, 1924, стр. 196, рис. 23; стр. 198, табл. XXV, *2*, *4*; M. Macrea und M. Rusu. Der dakische Friedhof von Porolissum. «Dacia», IV, 1960, стр. 213, рис. 11—*1*, *2*, *4*, *6—9*, *13*, *14*, *18*, *19*, *21*.

[16] A. Točik. K otazke osidlenia juhozápadneho Slovenska na zlome letopočtu, AR, 11, 6, 1959, стр. 853, рис. 320, *3*; рис. 322, *8*; *12*, рис. 325. *1*, *10*.

[17] Radnoti Aladar. Buda Regeszeti Emlekei. Budapest, стр. 21, рис. 7, стр. 22, рис. 8.

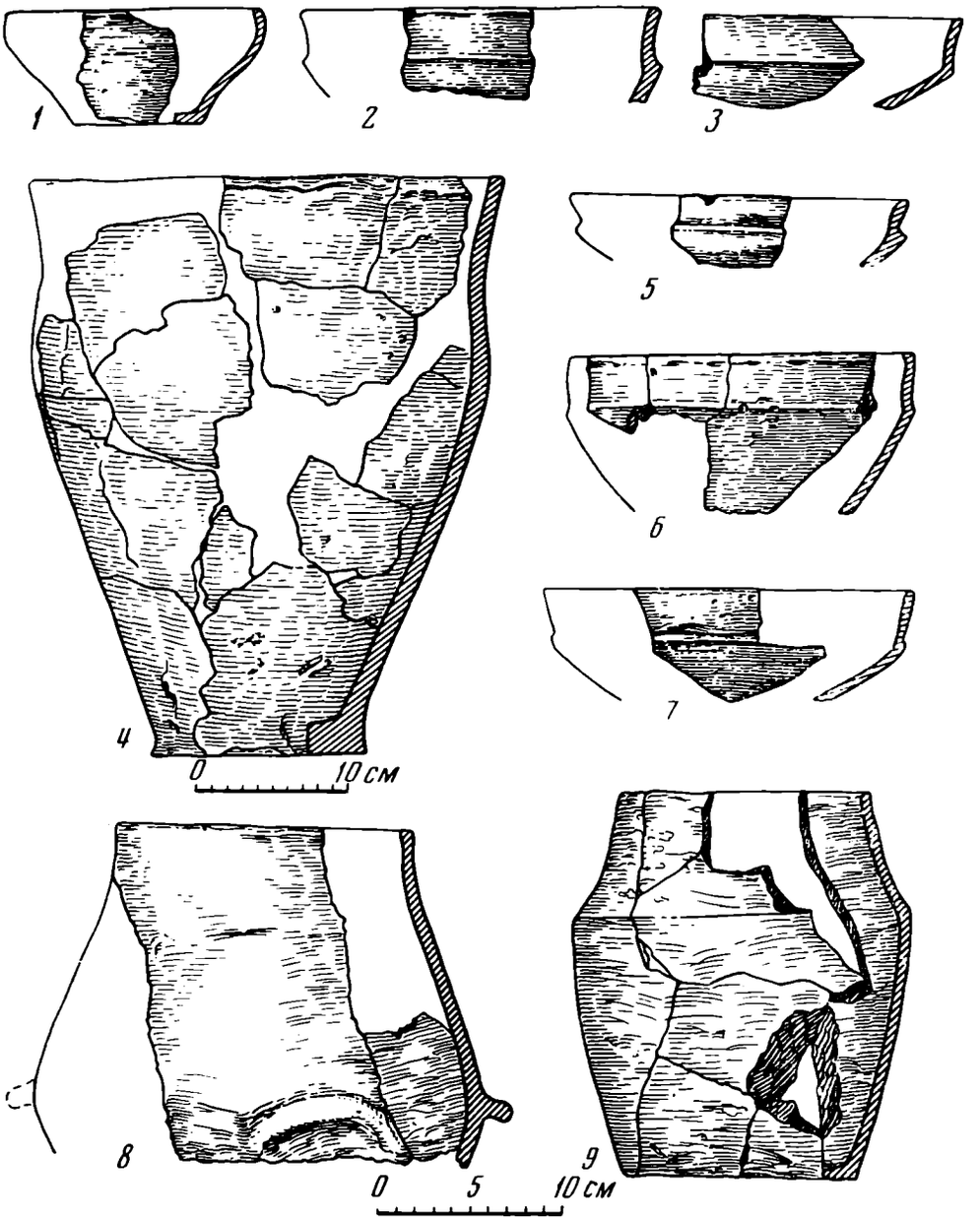


Рис. 4. Поселение в Ремезовцах, ур. «Куты». Лепная керамика зарубинской культуры

1, 9 — жил. V; *2, 3, 6, 7* — жил. XII; *4, 5* — жил. X; *8* — жил. I

Это выпуклобокие, иногда тюльпановидные горшки с высокими развернутыми венчиками, слабо обозначенными плечиками и плоским дном. Большинство их средней величины (диаметр венчиков 16—24 *см*), хотя отдельные экземпляры бывают значительных размеров. Так, один полностью реставрированный горшок имел диаметр венчика 32 *см*, высоту 41 *см*, диаметр дна 14 *см* (рис. 4, *4*).

Вся эта группа горшков имеет неровную шероховатую поверхность коричневого или темно-серого цвета. Некоторым экземплярам специально придана шероховатая поверхность.

Аналогичные горшки имеются среди материалов зарубинецкой культуры (Пилипенкова гора, Суботов, Корчеватое) [18]. По классификации Ю. В. Кухаренко, они относятся ко второй группе варианта Б горшков зарубинецкой культуры [19]. Кроме посуды с шероховатой поверхностью сюда относятся горшки, миски и плошки с выглаженной, иногда лощеной поверхностью коричневого или черного цвета.

[18] В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. стр. 116, рис. 2, 3, 5; И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, 70, табл. II, *45*, *54*; Е. В. Максимов. Памятники зарубинецкого типа в селе Суботове. КСИА, 9. 1960, рис. 2, *1*, *2*, *4*, *5*.

[19] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 24; табл. IV, *9*, *10*.

Один горшок, который удалось полностью реставрировать, имел плавно расширенные вверху стенки, ребристый перелом на плечиках, высокий, почти вертикальный венчик и плоское дно (рис. 4, *9*). Сюда же относится и частично сохранившийся биконический горшок черного цвета. Он имел плавный излом бока, конически суженную верхнюю часть, вертикальный ровносрезанный венчик. На изломе бока находились подковоподобные выступы (рис. 4, *8*).

Часть биконических горшков имела высокие развернутые венчики. У некоторых из них под венчиками находились х-образные ручки, а плечики были украшены пролощенным зигзаговым орнаментом.

Другой формой сосудов являются миски. В большинстве они имеют расширенное кверху тулово с ребристым изломом или резко подчеркнутым горизонтальным уступом, высокие развернутые венчики и плоское дно (рис. *4*, *2*, *3*, *5—7*). Диаметр венчиков 17—25 *см*, высота 8—13 *см*, диаметр дна 8—11 *см*, толщина стенок 0,7—0,9 *см*.

Отдельные миски имеют более плавный излом стенок, что указывает на их более раннее происхождение (рис. 4, *1*).

Очень редко на поселении встречаются конические плошки на пустотелой ножке, а также покрышки с невысоким бортиком. Вся эта группа посуды имеет полные аналогии среди материалов зарубинецкой культуры.

Зарубинецкой культуре присуща орнаментация сосудов дужками — «подковками». Украшенный таким способом сосуд найден на Лисой горе возле Лубен [20]. Восемь сосудов с налепными «подковками» найдены на Корчеватовском могильнике [21], на Зарубинецком могильнике [22] и т. д. Аналогии для горшков и мисок есть в материалах как из могильников, так и с поселений зарубинецкой культуры [23].

Импортная посуда представлена фрагментами стенок и профилированных с внешней стороны ручек амфор желто-серого цвета. К керамическим изделиям относятся также пряслица и конические глиняные блоки.

Из металлических изделий найдены железные ножи, шилья, пряжки, напильник, крюк, две бронзовые фибулы и бронзовая подвеска ромбовидной формы.

Одна фибула имела широкую, ровную с внутренней и ребристую с внешней стороны дужку, орнаментированную двумя углубленными зигзагоподобными линиями. Головка фибулы с загнутым кверху крючком и сквозным отверстием для штифта отделенная от дужки подпорной плиткой. Состоящая из восьми витков пружина намотана на штифт, ее тетива укреплена между крючком и подпорной плиткой.

Фибулы такой конструкции относятся к типу «глазчатых». По З. Шмит, фибулы этого типа бытуют в северной Польше во II в. н. э. [24] Ко II в. н. э. относит такие фибулы О. Альмгрен [25]. А. Кетлиньска датирует поздние глазчатые фибулы временем с 100 г. н. э. [26].

---

[20] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, 65, Пг., 1918, стр. 125; его же. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 48.

[21] И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник, МИА, 70, 1959, стр. 86, табл. V, *94*, *96*, *102*, *103*.

[22] В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, 70, стр. 41—42, рис. 2, *2*; рис. 6, *2*, *3*.

[23] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 24—26, табл. IV, *16*, *23*; табл. VI, *10—45*; его же. Чаплинский могильник. МИА, 70, стр. 160; табл. II, *8*, *12*, *14*; табл. IV, *8*, *17*; табл. V, *11*, *24*; табл. VII, *11—21*; Е. В. Максимов. Археологічні дослідження на поселенні поблизу с. Зарубинці. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 81—82, табл. V, *4*, *5*, *7*, *8*; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник, стр. 37, рис. 1—*1*; рис. 11—*1*; И. М. Самойловский. Ук. соч., табл. IV, *74*, *93*; табл. VII, *74*; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, стр. 147, рис. 17.

[24] Z. Szmit. Sprawordanie z poszukiwan archeologicznych Hryniewiczach Wielkich kolo Bielska Podlaskiego. WA, VII, 1922, стр. 120.

[25] O. Almgren. Studien über Nordeuropaische Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 27, табл. III, *53*, стр. 30; рис. 60, 61.

[26] A. Kietlińska. Sprawozdanie Państwowego Muzeum archeologicznego. IV, 1—2, W.— 1951, стр. 70, рис. 14.

Вторая фибула изготовлена из бронзовой проволоки. Дужка представляет собой толстую проволоку, согнутую под прямым углом. Более длинный конец дужки заканчивался маленьким ушком. Меньший конец переходил в спираль, намотанную на железный штифт и, еще раз обвертывая дужку, заканчивался иглой. Начиная от пружинного аппарата тонкая проволока обвертывала всю дужку фибулы и, согнутая в кольцо, создавала приемник для иглы. Длина фибулы 4,5 *см* (рис. 3, *16*). Для этой фибулы нам еще не удалось найти аналогий. По принципу исполнения (дужка обвернута проволокой, форма приемника) ее можно было бы отнести к 1-й подгруппе среднелатенских фибул юга Европейской части СССР [27].

Если предположить, что фибула могла быть изготовлена на данном поселении и в ней нашли отражение традиции упомянутых фибул, ее можно было бы отнести к концу I тысячелетия до н. э.

Поселение возле села Ремезивцы — это первый памятник зарубинецкой культуры в Верхнем Поднестровье. Это первый пункт, где встретились липицкая и зарубинецкая культуры. Следует отметить, что это не просто место стыка этих двух культур, а место их общего взаимосуществования. Подтверждение этому — наличие в объектах материалов липицкой и зарубинецкой культур.

В отличие от поселений липицкой культуры, относящихся к I—II в. н. э., наше поселение возникло раньше. Так, зарубинецкие миски с низким загнутым внутрь венчиком в типологической таблице мисок наиболее ранние. По мнению Е. В. Максимова, они относятся к III в. до н. э. [28]. На раннее происхождение этих мисок указывает П. Н. Третьяков [29].

Найденные на поселении ножи с выгнутой спинкой лезвия и плавным переходом его в черенок сохраняют еще латенские традиции и для них можно найти аналогии как в памятниках северо-западных культур, так и в памятниках южных культур латенского периода [30].

Будем считать, что и упомянутая фибула из проволоки относится к концу I тысячелетия до н. э.

Наличие на поселении зарубинецких мисок с острым ребром, а также липицких материалов говорит о том, что жизнь здесь продолжалась и в I—II в. н. э., что подтверждается найденной в жилище фибулой «глазчатого» типа.

Кроме того, на поселении найдено несколько датирующихся предметов из железа. Так, пряжки с четырехугольной рамкой, по Е. Блюме, получают распространение в III в. н. э. [31].

Хорошо датируемой находкой является железная шпора с асимметрической дужкой, коническим шипом и крючком над ним, распространение которых начинается после 200 г. н. э. [32].

Исходя из сказанного, можно считать, что поселение у с. Ремезовцы возникло в конце I тысячелетия до н. э. и жизнь на нем продолжалась еще во II — начале III в. н. э.

---

[27] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30. М., 1966, стр. 14; табл. 1, *10*.

[28] Е. В. Максимов. Археологічні дослідження на поселенні біля села Зарубинці, стр. 81—82.

[29] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 160.

[30] M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 164; Tackenberg. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925, табл. II. *e. 8—10*; IV, *18*, *19*, *26*, *27*.

[31] E. Blume. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Ober u. Passarge zur römischer Keiserzeit. Mannus Bibliothek, 8, I, стр. 43.

[32] Jahn. Der Reitersporn, seine Entstehung u. früheste Entwicklung. Mannus Bibliothek 21, стр. 58—61.

V. N. Tzyghylyk

FOUILLES DU SITE PRÈS DU VILLACE DE RÉMÉZOVTZY DE LA RÉGION DE LVOV

Résumé

Le site se trouve à 300 m au nord-est du village de Rémézovtzy (district de Zolotchev, région de Lvov). En trois années de fouilles, effectuées sur une aire de 1950 m², il a été découvert 15 habitats, 16 fosses de service, amas d'enduits argileux, etc. Tous les habitats, à l'exception d'un seul, sont des huttes «plongées» dans le sol jusqu'au toit ou «enfoncées» 11 à demi. Dans la plupart des cas, leurs dimensions ne sont pas superieures à 20 m². Les objectifs II et XII qui sont liés à la production du fer dans le site fouillé méritent une attention particulière. L'objectif II n'est autre qu'une hutte semi-souterraine rectaugulaire jointe à une chambre plus approfondie. Dans la paroi de cette dernière furent pratiquées cinq creusets pour couler le fer. L'un d'eux fut pratiqué dans lo paroi de l'habitat XII qui était une grande hutte de forme ovale plongée dans le sol. Les recherches ont montré que tous les creusets étaient destinés à l'utilisation à long terme.

Un mobilier abondant résulte des fouilles en question. On a trouvé non seulement de la poterie de type Lipitzy, mais aussi celle de Zaroubinetz. Le site de Rémézovtzy est le premier où les éléments de la culture de Zaroubinetz se révèlent. Compte tenu de certaines trouvailles, notamment, des fibules et d'un éperon de fer, on peut attribuer le site de Rémézovtzy à la fin du 1er millénaire avant notre ère — au debut du IIIe siècle de notre ère.

А. П. РУНИЧ

СКАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА

Исключительно большое количество и разнообразие археологических памятников, начиная от эпохи энеолита [1] и кончая поздним средневековьем [2], сосредоточено в Кисловодске и его окрестностях.

Здесь по гребням водоразделов и на возвышенных местах разбросано большое количество курганов. На мысах имеются остатки укреплений, а несколько ниже видны следы от поселений и находятся многочисленные могильники с захоронениями в каменных ящиках [3] и катакомбах [4].

Кроме этих уже известных памятников при археологических разведках, проведенных в последние годы, выяснилось, что в окрестностях Кисловодска имеются весьма своеобразные могильники, устроенные в отвесных скалах [5].

Такого типа захоронения нами обнаружены у с. Джага, около Учкекена, в долине р. Аликоновки выше Замка коварства и любви, около моста на р. Аликоновке, в урочище Тихий уголок, у Острого мыса и в районе Хасаута [6] (рис. 1).

Могильник № 1 (Джагинский) [7]. Могильник находится на территории Мало-Карачаевского района в 17—18 *км* к западу от Кисловодска. Он расположен на левом берегу р. Подкумка, севернее Рим-горы, между селом Джага и поселком Римгорка. Камеры здесь устроены в отроге возвышенности, который является нижней частью Дарьинского хребта и состоит из довольно плотных желтоватых глинистых песчаников. С запада у этого отрога протекает безымянный ручей, с юга, на расстоянии около 50 *м* находится г. Подкумок.

Все обнаруженные и осмотренные здесь 56 камер оказались расположенными в 4—5 ярусов, причем самый нижний ярус находится на высоте 2—4 *м* от подножия скалы, а самый верхний — у вершины скалы, на высоте около 15 *м*.

---

[1] А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, 1, стр. 228—233.

[2] А. П. Рунич. О почти исчезнувшем бытовом предмете. СА, 1965, 3, стр. 227.

[3] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 186—192.

[4] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 15—29.

[5] А. П. Рунич. Отчеты за 1963, 1966 гг. хранятся в архиве Института археологии АН СССР.

[6] Первое упоминание об этих захоронениях имеется в очерке: И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбордса. Вестник Европы. 1886, январь — февраль, стр. 85, 101. Кроме обнаруженных и исследованных семи указанных могильников, по словам местных жителей, такого же типа захоронения в скалах имеются в боковых ущельях, р. Эшкакон, у истоков р. Подкумка, около Уллу-Кола и в верховьях реки Кубани.

[7] А. П. Рунич. Отчет за 1966 г. хранится в архиве Института археологии АН СССР.

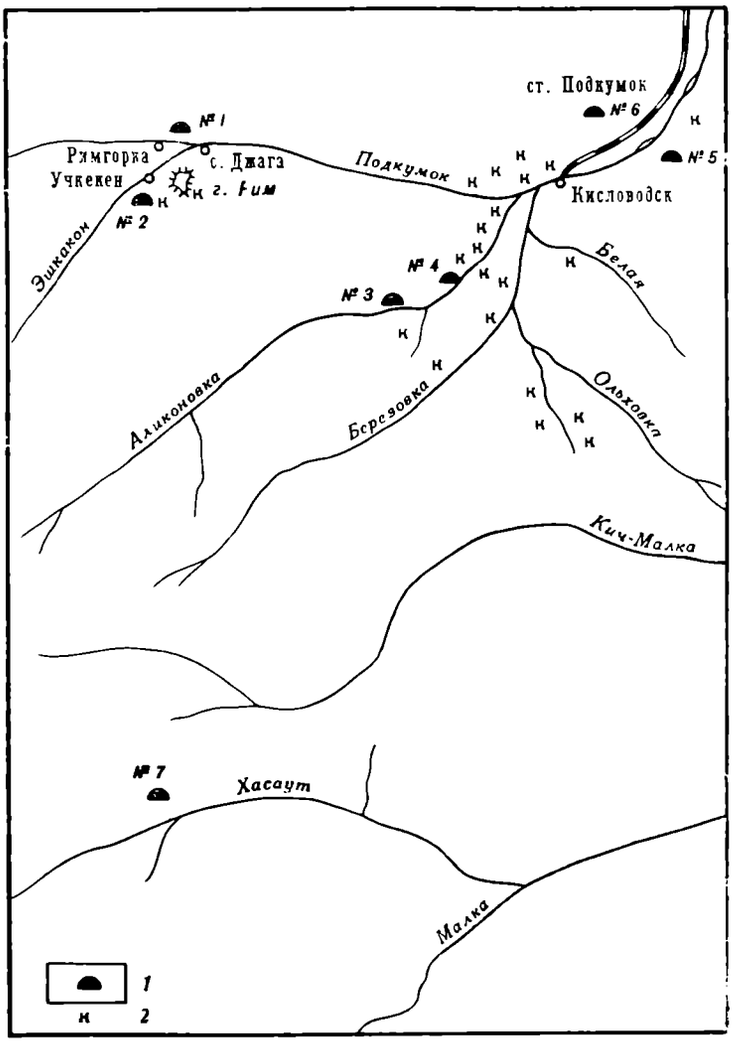


Рис. 1. Схема расположения могильников

По своему оформлению камеры неоднородны. Часть их имеет овальную форму с узким входом (рис. 2, *1*). Таких камер 12. Другой разновидностью являются 18 усыпальниц, также овальной формы, но с небольшими заплечиками и широкими входами (рис. 2, *2*). 14 камер в этом могильнике представляют собой как бы полукруг или нишу (рис. 2, *3*), и наконец, четвертой разновидностью являются 4 камеры, устроенные под навесами скал, где для умершего выдалбливалось в полу карниза овальное углубление (рис. 2, *4*), а с двух или трех сторон могилу закрывала каменная кладка (рис. 2, *4*, *5*).

Остальные 8 камер сильно пострадали от выветривания и разрушения скалы, их форму выяснить не удалось. 32 камеры в этом могильнике не были заполнены грунтом и оказались пустыми, но в большинстве случаев на их стенках сохранились следы от тесла, которым они вырубались.

24 усыпальницы со входами (в основном) со стороны карниза оказались заполненными грунтом и заросли различной растительностью. При зачистке этих камер выяснилось, что и они подвергались ограблению, но здесь удалось найти части кладки, закрывавшей входные отверстия, а в двух камерах (№ 30, 41) лежали сравнительно мало поврежденные скелеты (рис. 2, *1*, *3*), при которых находился небольшой, но довольно интересный погребальный инвентарь.

Так, в усыпальнице № 26 кроме обломков человеческих костей были найдены золотая индикация, сделанная с лицевой стороны солида византийского императора Константина IV (668—669 г.) (рис. 3, *3*, *4*), и шаровидная сердоликовая буса диаметром 15 *мм*. В камере № 30 после грабителей остались две поясные пряжки — бронзовая (рис. 3, *1*) и железная (рис. 3, *2*), украшение от пояса из листовой бронзы (рис. 3, *11*), сломанный железный нож со следами слабовыраженного перекрестия (рис. 3, *7*), две пастовые бусы, часть бронзовой серьги (рис. 3, *8*) и пастовое колечко в виде калачика (рис. 3, *9*) (может быть, часть серьги?). Камера № 31 дала только обломки от стеклянного сосуда зеленоватого цвета (рис. 4, *2*). В камерах № 40 и 48 найдены по одной индикации с солида византийского императора Ираклия с сыновьями Ираклием, Константином и Ираклеоном (632—641 гг.) (рис. 3, *3*, 5). Эти индикации сделаны на серебряной фольге, а с лицевой стороны покрыты позолотой (видимо, здесь была применена ртутная амальгама).

Интересно отметить, что при снятии грунта с карниза, с которого вел вход в усыпальницу № 40, в 30 *см* восточнее входа были найдены обломки от крупного керамического сосуда с носиком-сливом и одной ручкой (рис.

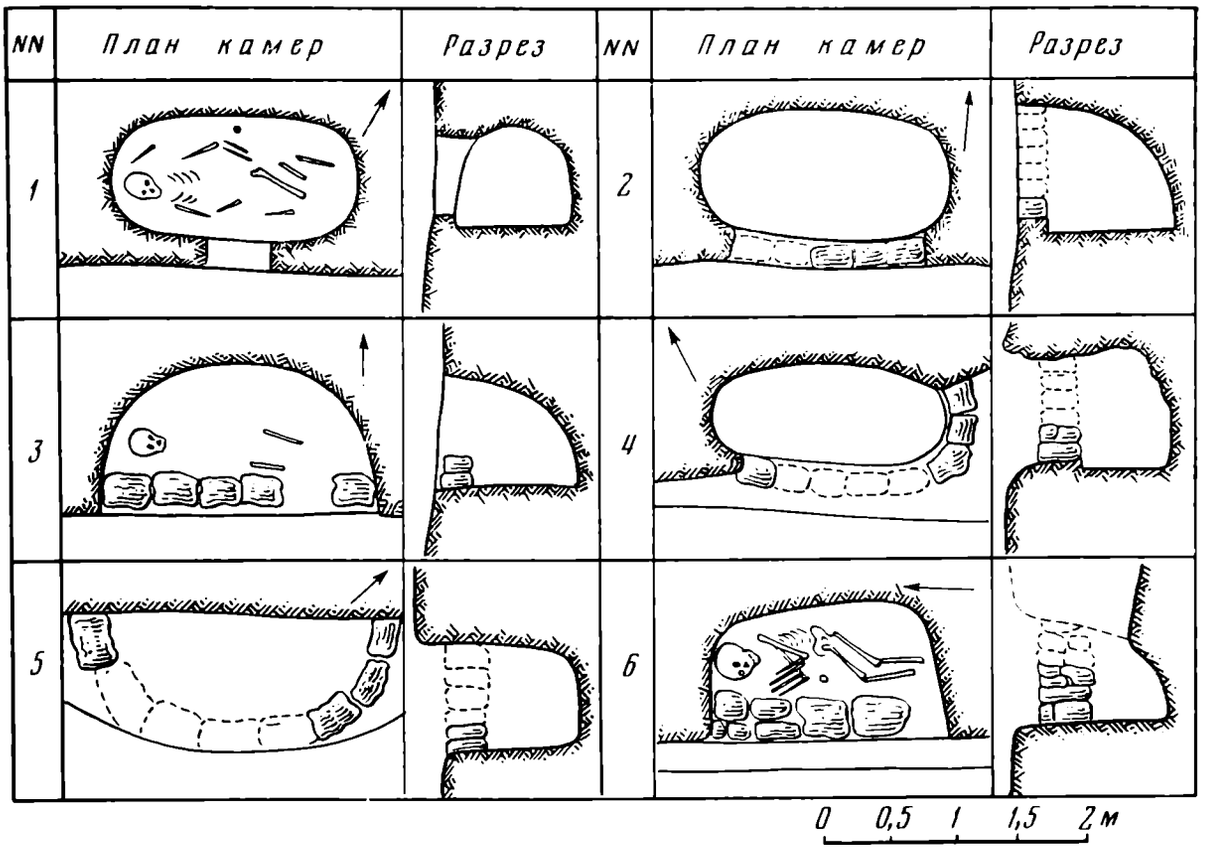


Рис. 2. Типы скальных камер в окрестностях Кисловодска

4, *1*). Как выяснилось, он стоял на карнизе в специально выдолбленном углублении, соответствовавшем размеру нижней части сосуда.

При зачистке камеры № 42 были найдены еще две индикации на очень тонкой золотой фольге, сделанные также с солида византийского императора Константина II и Константа (659—668 гг.) (рис. 3, *36*) [8].

Нужно сказать, что все найденные индикации имели по два отверстия, при помощи которых они, очевидно, прикреплялись к головному убору или к одежде. Одна из найденных индикаций была наложена (очевидно, для прочности) на бронзовый кружок, а ее края завернуты за тыльную часть этой основы. Следы от такой же основы обнаружены и на других индикациях.

Кроме перечисленных предметов в камерах этого могильника были найдены: крупный сосуд с тремя ручками и носиком-сливом (рис. 4,*3*), серебряная пряжка с железным язычком (рис. 3, *3*), две железные пряжки (рис. 3, *4, 5*) и одна бронзовая (рис. 3, *6*), плохо сохранившийся трехперый железный наконечник стрелы (аналогичный рис. 5, *7*), браслеты из бронзовой проволоки, четыре бронзовых перстня, покрытые позолотой с вставками из стекла или пасты (рис. 3, *10*), железные ножи с перекрестиями (как на рис. 3, *7*), подвески с птичьими головками из серебра (рис. 3, *12*) и из бронзы (рис. 3, *13*), бронзовая серьга (рис. 3, *14*), бронзовый колокольчик с железным язычком (рис. 3, *15*), две каплевидные стеклянные подвески зеленоватого цвета с впаянной в них очень тонкой серебряной проволокой (рис. 3, *16*) и бронзовая подвеска или бубенчик, состоящий из двух половинок (рис. 3, *17*). Кроме этих предметов здесь найдены разнообразные бусы из различных материалов: из янтаря (рис. 3, *18*), стеклянные (рис.3, *19, 20*), стеклянные с глазками (рис. 3, *21*), пастовые (рис. 3, *22*), пастовые бородавчатые (рис. 3, *23*) и пастовые с стеклянными вставками (рис. 3, *24*).

[8] Определение индикаций сделано археологом Э. В. Ртвеладзе, принимавшим участие в исследовании этого могильника, за что приносим ему искреннюю благодарность.

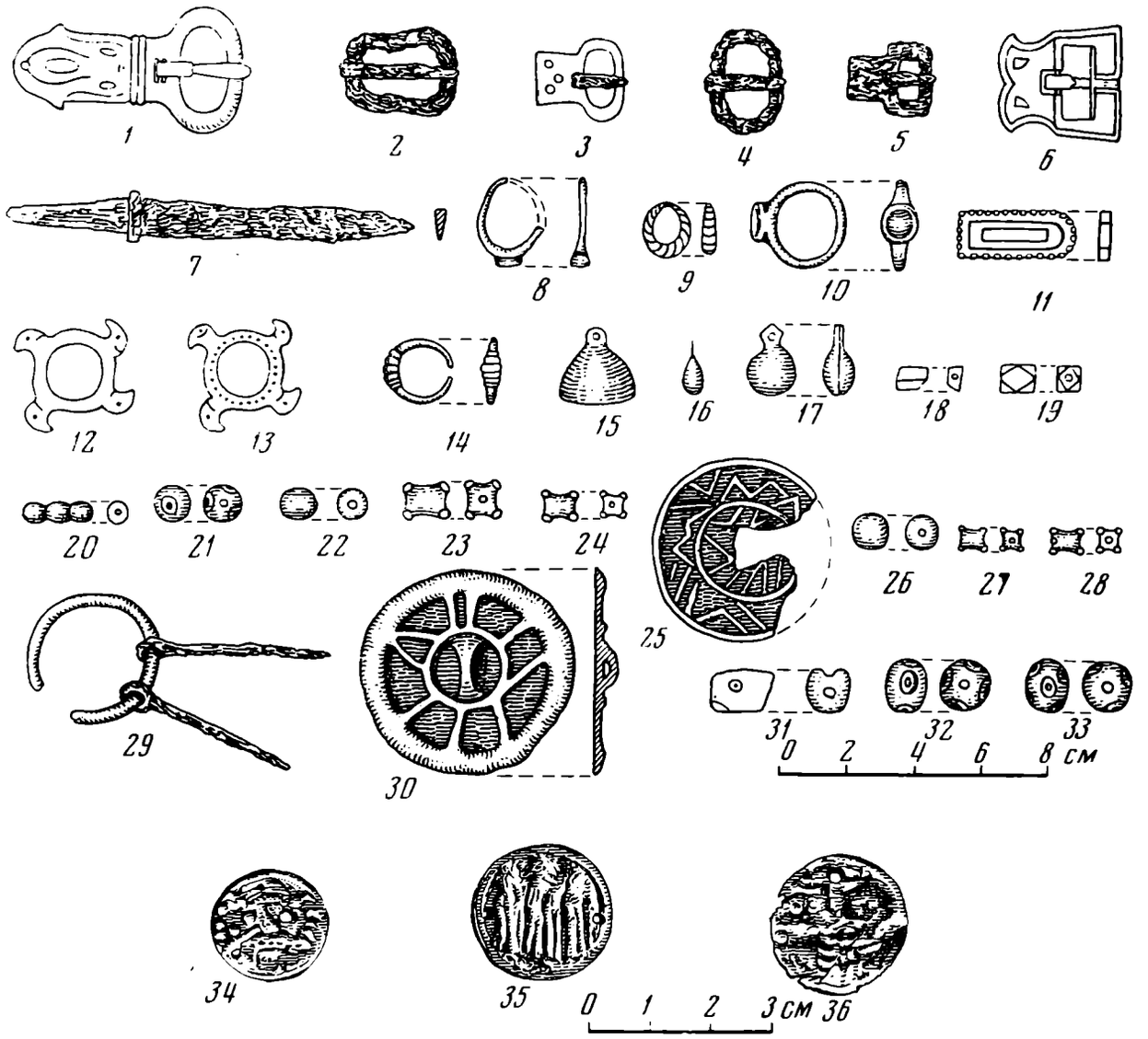


Рис. 3. Инвентарь из скальных захоронений близ Кисловодска

Могильник № 2 (Учкекенский). Поблизости от Джагинского могильника находится и Учкекенский. Он обнаружен Н. Н. Михайловым и мною в 1959 г. на восточной окраине районного центра Мало-Карачаевского района Учкекен при впадении в речку Эшкакон, ее первого нижнего притока [9].

Все 10 сохранившихся здесь камер выдолблены в отвесном обнажении песчаника и расположены на высоте 1, 5—2 *м* от наносов, отложившихся у подножия скалы. Все они находятся на территории усадеб жителей и используются ими как курятники и для других хозяйственных целей. Вследствие этого входы в них иногда расширены, а некоторые камеры соединены между собой. Никаких следов от захоронений и от инвентаря здесь не сохранилось.

Могильник № 3 (Аликоновский, выше замка). Могильник находился в 3—4 *км* от Кисловодска, на расстоянии около 1 *км* выше Замка коварства и любви. Здесь во время добычи камня в левом каньоне р. Аликоновки было разрушено несколько погребений.

Как удалось выяснить, могилы находились на карнизах, которые образовались при выветривании более слабых слоев доломитизированных известняков. Положение костяков осталось невыясненным.

От рабочих стало известно лишь то, что на карнизе вокруг скелетов находились стенки, сложенные из камней. Из инвентаря собраны следующие предметы: часть керамического сосуда, орнаментированного ломаны-

[9] А. П. Рунич. Отчет за 1959 г. хранится в архиве Института археологии АН СССР.

ми линиями (рис. 4, *4*), фрагмент от зеркала из белого металла (рис. 3, *25*), шесть шаровидных бус из сердолика, пять из стекловидной черной пасты (рис. 3, *26*) и верхняя часть бубенчика (как на рис. 5, *11*).

Могильник № 4 (Аликоновский, у моста)[10]. Погребение обнаружили дети, пробравшиеся по очень узкому карнизу на выступ скалы, который находится на высоте около 6 *м* от подошвы обрыва. Сверху этот выступ закрывает нависающая скала из доломитизированного известняка, образуя, таким образом, своеобразный козырек. На выступе находились остатки кладки и грунт (рис. 2, *5*), сбрасывая который дети обнаружили человеческий скелет, два керамических сосуда (*4*, *5*, *6*) и две железные «шпильки» (видимо, копоушка и ногтечистка), надетые на бронзовое кольцо (рис. 3, *29*). Кроме этих предметов здесь находились железный нож со слабовыраженным перекрестием (как на рис. 3, *7*) и серебряная пластинка. Со слов детей, костяк лежал головой к западу.

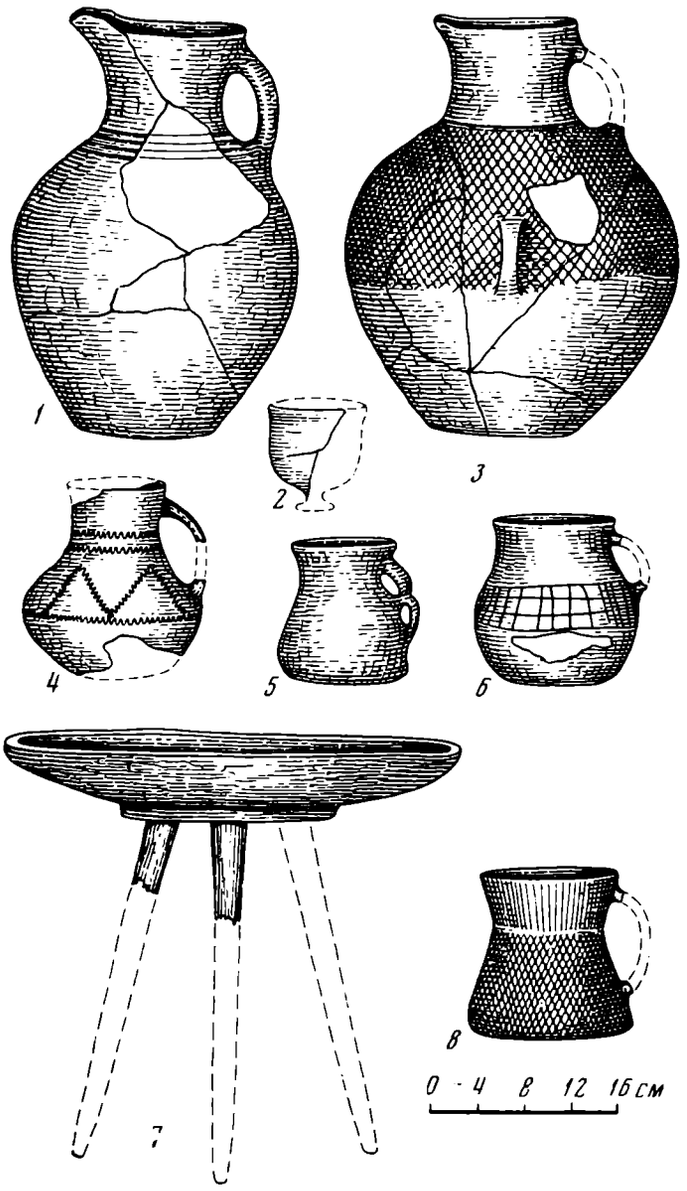


Рис. 4. Посуда из скальных захоронений близ Кисловодска

Это скальное захоронение находилось в левом обрывистом берегу р. Аликоновки у моста на дороге Кисловодск — Замок коварства. Обследование этого места показало, что значительная часть скалы здесь обрушилась, очевидно, вместе с находившимися в ней погребениями, а на оставшихся аналогичных пяти выступах следов от захоронений уже не осталось, так как они были более доступны и, видимо, их разрушили значительно раньше.

Могильник № 5 (Тихий уголок). Могильник находится на правом берегу р. Подкумок, примерно в 700 *м* выше по течению от железнодорожной станции того же названия и в 300 *м* на восток от русла речки.

Местные жители называют это место «Тихий уголок», он представляет собой своеобразную подкову, открытую на северо-запад. С юга, востока и севера его ограждают отвесные обнажения песчаника высотой от 5 до 10 *м*, в которых на разной высоте и вырублены усыпальницы. Песчаники здесь довольно интенсивно выветриваются и обрушиваются вместе с камерами, многие камеры теряют свои первоначальные очертания. Тем не менее в наиболее хорошо сохранившихся камерах, на их стенках и потолках еще видны следы тесла, которым они вырубались. Всего здесь сохранилось 48 камер, из которых 46 оказались пустыми. По форме камеры этого мо-

[10] А. П. Рунич. Отчет за 1963 г. хранится в архиве Института археологии АН СССР.

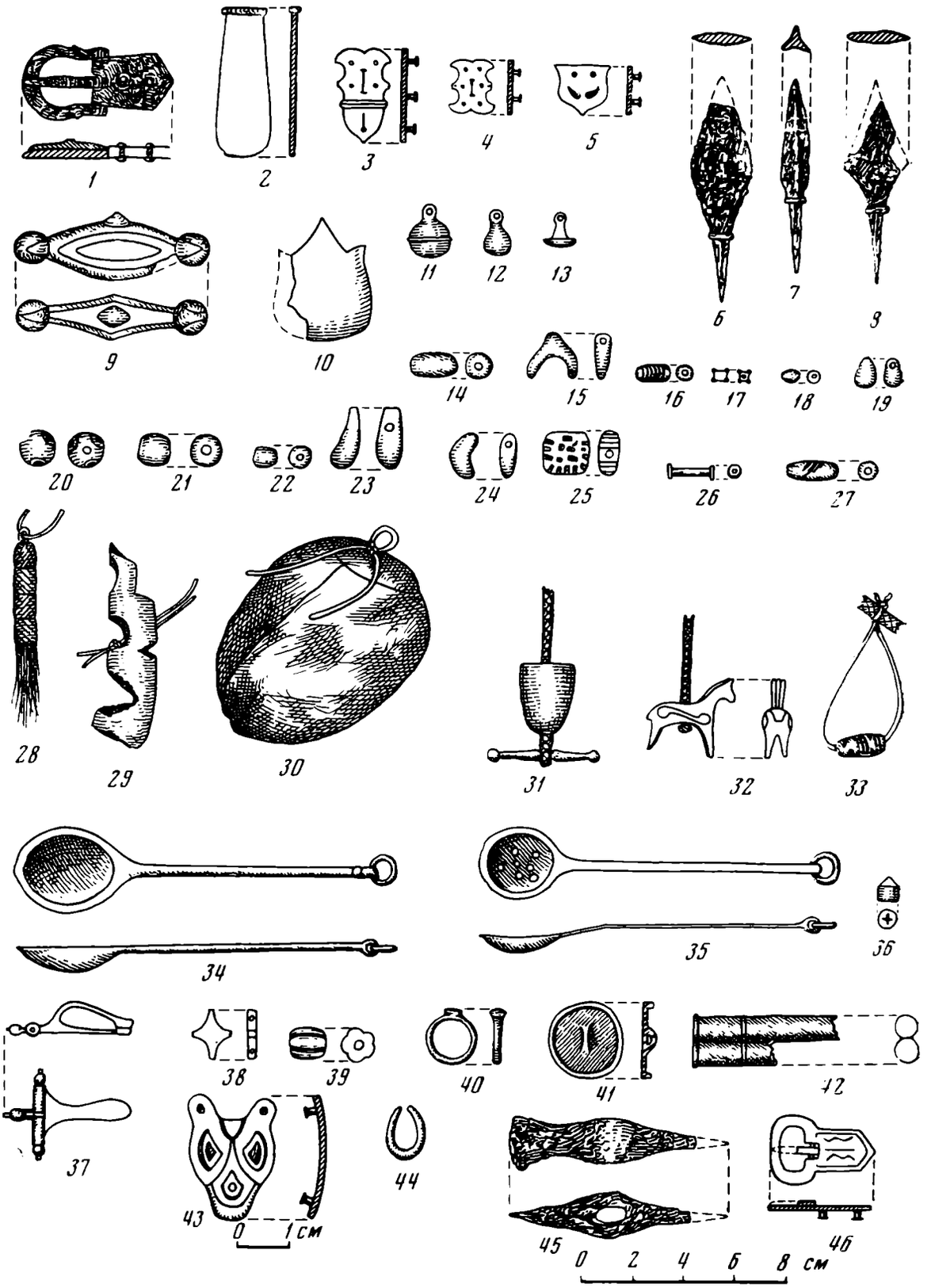


Рис. 5. Инвентарь из скальных захоронений близ Кисловодска

гильника представляют собой овалы с хорошо выраженными заплечиками (аналогичные рис. 2, *2*) и в виде полукруга (как на рис. 2, *3*).

Представление о захоронениях в этом могильнике дала фактически только одна усыпальница № 32 (рис. 2, *6*). Вход в эту камеру вел с карниза. Со стороны обрыва сохранилась большая часть закладки общей высотой 43 и толщиной 40 *см*. Как выяснилось при зачистке, верхняя часть скалы, в которой был потолок камеры, обрушилась, повредив закладку и засыпав камеру. По этой причине ее не заметили кладоискатели, и она сохранилась для исследования.

На дне камеры без следов подстилки лежал на правом боку лицом к входу женский костяк с слегка подогнутыми нижними конечностями,

ориентированный головой на север (рис. 2, *6*). Около локтя согнутой левой руки находилось зеркало из белого металла (рис. 3, *30*), под которым сохранился след от кожного футляра. Здесь же находились бусы: одна янтарная (рис. 3, *31*), две пастовые глазчатые голубого цвета с красными глазками и белым окаймлением (рис. 3, *32*) и одна грязно-белая с коричневым глазком (3, *33*), одна сердоликовая шаровидная, две пастовые бородавчатые голубого цвета с желтыми «бородавками» (рис. 3, *27*) и одна стеклянная бородавчатая темно-синего цвета с голубыми «бородавками» (рис. 3, *28*). Вторая камера также была засыпана при обрушении, не оказалась ограбленной. По остаткам от скелета выяснено, что он лежал головой на юго-запад. Из инвентаря сохранились зеркало из белого металла (как на рис. 3, *30*) и обломок от украшения из листовой бронзы (аналогичный рис. 3, *11*).

Могильник № 6 (у Острого мыса). Могильник расположен напротив предыдущего, на левом берегу речки, примерно на середине между железнодорожным мостом через речку Подкумок и железнодорожной станцией Подкумок, на расстоянии около 1 *км* западнее железной дороги. Всего здесь сохранилось шесть камер, выдолбленных в песчанике. Песчаники в этом обнажении довольно слабые и легко выветриваются, значительная часть скалы здесь обрушилась, видимо, вместе с находившимися в ней камерами. Из-за мягкости песчаника усыпальницы сохранились довольно плохо и только две имели свое первоначальное очертание с хорошо выраженными заплечиками (как на рис. 2, *2*); на их стенках местами еще видны следы от тесла. Все уцелевшие камеры примыкают к небольшому карнизу и находятся на высоте около 10—15 *м* от основания обрыва. Все они оказались пустыми, и только у подножия скалы (под погребениями) мы нашли обломки человеческих костей и одну пастовую бусу (как на рис. 3, *32*).

Могильник № 7 (Хасаутский). Хасаутский могильник находится в левых боковых ущельях р. Хасаут примерно в 35 *км* на юго-запад от Кисловодска. Первое упоминание об этом интересном могильнике имеется в очерке И. Иванюкова и М. Ковалевского, сообщающих о погребениях, устроенных в пещерах, расположенных на большой высоте, и о находках там тканей и различных предметов [11].

При обследовании этого могильника выяснено, что здесь насчитывается в общей сложности около 200 усыпальниц, расположенных группами. Часть из них находится на очень большой высоте и доступна только при помощи специального альпинистского снаряжения. Несмотря на это, входы в них оказались открытыми, что указывает на их ограбление.

Осмотр наиболее доступных 36 усыпальниц показал, что здесь имеются камеры с хорошо выраженными заплечиками (как на рис. 2, *2*) полукруглой формы (аналогичные рис. 2, *3*) и устроенные на карнизах (как на рис. 2, *5*).

В большой части осмотренных нами камер, на их потолках и стенах, были отчетливо видны следы от инструмента, которым они вырубались в песчанике. Контрольная зачистка этих камер, где иногда сохранились части закладки, дала обломки человеческих костей, обрывки истлевших тканей и различные мелкие предметы.

Некоторые вещи из погребального инвентаря были подобраны у подножия скалы, куда их сбросили кладоискатели и орлы, иногда устраивавшие свои гнезда в этих камерах.

Местные жители и альпинисты сообщали нам, что в камерах встречаются высохшие трупы людей, на которых иногда довольно хорошо сохранилась одежда [12]. Кроме этого, в камерах они находили деревянные сосуды,

[11] И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбордса, стр. 85—101.

[12] Один такой труп отослан в Симферополь, где он находится в патологоанатомическом музее при мединституте.

деревянные столики и другие предметы. Всего из различных камер альпинистами были доставлены следующие вещи: столик на трех ножках (рис. 4, *7*) [13], железная пряжка (5, *1*), серебряные украшения от пояса (рис. 5, *2—5*), железные черешковые наконечники стрел трех типов (рис. 5, *6—8*), бронзовое перекрестие от рукояти ножа или кинжала (рис. 5, *9*), серебряное навершие ножен меча или сабли (рис. 5, *10*), бронзовые бубенчики (рис. 5, *11*), литые бронзовые пуговицы (рис. 5, *13*) и разнообразные бусы из различных материалов: стеклянные (рис. 5, *14—19*), сердоликовые шировидные, пастовые (рис. 5, *20—24*), одна мозаичная с красными, желтыми и белыми вставками (рис. 5, *25*), одна бронзовая в виде шпульки (рис. 5, *26*) и одна из халцедона (рис. 5, *27*).

Особого внимания заслуживает своеобразный набор, который, видимо, принадлежал знахарю или служителю культа. Все эти предметы висели на тонких плетеных из ремня подвесках, привязанных к общему ремню. В состав этого комплекса входили следующие предметы: кисточка из щетины дикого кабана, обшитая тканью (рис. 5, *28*), кусок сильно изъеденного рога (рис. 5, *29*), кожаная сумочка (рис. 5, *30*), в которой находились высушенные корни каких-то растений, бронзовая «скалочка», прикрепленная к кожаному предмету в виде пуговиц (рис. 5, *31*), бронзовая стилизованная фигурка лошади (рис. 5, *32*) и стеклянная красноватая буса с белыми прожилками (рис. 5, *33*). По словам находчиков, в этой же камере еще были найдены три бронзовые ложечки (рис. 5, *34*), бронзовая ложечка-недилка (рис. 5, *35*) и шесть костяных предметов в виде фишек с крестиками (рис. 5, *36*).

Очень интересной находкой, сделанной в одной из камер, оказались довольно хорошо сохранившиеся кожаные ноговицы, сшитые по сложной выкройке (рис. 6, *3*). Детали их показаны на рис. 6, *1, 2*. Фигурные швы имеют мелкую строчку, очень похожую на машинную. Верх голенища («козырек») обшит тканью [14].

Кроме перечисленных предметов в ограбленных камерах и у подножия скалы под погребениями нами были найдены еще следующие предметы: две бронзовые арбалетные фибулы с серебряными украшениями (5, *37*), такая же «скалочка», бусы из гагата в виде креста с двумя отверстиями (рис. 5, *38*), шаровидные бусы из сердолика и пасты, крупная голубая пастовая буса (рис. 5, *39*), перстень из черного стекла (рис. 5, *40*), обломок стеклянного браслета, бронзовая поясная пряжка (рис. 5, *46*), бронзовые бубенчики, очень маленькое зеркало из белого металла (рис. 5, *41*), две соединенные между собой бронзовые трубочки (рис. 5, *42*), остатки от музыкального инструмента (?), три бронзовых украшения в виде масок (рис. 5, *43*), которые были прикреплены к ремню, один браслет из бронзовой проволоки и два стеклянных завитка (рис. 5, *44*) (серьги?).

На покрытом грунтом небольшом карнизе была обнаружена кладка, закрывавшая вход в камеру. Форма камеры, ее размеры, положение костяка и сама закладка оказались совершенно схожи с изображенной на рис. 2, *6*. В этой камере находился один скелет, лежавший головой на юго-восток. У головы погребенного стоял керамический сосуд с очень широким днищем, отбитой ручкой и орнаментом, состоящим из прорезных линий (рис. 4, *8*).

Кроме сосудов в камере еще находились довольно плохо сохранившаяся железная секира (рис. 5, *45*) и железный нож [15]. На стенках и на потолке усыпальницы сохранились следы от инструмента, которым вырубалась камера.

---

[13] Наличие здесь столиков было еще отмечено: И. Иванюков и М. Ковалевский. Ук. соч.

[14] Все перечисленные предметы из Хасаутского могильника А. П. Рунич передал в Государственный Исторический музей Москвы.

[15] Найденный инвентарь находится в Кисловодском народном музее.

Как уже отмечалось, основная масса обнаруженных в этих могильниках усыпальниц искусственно вырублена в довольно плотных песчаниках Большая часть камер находилась в отвесных скалах и на значительной высоте (до 15—20 *м*), и их устройство и обряд захоронения были довольно трудной и сложной задачей, так же как их исследование в настоящее время. Все это указывает на то, что обряд захоронения в отвесных скалах и высоко над землей был очень устойчив и люди строго выполняли этот обычай, несмотря на отмеченные выше трудности.

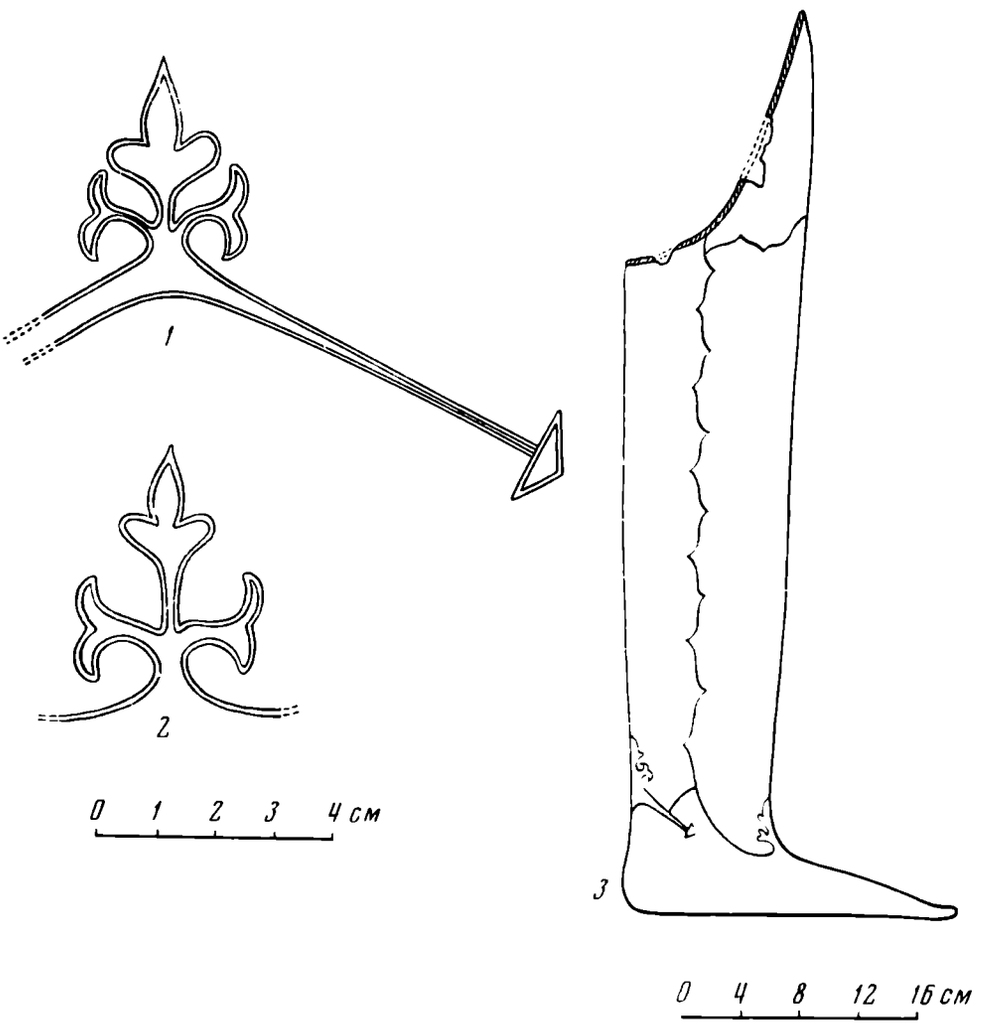


Рис. 6. Кожаный мягкий сапог из могильника № 7

Лишь в некоторых случаях камеры были более доступными, с входами с карнизов, в небольших выступах скал и сравнительно на небольшой высоте (до 1,5—2 *м*).

Около 98% найденных камер оказались ограбленными. Так, в описанных нами семи могильниках в общей сложности мы исследовали 158 камер, из которых всего только две оказались не поврежденными кладоискателями. В остальных остатки погребального инвентаря были собраны в грунте, заполнявшем камеры. Несмотря на это, произведенные исследования и собранный инвентарь все же дал возможность составить представление об этих своеобразных захоронениях и определить их предварительную датировку.

Так, наиболее ранними оказались камеры из Джагинского скального могильника. Их датировка хорошо устанавливается найденными там индикациями с византийских монет (632—669 гг.). Эта же крайняя дата (VII—VIII вв.) устанавливается по шелковым тканям и для ранних захоронений в Хасаутском могильнике [16].

[16] А. А. Иерусалимская. О Северо-Кавказском шелковом пути в раннем средневековье. СА, 1967, 2, стр. 69.

На это же время указывают найденные там фибулы и украшения от пояса (рис. 5, *2—5*) [17].

Время самых поздних захоронений для этих могильников пока представляется возможным определить только для Хасаутского могильника по обломку стеклянного браслета, которые появляются в указанном районе Кавказа в XI—XII вв. [18]

Эту дату подтверждает и найденная в камере Хасаутского могильника железная секира. Совершенно аналогичные секиры нам встречались только в поздних катакомбах Кисловодска, которые датируются XI—XII вв. [19] Все это дает основание считать, что захоронение в скалах около Кисловодска и на территории Мало-Карачаевского района производилось довольно длительное время — с VII по XI—XII вв.

Особенностью всех исследованных усыпальниц являются их небольшие размеры (длина камер 1,5—2,2, ширина 0,7—1,08, высота 0,7—0,95 *м* и их площадь 1,3—2,1 $м^2$), рассчитанные на захоронение только одного человека [20].

Кладка, закрывавшая входы в камеры, сложена без раствора и иногда замазана глиной. По «архитектуре» исследованные камеры неодинаковы, и их можно подразделить на четыре основные типа:

К первому мы относим камеры с небольшим входным отверстием (рис. 2, *1*), очень похожие на катакомбы, но без дромоса. Такие усыпальницы встречены только в Джагинском могильнике.

Второй и третий тип камер распространен особенно широко и обнаружен в пяти могильниках, включая и Джагинский. Он представляет собой своеобразные ниши, которые закрывала кладка (рис. 2, *2*, *3*). Эти разновидности камер ближе к погребениям «с подбоем», чем к катакомбам.

Четвертый тип камер встречается реже предыдущих: в нем для захоронения использовались карнизы, образовавшиеся в результате выветривания более мягких слоев доломитизированного известняка или песчаника и обязательно защищенные нависающей сверху скалой. В этих случаях обычно в карнизе выдалбливалось корытообразное углубление, куда и клали умершего, а потом производили закладку, доводя ее до нависающей скалы (рис. 2, *4*). Такое устройство камер, очевидно, было продиктовано самой твердостью горных пород (доломитизированные известняки или очень плотные песчаники). Этот тип могильных сооружений совершенно не похож на катакомбы, но очень близок к наземным склепам, крышей которых является нависающая скала.

Из описания и по рисункам типов камер (рис. 2, *1—6*) видно, что эти своеобразные могильные сооружения не имеют характерных для катакомб дромосов. Они сделаны в отвесных скалах на значительной высоте и хорошо заметны. Последнее обстоятельство, очевидно, и явилось основной причиной массового их ограбления.

Насколько можно судить по пяти сохранившимся костякам, для скальных захоронений характерна неустойчивая ориентировка погребенных по странам света, что, видимо, было связано с направлением самих скал, в которых делались камеры.

Поскольку катакомбы и аналогичные по устройству камеры в скалах сделаны искусственно, их нельзя называть пещерами, так же как и захоронения в них «в пещерах», как это делали И. Иванюков и М. Ковалев-

---

[17] Совершенно аналогичные украшения найдены В. Л. Тимофеевым в подземном склепе Боготобага в окрестностях ст. Зеленчукской, которые В. А. Кузнецов датирует VI—VII вв. В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 51, рис. 16, *9—11*.

[18] В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 68, 1957, стр. 36.

[19] А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244.

[20] В очерке (И. Иванюков и М. Ковалевский. Ук. соч.) сообщается о находке восьми трупов в одной камере, что указывает на наличие в Хасауте еще и бо́льших камер. Все 36 обследованных нами камер оказались небольшими.

ский [21] и как (В. И. Марковиным) названы искусственно выкопанные усыпальницы в Чечне [22]. Такие названия неудачны потому, что само название «пещера» подразумевает естественные пустоты в земной коре разного происхождения, которые могли быть использованы под некрополь, но в данном случае этого нет.

Таким образом, в отличие от родственных им катакомб, захоронения в скалах, которые по материалам из района Кавминвод впервые вводятся в научный оборот, следует называть скальными захоронениями. Это, по нашему мнению, наиболее подходящее и точное определение данного типа погребений. Сопоставляя погребальный инвентарь и устройство камер скальных могильников с предметами, найденными в одновременных с ними катакомбах, обнаруживается не только их некоторое сходство, но и своеобразное различие.

Так, индикации с византийских монет одного времени встретились только в двух катакомбных могильниках и в скальном. В этих же могильниках найдены совершенно одинаковые бронзовые пряжки (рис. 3, *1*) и наборы бус. Керамические же сосуды резко отличаются.

В Хасаутском скальном могильнике найден деревянный столик на трех ножках (рис. 4, *7*). Совершенно аналогичные столики мы нашли в катакомбах на Рим-горе, где они датируются X—XII вв. [23]

В камере Хасаутского могильника и катакомбах Рим-горы найдены одинаковые железные секиры, которые также обнаружены в катакомбных могильниках XI—XII вв. на территории Кисловодской мебельной фабрики, у горы «Кольцо» и у городской свалки [24]. В этих же могильниках встречены бронзовые бубенчики (рис. 5, *12*), отличающиеся по форме и приемам изготовления от бубенчиков из скальных погребений Хасаута (рис. 5, *11*). В катакомбах Кисловодска не было ни одного случая находок железных ножей с перекрестиями, подобных найденным в скальных погребениях. Посуды из скальных погребений собрано очень незначительное количество. Это были довольно крупные кувшины с носиками-сливами, одной или тремя ручками (рис. 4, *1, 3*) или же сосуды меньшего размера типа кружек (рис. 4, *4, 5, 6, 8*). Орнамент на них состоит из перекрещивающихся прорезных, горизонтальных вдавленных и ломаных линий (рис. 4, *1, 3, 4, 6, 8*).

Подобные сосуды с таким орнаментом нами пока не найдены в катакомбных могильниках Кисловодска, но довольно близкие им сосуды известны из ряда мест. Так, кувшин с тремя ручками (рис. 4, *3*) из Джагинского могильника довольно близок к такому же трехручному кувшину-водоносу из Галиатского склепа VIII в. в Северной Осетии [25].

Сосуд, орнаментированный ломаными линиями (рис. 4, *4*), из могильника № 3 на речке Аликоновке (выше Замка коварства) не имеет прямых аналогий, что затрудняет датировку могильника. Кувшинчик с низким и приземистым округлым туловом и ручкой с двумя отверстиями для двух пальцев, происходящий из могильника № 4 у моста на р. Аликоновка, очень близок сосудам из Кабардино-Балкарии, которые датируются VII—IX вв. [26]

Сосуд из Хасаута также не имеет прямых аналогий, но по очертаниям тулова он довольно близок кувшинчику из аула Бабукова КБ АССР, относящемуся к VII—IX вв. [27] Нужно отметить, что сосуды с таким широким

---

[21] И. Иванюков и М. Ковалевский. Ук. соч.

[22] В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 101.

[23] А. П. Рунич. Катакомбы Рим-горы. СА, 1970, 2.

[24] А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска, стр. 241—244.

[25] Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. ИСОНИИ, IX. Орджоникидзе, 1940, стр. 164; его же. Галиатский могильник, как источник по истории алан-ассов. ВДИ, 1938, 2 (3), стр. 120.

[26] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 24, *Б, 5, 6*.

[27] Там же, рис. 24, *Б, 8*.

днищем и раздутым туловом характерны для Салтово-Маяцкой культуры VIII—IX вв.[28]

Обращает на себя внимание и тот факт, что состав глины, из которой, например, сделаны джагинские сосуды, резко отличен от состава теста керамических сосудов, найденных в катакомбах. Так, тесто джагинских сосудов очень однородно и не имеет примеси дресвы, а сами сосуды пепельно-серого цвета.

Все это указывает не только на различные погребальные обряды, но и на некоторую разницу в культуре тех групп населения, которые оставили катакомбные и скальные могильники. Это особенно интересно потому, что захоронения в скалах в указанном районе производились одновременно с катакомбными захоронениями, причем катакомбные могильники появляются раньше скальных. Такими катакомбными могильниками здесь являются: Березовский (V—VI вв.), того же времени у отстойника Кисловодского озера, в Буденовской слободе и др.[29] Одновременными со скальными были: катакомбные могильники VII—VIII вв. у бывшего подсобного хозяйства им. Луначарского[30], в Мокрой балке[31] и др., а также катакомбы X—XII вв. на Рим-горе[32], на территории мебельной фабрики, в устье Крымушкиной балки, у горы Кольцо и т. д.[33] Месторасположение этих и других катакомбных могильников показано на рис. 1 и обозначено знаком «К».

Как отмечает В. А. Кузнецов, в это время, в конце VII— начале VIII в., и появляются болгары в районе Кисловодска[34], что совпадает с началом захоронения в скалах.

Вопрос об этнической принадлежности скальных захоронений остается пока неясным и требует уточнения.

Тем не менее произведенные исследования и погребальный инвентарь дают новый материал по еще слабо изученным памятникам раннего средневековья в районе Кисловодска и прилегающей территории Мало-Карачаевского района, а следовательно, для всей очень интересной и в то же время сложной древней истории Северного Кавказа.

A. P. Rounitch

LES SÉPULTURES RUPESTRES DÉCOUVERTES DANS LES ENVIRONS DE LA VILLE DE KISLOVODSK

Résumé

Dans les environs de la ville de Kislovodsk on a trouvé les tombeaux de type particulier qui n'étaient pas connus, à l'exception de Khassaoute, au Caucase du Nord. La plupart des chambres de ces sept sépultures furent pratiquées dans les roches abruptes, à une grande hauteur. Elles sont de forme ovale. Outre les chambres précitées sont signalés les cas où, en vue de l'ensevelissement, on utilisait les corniches. Mais ces dernières devraient être obligatoirement protégées par des rochers surplombants. En ce cas — là, de trois côtés on élevait les murs jusqu'à ce que ces derniers atteignent le rocher surplombant. De 158 sépultures fouillées ce n'étaient que deux que les voleurs n'avaient pas dérangé. Le mobilier funéraire retrouvé dans les sépultures rupestres se compose de récipients, petites tables à trois pieds, couteaux, haches, miroirs, boucles de ceinture, diverses étoffes, colliers et d'autres objets de parure. Parmi les parures on a trouvé les indications et les monnaies de Byzance. Les indications et d'autres objets donnent lieu à rapporter l'apparition des sépultures rupestres au VII siècle. Elles existaient aussi que les sépultures en catacombes jusqu'aux X—XII siècles.

---

[28] Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. Тр. історичного факультету Харківського університету, 7, 1959, стр. 241—267, рис. X, *3, 4*.

[29] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 15—16.

[30] А. П. Рунич. Катакомбный могильник VII—VIII вв. около Кисловодска, СА, 1968, 3, стр. 208—214.

[31] Его же. Отчет в Институт археологии за 1968 г.

[32] Его же. Катакомбы Рим-горы.

[33] Его же. Катакомбные могильники в районе Кисловодска, стр. 241—244.

[34] В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 38.

Н. Н. ВОРОНИН и П. А. РАППОПОРТ

РАСКОПКИ В СМОЛЕНСКЕ В 1967 г.

Смоленская архитектурная экспедиция провела в 1967 г. свой шестой полевой сезон [1]. Исследовались два объекта: обстройки церкви Иоанна Богослова и руины храма на Окопном кладбище [2].

I. Церковь Иоанна Богослова

Это один из трех уцелевших на поверхности земли памятников домонгольской поры в Смоленске, но сохранившийся хуже других. Он дважды, в 1763 и 1786 гг., подвергался капитальным перестройкам: древние столбы были заменены новыми, переложены своды и глава, а стены сохранились в виде отдельных частей, вмонтированных в новую кладку (рис. 1). Храм сильно «врос в землю», утонув в завале собственных руин и слое подходившего со всех сторон кладбища, так что храм сейчас стоит как бы на холме, а внутри он засыпан на глубину около 2 *м*. При перестройках были срублены полуколонны лопаток, заложены древние узкие окна и сделаны новые. В 1827 г. был сломан древний северо-восточный придел и выстроен новый у его юго-западного угла, в свою очередь разобранный.

Сохранившиеся древние части стен позволяют представить строгий облик крестовокупольного храма с массивной главой на крестчатых столбах, с внутренними лопатками, с мощным членением фасадов полуколоннами, со ступенчатыми амбразурами щелевидных окон и таким же профилем порталов, тонкими тягами на апсидах, превосходной порядовой кладкой с косой подрезкой швов (рис. 2) и черными квадратами каналов от пальцев лесов. Храм в целом был двойником церкви Петра и Павла вплоть до украшения угловых лопаток выложенными из плинфы выпуклыми крестами. Такой крест на «Голгофе» сохранился на северо-восточной лопатке храма. Видимо, оба памятника близки и по времени.

Памятник уже привлекал внимание исследователей. В 1924 г. И. М. Хозеров и С. Д. Ширяев провели раскопки снаружи и внутри здания, установив крестчатую форму древних столбов и наличие маленьких приделов у восточных углов храма (рис. 3). Однако раскопка была частичной [3]. В 1961 г. северо-восточный придел был полностью вскрыт М. Х. Алешковским, который установил также, что храм имел галерею [4]. Задачей работ 1967 г. было доследование характера галереи и полное вскрытие южного придела. Южный раскоп охватил участок, включающий

[1] Раскопки велись ИА АН СССР на основные средства Смоленского областного управления культуры. Состав экспедиции: Н. Н. Воронин (нач. эксп.), П. А. Раппопорт (ст. научн. сотр.), М. Б. Чернышев (архитектор), лаборанты — В. И. Матвеева и Б. И. Сушко.

[2] Раскопки первого объекта вел Н. Н. Воронин, второго — П. А. Раппопорт.

[3] И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, XI, 1945, стр. 20, 21.

[4] Отчет М. Х. Алешковского см. в МОА ИА, Р. 1, № 2287. План северного придела по данным исследователя показан на рис. 8.

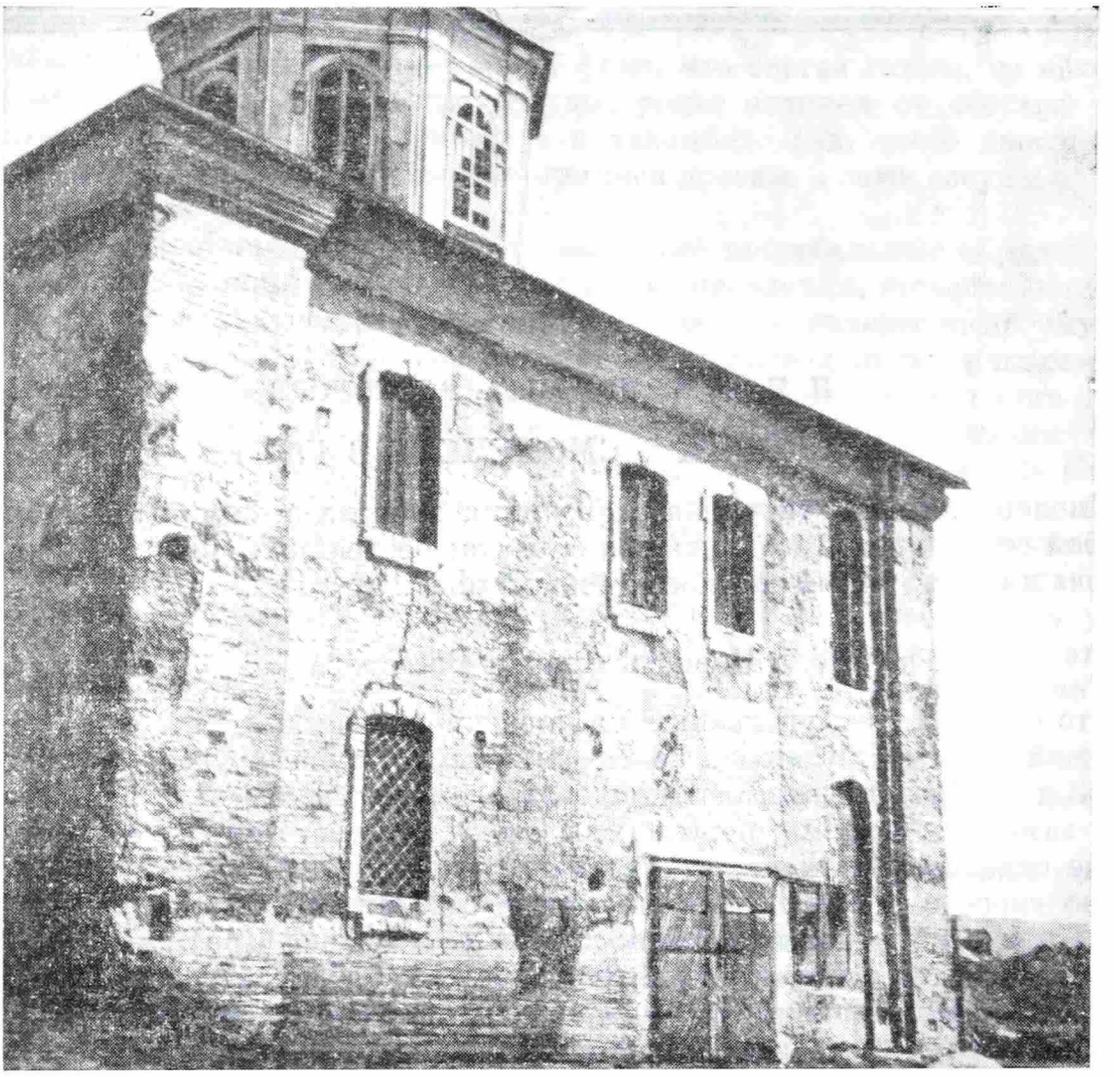


Рис. 1. Церковь Иоанна Богослова. Южный фасад

южный портал, северный — участок к западу от северного портала (здесь большую часть площадки у стены храма занимали поздние кирпичные склепы, приваленные огромными валунами и не вскрывавшиеся нами[5]).

Главную толщу культурного слоя здесь и там составляет слой строительного мусора, перерытый поздними могилами. С северной стороны слои круто снижаются к северу, очерчивая образовавшийся в процессе разрушений и восстановлений храма холм.

Юго-восточный придел, почти вся площадь которого была занята кирпичными склепами XVIII—XIX вв., оказался непохожим на его изображение И. М. Хозеровым (рис. 3). Он сравнительно хорошо сохранился (рис. 4). Его план своеобразен своей асимметрией: полукруглая ниша диаконика отсутствует — при данной ширине ей не хватило места. Можно не сомневаться, что и северная капелла имела ту же асимметричную композицию, т. е. слева от апсиды была полукруглая ниша жертвенника (см. рис. 8). В апсиде сохранилось основание маленького престола (63×× 83 *см*) с внутренним «шкафом». Апсида отделена от помещения для молящихся кирпичной преградой, встроенной в торцовые стенки апсиды; ее толщина 22—24 *см*, ширина прохода 0,72 *м*. На внешней стороне преграды сохранились слабо связанные с кладкой остатки фресковой росписи, имитирующей полилитию (рис. 5). Орнамент обрамлен красно-корич-

[5] Раскопки памятника, используемого как склад стройматериалов Реставрационной мастерской, были ограничены их размещением снаружи храма, а его внутренность полностью занята складом, так что мы лишены возможности судить об аркосолиях в западной части здания. В связи с этим на реконструкции (рис. 8) мы не показываем аркосолиев.

невой полосой с белой окантовкой. Слева — под нишей жертвенника красно-коричневый ромб с белой сердцевиной, правее — сплошной красно-коричневый ромб на белом фоне (впрочем, первоначально фон мог быть зеленым — сохранились незначительные следы зеленой краски). Далее к югу — рамка нового раппорта: большой ромб с белым кругом, ограниченным циркулем. К югу от дверного проема — нижняя часть аналогичной фрески: по сторонам большого, поставленного на острие ромба (уцелел нижний конец) два малых красно-коричневых круга (в целом это была, вероятно, симметричная композиция — в верхних углах, наверное, повторялись малые круги). Сохранившиеся и здесь пятна зеленой краски наводят на мысль, что фон был зеленым. Нижний край росписи совпадает с уровнем входа в алтарь и глиняной подсыпки под настил пола. Западные углы придела ограничены двумя пилонами по оси лопатки храма, на которые опиралась арка перекрытия галереи. Западная стенка придела толщиной 0,86 *м* встроена меж пилонами без фундамента; в ее кладке использованы обломки лекальной плинфы; ширина входа 84—85 *см*; справа от проема сохранилась роспись: белый ромб на красно-коричневом фоне (рис. 6). Меж пилонами и углами алтарной части в перевязь с ними встроены с

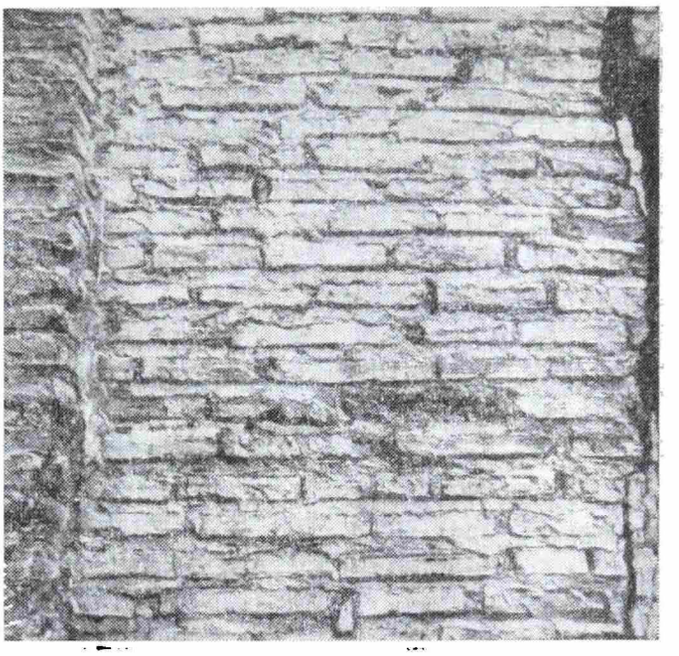


Рис. 2. Церковь Иоанна Богослова. Деталь кладки

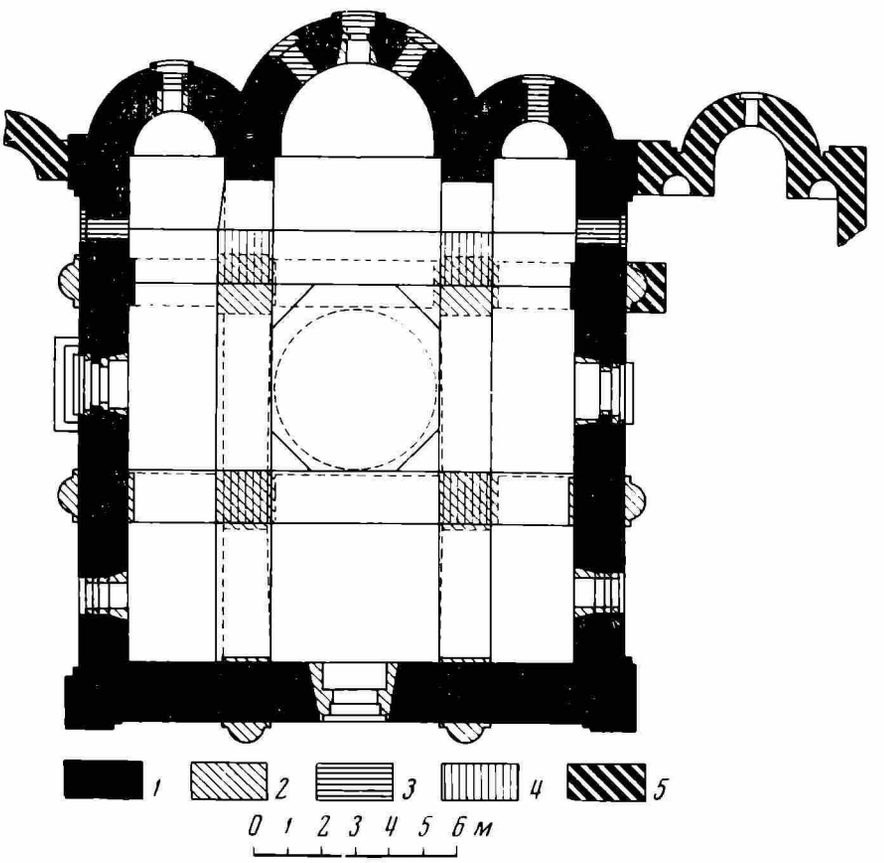


Рис. 3. Церковь Иоанна Богослова. План (по И. М. Хозерову).

1 — древняя кладка; *2* — уничтоженные части древней кладки; *3* — закладка брусчатым кирпичом; *4* — кладка второй половины XVIII в.; *5* — древние части приделов, открытые раскопками

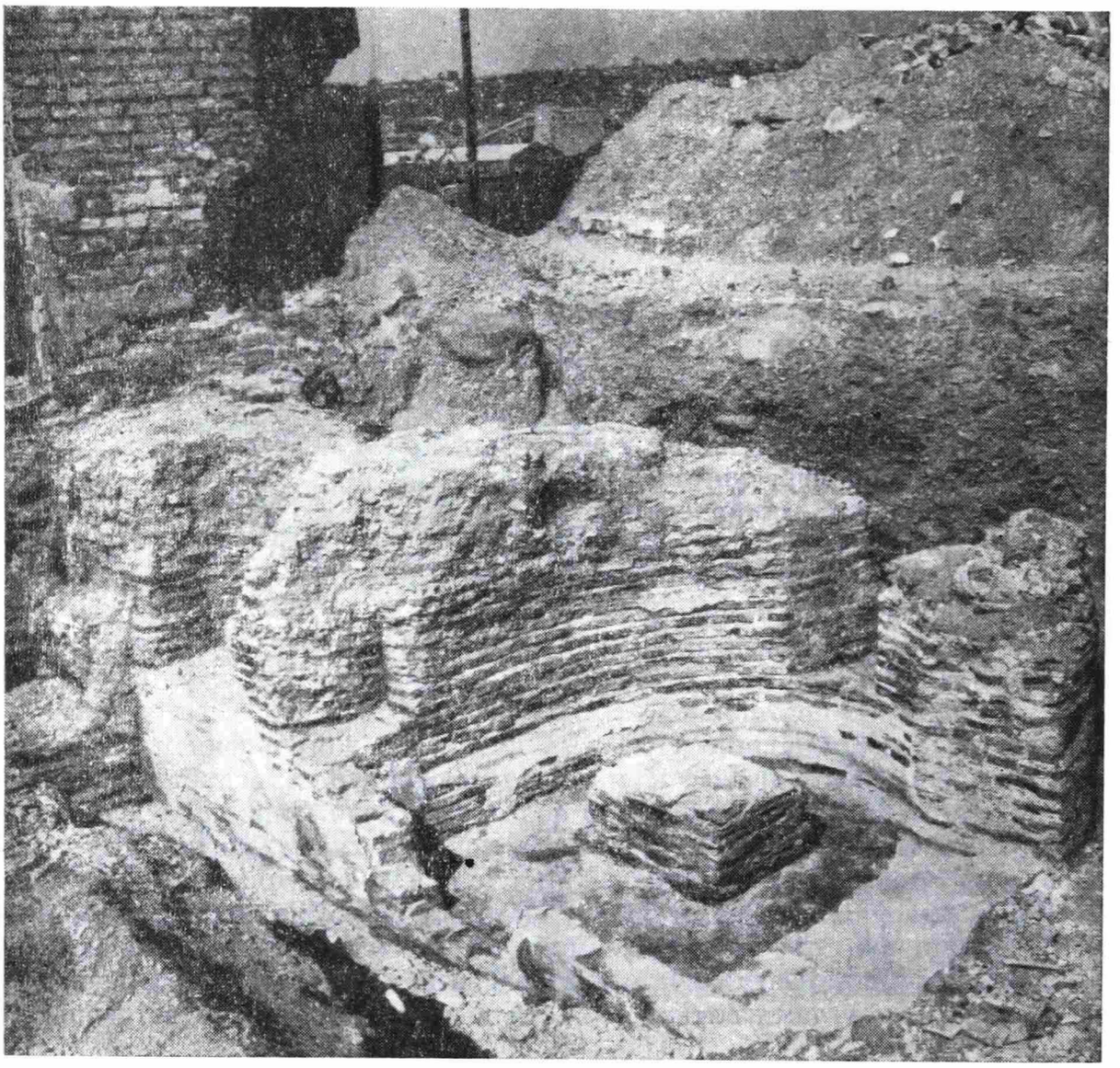


Рис. 4. Церковь Иоанна Богослова. Южный придел. Вид с юго-запада

севера и юга два аркосолия с саркофагами. В северном стояла вертикально прислоненная к стене храма покровная плита красного песчаника. И. М. Хозеров нашел здесь нетронутое женское погребение с низанным жемчугом золототканым поясом[6]. Хотя покойница была небольшого роста, всего 1,42 *м* (по И. М. Хозерову), в восточной стенке саркофага было вырублено углубление для положения человека очень большого роста (длина саркофага внутри — 1,91 *м*). В уровне перекрытия саркофага на стене храма сохранился ряд широкошляпочных гвоздей, прикреплявших реальный надгробный тканый покров, которые обычно имитировались фресковой орнаментальной росписью (церкви «на Протоке» и на Воскресенской горе). Такой же ряд гвоздей прослежен на тыльной стенке противоположного южного саркофага, где в щебневой засыпи прослежены остатки ограбленного и перемешанного костяка. В северо-западном углу капеллы была слегка поднимавшаяся площадка (58× ×89 *см*) из плинфы, кладка которой примыкала к уже расписанной поверхности пилона. Размеры плинфы (3,5—4) × (19—20,5) × (25,5—28 *см*); плинфа местами обгорела и покрыта копотью до ее использования в кладке; раствор цемяночный с угольной крошкой. Оказалось, что под площадкой выложен крошечный «саркофаг» глубиной 65 *см*, где найдены остатки детского костяка.

Так как раскоп южной капеллы был единственным местом, где мы подошли к стене храма, то здесь было проведено изучение его фундамен-

[6] И. М. Хозеров. Ук. соч., стр. 21.

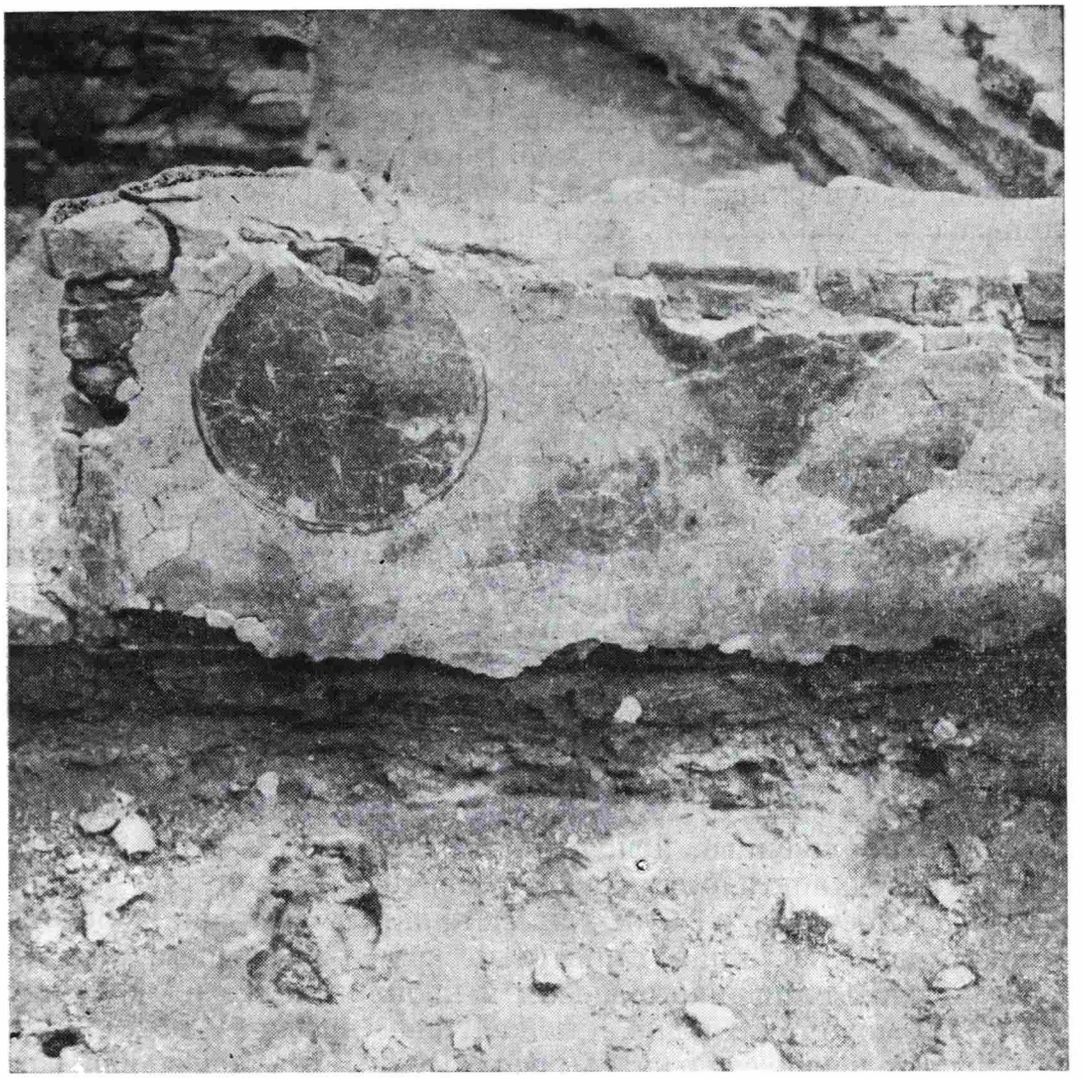


Рис. 5. Церковь Иоанна Богослова. Роспись алтарной преграды. Южная половина

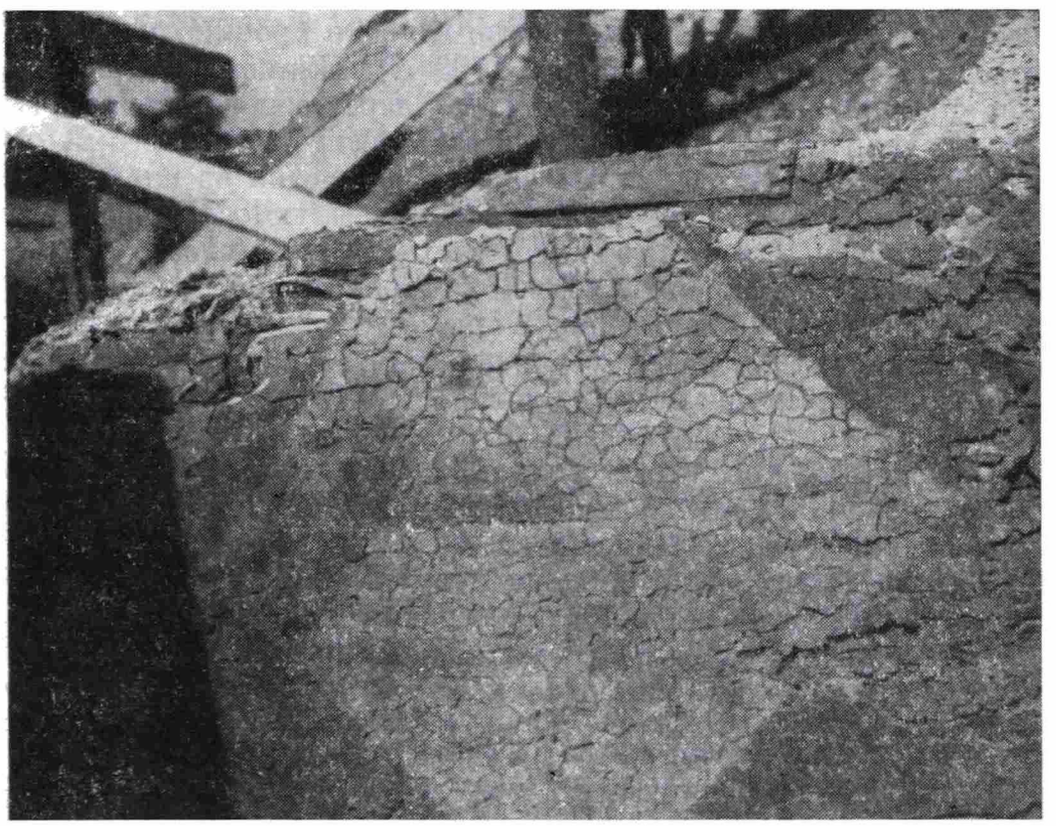


Рис. 6. Церковь Иоанна Богослова. Южный придел. Роспись западной стены

та. Доследовать его до конца не удалось, так как он лежит в слое сыпучего песка с суглинком. Ров при его отрывке осыпался, так что фундамент получил трапециевидную форму, сильно выступая за линию стены храма. Он был выполнен из среднего и мелкого булыжника, уложенного в ров без раствора и пересыпки землей; его глубина была более 1,20 *м* от уровня дневной поверхности XII в. Культурного слоя под храмом почти нет, плинфа стен храма очень единообразная, 4×20×(28,6—29) *см*.

Участок к западу от придела до конца раскопать не удалось ввиду осыпания щебневого слоя и установки стоек мостков, ведущих в склад. Установлено лишь продолжение стены галереи, с северной стороны которой, ниже порога входа на 60 *см*, было вскрыто грунтовое погребение (без гробницы). С внешней стороны придел выделялся мощными уступчатыми лопатками (см. рис. 8). Стена галереи имеет толщину 1,08—1,10 *м*; плинфа размером 4×20,5×29 *см*; раствор по сравнению с раствором стен храма более серый, с большим включением песка, толченого угля и кирпичной крошки. Портал галереи простой, двухуступчатый, порог из плиты красного песчаника, снаружи — замощение булыжником. В восточном косяке на уровне шестого ряда кладки (над порогом) вложена красноиесчаниковая плита 13×38 *см* с гнездом-подпятником дверного полотнища. В самом дверном проеме был заведен деревянный четырехгранный брус шириной в 32 *см* и высотой в четыре ряда кладки. На оси полуколонны храма на фасаде галереи простая одноуступчатая лопатка шириной 63 и выносом в 21 *см*. В саркофаге аркосолия к западу от портала расчищен нарушенный неполный костяк.

Снаружи перед порталом удалось уловить незатронутую кладбищем стратиграфию: мостовая из булыжника прикрыта черной прослойкой с угольками, выше — насыпная глина с песком и раствором, над которой строительный слой плинфяного щебня и крошки, далее идет кладбищенский слой, в котором (западнее) лежал блок древней кладки — единственный выразительный след катастрофы. Руины храма издавна разбирались на материал. Под разобранными нами склепами XVIII—XIX вв. над южной капеллой обнаружен сплошной пласт кусков древнего раствора, от которого на месте очищали выбираемую плинфу [7].

Северная галерея сохранилась очень плохо, так как с этой стороны, имевшей склон к северу, особенно глубоко проникали могилы кладбища (в одной из них найден пятак 1793 г.). Плинфа северной галереи такая же, как в южной (4×20,5×29 *см*). Разрез основания галереи обнаружил ту же трапециевидную форму фундамента из среднего булыжника без раствора. Снаружи сохранились остатки отмостки из плинфы. Внутри был также кирпичный пол на глине, давший резкую осадку к востоку, он был выровнен новым слоем подсыпкой глины, с поверхности она обожжена почти докрасна и включает золу и угольки (след пожара?). В слое над руинами галереи найдены две очень маленькие поливные плитки, желтая и коричневая (7,3×7,4 *см*), свидетельствующие о необычном наборе полов галереи. Лучше всего сохранился ее участок против северо-западного угла храма; здесь уцелела наружная одноуступчатая лопатка. Северная часть западной стены сохранилась хуже; здесь — следы двух аркосолиев (рис. 7), от одного уцелела лицевая защитная стенка, второй сохранил свое дно и часть тыльной стенки. При расчистке угла галереи, разрушенного до фундамента, найдена полушка 1735 г., вновь свидетельствующая о поздней дате кладбищенского слоя. Западный аркосолий северной стены сохранил лишь часть защитной стенки, от следующего уцелело дно саркофага, на котором лежали и торчали куски расколотой по-

[7] Это обстоятельство показывает, сколь условно свидетельство отдельных находок плинфы на территории города: она могла быть не указанием на наличие древней постройки, а результатом позднейшего разноса по городу плинфы руин для хозяйственных надобностей; а именно «выходы плинфы» служат у И. М. Хозерова и И. Д. Белогорцева основанием для определения еще и еще следов древних построек.

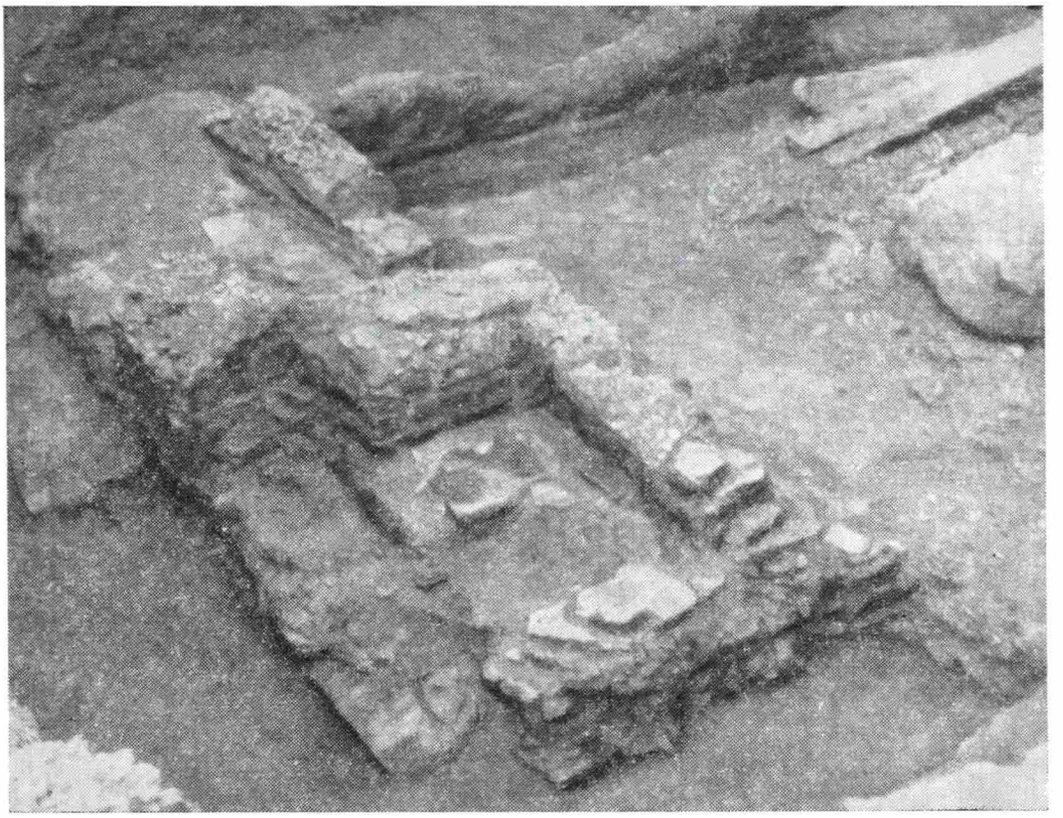


Рис. 7. Церковь Иоанна Богослова. Северо-западный угол северной галереи

кровной плиты из красно-фиолетового песчаника. При расчистке обломков найдено три крошечных обрывочка парчи и фрагмент маленькой нашивной бляшки из листового золота. Напротив этого аркосолия ниже уровня глиняной подсыпки под пол на 30—40 *см* находился плинфяной саркофаг размером 0,66×2,04 *м* и глубиной 0,70 *м* с завалившейся внутрь покровной песчаниковой плитой. Под ней в тяжелом слое мокрой глины расчищен почти не потревоженный женский костяк головой на запад с подложенными под голову и ноги плинфами. У левого плеча найдено маленькое бронзовое колечко. Вскрытая восточная часть северной стены галереи сохранила лишь один ряд внутренней лицевой кладки. К ней изнутри примыкала выложенная из плинфы площадка 63×80 *см*, аналогичная вымостке в южной капелле, однако ни гробнички, ни следов погребения под ней не обнаружено. Раскрытие полуколонны к западу от портала показало, что пилон галереи приложен к уже оштукатуренной поверхности. Расчистка конца саркофага, примыкавшего с запада к пилону, обнаружила в засыпи нарушенного погребения мелкие обломки фресок красного, зеленого и желтого тонов, кусочки кухонных горшков XII в. и куски амфор-голосников.

Подведем итоги. Раскопки 1967 г. показали, что церковь Иоанна Богослова (рис. 8) принадлежит к распространенному в Смоленске типу храмов с трехсторонней галереей и приделами у восточных углов. По своему типу и стилю здание очень близко церкви Петра и Павла, только если там обстройки возникали постепенно [8], то здесь все они построены одновременно, сразу же за сооружением храма, но примкнули к его уже побеленным или оштукатуренным фасадам (слой «штукатурки» очень тонок). Приделы и галерея несли функцию усыпальницы; кроме погребений в аркосолиях и подпольных гробницах здесь были и обычные грунтовые захоронения. Приделы выделялись в фасаде широкими двухобломными лопатками, фасады галерей членились простыми уз-

[8] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1966 г. СА, 1969, 2, стр. 203 сл.

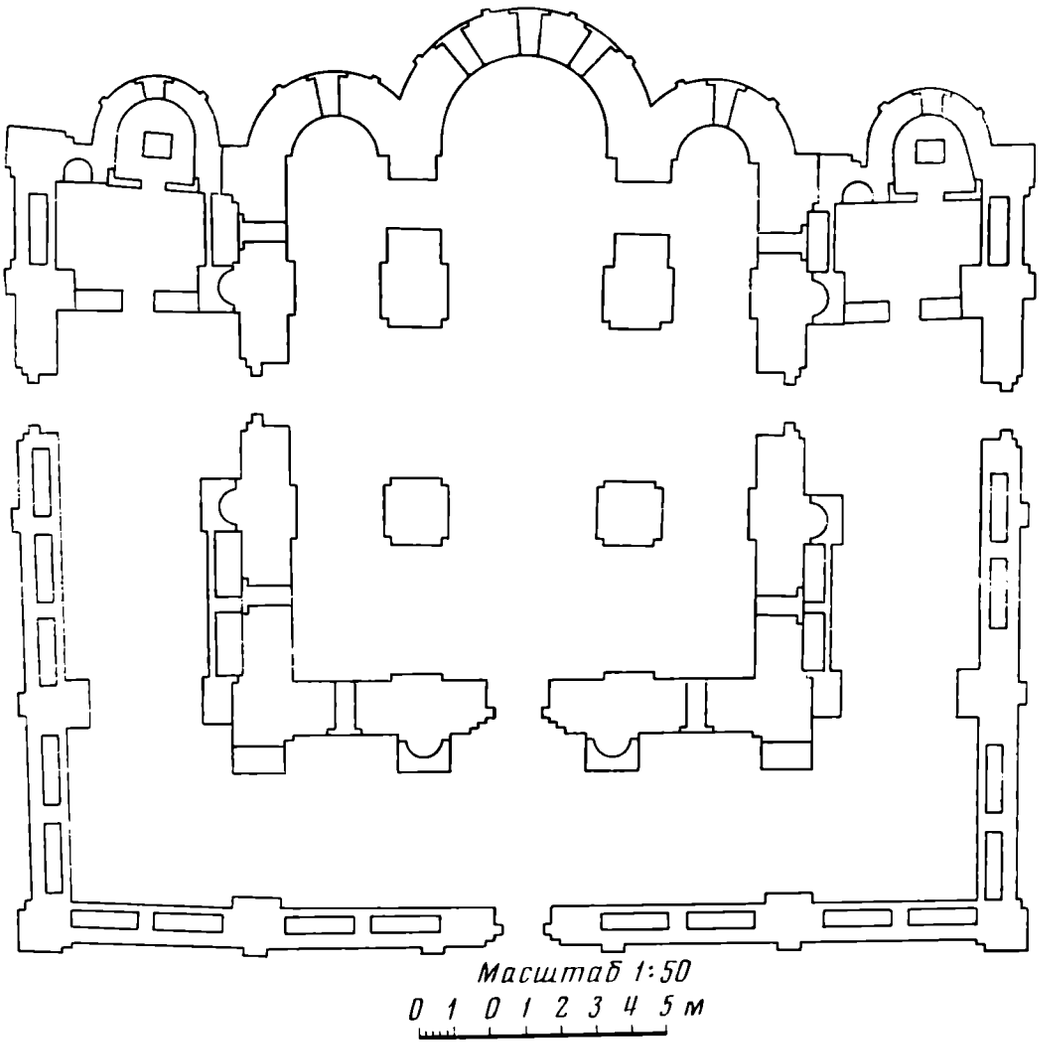


Рис. 8. Церковь Иоанна Богослова. Опыт реконструкции плана

кими лопатками. Оригинальной чертой постройки является «сокращенная редакция» планировки приделов с асимметричной алтарной частью. В кладке храма применялись голосниковые кувшины двух типов: красноглинные амфоры и грубые «обварные» кувшины ленточной лепки.

Кровля была свинцовой. Среди обломков поливных плиток отметим малоформатные плитки, образовавшие в сочетании с плитками обычных размеров более дробный узор. Массовый промер плинфы выявил ее единообразие как в храме, так и в обстройках. Толщина преобладает 4 *см* с отклонениями до 4,3 — 4,5 *см*. При общности длины 29 — 31 *см* ширина дает два типоразмера — более узкая плинфа 13,4 — 14,5 *см* и более широкая 19,0 — 20,5, редко 21 — 21,4 *см*. Особенностью плинфы является сравнительная редкость образцов со знаками, в чем Иван Богослов уступает Петру и Павлу, богатому меченными плинфами. Близость обеих построек позволяет сближать и их даты. Храм был, видимо, выстроен князем Романом вскоре после его вокняжения — в начале 60-х годов XII в. Возможно, что обе постройки были делом одной артели, может быть черниговской. Храм Ивана Богослова был придворной церковью князя Романа. Все гробницы были перекрыты плитами красного песчаника, а на некоторых были натянуты дорогие пелены. Храм входил в значительный ансамбль одновременных построек. К западу от него была знаменитая ротонда, изученная Д. А. Авдусиным[9], а с севера, у днепровского берега, был еще один храм.

II. Церковь на Окопном кладбище

Развалины древнего храма на Окопном кладбище в Смоленске упоминаются в литературе с 80-х годов XIX в. Руины эти осмотрел и описал

[9] Д. А. Авдусин. Смоленская ротонда. В кн. «Историко-археологический сборник» (в честь А. В. Арциховского). М., 1962.

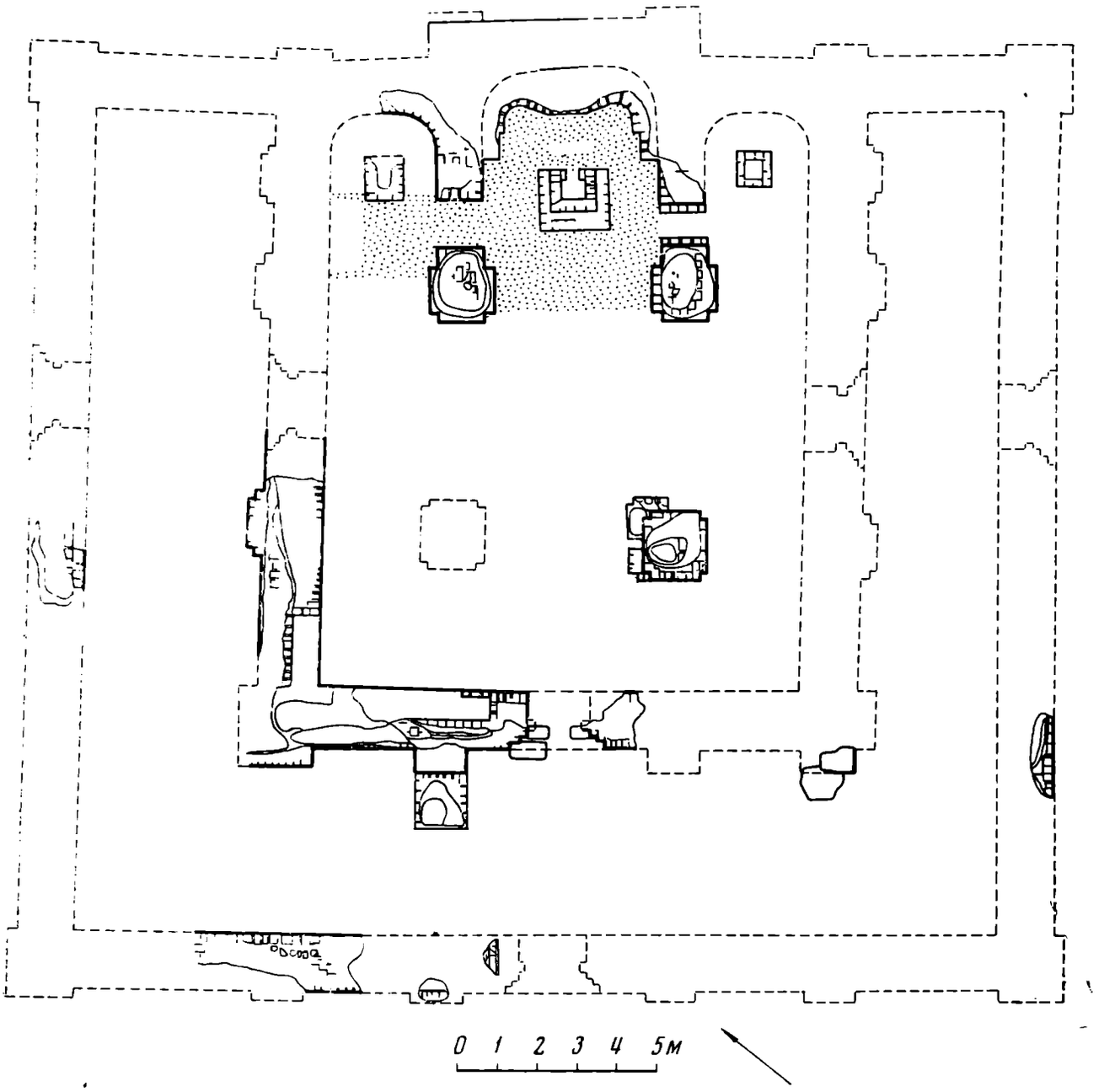


Рис. 9. Церковь на Окопном кладбище. План вскрытых частей и опыт схематической реконструкции плана

С. П. Писарев, а затем В. В. Суслов. Однако серьезного обследования памятника не было произведено. В 1933 г. развалины подверглись незначительным раскопкам И. М. Хозерова. К этому времени стены церкви были уже в значительной части разобраны на кирпич [10]. В 1965 г. Смоленская архитектурная экспедиция провела здесь разведку с задачей выяснить состояние памятника, а в 1967 г. были осуществлены его раскопки.

Выяснилось, что не только стены, но даже фундаменты древней церкви были частично разобраны и сохранились лишь кусками. Помимо этого, кладки были сильно повреждены многочисленными более поздними и недавними погребениями, что не позволило вскрыть ряд участков, где, возможно, еще сохранились куски древней кладки. Стены сохранились в лучшем случае на 75 *см* выше уровня пола; в большинстве же уцелело лишь несколько нижних рядов их кирпичной кладки. Восточная и южная стены, так же как и половина северной и западной стен, оказались разобранными вместе с фундаментом. Три столба храма сохранились на вы-

[10] История изучения памятника изложена в работе М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 116.

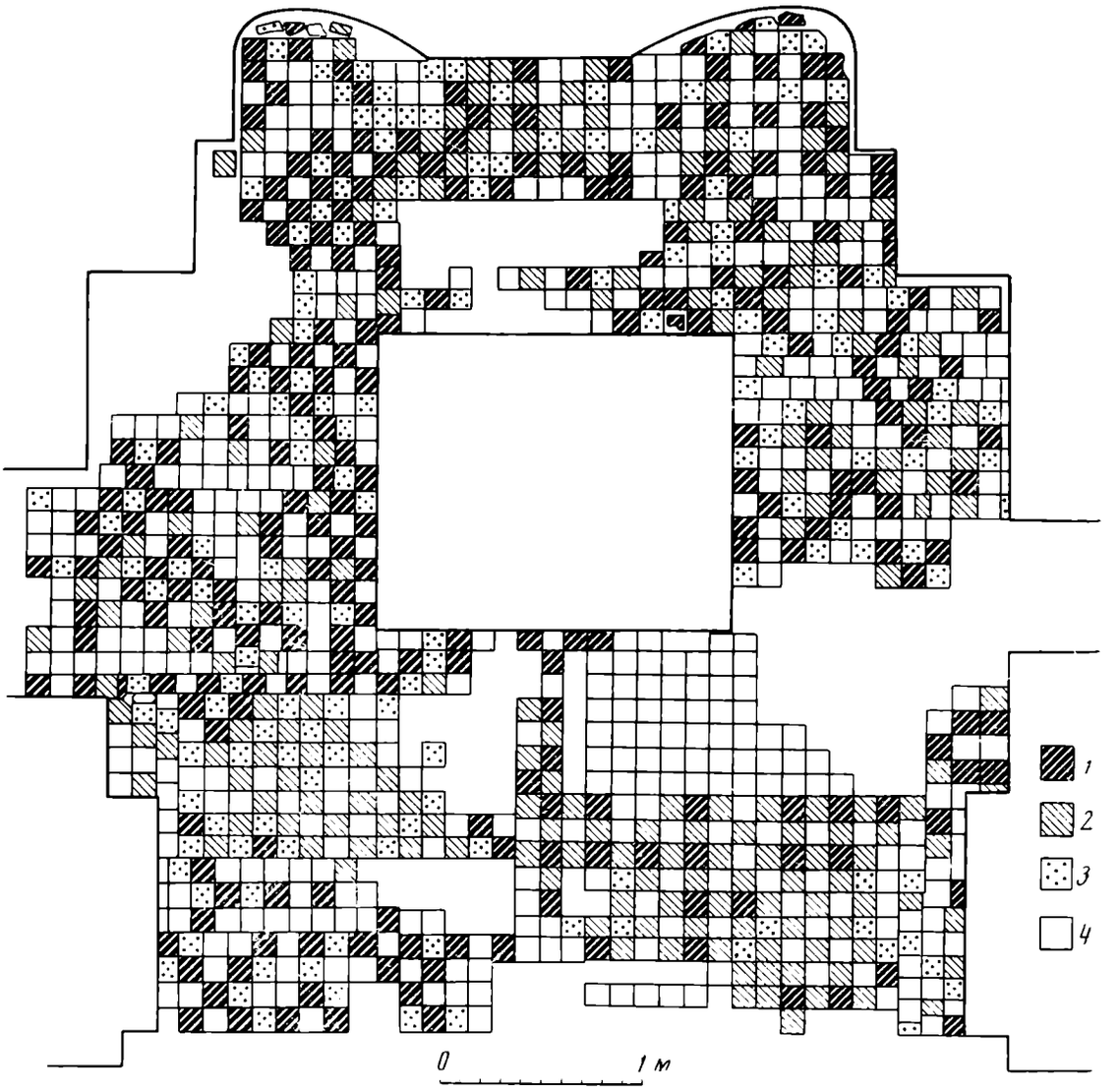


Рис. 10. Церковь на Окопном кладбище. План главной апсиды. Цвет поливы плиток: *1* — желтый; *2* — зеленый; *3* — черно-коричневый; *4* — полива не сохранилась

соту 80 *см*, а четвертый разобран до фундамента. От стен галереи найдены лишь небольшие куски.

Таким образом, раскопанная церковь сохранилась очень фрагментарно. Тем не менее ее характер выявился все же настолько полно, что позволяет судить не только об общей схеме плана, но и о конструкции, а частично и об архитектурных формах (рис. 9). Это четырехстопный храм, ориентированный с отклонением к северу приблизительно на 21°. Подкупольное пространство слегка вытянуто по продольной оси (5,0×4,35). Столбы крестообразной формы; ширина закрестий 1,10—1,12 *м*, их вылет 20—23 *см*, а у восточных выступов восточной пары столбов — 48 *см*. Толщина стен церкви 1,44—1,52 *м*. Внутренних лопаток нет. Наружные лопатки плоские, двухуступчатые, их ширина 1,15 *м*, а боковых выступов — 18 *см*, общий вынос от плоскости стены 42 *см*. На западной стене на месте лопаток сделаны мощные прямоугольные пилоны, связанные, видимо, с арками притвора. Толщина пилона на линии северных столбов 0,6 *м*, ширина 1,3 *м*. Угловой пилон тоньше (0,48 *м*), но ширина его больше (она прослежена на 1,55 *м*, но, возможно, была еще более значительной).

Сохранились остатки западного портала церкви, имевшего профиль в четыре прямоугольных уступа в среднем по 15 *см* шириной и глубиной; ширина проема была, видимо, около 1,4 *м*. В лицевой части портала лежал порог — большая известняковая плита толщиной в 11 *см*, концы которой были заведены под кирпичную кладку. В северо-западном углу храма обнаружены ниши аркосолиев в северной и западной стенах. Пол ниши

северной стены лежал на уровне пола храма, а пол ниши западной стены — на 16 *см* выше его.

Форма апсид церкви, несмотря на очень плохую их сохранность, может быть установлена. В северной апсиде сохранилась нижняя часть стены, прорисовывающая примерно половину внутренней линии дуги апсиды. В центральной апсиде наружный контур определяется по линии фундаментного рва, а внутренний — по линии, на которой кончается слой подсыпки под пол. Южная апсида определяется по аналогии с северной. Изнутри апсиды имели криволинейную, очень уплощенную форму, а снаружи прямолинейны.

В центральной апсиде сохранились один-два ряда кладки скамьи для священников — синтрона, имеющей в плане фигурную форму.

Во всех трех апсидах обнаружены кирпичные престолы. Северный имеет размер 1,0×1,08 *м*, центральный 1,0×1,14 *м*, южный —0,85×0,87 *м*. Центральный престол имел в основании с трех сторон кирпичную ступень высотой 12 *см*. Первоначально престолы были, видимо, полыми. Центральный и северный престолы были с восточной стороны открытыми. Снаружи на всех престолах сохранились остатки штукатурки (на алтарном со следами фресковой росписи ярко-красного и желтого цветов).

Рис. 11. Церковь на Окопном кладбище. Пол из поливных плиток в северной апсиде

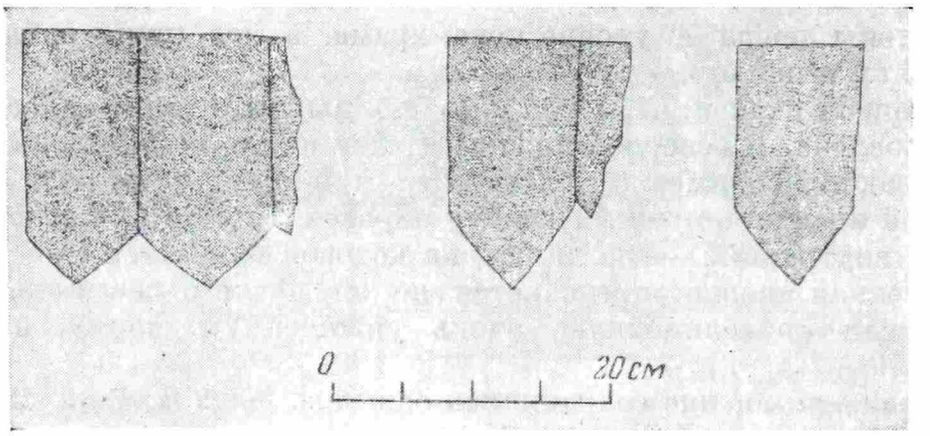
Весь пол в алтарной апсиде был покрыт поливными керамическими плитками зеленого, желтого и черно-коричневого цвета (рис. 10). Плитками был покрыт также пол в проходе из центральной в северную апсиду и часть пола в северной апсиде — перед алтарным престолом (рис. 11). При этом в связи с небольшими различиями в размерах плиток и мелкими погрешностями укладки постоянно сбивается диагональная система вымостки. Остальная часть северной апсиды и вся южная имели известковый пол. За алтарным престолом имеется удлиненное прямоугольное пространство (шириной 0,25 и длиной около 1,3 *м*), не имевшее плиточного пола. Здесь, видимо, стоял крест или семисвечник.

Пол основного помещения храма был известковым; он имеет уклон, так что участок пола в северо-западном углу церкви на 39 *см* ниже пола в южной апсиде.

С трех сторон к храму примыкала галерея. Обнаружены лишь ничтожные участки ее стен. В западной части удалось определить толщину наружной стены галереи — 1,35 *м*. По незначительному обломанному выступу можно уверенно полагать, что этот фасад галереи имел лопатки. От северной стены галереи обнаружен участок, сохранивший лишь внутреннюю лицевую линию, а в южной — наружную поверхность. При этом на южной стене не отмечено лопатки, хотя данный участок находится как раз напротив юго-западного угла церкви. Внутренняя ширина западной галереи 4,60 *м*, а северной — 4,33 *м*. Южная галерея была значительно у́же (по-видимому, около 3,5 *м*). Следов пола в галерее нет.

Вся кладка здания выполнена из однородных красных кирпичей — плинф, хорошо формованных, нормального обжига. Кирпичи имеют размер: (3,0—4,8) × (16—20) × (24,5—28) *см*; изредка встречаются кирпичи шириной 14—15 *см*. Наиболее распространенный формат — (3,5—

а



б

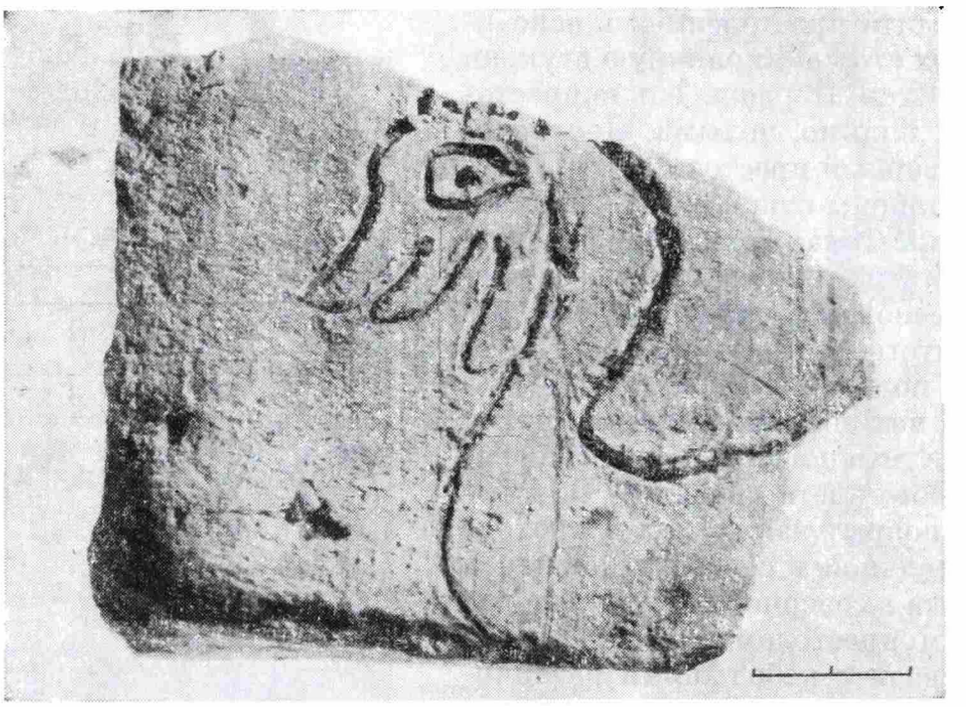


Рис. 12. Церковь на Окопном кладбище.
а — кирпичи-утюжки; *б* — рисунок на кирпиче

4,2) × (17—18,5) × (25—26,5) *см*. В кладке — исключительно прямоугольные кирпичи, но в завале найдено несколько лекальных — с округлым краем и трапециевидных.

Близ восточного конца центральной апсиды в завале встречены кирпичи в форме утюжка (рис. 12, *а*; размеры: 8—9 × 18—19,5 × 3,4—3,8 *см*). Один их конец имеет заостренную треугольную форму. Такие кирпичи изготовлялись следующим способом: кирпич обычного формата еще до обжига надрезался до глубины около 1,5 *см* на три самостоятельных кирпича-утюжка. Некоторые кирпичи найдены неразделенными, но в большинстве это уже отдельные кирпичики. Они нормального обжига, но очень небрежной формы. Эти кирпичи применялись для выкладки аркатурных поясков и дуг закомар или бровок над окнами.

На кирпичах церкви изредка (менее 10%) встречаются выпуклые знаки на торцах. Несколько таких кирпичей обнаружено в кладке; часть выходила на лицевую поверхность, а часть была обращена внутрь кладки. В одном участке кладки большей частью встречаются одинаковые знаки. Найдено несколько обломков кирпичей, на постелях которых еще до обжига были процарапаны рисунки (рис. 12, *б*).

Известковый раствор прочный, желтовато-кремовый, с вкраплениями маленьких белых известняковых частиц и очень мелких угольков. Песок

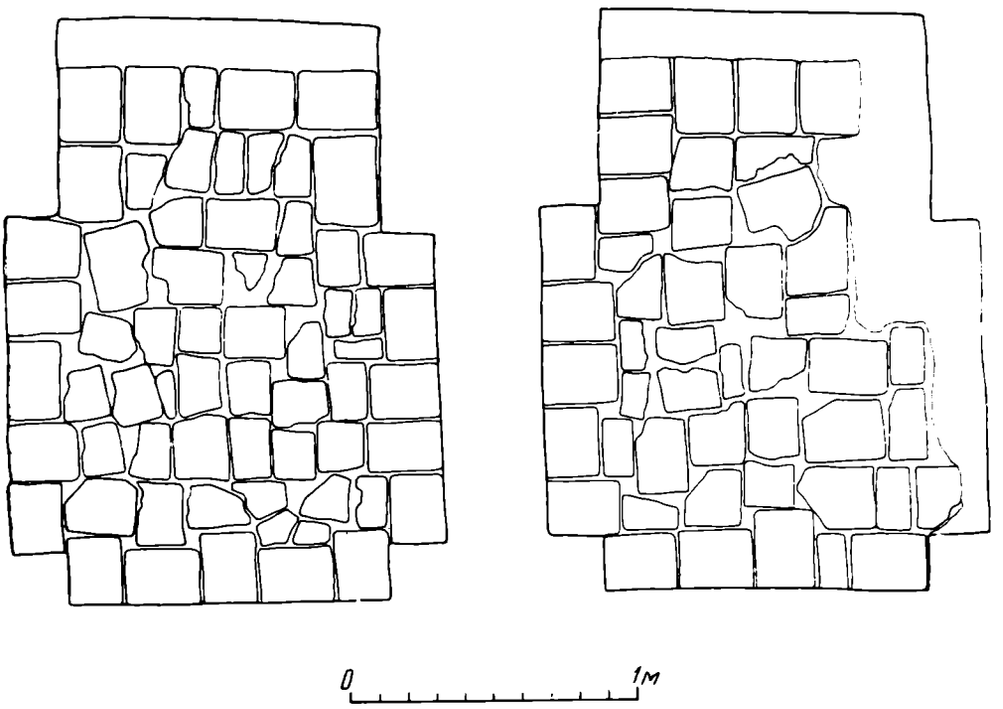


Рис. 13. Церковь на Окопном кладбище. Юго-восточный столб (план кладки в двух соседних рядах)

в растворе окатанный с размером зерен до 5 *мм*, хотя изредка встречаются и камни (галька) диаметром более 2 *см*. Цемянки в растворе нет, но имеются единичные включения кусков кирпича и коричневой глины.

Толщина швов раствора приблизительно равна толщине кирпичей, т. е. 3—4 *см*. Никакой подрезки швов на фасаде не заметно. Целые кирпичи использованы в основном для выкладки лицевых поверхностей стен, а внутренняя их часть исполнена большей частью битыми кирпичами. При этом горизонтальность рядов выдержана довольно хорошо. Можно отметить, что кирпичи лежат большей частью тычками к фасаду, а ложки встречаются гораздо реже. Изредка наблюдаются и целые ложковые ряды кирпичей, но определить закономерность их чередования не удалось. В кладке фигурных частей (столбы, лопатки) хорошо соблюдена перевязка швов (рис. 13).

В северной стене церкви прослежен канал от сгнившей деревянной связи, имевшей округлое сечение (ширина 32, высота 22 *см*, но первоначально была, видимо, несколько больше); связь проходила на расстоянии около 40 *см* от наружной лицевой поверхности стены и была заложена непосредственно над фундаментом, так что бревно лежало на его пролитых раствором камнях.

В нескольких местах отмечено наличие двойных швов раствора, т. е. швов, положенных в два слоя так, что граница между ними отчетливо прослеживается. Такие швы обнаружены над шестым рядом кладки в северной стене, на уровне пола аркосолия в этой же стене, на уровне верха каменного порога в западном портале и над шестым рядом кладки выше этого порога. Эти швы отмечают периодичность работы строителей.

Фундаментный ров был вырыт на глубину несколько более 80 *см* от древней дневной поверхности. Он прорезал слой чернозема (около 45 *см*) и вошел в желтую материковую глину. Ширина рва около 2,6 *м*; стенки его вертикальны. На дно были уложены крупные булыжники диаметром до 60 *см*, после чего ров был заполнен насухо булыжниками диаметром 10—20 *см*. Поверх камней на слое глины уложена в два ряда кирпичная вымостка. Она несколько у́же ширины фундамента. Над вымосткой начинается кладка стены; ее нижний ряд лежит на слое глины, а выше идет кладка на известковом растворе. Нижние шесть рядов кладки имеют тонкие швы (всего 1—2 *см*), а выше следует кладка с нормальными швами.

У северной стены церкви удалось определить уровень древней дневной поверхности. С внешней стороны стены непосредственно с этого уровня начинается слой строительного мусора, образовавшегося от разрушения церкви. С внутренней же стороны стены, т. е. внутри постройки, над древней поверхностью земли залегают слои подсыпки под пол: слой суглинка, над ним песчаная прослойка, а выше — опять суглинок. Над этими прослойками лежат два известковых слоя древнего пола: нижний — толщиной около 2,5 *см* и верхний — около 1 *см*. Верхний слой представляет собой гладко затертый сверху известковый раствор, пластичный, очень прочный, светло-серого цвета с кремовым оттенком. Раствор однородный, мелкозернистой структуры, состоит из извести и мелкотолченого известняка (примерно в равных долях). Песка в растворе нет. Имеются включения древесного угля (размером до 7 *мм*) и коричневой глины, а также небольшое количество шлакообразных ноздреватых частиц темного серого цвета (по-видимому, кусочки ошлакованной при обжиге извести). Нижний слой пола отличается значительно большим содержанием шлакообразных частиц и угля, он более темного серого цвета и менее прочен, чем верхний слой. Уровень пола на исследованном участке на 77 *см* выше уровня древней поверхности земли.

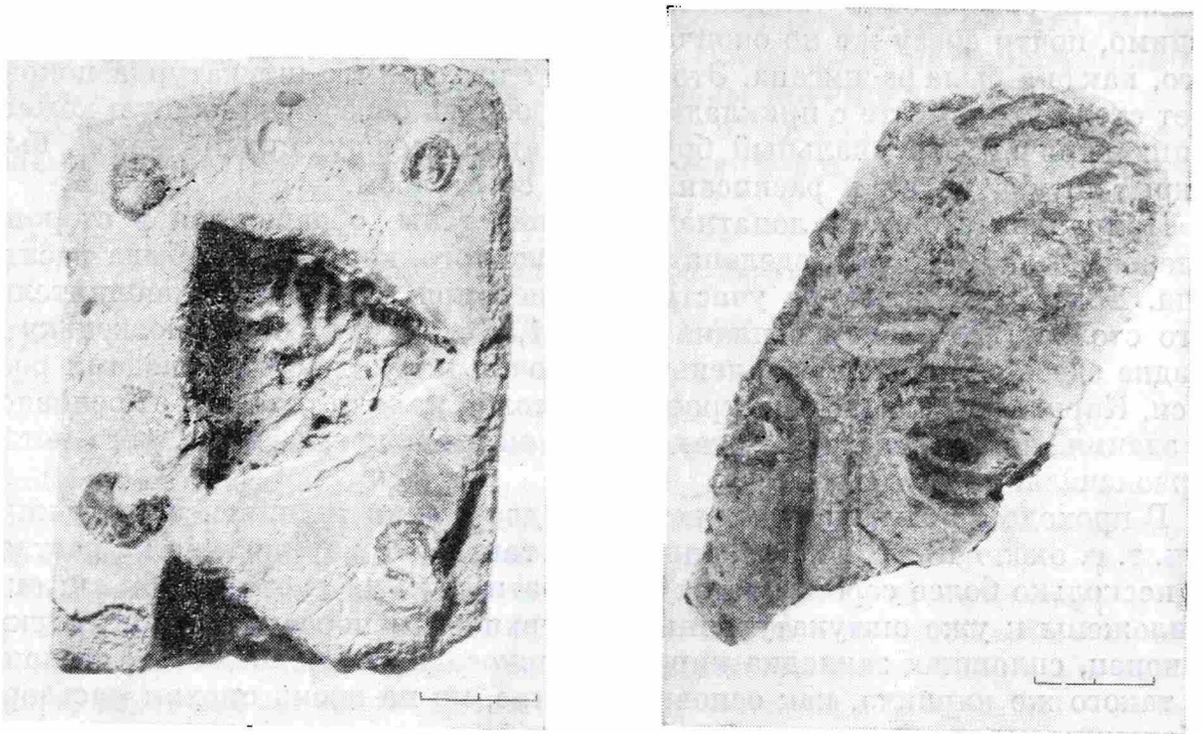
Поливные плитки пола имеют квадратную форму. Длина их сторон 10,5—11,5 *см*, толщина 2,3—2,5 *см*. В изломе плитка внутри черная, а поверхностный слой розовато-белый. Эта разница в цвете объясняется исключительно условиями обжига: наружный слой обжигался с доступом воздуха (окислительный обжиг), а до внутреннего слоя воздух не доходил (восстановительный обжиг). Плитки были уложены без раствора в слой песка. Уровень поверхности плиточного и известкового полов (там, где они соприкасаются) одинаков. Помимо квадратных плиток в завале было найдено несколько треугольных плиток того же качества, цвета и толщины. Размер их сторон: основание 13 *см*, боковые стороны по 9,5 *см*. Одна такая плитка обнаружена на месте в наборе пола — там, где у основания северного престола не поместился ряд цельных плиток и были уложены битые плитки.

В таком же положении, т. е. уложенными в крайнем ряду вместе с битыми плитками, были найдены три обломка плиток, явно относящихся к какому-то другому набору. Две из них — обломки дугообразных в плане плиток, покрытых желтой поливой с небольшими зелеными кружками. Третья плитка, лежавшая вместе с обычными битыми плитками в ряде, примыкающем к центральному престолу,— обломок плитки совершенно особого типа (рис. 14, *а*). Это длинная и довольно узкая плитка (ширина 6,5 при толщине 2,7 *см*, сохранилась в длину на 11 *см*), покрытая желтой поливой с зелеными кружками. Замечательной ее особенностью являются треугольные в плане впадины глубиной около 1 *см*, предназначенные для вставки инкрустации. Одна такая впадина сохранилась целиком, а вторая — на месте облома плитки. Во впадинах есть остатки раствора, но сам материал инкрустации, к сожалению, не сохранился; возможно, что углубления заполнял тонкотертый известковый раствор, так что «инкрустации» были белыми.

Встречено большое количество мелких фрагментов фресок, лежавших в завале. Местами живопись обнаружена и на стенах. Так, ребра юго-западного столба были обведены широкой красно-коричневой каймой, а на черно-синем фоне выделялись круги разного диаметра желтого и красно-коричневого цвета. Сохранились фрагменты росписи на западном портале. Здесь по ребрам также проходит красно-коричневая окантовка, обрамляющая струйчатый орнамент (по бесцветной штукатурке идут желтые, красно-коричневые и черные волнистые линии). На южной стене северной апсиды отмечена роспись в виде вертикальных черных линий с сердцевидными элементами между ними на бесцветной штукатурке. Это остатки декоративных белых завес или платов. К сожалению, стены церкви со-

хранились очень невысоко, и поэтому фрагменты живописи уцелели на высоте не более 60—70 *см*.

В восточной части центральной апсиды на полу расчищены упавшие сверху куски штукатурки с живописью. Большей частью это одноцветные фоны (много обломков синего цвета), мелкие фрагменты различных орнаментальных мотивов. Найден кусок лика (рис. 14, *б*). В северном нефе церкви собрано много кусков штукатурки с росписью: синие фоны, белая



а *б*

Рис. 14. Церковь на Окопном кладбище

а — обломок поливной плитки с впадиной для инкрустации; *б* — фрагмент фрескового лика

мелкая ромбовидная сетка на синем или коричневом фоне, белые буквы на темно-синем фоне и др. Особо следует отметить обломок фрескового «текстильного» орнамента из кругов с птицами или зверями (сохранился только фрагмент обода круга украшенного мелкими колечками).

Штукатурка (фресковый грунт) имеет толщину от 1 до 6 *см*. Живопись всюду помещена на первом слое, непосредственно нанесенном на стену; второй слой штукатурки отмечен в нижней части западной стены. Здесь были два слоя штукатурки толщиной по 1,5 *см* одинакового цвета и состава. В завале найдено несколько гвоздей с широкими шляпками для крепления штукатурки к сводам.

В завале собрано большое количество обломков крупных сосудов, которые, видимо, были заложены в кладку сводов (на многих на наружной поверхности видны следы раствора). Большей частью это красноглиняные амфоры, но встречаются и специально изготовленные широкогорлые сосуды черно-коричневого теста, выполненные в технике ленточного налепа с обваркой поверхности.

Вся постройка, включая и галерею, была сооружена одновременно. Об этом свидетельствует не только полная идентичность строительной техники, но и тот факт, что кладка пилонов, обращенных к западной галерее (и безусловно связанных с этой галереей), выполнена в перевязь, т. е. одновременно с кладкой западной стены основного здания церкви. Вместе с тем при раскопках отмечено несколько участков кладки, исполненных позднее основного строительства: прикладка к юго-западному столбу, к

пилону западной стены, в проходе из центральной в южную апсиду и в аркосолии северной стены.

К юго-западному столбу храма примыкают две прикладки. Назначение их неясно. Во всяком случае, они не могли служить для укрепления сводов, так как не имели фундамента и опирались на деревянный брус (шириной 44, высотой 14 *см*), от которого осталась пустота. Между этими двумя прикладками вертикально стоял другой брус (отпечатки его волокон сохранились на боковой стенке одной из прикладок). С технической точки зрения прикладки совершенно тождественны основному столбу и были сделаны, видимо, почти сразу же по окончании строительства самой церкви, еще до того, как она была расписана. Это явствует из того, что штукатурка покрывает столб уже вместе с прикладками, а роспись образовала общую композицию, причем вертикальный брус, зажатый между прикладками, был закрыт штукатуркой и расписан вместе со столбом.

Прикладка столба к лопатке западной стены, обращенная в сторону галереи, была, наоборот, сделана уже после того, как церковь была расписана. Более того, какие-то участки росписи при возведении дополнительного столба (его размер в плане 1,25 × 1,35 *м*) были сбиты, поскольку в кладке здесь обнаружены маленькие кусочки штукатурки со следами росписи. Кирпичная кладка пристроенного столба мало отличается от основного здания, но все же на фасадах столба видна подрезка швов, чего нет в первоначальной кладке.

В проходе между апсидами встроены две стенки толщиной в один кирпич, т. е. около 18 *см*. Они исполнены из такого же кирпича, но на растворе несколько более серого цвета. Стенки эти сужают проход до 60 *см*; они приложены к уже оштукатуренным поверхностям первоначальной кладки. Наконец, сплошная закладка кирпичом аркосолия в северной стене сделана из такого же кирпича, как основное здание, но на очень плохом растворе с большим количеством золы.

Время постройки церкви на Окопном кладбище может быть определено лишь очень приблизительно, поскольку первоначальное ее название неизвестно и связать данный памятник с какими-либо событиями смоленской истории пока не представляется возможным. На основании техники кладки, формата кирпича и особенностей плана церковь может быть датирована концом XII — началом XIII в. Следует отметить, что фактура и обработка поверхности столба, пристроенного к наружной лопатке церкви в западной галерее, полностью совпадает с обработкой поверхности кладки в смоленской церкви «на Протоке», раскопанной в 1962—1963 гг.[11]. Можно полагать, что этот прием более или менее одновременен. Поскольку в церкви на Окопном кладбище пристроенный столб относится ко времени после постройки основного объема здания, сама эта церковь, следовательно, должна была быть построенной несколько раньше, чем церковь «на Протоке». Впрочем, эти памятники имеют и более существенные черты сходства. Это прямоугольность алтарной апсиды и применение строителями двойных швов на границах последовательных «захваток» кладки. Так что скорее всего оба памятника синхронны и, может быть, являются делом одной артели зодчих.

Реконструкция плана церкви на Окопном кладбище в целом не вызывает сомнений, так как все основные элементы плана сохранились (см. рис. 9). Недостающие южная стена, северо-западный подкупольный столб и южная апсида могут быть восстановлены по сохранившимся симметричным им частям. Форма центральной апсиды, как уже было отмечено, определяется по очертаниям фундаментного рва. Можно предполагать, что апсида имела, как и церковь «на Протоке», угловые лопатки. Значительно сложнее определить план галереи, особенно ее восточной

---

[11] Н. Н. Воронин. Памятник смоленского искусства XII в. КСИА АН СССР, 104, 1965. стр. 22.

части. Возможно, здесь были выделены капеллы. Здесь кое-что приходится дополнять по аналогиям, без достаточно твердых оснований. Точно так же условно приходится восстанавливать расположение и форму лопаток на наружных стенах галереи и на апсидах; так как южная и северная стены галереи сохранились в ничтожных остатках, то трудно говорить о наличии на них лопаток; однако они есть на западном фасаде, не были ли они и на боковых фасадах? Точно так же можно почти уверенно предположить, что порталы галереи имели подобную храмовой уступчатую амбразуру. Сохранившиеся участки древней церкви свидетельствуют, что ее план имел много неточностей и искривлений; стены были не вполне прямолинейны и скорее всего не точно параллельны друг другу.

Естественно, что эту кривизну плана из-за недостатка данных показать было нельзя, что делает предлагаемую реконструкцию схематичной.

N. N. Voronine et P. A. Rappoporte

LES FOUILLES EFFECTUÉES À SMOLENSK EN 1967

Résumé

En 1967 les fouilles archéolcgiques des deux monuments architecturaux ont été pratiqués à Smolensk.

On a déplayé les galeries et un nef latéral décoré de peinture à l'autel supplémentaire de l'église Jean Evangéliste (60-mes années du XII siècle) qui existe actuellement. Cela a permis de reconstituer le premier aspect de l'église. Et, en même temps, les connaissances plus précises concernant la technique de son construction ont été obtenues.

Au cimetière Okopnoïé on a entièrement fouillé les restes d'une petite église à quatre piliers et à une galerie. Elle se rattache probablement à la fin du XII — au debut du XIII siècle. En dépit de son mauvais état de concervation on a rénssi de reconstruire entièrement le schéma général de son plan.

Е. С. ОВЧИННИКОВА

РЕЗНАЯ КАМЕННАЯ ИКОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ св. ТИМОФЕЯ

В 1957 г. в Государственный Исторический музей поступила небольшая каменная резная икона с изображением св. Тимофея [1]. Икона по форме напоминает геральдический щит с выступающими полями и углубленным фоном, верх ее закруглен, нижние углы прямые. Полуфигура Тимофея исполнена высоким рельефом, не превышающим высоты полей. Оборотная сторона иконы гладкая с черно-серой неровной поверхностью, сильно сглаженной. Оправа у образка серебряная, позолоченная со сканным орнаментом из двух нитей, в виде восьмерок, украшенных зернью на каждой петле и с восемью камнями в гнездах, расположенными равномерно [2]. Боковые и оборотная стороны иконы обложены гладким серебром. Оглавье — дутое, на шарнирах, украшено зернью. Центральное гнездо слегка помято, без камня. Оправа без клейм. Бросается в глаза различная степень сохранности каменного образка, сильно потертого, со сношенным рельефом на лицевой стороне, по сравнению с лучшей сохранностью оправы. Это дает основание считать, что оправа и каменный образок не одновременны. Оправа по характеру своих украшений в виде сдвоенного сканного жгута, образующего восьмерку, в сочетании с зернью может быть датирована XIV в. [3] Неоднородная сохранность образка и оправы и сильно поношенное состояние образка говорят о том, что каменный образок длительное время бытовал без оправы. Иначе выступающие края оправы защитили бы образок от повреждений при ношении. Оче-

Рис. 1. Резная каменная икона с изображением св. Тимофея из собрания Гос. Исторического музея. XIII в.

[1] ГИМ, 95298; ОК 14791; р. 9,2 × 5,8 с оправой.

[2] В двух гнездах альмандины, в двух перламутры, в одном плашка, в двух стекла, одно гнездо пустое.

[3] Аналогичную оправу находим на литой серебряной иконе с изображением Георгия и Никиты, бьющего беса, являющейся образцом искусства Ростовской

видно, каменный образок, вделанный в оправу в XIV в., мог использоваться в качестве «воротного» образка или нагрудной иконы. Первоначальное же назначение каменной иконы пока неизвестно. На образке представлена полуфигура мученика, прямо, в правой руке у него прижатый к груди крест с расширяющимися концами. Левой рукой он поддерживает полу спадающего с его плеча плаща. Высокий выпуклый лоб, несколько выдающиеся скулы и округлые, объемно вылепленные щеки.

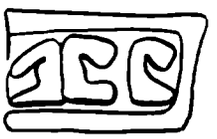
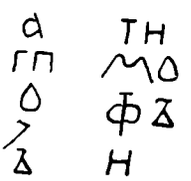


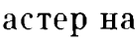
Рис. 2. Орнамент на рукаве рубахи Тимофея. Деталь

Нос удлиненный (рельеф его сильно потерт). Глаза широко раскрыты, с тонко очерченными двойной линией веками и намеченными зрачками. Рот окаймлен пышными усами, спускающимися до линии овала лица. Небольшая борода повторяет контур подбородка, конец ее несколько заострен книзу. Волосы, разделенные на прямой пробор, заложены за уши, концы их крупными прядями спускаются вдоль шеи, не доходя до плеч. Нимб рельефный, украшен по краю точечным орнаментом. На Тимофее поверх нижней одежды накинут облегающий фигуру плащ. Круглый ворот исподней одежды и концы рукавов украшены орнаментом. На вороте и правом рукаве узор сильно потерт, но на левой руке он просматривается отчетливо. Рисунок украшения похож на толстые прямоугольные скобки, обращенные спинами одна к другой, с выемками с внешней стороны, напоминающими букву «С» [4]. Накинутый на плечи княжеский плащ скреплен на груди, судя по направлению расходящихся складок. Плащ прикрывает правую руку ниже плеча, пола его, поддерживаемая левой рукой, ложится мягкими округлыми складками. Левую руку плащ прикрывает до запястья. Пластичность фигуры изображенного подчеркнута рельефно моделированными складками.

По сторонам головы, на фоне резная колончатая надпись:



Особенностями надписи является то, что букву «И» в слове

 мастер написал с высокой поперечной перекладиной.

В слове Тимофей — очень типичная для XIII в. буква «М», после «Ф» поставлена буква «ять». М. В. Щепкина датирует надпись XIII в.

Какой же Тимофей представлен на иконе? В сводном иконописном подлиннике XVIII в. [5] указано семь Тимофеев: 1) 19 декабря церковь

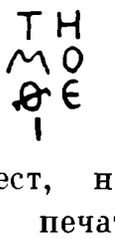
земли начала XIV в. Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVIII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск. 1960, стр. 135—137, № 29.

[4] Подобный орнамент встречается на серьгах византийской работы. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. V, СПб, 1897, стр. 140, рис. 199.

[5] Сводный иконописный подлинник XVIII века, по списку Г. Филимонова. М., 1874.

отмечает мученика диакона Тимофея, который изображается с кадилом [6]; 2) 20 января и 4 января — воспоминается апостол Тимофей из числа 70-ти [7]; 3) 21 февраля — св. отца Тимофея пустынножителя [8]; 4) 3 мая — мученика Тимофея и Мавры. «Тимофей юн леты, Мавра 17 лет» [9], 5) 14 августа — мучеников Тимофея, Агапия и Феклы. «Тимофей подобием надсед брада невелика, власы на голове просты...» [10]; 6) 20 мая отмечается преставление князя Довмонта в крещении Тимофея [11], 7) 10 июня — Тимофей священномученик, епископ прусский [12]. Ни один из вышеуказанных Тимофеев не подходит к определению облика, представленного на нашем образке: из числа указанных следует исключить Тимофея пустынножителя и епископа, так как одежда Тимофея на каменном образке княжеская, а также Тимофея апостола [13], так как апостол никогда не изображается с крестом. Среди мучеников это не может быть архидиакон Тимофей, отмечаемый 19 декабря, так как на нашем экземпляре у Тимофея нет основного его атрибута — кадила; это не может быть также Тимофей чтец, так как он пострадал в юном возрасте, а Тимофей на нашей иконе представлен с бородой. Единственным мучеником, подходящим по описанию иконописного подлинника, — является Тимофей Газский, воспоминаемый церковью 20 мая, характерным признаком которого является княжеская одежда, крест, присвоенный изображению мучеников, и небольшая борода. Таким образом, изображенный на нашем образке святой Тимофей может быть скорее всего мучеником Тимофеем Газским. Однако нет твердой уверенности в точности описания, которое встречается в позднем подлиннике XVIII в. палеховский редакции, изданном Г. Д. Филимоновым. Подтверждение высказанному определению следует искать в дошедших до нас ранних изображениях Тимофея Газского.

Среди редких изображений св. Тимофея Газского обращают на себя внимание немногочисленные, дошедшие до нас вислые печати города Пскова с изображением Тимофея. Здесь имеются в виду два уцелевших экземпляра (разных матриц) печати псковского князя Довмонта с изображением Тимофея [14]. Обе печати опубликованы В. Л. Яниным [15]. Для нас представляет интерес печать № 4, сохранившаяся при широко известном документе «Рядной Тешаты и Якима», хранящейся в Рижском Государственном архиве [16]; печать довольно большой величины, в диаметре 35 *мм*; на толстой пластинке, на лицевой стороне поясное изображение св. Тимофея, правая рука его простерта в жесте благословения, в левой, прижатой к груди — крест, вокруг головы нимб. Справа колончатая надпись:



на обороте шестиконечный крест, на ступенчатом основании, по сторонам $\overline{IC}$ $\overline{XC}$ [17]. Сохранность печати плохая, изображение по-

[6] Там же, стр. 42.
[7] Там же, стр. 254.
[8] Там же, стр. 275.
[9] Там же, стр. 334.
[10] Там же, стр. 424.
[11] Там же, стр. 55.
[12] Там же, стр. 365.
[13] Изображение Тимофея апостола имеется в фресках Нередицы. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 6. СПб., 1899, стр. 140, рис. 174.
[14] Н. П. Лихачев. Печати Пскова. СА, 1960, 3, стр. 233; автор указывает, что оба экземпляра печатей безымянны и определяются изображением редкого святого Тимофея (крестное имя Довмонта).
[15] В. Л. Янин. Вислые печати Пскова, СА, 1960, 3, стр. 242—243, рис. 1, *4* и *5*.
[15] В. Л. Янин. Ук. соч. стр. 243; Рижский Гос. архив. Издательство ЛСА, X, 1.
[17] Там же, стр. 242.

терто. (Печать известна мне по воспроизведению в статье В. Л. Янина.) Однако удается рассмотреть интересные для нас детали. Правая рука изображенного простерта в жесте благословения, в левой, прижатой к груди, — крест, волосы расчесаны на прямой пробор, концы их спускаются вдоль шеи, не доходя до плеч, лицо округлое. Одежда с круглым вырезом под шеей и плащ, покрывающий плечи, концы которого скреплены на груди. Изображение Тимофея на печати 4 близко к Тимофею на резной каменной иконе XIII в. из собрания ГИМ. Любопытно также совпадение в начертании букв в колончатой надписи на обоих изображениях, особенно в букве «М». Три последние буквы — ΘΕΙ — более поздние. В. Л. Янин датирует эту печать № 4 — XIV в. и ограничивает нижний рубеж ее 1360—1370 гг. [18]

Вторая, печать № 5, изображает Тимофея в рост [19] в плаще, с мученическим крестом в правой руке, который он прижимает к груди, положение левой руки неразборчиво. По сторонам буквы «ТМ», на обороте — восьмиконечный крест. Плохая сохранность печати № 5 лишает возможности более точного сопоставления, все же изображение фигуры Тимофея в плаще, с крестом, прижатым к груди, такое же как и у Тимофея на каменном образке и на печати № 4.

Печати и каменный образок роднит общее для всех них изображение св. Тимофея — редкое в искусстве Древней Руси. Однако при всей их иконографической близости следует указать на некоторые различия в трактовке образа Тимофея, который на каменной иконе выполнен на более высоком профессиональном и художественном уровне по сравнению с оттиском на печатях. Это, возможно, объясняется различным назначением иконы и княжеских печатей [20] и разновременностью создания их разными мастерами в различной технике, по-разному понимавшими поставленную перед ними задачу.

Все известные немногочисленные изображения Тимофея на печатях тесно связываются своим происхождением с Псковом. В. Л. Янин указывает, что в тексте грамоты, при которой сохранилась печать № 4 с изображением св. Тимофея, упоминается имя «Довмонтова писца». Последнее и служит убедительным доказательством того, что на печати изображен именно св. Тимофей Газский, патрон псковского князя Довмонта [21]. Довмонт в крещении был наречен Тимофеем Газским, отмечаемым церковью 19 августа, в тот самый день, когда Довмонт крестился. Позднее почитание князя Довмонта в Пскове становится тождественным с почитанием св. Тимофея Газского. В качестве примера укажем, что в 1373 г. псковичами, в воспоминание о князе Довмонте, была в Довмонтове городе поставлена каменная церковь св. Тимофея Газского «в то же лето святый Тимофеи Довмонта князя поставлена бысть камена» [22] [церковь].

Довмонт, очень рано прославившийся местным почитанием, был причислен к лику святых, очевидно, сначала неофициально [23], но почитание его введено в иконописный подлинник XVIII в. под 20 мая, так как приурочено ко дню смерти князя: «И преставление святого благоверного князя Домanта, нареченного во святом крещении Тимофея, псковского чудотворца» [24].

О тождестве почитания после смерти князя Довмонта и Тимофея Газского в Пскове свидетельствуют и литературные источники XIV—XVII

[18] Там же, стр. 244, рис. *1, 4*.

[19] Там же, стр. 243, рис. 1, *5*.

[20] В. Л. Янин указывает, что само патрональное изображение Довмонта становится в XV в. непременной эмблемой княжеских печатей Пскова. В. А. Янин. Ук. соч., стр. 243.

[21] Там же, стр. 244.

[22] Там же, стр. 243. Псковские летописи, II, М., 1955, стр. 105.

[23] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 243.

[24] Сводный иконописный подлинник XVIII века..., стр. 55; И. Ф. Тюменев. На каждый день, СПб., 1898, стр. 230, 231.

веков. Так, в краткой (промежуточной) редакции жития блаженный князь Довмонт упоминается только как получивший крещение, в котором ему было наречено имя Тимофей [25]. В распространенной же редакции жития XVII века одинаково и равнозначуще упоминается «благородный князь Довмонт» и о нем же говорится — «благочестивый князь

Рис. 3. Знак в виде креста, переходящего в овал, на плаще Тимофея. Деталь

Тимофей» (л. 192 об.). Полное слияние в представлении о князе встречаем в выражении: «блаженный князь Тимофей Домант» [26]. Таким образом, отождествление псковского князя Довмонта с его вторым именем, полученным при крещении, слилось в народном представлении о нем в двойном имени: Довмонт-Тимофей.

В сказании о благоверном князе Довмонте псковском XIV—XV вв. память Довмонта отмечается на день его смерти 20 мая [27]. Довмонт-Тимофей становится высоко чтимым псковским святым. Упоминания псковских летописей о том, что Псков искал себе помощи в молитве князей Всеволода и Тимофея в XIV в. не редки [28].

Под 1342 г. в Софийской первой летописи написано: «Видевше же Пьсковичи, что им помощи от Литвы нет, и положиша упование на бога и на святую богородицу, и на молитву великого князя Всеволода и князя Домонта нареченного Тимофея, и добиша челом Новугороду и тако смиришася» [29].

Таким образом, житийные и летописные источники и посвящения церквей убедительно доказывают тождественность и в литературе и в изображениях на псковских печатях образа св. Тимофея Газского и псковского князя Довмонта-Тимофея.

Возвращаясь к изображению Тимофея на резном каменном образке, отметим высокое художественное мастерство резчика, сумевшего в его образе передать черты жизненной силы и мужественности, которые он оживляет мягкой пластичной манерой резьбы и передачей мельчайших реальных деталей в исполнении княжеской одежды с тонкой орнаментальной отделкой на вороте и рукавах. Лицу Тимофея мастер придал индивидуальные черты: в прическе с свободно лежащими волосами, заложенными за уши, окаймляющими округлый овал лица, с пышными усами и бородой. Об изображении мученика говорит только нимб и крест в руках Тимофея.

На плаще Тимофея, на правом плече удалось обнаружить четко вырезанный знак в виде миниатюрного креста с расширяющимися концами, переходящего в овал. Назначение этого знака пока остается неразгаданным. Можно только предположить не является ли этот знак клеймом княжеского резчика, обладавшего высоким профессиональным мастерством? [30]

Эти особенности одежды и индивидуализированного облика мученика, представленного на образке, придают изображенному определенные воин-

---

[25] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 138, № 32 (проложная пергаментная рукопись Типографской библиотеки, № 179/374, XIV—XV вв., л. 105 об).

[26] Там же, стр. 145, 151, л. 156.

[27] Там же, стр. 138, № 32. «Краткая (проложная) редакция жития».

[28] ПСРЛ, 5 стр. 200—216, см. под 1323, 1341 и 1407 гг.

[29] Там же, стр. 224, под 1342—1345 гг.

[30] Б. А. Рыбаков. Ремесло в истории культуры Древней Руси. I, М.—Л., 1948, стр. 167—169.

ские и княжеские черты. А близкое сходство Тимофея на резном образке с обликом Тимофея-Довмонта, представленного на псковских печатях, изображение которого становится в XV в. непременной эмблемой княжеских печатей Пскова [31], дает основание предположить, что и на резном каменном образке ГИМ мы имеем патрональное изображение Тимофея Газского, которому невольно резчик мог придать какие-то индивидуальные черты псковского князя Довмонта-Тимофея [32], из-за редкой и мало известной иконографии св. Тимофея Газского (?).

В изображении на резном каменном образке слились воедино черты воина-князя и мученика, вполне соответствующие характеру псковского князя Довмонта-Тимофея, каким он представляется по литературным источникам XIV—XVII вв. [33]

Сейчас затруднительно из-за отсутствия исторических источников окончательно решить вопрос — была ли эта каменная икона выполнена при жизни князя Довмонта и по его заказу, или после его смерти, последовавшей в 1299 г. ? Датирующим моментом каменного образка, однако, служит его надпись, по заключению М. В. Щепкиной, относящаяся к XIII в. и заметно уже деформирующаяся на псковских печатях XIV в.

Не мог ли каменный образок XIII в. из коллекции ГИМ, с редким изображением св. Тимофея Газского, быть патрональной [34] иконой, связанной с псковским князем Довмонтом-Тимофеем (1265—1299)? В дальнейшем появление в древнерусской пластике и живописи изображений Тимофея Газского объясняется установлением в Пскове культа Довмонта-Тимофея, рано прославившегося местным почитанием.

Феодальные круги Пскова в XIII—XIV в. настойчиво, по-видимому, искали святых воинов, которые могли бы играть роль покровителей и защитников их воинских походов, подобно киевским князьям, которые мучеников Бориса и Глеба превратили в воинов-патронов и покровителей князей. Возможно, с той же целью в Пскове, когда Псковская земля вела упорную борьбу с Литвой, немцами и датчанами, на каменном образке и в дальнейшем на псковских вислых печатях патрональный святой Тимофей Газский превращается в «героизированного» воина-князя Довмонта-Тимофея.

* * *

Трудно решить вопрос о мастере и художественной школе, в которой мог быть создан этот высокий по профессиональному мастерству, замыслу и исполнению каменный образок. В эту раннюю эпоху и Москва и Псков обращали свои взоры к Владимиро-Суздальской Руси, переживавшей высокий расцвет культуры и искусства [35]. В плане сопоставления попытаемся только сравнить композицию и решение резного каменного образка с медальонами с полуфигурами святителей и мучеников, украшающими пилястры Георгиевского собора XIII в. в Юрьеве-Польском. Эти декоративные медальоны исполнены высоким рельефом на углубленном фоне. Лица

---

[31] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 243.

[32] Известно, что в дальнейшем на псковских печатях и с началом чеканки монет (1425 по 1510 гг.) на лицевой стороне псковских монет появляется уже официальное изображение «местного святого, популярного псковского князя XIII века, патрона города Довмонта-Тимофея». Князю на монете был присвоен священный атрибут — меч Довмонта (А. С. Мельникова. Псковские монеты XV в. НЭ, IV, 1964, стр. 227).

[33] Н. Серебрянский. Ук. соч., стр. 138, № 32; ПСРЛ, V, стр. 224, под 1342—1345 гг.

[34] Т. В. Николаева считает, что ранние резные каменные единоличные иконы всегда были только патрональные. (Т. В. Николаева. Ук. соч., стр. 143, № 33).

[35] В. И. Антонова. Заметки о Ростово-Суздальской школе живописи. В кн: «Ростово-Суздальская школа живописи». М., 1967, стр. 10.

Рис. 4. «Панагия» с изображением св. Тимофея, из Суздальского Васильевского монастыря. Акварель художника Н. А. Мартынова, середина XIX в., из собрания ГИМ

изображенных индивидуализированы и лишены отвлеченности и аскетизма. Одежды с четкой трактовкой складок переданы владимиро-суздальским мастером с документальной точностью, а именно: княжеские, святительские, воинские и др. Преобладающее большинство — молодые мученики-воины, у многих из них, как у Тимофея на резном каменном образке, волосы заложены за уши. Здесь несомненно представлены патрональные святые покровители князей — Борис и Глеб и другие[36]. Возможно, мягкая скульптурная лепка образа Тимофея-Довмонта на резной каменной иконе ГИМ, исполненная в традициях медальонов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, была создана резцом неизвестного талантливого владимиро-суздальского мастера. О тесных связях исполнителя образка с искусством северо-восточной Руси свидетельствует и его оправа работы ростовских мастеров.

О прочных связях, существовавших у Пскова с Владимиро-Суздальским княжеством, говорит то, что Довмонт был женат на дочери князя Дмитрия Александровича, сына Александра Невского. И дед Марии Дмитриевны — Александр Невский (с 1259 г.), и ее отец Дмитрий Александрович были на великом княжении во Владимире (последний в 1276—1292 гг.). Не удивительно, если владимиро-суздальские мастера исполнили для псковичей заказ на патрональную икону с изображением Тимофея-Довмонта.

Возможно, этот образок сопровождал кого-то в воинских походах. О длительном ношении его на груди свидетельствует лощеная поверхность камня на обороте иконы и потертость рельефа на лицевой стороне.

О тесных родственных связях Пскова с Владимиро-Суздальским княжеством свидетельствует и последнее местонахождение резной каменной иконы с изображением св. Тимофея — в ризнице Суздальского Васильевского монастыря. Весьма вероятно, что владельцы вложили патрональную икону Тимофея-Довмонта в этот монастырь, существовавший с XIII в. в Суздале[37]. Достоверность этих сведений подтверждается имеющимся в ГИМе альбомом (№ 42949) с акварельными рисунками Н. А. Мартынова. Среди зарисовок, исполненных художником с реликвий, хранящихся в ризн-

---

[36] Г. К. Вагнер. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. «Искусство», М., 1966, стр. 44, рис. 52—53.

[37] Л. И. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 115. На стр. 116 указано: «В ризнице хранятся четыре древних панагии».

нице Суздальского Васильевского монастыря, мне удалось обнаружить тонко выполненный акварельный рисунок с резного каменного образка, в сканной оправе с камнями с изображением св. Тимофея[38], названного «панагией». Рисунок (Р : 15,5 × 11 *см*) и альбом датируются серединой XIX в.

E. S. Ovtchinnikova

ICONE EN PIERRE SCULPTÉE A L'IMAGE DU SAINT — TIMOCHÉE

Résumé

L'article est consacré à l'icône en pierre sculptée montée en argent filigrané de très petites dimensions (9,2 × 5,8 cm) comportant l'image du Saint — Timothée.

Le relief et les bords de l'icône sont très usés en comparaison à la monture. Cela donne lieu à croire que ces parties ne sont pas de la même époque. La monture est rapportée aux XIV siècle tandis que l'on date l'icône du XIIIe siècle en partant des particularités paléographiques de l'inscription. La destination initiale de l'icône n'est pas encore connue mais, paraît — il, elle était assez longtemps sans monture. En se basant sur les descriptions prises de l'«Ikonopysny podlinnik» et l'affinité icônographique de l'image de Timothée sur l'icône analysée ainsi que sur les sceaux pendants de Dovmonte, prince de Pskov, baptisé de Timothée, l'auteur tient à prouver que l'icône en pierre conservée au Musée historique d'Extat représente le patron du prince Dovmonte.

Les chroniques et les descriptions de vie de «saintent» des XIV—XVII siècles et les dédicaces des églises de Pskov à Dovmonte — Timothée confirent le caractère identique de la vénération du Saint — Timothée de Gazy et de celle de Dovmonte — Timothée, prince de Pskov. Dans l'image du Saint — Timothée que l'on voit sur l'icône en pierre les traits typiques pour l'icône patronale de Dovmonte — Timothee (1265—1299) — ceux d'un prince — guerrier et d'un martyr — ne font qu'uns. L'auteur considère comme probable que l'icône en pierre fut faite sur les commandes du prince Dovmonte lui — même.

---

[38] Отдел древнерусской живописи. ГИМ, № 42 949, л. 13. «Панагия» № 25. Альбом происходит из собрания А. Бахрушина.

Заметки

Б. И. МАРШАК

КЕРАМИКА И ДАТЫ СЛОЕВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Керамика (вслед за монетами) — основа датировок средневековых городищ. Однако в литературе вопрос о том в каких случаях и в какой мере доказательна аргументация, основанная на аналогиях, применительно к керамике еще не ставился.

Среди субъективных опасностей, подстерегающих археолога, чаще всего проявляются три: стремление «удревнить» свой материал, стремление к растягиванию дат, чтобы избежать «пустых промежутков» во времени, и, наконец, стремление, определяя слои, по соображениям, вытекающим из сведений письменных источников, видеть в слоях подтверждение этих сведений. Все эти явления нередко встречаются в литературе по археологии Средней Азии. Думается, что со сходными методическими проблемами приходится сталкиваться и на других территориях.

К наиболее твердо доказанным синхронизмам в археологии Средней Азии относится синхронизм между керамикой V слоя Тали-Барзу (ТБ V) в Согде, керамикой Ак-Тепе близ Ташкента и керамикой ряда городищ востока Средней Азии (южного Казахстана и северной Киргизии). Когда-то Г. В. Григорьев датировал более поздний слой ТБ VI началом VIII в. как на основании находки момент Тархуна (до 711 г.), так и потому что 712 г.— это год подробно описанного похода арабов на Самарканд. Дата слоя, казалось бы, надежно увязывалась с данными письменных источников. Соответственно ТБ V датировался VI—VII вв. Работы в Ак-Тепе как будто подтверждали эту дату — там были найдены монеты, выпущенные в подражание монетам сасанидских царей V в. Однако исследовавший Ак-Тепе А. И. Тереножкин подчеркивал, что публикуемые им находки относятся не к тому слою, что монеты, а к следующему слою, который датировался по аналогиям ТБ V[1]. Позднее на основании работ в Пенджикенте и на Афрасиабе А. И. Тереножкин пришел к выводу, что ТБ V начинается не ранее середины VII в. и доходит почти до середины VIII в., а начало VII в. и во всяком случае VI в. относятся к более древней стадии ТБ IV[2].

Последующие работы в Согде (особенно пенджикентские раскопки) полностью подтвердили правильность этого вывода. Что касается ТБ VI, то там, кроме монеты Тархуна, были найдены три раннеаббасидские монеты[3] и керамика, встречающаяся на Афрасиабе, в слоях с монетами второй половины VIII в.

---

[1] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Материалы по археологии Узбекистана, 1, 1948, стр. 130.

[2] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА 15, 1950, стр. 91; его же, Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 160—162. Таблица в этой статье частично отражает более раннюю точку зрения автора.

[3] Монеты определены О. И. Смирновой. Определение дано в приложении к диссертации Г. В. Григорьева.

Теперь на многих памятниках самаркандского Согда и долины Кашкадарьи (работы С. К. Кабанова) открыты слои VI в., где керамика сильно отличается от керамики ТБ V и Ак-Тепе. В Пенджикенте и Чилеке обнаружены слои середины VII в. с керамикой, переходной от ТБ IV к ТБ V, а для Киргизии, Ферганы, южного Казахстана сохранены старые неверные (но зато древние!) даты. Например, в Таразе обнаружено два слоя общей толщиной около 3 *м* с керамикой, близкой к одному и тому же слою Ак-Тепе [4]. Выше лежали слои X—XII вв. В нижнем слое, как и в верхнем, есть формы, которые не старше керамики Ак-Тепе. Можно было бы отнести нижний слой к VII или VII—VIII вв., а верхний к VIII—IX в., но письменные источники знают Тараз VI в., и дата керамики удлиняется: слои отнесены к IV—VI и VI—IX вв., а два неорнаментированных черепка от стенок сосудов, которые только и были найдены в еще более глубоком слое, датируются I—III вв.

Откуда возникает это растягивание даты каждого слоя на два-три века, характерное не только для данных раскопок, но и для многих других? Автор аргументирует свою точку зрения, опираясь на керамические аналогии, но если подытожить все многочисленные ссылки, то окажется, что, по мнению автора, чаши находят аналогии в слоях с V в. до н. э. по VII в. н. э., хотя похожие чаши есть и в более позднем слое самого Тараза, кувшины датируются с III по VII в., хумы от рубежа нашей эры до VII в., орнамент из прямых и волнистых линий со II в. до н. э. и до середины I тысячелетия н. э. (здесь почему-то Пенджикент уже не упоминается). Даже приняв эти аргументы, мы никак не сможем исключить VII в. Но дело в том, что столь расплывчатые аналогии, когда сравниваются не комплексы керамики и не типы сосудов, а лишь отдельные признаки, не являются аргументами в пользу какой бы то ни было даты. И все же подобная система доказательств обычно не вызывает немедленной критики, во-первых, потому, что работы снабжены мощным ссылочным аппаратом, в котором не сразу можно найти ссылки на датированные памятники среди ссылок на гипотетические даты, во-вторых, потому, что таким способом доказывается желаемое, а именно непрерывность или древность культурной традиции данного района или области, а также соответствие письменных и археологических материалов.

Сохранение устаревших дат устраивает не только многих археологов. Через двадцать лет после того, как было доказано, что в керамике Согда сменились два стиля, соответствующие ТБ IV и ТБ V, в ряде трудов искусствоведов, причем даже в самых солидных из них, сохранились старые неверные даты Тали-Барзу и Кафыр-Калы [5]. Из-за этого пропадает динамика развития, но зато так удобнее с точки зрения социологической: если уже в V—VI вв. в Согде утвердился феодализм, то трудно было бы без конкретного исследования объяснить перемену стиля в VII в., поэтому игнорирование помогает избежать затруднения.

Небрежное отношение к археологическим датам в искусствоведческой литературе видно на примере одной книги по средневековой керамике, автор которой заявляет, что на основании предложенной им классификации «можно будет продатировать и изучить среднеазиатские коллекции музеев Самарканда, Ташкента, Киева, Ленинграда и Москвы, а также собрания музеев Англии, США и Франции» [6]. Не говоря пока о Франции, надо отметить, что на Афрасиабе и в западной Фергане другие археологи получают другие даты. Дискуссия невозможна, так как автор не дал

---

[4] М. С. Мерщиев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 37—50.

[5] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, стр. 166, 167, табл. 177, 181. В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, стр. 32—46.

[6] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда XI—начала XIII в. Ташкент, 1967, стр. 143.

аргументов в пользу своих дат, приводя вместо этого много разнообразных гипотез о смысле изображений на сосудах: лев — Али, голубь — Абу Муслим и т. д. Увидев на черепке стилизованное лицо в короне, он задает риторический вопрос: «Не связано ли изображение человека с керрамитами, наделявшими божество антропоморфными чертами?»[7]. Как будто не известен ни строгий запрет идолопоклонства в исламе, ни, с другой стороны, множество изображений царя в мусульманском мире?

Нельзя возражать против историзма в истолковании результатов раскопок. Переход от археологических наблюдений к историческим заключениям безусловно необходим, но необходимо также не принимать за доказательства такие силлогизмы: известно, что город был разрушен или сожжен в таком-то году, в раскопе найден слой разрушения или пожара, относящийся к той же эпохе, значит обнаружены материальные следы этого исторического события, и, следовательно, мы получили точную дату: дату post quem для слоев над слоем разрушения и дату ante quem для слоев под ним, а в дальнейшем можем опираться на эти даты для определения дат вещей.

Поскольку Пенджикент упоминается у Табари только в связи с разгромом его государя Деваштича в 722 г., следы пожаров в разных местах городища воспринимались как свидетельства гибели города в это время. Между тем детальная стратиграфия и анализ монетных находок показали, что в ряде пунктов пожар относится к 770-м годам, а значительная часть пенджикентской керамики должна быть отнесена к третьей четверти VIII в. Надо отметить, что если уточнение хронологии упоминается в ряде работ участников экспедиции, то первоначальная точка зрения приводится только в этих же более поздних статьях, причем в негативной форме, так как на монеты времени после Деваштича с первых же лет раскопок было обращено внимание и в основных ранних публикациях верхняя дата всегда указывалась значительно позже 722 г. Однако на керамику верхнего слоя Пенджикента и сейчас еще часто ссылаются как на керамику VII — начала VIII в., а то и VI—VII вв., что удревняет многие даты слоев с аналогичной керамикой.

Сходные с пенджикентскими заключения были сделаны и при изучении Мерва, другого основательно исследованного среднеазиатского города. Хорошо известны два разгрома Мерва: в середине XII в. при нападении гузов и во время монгольского завоевания. Между этими датами Мерв несколько раз переходил из рук в руки во время войн, сопровождавших усиление хорезмшахов. Найдены гончарные мастерские, которые были разгромлены, затем восстановлены и снова окончательно разгромлены, причем окончательная гибель мастерских точно датирована временем прихода монголов[8]. Во втором периоде продолжали использовать штампы первого периода. Хотя в подробной и весьма тщательной публикации нет данных, доказывающих абсолютную дату раннего периода или данных о том, что второй период длился три четверти столетия, первый период получает дату середина XII в., т. е. до нападения гузов. Эта дата из-за того, что она получена в Мерве, может стать эталоном для других пунктов, хотя она не доказана археологически, а только предположена на основании письменных источников. Разрушение и восстановление нескольких мастерских могло быть связано и с менее значительными событиями, чем «гузская смута». Сопоставление штампованной керамики Мерва и Нишапура заставляет с осторожностью относится к ранним датам. Оба примера нельзя считать ошибками в полном смысле слова, но это примеры такого использования письменных источников, которое подменяет собственно археологические методы и потому в конечном счете ме-

---

[7] Там же, стр. 73.

[8] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 282—394.

шает проверке полноты и достоверности текстов по независимым от них археологическим источникам.

В тех случаях, когда письменных источников нет или почти нет, археологи вынуждены прибегать только к собственным методам датирования. Точность датировок обычно уменьшается и появляются даты в два-три века типа: III—I в. до н. э. Когда описываются рядовые, а не особо монументальные, сырцовые постройки, отрезок времени охватывает не века, а десятилетия и значит дату III—I вв. до н. э. надо понимать не как III, II, I вв., а как какой-то век (или меньше) не позже I и не раньше III в. до н. э. Между тем в стратиграфических таблицах даты большой длительности обычно выстраиваются в ряд, хотя привязка к абсолютной датировке (и то не всегда надежная) есть только у одного или двух периодов.

При современном состоянии изученности древней и ранне-средневековой эпох было бы полезно отказаться от традиции обязательно абсолютной датировки каждой прослойки раскопанного памятника и перейти к более строгой разработке относительной стратиграфии (и хронологии).

Есть много причин сходства керамики помимо синхронизма (сходные технические решения форм сосудов одного назначения, сходные подражания общим образцам и т. д.). Так, двуручные амфоры-ритоны с двумя сливами внизу очень похожи в Закавказье середины I тысячелетия до н. э. и Средней Азии середины I тыс. н. э.

Сходство статистических характеристик тоже не обязательное свидетельство синхронизма. Так, одинаковый процент лепной керамики свидетельствует, строго говоря, только о хозяйственном сходстве. Малый процент фрагментов хумов может говорить даже не о сходстве в хозяйстве, а о сходстве в характере слоев: на больших свалках хумов меньше, чем в домах, потому что они реже разбиваются.

Чтобы статистически обосновать синхронность слоев, надо вести сопоставление по отдельным формам, принимая каждай раз за 100 % не всю керамику, а все чаши для разных форм чаш, все венчики хумов для разных профилей венчиков хумов и т. д.

При этом судьба отдельных форм в разных гончарных центрах могла быть различной. Так, между Пенджикентом и Тали-Барзу всего 60 *км*, но в Тали-Барзу кувшин с рожком и чашевидный кубок — это синхронные формы, характерные для ТБ III—IV, а в Пенджикенте чашевидные кубки типичны только для I—II комплексов, тогда как кувшины с рожком отсутствуют в этих комплексах, но зато становятся ведущей формой столового кувшина позднее, в III—VI комплексах. Все это заставляет относиться осторожно к датировкам по отдельным признакам керамики (таким, как профиль поддона или венчик).

Только в период ТБ V в VII — начале VIII в. наблюдается совместное широкое распространение целого ряда одинаковых или очень сходных между собой форм столовой посуды, что дает надежные основания для синхронизации, которую подтверждают многочисленные монетные находки. Для «безмонетного» периода статистические сопоставления по всем формам ряда поселений дают, как мне кажется, результаты, лучше всего исключающие случайность синхронизма.

Однако статистические методы могут применяться только при сравнении комплексов керамики, а не просто керамических коллекций с того или иного памятника. При издании коллекции керамики, из усадьбы близ Кафыр-Калы материалы из разных прослоек не были разделены, поскольку все они относились к одной постройке. Из керамики времени жизни здания (V—VI вв.) не был выделен комплекс ТБ V (VII — начало VIII в.), относящийся ко времени использования здания для оссуарных захоронений[9]. Эта ошибка привела к тому, что в литературе появилась

[9] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом. ИМКУ, 2, Ташкент. 1961, стр. 206—214.

гипотеза о ритуальном, связанном с погребениями, первоначальном назначении здания [10]. Комплексы необходимы для того, чтобы датировать одни формы керамики по другим. Мы должны быть уверены, что разные формы действительно найдены не просто в одном здании, а именно в одном комплексе, т. е. на одновременных полах здания, в одном слое свалки или в завале с пола второго этажа, погибшего одновременно с первым, причем необходимо выделять чистые и смешанные слои.

Мне хотелось обратить внимание на то, как появляются недоказанные даты, которые после нескольких ссылок на них становятся привычными и превращаются в серьезные препятствия на пути к построению строгой хронологии.

[10] В. А. Нильсен. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыр-Кала под Самаркандом. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, стр. 116—123.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

РОЛЬ БУГРОВЩИКОВ И МИФЫ «О МОГИЛЬНОМ ЗОЛОТЕ» НА ЕНИСЕЕ

Существует мнение, что курганы в Сибири некогда изобиловали золотыми и серебряными вещами, но стали жертвой бугровщиков XVII—XVIII вв. Г. Ф. Миллер сообщает, что «люди для гробокапательства отправлялись прежде в Сибирь большими партиями и будто на соболиный промысел и многие от того имели пропитание»[1]. «Около р. Исети и в окружности, оной,— пишет В. Радлов,— русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду; на р. Иртыше разрывают бугры и сыскивают золотые стремена и чаши; в могилах в 8—10 дней от г. Томска находят среди праха покойника значительное количество золота, серебра и меди, драгоценные камни, в особенности же рукоятки мечей и оружие» [2].

Сведения о «золотых курганах» относятся и к району Среднего Енисея, где, в частности в курганах Абаканского и Саянского острогов, было, по слухам, столько золота и серебра, что золотник золота можно было купить за полтину [3]. Однако обращает внимание тот факт, что из этих мест ни Д. Г. Мессершмидту, ни Г. Ф. Миллеру не удалось даже для царской коллекции купить ничего кроме медных вещей из могил. Среди коллекций, подаренных Екатерине I и Петру I, также нет вещей с р. Енисея. Сами ученые-путешественники Мессершмидт, Миллер, Гмелин, Паллас и другие не находили при раскопках ничего, кроме человеческих костей и обломков предметов, а, встречая на своем пути курганы, разрытые бугровщиками, отмечали, что последние в них не нашли никаких драгоценностей [4]. В связи с этим особенно фантастичными кажутся слухи, будто бы в степях Сибири, в частности по р. Енисею и его притокам, находили в могилах целые золотые шахматы и большие золотые пластины, на которых лежали трупы [5].

Еще И. Кузнецов-Красноярский отмечал, что большого количества вещей из золота и серебра в древних могилах южной части Енисейской губернии, как известно, не встречается, не часто попадаются изделия из бла-

[1] Г. Спасский. Сибирский вестник. II, 1818.
[2] В. Радлов. Сибирские древности. I, 2, СПб., 1888, стр. 22, 24, 51.
[3] Там же, 3, стр. 74.
[4] В. Радлов. Ук. соч., I, 1, стр. 13; 3, стр. 91, 97—98.
[5] Там же, I, 1, стр. 32.

городных металлов и на поверхности, что ясно видно из отчетов Минусинского музея, их скупающего [6]. В 1898 г. он специально осмотрел все предметы из золота в музее. Их было 15 экземпляров, большей частью мелких вещей, бисеринок, маленьких бляшек, бус, подвесок [7]. Такое же положение сохраняется до сих пор. Красноярской археологической экспедицией раскопано свыше 3200 могил разного времени. В них найдено: одно золотое и два серебряных кольца афанасьевского времени, золотая серьга и кольцо андроновского времени, незначительное количество мелких кусочков листового золота, служившего обкладкой предметов, одна серебряная чаша и серебряные бляшки от пояса кыргызского времени. Вряд ли отсутствие золотых вещей можно отнести за счет грабителей. Бугровщики копали колодцем, оставляя археологам вещи, не замеченные ими, но среди них нет золотых и серебряных. Кроме того, изредка встречаются непотревоженные могилы или части могил с полным комплектом вещей (Новая Черная I, у оз. Подгорного, курган у с. Сарагаш и др.). Можно ли поверить в таком случае тому, что могильное золото и серебро кормило партии бугровщиков, составляло предмет торговли и имело на рынке определенную цену? К тому же, по утверждению всех свидетелей, сами бугровщики были всегда бедняками.

С. В. Киселев был единственным археологом, которому посчастливилось найти столовую серебряную и золотую посуду в кыргызском чаа-тасе у с. Копёны [8], в местности, где по сведениям Гмелина, золотых и серебряных вещей находят в довольно значительном количестве [9] и где в течение 30 лет грабил могилы знаменитый бугровщик Селенга. Последний встречал серебряную, позолоченную и золотую посуду в кыргызских могилах [10]. Сам факт находки С. В. Киселева у с. Копён свидетельствует о такой возможности. Другое дело, насколько часто удавалось Селенге найти драгоценности, если он так и остался нищим. Следует заметить, что сосуды из Копёнского чаа-таса и серебряная чаша из раскопок Красноярской экспедиции — вещи привозные, позднего происхождения [11]. Следовательно, они не могут свидетельствовать в пользу обилия «могильного золота», во всяком случае, в минусинских курганах эпохи бронзы и раннего железа.

Встает вопрос, как объяснить массовое ограбление могил и сведения самих бугровщиков о находимом ими золоте в курганах?

Раскопками Красноярской экспедиции не раз удавалось установить условия ограбления могил. Они, как выяснилось, могли быть потревожены в самое разное время и с разными целями. Так афанасьевская могила № 33 могильника под Афанасьевской горой была ограблена (или «осквернена») современниками, когда кости еще держались на связках [12]. В могильнике Черновой Лог четыре могилы каменоложского этапа карасукской культуры тоже были ограблены, когда связки еще не разложились (№ 3, 6, 11, 18) [13]. Аналогичная картина наблюдается в карасукском могильнике Сухое озеро II [14].

Иногда могилы более древние оказывались разрушенными впускными. При этом часть вещей и скелетов могли быть выброшенными. Примерами могут служить многие окуневские могилы, впущенные в афанасьевские, и таштыкские, впущенные в тагарские.

---

[6] И. Кузнецов-Красноярский. Заметки о древних обитателях южной части Енисейской губернии. Томск. 1902, стр. 10.

[7] Там же.

[8] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 601—603.

[9] В. В. Радлов. Ук. соч., I, 3, стр. 97.

[10] Там же, стр. 101—102.

[11] А. А. Гаврилова. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов. КСИА. 114, 1968, стр. 28.

[12] М. П. Грязнов. Отчет о работе карасукского отряда 1964 г., стр. 23.

[13] Там же, стр. 32—37.

[14] Г. А. Максименков. Отчеты о работе Черновского отряда за 1965—1966 гг.

Порой нельзя определить время ограбления, но ясно, что это произошло в древности. В частности, под одной из могил сарагашинского этапа в Сарговом уезде оказалась большая ограбленная афанасьевская могила. Значит, ограбление произошло до начала сарагашинского этапа тагарской культуры [15].

Наиболее часты случаи ограбления могил эпохи бронзы тагарцами. Известны многочисленные баиновские, подгорновские и тесинские погребения в карасукских и каменоложских ящиках, причем остальные могилы эпохи бронзы в данных могильниках ограблены, а тагарские не тронуты (могильники Каменный Лог II, Карасук I, Подсуханиха и т. п.).

Таким образом, массовое ограбление древних могил на Енисее нужно относить не только за счет бугровщиков, а еще в большей степени за счет современников и последующих племен. Бугровщики, вероятно, грабили наиболее поздние и наиболее приметные памятники — сарагашинские, тесинские могилы, таштыкские склепы и чаа-тасы. Однако и в этих памятниках, как было указано выше, кроме чаа-тасов, нет золота. В связи с этим представляется интересным наблюдение И. Т. Савенкова, встречавшегося, по-видимому, с бугровщиками XIX в. Он отметил, что бугровщики говорят путано о раскапываемых ими курганах, часто не могут указать признаки могил, в которых находят ценности, золото же в могилах преимущественно встречают в слитках, что не соответствует археологическим данным. И. Т. Савенков высказал оригинальное предположение, что бугровщики выдавали за могильное золото то, что было ими добыто в тайных приисках [16]. Эта мысль кажется чрезвычайно интересной. Теперь нет сомнения, что процент раскопанных бугровщиками курганов на Енисее преувеличен, много золота в могилах не было, во всяком случае, его было недостаточно, чтобы прокормить артели бугровщиков. В то же время золотых россыпей здесь много. В начале XIX в. они были обнаружены, в частности, в разных местах Кузнецкого Алатау, Западных Саян, в верховьях рек Белого и Черного Юса [17]. В ряде случаев на территории, арендуемой золотопромышленниками, оказывалось много древних курганов. Так Д. А. Клеменц собирался раскопать сарагашинский курган в 8 *км* от с. Чебаков на заимке золотопромышленника Сажина, но последний не разрешил [18]. И. Т. Савенков в описании раскопок подгорновского кургана на ручье Узунчжуле, отмечал наличие в долине золотосодержащих песков [19]. Из россыпей Преображенского прииска по руч. Узунчжулу Д. А. Клеменц приобрел два медных ножа и копье [20].

Со всех районов страны стекались люди на прииски, многие одиночки-старатели и даже целые артели всю жизнь проводили в поисках драгоценного металла. Рабочие с приисков принимали участие в археологических раскопках. Д. А. Клеменц считал, что такие рабочие, хотя дороже стоят, но выгоднее, ибо очень внимательны на раскопках [21]. Правда, добыча золота разрешалась. Более того, в 1812 г. был издан указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебрянные руды с платежом в казну подати» [22], однако с «могильного золота» подать не взималась, добыча его практически не кара-

[15] М. П. Грязнов и М. Н. Комарова. Раскопки могильников в Западной Сибири. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 15.

[16] И. Т. Савенков. К материалам по археологии Минусинского края. II—III. Архив Минусинского музея, д. 66, 1886.

[17] С. В. Левченко, Д. А. Мозесон. В поисках подземных кладов Сибири. М., 1967, стр. 68.

[18] Д. А. Клеменц. Дневник раскопок в окрестностях с. Чебаки. Архив ЛОИА, д. 23, 1888 г., стр. 68.

[19] И. Т. Савенков. К материалам по археологии. Раскопки кургана в вершинах Узунчжула. Архив Минусинского музея, д. 68, 1886.

[20] Д. А. Клеменц. Список случайно приобретенных древностей Архив ЛОИА, д. 23, 1888, стр. 111.

[21] Д. А. Клеменц. Объяснительная записка к отчету, апрель 1889.

[22] С. В. Левченко. Д. А. Мозесон. Ук. ссч., стр. 18.

лась, и ею было легко прикрыть истинный источник — тайные приски. Таким образом, если встать на точку зрения И. Т. Савенкова, мифы о сказочных богатствах сибирских курганов на Енисее, видимо, породили сами бугровщики, желая сохранить в секрете от путешественников истинные источники своих доходов.

В. Ф. ИСАЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ СОСУД С РИСУНКОМ ИЗ БЕЛОРУССИИ

Исследователю эпохи неолита редко приходится иметь дело с произведениями древнего искусства. На территории Припятского Полесья они вообще не были известны. В 1962 г. при раскопках поселения Литвин I был найден обломок сосуда с рисунком. Поселение названо по озеру, на

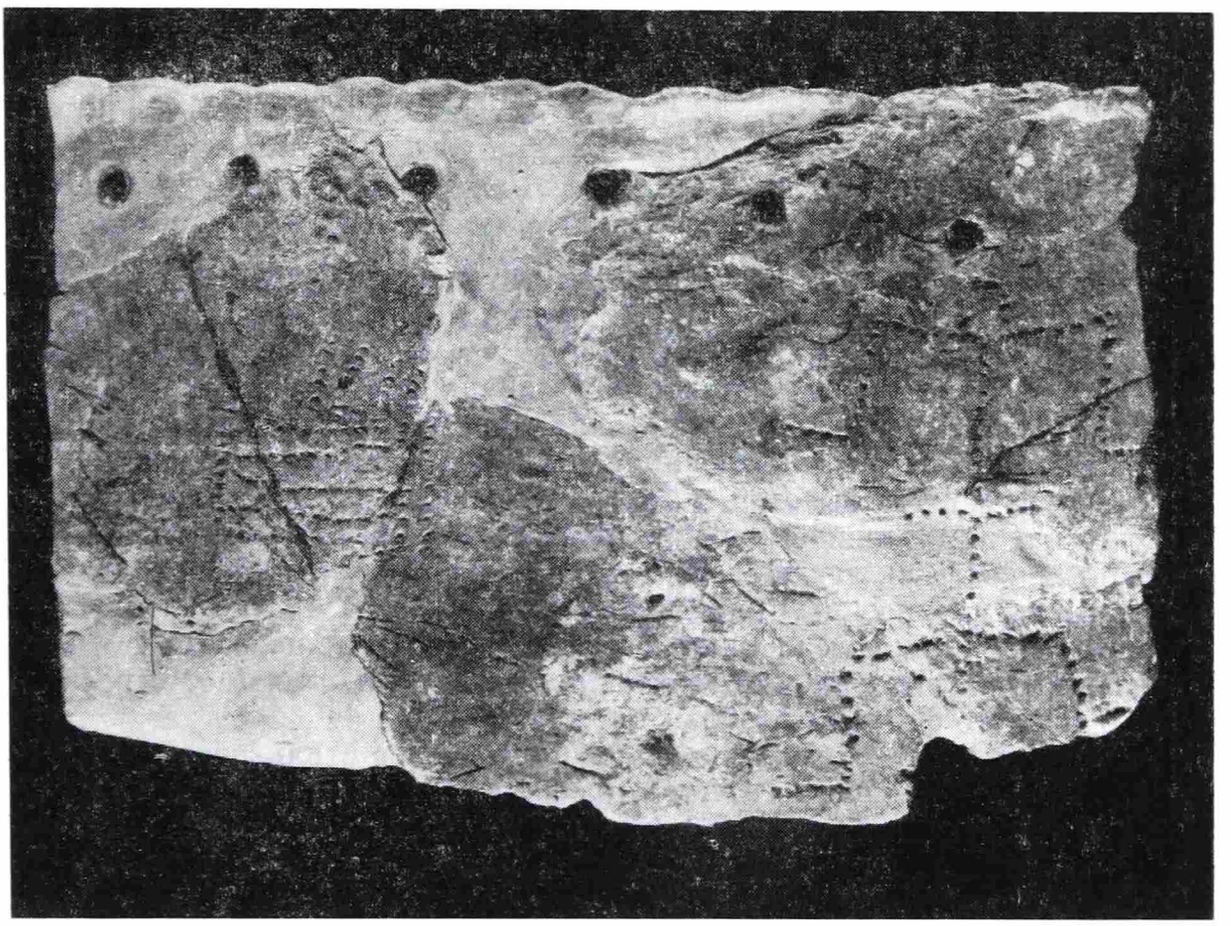


Рис. 1. Обломок неолитического сосуда с изображением человека и «уточки»

юго-западном берегу которого оно расположено в 1 *км* от д. Юревичи Калинковичского района Гомельской области БССР. Памятник относится к III—IV этапу днепро-донецкой культуры (середина — вторая половина III тысячелетия до н. э.) [1].

Сначала считалось, что на сосуде помещено антропоморфное или зооморфное изображение [2].

После реставрации сосуда оказалось, что речь должна идти о композиции, состоящей из фигурок человека и уточки (рис. 1 и 2) [3].

Сосуд изготовлен из глиняного теста с растительной примесью и песком, среднего обжига буроватой окраски. Форма сосуда цилиндрическая.

[1] В. Ф. Исаенко. Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 66, 102.

[2] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 118, 119.

[3] Хранится в Историческом музее Белорусской ССР.

Край слегка отогнут и закончен гофрированным венчиком. Последний подчеркнут рядом глубоких круглых ямок, образующих выпуклины изнутри. Внутренняя поверхность сосуда сохранила следы легких расчесов мелкозубчатым штампом, наружная заглажена.

Как сам сосуд, так и комплекс, в состав которого он входит, относится к гребенчато-накольчатой керамике.

Фигурка человека изображена анфас. Она имеет в высоту около 10 *см*, очень схематична и составлена из отрезков, которые нанесены почти под

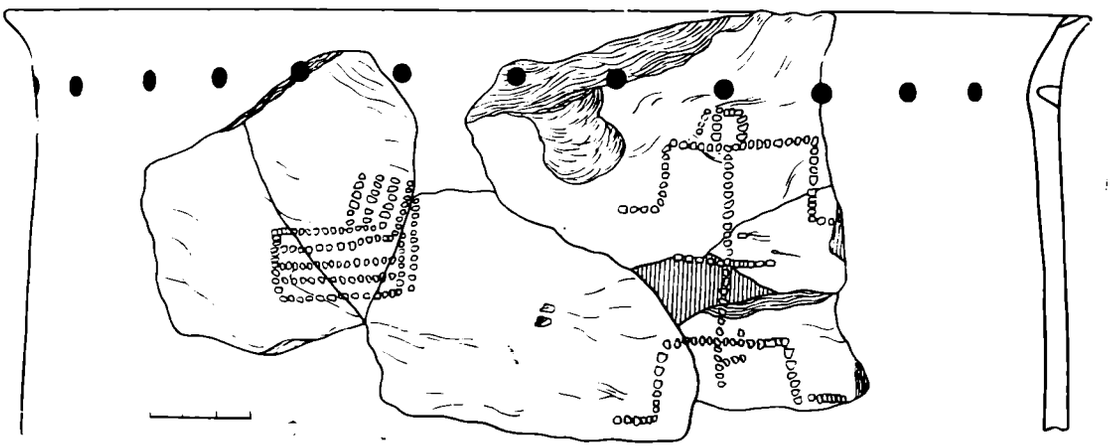


Рис. 2. Прорисовка изображения человека и «уточки» на неолитическом сосуде

прямыми углами и состоят из небольших наколов. Туловище изображено вертикальным отрезком длиной 57 *мм*, который заканчивается вверху и внизу горизонтальными отрезками в 44 и 41 *мм*, соответствующими линии плеч и бедрам. Из концов указанных отрезков опущены вниз линии длиной в 20—22 *мм*, отогнутые вправо или влево на 11—12 *мм* (кисти рук и стопы ног). Верхняя часть туловища венчалась «головой», по-видимому прямоугольной формы, высотой в 10 *мм*, а нижняя заканчивалась фаллосом. Туловище чуть ниже середины было перечеркнуто горизонтальным отрезком в 25 *мм* (как левая сторона этого отрезка, так и часть туловища ниже его реконструированы приблизительно).

Большая ширина плеч, наличие фаллоса, черта возле пояса, обозначающая, возможно, заткнутый за пояс кинжал, топор или колчан со стрелами, говорят о том, что фигурка изображала мужчину.

Слева от фигуры человека, пожалуй в еще более стилизованной манере, выполнено изображение уточки в профиль. Длина ее туловища состоящего из пяти горизонтальных линий, 37 *мм* при высоте 22 *мм*. «Шейка» с правой стороны изображена двумя вертикальными линиями, выступающими над туловищем на *11* мм. Поднятые крылья выполнены тремя небольшими отрезками, проходящими параллельно шейке. С левой стороны туловище ограничено замыкающим вертикальным отрезком.

Уточка, таким образом, головой повернута к человеку и готова вот-вот сорваться с места. Человек же (по-видимому, охотник), вероятно, бежит к добыче, так как одна нога у него изображена короче другой.

Фигурка человека, возможно, не случайно помещена под круглой ямкой орнамента (голова?). Это тем более вероятно, что еще недавно ханты и манси рисовали человека в виде палочки с точкой на конце [4].

Изображения людей были известны только на двух сосудах из северной части РСФСР.

На одном из них — с Перыни под Новгородом — вместе с уточками изображена женщина с круглой головой, увенчанной убором, выступающим в виде рогов. Характерны покатые плечи и символически очерченная грудь [5].

[4] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 19.

[5] W. W. Peredolski. Eine bildliche Darstellung des Menschens auf einem neolithischen Tongefäss.— «Archiv für Anthropologie», III, 4, Braunschweig, 1905, табл. 15.

Второе изображение человека обнаружено в керамических материалах стоянки Черная Гора в Рязанской области около с. Русанова. Антропоморфное изображение выполнено оттисками веревочки, намотанной на палочку. Оттиски, которые соответствуют верхним конечностям, также расположены под прямыми углами к туловищу. Отрезки, изображающие ноги, напротив, наклонены к туловищу. Голова изображена горизонтальным отпечатком [6]. Сам сосуд может относиться к поздней фазе рязанской культуры. Среди изображений людей на скалах в урочище Залавруга возле г. Беломорска (по Ю. А. Савватееву) имеются также не менее реалистичные фигурки мужчин с пересечением у пояса и почти в таких же позах.

Прямых аналогий «уточке» не найдено. Фигурки «уточек» с северных поселений имеют лучше очерченные головы, а крылья у них гораздо чаще опущены вниз, причем нередко изображены треугольниками. К тому же все они выполнялись оттисками гребенчатого штампа, а не наколами. Наконец, они датируются чуть ли не тысячелетием позднее [7].

Изображения нескольких десятков «уточек» известны в памятниках эпохи неолита Оки, Верхней Волги и Севера Европейской части СССР. П. Н. Третьяков считает, что они сопутствовали не столько волгоокской культуре [8], сколько волосовской или близкого ей типа [9], и являлись одним из характерных элементов древней финно-угорской культуры.

Выявление фигурки «уточки» так далеко к юго-западу от финно-угорского ареала в совершенно другой археологической культуре заставляет более осторожно относиться к подобному этническому признаку.

Само превращение человека в объект творчества, особенно если этот человек — мужчина, создание композиции из двух взаимно связанных фигурок говорит о новом этапе древнего изобразительного искусства [10] и изменении идеологических представлений.

---

[6] И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора. КСИИМК, 75, 1959, рис. 38, стр. 117.

[7] Н. Н. Гурина. Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 108 сл.

[8] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 102, 103.

[9] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 51, 58—61.

[10] А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. МИА, 165, 1969.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НОВЛЯНСКИЙ ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

В школьном музее Детгородковской средней школы Волоколамского района Московской области хранятся найденные в 1968 г. четыре каменных проушных топора, кремневый клин, точильный камень и обломки трех круглодонных горшков фатьяновской культуры. Кроме одного топора, найденного неподалеку от бывш. Иосифо-Волоколамского монастыря на левом берегу р. Большой Сестры, все остальные предметы были получены из Новлянского песчаного карьера, расположенного на левом берегу р. Локныш—притока р. Большой Сестры. Карьер находится между селами Теряево (Теряева Слобода) и с. Новое (Новлянское), в 600 *м* от последнего.

Один из топоров был принесен в школьный музей местным трактористом, нашедшим его в карьере. Кремневый клин, два каменных проушных топора, точильный камень и обломки трех сосудов нашел в карьере директор Детгородковской школы И. А. Соколов, обследовавший место находки первого топора. Учитывая, что в свое время в Волоколамском

краеведческом музее (ныне расформированном) был еще один каменный проушной топор (не сохранившийся), который тоже был найден в Новлянском карьере[1], надо думать, что все эти находки происходят из фатьяновского Новлянского могильника, находящегося на месте карьера и разрушаемого им.

Среди трех каменных топоров могильника первый — диоритовый темно-серого цвета удлиненных пропорций, ладьевидной формы с тонким лопастным, сильно скошенным лезвием и хорошо выраженным обухом. По середине верхней части топора, вдоль него и по контуру обуха идет гребешок высотой до 1 — 1,5 *мм* — ложный литейный шов. Длина топора 20,5 *см*, диаметр сверлины в нем 2,7 — 2,5 *см* (рис. 1, *1*). Второй каменный топор тоже диоритовый темно-серого цвета — коротколезвийный с хорошо выраженным лопастным лезвием. Длина топора 14 *см*, диаметр сверлины 2,4 *см*. Обух его выражен менее четко (рис. 2, *2*). Третий топор диоритовый серого цвета. Форма его клиновидная. Длина топора 12,5 *см*, диаметр сверлины 1,6—1,4 *см*. Обух его выражен плохо (рис. 1, *3*). На поверхности топора видна гранчатость при переходе от верхней плоскости к боковым и от них к нижней плоскости орудия. Все эти топоры несомненно боевые, в особенности те, которые имеют скошенное лезвие. Для использования в качестве рабочих они непригодны.

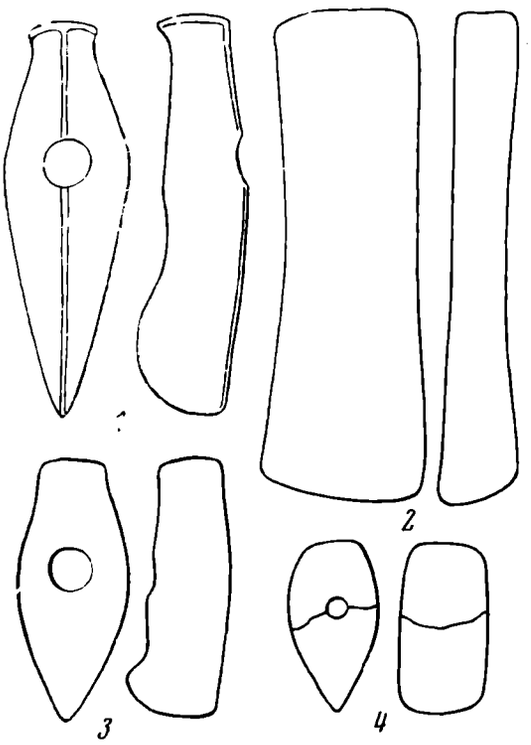


Рис. 1. Находки из Новлянского могильника

1, 3 — каменные топоры; *2* — точильная плита; *4* — топор с небольшой сверлиной, случайная находка на берегу р. Сестры

Кремневый клин, найден в том же карьере (рис. 2, *4*), трапециевидной формы, сравнительно толстообушный. Орудие симметричное. Поверхность его тщательно заполирована. В верхней части клина видны отдельные наиболее глубокие незаполированные фасетки. Клин изготовлен из местного серо-белого валунного кремня. Его длина 11,5 *см*, ширина лезвия около 6 *см*. Этот клин-лезвие рабочего топора и является характерной находкой для любого могильника фатьяновской культуры.

Точильный камень по своим размерам более напоминает небольшую полировальную плиту (рис. 1, *2*). Его размер 25,5×8×3 — 4 *см*. Он изготовлен из розового кварцита. На длинных сторонах точильного камня следы сильной сработанности. Они имеют вид углублений в средней части плоскостей. Эта кварцитовая плита употреблялась для шлифовки и заточки каменных топоров и кремневых клиньев. Подобного вида шлифовальная плита, тоже со следами сильной сточенности, встретилась в Протасовском фатьяновском могильнике. Интересно отметить, что точильные бруски на городищах дьякова типа в Подмосковье также изготовлялись из этого материала.

Фрагменты керамики, собранной в Новлянском карьере, относятся к трем сосудам. Наиболее крупный из них (рис. 2, *3*) имеет в высоту 19 *см* и диаметр горловины 14 *см*. Толщина стенок — 0,5 — 0,7 *см*. У сосуда шаровидное тулово и воронковидное горло. Горло сосуда высокое и орнаментировано по верху и низу в горизонтальном направлении четырьмя

[1] О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья. МИА, 13, 1950. стр. 75, № 63.

рядами отпечатков веревочки. Пространство между ними орнаментировано собранными в группу отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа, поставленного наискось. Такие же отпечатки есть и ниже горла сосуда в верхней части тулова. В донной части сосуда небольшое округлое вдавление, вокруг которого лучевой орнамент из отпечатков гребенчатого штампа. Выше ряд отпечатков того же гребенчатого штампа, расположенных попарно, из-за чего узор на днище сосуда превращается в звездообразный.

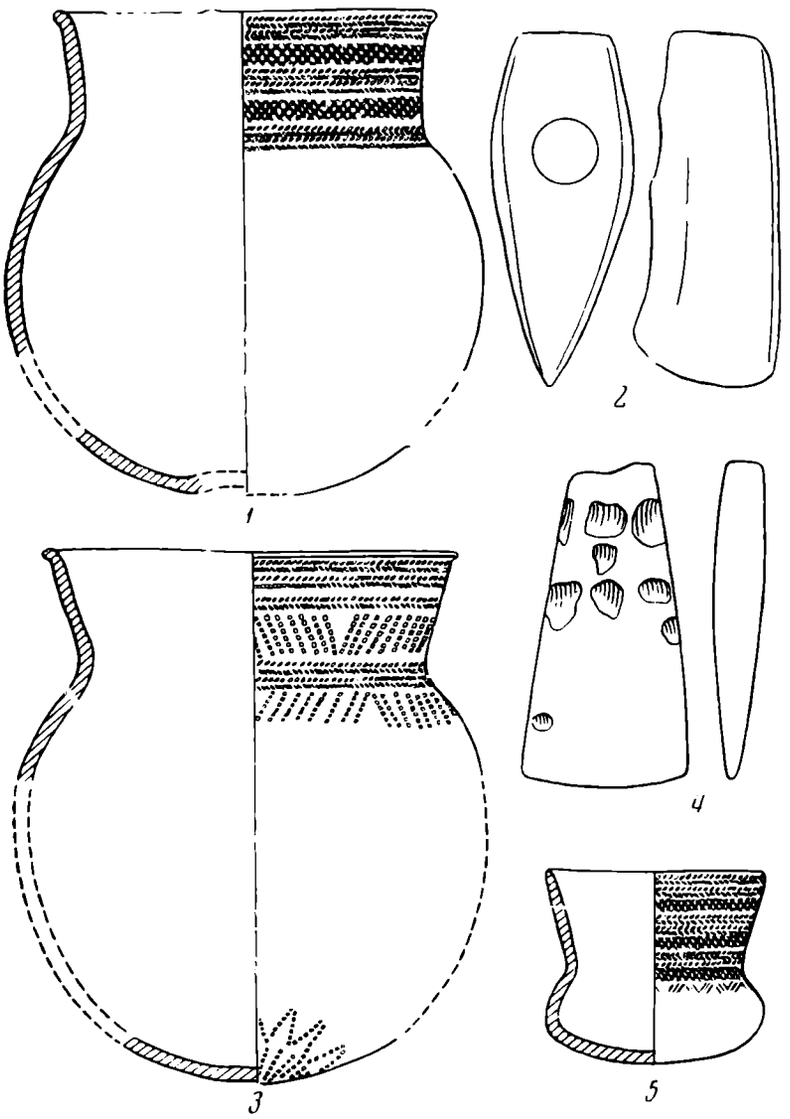


Рис. 2. Находки из Новлянского могильника

1, 3, 5 — сосуды; *2* — каменный топор; *4* — кремневое тесло

Второй сосуд (рис. 2, *1*) тоже имеет шаровидное тулово и высокую цилиндрической формы горловину. Высота сосуда около 17 *см*, диаметр горла 13 *см*. Край горла горшка слегка скошен наружу. На горле сосуда орнамент из трех горизонтальных расположенных рядов отпечатков веревочки. Один идет по верху, другой по середине и третий по низу горловины. В каждом ряде — четыре линии веревочного орнамента. Между ними два пояса косой штриховки шириной каждая в 1 *см*, выполненных коротким линейным косопоставленным штампом. Нижняя часть тулова сосуда не орнаментирована. В середине ее небольшое округлое углубление.

Третий сосуд небольшой (рис. 2, *5*). У него высокое воронкообразное горло и округлое тулово в виде закрытой миски. Форма сосуда приближается к колоколовидной. Высота горшка 7 *см*, диаметр горловины 7,5 *см*, высота горловины 3,5 *см*. Толщина стенок 0,5—0,6 *см*. На горловине этого сосуда такой же орнамент, как и на горловине сосуда № 2. На тулове

сосуда еще ряд отпечатков в виде полосы косой штриховки, нанесенных косопоставленным линейным штампом, ниже его сгруппированные по три отпечатки косопоставленного линейного штампа. Дно сосуда уплощенно-округлое. Углубления в центре его нет.

Все сосуды Новлянского могильника лепные и сделаны из глины с примесью песка и мелкой дресвы. Цвет сосудов желтый, поверхность их тщательно заглажена.

Судя по наличному материалу, Новлянский могильник датируется серединой — концом II тысячелетия до н. э. В нем найден хорошо выполненный ладьевидный топор, на днище сосудов имеются углубления, поверхность кремневого клина зашлифована относительно тщательно.

Последний каменный топор-молоток Детгородковского школьного музея, найденный на берегу р. Большой Сестры, — проушной (рис. 1, *4*), изготовлен из розового кварцита. Длина топора около 9 *см*. Сверлина в топоре необычно мала — около 9 *мм*. Топор расколот на две части по сверлине. Несомненно, что он не мог использоваться в качестве боевого оружия. Определить назначение его затруднительно. Возможно, это игрушечный топор, возможно, инструмент, употреблявшийся с той целью, с какой позже употреблялись кузнечные зубила.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

ЕСИНСКИЙ ПОМИНАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Центральная усадьба Есинского совхоза (улус Полтаков) Хакасской автономной области расположена на территории древних могильников, где в 1952 г. при строительстве новых хозяйственных и жилых построек были исследованы памятники карасукской (XIII—VIII вв. до н. э.) и тагарской (VII—II вв. до н. э.) культур [1].

Еще осенью 1966 г. учащиеся Есинской восьмилетней школы при копке ямы во дворе школы обнаружили вертикально стоявшие плиты древней могилы. При зачистке ее, по сообщению учителя Н. Н. Топоева, были замечены рисунки на плите, стоящей в южной половине могилы. Тогда же часть плиты с рисунками была отбита и перенесена в кабинет истории школы (рис. 1). На месте могилы работа не была продолжена и яма засыпана землей.

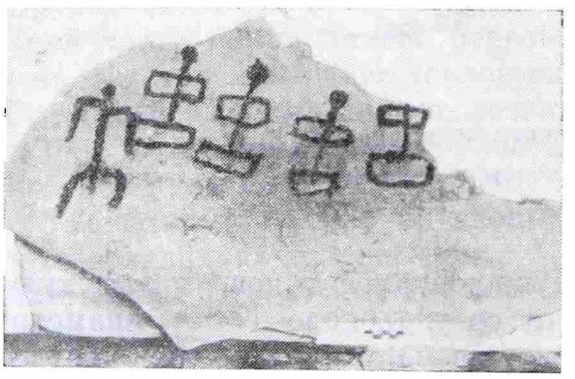


Рис. 1. Каменная плита с рисунками

В 1968 г. мы произвели полную зачистку могильной ямы, где была найдена плита с рисунками. При этом оказалось, что это обычная карасукская могила без ограды, обставленная четырьмя тонкими плитами, ориентированная с СВ на ЮЗ. Длина ее 1,85 *м*, ширина 0,80—0,85 *м* при глубине около 0,90 *м*. В могиле удалось найти только в беспорядке лежащие кости человека без черепа и несколько обломков горшков (рис. 2).

Судя по всему, погребение было ограблено еще в древности и окончательно повреждено в наше время. Установить ориентировку погребенного не удалось.

---

[1] А. Н. Липский. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. «Краеведческий сборник», 1956, 1, стр. 73.

На основании упомянутого выше керамического материала [2], а также погребального обряда памятник хорошо датируется карасукским временем. Схематическое изображение человеческих фигур на плите карасукской могилы встречено впервые. Рисунки выполнены точечной техникой. На обломке плиты (рис. 1) сохранилось пять изображений, одно из них очень похоже на наскальные рисунки тагарского времени (крайний слева). По единому мнению археологов, такие фигуры (с «хвостиком») считаются

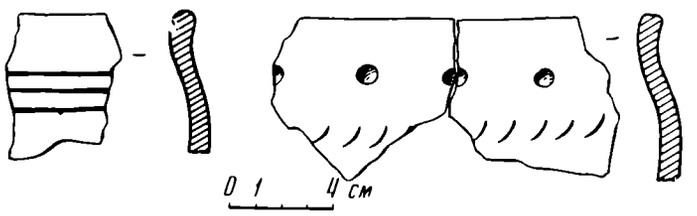


Рис. 2. Обломки горшков

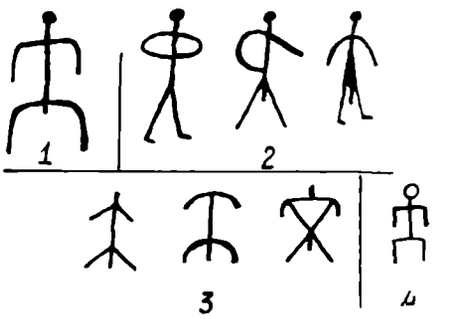


Рис. 3. Изображения человеческих фигур

мужскими [3]. В данном случае это, по-видимому, изображение умершего. Остальные четыре фигуры передают позу «скорбящих» людей около «покойника». Следует заметить, что схематические рисунки людей на стенах курганов тагарского времени, несомненно являющиеся результатом традиции карасукского времени, также означают умерших, т. е. погребенных в кургане. Это убедительно доказано Э. Р. Рыгдылоном [4]. Обычное изображение их: руки и ноги прямые, вдоль тела, в застывшем положении.

Известные наскальные изображения людей тагарского времени в отличие от схематических рисунков «мертвых» из курганов того же времени (рис. 3, *2*) [5], представляют человека в большинстве случаев в процессе движения или работы. Например, люди на Боярской писанице «между домами... ходят ... в малицеобразных костюмах» [6]. Указанная писаница также содержит рисунки, свидетельствующие о занятии населения скотоводством [7].

Рисунки на скале Хызыл-Хая, зарисованные Аспелиным в 1889 г., показывают людей, занятых приготовлением пищи в котлах [8]. Весьма динамичны шагающие фигурки людей на Сулекской писанице (рис. 3, *2*) [9].

Таким образом, схематические изображения людей на стелах, посвященные памяти умерших, появившись еще в карасукское время (возможно и раньше), продолжают существовать в погребальном обряде тагарской культуры.

Следует также сказать, что средневековые хакасы (IX—XI вв.) знак человеческого изображения использовали в качестве тамги для таврения домашних животных (рис. 3, *3*) [10], а их поминальные памятники, как из-

---

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 123, табл. XIII.

[3] М. Д. Хлобыстина. К семантике карасукских лапчатых подвесок. СА, 1967, 1, стр. 248.

[4] Э. Р. Рыгдылон. Писаницы близ озера Шира. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 192.

[5] Там же, стр. 186—202.

[6] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 254.

[7] М. А. Дэвлет. О скотоводстве на Среднем Енисее в древности. Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ, XI, 1965, стр. 170.

[8] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunst-denkmäler. Helsingfors. 1931, стр. 41, рис. 296—300.

[9] Там же, рис. 66.

[10] Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, 3, стр. 45.

вестно, дополнялись текстами енисейской письменности [11]. Однако, указанная тамга, наряду с другими средневековыми, сохранилась у современных хакасов (рис. 3. *4*) [12].

Многочисленные рисунки на стелах курганов, разбросанные по обширным могильникам карасукской и тагарской культур, заслуживают самого пристального изучения, ибо еще многие стороны духовной жизни людей того времени не исследованы.

---

[11] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.— Л., 1952.

[12] С. А. Токарев. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. «Сибирский этнографический сборник», I, М.— Л., 1952, стр. 129, рис. 2.

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН, Р. М. СИМОНОВ

ВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА НА СРУБНЫХ ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В последние годы школьниками на территории Нижнего Поволжья найдено более ста памятников срубной культуры. Часть из них имеет валиковую керамику, типичную для хвалынского этапа. Представляется возможным, используя открытия прежних лет и новые находки, выделить эти памятники в особую группу, картографировать их и выявить локальные особенности.

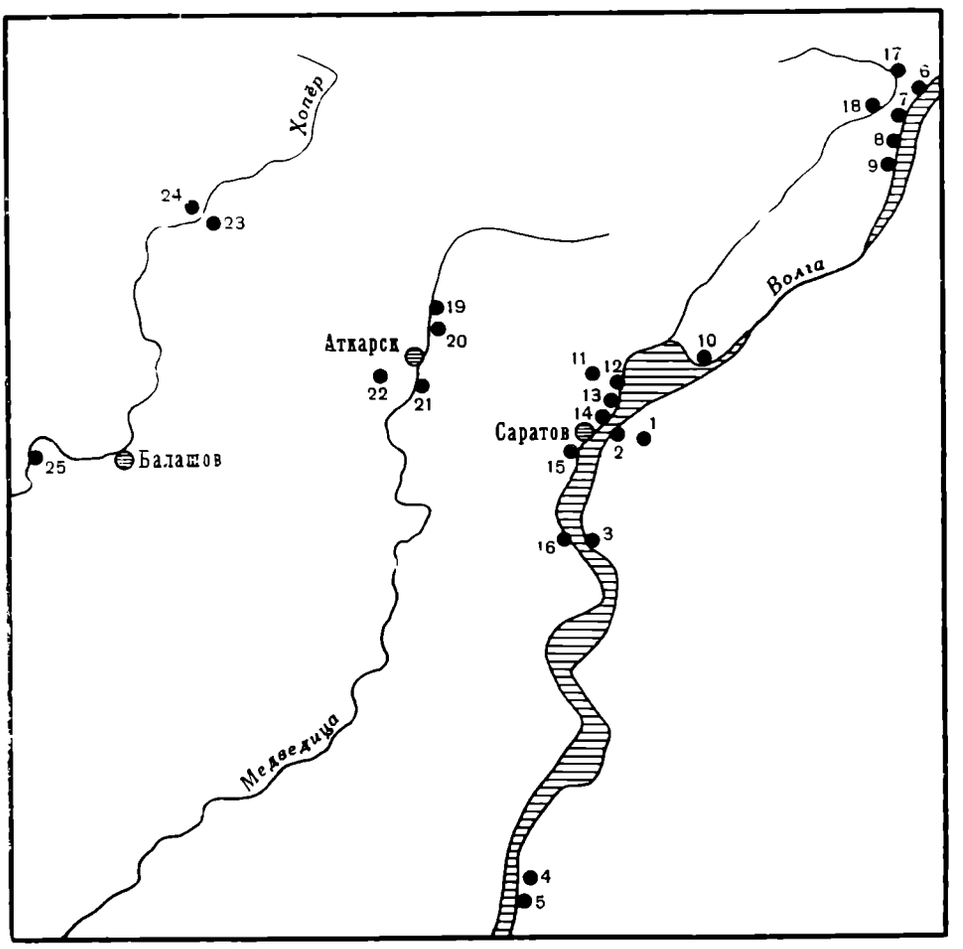


Рис. 1. Схема расположения памятников с валиковой керамикой

Наибольшее количество памятников с валиковой керамикой найдено на берегу Волги. На левом берегу валиковая керамика известна на дюне «Прапорский бугор» севернее Энгельса [1] (рис. 1, *1*), на Покровском селище, расположенном в устье Саратовки [2] (рис. 1, *2*), в разрушенном срубном погре-

---

[1] Саратовский музей, инв. № 15.

[2] Саратовский музей, инв. № 54.

бении близ с. Старое Привольное Саратовской области[3] (рис. 1, *3*), на селище Быково II в Волгоградской области[4] (рис. 1, *4*), в кургане №15 у с. Быково Волгоградской области[5] (рис. 1, *5*). На правом берегу Волги валиковая керамика найдена на Ершовском селище севернее Хвалынска[6] (рис. 1, *6*), на селище близ оврага Черемшаны южнее Хвалынска[7] (рис. 1, *7*), на известном Ивановском селище близ Хвалынска[8] (рис. 1, *8*), на селище близ с. Старая Яблоновка Хвалынского района[9] рис. 1, *9*), на Березняковском городище близ с. Березняки Саратовского района[10] (рис. 1, 10), на Танавском городище близ с. Пристанное Саратовского района[11] (рис. 1, *11*), на селище в с. Пристанное[12] (рис. 1, *12*), на селище в устье речки Гуселки[13] (рис. 1, *13*), на Алексеевском городище севернее Саратова[14] (рис. 1, *14*), на селище южнее Увека близ Саратова[15] (рис. 1, *15*), на Ахматском городище южнее с. Ахмат Саратовской области[16] (рис. 1, *16*).

На берегу р. Терешки валиковая керамика подобрана на селище близ с. Хмельной[17] (рис. 1, *17*) и близ с. Куриловка[18] (рис. 1, *18*).

В бассейне р. Медведицы она обнаружена на селище близ с. Красноармеец[19] (рис. 1, *19*), на селище юго-восточнее с. Николаевка[20] (рис. 1, *20*), на дюне близ с. Верхняя Красавка[21] (рис. 1, *21*), на селище близ с. Гайвороны[22] (рис. 1, *22*).

В бассейне р. Хопер валиковая керамика собрана на селище близ с. Надеждино-Куракино[23] (рис. 1, *23*), близ с. Вертуновка[24] (рис. 1, *24*), близ с. Рассказань[25] (рис. 1, *25*).

Наибольшее количество памятников с валиковой керамикой расположено в Правобережье Волги. В Заволжье из нескольких сотен срубных памятников только пять имеют валиковую керамику (три селища эпохи бронзы и два погребения позднесрубовой культуры), причем на селищах она представлена единичными экземплярами. Ни в бассейне Большого и Малого Иргизов, ни по берегам Большого и Малого Узеней и Еруслана в Заволжье подобная керамика не найдена. Видимо, значительная часть племен позднесрубовой культуры — носителей валиковой керамики — покинула Заволжье к началу I тысячелетия до н. э.

---

[3] Ю. В. Деревягин. Отчет за 1968 г.

[4] Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, 78, 1960, стр. 279, рис. 7, *1*.

[5] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА 78, 1960, стр. 209, рис. 15, *14*.

[6] Е. К. Максимов. Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 287, рис. *4, 2, 9*.

[7] Саратовский музей, инв. № 66.

[8] В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле с. Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии. Тр. СУАК. 33, Саратов, 1916, стр. 46; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. 46, 1955, стр. 41, рис. 9, *1, 2, 7—10*.

[9] Саратовский музей, инв. № 69.

[10] Саратовский музей, инв. № 1052.

[11] Раскопки И. В. Синицына в 1960 г.

[12] Ю. В. Деревягин. Отчет за 1966 г.

[13] Ю. В. Деревягин. Отчет за 1967 г.

[14] Саратовский музей, инв. № 1049—1050; Ю. В. Деревягин. Отчет за 1969 г.

[15] Ю. В. Деревягин. Отчет за 1965 г.

[16] Саратовский музей, инв. № 130.

[17] В. Г. Миронов. Отчет за 1969 г.

[18] Саратовский музей, инв. № 343.

[19] Ю. В. Деревягин. Отчет за 1967 г.

[20] Там же.

[21] Саратовский музей, инв. № 396.

[22] Хранится в Саратовском музее без инвентарного номера.

[23] Саратовский музей, инв. № 1378.

[24] Саратовский музей, инв. № 1377.

[25] Саратовский музей, инв. № 34.

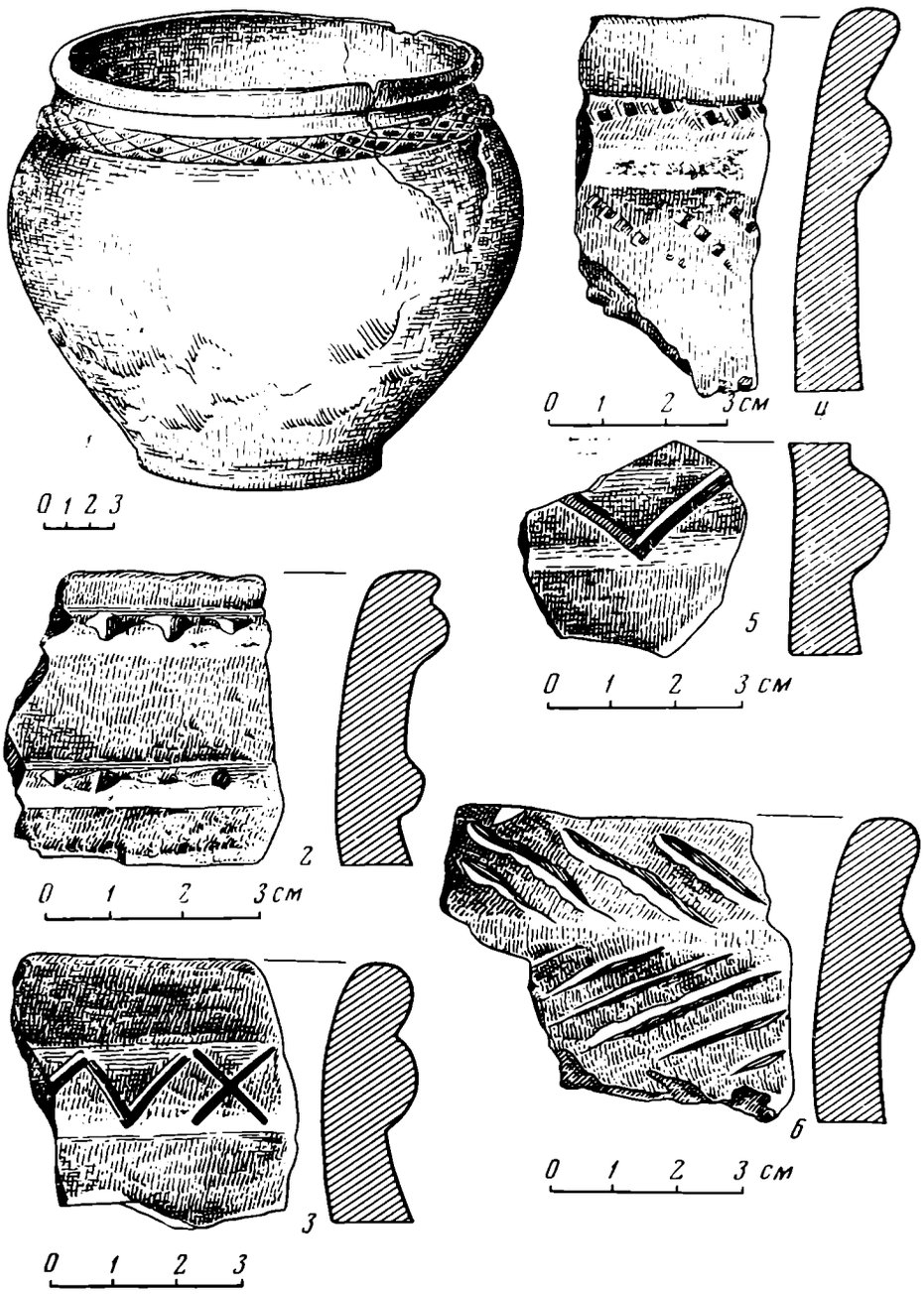


Рис. 2. Валиковая керамика

1 — с. Старое Привольное; *2, 4, 6* — с. Надеждино-Куракино; *3* — устье р. Гуселка; *5* — с. Николаевка

Каковы характерные особенности валиковой керамики Нижнего Поволжья? По форме валиковая посуда наиболее часто встречается с явно выраженной шейкой, реже тулово непосредственно переходит в верхнюю часть сосуда. Высота сосуда, которая колеблется от 12 до 45 *см*, приблизительно равна диаметру горла, иногда немного больше его. Дно значительно уже горла. Поддон плоский, устойчивый. Валик находится в районе шейки или сползает на тулово. Он имеет в разрезе форму полумесяца. Для керамики памятников Заволжья характерны узоры на валике в виде крестовидных вдавлений (рис. 2, *1*) или косых нарезок. Так оформлены валики и на керамике с большинства памятников Правобережья. Но здесь же часто встречается валик без узора. Нарезка в виде угла по валику имеет керамика, найденная на правом берегу Волги и в бассейне р. Медведицы (рис. 2, *3*, *5*). Зубчатый штамп по валику имеется на селищах в бассейне Хопра (рис. 2, *4*) и р. Гуселки. В Правобережье часто встречается керамика с двумя валиками (рис. 2, *2*). На Алексеевском городище севернее Саратова найден фрагмент с тремя валиками (по валикам косые нарезки). Валик со спускающимися усиками (концами)

известен только на берегу Волги (Ершовское и Ивановское селища, Танавское и Алексеевское городища).

Касаясь вопроса о датировке памятников с валиковой керамикой, необходимо отметить, что валиковая посуда является одним из основных признаков хвалынского этапа срубной культуры. Наиболее часто она встречается на селищах и очень редко в погребениях срубной культуры. Из 70 селищ эпохи бронзы, известных нам в Правобережье Волги в пределах Саратовской области, 20 памятников имеют валиковую керамику. Эти памятники относятся к позднесрубной культуре и датируются в пределах XII—VIII вв. до н. э.

В. И. МАМОНТОВ

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ФОНДОВ ВОЛГОГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди случайных находок довоенного времени в фондах Волгоградского областного краеведческого музея имеется литейная форма из зеленоватого сланца. В книге основного фонда запись формы произведена вместе с экспонатами, поступившими в хранилище музея в 1938 г.[1] Больше никаких сведений о ней нет.

Брусок имеет прямоугольную форму с тремя заполированными плоскостями. Длина бруска — 14,3 *см*. На трех плоскостях имеются негативы изделий.

На одной плоскости негативное изображение кельта, небольшого по размеру, двуушного, овального в сечении с прямыми боками. Длина негатива — 8 *см*, ширина — 3,1 *см*. На этой же плоскости ниже острия негатива кельта имеется отверстие, диаметром 0,6 *см* и глубиной 1,2 *см* для крепления с помощью штифта со второй формой.

В торцевой части формы есть углубление для установки втулки в период отливки кельта (рис. 1,*3*)

На второй плоскости, более узкой, имеется негатив для отливки втульчатого желобчатого долота с прямыми боками, опоясанного сверху по краю ободком. Длина — 9 *см*, ширина у пояска — 2,5 *см*. К ободку примыкает округлое углубление для втулки и литника. Прямо у основания негатива долота просверлено отверстие диаметром 0,7 *см* и глубиной 1,9 *см* для штифта (рис. 1,*2*).

На противоположной плоскости литейной формы имеется негатив тесла в виде четырехгранной пластины, расширяющейся к прямому острию.

В средней части тесла идут два параллельных паза для отливки упорных валиков рукояти. Причем через эти валики и выше, почти к концу рукояти, прорезан паз для укрепляющего выступа (рис. 1, *1*).

Тесло имеет в длину 11,7 *см*, ширину в месте упорных валиков 2 *см*, ширину острия 2.5 *см*. Литник, с шириной овала 0,8 *см*, прорезан в месте острия. На противоположной стороне, у края негатива, тесла просверлено отверстие для штифта диаметром 0,7 *см*, и глубиной 1,6 *см*. Следует отметить, что на боковых гранях литейной формы имеются разметки, сделанные острым предметом, видимо, при нанесении будущего изображения негатива орудия.

---

[1] Фонды Волгоградского областного краеведческого музея (ВОКМ). Инв. № 1503.

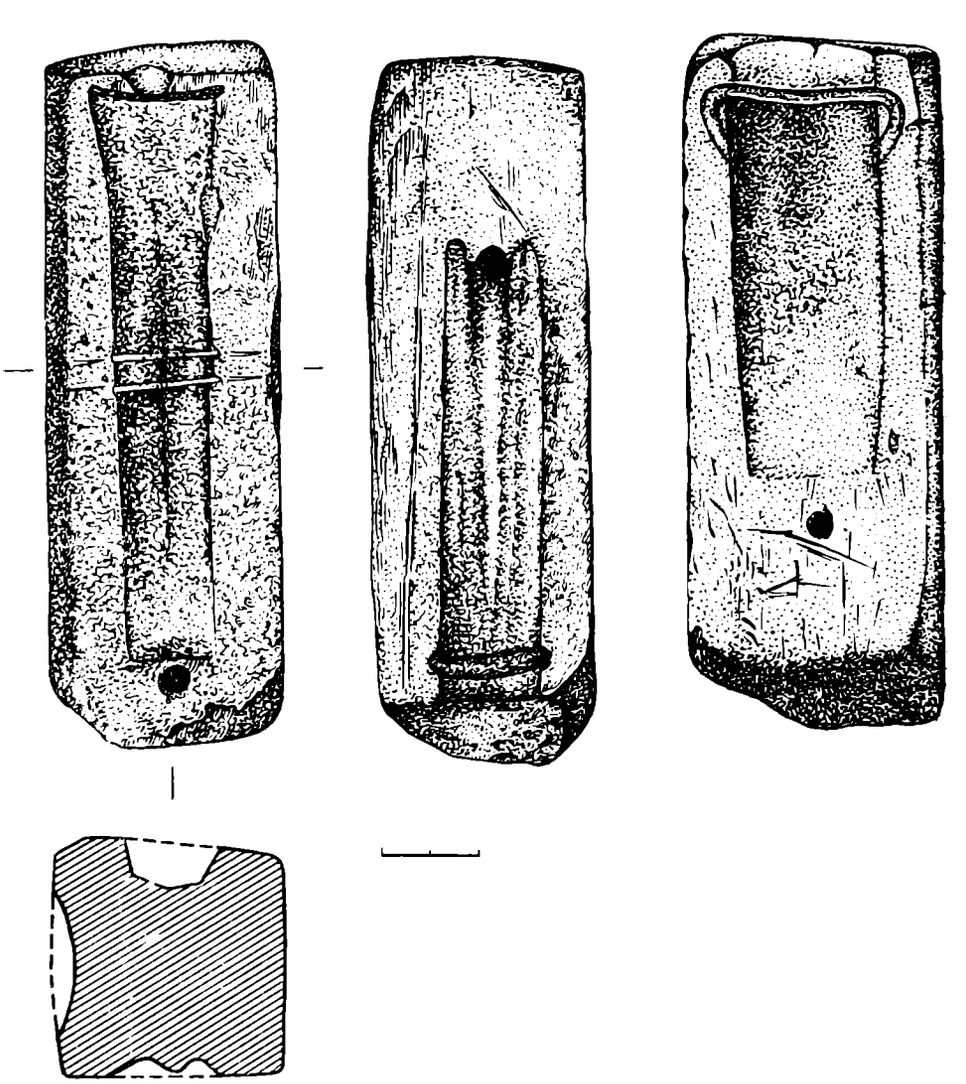


Рис. 1. Литейная форма из фондов Волгоградского областного краеведческого музея

Четвертая сторона бруска покрыта следами зигзаговидных линий, свидетельствующих о том, что брусок был распилен частыми ходами небольшой по длине металлической пилы, которая уже существовала в бронзовом веке [2].

Несомненно, литейная форма, попавшая в фонды Волгоградского краеведческого музея, не местного происхождения. В области нет доступных человеку залежей сланца, так как они покрыты такой мощной толщей осадочных пород (местами более 3500 *м*) [3], что подход к ним и тем более практическое их использование совершенно исключены.

На территории Нижнего Поволжья имеются находки как отдельных литейных приспособлений, так и погребений литейщиков. Подробное описание их дает В. П. Шилов [4]. Особенно интересен могильный инвентарь из погребений литейщиков Калиновского могильника (погребение 13 из кургана № 55 и погребение 42 из кургана № 8). Но если первое погребение В. П. Шилов относит к раннему этапу срубной культуры («полтавкинская ступень») и датирует его первой половиной II тысячелетия до н. э.[5], то второе отнесено им к срубной культуре [6]. Хотя, нам кажется, более пра-

[2] И. Т. Черняков. Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 180.

[3] Сталинградская область. Физико-географический сбзор. Сталинград, 1958, стр. 33.

[4] В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959.

[5] Там же, стр. 13.

[6] Там же, стр. 19, 30.

гильным было бы отнести погребение 42 из кургана №8 Калиновского могильника к полтавкинской культуре, как это было предложено Н. Качаловой [7].

Все приспособления, необходимые для отливки бронзовых орудий (формочки, сопла, тигли), встреченные в Калиновских погребениях, изготовлены из глины, возможно, на месте. Видимо, только позднее, уже в период срубной культуры, в Нижнее Поволжье начинают проникать не только орудия труда из соседних районов, как результат интенсивного торгового обмена, но и литейные формы и другие приспособления мастеров-литейщиков [8].

Несомненно, с первой половины II тысячелетия до н. э. в Нижнем Поволжье существовал собственный центр металлообработки. Здесь литейщики использовали не только формы, изготовленные из местного сырья, но и импортные сланцевые формы (в частности, из Северного Причерноморья), свидетельством чего является случайная находка уникальной для Нижнего Поволжья литейной формы.

Четкие аналогии орудиям труда, негативы которых исполнены на волгоградской литейной форме, а также сами литейные формы из сланца имеются в Северном Причерноморье (например, из мастерской литейщика у с. Малые Копани, которые датируются А. М. Лесковым временем не позднее XIV в. до н. э.) [9]. Видимо, этим временем можно датировать и форму из фондов Волгоградского краеведческого музея.

---

[7] Н. Качалова. Культурная принадлежность Калиновского «литейщика» и Колтубанского погребения. ГЭ, XXII, Л., 1962, стр. 25.

[8] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 118, 120.

[9] А. М. Лесков. О Северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР», стр. 163, рис. 11, стр. 164.

ВЕЛИ АЛИЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В УРОЧИЩЕ БАБАДЕРВИШ

Территория Казахского района расположена в северо-западной части Азербайджана. Она очень богата древними историческими памятниками. Археологическими исследованиями установлено, что бассейны расположенных здесь рек Акстафачай и Джогазчай с V тысячелетия до н. э. были густо заселены древними земледельческо-скотоводческими племенами. В 2 *км* от г. Казах, на левом берегу р. Акстафачай, расположены пять холмов, на которых обнаружены следы древних поселений. Материалы из первых трех холмов, исследованных в 1958—1964 гг., относятся к разным этапам эпохи энеолита и бронзы [1]. В 1966 г. в связи с строительством железной дороги четвертый и пятый холмы попадали в зону строительства, и этим была вызвана необходимость исследовать их.

Раскопки на четвертом холме велись на большом участке. Этот холм по сравнению с другими был более низким и плоским, имел в плане круглую форму. Площадь холма 0,25 *га*, высота 2,5 *м*.

В результате раскопок были обнаружены жилища и остатки глинобитных очагов с алтарями, хозяйственные ямы, тендиры (печь для вы-

---

[1] И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ г. Казаха. СА, 4. 1962, стр. 149—156; Г. С. Исмаилов. Археологическо-разведочные работы в Казахском районе. ДАН АзербССР, 1, Баку, 1962, стр. 93—98 (на азерб. яз.); его же. Новые археологические материалы о древнем земледелии в Азербайджане. ДАН АзербССР. 3, Баку, 1962, стр. 77—81 (на азерб. яз.); его же. Наконечники стрел из Бабадервиша. Изв. АН АзербССР, 4, Баку, 1963, стр. 95—98 (на азерб. яз.); его же. Новые данные о развитии крупного рогатого скота в древнем Азербайджане. ДАН АзербССР, 11, Баку, 1966, стр. 75—79; его же. Из истории древнейшей культуры западного Азербайджана. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1963.

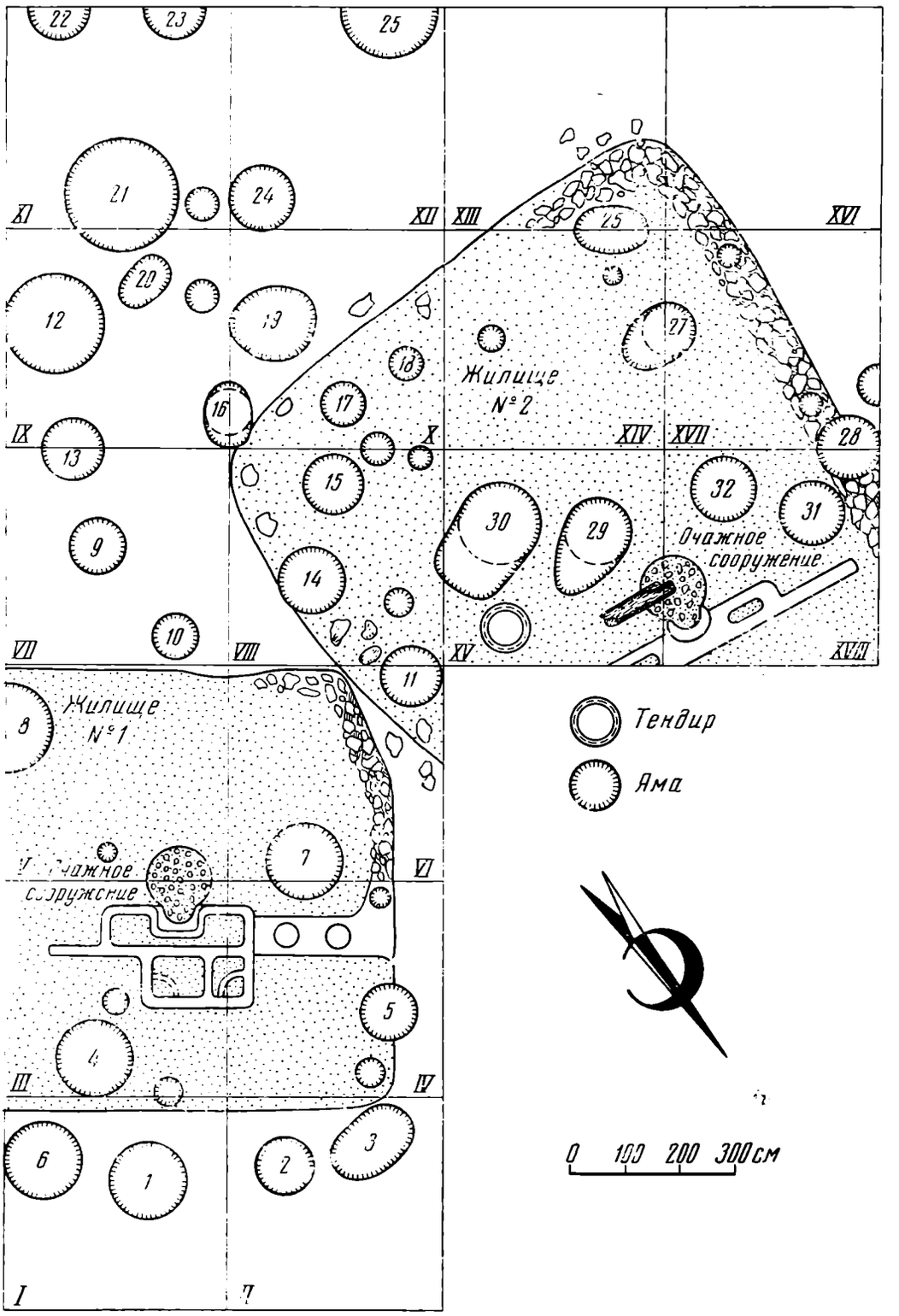


Рис. 1. Схематический план раскопа на четвертом поселении Бабадервиш

печки хлеба), разновременные погребения и многочисленный вещественный материал. Исследованиями было установлено, что культурные напластования поселения толщиной около 1,5 *м* принадлежат непосредственно эпохе поздней бронзы и начала железа. Остатки жилых помещений имели четырехугольную форму и строились из речных камней и глины. В нескольких местах жилищ имелись подпорки для двухскатной крыши, которая, по-видимому, покрывалась соломой. Углубления для подпорок были обнаружены и в середине жилища, и в основании стен. Стены и пол обмазаны глиной.

Обнаружены два жилища с интересными очажными сооружениями (рис. 1). Часть южной и западной стороны первого жилища хорошо сохранилась. Длина сохранившейся части южной стены 1,7 *м*, высота 1 *м*, толщина 30 *см*. Жилище занимает участок площадью около 64 $м^2$.

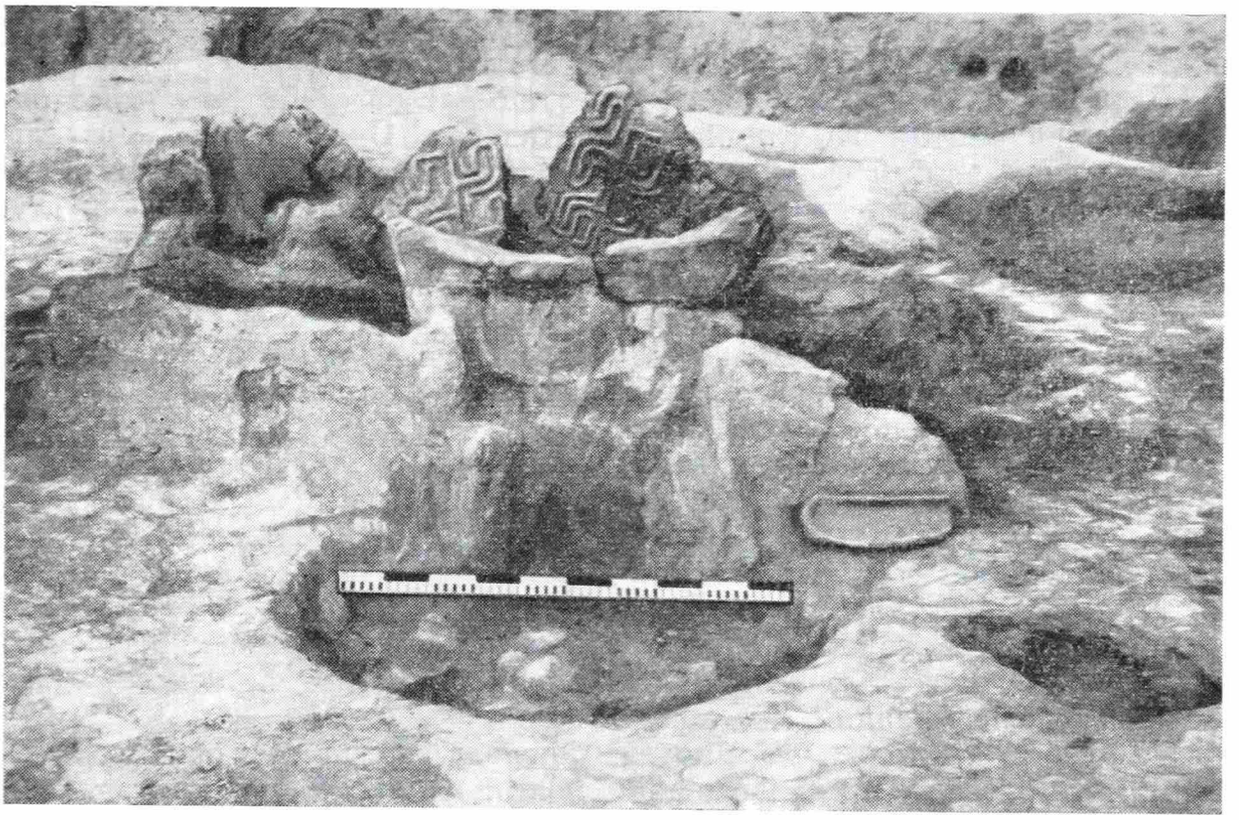


Рис. 2. Очажное сооружение жилища № 1

Очажное сооружение находилось в середине жилища. Это глинобитный очаг с примыкающим к нему четырехугольным невысоким строением. Он напоминает древние подковообразные мангалы. Высота его 45 *см*, ширина 40 *см*. Перед ним вырыта неглубокая яма диаметром 1 *м*, глубиной 20 *см*. Яма замазана глиной. Она предназначалась, по-видимому, для пепла и угля. Возможно, там пекли хлеб или же, положив на собранные здесь угли жаровню с отверстием посередине, согревали пищу.

С обеих сторон очага построены низкие полочки. На их поверхности имеются небольшие углубления для посуды. Такой очажной комплекс был обнаружен и в поселении Сары-Тепе, расположенном вблизи Бабадервиша [2].

Заслуживает внимания стена, расположенная между очагом и четырехугольным глиняным строением. Высота ее 1 *м*, длина 1,6 *м*. Край стены окаймлен прочерченным меандром, а вся она украшена сложной прочерченной свастикой (рис. 2). Подобный орнамент встречается на стенах храма и на штукатурке землянки, обнаруженных в 1956—1957 гг. в древнем поселении Сары-Тепе [3].

В яме, расположенной перед этой стеной, была зола с серовато-белым оттенком, отличающимся от очажного. Эти ямы не имеют прямой связи с очагом. По нашему мнению, здесь в связи с молением разжигались священные травы или деревья. Нижняя часть стены под действием огня обгорела и покраснела, а более высокая часть лишь закоптилась. Внутри упомянутого выше четырехугольного глиняного строения — маленькие ниши, где обнаружены пинтадеры, глиняная посуда, точильные камни, железный предмет, бронзовая булавка, костяные пряслица и пр.

Нет никаких оснований утверждать, что четырехугольное строение связано с домашним хозяйством. Сооружение всеми своими особенностя-

---

[2] И. Г. Нариманов. Археологические раскопки в Сарытепе 1960 г. Тр. ИИ АН АзербССР, Баку, 1963, XVI, стр. 81, рис. 1 (на азерб. яз.).

[3] И. Г. Нариманов. Древнее святилище (пир) в Казахском районе позднебронзового периода. ДАН АзербССР, 2, Баку, 1960, стр. 207.

ми скорее всего напоминает место отправления домашнего культа. Это подтверждается также расположением его за очагом.

Интересно отметить тот факт, что орнамент на стене (свастика) одинаков с орнаментом на глиняных пинтадерах. Очевидно, и пинтадеры связаны с домашним святилищем. Отсюда можно сделать вывод о прямом назначении пинтадер. Пинтадеры имеют квадратную и округлую форму, короткую ручку (рис. 3, *1—7*). На рабочей части имеются следы копоти. Видимо, во время моления в связи с различными религиозными обрядами на их поверхность наливали масло и зажигали. Такие глиняные пинтадеры известны в Азербайджане, в памятниках эпохи развитой бронзы в Мингечауре [4], в Сары-Тепе [5], в Шомутепе и Тойре-Тепе [6], в Грузии [7] и на Северном Кавказе [8].

О назначении глиняных пинтадер имеются различные мнения. Группа исследователей считает их «дежами» — печатями для обозначения знака собственности [9].

Е. И. Крупнов считал, что ими пользовались при орнаментации кожи и грубой шерстяной ткани [10].

Пинтадеры, найденные в Бабадервише и других памятниках Азербайджана периода Ходжалы-Кедебекской культуры, не подтверждают вышеуказанные мнения.

Некоторые считали, что пинтадер использовался при орнаментации хлеба [11]. И с таким предположением нельзя согласиться, так как большинство азербайджанских пинтадер крупные, с глубокими желобами, непригодны для этих целей.

Второе жилище расположено юго-западнее первого. Жилище подверглось сильному пожару, и на месте его образовался слой пепла и угля в 20 *см*. Здесь гораздо больше углублений для подпорок. Глубина их от 40 *см* до 1,5 *м*, диаметр от 30 *см* до 1 *м*. Во многих из них обнаружены сгнившие остатки подпорок. В некоторых углублениях остатки подпорок сгорели и обуглились. Площадь жилища приблизительно 72 $м^2$.

В северной части жилища также имеется глинобитное очажное строение. На задней стенке его была поставлена большая глиняная фигура, напоминающая человеческую голову. В углублениях, расположенных по краям очага, были обнаружены четырехугольные глиняные пинтадеры, разрисованные сложной свастикой.

---

[4] Г. М. Асланов. Об одной глиняной печати (деж), найденной в Мингечауре. ДАН АзербССР, 9, Баку, 1953, стр. 561, рис. 1—2 (на азерб. яз.).

[5] Т. А. Халилов. Поселение на холме Сарытепе. СА, 1960, 4, стр. 70, рис. 1—2.

[6] Т. А. Буниятов, М. М. Гусейнов. Результаты археологических поездок в Акстафинский и Казахский районы в 1955 г. Тр. Музея истории АзербССР, II, Баку, 1957, стр. 185, 186, рис. 1 (на азерб. яз.); И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древних поселениях в окрестностях г. Казаха (АзербССР). КСИИМК, 70, 1957, стр. 140.

[7] К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иора-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, табл. VII, *5*.

[8] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, VII, М., 1948, стр. 118; его же. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, стр. 170; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 157, рис. 19; В. Б. Виноградов. Глиняный штамп с городища Алкан-Кала. Древности Чечено-Ингушетии, 1963, стр. 212, рис. 1.

[9] Г. М. Асланов. Об одной печати (деж), найденной в Мингечауре. ДАН АзербССР, IX, 9, Баку, 1953, стр. 563 (на азерб. яз.); С. М. Казиев. Об археологических и исторических памятниках Казахского и Акстафинского районов. МКА, IV, Баку, 1962, стр. 156, 170 (на азерб. яз.).

[10] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунджи. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 20.

[11] И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 101; И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 125; В. Д. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 209; В. И. Цехмистренко. Глиняный штамп из Пантикапея. СА, 1, 1962, стр. 279; И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении..., стр. 140, 141.

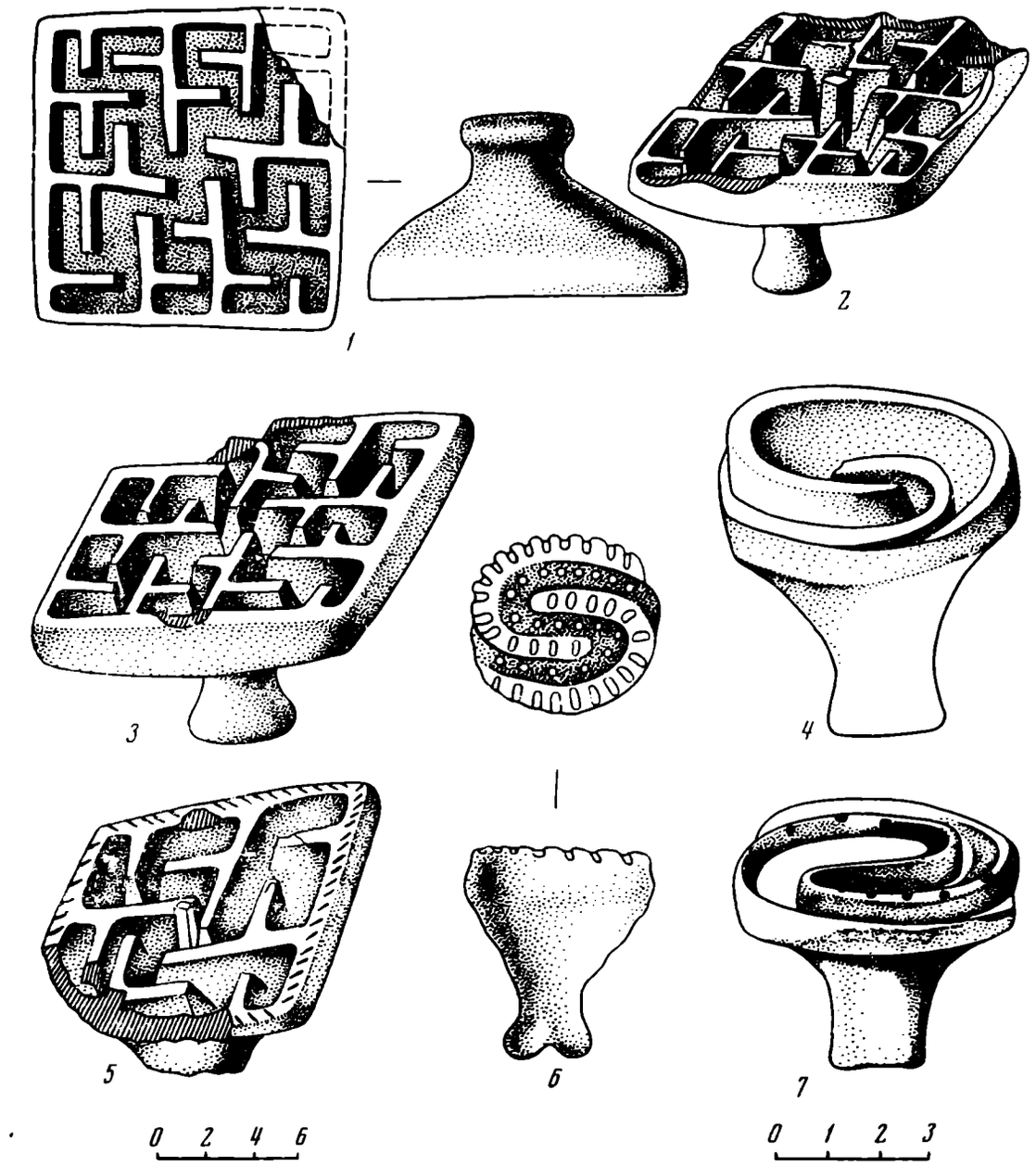


Рис. 3. Пинтадеры из четвертого поселения

На некотором расстоянии от очага был обнаружен тендир (печь для выпечки хлеба). Стены его хорошо замазаны. Глубина тендира 1,4 *м*, диаметр 40 *см*.

Вокруг и внутри жилищ были расчищены 32 хозяйственные ямы. Они имели цилиндрическую и овальную форму, заполнены землей, булыжниками, золой, углями и пр. В ямах обнаружены фрагменты глиняной посуды, каменные орудия и костяные изделия. Размеры ям разные. Глубина от 70 *см* до 3 *м*, диаметр от 80 *см* до 2,2 *м*. Такие ямы в большом количестве были обнаружены в Мингечауре [12] и Сары-Тепе [13].

Керамические изделия, найденные при раскопках, состоят из больших хозяйственных кюпов, кувшинов с ручками и без ручек, мисок, кружек, горшков, кастрюлек, маслобоек, жаровников, глиняных пинтадер, подставок, моделей колес, крышек и пр.

Поверхность глиняной посуды очень тщательно сглажена, большая часть ее разрисована геометрическим орнаментом (рис. 4, *1—11*).

Каменные изделия: ладьевидные и овальные зернотерки, ступки, песты, точильные камни, разные киркообразные орудия, каменные подвески, агатовые и сердоликовые бусы (рис. 5, *1—6*, *8—16*).

[12] Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 42—47, рис. 16—20.

[13] И. Г. Нариманов. Археологические раскопки в Сарытепе..., стр. 91, 92.

Рис. 4. Керамические изделия из четвертого и пятого поселений

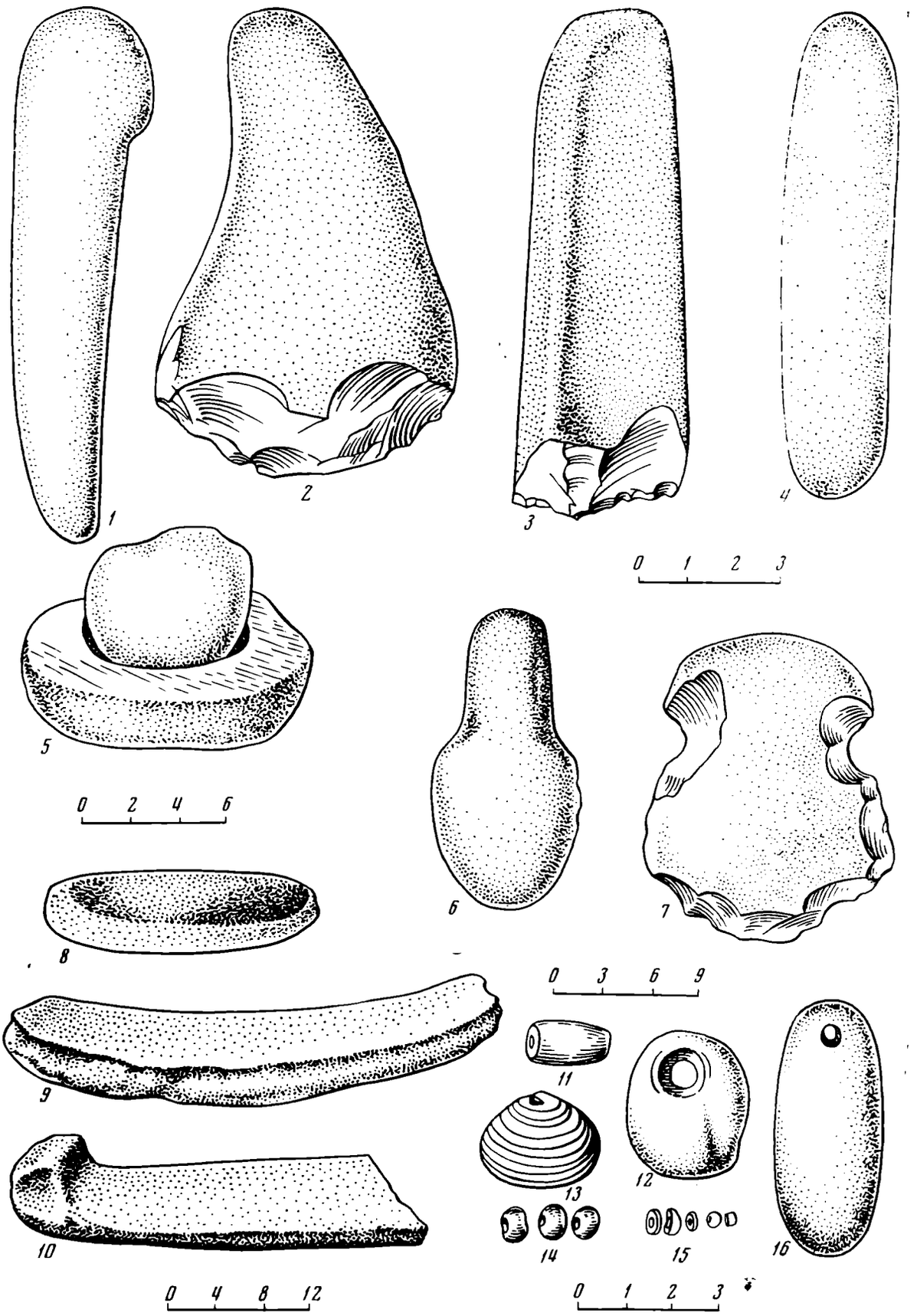


Рис. 5. Каменные орудия труда и украшения из четвертого и пятого поселений

1, *4* — точильные камни; *2*, *3* — тесловидные орудия; *5* — ступка; *6* — пестик; *7* — мотыга (V пос.); *8—10* — зернотерки; *11*, *14*, *15* — агатовые и сердоликовые бусы; *12*, *16* — каменные подвески; *13* — подвеска из ракушки

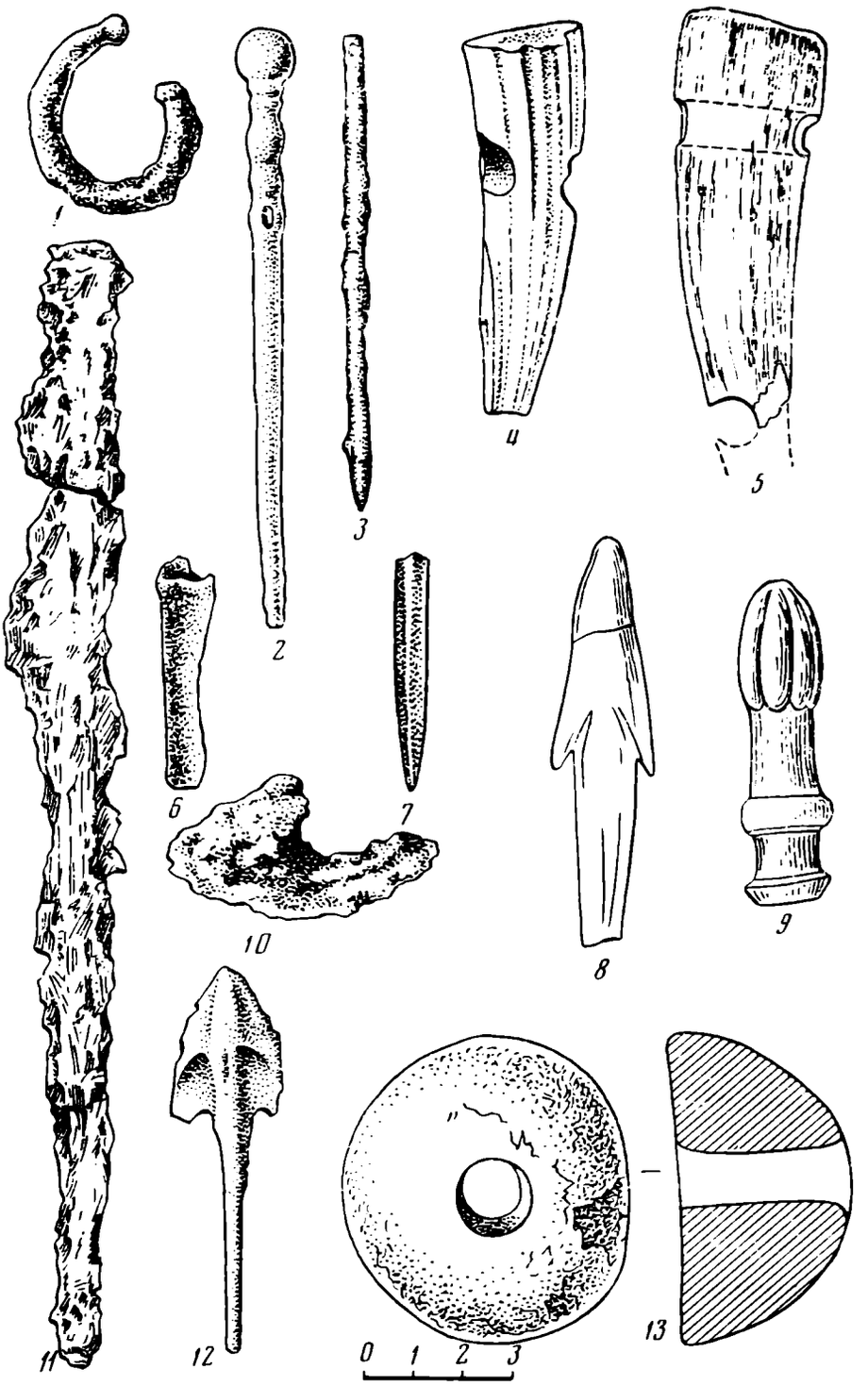


Рис. 6. Металлические и костяные предметы из четвертого и пятого поселений

1 — бронзовая серьга; *2* — бронзовая булавка; *3* — бронзовая иголка; *4—5* — костяные псалии; *6* — фрагмент бронзового изделия; *7* — костяное шило; *8* — костяной наконечник стрелы; *9* — костяная подвеска (V пос.); *10—11* — фрагменты железного предмета; *12* — бронзовый наконечник стрелы; *13* — костяное пряслице

Металлических предметов обнаружено здесь очень мало. К ним относятся бронзовый наконечник стрелы, булавка, серьги, иголки и железное орудие (рис. 6, *1—3, 6, 10—12*). В поселении найдены также костяное шило, наконечник стрелы, пряслица и псалии (рис. 6, *4, 5, 7, 8, 13*).

Пятое поселение Бабадервиша расположено юго-западнее четвертого. Высота холма 7 *м*, площадь 750 *м*^{2}. Здесь раскопки производились в двух местах на площади 81 *м*^{2}. Культурный слой на месте жилища — 1 *м*. В результате раскопок обнаружены остатки четырехугольного жилища с фундаментом из булыжника. Внутри жилища открыты хозяйственные ямы, найдены глиняная посуда, каменные орудия и другие материалы. Среди них большой интерес представляют каменные мотыги. Эти мотыги

сделаны из плоских речных камней овальной формы. Рабочая часть широкая, оббивалась с двух сторон. На другом конце для прикрепления деревянной ручки имеется глубокий желоб (рис. 5, 7). Такие мотыги найдены в Азербайджане в районах Гянджачая [14], Кенделенчая [15], в поселении Кюль-Тепе [16], на низменности Агязы в Кахском районе [17] и на других памятниках. Самые древние каменные и костяные мотыги, найденные в Азербайджане, относятся к V—IV тысячелетиям до н. э. и известны на древних поселениях Бабадервиша [18], Шому-Тепе [19], в Тойре-Тепе [20] и в Кюль-Тепе [21]. Они сделаны в большинстве из лопаток и костей крупнорогатого скота и из рога оленей. У этих мотыг тоже имеются отверстия для вдевания ручки. К концу эпохи бронзы и начала железа мотыги изготовлялись только из камня и бронзы.

Известно, что соха в земледелии получила распространение еще в первой половине III тысячелетия до н. э. [22]. Но каменные мотыги были в употреблении почти до начала эпохи железа. Они использовались не для вспашки, а для измельчения больших комков сухой земли, разрыхления, прополки и других целей.

В настоящее время для этих же целей в Азербайджане используются кетмени. Таким образом, каменные мотыги можно считать самой ранней формой современных кетменей. Обитатели раскопанных поселений были оседлыми земледельцами-скотоводами. Основной хозяйственной единицей в это время, видимо, была небольшая семья.

Главное место в хозяйстве занимало земледелие. В животноводстве преобладал мелкий рогатый скот. Крупнорогатый скот использовался здесь как тягловая сила. Население Бабадервиша занималось также ткацким и гончарным делом.

В поселениях Бабадервиша жизнь продолжалась недолго и была прервана в результате внезапного нападения и пожаров. Жизнь в обоих поселениях прекратилась в первой половине VIII в. до н. э. Это совпадает с нашествием племен урарту на различные районы Закавказья. Возможно, что племена урарту, обитавшие по берегам оз. Севан, совершали опустошительные набеги на древние племена, населявшие берега р. Акстафачая.

В более позднее время культурный слой поселений Бабадервиша был перекопан грунтовыми погребениями, относящимися к VII—VI в. до н. э., и катакомбами, относящимися к I в. н. э.

Древние поселения Бабадервиша являются характерными памятниками Ходжалы-Кедабекской культуры и относятся к XII—VIII в. до н. э.

---

[14] Я. И. Гуммель. Раскопки поселения на западе от Ханлара. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 72.

[15] Г. С. Исманлов. Древнее поселение Зергертепе и некоторые вопросы мотыжного земледелия в древнем Азербайджане. Изв. АН АзербССР, 1, Баку, 1968, стр. 67—72, табл. II—III (на азерб. яз).

[16] О. А. Абибулаев. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959, стр. 48, табл. VIII, *1*.

[17] Об этом поставил нас в известность ст. научный сотрудник Ин-та истории АН АзербССР Г. М. Асланов.

[18] И. Г. Нариманов, Г. С. Исманлов. Акстафачайское поселение..., рис. 1—2.

[19] И. Г. Нариманов. Археологические исследования поселения Шомутепе в 1963 г. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 47—49; его же. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Доклады, сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 121—126.

[20] Дж. Рустамов. Разведочные раскопки в Тейретепе. МКА, VI, Баку, 1965, табл. III, *1, 2, 3, 7*.

[21] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 407.

[22] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 267 (на груз. яз.); А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси I. 1962, стр. 61—63.

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ

ИЗ ИСТОРИИ АРХАИЧЕСКОЙ ОЛЬВИИ

Архаический период в истории греческих апоикий нашего Юга документируется, как известно, довольно скудными источниками. Древние авторы, или вернее то, что от них осталось, дают лишь немногие и то отрывочные свидетельства об истории рассматриваемого района в VI в. В V в. их арсенал пополняется благодаря очень ценной и довольно объемистой IV книге «Истории» Геродота, почти целиком посвященной интересующей нас эпохе. Однако в большей своей части она касается варварских племен. Лапидарные эпиграфические документы из греческих поселений этой области восходят только к V в. до н. э. и не раньше. Это, в основном, эпитафии. Из государственных актов, пожалуй, единственное исключение составляет найденная недавно ольвийская ателия гражданину Синопы, датируемая первой половиной V в. до н. э.[1].

Исследователи, занимающиеся историей нашей архаики, вынуждены оперировать поэтому почти исключительно археологическим материалом, отдельные категории которого, как, например, расписная керамика, допускают различную историческую интерпретацию и являются подчас предметом дискуссии.

Вот почему такое важное значение приобретает еще один разряд письменных документов, к сожалению, мало используемый. Я имею в виду архаические граффити. Одна из целей статьи — показать историческую значимость этих, на первый взгляд скромных, источников на примере одной интереснейшей ольвийской надписи.

Она найдена при раскопках Ольвии, проводимых ЛОИА АН СССР в районе агоры в 1959 г. в слое VI в. до н. э.[2] Это граффито, нацарапанное на внешней стороне лощеной, сформованной на кругу чаши местного ольвийского производства[3]. Сохранилось два фрагмента, заключающие начало и конец надписи (рис. 1) — — — Χσάνθας ἔδοκε[— — —]τιμιας.:

Прежде всего обращает на себя внимание необычная графологическая форма имени Ксанфа — ΧΣΑΝΘΑΣ. Сразу становится ясным, что такая передача звука *кси* не имеет ничего общего с алфавитом Милета, полиса, выведшего большинство колоний в Северное Причерноморье. Это заставляет искать аналогии в других раннегреческих алфавитах. Таких оказывается несколько, они происходят из разных областей: из Аттики, Беотии, Наксоса и Аморгоса, Пароса и Фазоса, Крита, Эгины, Итаки и Кефаллении, Локриды, Мелоса, Родоса и Феры. Если принять во внимание огласовку флексии номинатива м. р. на — αζ и выражение долгого сонанта через *омикрон,* вместо *омеги,* что присуще только дорийскому и эолийскому диалектам, то выпадают сразу Аттика, Киклады (Наксос и Аморгос) и Парос с его колонией Фазосом. Далее, если обратиться к алфавитам оставшихся центров, то можно исключить из этого списка ряд полисов, шрифт которых кардинально отличается от нашего, в результате чего останутся только Беотия, Эгина и Родос. Беотия отпадает сразу как по особенностям своей палеографии, так и потому, что эта преимущественно аграрная страна играла ничтожную, если не абсолютно нулевую роль в колони-

[1] Надписи Ольвии. Л., 1968, № 1.

[2] Я хочу выразить свою благодарность руководителям раскопок — Е. И. Леви и А. Н. Карасеву, предоставившим этот материал в мое распоряжение. Надпись хранится в ЛОИА АН СССР. № 0—59 (3762).

[3] Как мне сообщила Е. И. Леви, такого рода посуда весьма характерна для ранних слоев города и связывается археологами с местным ремесленным производством. Ср. Е. И. Леви. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951—1960 гг.). Сб. «Ольвия», М.— Л., 1964, стр. 15 сл., рис. 10, *2, 3;* е е ж е. Материалы ольвийского теменоса. Там же, стр. 136, рис. 4, *1,* стр. 158 сл., рис. 30, *1.* Подобная керамика изготовлялась и в других городах Сев. Причерноморья, начиная с VI в. (см. И. Т. К р у г л и к о в а. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, 33, 1954, стр. 82 сл., табл. 1).

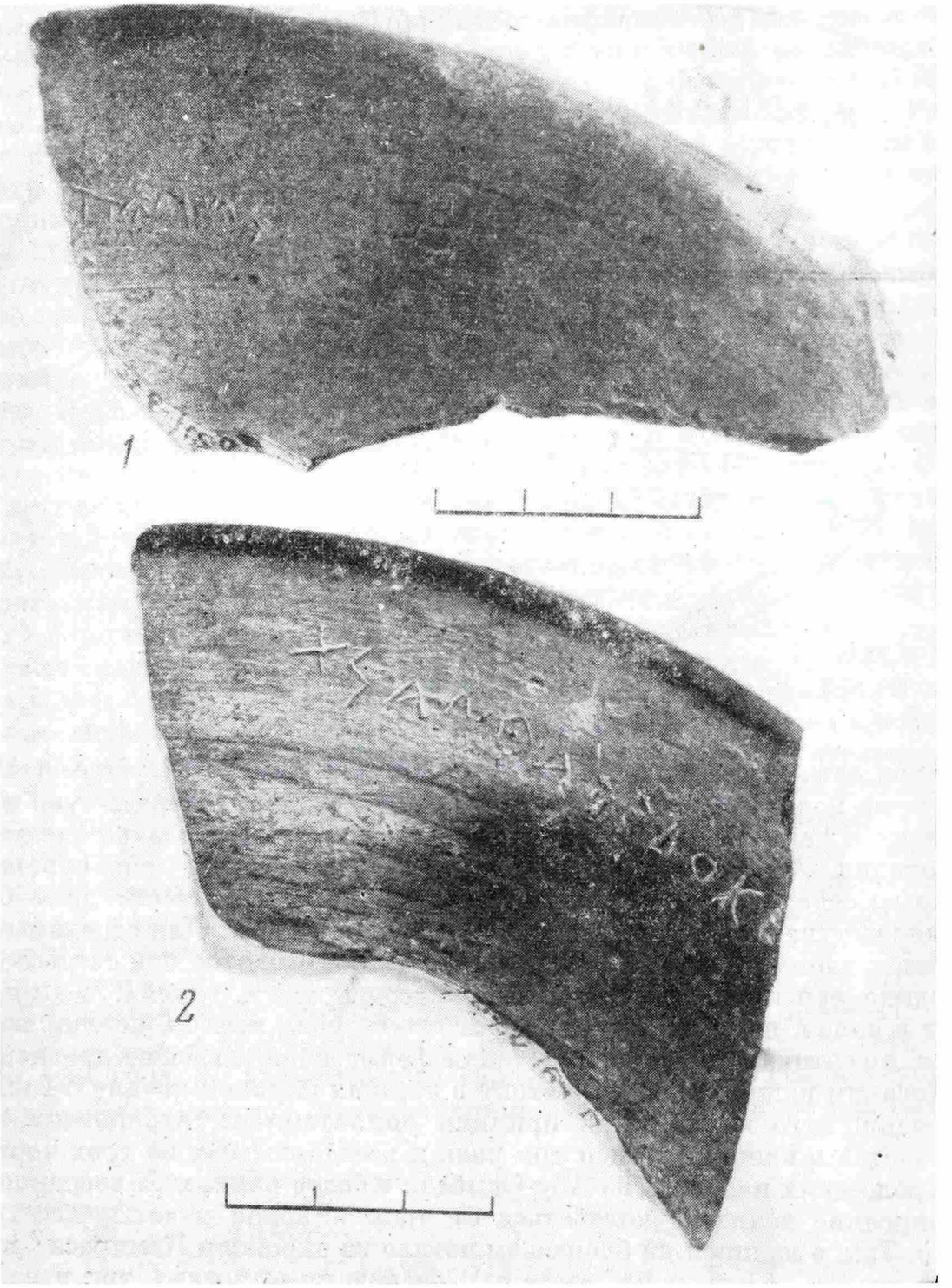


Рис. 1. Два фрагмента чаши с граффито (*1, 2*)

зации и торговле. При тщательном анализе эгинского раннего шрифта оказывается, что формы букв на этом острове имели несколько иное начертание, чем в нашей надписи. Таким образом, остается только один центр — Родос [4]. При внимательном сопоставлении форм букв разбираемого граффито с более или менее хорошо датированными родосскими надписями оказывается, что ближе всего буквы нашей надписи стоят к шрифту родосских эпиграфических документов самого начала VI в. до н. э., а именно, к палеографии исторически датированных надписей родосских наемников из Абу-Симбела, состоявших на службе фараона Псамметиха II и оставив-

[4] Надо заметить, что в родосском алфавите такая форма *кси* представляет собой не сочетание двух букв ($\chi + \sigma$), а сам знак х обозначает *кси, сигма* же добавляется плеонастически (см. M. Guarducci. Epigrafia greca. Roma, 1967, стр., 327, 330).

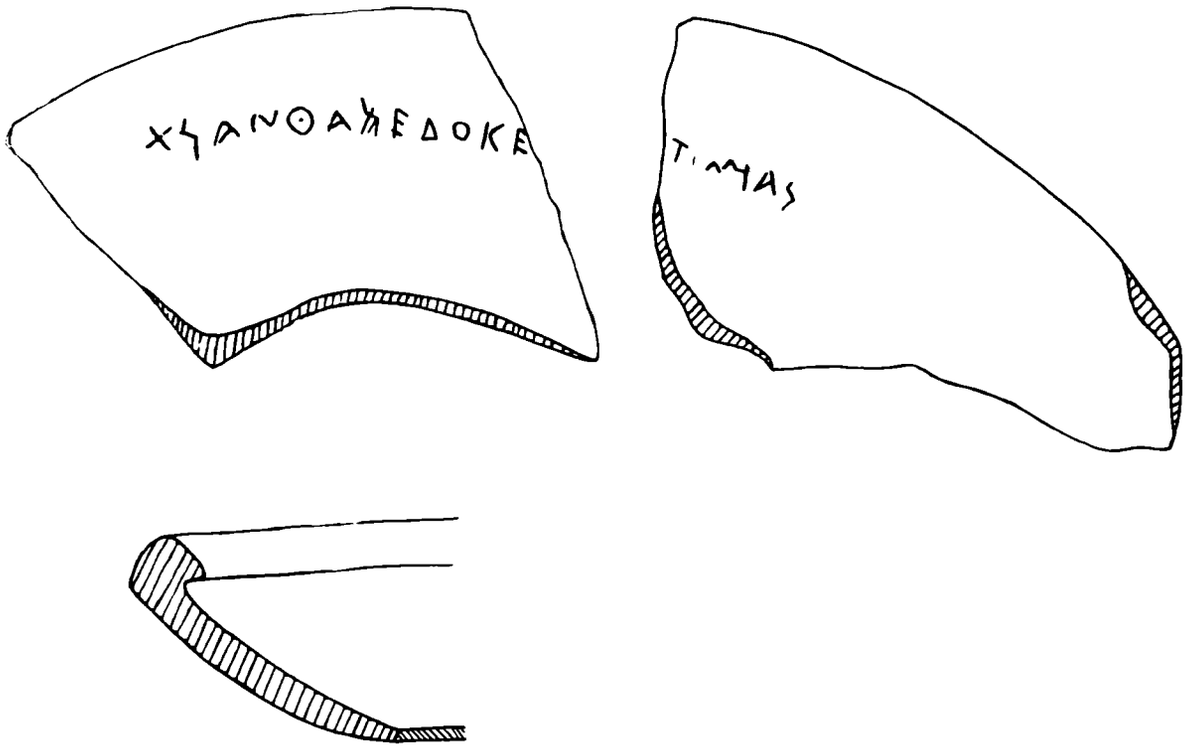


Рис. 2. Прорись граффито и профиль чаши

ших свои автографы во время экспедиции последнего в Нубию в 591 г. до н. э. на колоссе Рамзеса. Если тщательно сравнить формы букв нашей надписи и раннего родосского алфавита, то можно сделать следующие наблюдения. *Эпсилон* в такой форме, как он выглядит у нас, существует только до середины VI в. Впоследствии вертикальная гаста этой буквы уже не выступает за пределы нижней косой черточки [5]. Для середины VI в. мы имеем каппу в такой форме, когда ее усики сходятся под острым углом посредине вертикальной гасты, соприкасаясь с последней [6]. Усики этой буквы в нашей надписи представляют своего рода мениск, не соприкасающийся с вертикальной чертой — такая форма кажется более древней. *Мю* в написании нашего граффито стоит в деталях ближе к началу VI в., хотя в середине того же столетия принцип написания ее сохраняется. *Сигма* встречается в нашей надписи три раза и всегда состоит из трех черточек, как в родосских надписях из Абу-Симбела и более ранних. К середине VI в. ее написание начинает колебаться от трехсоставной к четырехсоставной форме. Так, в надписи на бронзовом вотиве из акрополя Камироса [7] вторая форма *сигмы* (с четырьмя чертами) засвидетельствована три раза, в то время как первая, более древняя форма — только один раз. Во второй половине VI в. ее совсем вытесняет четырехсоставная форма [8]. Единственной буквой, которая, казалось бы, может противоречить ранней датировке нашего граффито, является *тета* с точкой в середине, которая в большинстве областей Греции появляется позже, чем *тета* с крестом. Так, М. Гвардуччи замечает [9], что первая форма *теты* появляется в Греции в течение VI в. до н. э. Что касается Родоса, то там эта форма присутствует в надписях уже с середины VI в. и сосуществует там с *тетой* с перекрестием [10]. Нельзя не признать, что последняя форма этой буквы (с перекрестием) возникла в греческом алфавите вообще раньше, чем форма с точкой — факт, отме-

[5] M. Guarducci. Epigrafia greca. Roma, 1967, стр. 331.

[6] Там же, стр. 330, № 3. L. H. Jeffery. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961, стр. 349, табл. 67.

[7] M. Guarducci. Ук. соч.

[8] Там же, стр. 331, № 4. L. H. Jeffery. Указ. соч., стр. 349, № 15.

[9] Там же, стр. 194.

[10] Там же, стр. 327.

чаемый всеми исследователями [11], поскольку именно в таком начертании эта буква заимствована из финикийского алфавита. Но мы знаем, что в некоторых локальных греческих алфавитах *тета* с точкой появляется уже в конце VIII — начале VII в. до н. э., например, в беотийском [12]. Поэтому из того факта, что форма *теты* с точкой засвидетельствована для Родоса только с середины VI в., нельзя делать вывод, что она возникла там именно в это время. Ведь ни Л. Джеффери, ни М. Гвардуччи не приводят вообще родосских эпиграфических памятников старше середины VI в. до н. э., где стояла бы *тета* в любой форме [13], и не исключена возможность того, что такие памятники пока вообще не найдены. Но даже если найдутся более ранние документы, где будет стоять *тета* с перекрестием, это все равно не опровергнет моих доводов, ведь мы видим, что обе эти формы спокойно уживаются до конца VI в., следовательно, они могли сосуществовать и раньше. Не надо также забывать, что Родос, занимавший в архаическую эпоху одно из первых мест в греческой торговле и отличавшийся высокой мобильностью шрифта, легко перенимал в свой алфавит ходовые формы букв других центров Греции [14]. Все высказанные соображения заставляют рассматривать родосские надписи конца первого десятилетия VI в. до н. э. из Абу-Симбела [15] как ближайшую аналогию по своим формам букв к рассматриваемому граффито и датировать его, таким образом, самым началом VI в. до н. э., а именно, первой четвертью этого столетия.

Чтение надписи в ее первой половине несомненно — Ξάνθας ἔδōκε, т. е. «Ксанф подарил». Глагол δίδωμι употребляется в граффити всегда в смысле «дарить», и никогда «посвящать», как показывает ряд аналогий [16]. Конец надписи довольно неясный, с большей или меньшей степенью уверенности можно прочитать ΤΙΜΙΑΣ, причем это или gen. fem. от τίμιος, или acc·plur·fem· от того же слова, скорее второе. Так или иначе это слово связано, очевидно, с формой сосуда — ῥύλιξ под которым понимался часто сосуд для питья вообще, в том числе скифос, просто чаша и др. Но поскольку наш сосуд грубой выделки совсем не вяжется со словом τιμία — «ценный», то, по всей вероятности, в пропавшей части надписи следует предполагать какое-то противопоставление или отрицание, например, такого типа: Ξάνθας ἔδōκε [οὐκ ἔχει δὲ ῥύλικας] τιμίας т. е. «Ксанф подарил, [ведь нет у него киликов] ценных». Тогда этим Ксанф хотел как бы извиниться за скромность подарка. Реконструированное содержание надписи представляется мне очень важным для того, что-

---

[11] L. H. Jeffery. Ук. соч., стр. 29; G. Klaggenbach. Griechische Epigraphik. Cöttingen, 1966, стр. 43; M. Guarducci. Ук. соч., стр. 94.

[12] L. H. Jeffery. Ук. соч., стр. 145. № 1.

[13] Надпись № 5 у Джеффери относится по особенностям палеографии (ср. формы *альфы, эпсилон, сигмы)* скорее к середине VI в., а не к его первой четверти, как полагает автор.

[14] Например, одна из форм *кси* могла быть заимствована с Книда (см. M. Guarducci. Ук. соч., стр. 330).

[15] Эти надписи подробно исследованы в статье: A. Bernard, O. Masson. REG, 70, 1957, стр. 1 сл.

[16] Это следующие граффити: 1) из Нимфея, VI в. до н. э. (И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 71, № 106). Толстой склонен восстанавливать λελ]ωκεν, но, как показывают приводимые аналогии, гораздо реальнее дополнение ἔδ]ωκεν; 2) неизвестного происхождения, эпоха эллинизма (там же, стр. 148, № 255); 3) из Теспий, вторая половина VI в. до н. э. (P. Friedländer. Epigrammata. Berkeley, 1948, стр. 162, № 177h); 4) из Ольвии, V в. до н. э.; неопубликовано, хранится в фондах ИА АН УССР в Киеве, 0—46 (2151); 5) из Пантикапея, V в. до н. э. (В. Д. Блаватский. Граффито Афродиссии. Listy filologicke, IX(LXXXIV), 1961, sv. I. Eunomia, стр. 47—48); 6) с Березани, VI в. до н. э.; неопубликовано, хранится в фондах ИА АН УССР в Киеве, АБ—1960 (73 197). Еще пять примеров см. P. Kretschmer. Die Griechischen Vaseninschriften ihrer Sprache nach untersucht. Gütersloh, 1894, стр. 4, Anm. 4.

бы выяснить, какое отношение имел этот Ксанф к общине ольвиополитов [17]. Поскольку граффито нанесено на местную чашку, следовательно, сосуд не был привезен в Ольвию с готовой надписью с Родоса, а был изготовлен и надписан на месте. Во-вторых, учитывая скромность подарка, при этом, по моему предположению, оговоренную, с большой долей вероятности можно предположить, что Ксанф принадлежал к бедным слоям населения Родоса и судьба занесла его на берега Борисфена отнюдь не по торговым делам — скорее всего он был одним из первых переселенцев, основавших эту далекую апойкию. Не подлежит сомнению, что большинство колонистов было милетянами, как об этом единогласно свидетельствует общегреческая традиция (Евсевий, Пс.-Скимн, Геродот, Страбон и др., надпись из Дельфиниона в Милете [18]). Но, как известно, в колонизационном процессе [19] часто принимали участие совместно граждане разных полисов, даже иноплеменых. Новая надпись является пока первым упоминанием о местном жителе-дорийце на северном берегу Понта в столь раннее время и свидетельствует о небольшом контингенте родоссцев, влившихся в общий милетский колонизационный поток. Очевидно, Ксанф был не единственным дорийцем в его время в Ольвии. Об этом могло бы говорить то обстоятельство, что он, надписав свой дар буквами родосского алфавита и на дорийском диалекте, преподнес его, скорее, своему одноплеменнику, чем ионийцу. Однако это чистая догадка. Если бы этот родосец был купцом, он уж подарил бы привозную расписную чашу из своих корабельных трюмов, к которой по настоящему можно было бы отнести эпитет τὶμια.

В свое время К. М. Колобова [20] предположила, что на близком к Ольвии и ранее основанном поселении — Березани столкнулись торговые интересы Родоса и Милета, и если бы Родос не был завоеван персами в первой половине VI в., то мы вообще не могли бы говорить о милетской талассократии на Понте. При этом она базировалась исключительно на археологических находках родосской керамики и других вещей на острове. Я уже отмечал, что археологический материал допускает самую различную интерпретацию. Сама К. М. Колобова страницей ниже [21] говорит, что «один полис не может удовлетворить уже потребности своих колоний.., в этот период практиковалась и скупка купцами одних полисов изделий и сырья в других полисах». Развивая высказанные К. М. Колобовой соображения, С. И. Капошина [22], анализируя материал из некрополя Березани, высказала гипотезу о двух волнах в колонизационном процессе северо-западного Причерноморья. Недавно эта гипотеза подверглась критике со стороны В. В. Лапина, который отрицает две эпохи в архаической истории Березани [23]. Я не стану здесь заниматься столь сложным вопросом, так как он требует исследования большого количества археологических материалов. Однако замечу, что присутствие в Ольвии самого начала VI в. до н. э. переселенцев-родоссцев подкрепляет гипотезу К. М. Колобовой о торговых (и соответственно политических) интересах Родоса в этом районе Понта.

И, наконец, наша надпись имеет очень важное значение для разрешения одной из самых сложных проблем в раннегреческой истории — вопро-

---

[17] Попутно замечу, что имя Ксанф в таком написании встречается довольно редко, в общих ономастических справочниках я нашел только двух лиц с таким именем: 1) полководец мардов у Aes. Pers. 990 (995) (Pape — Benseler [3]), 2) самосец у Her. II, 135 (Fick, Bechtel). Гораздо чаще женское имя Ξανθη.

[18] Она издана А. Ремом (A. Rehm. Milet, III, Berlin, 1914, № 136.

[19] Термин «греческая колонизация», хотя и не соответствует характеру того исторического процесса, к которому он обычно прилагается, все же употребляется автором этой статьи, поскольку он прочно вошел в традицию современной науки.

[20] К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX — VII вв. до н. э.). Л., 1951, стр. 164 сл.

[21] Там же, стр. 166.

[22] С. И. Капошина. Из истории колонизации Нижнего Побужья. МИА, 50, 1956, стр. 233 сл.

[23] В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 112.

са о датах основания апойкий, в данном случае Ольвии. Литература по этому вопросу огромная, разнообразны и мнения исследователей. Я не буду рассматривать их подробно, так как это явилось бы темой специальной работы, постараюсь лишь их кратко резюмировать [24].

Для даты основания Ольвии мы имеем, во-первых, данные письменной традиции (Евсевий и Псевдо-Скимн). Евсевий [25] относит основание Борисфена к XXXIII, 4 Ol., т. е. к 645 г. до н. э. Псевдо-Скимн [26] — ко времени мидийского владычества в Милете, т. е., очевидно, к первой половине VI в. Во-вторых, у нас есть археологические данные. Твердо установленный раскопками слой относится ко второй четверти VI в., однако есть и минимальное количество черепков второй половины VII в.

Интерпретируя эти данные, исследователи делятся как бы на два лагеря [27]. К первому относятся ученые, следующие, в основном, за свидетельствами авторов и пытающиеся согласовать их с археологическим материалом (Б. В. Фармаковский, В. Д. Блаватский, К. Э. Грinевич). Во второй лагерь входят ученые, полностью отвергающие показание Евсевия, как позднее и недостоверное, или же относящие его к Березани (М. Ф. Болтенко, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, Л. М. Славин, В. М. Скудnова). Кроме того, есть еще ряд ученых, не занимавшихся собственно исследованием вопроса и примыкавших к той или иной точке зрения, по большей части — ко второй.

Наличие ранней керамики VII в. в Ольвии исследователи второго лагеря объясняют различными причинами: или торговыми сношениями с этой областью до основания города, или тем, что раннюю, «старинную» керамику привезли с собой колонисты и использовали ее некоторое время в культовых или декоративных целях [28]. Ни то, ни другое объяснение, на мой взгляд, не удовлетворительно. Во-первых, у нас до сего времени нет никаких данных о существовании на территории Ольвии догреческого населения, которое могло бы получать греческий импорт VII в. Во-вторых, надо признать вполне реальным существование в домах отдельных греческих семей какой-то более древней «фамильной» керамики, с которой связывались воспоминания о предках и которая поэтому тщательно хранилась. Такие реликвии могли быть захвачены с собой и на места новых апойкий. Однако, надо заметить, что основной контингент переселенцев составляли жители полисов, страдавшие от стенохории, т. е. младшие братья; в таком случае «фамильная» керамика оставалась у их старших братьев на родине [29].

Странным кажется также «декоративное» применение посуды переселенцами, не успевшими еще построить нормальных жилищ; с другой стороны, на раскопанной территории культового участка — теменоса совсем нет материалов VII в., а там мы должны бы их более всего ожидать [30]. Таким образом, ни одно объяснение не выдерживает критики.

Новая надпись, если ее датировка верна, не только доказывает существование поселения в первой четверти VI в. до н. э., но и говорит, что особенно важно, о налаженном уже тогда керамическом производстве.

---

[24] Почти исчерпывающая отечественная литература вопроса приведена в статье В. Л. Зуц. До питання про утворення Ольвійської держави. «Археологія», XIX. Київ. 1965, стр. 36 сл. В библиографический список, приводимый автором, следует внести одну поправку: работа В. М. Скудновой «К вопросу о датировке архаической Ольвии» не была опубликована в ВДИ, 1961, № 1, на стр. 317. Это тезисы ее выступления, опубликованные в сборнике «Тезисы докладов научной сессии, посвященных итогам работы Гос. Эрмитажа за 1950 г.». Л., 1960, стр. 12—13.

[25] Euseb. Chron. Can., 88; -SC, I, ср. 670—671.

[26] Ps.-Scymn., 808 сл.; -SC, I, стр. 88.

[27] Я не рассматриваю мнения А. С. Уварова, В. В. Латышева и др., так как у них в руках был только первый разряд источников.

[28] Л. М. Славин. Периодизация исторического развития Ольвии. ПИСП, М., 1959, стр. 92.

[29] Эти соображения были связаны на обсуждении доклада (по материалам которого написана настоящая статья) В. Д. Блаватским.

[30] Е. И. Леви. Материалы ольвийского теменоса. Сб. «Ольвия», стр. 131 сл.

Это делает реальной дату основания по крайней мере на рубеже VII—VI вв. до н. э.

И, наконец, хотелось бы отметить, что для дальнейшего изучения архаической керамики имеется две возможности. Во-первых, исследование уже добытого материала в связи с изменением датировок вазописи VII—VI вв., вероятно, заставит пересмотреть старую хронологию, и скорее всего, не в пользу ее удревнения. С другой стороны, новые раскопки, раскрывающие ольвийские архаические слои на больших площадях, дают новый, еще не изученный керамический материал, который, как и вероятные будущие находки, позволит, может быть, удревнить слой ольвийского городища и отнести его к концу VII — началу VI в. до н. э.

Е. К. МАКСИМОВ, М. Р. ПОЛЕССКИХ

ЗАМЕТКА ОБ АКИНАКАХ

В 1963 г. в окрестностях дер. Новый Валовай Пачелмского района Пензенской области на пашне был найден железный акинак со слегка уплощенным брусковидным навершием, почковидным перекрестием и усиленным по краю валиками стержнем рукояти (рис. 1, *3*) [1]. Клинок акинака откован в виде сильно вытянутого к вершине треугольника с широким основанием. Посредине клинка, примерно до половины его длины, проходит вертикальный валик, переходящий в ребро жесткости. Общая длина акинака 30,8 *см*, клинка 19,6 *см*, ширина клинка у перекрестия 5 *см*.

Другая находка кинжала подобного типа (отличается от первого более узким клинком и некоторыми деталями исполнения) происходит также из Пензенской области, из с. Средняя Липовка Сосновоборского района (бывш. Кузнецкий уезд Саратовской губернии). Липовский кинжал, имеющий признаки ранних скифских акинаков, К. Ф. Смирнов относит к VI в. до н. э.[2].

Акинаки с продольными валиками на клинке и рукоятью с выемкой в центре встречаются на собственно скифской территории. А. И. Мелюкова приводит два аналогичных акинака из коллекций Киевского исторического музея и датирует их второй половиной VI в. до н. э.[3]. Четко выраженный валик на клинке, близкое по форме перекрестие имеет железный кинжал VI в. до н. э. из могильника близ г. Минеральные Воды [4].

Тождественные валовайскому акинаку рукоятки можно видеть у ранних кинжалов из-под Свияжска в Татарии, из с. Верхнее Салтово в бассейне Северного Донца и случайных находок близ Чигирина в Поднепровье [5].

В экспозиции Саратовского областного музея краеведения хранится железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 2, *1*). Рукоять его украшена тремя продольными валиками. Едва заметный вертикальный валик проходит также посредине клинка, конец которого обломан. Общая длина сохранившейся части кинжала 20,3 *см*. Время его бытования VI в. до н. э. Местом находки этого предмета принято считать Юловскую волость Вольского уезда Са-

[1] Хранится в Пензенском областном краеведческом музее.

[2] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 10, рис. 1—3.

[3] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, стр. 47, 48, табл. 15, *2*, *9*.

[4] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, 58, 1955, рис. 20, *1а*.

[5] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 92, рис. 20, *1*; A. M. Tallgren. Collection Zaoussailow, II. Helsingfors, 1918, табл. IV, *6*; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, 113, 1962, стр. 36, рис. 6, *3*; А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 15, рис 4—5.

ратовской губернии[6]. Однако, как теперь выяснено, акинак поступил из бывшего местного исторического музея. Место находки акинака еще тогда было неизвестно.

По своему типу он очень близок акинаку, переданному Н. А. Семеновым в 1909 г. в музей Саратовской ученой архивной комиссии и найденному действительно в Юловской волости на удельном участке № 5[7].

Подлинный юловский акинак тоже имеет брусковидное навершие и ярко выраженное бабочковидное перекрестие. Лезвия обоюдоострого клинка прямые, параллельны друг другу и плавно сужаются к концу. Посредине полосы проходит вертикальный валик, немного не доходящий до узкого конца. Длина клинка 27 *см*, ширина у перекрестия 3 *см*. Рукоятка акинака плоская, с двумя продольными углублениями — бороздками. Длина рукояти с перекрестием 10 *см*. Общая длина акинака 37 *см* (рис. 2, *1*).

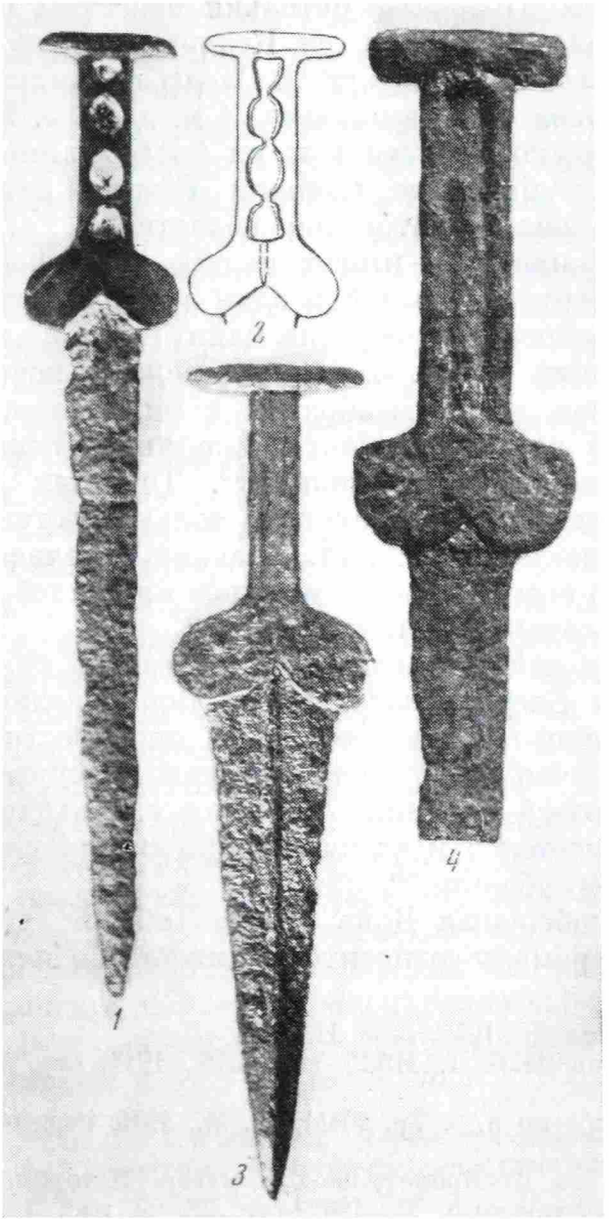


Рис. 1. Железные акинаки из Пензенского музея

1 — с. Лопатино; *2* — рукоять акинака из с. Лопатино; *3* — д. Новый Валовай; *4* — с. Старое Захаркино

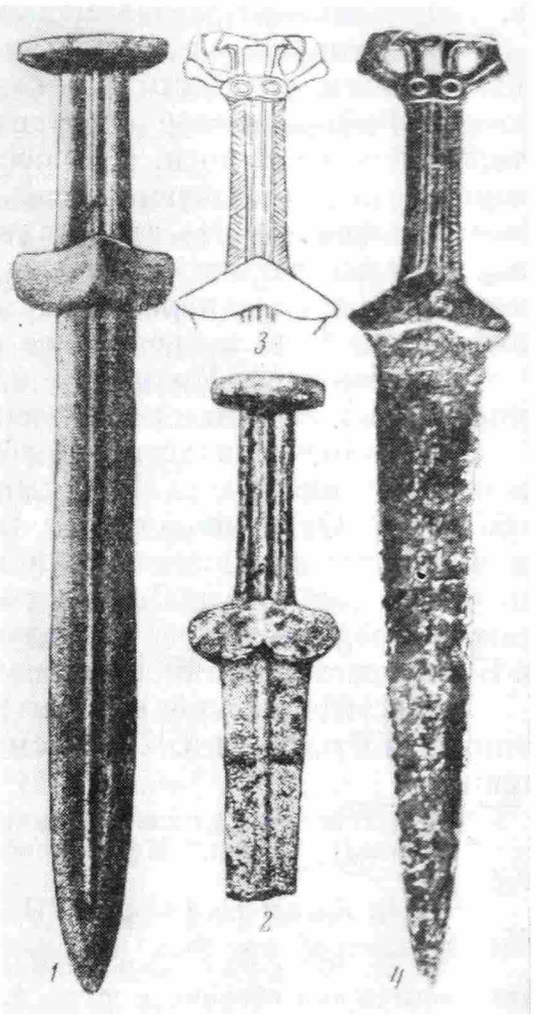


Рис. 2. Железные акинаки из Саратовского музея

1 — Юловская волость; *2* — место находки неизвестно; *3* — рукоять акинака из с. Садовки; *4* — с. Садовка

[6] Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, 3, Саратов, 1960, стр. 96; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 12; К. Ф. Смирнов и В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963, стр. 12.

[7] Саратовский музей, № 603.

Подобный железный кинжал с обломленной и утраченной в древности частью клинка найден в 1967 г. и у с. Старое Захаркино Шемышейского района Пензенской области и хранится в областном краеведческом музее г. Пензы. Общая длина сохранившейся части кинжала 20 *см*, рукоятки — 13 *см* (рис. 1, *4*). Этот кинжал в основе близок юловскому. Такое же брусковидное перекрестие и трехчленное деление рукояти вертикальными углублениями. Клинок имеет ромбическое сечение и слабо выраженное продольное ребро жесткости.

Особенностью этого кинжала является небольшая горизонтальная петелька на рукояти под перекрестием. Подобные петельки известны на скифских кинжалах. Они есть на железных мечах из Келермесского [8] и Мельгуновского [9] курганов, датируемых VI в. до н. э. [10]. Следы обломленных петель видны на беспаспортном железном кинжале VI в. до н. э. из коллекций Государственного Исторического музея [11] и на более раннем биметаллическом акинаке, найденном на бугре Стеньки Разина близ с. Белогорское Красноармейского района Саратовской области [12].

Оба акинака — юловский и захаркинский — имеют черты, свойственные ранним скифским кинжалам (вертикальные бороздки на рукояти, четкое бабочковидное очертание перекрестия, ребро по клину), и характерны для VI в. до н. э. В последующий век бороздки на рукоятях исчезают, хотя и встречаются еще на мечах, главным образом с антенновидным навершием. Но это трехчленное деление рукояти уже иного типа, а выпуклые валики украшены насечкой или рифлением [13]. Теряется и четкость рисунка перекрестия. На клинке отсутствует не только выпуклый валик [14], но и продольное ребро жесткости. А. М. Хазанов отмечает, что в Поволжье и Приуралье известно всего пять экземпляров кинжалов с продольным ребром и ромбическими в сечении клинками [15].

Ближайшей аналогией юловскому акинаку является железный кинжал, найденный в с. Монастырщенка Богучарского района Воронежской области [16]. Он отличается от поволжского лишь деталями перекрестия и пропорциями клинка. Этим же отличен и короткий кинжал из кургана у сел Дарьевка и Васильково Киевской губернии [17]. Клинок с проходящим посредине выпуклым валиком имеется у меча из случайных находок в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии [18].

Монастырщенский кинжал с правобережья Дона П. Д. Либеров датирует VI в. до н. э. [19] К этому же времени относится кинжал с Киевщины.

[8] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. II, III.

[9] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911, стр. 7, табл. 1.

[10] И. В. Яценко. Скифия VII — V веков до н. э. Тр. ГИМ, 36, М., 1959, стр. 44, 45.

[11] А. И. Шкурко. Скифский кинжал из Днепропетровского музея. Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 98, 99, рис. 3.

[12] Б. В. Зайковский. Археологические разведки в окрестностях сл. Даниловки Камышинского уезда Саратовской губ. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, 30, Саратов, 1913, стр. 228, рис. 9.

[13] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 20, *1, 6;* Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области. МИА, 113, 1962, стр 131, рис. 1—8.

[14] Нам известен единственный кинжал с продольным валиком V в. до н. э. с городища Кузина Гора в Курской области; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 100, рис. 6—7.

[15] А. М. Хазанов. Сарматский кинжал из Саратовского музея. СА, 1968, 1, стр. 249.

[16] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965, табл. 17, 10; А. С. Демидова. Кинжал из села Монастырщенки Воронежской области. СА, 1964, 2, стр. 202, рис. 1; сопоставление А. С. Демидовой монастырщенского кинжала с акинаком с антенновидным навершием и трехчленной рукоятью иного типа из с. Афанасьевки Курской области нам кажется неубедительным.

[17] А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы II, СПб., 1894, табл. XV, *7*.

[18] А. И. Шкурко. Ук. соч., стр. 99, рис. 2.

[19] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 29.

Аналогией захаркинскому акинаку является железный кинжал с двумя продольными углублениями на рукояти и ромбическим в сечении клинком, обнаруженный на пашне у с. Русский Бишкин на Изюмшине [20]. Этот экземпляр также характерен для VI в. до н. э.

Следовательно, железные акинаки из находок в Саратовской и Пензенской областях тоже датируются VI в. до н. э. и примыкают к группе ранних скифских кинжалов.

В 1966 г. около с. Садовка Терновского района Воронежской области был найден железный кинжал-акинак (рис. 2, *4*) с антенновидным навершием и узким бабочковидным перекрестием [21]. Длина кинжала 36,3 *см*. Клинок его в виде вытянутого к вершине треугольника, с широким основанием. Лезвия плавно суживаются к концу. С обоих сторон клинка посредине, примерно на две трети его длины, прочерчены пять вертикальных параллельных линий. Длина клинка 25,5 *см*, ширина под перекрестием 4,5 *см*. Рукоятка плоская, с четырьмя продольными бороздками на каждой стороне. Края рукоятки рифленые косыми насечками. Навершие типично антенновидное и состоит из двух завитков, направленных внутрь и соединенных перекладиной. Оба завитка трактованы как когти хищной птицы — орла или грифа. У основания завитков — изображения глаз (рис. 2, *3*).

Акинаки с подобной схемой навершия найдены в Поволжье, Южном Приуралье, Западном Казахстане [22]. Единичные экземпляры таких мечей известны в Прикамье [23]. На юге они встречаются на Кубани [24].

Ближе всего акинак из Садовки стоит к скифским кинжалам. Схема навершия типа садовского акинака подробно рассмотрена Н. Я. Мерпертом [25]. Он отмечает, что мы имеем здесь распространенный мотив когтя, который связывается с колюще-режущей функцией меча. С ним связан и мотив глаза, олицетворяющего зоркость и меткость.

Такая схема навершия имеется на кинжалах из кургана Солоха (боковое погребение) [26], кургана № 2 близ с. Аксютинцы [27], кургана № 4 у Осняг близ Бельского городища [28] в урочище Стайкин Верх у с. Аксютинцы [29] и других местах. Кинжалы из курганов Солоха, у Аксютинцев и Осняг сближает не только схема навершия, но и рифление бортиков по краям рукояти. Такое же оформление бортика видно на рукоятке кинжала из с. Пиликовка Елецкого района Орловской области [30]. На украшение рукояткой скифских кинжалов и мечей «сплошным рядом поперечных мелких валиков» указывает и Б. Н. Граков [31].

Все приведенные в качестве аналогий мечи и кинжалы датируются временем конца V—IV в. до н. э.[32]

---

[20] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины.; 1, Изюм, 1926, табл. XXXV, 2; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 35, рис. 6, *2*.

[21] Кинжал хранится в Саратовском обл. музее краеведения.

[22] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 20—22.

[23] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, табл. XXI, *21*.

[24] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, СПб., 1910, стр. 115, табл. V, *23б*.

[25] Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 74 сл.

[26] ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, стр. 109, рис. 181; W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, табл. 20, *c*.

[27] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. XXII, *4*.

[28] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1908 г. Тр. XIV АС, III, 1911, табл. III, *4*.

[29] Д. Я. Самоквасов. Каталого коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 31, № 1517.

[30] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 77, рис. 22, *2*.

[31] Б. Н. Граков. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома. СА, 1961, 4, стр. 143.

[32] Сокровища скифских курганов. Собрание Гос. Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 52; А. И. Мелюкова. Ук. соч, стр. 58; Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 78, 79.

Клинок садовского акинака, как и других скифских кинжалов, украшен прочерченными вертикальными полосами. А. И. Мелюкова приводит серию таких мечей из находок в Северном Причерноморье [33]. Полосы на клинке имеет упомянутый кинжал из Пиликовки с Орловщины [34].

Садовский кинжал по особенностям клинка и формы навершия, трактованного в зверином стиле, принадлежит к скифским кинжалам такого типа и хронологически относится к V—IV вв. до н. э.

Интересна находка у с. Лопатино одноименного района Пензенской области биметаллического кинжала длиной 39,5 *см* (рис. 1, *1*). Весь кинжал изготовлен из железа. На железную рукоять надета цельнослитая бронзовая обойма с брусовидным навершием и почковидным перекрестием на два ската. С обеих сторон обойма украшена фигурными вырезами (рис. 1, *2*). Клинок кинжала имеет посредине ребро жесткости и равномерное сужение к острию. Длина клинка 29 *см*.

Мечи с железным клинком и бронзовой рукоятью хорошо известны в предскифское время в Среднем Приднепровье и на Кавказе [35]. Но форма рукояти здесь иная. Среди ранних скифских и савроматских кинжалов нам известны только биметаллический меч VI в. до н. э. из кургана 2 у с. Райгород Киевской губернии [36] и биметаллический акинак конца VII в. до н. э. с бугра Стеньки Разина в Саратовской области [37]. Бронзовые рукояти этих мечей отличаются от лопатинской наличием валика по краю и отсутствием фигурных прорезей. Однако брусовидное навершие и почковидное перекрестие лопатинского кинжала по форме очень близки райгородскому. Аналогично навершие и перекрестие бронзового меча скифского типа VI в. до н. э. из находок около с. Тимашовки Кировоградской области [38]. Таким образом, лопатинский кинжал примыкает к группе скифских мечей и кинжалов с брусовидным навершием и почковидным перекрестием, бывшим в употреблении в VI в. до н. э. Этим временем, видимо, следует датировать и лопатинскую находку.

[33] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 18, *1, 10;* табл. 20, *8, 11*.

[34] Б. Н. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 80, рис. 51*а*.

[35] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 201; Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, 4, стр. 5.

[36] ДП, III, СПб., 1900, стр. 9, 10, табл. XXXVIII, *166*.

[37] Б. В. Зайковский. Ук. соч., рис. 9.

[38] А. А. Бобринский. Ук. соч., III, СПб., 1901, стр. 146, табл. XI, *5*; А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. ВССА. М., 1954, стр. 105, рис. 11, *5*.

Б. А. ВАСИЛЕНКО

КЛЕЙМА НА АМФОРАХ ТИПА СОЛОХА II

При раскопках древнего Никония (городище у с. Роксоланы на левом берегу Днестровского лимана) было найдено много обломков, а также несколько целых экземпляров амфор типа Солоха II, впервые описанных А. П. Манцевич [1]. Они характерны высоким прямым горлом, почти горизонтальными плечами и конусовидным туловом, переходящим в вытянутую стройную ножку цилиндрической формы с сильно расширенной нижней частью (иногда с круговым «поясом»), с небольшой ямкой в центре подошвы, которая напоминает ножки фасосских амфор конца V — начала IV в. до н. э. Венцы этих амфор слабо выражены, представляют собой сильно уплощенный с боков валик и очень напоминают венцы хиосских амфор с прямым горлом конца V—IV в. до н. э. Ручки массивные, овальные в сечении, несколько приподняты в местах сгиба. Высота сосудов 0,8—0,9 м. Не все амфоры этого типа соответствуют приведенному

[1] А. П. Манцевич. Амфоры кургана Солоха. СГЭ, IV, 1947, стр. 4—5 и рис. 3.

описанию. Некоторые из них отличаются несколько иной трактовкой деталей. Различаются они также и цветом и составом глины — иногда она оранжевато-коричневатая с розовым оттенком, с примесями мелкого песка, золотистой слюды и белых известковых частиц (мергель?) [2]; иногда же глина красного цвета без примеси слюды, тонко отмученная, но содержит очень мелкие белые известковые частицы (мергель?).

На амфорах типа Солоха II иногда имеются знаки, нанесенные красной краской, в виде отдельных букв или монограмм. Наличие на некоторых экземплярах знака в виде буквы «пи» в архаической форме (с укороченной хастой) и с горизонтальной хастой внизу [3], в которых Б. Н. Граков усмотрел букву «бета» мегарско-коринфского алфавита (хотя по написанию она несколько отличается от знаков на амфорах), позволило ему условно отнести центр производства этих амфор к какому-то дорическому причерноморскому городу, возможно Византию [4]. Это условное отнесение, принятое И. Б. Зеест [5], вскоре приобрело характер утверждения, и в настоящее время многие исследователи прямо относят амфоры типа Солоха II к продукции Византия. Однако кроме не совсем четких свидетельств их изготовления в каком-то дорическом центре, никаких доказательств происхождения амфор этого типа из Византия мы не имеем.

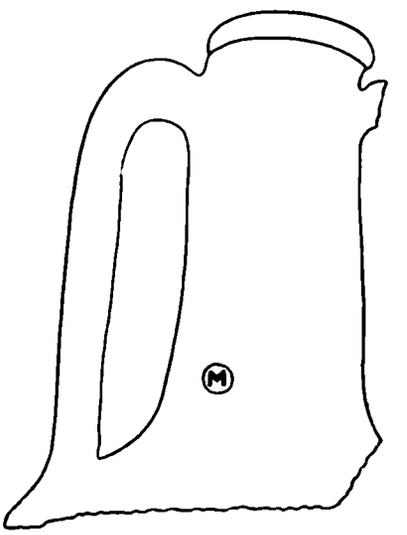


Рис. 1. Место наложения клейм на амфорах типа Солоха-II

На горловинах и ручках этих амфор иногда встречаются метки в виде небольшого энглифического колечка [6] (в Никонии таких меток было найдено четыре — две на перегибах ручек и две на ножках амфор). Подобные метки известны и на хиосских, фасосских и других амфорах и не являются характерными для описываемого типа амфор. Скорее всего, они являются знаками мастеров, которые накладывались на определенные по счету сосуды для удобства учета изготовленной продукции. До настоящего времени амфоры типа СолохаII относились к категории неклейменных.

Однако в последние годы при раскопках Никония были обнаружены клейма на амфорах этого типа, рассмотрению которых и посвящена настоящая публикация. Амфоры, содержащие клейма, сформованы из хорошо отмученной красной глины с очень мелкими белыми известковыми включениями без малейших примесей слюды и песка. Формы их в точности соответствуют приведенному выше описанию.

Нами зарегистрировано одиннадцать клейм, которые представлены тремя типами. Характерным для них являются место и способ наложения — все клейма энглифические, все оттиснуты на нижней части горловины у перехода ее в плечи (рис. 1). Каждое клеймо представляет собой одну из букв греческого алфавита, находящуюся в круглом углубленном поле от сильного оттиска штемпеля. Размеры клейм сравнительно небольшие — по величине они почти не отличаются от хиосских клейм с изображениями, заимствованными с монетных типов. Эти клейма представлены следующими экземплярами.

1. Буква Δ в круглом поле. Пять экз. одного штемпеля (рис. 2).
2. Буква М в круглом поле. Два экз. одного штемпеля (рис. 3).
3. Буква Ф в круглом поле. Четыре экз. одного штемпеля (рис. 4).

[2] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 96; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 86.
[3] И. Б. Зеест. Керамическая тара ..., табл. XVIII, 35-*б*, 35-*в*.
[4] Б. Н. Граков. Каменское городище...., стр. 86—87.
[5] И. Б. Зеест. Керамическая тара ..., стр. 96.
[6] А. П. Манцевич. Амфоры кургана Солоха, стр. 4, рис. 4.

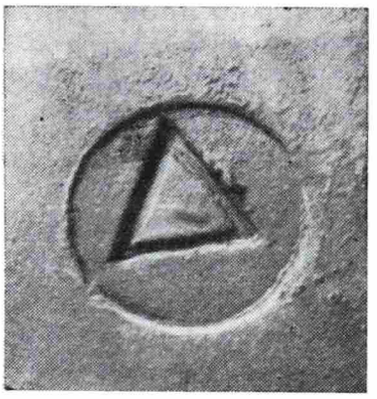


Рис. 2. Клеймо в виде буквы «дельта» (увеличено в два раза)

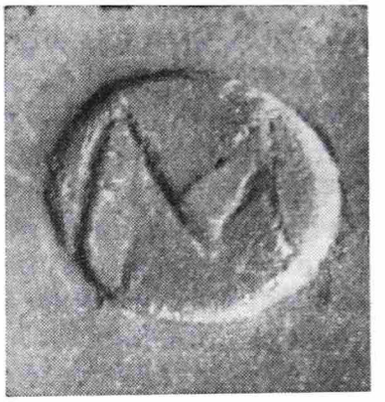


Рис. 3. Клеймо в виде буквы «мю» (увеличено в 2 раза)

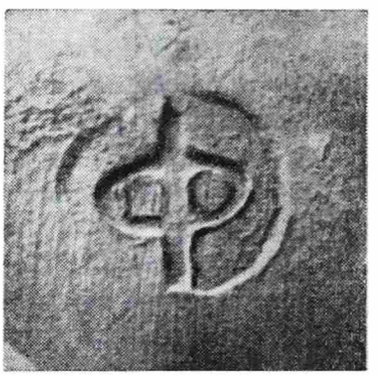


Рис. 4. Клеймо в виде буквы «фи» (увеличено в 2 раза)

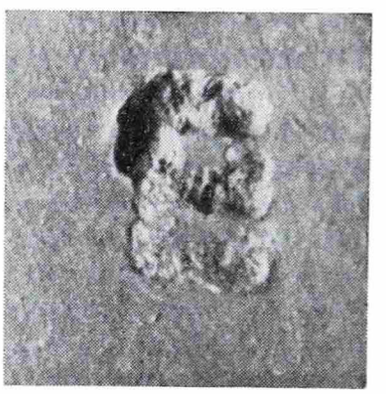


Рис. 5. Метка мастера (граффити по сырой глине) в виде буквы «эпсилон» (увеличено в 2 раза)

Следует сказать, что при раскопках Никония не найдено ни одной целой амфоры с клеймом описанного типа — все они находятся на обломках амфор, причем в основном на горловинах с сохранившимися ручками. Все целые амфоры типа СолохаII из Никония оказались неклейменными.

На обломке горловины одной из амфор этого типа, происходящем также из Никония, в нижней части, ближе к середине, имеется довольно аккуратно исполненное граффити по сырой глине в виде буквы Е, причем она начертана в перевернутом виде: три горизонтальные хасты обращены вниз и несколько влево (рис. 5). Этот знак, несмотря на внешнее сходство с описанными клеймами и аналогичное место наложения, следует рассматривать как метку мастера, близкую упомянутым выше энглифическим колечкам. Описанные нами клейма на амфорах типа Солоха II, по любезному сообщению Б. Н. Гракова, зарегистрированы впервые, хотя амфоры этого типа не принадлежат к редким находкам на античных памятниках Северного Причерноморья. Из этого следует вывод о спорадичности клеймения тары этого типа.

Что касается центра производства амфор типа Солоха II, то в настоящее время этот вопрос не может быть решен положительно в пользу какого-либо определенного центра, хотя некоторые догадки в этом отношении у нас имеются (в связи с находками клейм). Еще А. П. Манцевич была отмечена близость амфор этого типа к хиосским (на основании сходства с изображениями амфор на монетах Хиоса конца V — начала IV в. до н. э.) [7]. Действительно, если сравнить амфоры типа СолохаII, хиосские амфоры конца V — IV в. до н. э. и амфоры с «колпачковыми» ножками, которые по ряду признаков очень близки хиосским и даже отнесены В. Грэйс к продук-

[7] А. П. Манцевич. Амфоры кургана Солоха, стр. 4.

ции этого центра [8], то в глаза бросается разительное сходство амфор всех этих типов. Они отличаются друг от друга, за исключением некоторых мелких деталей и слегка видоизмененных пропорций, лишь трактовкой ножки [9]. Общее впечатление такое, что они изготовлялись в каких-то близких центрах или под влиянием одного образца.

Кроме внешнего сходства с хиосскими, амфоры типа Солоха II имеют и другие признаки, сближающие их с хиосской тарой. Прежде всего, это спорадичность клеймения, хотя решающим этот довод быть не может. Их сближает главным образом способ и место наложения клейм и внешнее сходство самих клейм. Действительно, клейма на амфорах типа Солоха II, как и большинство хиосских, оттиснуты на горлах; почти все хиосские клейма (повторяющие монетный тип), как и описанные нами, представляют собой изображение в небольшом кружке [10]; кроме того, известны и буквенные клейма Хиоса, наложенные энглифическим способом, причем некоторые из них не просто вдавлены в глину, а находятся во вдавленном круглом поле [11], т. е. по всем признакам аналогичны клеймам на амфорах типа СалохаII.

Таким образом, как внешне, так и по ряду более существенных признаков амфоры типа Солоха II очень напоминают хиосские конца V—IV в. до н. э. Датировка их также частично совпадает с датировкой хиосской тары близких образцов (стратиграфически они датируются IV — III вв. до н. э.). Казалось бы, имеются все основания отнести амфоры с описанными выше клеймами непосредственно к продукции Хиоса, как отнесены туда некоторые типы амфор с «колпачковыми» ножками [12]. Однако подобное утверждение в корне неверно. Прежде всего, несмотря на внешнее сходство, амфоры типа Солоха II отличаются от заведомо хиосских не только трактовкой ножки и некоторыми более мелкими деталями, но и цветом и составом глины. И, наконец, наличие на некоторых из них знаков дорического алфавита свидетельствует против их хиосского происхождения.

Таким образом, в настоящее время установить центр производства амфор типа Солоха II невозможно. Однако несомненно, что этот неизвестный пока центр изготовлял и клеймил свою продукцию под сильным влиянием Хиоса, которому подражал не только в форме самих амфор, но и в деле клеймения. Хиосское вино на протяжении VI — III вв. до н. э. считалось одним из лучших и пользовалось большой популярностью. Естественно, что некоторые центры стали подражать таре Хиоса для более успешной продажи своих товаров, в результате чего и появились амфоры типа Солоха II и амфоры с «колпачковой» ножкой (которые в свою очередь послужили предметом подражания или, что более вероятно, изготовлялись одновременно в разных центрах, так как амфоры этих двух типов делятся на несколько более мелких групп, различающихся трактовкой мелких деталей и составом глины) [13]. Исходя из этого, мы относим описанные нами клейма на амфорах типа Солоха II из красной глины с мелкими известковыми частицами (в отличие от подобных амфор с другим составом глины) к условной группе «Х», т. е. группе, выпущенной под влиянием Хиоса в одном из городов Причерноморья или северной части Эгейского моря. На основании аналогий среди хиосских амфор конца V — начала IV в. до н. э. и хиосских буквенных клейм V в. до н. э. мы относим эту группу к раннему IV в. до н. э., хотя, возможно, она датируется и самым концом V в. до н. э. Этому не противоречат и стратиграфические данные.

---

[8] И. Б. Зеест. Керамическая тара ..., стр. 78.

[9] Там же, табл. IV, *12, 13;* табл. V, *14—а, 14—б*; табл. XVIII, *35—а*.

[10] Там же, стр. 77, рис. 3.

[11] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 297, рис. 3.

[12] И. Б. Зеест. Керамическая тара ..., стр. 78.

[13] Подражания таре (амфорной) определенных центров, пользовавшихся широкой известностью, имели место на протяжении всей истории античного мира. Так, известны подражания фасосской таре в Гераклее Понтийской, подражания гераклейским амфорам, и т. д.

Г. А. ТИРАЦЯН

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РАСПИСНЫХ СОСУДОВ ИЗ АРМАВИРА (АРМЕНИЯ)

Археологическое изучение Армении послеурартского и досредневекового периода (VI в. до н. э. — III в. н. э.) успешно продолжается. Наряду с раскопками крепости Гарни, давшими важные материалы по культуре Армении первых веков нашей эры, были начаты археологические исследования древнеармянской столицы Армавир, призванные выявить необходимые данные для наиболее слабо освещенного периода истории древней Армении (VI — I вв. до н. э.).

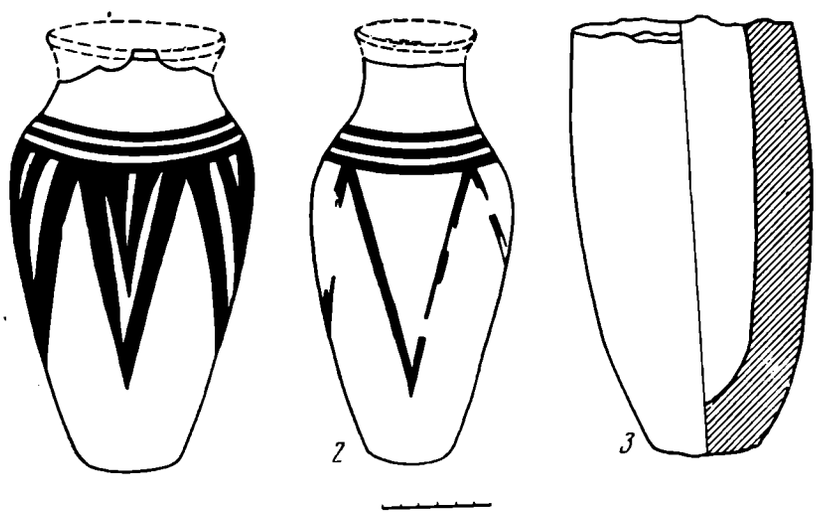


Рис. 1. Сосуды из музейных коллекций

1, 2 — государственный исторический музей Армении; *3* — Музей Грузии

При изучении культуры Армении этого времени особенное место следует отвести керамике. Работа по описанию, классификации и датировке керамики помогает не только охарактеризовать одну из самых важных отраслей материального производства древней Армении — гончарного дела, но и превратить керамический материал в надежную хронологическую опору при определении стратиграфической картины древнеармянских памятников.

В Государственном историческом музее Армении хранятся два сосуда, переданные из бывшего Эчмиадзинского музея. Оба происходят из Армавира. Первый из них (№ 2129/157) — плоскодонный, с равномерно расширяющимися стенками, удлиненным туловом, низкой, но широкой шейкой и чуть отогнутым венчиком (высота 24 *см*, диаметр тулова 21 *см*; рис. 1, *1*). Сосуд толстостенный, неравномерного обжига; изготовлен из плохо отмученной глины, имеющей примесь песка и мелких камешков. Этот массивный, тяжелый сосуд, напоминающий по форме вазы для цветов, примечателен своей двухцветной росписью.

Его поверхность покрыта густым слоем темно-красной краски. На плечиках, поверх упомянутого слоя, идут три параллельных горизонтальных пояска, выполненные желтовато-беловатой краской. Чуть ниже изображены в том же цвете шесть свисающих треугольников, острые концы которых заходят далеко на нижнюю поверхность тулова. Внутри треугольников оставлен красный фон в виде трех узких продолговатых лепестков. После нанесения росписи поверхность сосуда подверглась тщательному лощению.

Второй сосуд, № 711/11, имеет более вытянутую форму (высота 24 *см*, диаметр тулова 10 *см*; рис. 1,*2*). Тоже покрыт слоем красной окраски, хуже

сохранившейся, более блеклого оттенка. Поверх этого слоя беловатой краской выполнен тот же орнаментальный мотив, что и на первом сосуде.

По сообщению С. Тер-Акопяна, издавшего первый из вышеописанных сосудов, еще в середине 30-х годов на руках у жителей селения Армавир имелся сосуд, по-видимому, такого же типа, который, однако, не удалось разыскать [1].

При осмотре коллекции Уваровых, хранящейся в Музее Грузии, мы встретили массивный сосуд с отбитым верхом, во многом аналогичный (по форме, толщине стенок, составу глины) только что описанным сосудам (сохранившаяся высота 21,5 *см*, диаметр тулова 20 *см;* рис. 1, *3*) [2]. Никаких следов росписи не прослеживается. Как известно. упомянутая коллекция состоит из предметов, раскопанных Уваровами на Армавирском холме, что как нельзя лучше позволяет увязать хранящийся в музее Грузии сосуд со сходными по форме и происхождению сосудами из Исторического музея Армении.

Типологическое изучение известных по случайным находкам сосудов из Армавира показывает, что они имеют некоторое сходство с древневосточными формами. Глиняная и алебастровая посуда додинастического Египта [3], расписная керамика II тысячелетия Северной Сирии и Северного Двуречья [4], керамика Ирана (Тепе-Сиалк) [5] посуда Двуречья Новоассирийского времени (Ассур, Нимруд, Тел-Халаф) [6], Маны (Хасанлу) [7] и Урарту (Кармир-Блур) [8] обнаруживает отдаленную связь с рассматриваемой керамикой. Однако отсутствие каких-либо точных аналогий, касающихся не только общей формы, но и самой росписи, позволяет искать в древневосточном материале лишь типологические истоки армавирских сосудов.

Систематические раскопки на Армавирском холме помогли подойти вплотную к упомянутым выше вопросам и найти ответы на некоторые из них. Находки в 1963, 1964 и 1966 гг. двух сравнительно больших фрагментов расписной керамики этого типа, а также целого расписного сосуда окончательно доказали непосредственную связь данной группы именно с Армавирским холмом. Один из черепков, а также целый сосуд, найденные во время раскопок в слое, помогают разобраться и в вопросах датировки. Первый фрагмент найден в 1963 г. на западном склоне Армавирского холма (квадрат 7f, глубина 0,90 *м*, рис. 2). Сохранились часть тулова и стенки. Это был толстостенный сосуд, изготовленный из неочищенной глины, плохо обожженной. Поверхность покрыта краской красного цвета, нанесенной местами густым слоем. На плечиках шли узкие горизонтальные пояски белого цвета, а ниже, на тулове, заметны остатки свисающих треугольников и таких же поясков.

Слой, в котором найден фрагмент, можно отнести к ахеменидскому или эллинистическому времени. Об этом свидетельствуют многочисленные черепки с расписным орнаментом, которые встречаются сплошь и рядом в вышеупомянутом слое. Интересно отметить поразительное сходство, кото-

---

[1] С. Тер-Акопян. Вторая новонайденная надпись из Армавира. Материалы по истории древней Армении. Ереван, 1935, рис. 2, стр. 149.

[2] См. Музей Грузии, № 2932, коллекция Уваровых.

[3] H. Schaeffer, W. Andrae. Die Künst des alten Orients (Propyläen Künstgeshichte). III Auflage, Berlin, 1942, стр. 194, 198, 199, 271.

[4] B. Hrouda. Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien. Berlin, 1957, табл. 3.

[5] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, I, Paris 1938, табл. XXVI, *5, 6*.

[6] A. Haller. Die Gräber und Grüfte von Assur (Wissenschaftliche Veröfentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft), 65, 1954, табл. II, III; D. Oates. Late Assyrian Pottery from Fort Shalmanaser. Iraq, XXI, 2, 1959, табл. 38, 90; B. Hrouda. Tell Halaf, IV, Berlin 1962, табл. 56, *13*.

[7] O. Muscarella. «Hasanlu, 1964», The Metropolitan Museum of Art Bulletin, 25, 3, November, 1966.

[8] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I. Ереван, 1950, рис. 10; его же. Кармир-Блур, II, Ереван, 1952, табл. 22, 23.

рое наблюдается между этими черепками и керамическим материалом из Алишарского холма (Малая Азия), датирующимся второй половиной I тысячелетия до н. э.[9] Сходство проявляется в орнаменте (прямые и волнистые пояски) и цвете (светлый фон, по которому нанесены пояски красноватого и коричневатого цвета).

Второй расписной фрагмент, примыкающий к рассматриваемой группе, найден в 1964 г. под западным участком северных оборонительных стен,

Рис. 2. Фрагмент керамики с росписью из Армавира

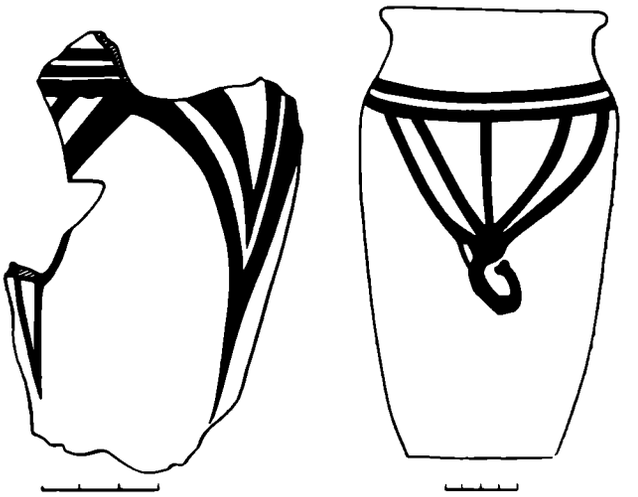


Рис. 3. Расписная керамика из раскопок на Армавирском холме

снаружи (рис. 3, *1*). Поверхность сохранившейся части окрашена высококачественной красной краской, по которой нанесены горизонтальные параллельные пояски светло-желтоватого цвета; ниже идут фестоны из вписанных друг в друга остроконечных треугольников, выполненные той же самой светло-желтоватой краской.

Однотипный целый сосуд был найден в 1966 г. на западном участке холма около западной оборонительной стены (квадрат 3d, глубина 0,80 *м*). Высота 19,5 *см*, диаметр тулова 11 *см*. Сосуд имеет почти баночную форму. Шейка широкая и низкая, с еле выступающим венчиком (рис. 3,*2*). Глина красноватая, с явными следами примесей. Вся наружная поверхность покрыта густым слоем темно-красной краски, хорошо вылощенной. Вдоль плечика идут две горизонтальные параллельные беловатые-желтоватые полосы, ниже которых такой же краской нанесены узоры в виде треугольников.

Таким образом, общее число сходных по форме и росписи сосудов, происходящих из Армавира, доходит по крайней мере до шести. Эта компактная группа характеризует гончарное производство Армении ахеменидской или, что вернее, раннеэллинистической эпохи. К сожалению, трудно подобрать нужные им аналогии среди переднеазиатской керамики этого времени. Укажем лишь на расписные узоры в виде свисающих треугольников на сосуде из Азербайджана эллинистической эпохи [10] и на близкие по форме вытянутые сосуды того же времени из Каирского музея [11]. Интересно отметить, что последние украшены широкими остроконечными листьями, правда рельефными, и расположенными в нижней части тулова.

---

[9] The Alishar Huyük, Season of 1930—1932, III, II—IV; Г. А. Тирацян. О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Историко-филологический журнал, 1965, 3, стр. 276.

[10] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959. стр. 65, рис. 3.

[11] Die griechisch-ägyptische Sammlung E. von Sieglin. herausgegeben von E. von Sieglin. bearbeitet von R. Pagenstecher. Leipzig, 1913 (Expedition E. von Sieglin. Б. II, Teil III), рис. 92*а, б*.

Трудно сказать, какое применение имели рассмотренные сосуды. Не исключена возможность, что они служили в качестве посуды для цветов. Сосуды такого назначения засвидетельствованы в керамике древнего мира [12].

Постепенное изучение отдельных типологических и хронологических групп керамики древней Армении позволит установить со временем последовательность развития гончарного производства на территории Армянского нагорья в послеурартский период.

[12] A. Jolles. Die ägyptisch-mykenischen Prunkgefässe, JDAI, 25, 1908, рис. 3.

С. К. КАБАНОВ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ШИВЫ НА ОССУАРИИ

При работах над стратиграфическим раскопом в северной части городища Афрасиаб в одной из средневековых мусорных ям (бадрабов) было найдено барельефное изображение, налепленное на глиняную плитку. Эта находка сопровождалась большим количеством обломков керамических изделий и стекла. Бадраб находился в восточной части раскопа, вблизи обрыва к Сиабу. Им был пробит фундамент древней крепостной стены [1], от уровня поверхности которого его глубина была 11,5 *м*. Заполнение этой ямы представляло собой как бы круглый столб диаметром в 95 *см*, опущенный в глубину, причем верхняя часть бадраба проходила через древнейший культурный слой (VI — V вв. до н. э.), толщина которого здесь около 2 *м*; глубже был чистый материковый лесс. Таким образом, взятый в бадрабе комплекс полностью был изолирован от посторонних примесей.

Упомянутый обломок плитки (рис. 1), высотой в 12,2 *см* и толщиной в 1,7 *см*, в изломе серый с розоватым оттенком; глиняная масса слегка пористая, с чуть заметной примесью дресвы. Обратная поверхность неровная, лишь слегка заглаженная, покрыта серым ангобом. На боковой стороне обломка сохранилась заглаженная поверхность прорези, что явилось одним из признаков, позволивших определить находку как фрагмент стенки оссуария. Лицевую сторону плитки украшает налепное скульптурное изображение танцора, исполненное в технике штампа на такой же глине, из которой сделана плитка; собственно, это была изготовленная отдельно терракота (голова не сохранилась), прикрепленная затем к стенке оссуария. Терракота покрыта плотным серым ангобом. Изображение дано на фоне обычных для оссуария глубоких штрихов, процарапанных до обжига на накладном декоративном слое плитки.

Скульптура изображает стройного, атлетического телосложения мужчину; правая его рука положена на бедро, левая поднята вверх (отбита); левая нога полусогнута в колене. Почти все одеяние состоит из тяжелой набедренной повязки, опускающейся до колен. Повязка, видимо, из шкуры животного, ее складки переданы вдавлениями. Узкий пояс с подвесками сильно оттянут вниз под тяжестью ниспадающей широкой полосы в виде стержня с обращенными вверх зазубринками, оканчивающегося внизу головой зверя (?): в рельефе различаются нос, глаза.

Обнаженный торс, с признаками моделировки мускулов груди и живота, украшен перевязью, перехваченной на груди кольцом, от которого два шнура отведены за плечи, два других — поверх бедер за спину. Шнуром (или гривной) с подвесками украшена шея. Видны украшения и на руках — браслет и повязка у плеча. Обувь — в виде сапожков с суженным

[1] С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 185, рис. 2 (восточнее разреза, на полу коридора).

у щиколотки, охваченной кольцом, от которого вверх раструбом расходятся пластинчатые стерженьки.

Изображение выполнено реалистично. По степени художественной выразительности его можно сравнить с деревянными скульптурными изображениями танцовщиц из Пянджикента [2], но семантика этого образа иная. Несомненно, это — культовое изображение, поскольку оно нанесено на оссуарий: видимо, мужчина совершает ритуальный танец. Известны изображения танцовщиц на оссуариях [3], но изображение танцора, видимо, встречается впервые на сосудах этого вида. Однако в живописи VII—VIII вв. изображения танцующего мужчины выявлены в настенных росписях Пянджикента. Впервые такое изображение было там открыто в 1952 г., а затем в 1962 г.[4] Поза танцующего персонажа, изображенного в росписях, несколько иная, но есть и признаки сходства: это — одеяние, состоящее также только из набедренной повязки, как устанавливается, из звериной шкуры, вероятно тигровой, и перевязи, с охватом торса через оба плеча; часть перевязи увешана бубенчиками. В связи с этим последним определением можно установить, что подвески к перевязи нашего танцора также являются бубенчиками; это видно по довольно хорошо заметным углублениям-прорезям в них. Отмеченные черты сходства изображений из Пянджикента и описанного произведения коропластики позволяют установить, что они родственны по своему сюжету [5].

Рис. 1. Барельефное изображение Шивы

Иконографические признаки изображений из Пянджикента дали основание предположить, что «пянджикентские художники при создании публикуемой композиции отталкивались от образа Шивы» [6]. К этому мнению, впервые высказанному Н. В. Дьяконовой [7], можно присоединиться при

---

[2] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Сб. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 79, 80.

[3] Там же, стр. 82, 83.

[4] А. М. Беленицкий. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. КСИА, 98, 1964, стр. 36—38.

[5] На возможность сопоставления нашей находки с указанным сюжетом росписей из Пянджикента обратила внимание автора В. А. Булатова.

[6] А. М. Беленицкий. Из истории культурных связей..., стр. 38.

[7] Н. В. Дьяконова. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. Тр. ГЭ, V. Культура и искусство народов Востока, 6, Л., 1961, стр. 264, 265.

рассмотрении публикуемого нами изображения. Веяние Индии сказывалось на изделиях самаркандских мастеров-керамистов. Н. В. Дьяконова отмечает, что памятники культа шиваизма, довольно распространенные в Синьцзяне в VII — VIII вв., впервые устанавливаются в Согде в росписях Пянджикента. Описанная находка — вторая этого вида, причем, что совсем необычно, изображение Шивы найдено на предмете зороастрийского культа: это сочетание — очень интересный факт, который пока трудно объяснить. Является ли этот памятник лишь продуктом интерпретации

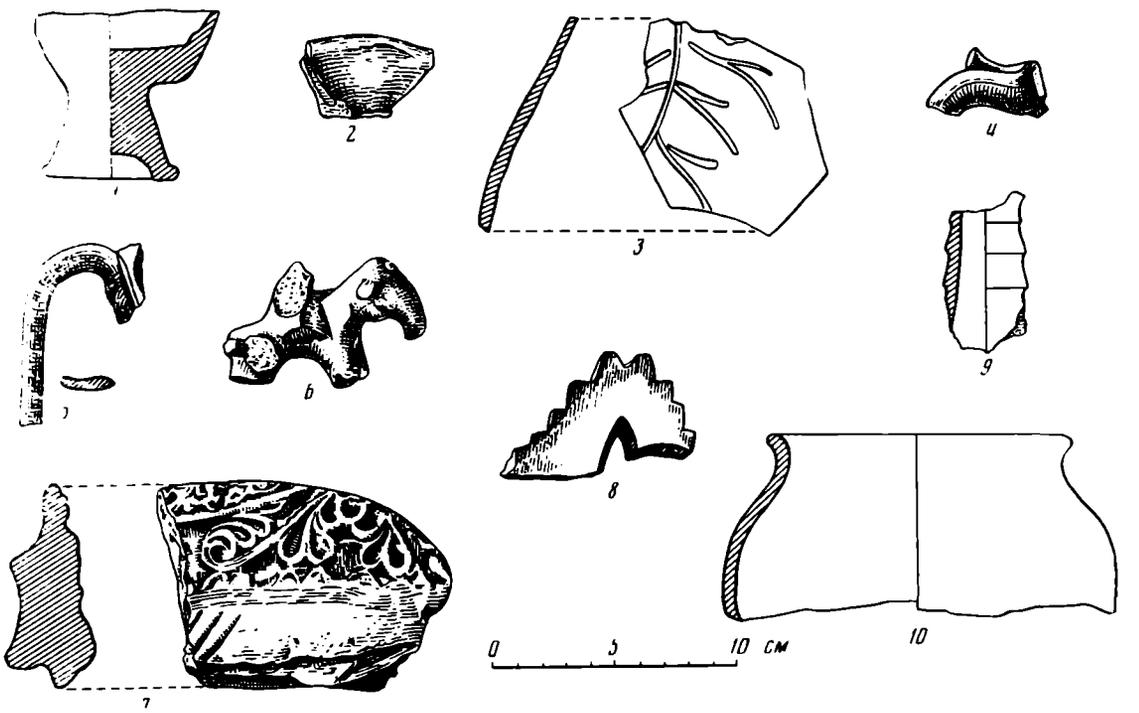


Рис. 2. Предметы из керамического комплекса VIII в.

местными художниками знакомого им образа или в нем есть определенные элементы идеологического, мировоззренческого характера — это решат дальнейшие исследования.

В завале, заполнявшем бадраб, были найдены еще два фрагмента костехранилищ, из них один, судя по составу глиняной массы, от того же оссуария. Этот фрагмент являлся частью венчающего карниза, с выступом на оборотной стороне для крышки (рис. 2, 7). Лицевая сторона карниза была украшена вязью из изящно изогнутых пальметок, завершенной сверху гроздью винограда (?). Орнамент нанесен штампом, в виде полоски, также на отдельный слой глины, наложенный на стенки оссуария.

Третий фрагмент оссуария из красноватой глины снаружи покрыт светло-желтым ангобом. Он представляет собой декоративный зубец края оссуария с характерным ступенчатым контуром и прорезью (рис. 2, *8*).

Комплекс [8], взятый в бадрабе, как уже указывалось, совершенно изолирован от посторонних примесей, что в условиях многослойного городища имеет большое значение для выяснения последовательности наслоений в других местах, не имеющих четкой стратиграфии. Это обстоятельство дает нам основание рассмотреть комплекс более подробно, чем необходимо для датировки описанного памятника изобразительного искусства.

Керамика, составившая основную часть находок, оказалась довольно разнообразной. Прежде всего, выявлена целая серия небольших плоскодонных сосудов, которые мы называем кружками (рис. 3, *1—8*). Ручка в виде кольца, пластинчатая в срезе, прикреплялась низко, середина ее приходилась на уровень перегиба корпуса сосуда. Вершина кругового выступа нередко украшалась небольшими овальными гранями, нанесенными ножом

[8] Графическую фиксацию данного комплекса выполнила Л. Г. Брусенко.

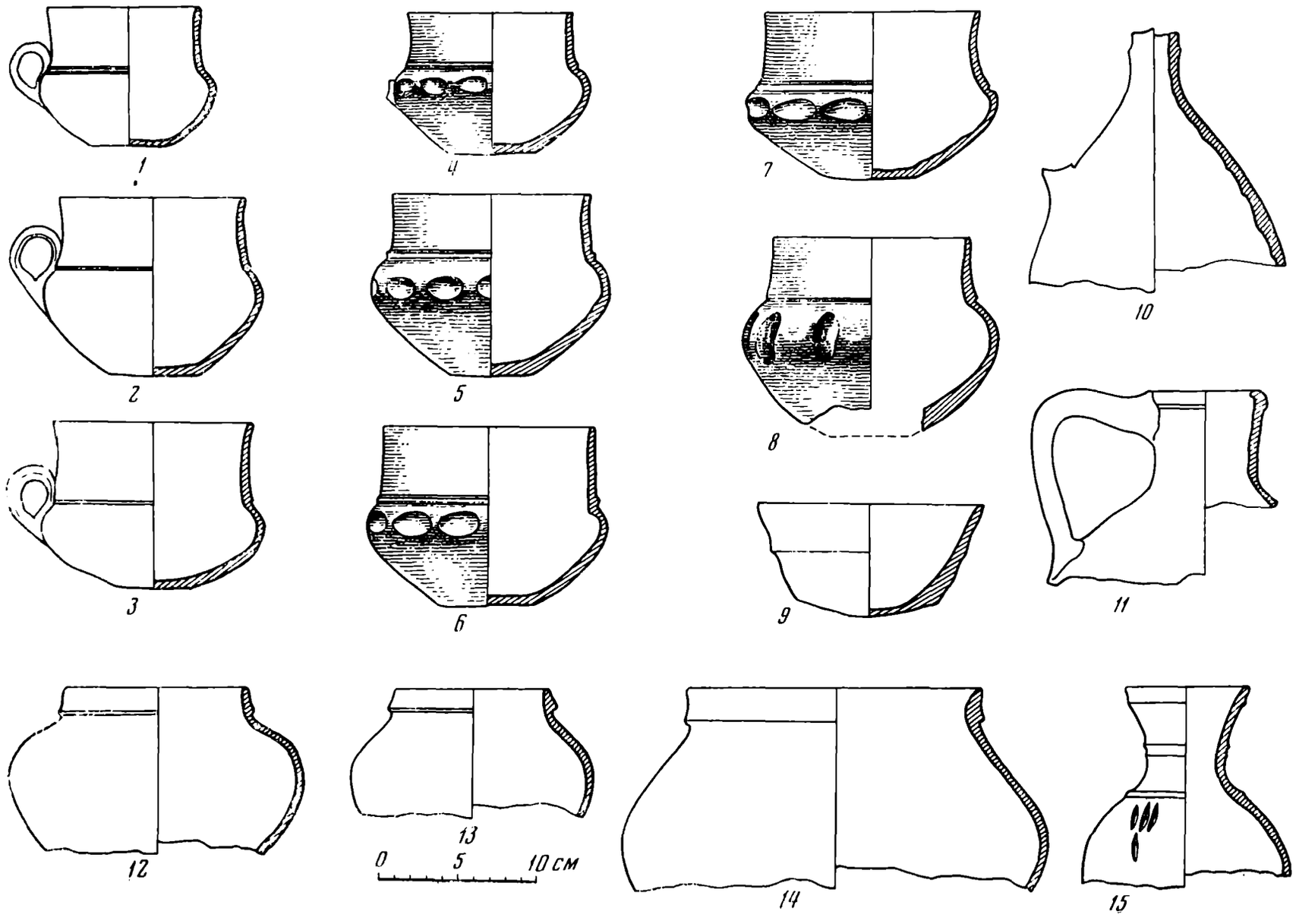


Рис. 3. Тонкостенные сосуды VIII в.

или специальным выемчатым инструментом; в одном случае на выступ были нанесены пальцем вертикальные вмятины в виде каннелюр, примерно через одинаковые промежутки (рис. 3, *8*). Сосуды тонкостенные, хорошего обжига, покрывались серым ангобом. Высота —8—10 *см*, диаметр устья —9—13 *см*.

Подобные сосуды известны как на памятниках Согда, так и за его пределами [9]. Б. И. Маршак различает три вида кружек. Наши находки можно отнести к первому типу; особенно часто такие кружки, по его наблюдениям, встречаются в наслоениях второй половины VII— начала VIII в., но в VIII в. эта форма уже претерпевает некоторые изменения [10]. Кружку из Афрасиаба, вполне идентичную найденным в описываемом комплексе, с плоскими срезами на расширенной части корпуса, А. И. Тереножкин датирует второй половиной VIII в. [11]. Б. И. Маршак приводит еще одно наблюдение: в середине VIII в. почти не встречается керамика со слюдой, которой, как известно, в предшествующее время покрывались глиняные сосуды для усиления их сходства с металлическими. В бадрабе найден лишь один фрагмент с обсыпкой слюдой.

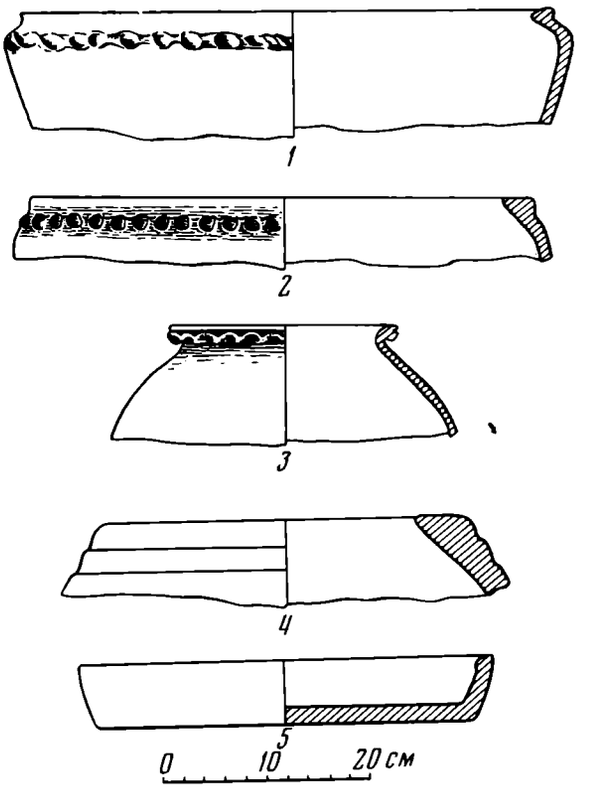


Рис. 4. Толстостенные сосуды VIII в.

Кувшины в нашем комплексе представлены очень скудно, собственно, найдено всего лишь несколько фрагментов, позволяющих восстановить форму верхней части сосудов (рис. 3, *10—11*, *15*). Видимо, для изготовления кувшинов подбирался сырец, который при обжиге в изломе давал различные оттенки серовато-темного цвета; сверху сосуды покрывались плотным слоем серого ангоба. Исключением явился лишь один фрагмент ручки кувшина, красноглиняного, с лощением по красному ангобу; характерная особенность этой ручки — налеп на вершине в виде половины конусовидного стерженька (рис. 2, *4*). Фрагмент кувшина с очень узким горлышком и покатой верхней частью корпуса (рис. 3, *10*) можно сблизить с сосудом подобного облика, датируемым VI — началом VIII в. [12]. Другой кувшин, более широкогорлый (рис. 3, *11*), похож на сосуд из верхнего слоя Пянджикента [13].

Приведенные наблюдения и сопоставления дают возможность датировать рассматриваемый комплекс VIII в. В других найденных здесь керамических формах также можно найти подтверждения этой датировке. Так, в рассматриваемом комплексе встречен светильник (или курильница) на высокой ножке, слепленный от руки (рис. 2, *1*), красноглиняный, без ангоба. Подобные сосуды известны в наслоениях Пянджикента VII — VIII вв. [14]. Светильник в виде плошки (рис. 2, *2*) также находит себе аналогию в этих наслоениях [15].

---

[9] Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. Тр. ГЭ, V, 6, стр. 180—189; И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.). МИА, 124, 1964, стр. 283—285.

[10] Б. И. Маршак. Ук. соч., стр. 180.

[11] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, XI, 1.

[12] Там же, рис. 69, X, 7.

[13] И. Б. Бентович. Ук. соч., стр. 281, рис. 19, *5*.

[14] Там же, стр. 288, рис. 28, *3—4*.

[15] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента. МИА, 37, 1953, стр. 141 рис. 9.

Из тонкостенных сосудов отметим еще кринку, красноглиняную, покрытую серым ангобом; венчик слегка отогнут наружу, плечики крутые (рис. 2, *10*).

В бадрабе было довольно много фрагментов котлов станковой работы (рис. 3, *12—14*), в изломе различного оттенка, чаще всего красного цвета, иногда желтого и бурого; в тесто почти всегда примешивался кварц. Ангоб серый или красный. Очень характерны венчики с приостренными

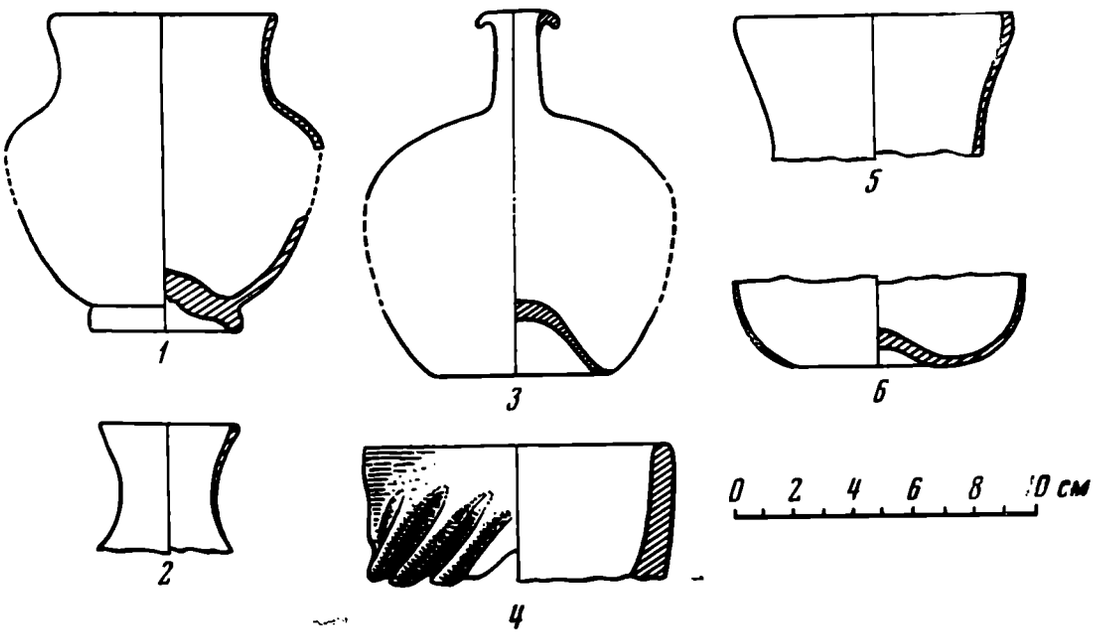


Рис. 5. Изделия из стекла VIII в.

вершинами и скошенными, с вогнутостями, наружными поверхностями. Котлы с подобными венчиками найдены и в Пянджикенте [16], но отличаются они там более крутыми плечиками.

Тагоры — сосуды типа таза (рис. 4, *1—2*), своеобразной формы, с загнутыми внутрь венчиками. В верхней части украшены круговым уступом, разработанным лепной вязью, имитирующей плетение. Ангоб, как обычно для данного комплекса,— серый. В глине примесь известковых включений.

Для хумов (сосудов больших размеров) характерна отогнутость венчика наружу, иногда с имитацией плетения под венчиком (рис. 4, *3*), но встретился и венчик с уступчатой наружной поверхностью (рис. 4, *4*). Подобные венчики хумов были найдены в Пянджикенте [17]. Отметим еще толстостенный сосуд в виде подноса, с высоким для этого вида сосудов бортиком (рис. 4, *5*).

Для рассматриваемого комплекса характерно почти полное отсутствие сосудов лепной работы; можно отметить лишь один сосуд, слепленный от руки, видимо, с применением формы-шаблона при изготовлении днища (рис. 3, *9*).

Стекло в бадрабе встречалось довольно часто, но в мелких обломках, только в двух случаях давших возможность полностью восстановить формы сосудов (рис. 5, *1, 3*). Из металлических изделий найдены обломки меча и небольшой медный сосудик типа сурьмадона (предмет для косметики).

На этом мы заканчиваем рассмотрение небольшого, но довольно характерного комплекса материалов, который в определенной мере может служить эталоном для хронологии слоев и отдельных предметов на таком многослойном городище, каким является Афрасиаб. Вместе с тем опреде-

[16] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента, стр. 274, рис. 10, *11, 13*.

[17] Там же, стр. 267, рис. 1, *1*.

ляется и датировка изображения Шивы на оссуарии: этот обломок был сброшен на свалку в VIII в. (видимо, это связано с арабским завоеванием и переходом населения в мусульманство), но сам он является памятником более раннего времени — VII в.; более раннюю дату трудно предположить, поскольку памятник находит себе по сюжету аналогии в росписях Пянджикента, датируемых VII—VIII вв.

Значение рассмотренного памятника не ограничивается его иконографией, он является еще и одним из многочисленных свидетельств оживленных культурных связей Согда и Индии в раннем средневековье [18]. В этом же аспекте показательно и наличие в комплексе миниатюрного, примитивно слепленного изображения слона (рис. 2, *6*).

Известно, что в Южной Индии «Шива отождествлялся с богом-покровителем городского населения, прежде всего купцов и ремесленников» [19]. Согд находился в противоположной стороне возможного ареала влияния этого течения в индуизме (шиваизм), но, имея в виду, что именно купцы и ремесленники были наиболее подвижным элементом древнего общества, можно предположить, что признаком деятельности представителей именно этих сословий (часто совмещавшихся) и является рассмотренный памятник. Так был бы найден исходный момент для объяснения загадочного явления — изображения индуистского божества на зороастрийском культовом сосуде.

---

[18] Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. Проблемы востоковедения. 1960, 5, стр. 114—116.

[19] История Индии в средние века. М., 1968, стр. 193.

В. А. КУЗНЕЦОВ

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТА ИЗ АЛАНИИ

Известно, что Византия длительное время поддерживала экономические, политические и культурные связи с Северо-Кавказской Аланией, игравшей в X—XI вв. видную роль на Юго-Востоке Европы. О месте Алании в политических расчетах империи пишет Константин Багрянородный [1]. Стремясь закрепить свое влияние на Аланию, в начале X в. Константинополь принимает энергичные меры к насаждению в ней христианской религии при посредстве феодальной верхушки соседней Авазгии (Абхазии) [2]. В результате этих усилий была крещена часть западных алан, живших в соседних с Абхазией и Сванетией районах. Принял христианство и аланский властодержец, названный Константином Багрянородным εξουσιοκράτωρ 'Αλανιας' [3] С этого времени византийское культурное влияние на западную Аланию становится особенно заметным.

Материальные следы указанных связей и влияний многочисленны и разнообразны. Это храмы восточновизантийского происхождения [4], множество каменных плит-надгробий с греческими эпитафиями, монеты, находки отдельных вещей и т. д. К сожалению, перечисленные реалии алано-византийских связей, как и проблема взаимоотношений народов Северного Кав-

---

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством. ПГАИМК, 91, М.— Л., 1934, стр. 10, 11.

[2] Ю. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, V, 1—2, СПб., 1898, стр. 3, 4; V. Grumel. La date de conversion des Alains et l'archevèche d'Alanie. «Echos d'Orient», 173, Paris, 1934, стр. 57, 58.

[3] Const. Porphyrogenitus. De cerimoniis Aulae Byzantinae. Bonnae, II, 1829, стр. 48.

[4] В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X века. СА, 1964, 4; его же. Средний Зеленчукский храм. СА, 1968, 2.

каза с Византией в X—XII вв. в целом [5], еще не стали предметом специального исследования.

В числе названных реалий, связанных с аланским христианством, не последнее место должны занять произведения мелкой пластики и в первую очередь христианские кресты различных типов. Постоянно умножающееся число христианских крестов, находимых на территории исторической Алании, свидетельствует не только о глубине проникновения христианской религии в местную среду, но и о различных направлениях историко-культур-

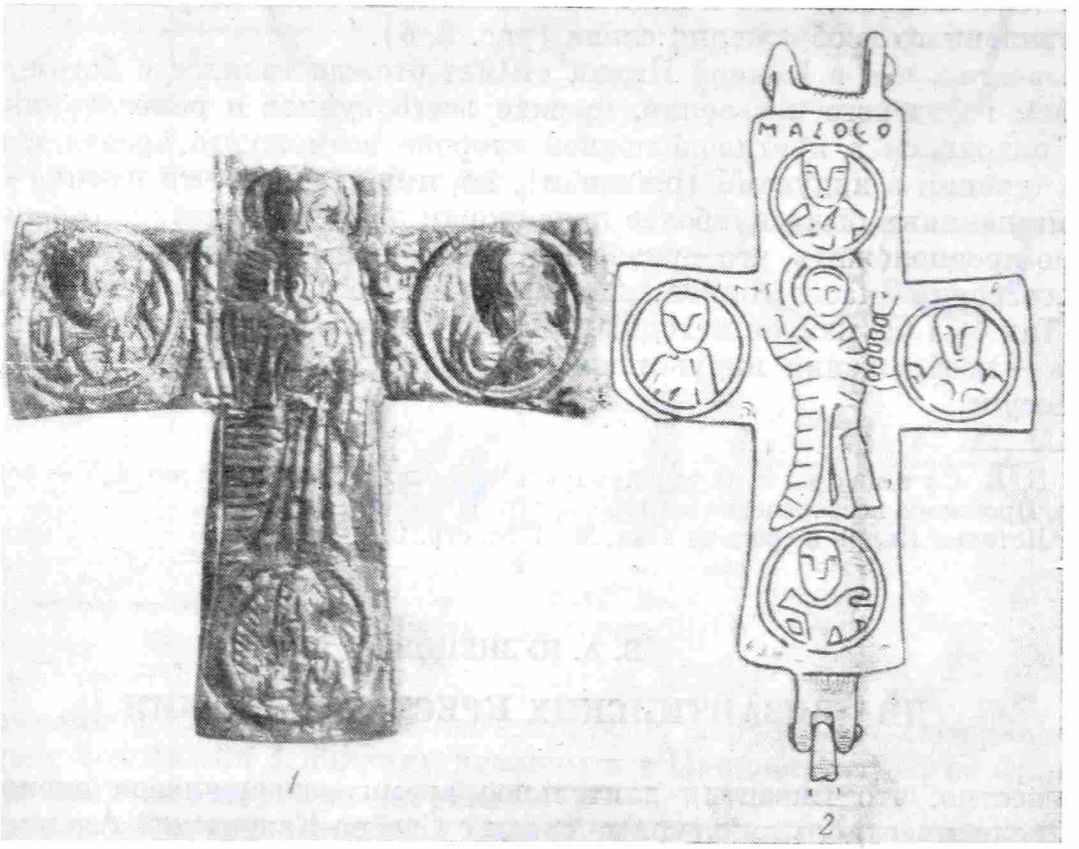


Рис. 1. *1* — крест из поселка шахты № 6; *2* — крест из района горы Бештау

ных связей. Автор этих строк недавно предпринял попытку выделить группу крестов-энколпионов древнерусского происхождения, попавших в XII—XIII вв. на Северный Кавказ [6]. В предлагаемой статье [7] рассматриваются два креста несомненно византийского происхождения.

1. Бронзовый литой крест с плоской оборотной стороной, верхний конец сломан (рис. 1, *1*). Ширина по поперечной перекладине 7,7 *см*, высота (до излома) 7,6 *см*, толщина по излому 0,2 *см*. Найден на территории поселка шахты № 6 Карачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области (на правом берегу р. Кубани), приблизительно в 1964 г. учениками местной школы. Учитель этой школы и краевед С. Д. Мастепанов на мой запрос сообщил, что там «в разное время находили и сейчас еще находят много крестиков различной величины и размера». Кроме того, недалеко от

---

[5] N. Banescu. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque les Comnènes. Bulletin de la section historique de l'Akademie Roumaine, XXII. Bucuresti, 1941, стр. 57—77; A. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire a l'époque des Comnènes? «Akten» des XI Internationalen Byzantinistenkongresses, München, 1958. München, 1960, стр. 569—580.

[6] В. А. Кузнецов. Энколпионы Северного Кавказа. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 80—86.

[7] Приношу глубокую благодарность А. В. Банк за консультации по материалу данной статьи.

этого места имеются «высеченные на большом камне византийские кресты» [8]. Местность представляет безусловный археологический интерес.

На лицевой стороне описываемого креста расположены четыре рельефные фигуры (пятая на верхнем конце утрачена), в центре изображение Богородицы Одигитрии с младенцем на руках, в круглых медальонах вокруг Богородицы фигуры евангелистов. Высокий рельеф фигур, глубина и четкость линий свидетельствует о хорошем качестве литейной формы. Особенно проработана центральная фигура Богородицы, показаны ее руки, складки платья, нимб вокруг головы. По бокам Богородицы находится легко читаемая надпись ΑΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚ (пресвятая Богородица). Фигуры евангелистов надписей не имеют.

В древнерусской мелкой пластике близких аналогий этому кресту найти не удалось. Нет их и в христианских древностях Северного Кавказа. Ближайшей аналогией является крест-энколпион Христианского музея Ватикана [9]. В центре ватиканского креста также изображена стоящая Богородица с младенцем, в медальонах слева Лука, справа Иоанн, внизу Марк; изображение верхнего евангелиста неразборчиво. Форма обоих крестов с расширяющимися концами — одинакова, иконография идентична. Наконец, крест Христианского музея Ватикана снабжен такой же надписью АПАТЕОТОК, расположенной как и на кресте из поселка шахты № 6. Разница состоит только в том, что ватиканский крест представляет энколпион, отлитый из золота (впрочем, последнее не ясно, ибо у Е. Кинга он фигурирует как бронзовый) [10].

Можно указать еще одну близкую аналогию кресту из поселка шахты № 6. Это крест, хранящийся в Балтиморском музее [11]. Он совпадает с нашим по форме, иконографии и надписи, но выполнен тщательнее и «благороднее». Как и ватиканский крест, это — створка энколпиона. Византийское происхождение ватиканского и балтиморского крестов несомненно. Следовательно, крест из поселка шахты № 6 также можно считать византийским. Коснемся вопроса о его дате.

В своей публикации А. Muñoz датирует крест Христианского музея Ватикана VIII в. [12]. Эта дата представляется заниженной; правильно ее определил Н. П. Кондаков, писавший: «крест Ватиканского Христианского музея ясно показывает нам, что в XI—XII вв. тип Кириотиссы — Божией Матери, стоя держащей Младенца перед собой, установился определенно ...» [13]. Таким образом, ватиканский крест, по Н. П. Кондакову, относится к XI—XII вв., с чем согласна и А. В. Банк [14]. Тем самым дата креста из поселка № 6 также определяется XI—XII вв.

2. Створка бронзового (или медного) литого креста-энколпиона, размеры 5,5 × 9,4 *см* (рис. 1, *2*). Найден в 1968 г. членами детского туристского клуба «Кавказ» г. Минеральные воды под руководством И. Л. Осипова на поверхности аланского городища у подножья горы Бештау (район г. Пятигорска). В центре креста помещена фигура Богородицы Оранты с воздетыми руками и в широких ниспадающих одеждах, со слабо заметным нимбом вокруг головы; в четырех оконечностях креста—фигуры четырех евангелистов в круглых медальонах. Около Богородицы надписи нет, но при очистке верхнего конца от темно-зеленой патины обнаружена надпись ΜΑΤΘΕΟ (Матвей), расположенная между верхним медальоном и краем

---

[8] Письмо С. Д. Мастепанова к автору от 16 мая 1969 г.

[9] Antoine Munoz. L'Art Byzantin à l'Exposition de Grottaferrata. Roma, 1906, стр. 167, рис. 124.

[10] E. S. King. The Date and Provenance of a Bronze Reliquarg Gross in the Museo Criotiano. Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. «Memoire», II, Roma, 1928, стр. 193—204, табл. XXIV, *1*.

[11] Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition Held the Baltimore Museum of Art. Baltimore, 1947, стр. 72, № 305, табл. XXXVIII.

[12] Antoine Munoz. Ук. соч.

[13] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. II, Пг., 1915, стр. 130, 131.

[14] Письмо А. В. Банк к автору от 21 мая 1969 г.

креста. Следует полагать, что в верхнем медальоне изображен Матвей. Местоположение надписи здесь несколько необычно, как и то, что имя дано в полном, а не в сокращенном виде. Другие фигуры надписей не имеют. Заметим также, что изображения местами расплывчатые и не такие четкие, как на кресте из поселка шахты № 6. Очевидно, крест был отлит в старой и поношенной литейной форме.

Описываемый крест относится к довольно распространенному типу, который встречается на всех территориях, так или иначе связанных с Византией. В собственно византийских древностях укажем крест с эмалевыми изображениями из музея Виктории и Альберта в Кенсингтоне [15], энколпион из того же музея [16] и ряд аналогий в Христианском музее Ватикана [17]. На некоторых из них (кресты из музея Виктории и Альберта) евангелисты изображены без медальонов. Встречаются аналогичные кресты-энколпионы с фигурой Богородицы Оранты в Северном Причерноморье и в Киевской Руси.

Так, очень близкую параллель кресту из района г. Бештау представляют энколпионы из Херсонеса [18] и с. Сахновка бывшего Каневского уезда Киевской губернии [19]. Трудно сказать — представляют ли эти последние произведения византийского искусства или сделаны по византийскому образцу на месте, но во всяком случае византийский источник их происхождения представляется несомненным. Сказанное можно полностью отнести и к энколпиону из района г. Бештау.

Нельзя не заметить близости крестов из поселка шахты № 6 и района г. Бештау как по форме, так и по иконографии. Близость эта подкрепляется стилистически одинаковыми приемами изображения платья Богородицы на обоих крестах. Можно считать, что оба креста связаны не только общностью происхождения, но и времени. Н. П. Кондаков такие «корсунские тельники» относил суммарно к X—XII вв.[20], Ханенко крест из Сахновки датирует XI—XII вв. [21]. Все это, по-видимому, дает нам право датировать крест из-под горы Бештау, так же как и крест из поселка шахты № 6, XI—XII вв.

В заключение отметим, что после обнаружения византийского креста 1067 г. в Северном Зеленчукском храме в 1960 г.[22], описанные здесь кресты представляют наиболее интересные находки византийских христианских древностей на территории Северо-Кавказской Алании.

---

[15] O. M. Dalton. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East. London, 1901, стр. 24.

[16] O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 507, рис. 303.

[17] Antoine Munoz. Ук. соч.

[18] Н. Кондаков. Русские клады. I, СПб., 1896, стр. 44, рис. 25.

[19] Б. И. Ханенко и В. И. Ханенко. Древности русские. II, Киев, 1900, табл. XIX, *223*, а также *224—231*.

[20] Н. Кондаков. Уч. соч., стр. 43.

[21] Б. И. Ханенко и В. И. Ханенко. Ук. соч.

[22] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании. ВВ, XXI, 1962, стр. 118—126.

В. С. ФЛЁРОВ

ПОСЕЛЕНИЕ VIII — IX ВВ. У СТ. БОГОЯВЛЕНСКОЙ

Салтово-маяцкая культура не относится к числу малоисследованных. Однако некоторые районы распространения этой культуры изучены еще недостаточно. К числу таких районов относится, в частности, Нижнее Подонье, особенно правый берег Дона от ст. Цимлянской до дельты. Между тем, нижний Дон интересен как один из исходных районов распро-

странения в Восточной Европе болгарских племен [1] и район, куда еще в начале IX в. начали проникать первые славянские поселенцы [2].

Предпринятые летом 1968 г. археологической экспедицией Ростовского государственного университета раскопки ранее не известного поселения у ст. Богоявленской (Ростовская обл., Константиновский район) дали новый материал для изучения донского варианта салтово-маяцкой культуры [3].

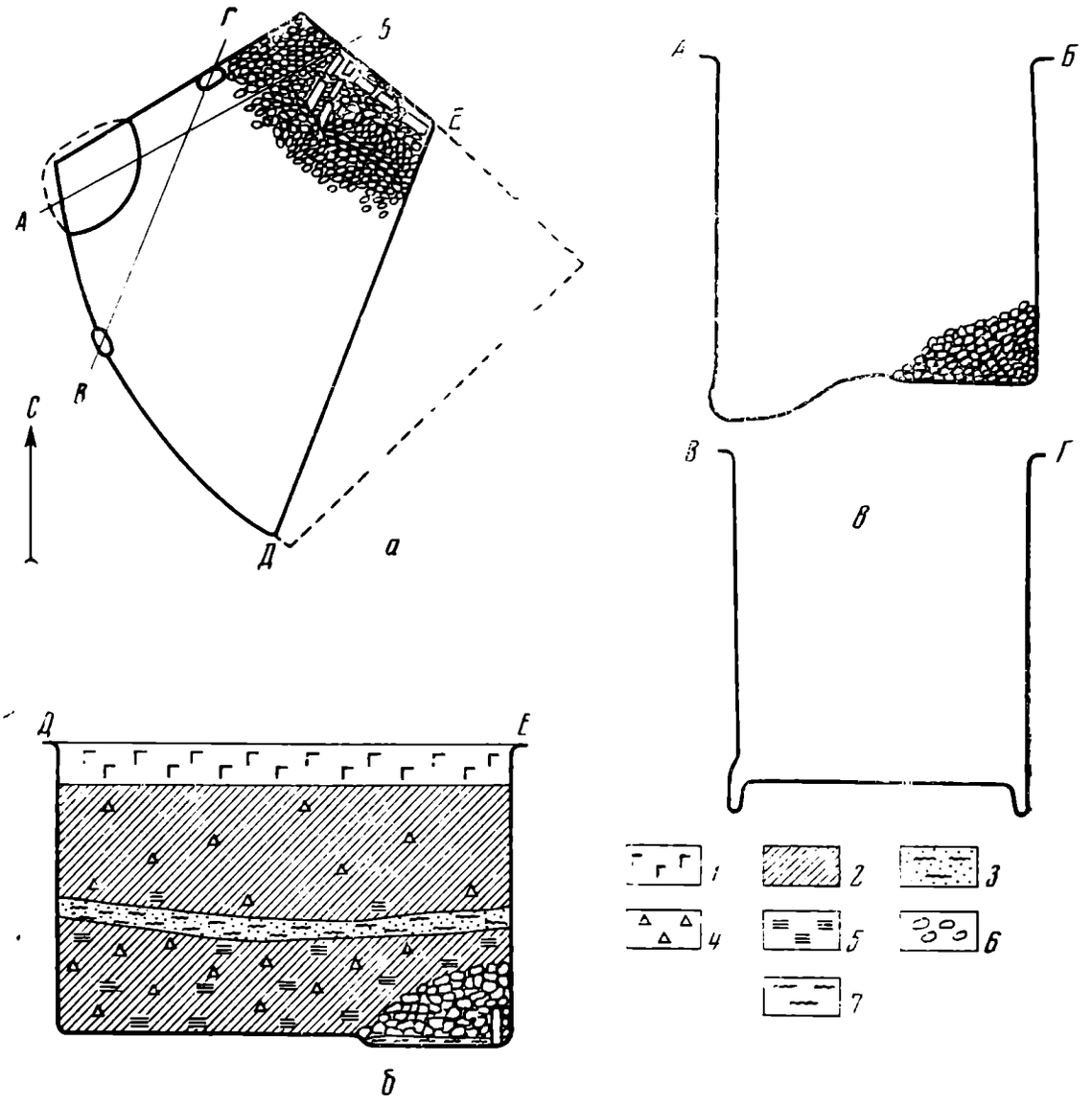


Рис. 1. Полуземлянка № 1

а — план; *б* — профиль; *в* — разрезы. *1* — почвенный слой; *2* — черный слой; *3* — золистый слой; *4* — керамика; *5* — угли; *6* — камень; *7* — зола

Строительство рыборазводных прудов у ст. Богоявленской привело к разрушению большой группы древних памятников, в том числе интересующего нас поселения. Поскольку прекратить землеройные работы на строительстве не удалось, экспедицией были проведены раскопки уже нарушенных объектов и общие археологические наблюдения при разрушении памятника землеройными машинами. Тем не менее, даже в этих неблагоприятных условиях был получен интересный материал.

---

[1] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 157—160.

[2] И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 56.

[3] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 186, 187, рис. 50.

Поселение, представляющее собой степное селище II типа (по С. А. Плетневой) [4], находится в 8 *км* к юго-западу от ст. Богоявленской и в 1,5 *км* от правого берега Дона. Оно расположено между двумя пересыхающими рукавами старого русла р. Кагальник и было окружено в древности болотами и многочисленными протоками. Заселение столь нездоровой местности было, безусловно, вызвано потребностями обороны, функции которой и выполняли протоки и болота. Возвышенность, которую занимало поселение, представляет собой почти правильную площадку размером 200 × 400 *м*. На поверхности из-за плотной задернованности подъемный материал почти полностью отсутствует. Поселение фактически однослойное. Лишь на центральной его части находился небольшой казацкий хутор XIX в. (эта местность и ныне известна под названием Старая Станица) и курган эпохи бронзы. Судя по основной массе находок, поселение относится к VIII—IX вв. Мощность культурного слоя 0,2—0,3 *м*. Северо-восточный угол возвышенности занимал небольшой грунтовой могильник.

На площади поселения нам удалось исследовать два жилища, одно погребение, одно захоронение животных и три хозяйственные ямы. Все они были обнаружены в разрезах строительного котлована. Кроме того, собран керамический материал из ранее разрушенных объектов.

Жилище № 1 (рис. 1), расположенное примерно в центре поселения, представляло собой полуземлянку подпрямоугольной формы. Сохранились лишь западная длинная (3 *м*) и северная короткая (2,4 *м*) стены. Пол плотно утрамбованный, со следами подмазки. В северо-западном углу небольшое углубление (глубина 0,2 *м*, диаметр 0,6 *м*) — хозяйственная яма, уходящая частично под стены жилища. В ней кости животных, фрагменты сосудов, пряслице. Глубина жилища от древней дневной поверхности 0,9 *м*. Заполнение насыщено керамикой, целыми и раздробленными костями домашних животных и рыб, а также углями и золой. На уровне 0,4 *м* от пола прослеживается прослойка упавшей и сгоревшей крыши. У каждой из сохранившихся стен находится по одной ямке от столбов перекрытия жилища. Жилище, видимо, погибло в результате пожара.

В северо-восточном углу обнаружен развал печки-каменки. Трапециевидная в плане, она находилась в небольшом углублении и устьем выходила к центру жилища. Основания боковых и задней стенок печки сложены из плоских массивных камней (длина 20—30 *см*), поставленных на боковые ребра: задняя стенка в один ряд, боковые — в два. Сам корпус печки был выложен из мелких обломков известняка, скрепленных глиняным раствором. Под печки и прилегающие стенки жилища прокалены до ярко-красного цвета.

Жилище № 2 — полуземлянка прямоугольной формы, аналогичная первой. Судя по сохранившимся остаткам стен, котлован жилища имел размеры примерно 3 × 4 *м*. Северо-западный угол обрушился, видимо, при пожаре. В юго-восточном углу находилась печка-каменка, подобная печке из первого жилища как по конструкции, так и по материалу, из которого она сложена. На полу следы подмазки. Глубина котлована полуземлянки 0,8—0,9 *м* от древней дневной поверхности. Оба жилища ориентированы по сторонам света.

Описанные полуземлянки представляют собой жилища с многостолбовой конструкцией, со столбами по середине длинных стен и по углам [5]. Они интересны прежде всего наличием в них печей-каменок, что, по-видимому, может служить доказательством пребывания на селище славянского населения. На Нижнем Дону известно лишь одно поселение с преобладанием полуземлянок с печами-каменками. Это селище у хутора Ближ-

[4] Там же, стр. 19.
[5] Там же, стр. 59, 61.

няя Мельница, обследованное И. И. Ляпушкиным и определенное им как славянское поселение IX в.[6].

Три исследованные хозяйственные ямы располагались компактной группой на расстоянии 10—15 *м* к северо-востоку от первого жилища. Все они круглые в плане, конусовидные, глубиной в среднем 1,5 *м* при

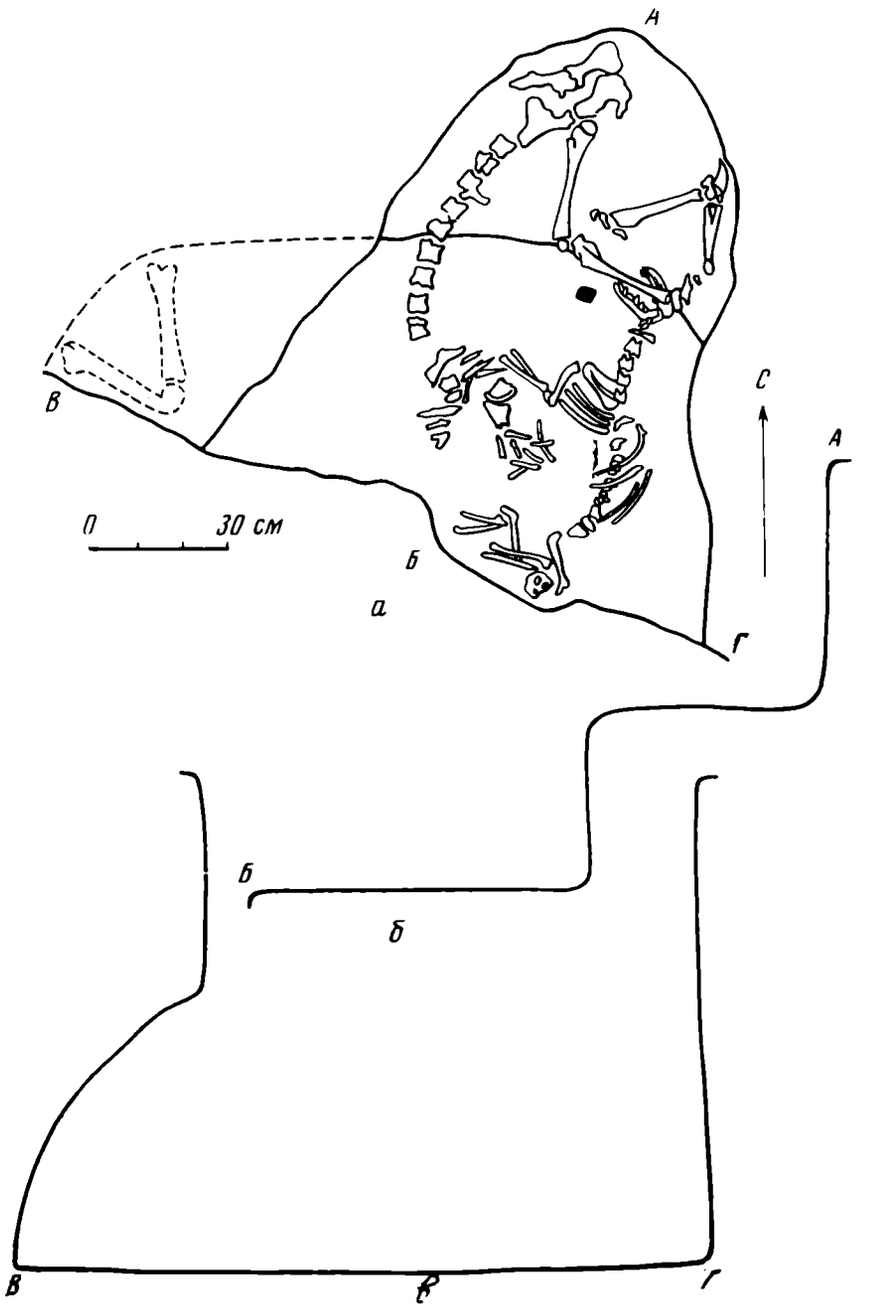


Рис. 2. Захоронение домашних животных;
а — план; *б*, *в* — разрезы

диаметре верхней части 1—1,2 *м*. В заполнении, особенно у дна, находились фрагменты керамики, кости домашних животных и угли от сгоревших перекрытий. Подобные хозяйственные ямы имели широкое распространение на памятниках VIII—IX вв.[7]

Большой интерес вызывает обнаруженное в 2 *м* к северо-западу от полуземлянки № 2 захоронение домашних животных (рис. 2). Юго-западная часть его оказалась уничтоженной, но основная часть потревожена не была. Яма, в которой было совершено захоронение, имела неправильные очертания, проследить которые удалось, начиная

[6] И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. МИА, 62, 1958, стр. 337—347.

[7] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела-Белой Вежи, МИА, 75, 1959, стр. 60, 61; С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 65.

с глубины 0,4 *м* от современной поверхности. На уровне 0,55 *м* частично на ступеньке, а частично на заполнении лежали костяки коровы и собаки. Корова головой на юго-запад, собака на северо-восток, причем задняя нога коровы была плотно зажата челюстями собаки. Здесь же находился небольшой отшлифованный каменный предмет прямоугольной формы (1×3××4 *см*), вероятно, служивший амулетом. Ниже, на дне ямы, на глубине 1,15 *м* головой на северо-восток, т. е. перпендикулярно первым двум костякам, лежал скелет второй коровы, от которого сохранились, однако, лишь отдельные кости. Задние ноги уходили в небольшой подбой. В заполнении встречены фрагменты кухонных горшков с линейно-волнистым орнаментом, обожженные кусочки глины и небольшие камни. Что представляла несохранившаяся часть захоронения — сказать трудно, но если судить по очертаниям ямы, строительный котлован уничтожил лишь ее край. Подобные захоронения (совместно собаки и коровы) на других памятниках VIII—IX вв. как салтово-маяцких, так и славянских до сих пор не встречались. Однако использование собаки и коровы (быка) в качестве жертвенных животных известно по материалам ряда памятников, в числе которых Новотроицкое городище [8], могильник Саркела-Белой Вежи [9], Дмитровский могильник [10]. Расположенное рядом с жилищами, на самой возвышенной части поселения, захоронение домашних животных носило, очевидно, ритуальный характер. В данном случае мы имеем дело с жертвоприношением, связанным с одним из занятий обитателей поселения — скотоводством. Охраняющая стадо собака хватает за задние ноги отбившуюся от стада корову — это типичная сцена скотоводческого быта. Она-то и воспроизведена в странных на первый взгляд позах собаки и коровы.

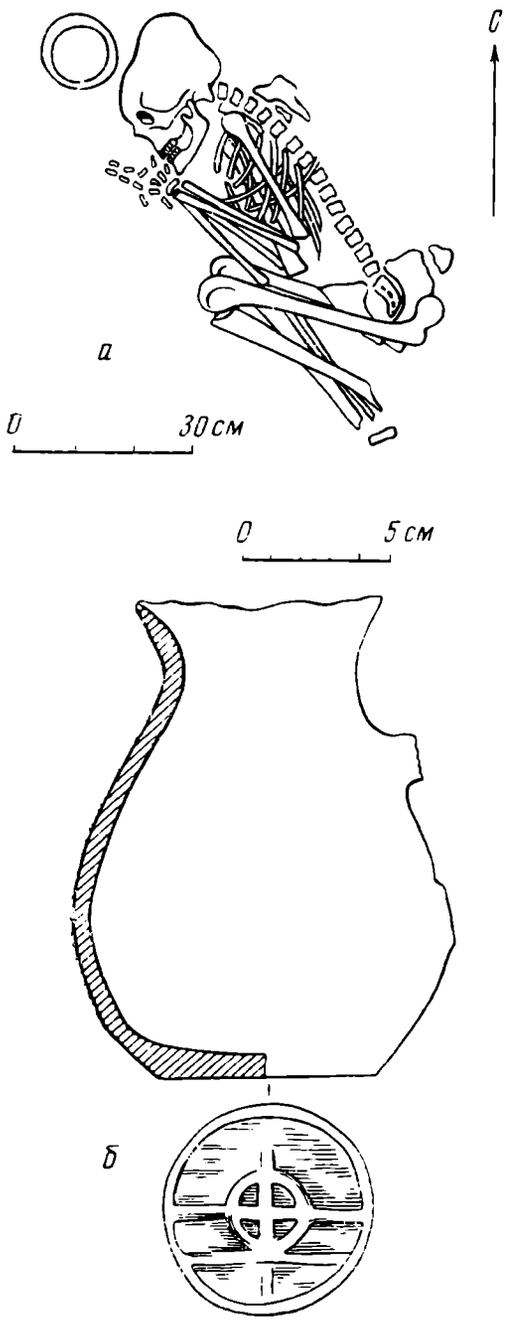


Рис. 3. Погребение женщины:
а — план погребения; б — сосуд из погребения

Обращает на себя внимание тот факт, что для ритуального захоронения использовано животное (корова), характерное, как правило, для оседлого скотоводства, что вполне согласуется с типом встреченных на поселении жилищ.

В 15 *м* к северо-востоку от жилища № 1 на глубине 1,8 *м* было обнаружено погребение женщины, лежащей на правом боку в сильно скорченной позе, головой на северо-запад (рис. 3, *а*). Руки согнуты в локтях и прижаты к груди, кисти рук перед лицом, ноги плотно поджаты к животу. Череп имеет сильную затылочную деформацию. Около головы небольшой черный

[8] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 97, 98.
[9] О. А. Артамонова. Могильник Саркела-Белой Вежи. МИА, 109, 1963, стр. 16—20.
[10] С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. В кн. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 193.

круговой кувшин, изготовленный из теста, типичного для широко распространенных салтово-маяцких круговых горшков с линейно-волнистым орнаментом [11]. На дне кувшина крестообразное клеймо. Небольшая ручка, крепившаяся к тулову, была обломана еще до помещения сосуда в погребение (рис. 3, *б*). Скорченные женские погребения давно известны в могильниках салтово-маяцкой культуры и получили свою интерпретацию [12].

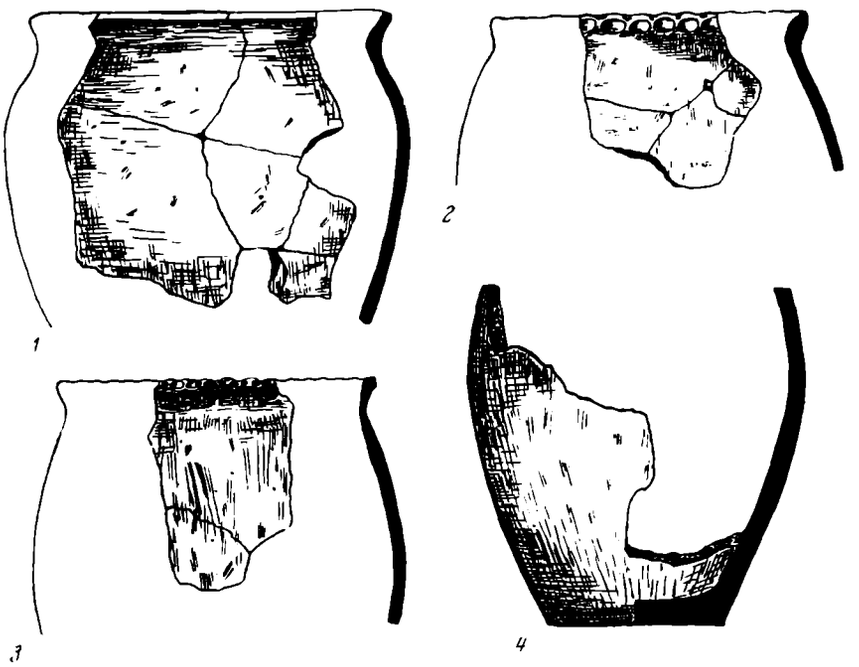


Рис. 4. Лепные горшки

Керамика поселения интересна как по составу, так и по количественному соотношению составляющих ее коллекцию видов. Самой многочисленной и наиболее выразительной группой керамики, определяющей культурный облик поселения, являются славянского типа лепные и частично подправленные на круге горшки с шамотом в тесте. Своими размерами и формами они несколько различаются между собой, что неизбежно при домашнем способе производства посуды, исключающем стандартизацию. Преобладают горшки яйцевидной формы со слабоотогнутым венчиком и туловом, постепенно сужающимся ко дну. Диаметр горловины больше диаметра дна: соответственно 13—15 *см* и 9—10 *см* (рис. 4, *4*) при высоте сосуда 20—25 *см*. Венчики не орнаментированы или украшены пальцевыми впадениями по внешнему краю. Горшки изготовлены из теста самого разнообразного качества, начиная от хорошо промешанного до грубого и комковатого. Отдельные кусочки шамота достигают в поперечнике 3 *мм* и более. Поверхность желто-серая, пятнистая, излом черный. Из общей массы выделяются одиночные фрагменты хорошо прокаленных горшков с аккуратными пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 4, *2*).

---

[11] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 175, 1959, стр. 220.

[12] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 75, 76; О. А. Артамонова. Могильник Саркела-Белой Вежи, стр. 14. Кроме описанного погребения, на восточной части возвышенности, в стенке современного строительного котлована были прослежены остатки около двух десятков грунтовых могил. Визуальное наблюдение дало следующие результаты. Могилы представляют собой простые грунтовые ямы глубиной 1,2—2 *м*, ориентированные длинными сторонами по линии северо-восток — юго-запад, т. е. перпендикулярно ряду погребений. Следы гробов отсутствуют. Погребенные ориентированы головами на северо-восток. На дне погребений мел, угли, изредка фрагменты керамики. Перед нами, возможно, так называемый «зливкинский» обряд погребения. Однако тот факт, что ни одно погребение раскопано не было, не позволяет быть полностью уверенным в предложенном определении могильника и в его связи с поселением.

В развале печки жилища № 1 обнаружены два частично восстановленных горшка, имеющих значительно большие размеры. Диаметр наиболее широкой части (30 *см*) примерно равнялся высоте сосудов (30—35 *см*), а диаметр горла значительно превосходил диаметр дна: соответственно 24—27 и 15 *см*. Поверхность красноватая, бугристая (из-за крупных зерен шамота), тесто грубое, излом черный. Один из сосудов толстостенный, с выделенными плечиками и неорнаментированным слабоотогнутым венчиком (рис. 4,*1*). Второй, наоборот, отличается пологими плечиками и небрежными пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 4,*3*).

Круговая кухонная посуда представлена на поселении небольшим числом фрагментов с линейно-волнистым орнаментом, характерным для степных болгарских памятников [13]. К ней же следует отнести и обломок венчика котла с внутренним ушком. Этот тип керамики известен в различных вариантах на широких пространствах от Подонья до Северного Кавказа [14].

Коллекция столовой посуды очень немногочисленна и состоит из типичных образцов лощеной керамики [15]: серолощеная кружечка с выступом-соском и крестообразным клеймом на дне, обломки чернолощеных сосудов с параллельными и перекрещивающимися линиями, фрагменты серолощеных сосудов и т. д.

Тарная керамика — амфоры с рифленой поверхностью, известные под названием «салтовских» [16],— встречены в виде единичных, хотя и выразительных, обломков, часть которых содержит в тесте мелкий шамот, что характерно для амфор VIII—IX вв.[17]. Редкость амфор замечена и на других степных поселениях Подонья [18]. Внешние торговые связи жителей поселения, надо полагать носили эпизодический характер, что и нашло свое отражение в малочисленности привозной тарной посуды.

Подсчет основных видов керамики поселения дал следующие результаты:

Лепная кухонная 201 (68%), круговая кухонная 63 (21,7%), столовая 21 (7,2%), тарная 5 (1,7%), прочая 4 (1,4%).

Хозяйственная жизнь поселения нашла свое отражение в костных остатках домашних животных и рыб. Масштаб раскопок не позволяет прибегнуть к подсчету количества особей, что может исказить картину состава стада, поэтому мы ограничимся лишь подсчетом количества костей [19].

Крупный рогатый скот 25, лошадь 15, овца 12, собака 2, птица 2, неопределенные 31.

Преобладание костей крупного рогатого скота, а также ритуальное захоронение коров указывают на важное хозяйственное значение этого вида домашних животных. В то же время большое количество костей лошади, мясо которой, следовательно, шло в пищу, свидетельствует о еще сильной местной традиции кочевой жизни.

Кости рыб многочисленны как в первом, так и во втором жилищах. В основном это большие позвонки (диаметром до 4 *см*) рыб осетровых пород. Рыболовство играло в хозяйстве населения, оставившего этот памятник, далеко не последнюю роль, как, впрочем, и на других поселениях бассейна Дона [20].

---

[13] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 106.

[14] Там же, стр. 109, 110; ее же. Керамика Саркела-Белой Вежи. стр. 222, 223; В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 99. 1964, стр. 34—39.

[15] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 114—122.

[16] А. Я. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951. стр. 331.

[17] С. А. Плетнева. Средневековые поселения на Белой Калитве. КСИА, 90, 1963. стр. 41.

[18] И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА. 62, 1958, рис. 336.

[19] Определение произведено научным сотрудником Ростовского музея В. С. Байгушевой.

[20] С. А. Плетнева. Средневековые поселения на Белой Калитве, стр. 40.

Какое же место занимает поселение Старая Станица среди памятников Нижнего Подонья VIII—IX вв.? Материалы раскопок, прежде всего тип жилищ и керамика с шамотом, позволяют достаточно определенно ответить на этот вопрос. Жилища полуземляночного типа с печами-каменками и керамика с шамотом в тесте являются характерными чертами славянской культуры [21]. Конструкция печи из жилища № 1 находит прямую аналогию на ближайшем к территории салтово-маяцкой культуры городище Титчиха — наиболее полно исследованном славянском памятнике бассейна Дона [22]. Особенное сходство обнаруживает печь из полуземлянки № 17, у которой «с трех сторон по краю пода стояли на ребре три почти плоских обтесанных камня» [23]. В салтовских жилищах печи-каменки отсутствуют [24]. Влияние славянских племен на культуру своих южных соседей достаточно известно, но в данном случае можно говорить не о влиянии славян, а об их непосредственном проникновении на территорию Хазарского каганата. С. А. Плетнева по этому поводу пишет: «Широкое распространение полуземляночных жилищ в Подонье, появление жилищ с печами в поселках верхнего и среднего течения Северского Донца объясняется, по-видимому, проникновением славян на территорию алано-болгарских племен. Археологические материалы позволяют говорить, что отдельные славянские отряды продвинулись на Нижний Дон и даже Тамань в конце IX в.» [25].

Поселение у ст. Богоявленской не единственное славянское поселение на нижнем Дону. Как уже говорилось, оно стоит в одном ряду со славянским селищем у хутора Ближняя Мельница, где, по словам И. И. Ляпушкина, основная масса керамических остатков принадлежит сосудам роменско-боршевского типа, изготовленным из глины с примесью шамота, а жилища представлены полуземлянками с печами-каменками [26].

Дав Богоявленскому поселению определение как славянскому, нельзя, конечно, отрицать и наличие местного болгарского населения, однако преобладание славянских элементов в культуре поселения очевидно. Весьма показательно, что на близлежащих памятниках бытовал типичный комплекс салтово-маяцкой керамики, ведущее место в котором занимали круговые горшки с линейно-волнистым орнаментом. На таком фоне славянская культура поселения становится особенно заметной.

Раскопки у ст. Богоявленской еще раз подтверждают проникновение на Нижний Дон отдельных славянских групп еще до похода Святослава 965 г. в общем потоке славянской экспансии VIII — IX вв. на юго-восток [27].

---

[21] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.

[22] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

[23] Там же, стр. 45.

[24] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1968, стр. 98, 99.

[25] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. СА, 1962, 1, стр. 91.

[26] И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница, стр. 340, 341, 345.

[27] Там же, стр. 347; В. В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, стр. 18.

В. К. ТРУММАЛ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ТАРТУ И ПОХОД КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА В 1030 г.

Среди городов восточной Прибалтики в письменных источниках ранее других упоминается Тарту (древнее название Юрьев). Он находится в юго-восточной Эстонии на самой высокой возвышенности заболоченной

луговой поймы р. Эмайыги (рис. 1). Через него проходили торговые пути, соединявшие южноэстонские и латвийские области, а также ремесленные центры Пскова и Новгорода с гаванями северной Эстонии и Балтийским морем. Поэтому понятно стремление русских князей в связи с возникновением и укреплением Древнерусского государства овладеть землями юго-восточной Эстонии в целях укрепления торговых связей и получения дани от местного населения. Об этом довольно подробно сообщают русские летописи.

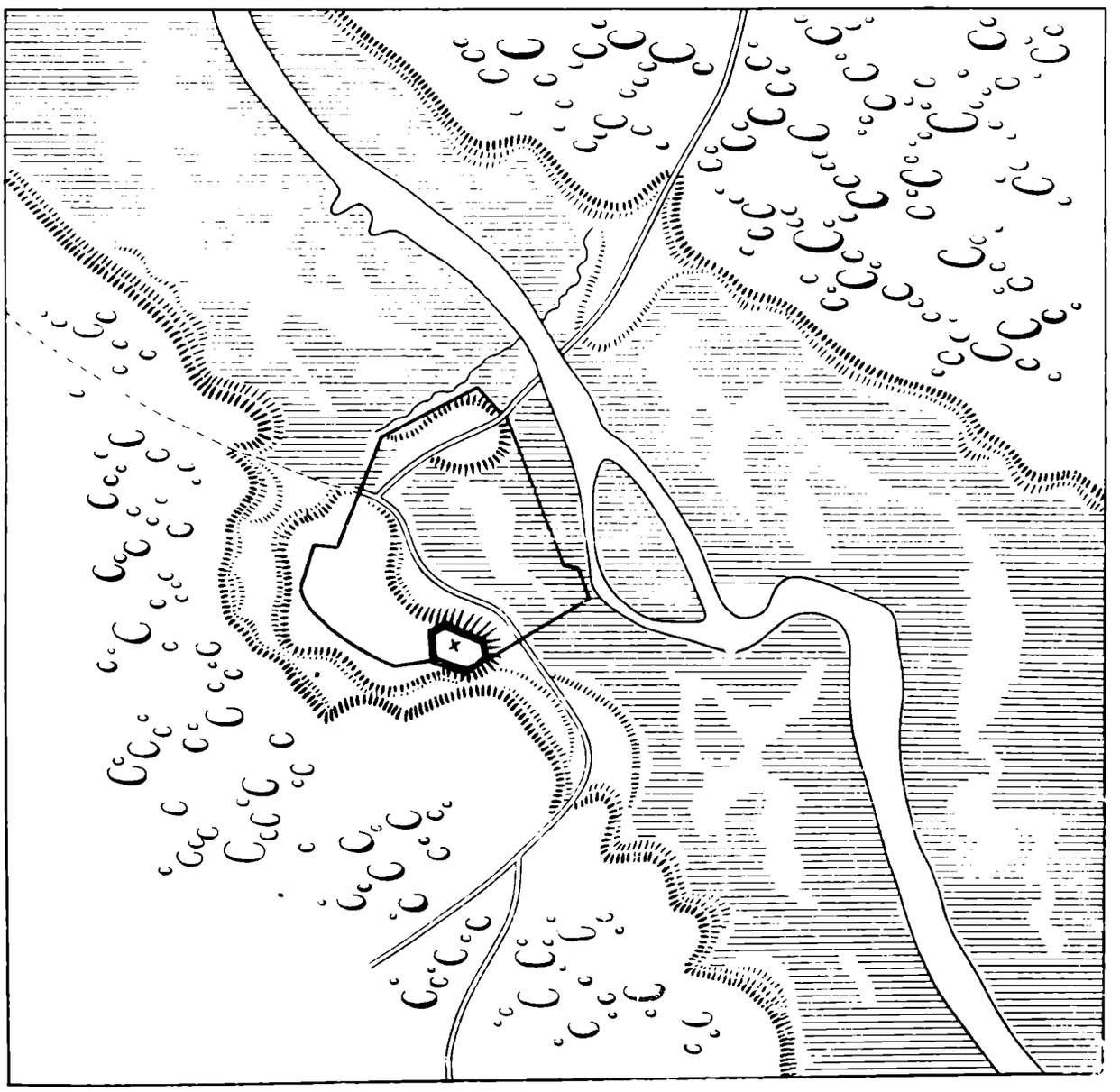


Рис. 1. Расположение древнего города и городища (×) в Тарту

В этот период на территории Эстонии в связи с дальнейшим развитием пашенного земледелия, скотоводства и в особенности ремесла возникли зачатки классового общества. Появились многочисленные укрепленные городища, на месте которых образовался целый ряд поселений городского типа: Тарту, Отепяэ, древний Таллин, Вильянди и др. Обострилась межплеменная рознь, участились столкновения с соседними племенами, в частности с варягами. Эсты не только оборонялись от варягов, но и сами предпринимали походы на о. Готланд, в прибрежные районы Швеции и Дании. Примерно такой же характер носили отношения между эстонскими и славянскими племенами. В то же время происходил и торговый обмен между ними, в частности с Новгородом и Псковом [1].

[1] В. К. Труммал. Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII века. Автореф. канд. дис., Тарту, 1955.

В такой исторической обстановке в 1030 г. состоялся известный по «Повести временных лет» поход князя Ярослава в юго-восточную Эстонию. Летописец говорит по этому поводу: «.... иде Ярослав на чюдь, и победи я, и постави град Юрьев» [2].

До недавнего времени мы не имели археологических данных, освещающих историю возникновения и развития города Тарту. Очень скудны и сообщения письменных источников, во всяком случае до XVI—XVII вв. Кроме упомянутого летописного известия и «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, которые сообщают главным образом о политических событиях, касающихся Тарту в начале XIII в., нет почти ничего достойного внимания. Поэтому несомненный интерес представляют археологические раскопки 60-х годов на территории Тарту [3].

Не имея возможности в этой короткой заметке подробно рассмотреть результаты раскопок, мне хотелось бы все же обратить внимание на те археологические данные, которые, по нашему мнению, проливают свет на период русского владычества, а также на условия и время возникновения самого города.

До сих пор историки придерживаются традиционного мнения, что город Тарту впервые был основан князем Ярославом. Однако археологические свидетельства позволяют по-новому подойти к этому вопросу. Термин летописца «постави град», говорящий в данном случае об основании города Юрьева, означает, по мнению Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина и других советских историков, городище (укрепление), а не город. Результаты наших раскопок на городище Тарту подтверждают это мнение. Нам кажется, что именно городище Тарту было в первую очередь связано с событиями, происходившими в первой половине XI в.

При раскопках городища были выявлены четыре строительных горизонта, четко отразившихся в разрезе вала, особенно внешнего его склона [4]. Самый древний период существования городища начинается, по всей вероятности, с середины I тысячелетия н. э. и продолжается до VII—VIII вв. В слое этого периода были представлены фрагменты лепной керамики разных типов, в том числе незначительное количество текстильной и штрихованной керамики, характерной как для эстонских, так и для славянских древностей первой половины I тысячелетия н. э. [5]

Второй строительный горизонт отложился, по-видимому, во второй половине I тысячелетия, когда насыпь вала была укреплена с внешней стороны слоями речного ила, хвороста, бересты и глины. Для этого периода также была характерна лепная керамика — сосуды баночной формы, на шейке у которых, обычно под венчиком, имеются круглые отверстия. Многочисленны также черепки с хорошо заглаженной поверхностью, принадлежавшие мискообразным лощеным сосудам с резко выраженной, остроребернностью плечиков [6]. Керамика, изготовленная на гончарном круге, не встречена. Лепная посуда по общим признакам аналогична керамике из других поселений и могильников Эстонии этого времени. Все сооружения второго строительного периода погибли во время пожара.

Результаты изучения третьего строительного горизонта свидетельствуют о том, что после пожара был расширен северный конец городища, насыпь вала вновь укреплена толстым слоем песка и глины. По-ви-

---

[2] ПВЛ, ч. 1, М.— Л., 1950, стр. 101.

[3] V. Trummal. Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel. (Резюме на русском и немецком языках). Уч. зап. ТГУ, 161, Тарту, 1964.

[4] V. Trummal. Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel, стр. 24, рис. 6*а* и 6*б*.

[5] Там же, стр. 37, 38, табл. II *a, b, c*.

[6] Там же, табл. II *d—e;* табл. III *a—n*.

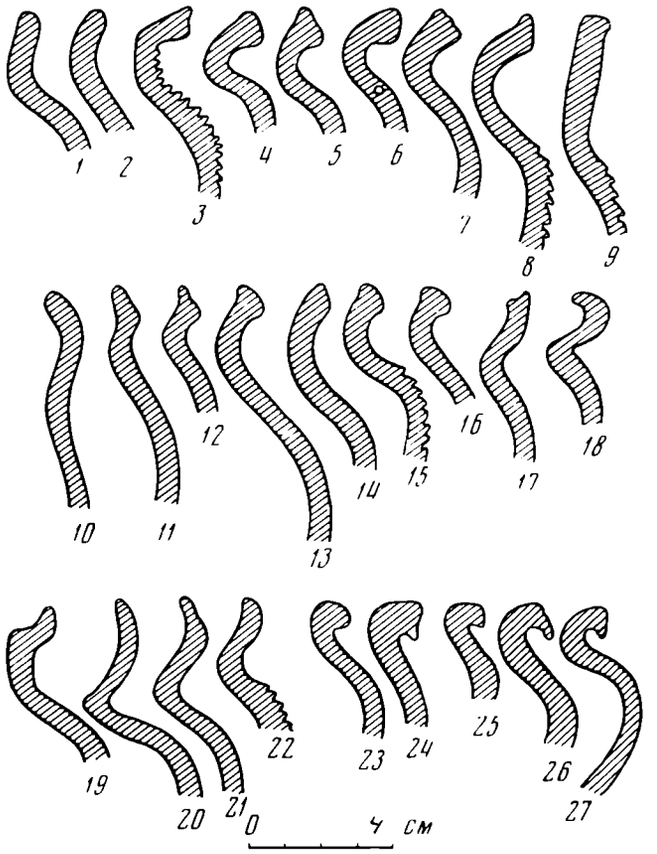


Рис. 2. Профили сосудов из раскопок в Тарту

димому, были обновлены и все деревянные защитные сооружения, хотя от них сохранились только обугленные остатки и толстый слой золы и угля, перекрывающий слой третьего периода[7]. Из этого следует, что все постройки и защитные сооружения третьего строительного периода также погибли в результате пожара.

Материал этого слоя характеризует культуру, облик которой во многом отличается от культуры предшествующего горизонта. Подавляющую массу находок составляли уже черепки гончарной посуды, аналогичной керамике древнего Новгорода конца X и первой половины XI в. (рис. 2, *1—9*; 3, *9—11, 15, 16)*. При классификации круговой керамики из Тарту автор опиралась на предварительную классификацию новгородской керамики, сделанную Г. П. Смирновой[8]. Нужно отметить, что характерная для Новгорода керамика начала и середины XI в. довольно широко представлена на городище Тарту, в то время как на других городищах и в могильниках Эстонии она нигде не встречается. Это является весьма существенным признаком связи населения Тарту с русскими ремесленниками, купцами или поселенцами через которых гончарные изделия русского происхождения распространялись здесь. Возможно, эта керамика послужила образцом для эстонских гончаров, так как с конца XI в. и в следующем столетии гончарная посуда распространилась у эстов повсюду.

Среди других находок из третьего горизонта отметим железные наконечники стрел[9]. Они аналогичны наконечникам стрел из древне-русских памятников, в особенности дружинных курганов. Они достаточно характерны и для Новгорода[10].

В то время наконечники стрел данных типов не были известны в других местах Эстонии, исключая городища Отепяэ на юго-востоке Эстонии и Варбола на северо-западе, где, как и в Тарту, в XI и XII в. имели место столкновения с русскими княжескими войсками. Между прочим, в верхних слоях вала городища Тарту было обнаружено много арбалетных наконечников стрел немецкого происхождения, которые свидетельствуют о битвах между эстами и немецко-датскими рыцарями в 1224 г., когда городище, а затем и вся страна были завоеваны немцами.

Из находок древнерусского происхождения на городище Тарту можно назвать еще пряслице из розового шифера, которых на территории Эстонии найдено всего два экземпляра (второе происходит из северо-западной Эстонии). В комплекс предметов, изготовленных в русских ремесленных

---

[7] V. Trummal. Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel, стр. 24, рис. 6*a*.

[8] Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 228—248.

[9] V. Trummal. Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel, табл. XII, *a—h*.

[10] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, рис. 13, *9, 10;* 14, *11;* 15, *4*; там же указана и соответствующая литература.

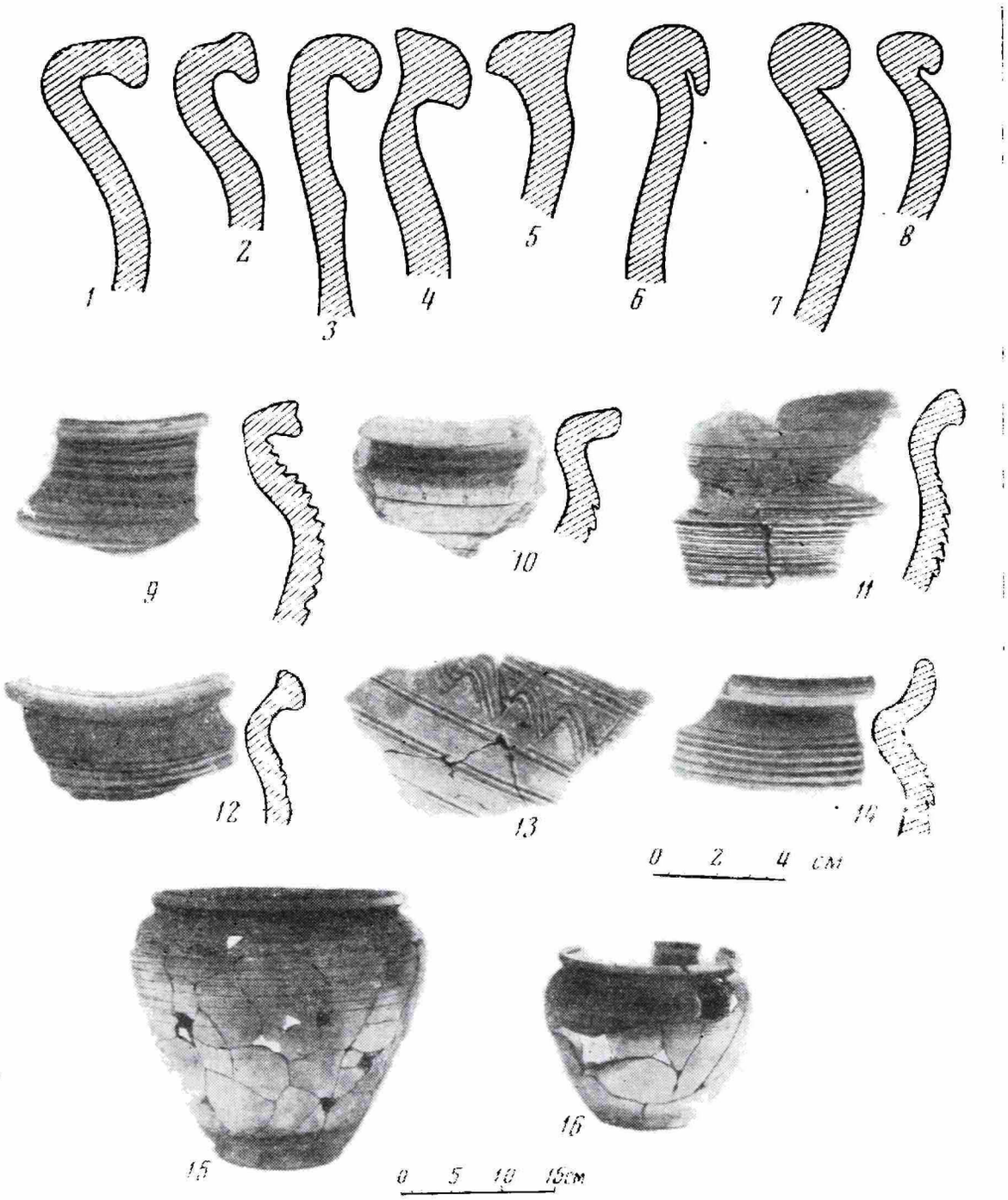


Рис. 3. Керамика из раскопок в Тарту

центрах, входит ряд витых бронзовых браслетов, возможно, два гребня из кости, а также некоторые ключи и замки так называемого киевского типа [11]. Несколько черепков красно-глиняных амфор домонгольского времени, по-видимому южнорусского происхождения, могли попасть в Тарту именно через русских. Амфоры такого типа не встречаются нигде на территории Эстонии, кроме Тарту.

Приведенные здесь материалы позволяют сделать вывод, что остатки третьего строительного периода могут быть связаны с русским поселением 30-х годов XI в. и что защитные сооружения, а пожалуй, и остальные постройки городища могли погибнуть, вероятнее всего, в результате пожара 1061 г. Согласно Псковской летописи, весной 1061 г. эстонские крестьяне (соссолы) сожгли Юрьев и находящиеся близ

[11] V. T r u m m a l. Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel. табл. X, *m*, *n*; XI *i*; IX *a*, *c*, *d*.

него деревни [12], чтобы уничтожить власть местных князьков, а также, по-видимому, свергнуть владычество русского князя. Эти сведения указывают на 30-летнюю связь Юрьева с древне-русскими властями и, вероятно, с некоторыми русскими ремесленниками, купцами, разными княжескими чиновниками, которые могли пребывать здесь в связи с установлением русской княжеской власти. Некоторые ученые, в том числе Х. А. Моора, в свое время высказывали предположение, что Тарту мог быть в то время чем-то вроде вотчины русского князя [13]. По-видимому, жившим здесь русским чиновникам построили и соответствующие дома — «хоромы», которые упоминаются в той же летописи.

Эти летописные данные являются основой для понимания и объяснения наличия в Тарту материальной культуры древнерусского происхождения, в частности гончарной керамики новгородского типа первой половины XI в., которая в то время в других пунктах Эстонии вообще не была известна. Между прочим, характерная для Новгорода керамика XI в. не найдена пока и в древней части Тарту, хотя более поздние типы (XII—XIV вв.; рис. 2, *10—27*) там представлены. Это еще раз подчеркивает связь именно Тартуского городища с историческими событиями 30—60-х годов XI в.

Когда же возник Тарту? Есть ли археологические доказательства, что возникновение городского поселения на месте Тарту связано с деятельностью русских князей? Археологические раскопки в древней части города до сих пор велись в очень незначительном масштабе и не в самом центре древнего города. Однако ряд фактов свидетельствует о существовании местного ремесленного поселения на месте Тарту задолго до похода князя Ярослава. На территории города и его окрестностей найдено свыше 20 кладов серебряных украшений и монет, в большинстве своем арабских дирхемов IX—X и начала XI в. Среди монет есть и англо-саксонские XI—XII вв.[14] Кроме кладов, известен целый ряд вещей, найденных во время раскопок и при разных земляных работах в древней части города: характерные для эстов X—XI вв. остатки деревянных сосудов, кожаной обуви, бронзовые украшения, керамика, две могилы того же времени и т. д.[15] Следовательно, до прихода князя Ярослава здесь уже было городское поселение эстов. Несомненно, что при Ярославе и после него город развивался и рос, укреплялись и культурные связи с Русью. Об этом можно судить по найденным в древней части города черепкам разных типов глиняных сосудов, аналогичных керамике Новгорода и Пскова XII—XIII вв. (рис. 2, *10—22*). Такая же керамика представлена на городище в слое IV строительного периода. По археологическим данным, экономические и культурные связи с Новгородом и Псковом продолжались и в течение XIII—XV вв.

В городе и в верхних слоях городища среди остатков замка немецкого епископа найдена керамика XIV—XVI вв., характерная для Новгорода и Пскова (рис. 2, *23—27*; 3, *1—8*). Но подавляющую массу сосудов в этот период составляет импортная керамика из западных, в частности рейнских, областей, а также местная посуда, отражающая сильное влияние немецкой[16].

По письменным источникам известно о существовании торговых отношений между Тарту и Новгородом в XIII—XV вв., так как оба города были связаны с Ганзейским союзом, основанным в конце XIII в. В этом сою-

---

[12] НIЛ. М.— Л., 1950, стр. 183, под 6568 г.

[13] Н. Моора. Eesti-vene suhteist IX—XIII sajandil. Teaduslik sessioon 1947 ENSV Teaduste Akadeemia ühiskonnateaduste osak. istungid. Tartu, 1948, стр. 34—35.

[14] Е. Tõnisson. Eesti aardeleiud. Muistsed kalmed ja aarded. Tartu, 1960, стр. 199, 200.

[15] Вещи находятся в Тартуском городском музее.

[16] Более детальный анализ древней керамики Тарту дается автором в статье о раскопках древнего Тарту в 1966 г., Уч. зап. ТГУ, 258, стр. 15—22.

зе Тарту играл важную роль, судя по документам Ганзейского союза, в которых он всегда упоминался на втором месте вслед за Ригой[17].

Интересен еще один вопрос: каково было положение русского населения города после прекращения в Тарту русского владычества? Летописец говорит, что их... «хоромы пожгоша». По более поздним сведениям, в Тарту, в заречье, на левом берегу р. Эмайыги на Холме был основан русский пригород. Источники же XV—XVI вв. говорят и о существовании «русского конца» в Тарту, на правом берегу реки[18]. Есть основание думать, что оба названные поселения были тесно связаны между собой, но когда они возникли, мы пока не знаем.

Источники XV в. характеризуют «русский конец» как юридически самостоятельное поселение, которое имело свою администрацию, торговый двор и церковь[19]. О своей администрации «русского конца» свидетельствует и найденная во Пскове юрьевская печать XV в., опубликованная В. Л. Яниным[20]. В. Л. Янин отмечает, что эта печать доказывает существование церкви в «русском конце» Юрьева, так как символика печати связана со святым Георгием, под патронажем которого должна была находиться церковь. Последняя должна была стоять в центре общественной и церковной жизни «русского конца», а по-видимому, и всего русского пригорода. Есть доказательства, что церковь находилась именно в пригороде. О церкви святого Георгия в Юрьеве на левом берегу реки, а следовательно в русском пригороде, рассказывает русский митрополит Исидор, который в 1436 г. путешествовал из Москвы через Юрьев на церковный собор во Флоренцию[21]. Следовательно, существование в русском пригороде церкви святого Георгия, который был покровителем князя Ярослава, можно считать доказанным. Отсюда можно предположить, что возникновение русского пригорода, а возможно, и «русского конца» в Юрьеве относится ко времени князя Ярослава.

Археологическими доказательствами последней гипотезы являются некоторые интересные находки. Недалеко от русского пригорода, в заречье, найдена одна редкая монета XI в. кн. Ярослава с изображением святого Георгия Победоносца[22]. Там же найден и ценный клад, содержащий серебряные украшения начала XII в.[23]. По мнению М. Х. Шмидехельм и Е. Ю. Тыниссон, некоторые из этих украшений изготовлены в каком-то русском ремесленном центре. Украшения найдены в своеобразном серебряном сосуде, происхождение которого А. В. Банк считает византийским[24]. Эти находки являются бесспорным доказательством существования торговых связей Тарту с Древней Русью, но вместе с тем говорят и о более раннем заселении данной местности, чем это предполагается по письменным источникам. Более достоверный ответ на высказанную гипотезу могут дать только археологические раскопки в «русском конце» и «русском пригороде» Тарту, которые, к сожалению, до сих пор еще не производились.

---

[17] O. Freymuth. Tartu linn ordu ajal. Koguteos Tartu. Tartu, 1927, стр. 18.

[18] Festi NSV ajalugu II. Tallinn, 1937, стр. 313.

[19] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, № 78, стр. 133.

[20] В. Л. Янин. Вислые печати Пскова. СА, 1960, № 3, рис. 60, *50, 51, 54.*

[21] Geschichtlicher Nachweis der zwölf Kirchen des alten Dorpat (zum Theil aus nach unbenutzten archivalischen Quellen) von Wilhelm Thrämer. Verh. der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 111, 11. Dorpat, 1896, стр. 26.

[22] V. Trummal. Slaavi-vene elemendid Kagu-Eesti materiaalses kultuuris (kuni XIII saj, alguseni). Уч. зап. ТГУ, 87, 1960, стр. 30; А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением Св. Георгия Победоносца. СПб., 1860, стр. 43—47, табл. В, *2.*

[23] M. Schmiedehelm. Ein Depotfund aus Tartu. ESA, IV, стр. 263—271; E. Tõnisson. Eesti aardeleiud, стр. 275—281

[24] А. В. Банк. Серебряный сосуд из так называемого Тартуского клада. «Muistsed kalmed ja aarded». Tallinn, 1960, стр. 275—281.

В. Д. БЕЛЕЦКИЙ

КЛЕЙМА И ЗНАКИ НА КИРПИЧАХ XII в. ИЗ ЦЕРКВИ ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО В ПСКОВЕ

В 1965—1966 гг. Псковская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, продолжая исследования на территории Довмонтова города в Пскове, обнаружила и в основном раскрыла древнейший памятник архитектуры города — церковь Дмитрия Солунского. Как сообщают псковские летописи, церковь эта была сооружена в 1143 г. из камня «с кирпичем» [1] и перестроена затем в 1523—1524 гг. из одного камня.

Во время строительных работ 1523—1524 гг. древняя постройка была почти полностью разобрана. Остались лишь сложенные из валунов фундаменты стен и столбов с сохранившимися на них одним-двумя рядами кладки из грубо отесанных плит местного известняка, скрепленных известковым раствором с примесью цемянки. Поверх остатков древнего храма, повторяя его план, лежали фундамент и нижние части стен церкви XVI в. высотой до 1,8 *м*.

У древнего храма, в кладке его престолов и «горнего места», были обнаружены сохранившиеся ряды древнего кирпича (плинфы), чередующиеся с рядами нетолстых известняковых плит. Находившиеся в кладке кирпичи имели размеры: 30,5×23×5,5; 31×23,5×4,5; 31,2×24,6×5; 32,5×24,3×5; 32,2×24,2×4,7; 33×23×4,7 *см*.

Заполнение храма составлял мощный слой строительного мусора, образовавшегося в результате разборки древней церкви. В него входили битая известняковая плита, многочисленные обломки плинфы и разрушившийся раствор.

Обследование древних кирпичей показало, что все они были изготовлены из плохо промешанной глины, иногда с включением кирпичной крошки. В изломе отдельных кирпичей встречаются мелкие пустоты и угольки. Формовались кирпичи в деревянных рамах и затем раскладывались на земле для просушки на открытом воздухе. Площадка, на которой размещались кирпичи, не всегда прометалась, вследствие чего на одной из постелей плинф встречались отпечатки палочек, веток, веревок. На многих кирпичах сохранились следы капель дождя, выпавшего, по-видимому, вскоре после укладки плинфы для просушки. На некоторых обломках древних кирпичей были обнаружены клейма и знаки; на двух зафиксированы граффити (рис. 1) [2].

Всего удалось выявить и учесть 27 обломков плинф с сохранившимися на них клеймами и 19— со знаками. И клейма, и знаки нанесены на постелистой части кирпичей, по-видимому, вскоре после того, как кирпичи были отформованы.

---

[1] Псковские летописи, II. М.— Л., 1955, стр. 227.

[2] В существующей литературе нет единого мнения о том, что следует называть знаком на кирпиче, а что клеймом. Например, И. М. Хозеров термином «знак» определяет выпуклые изображения, образованные на кирпиче формовочным ящиком, на одной из внутренних стенок которого вырезана матрица знака; под термином «клеймо» он понимает изображение, оттиснутое специальной матрицей-штампом, и, таким образом, утопленное в тело кирпича (И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества. Научные известия Смоленского университета. V. 3. 1929). А. М. Щербак термином «знак» обозначает изображения, нанесенные на поверхность керамики и кирпичей острым инструментом по сырому или обожженному тесту (А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. МИА, 75. 1959). М. К. Каргер термином «клеймо» обозначает изображения, оттиснутые специальным штампом и образованные формовочным ящиком. В нашей заметке под термином «клеймо» мы будем разуметь все изображения, отпечатанные на еще сырой поверхности кирпича матрицей-штампом; термином «знак» будем обозначать изображения, оставленные на поверхности кирпича (тоже по сырой глине) каким-нибудь острым инструментом или иногда просто пальцем. Все изображения, нанесенные на поверхность кирпича после его обжига, мы будем называть общепринятым термином «граффити».

Рис. 1

1—7 — знаки, *8—9* — граффити, *10—16* — клейма

Клейма, оттиснутые различными штампами-матрицами, которых можно насчитать не менее семи, представляют собой в основном прямоугольные вдавления различной глубины, на ровной площадке которых помещены рельефные изображения. Только три клейма, происходящие от двух матриц, представляли собой вдавления сложных очертаний.

Отдельные вдавления оказались покрытыми пылевидным красным порошком. По-видимому, мастер перед тем, как сделать оттиск-клеймо, посыпал порошком выбранное для этого место на кирпиче, чтобы предохранить свою матрицу от загрязнения.

Рельефные изображения в клеймах по своему рисунку различны. Одни похожи на лиру со стилизованным трехлистником в центре композиции (размер клейма 7,5 × 4,3 *см*, рис. 1, *10*), другие представляют собой композицию, напоминающую монограмму (размеры клейма 5,6 × 4 *см*, рис. 1, *11*), третьи как бы повторяют очертания рыбы с вкомпанованным в рисунок кругом, расчлененным геометрическими фигурами (размер клейма 9,6 × 5,1 *см*, рис. 1, *12*).

Наибольшее количество клейм в собранной коллекции имеет изображение так называемого «двузубца» с отогнутыми в сторону концами (рис. 1, *14—16*). Клейма с такими изображениями были оттиснуты тремя матрицами-штампами, хорошо различимыми между собой по размерам и по деталям, дополнявшим основной рисунок. На клеймах, оттиснутых двумя матрицами (рис. 1, *14*, *15*), отросток у «двузубца» был раздвоен и имел якоревидное окончание. У клейма, нанесенного третьей матрицей, подобный отросток завершался отрезком прямой, образующей с ним перевернутую букву «Т». Кроме этого, изображения на двух первых клеймах дополнены: на одном — валиком внутри вилки, повторяющим ее очертания, и двумя буквами — «Н» и «N», помещенными справа, около якоревидного окончания, на другом — только одной буквой «N», также помещенной справа, у обреза клейма.

На первый взгляд может показаться, что оба эти клейма оттиснуты одной матрицей, и недостающие детали на отдельных оттисках являются результатом некачественного клеймения. Однако внимательное сличение клейм подтверждает происхождение их от различных матриц (размеры клейм 5,2 × 4, 7 и 4,9 × 4,8 *см*; рис. 1, *14*, *15*).

Близость в начертаниях изображений на клеймах дает основание предполагать между ними преемственную связь. Об этом же говорят и редко встречающиеся на клеймах буквы: «N» отмечена на двух клеймах, «Н» — только на одном типе клейма. На третьем клейме основной рисунок дополнен тремя точечными углублениями, расположенными — одно внутри вилки и два по бокам отростка (размеры клейма 3,5×2,9 *см*; рис. 1, *16*).

Не останавливаясь на значении всех типов обнаруженных клейм, отметим, что двузубцы, изображенные на трех из них, относятся к кругу княжеских знаков, к так называемым «знакам Рюриковичей», хорошо известным по печати Всеволода (Андрея) Ярославича, по товарным пломбам из Дрогичина, по клеймам на гончарных сосудах из Канева, Вышгорода и Родни, по княжескому знаку на перстне-печати из городища Княжа Гора, по клейму на кирпиче из Борисоглебской церкви на Смядыни близ Смоленска, по клеймам на кирпичах из Киева [3].

Знаки, встреченные на кирпичах, представлены отдельными короткими прямыми линиями, а также сочетанием прямых и скругленных линий, быть может, образующих какую-то надпись, остатки которой дошли до нас на сохранившемся обломке кирпича (рис. 1, *7*). На ряде плинф знаки представлены буквами «Л» (рис. 1, *6*), «Δ» (рис. 1, *2*), «N» (рис. 1, *1*). На од-

---

[3] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI. 1940, стр. 227—257; А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. Изв. Отд. гуманит. наук, 1930, 3, стр. 105.

ном кирпиче обнаружен знак в виде буквы «С» (рис. 1, *3*), нанесенный либо широкой палочкой, либо пальцем. По-видимому, пальцем был прочерчен знак, изображенный на рис. 1, *5*. Граффити на кирпичах имели в одном случае вид двух параллельных прямых (рис. 1,*8*), в другом — какой-то частично

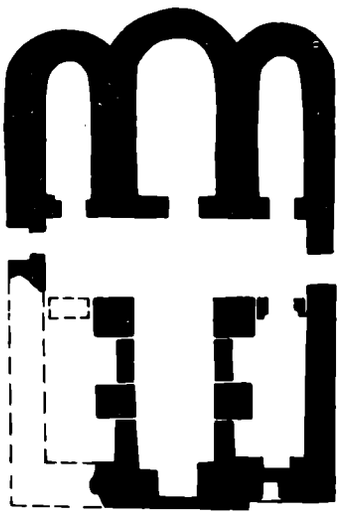


Рис. 2. План церкви Успения с Торговища (1135 г.)

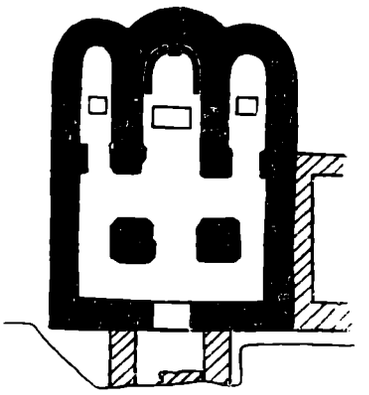


Рис. 3. План церкви Дмитрия Солунского. XII в.

сохранившейся геометрической фигуры, усложненной точечными углублениями (рис. 1, *9*). Оба граффити нанесены на обожженные кирпичи до того как их уложили в кладку.

Знаки, а тем более граффити, не дают нам ответа на вопрос, кем они были прочерчены. Вполне возможно, что часть их оставлена лицами, принимавшими непосредственное участие в формовке кирпичей. Зато отмеченные среди них буквы являются свидетельством распространения грамотности среди населения города.

Однако если знаки и граффити в какой-то своей части лишь предположительно могут быть связаны с людьми, создававшими плинфы, то обнаруженные клейма безусловно принадлежали непосредственно мастерам-плинфоделателям, в чьих мастерских изготовлялся строительный материал для сооружения одной из древнейших построек Пскова.

Изготовлялась ли обнаруженная плинфа приглашенными мастерами или ее делали местные псковские ремесленники? На этот вопрос имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники ответа не дают. Некоторые данные для решения поставленного вопроса как будто бы содержатся в материалах раскопанной церкви и прежде всего в самих плинфах.

По своим размерам, замесу глиняного теста и обжигу псковская плинфа отличается от кирпичей этого времени, известных в других древнерусских городах (Киев, Чернигов, Смоленск, Рязань и др.). На это же указывают и обнаруженные на плинфах клейма, либо не имеющие себе прямых аналогий среди памятников этого рода, либо вообще встречающиеся впервые. По своему облику плинфы из церкви Дмитрия Солунского, пожалуй, ближе всего стоят к древним кирпичам новгородских построек.

В существующей литературе, как известно, местоположение центра плинфоделания для северо-западной территории Древнерусского государства исследователи связывают с Великим Новгородом [4], крупнейшим после Киева городом, ставшим в XII в. экономическим и политическим центром обширной и могущественной боярской республики.

Упоминаемые летописями многочисленные памятники каменного зодчества этого времени, для сооружения которых, кроме местного камня-известняка, изготовлялись кирпичи, свидетельствуют о существовавшем

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 358.

в Новгороде хорошо налаженном производстве плинфы. Сходство псковской и новгородской плинф дает основание полагать, что мастера, формовавшие кирпичи для церкви Дмитрия Солунского, были представителями единого центра плинфоделания. Сказанное подтверждается и остатками храма, обнаруженного раскопками.

Если сравнить церковь Дмитрия Солунского с памятниками культового зодчества XII в., известными на территории Новгородской земли, то ближайшей аналогией раскрытому храму, как бы его прототипом, окажется церковь Успения на Торгу, построенная в Новгороде в 1135 г. (рис. 2). При сопоставлении этих церквей обнаруживается единство в пропорциях их абсид и в соотношениях алтарных частей к подкупольным пространствам храмов. В свете приведенных сопоставлений четырехстолпная церковь Дмитрия Солунского в Пскове представляет в своем плане сокращенную схему Новгородского шестистолпного храма Успения (ср. рис. 2 и 3).

Сказанное выше определяет всю важность раскрытого в Пскове памятника. Его древние кирпичи, сохранившие на себе клейма ремесленников, не только пополняют корпус личных знаков русских мастеров-плинфоделателей. Они дают новые сведения по организации строительного дела в Новгородской земле.

Особую ценность среди материалов раскопанного храма представляют кирпичи с княжескими знаками на клеймах. Несмотря на многолетние раскопки в Новгороде, мы до сих пор не знали здесь клейм ремесленников на кирпичах, не говоря уже о княжеских знаках на них. Это дало основание высказать мысль о том, что в тех городах, где власть приднепровских князей была слабее, где у них не было прочно заведенного хозяйства, там строительство зданий производилось вольными артелями — «дружинами», там не было и княжеских знаков на кирпичах [5]. В качестве примера исследователи приводили города Новгород, Псков, Полоцк [6]. Княжеские знаки, обнаруженные на клеймах псковских кирпичей, теперь существенным образом меняют высказанную точку зрения.

Сделаем попытку разобраться в принадлежности княжеских знаков, открытых на кирпичах из церкви Дмитрия Солунского. Летописи дают разноречивые сведения о строителе храма. Одни из них, наиболее полно представленные в Первой Псковской летописи и в так называемом Копенгагенском сборнике, рассказывают, что: «В лѣто 7032 (1524 г.— *В. Б.*). Поставлена бысть церковь каменая святыи мученикъ христовъ Дмитреи, новая, в Домантове стене; ...а старая церковь первая бысть во Пскове каменая с кирпичем, а поставил ее благоверный князь Авед, нареченый во святем крещении Дмитреи, а мощи его лежать у святого Спаса на Мирожи, на лѣвои стране под стеною; а стояла первая церковь в Домантове стене великомученик христовъ Дмитреи 400 лѣть без 20» [7].

Эти сведения, дающие не только имя заказчика храма князя Аведа, но и время, когда церковь была построена, широко вошли в современную литературу по древнерусскому искусству. Загадочный Авед-Авдей, все сведения о котором исчерпываются в приведенном летописном рассказе, не нашел себе места на страницах русской истории. Литовец по происхождению, как об этом сообщает именной указатель к Псковским летописям [8], он не имел отношения к роду княживших на Руси Рюриковичей и в связи с обнаруженными княжескими знаками на клеймах кирпичей из церкви Дмитрия Солунского, по-видимому, может рассматриваться в лучшем случае как участник в строительстве псковского храма, а не как его заказчик.

---

[5] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, стр. 249, 250.

[6] Там же, стр. 250.

[7] Псковские летописи. I. М.— Л., 1941, стр. 103.

[8] Псковские летописи, II. М.— Л., 1955, стр. 308.

Высказанное нами суждение как будто бы подтверждается и датой строительства храма. Автор приведенного летописного известия, определяя время, которое простояла первоначальная церковь «каменая с кирпичем», дал возможность установить, что древний храм был сооружен в 1143—1144 гг. В эти годы, как известно, княжий стол в Пскове занимал представитель рода Рюриковичей Святополк Мстиславич, младший брат Всеволода-Гавриила [9].

Но псковские летописи содержат сведения и о другом строителе церкви Дмитрия Солунского. Мы имеем в виду рассказ Псковской третьей летописи о судьбе новгородского князя Всеволода Мстиславича после изгнания его из Великого Новгорода в 1136 г. В этом рассказе, помещенном под 1137 г., повествуется о том, что: «В лѣто 6646. Выгнаша Новгородцы Всеволода Мстиславича, князя своего, а Святослава Ольговича приведоша княжити к собѣ: Всеволод же иде в Киев к стрыю своему Ярополку, и посади и в Вышгороде. В том же лете прийдоша плесковичи и позваша Всеволода княжити к собе, а новгородцы отложишася; и проводиша Всеволода и Святополка до Плескова... Тоя же зимы Всеволод преставился в Плескове, месяца февраля в 11 день в четверток..., а в неделю положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия, еже самъ создаль» [10].

В приведенном летописном известии, как мы видим, строителем церкви Дмитрия Солунского называется князь Всеволод-Гавриил. Это сообщение псковских летописей в свете материалов раскопанного храма приобретает особое и, быть может, наибольшее значение в определении подлинного строителя церкви.

В самом деле, как уже выше отмечалось, среди церквей, построенных в XII в. на территории Новгородской земли, ближайшей аналогией псковскому храму может быть названа церковь Успения пресвятой богородицы на Торговище. Рассказы об этой церкви, помещенные в ряде списков новгородских летописей под 1135 г., в полном согласии сообщают нам, что строителем ее был новгородский князь Всеволод Мстиславич. «В лѣто 6643, — говорится в Новгородской Первой летописи, — ... заложи церковь камяну святыя Богородица и Тѣрговищи Всеволод Новѣгородѣ, с архиепископом Нифонтом» [11].

Если принять во внимание отмеченную нами принадлежность мастеров-плинфоделателей, трудившихся для создания псковского храма, к новгородской строительной школе, то прослеживаемое единство в архитектурных замыслах церкви Дмитрия Солунского и церкви Успения на Торговище дает основание предполагать и единого строителя этих двух храмов. А так как сооружение церкви Успения твердо связывается летописями с именем князя Всеволода Мстиславича, то с именем этого князя, очевидно, надо связывать и строительство церкви Дмитрия Солунского и, по-видимому, княжеские знаки на клеймах кирпичей из этого храма.

Сообщение о князе Всеволоде Мстиславиче как о заказчике храма Дмитрия Солунского приводятся в летописях, как известно, в связи с рассказом о погребении этого князя в названной церкви. И действительно, во время раскопок храма в нем была обнаружена пустая могильная яма. Она находилась в абсиде диаконника, занимая собой всю его площадь и, несомненно, являлась местом первоначального захоронения князя.

В пользу сказанного говорят наблюдения, проведенные во время раскопок диаконника, и собранные находки. Так, было установлено, что сложенный из плинфы и плит известняка алтарь, стоявший в абсиде диаконника, однажды на короткое время разбирался до уровня пола и затем вновь был сложен из того же материала и в той же технике. Свиде-

---

[9] Е. Болховитинов. История княжества Псковского. Киев, 1831, стр. 5.
[10] Псковские летописи, II, стр. 77.
[11] ПСРЛ, III. СПБ, 1841, стр. 7.

тельством проведенных работ осталась тонкая прослойка чернозема, прослеженная в кладке алтаря на уровне поверхности пола. Причиной для разборки алтаря могло быть только перемещение останков погребенного здесь князя в Троицкий собор, имевшее место в 1192 г. по случаю канонизации князя в святые.

В связи с этим небезынтересно отметить находку обломков богато орнаментированного глиняного сосуда, обнаруженных в нижних частях заполнения и на дне могильной ямы [12]. Широкодонный с покатыми плечиками, покрытыми сплошным узором из прорезных прямых и волнистых линий и налепных валиков, сосуд на своем высоком, слегка расширяющемся кверху горле, нес три размещенные на ровном расстоянии друг от друга налепные киотца с помещенными в них изображениями человеческих лиц. Сделанный спешно, о чем свидетельствует дошедшее до нас криво посаженное в киотце изображение. Сосуд, очевидно, был специально изготовлен по случаю кончины князя и поставлен по существовавшему обычаю в могилу умершего.

Рис. 4. Скульптурное украшение сосуда из церкви Дмитрия Солунского. XII в.

Особый интерес вызывают те изображения, которые были помещены в киотцах на горле сосуда. К сожалению, о них мы можем судить только по одному дошедшему до нас (рис. 4). Изображение это представляет собой мужское продолговатое лицо с небольшой бородкой и следами первоначально имевшихся усов, тонким, длинным с горбинкой носом и выпуклыми, близко посаженными к переносице глазами. Внешне некрасивое, оно привлекает к себе неповторимостью человеческого облика. Лишенное какой бы то ни было каноничности, это изображение открывает нам неизвестного талантливого псковского мастера XII в., сумевшего в своем произведении передать потомкам почерпнутые им из окружающей жизни и запечатленные в глине черты живого своего современника.

[12] Раскопками удалось обнаружить 35 обломков сосуда, позволяющих приближенно восстановить его форму и размеры. Среди собранных обломков: части трех киотцев и одно изображение человеческого лица. По-видимому, при вскрытии могилы и перенесении останков князя часть обломков сосуда разошлась по рукам в качестве святых реликвий.

В. П. ДАРКЕВИЧ

РЕДКИЙ ПАМЯТНИК РОМАНСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ

В средневековом искусстве Германии видное место занимала скульптура из бронзы, достигшая большой эмоциональной выразительности. Независимо от масштаба произведений их отличает монументальность в передаче объемов. Уже в оттоновский период под покровительством гильдесгеймского епископа Бернварда (993—1022) расцвела школа литейщиков Нижней Саксонии [1]. Новый ее подъем начался со второй по-

[1] F. I. Tschan. Saint Bernward of Hildesheim. 1—3, Notre Dame (Indiana), 1942—1952; R. Wesenberg. Bernwardinische Plastik zur Ottonischen Kunst unter Bischof Bernward von Hildesheim. Berlin, 1955.

Рис. 1. Бронзовая мужская фигура из Донецкого музея. Вид спереди

Рис. 2. Бронзовая фигура из Донецкого музея. Вид сбоку

ловины XII в. Производство художественных малых бронз в мастерских Гильдесгейма, Магдебурга, Гослара и Брауншвейга становится обильным и разносторонним. Если в произведениях школы Бернварда (знаменитые врата и колонна из церкви св. Михаила в Гильдесгейме, монументальные подсвечники) заметно влияние позднеантичного наследия, то в романский период развивается канонический «строгий стиль»: фронтальные человеческие фигуры лишены движения, их жесты угловаты, под орнаментальными складками одеяний не чувствуется формы тел [2].

В августе 1967 г. при уборке урожая у поселка Новозарьевка Старобешевского района Донецкой области была найдена бронзовая фигура нагого мужчины, стоящего во весь рост (рис. 1,2) [3]. Возможно, этот любопытный образец средневекового прикладного искусства выпахан из кургана, группа которых находится на пахотном поле совхоза «Бешевский».

Полая внутри скульптура отлита из золотистой бронзы высокого качества по способу «с потерей восковой модели», следовательно, в единственном экземпляре. Дополнительно обработана резцом. На ее гладкой поверхности, покрытой благородной патиной, в нескольких местах видны небольшие правильные углубления. Они остались от концов металлических прутьев, которыми укрепляли внешнюю глиняную оболоч-

---

[2] Для этой стилистической фазы саксонской скульптуры характерны так называемые «корсунские» врата новгородского Софийского собора, исполненные в Магдебурге в середине XII в.

[3] Находка была передана учительнице истории Г. Ф. Зенкович, которая сдала ее в Областной краеведческий музей г. Донецка. Сотрудница музея О. Я. Кириенко привезла фигурку в ГИМ на определение, где нам удалось с ней ознакомиться.

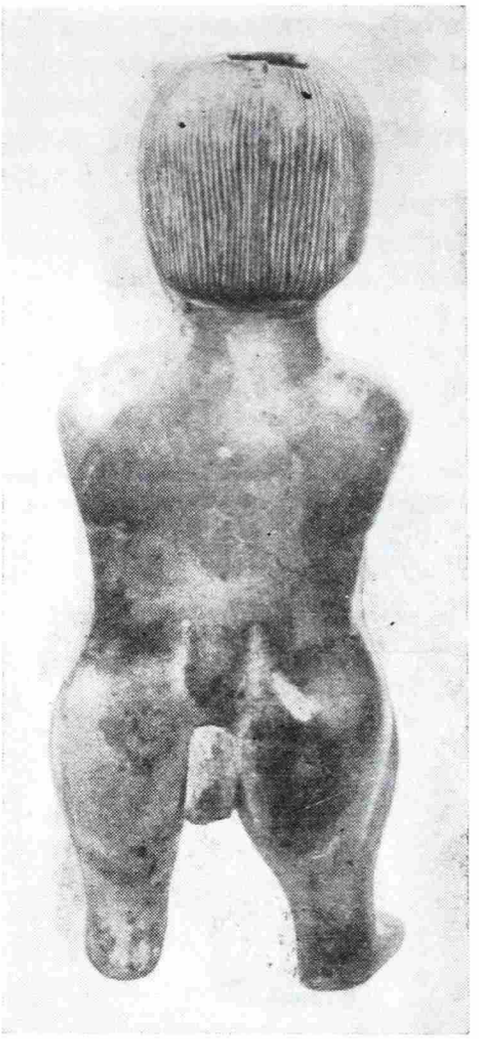


Рис. 3. Бронзовая фигура из Донецкого музея. Вид сзади

ку формы. Имеются и незначительные повреждения: мелкие отверстия на голове и на ногах, трещина на правом боку, царапины на спине.

Высота статуэтки 25 *см*, толщина стенок 0,2 *см*, вес 1 *кг* 180 *г*. Прямоугольное отверстие на темени размером 2 × 2,5 *см* указывает на ее служебное назначение. Скорее всего, она представляла собой основание большого алтарного подсвечника [4]. В отверстие был вставлен стержень с острием для насаживания свечи и круглой чашкой для стекающего воска. Утраченный ствол подсвечника мог иметь и несколько ответвлений для свечей. Мало вероятно, что статуэтка мужчины вместе с другими персонажами поддерживала бронзовую крестильную купель (для этого она слишком мала) или большой церковный канделябр. Она стояла обособленно, так как потребовалась дополнительная подставка для ее поддержки в вертикальном положении. От этой подставки уцелела часть круглого стержня в нижней части спины (рис. 3). Обобщенно переданные человеческие фигурки из бронзы, которые несут ствол подсвечника или держат в руке острие с чашкой для воска, известны среди романской литургической утвари. Таков нижнесаксонский подсвечник XIII в. высотой 31 *см* в виде стоящей женщины (церковь в Виденбрюкке в Вестфалии) и северогерманский подсвечник второй половины XII в. высотой 22 *см* в форме коленопреклоненного мужчины (музей в Осло) [5]. Основанием подсвечника могла служить бронзовая фигура обнаженной женщины высотой 20 *см* (частное собрание в Базеле) [6]. Левая рука женщины лежит на колене, правая, приложенная козырьком ко лбу, как будто прикрывает глаза от пламени свечи. На головном венчике вырезана надпись мастера: «Stephanus Lager me fecit». О. Фальке, сближая базельский подсвечник с рельефами бронзовых врат церкви Сан-Дзено в Вероне, считает его североитальянским произведением (около 1100 г.) [7]. «Носитель свечи» из Донецкого музея близок по своим размерам упомянутым экземплярам.

Непропорционально короткая фигура бородатого мужчины, несмотря на скованность позы, очень выразительна. У него высокий лоб, выпуклые глаза в ободке с точечными углублениями зрачков, резко выступающий прямой нос. Тонкие плотно сжатые губы придают лицу надменное выражение. Окладистая раздвоенная на конце борода, заостренные усы, пря-

[4] Фигура не может быть акваманилом — сосудом для омовения рук совершающего мессу священника, так как у нее отсутствует носик-слив и ручка. Нет и крышечки на шарнире, которой у акваманилов закрывалось отверстие для вливания воды.

[5] O. Falke und E. Meyer. Bronzegeräte des Mittelalters. Berlin, 1935, рис. 205, 206.

[6] Там же, рис. 214.

[7] Там же, стр. 34.

мые волосы, ровно подстриженные у шеи, обозначены частыми параллельными штрихами. Верх подбородка выбрит.

Короткая шея связывает голову с коренастым массивным торсом. Голова по сравнению с телом слишком велика (около $^1/_3$ высоты фигурки). Спина плоская. Ноги «столпообразные», с широкими бедрами и массивными ступнями. Протянутые вперед руки с отставленными большими пальцами, напротив, чересчур тонки. На обращенной кверху ладони правой руки мог лежать какой-то небольшой предмет, впоследствии утраченный. Примитивность скульптуры нисколько не нарушают робкие попытки моделировки: чуть заметная выемка посередине груди, слегка выступающий живот, рельефно выделенные мышцы на бедрах. Пухлое туловище с «детскими» руками и толстыми ногами в сочетании с грубоватым реализмом бородатого лица придают персонажу гротескный облик.

Голова забавного уродца обнаруживает сходство с мужскими головами на нижнесаксонских изделиях из бронзы. Близкой аналогией служит позднероманский акваманил XIII в. в форме кувшина (церковь в Обервезеле на среднем Рейне) [8]. Горло сосуда образует мужская голова с остроконечной бородкой и отходящим ото лба сливом. Исполненная глубокими линиями мужская прическа из ровно подстриженных у шеи волос была в моде в XII—XIII вв. На темени расположено отверстие для вливания воды. Ручка оформлена в виде аспида. В XIII в. водолеи в виде человеческих голов и бюстов отливали в мастерских Нижней Саксонии. По определению О. Фальке, сосуд из Обервезеля также был изготовлен в Нижней Саксонии, вероятно, в области Гарца.

Особенно высоко стояло бронзолитейное искусство в саксонском епископском городе Гильдесгейме. Около 1230 г. здесь была создана знаменитая купель, которую держат четыре мужские фигуры — персонификации рек земного рая. Из той же мастерской выходили разнообразные фигурные водолеи. По типу прически, резким чертам лица, коротким тонким рукам, округлому слабо расчлененному туловищу донецкая статуэтка сближается с гильдесгеймскими водолеями в виде кентавров (первая половина XIII в.) [9]. В XIII в. из рук гильдесгеймского мастера вышел акваманил, изображающий коленопреклоненного калеку со змеей в руке (хранился в музее Нюрнберга) [10]. Как у скульптуры Донецкого музея, уродливое тело этого странного персонажа статично и тяжеловесно. Его анатомия чисто условна: не намечены ни мускулы, ни суставы. На приподнятом лице калеки, обрамленном бородой, застыло напряженное выражение: из-под несомкнутых губ видны зубы, лоб и переносицу прорезают морщины.

К кругу нижнесаксонских (гильдесгеймских?) изделий из бронзы конца XII — первой половины XIII в., по-видимому, относится и публикуемый подсвечник. Гильдесгеймские водолеи в виде всадников, человеческих фигур, реальных и фантастических животных расходились по всей Европе, проникая далеко на восток — в Придунавье, на Русь, в Восточную Прибалтику [11]. Два из них обнаружены в Западной Сибири [12]. Массовая продукция нижнесаксонских мастеров по металлу была

---

[8] Там же, стр. 311.

[9] Там же, рис. 273—275; 277; Я. И. Смирнов. О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губернии, и о других подобных находках в пределах России. Харьков, 1902, табл. VI, 5; В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е—1—57, М., 1966, табл. 26, *1*.

[10] O. Falke und E. Meyer. Ук. соч., рис. 285, *а*, *в*.

[11] В. П. Даркевич. Ук. соч., табл. 5, *8—10;* 6, *1, 2, 7, 8*; *7, 2, 3*; *30*, 1 (карта).

[12] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. III, IV, VI, *5;* O. Falke und E. Meyer. Ук. соч., рис. 282; В. П. Даркевич. Ук. соч., табл. 26, *1, 2*.

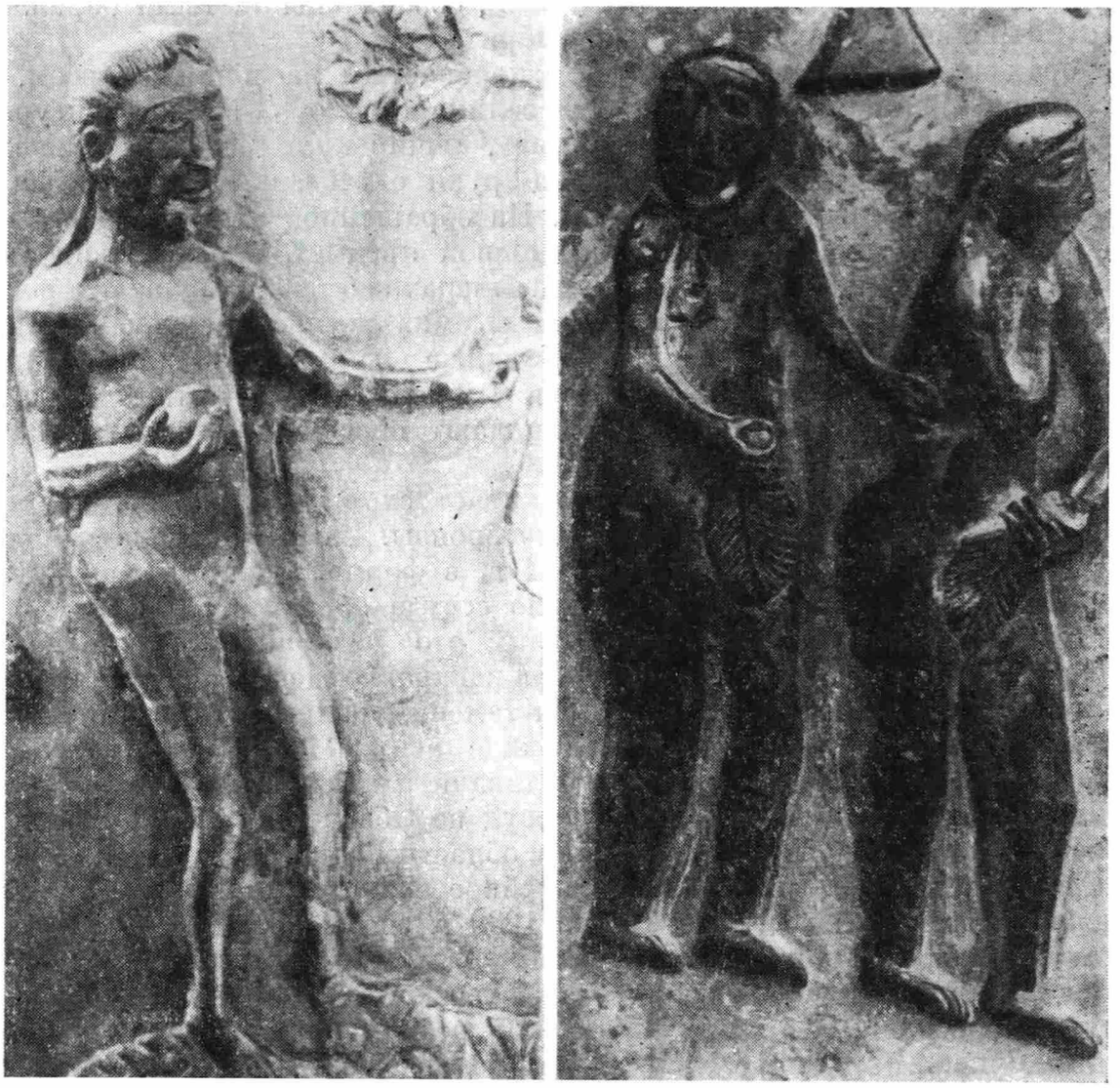


Рис. 4. Изображения Адама в клеймах романских бронзовых врат.

1 — на вратах церкви св. Михаила в Гильдесгейме, начало XI в., *2* — на вратах церкви Сан Дзено в Вероне, конец XI в.

рассчитана на широкий сбыт. С XIII в. мелкую церковную утварь начинают вывозить далеко за пределы Германии.

Предметы художественной утвари «от латинян», попадавшие в Восточную Европу, часто становились добычей степных кочевников, разорявших города и грабивших купеческие караваны. У с. Кочетка на Дону, в зоне половецких кочевий, был найден гильдесгеймский аквамanил первой половины XIII в. в виде конного рыцаря [13]. Публикуемый фигурный подсвечник был занесен еще дальше на юг — в половецкие степи Приазовья.

Его можно условно назвать «Адамом», так как мужская фигура имеет некоторое сходство с изображениями Адама в клеймах романских бронзовых врат (рис. 4 и 5) [14]. Возможно, на ладони вытянутой правой руки он держал яблоко, как в сценах Грехопадения на вратах. В течение XII в. в западной литургии распространился обычай ставить на алтаре по сторонам распятия свечи в подсвечниках. Не исключено, что существовал парный «Адаму» подсвечник «Ева». Во время мессы они могли симметрично стоять по сторонам распятия как своеобразно выражен-

---

[13] Я. И. Смирнов. Ук. соч.: В. П. Даркевич. табл. 6, *7*, *8*.

[14] F. I. Tschan. Ук. соч., *3*, рис. 133; H. Leisinger. Romanische Bronzen. Zürich. 1956. табл. 3, 62, 155.

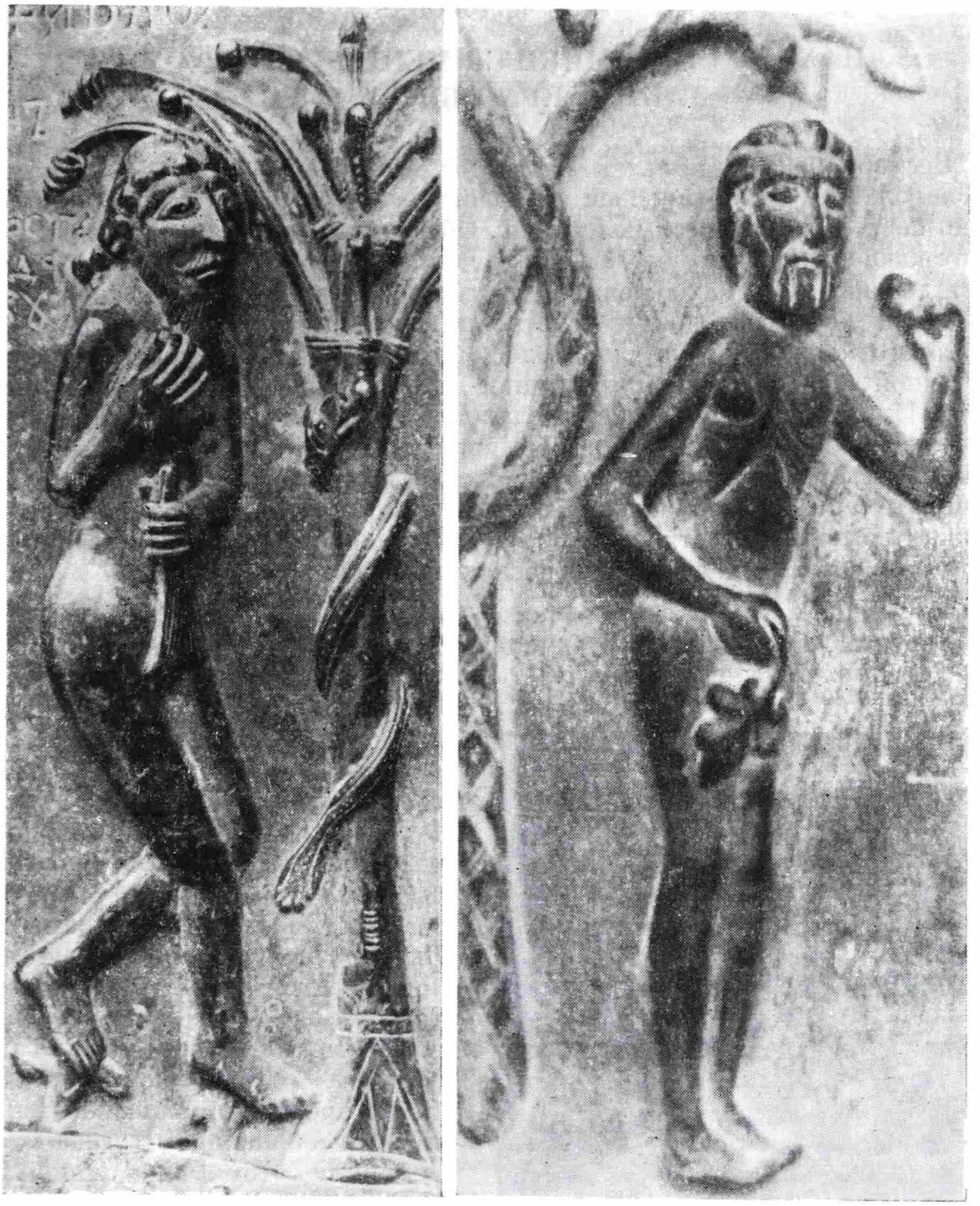


Рис. 5. Изображения Адама в клеймах романских бронзовых врат.

1 — на «корсунских» вратах из Новгорода (Магдебург, середина XII в.); *2* — на вратах собора в Монреале (1186 г.)

ная символическая антитеза крестной жертве сына божьего, своей смертью искупившего первородный грех. Мысли верующих чаще всего обращались к этим двум событиям, которые определили их судьбу как в этой эфемерной жизни, так и в жизни вечной. Так, на бронзовых дверях церкви св. Михаила в Гильдесгейме (между 1008 и 1015 гг.) сцены из Ветхого завета на левой створке и евангельские сцены на правой объединены внутренней смысловой связью. Адаму и Еве, стоящим по сторонам Древа познания добра и зла, противостоит мученическая смерть Христа на крестном древе [15].

---

[15] H. Leisinger. Ук. соч., табл. 12.

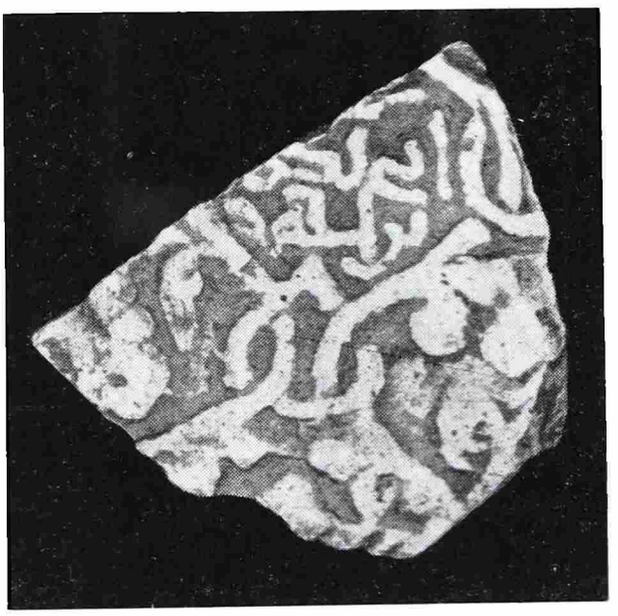
М. Н. ФЕДОРОВ

НАХОДКА КЕРАМИКИ С ИМЕНЕМ ГОНЧАРА XII в. АБУ БАКРА ИБН АХМАДА

Весной 1969 г. в 4 *км* к западу от Афрасиаба, в районе временного расположения Самаркандской археологической базы АН УзССР было сделано несколько интересных находок. Обследуя берега каньона речки Сиаб, протекающей к северу от базы, сотрудник экспедиции У. Алимов обнаружил древние местонахождения. Участники экспедиции, в том числе автор, посетили место находок и осмотрели глубокие извилистые ответвления лёссового каньона речки Сиаб. Здесь было собрано несколько фрагментов античной краснолощеной керамики и поливная керамика IX — начала XIII в. Особого внимания заслуживает небольшой фрагмент неполивного кувшина, украшенный весьма изящным и тонко выполненным штампованным орнаментом (рис.). Черепок в изломе имеет розоватый цвет и покрыт ангобом теплого желтовато-белого оттенка. В сложных переплетениях изысканного стилизованного растительного орнамента автору удалось разобрать трехстрочную арабскую надпись:

عمل ابی بکر بن احمد

«Работа Абу Бакра сына Ахмада». Имя Абу Бакра ибн Ахмада, мастера, а возможно, и владельца мастерской, хорошо известно по керамике, полученной при раскопках усадьбы гончара XII в. из квартала керамистов в западной части рабада сельджукидского Мерва [1].



В XII в. Мерв был одним из ведущих центров по производству высокохудожественной керамики со штампованным орнаментом. Высокое искусство мервских гончаров в производстве именно этого типа художественной керамики весьма ценилось не только в самом Мерве и его округе, но и далеко за их пределами. Так, керамика с именем ближайшего соседа и современника Абу Бакра ибн Ахмада — Мухаммад-Али Иноятона была встречена Нисе [2]. В 1938 г. М. Е. Массон обнаружил в Термезе фрагмент штампованного сосуда с именем мастера и указанием, что этот мастер происходит из Мерва [3].

Каким же путем попал сосуд, сделанный мастером из Мерва, в Самарканд? Гончарные изделия никогда не были сколько-нибудь значительной отраслью караванной торговли. Это объяснялось хрупкостью, а следовательно, «ненадежностью» такого рода товара в условиях длительной транспортировки, а также тем, что гончарное ремесло было одним из самых распространенных в любом городе. Во всяком случае, арабские географы, в частности Макдиси (ок. 985 г.), описывая предметы экспорта из различных городов Хорасана и Мавераннахра, ничего не говорят о вывозе керамики [4].

---

[1] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 392.

[2] Там же, стр. 409.

[3] Там же, стр. 409.

[4] В. А. Бартольд. Соч., I. М., 1963, стр. 294, 295.

Более рациональным был другой способ распространения керамики, когда мастер или его подмастерья выезжали (видимо, по заранее существовавшей договоренности) в какой-нибудь из городов, везя с собой инструментарий и штампы-калыбы для орнаментации сосудов, чтобы на месте произвести обусловленную договором партию продукции или передать свой опыт местным гончарам [5].

К сожалению, единичность нашей находки и отсутствие поблизости каких-либо следов гончарного производства (отвалы золы и бракованной керамики, наличие гончарных печей и т. д.) не позволяют нам утверждать, что именно так было и в данном случае. Тем не менее, возможность приезда в Самарканд мервского мастера Абу Бакра ибн Ахмада или его подмастерьев с целью производства на месте партии высокохудожественной штампованной керамики вполне вероятна. Не исключено, что сосуд мог попасть в Самарканд вместе с каким-нибудь купцом или путешественником, купившим этот кувшин в Мерве для своих собственных нужд, но в путешествие обычно брали более прочные, например бронзовые, сосуды.

Дальнейшие находки подобной керамики позволят нам с большей определенностью решить вопрос о ее происхождении. Однако и эта первая находка представляет определенный интерес для изучения гончарного производства и возможности взаимосвязей гончаров Мерва и Самарканда в XII в.

Т. В. НИКОЛАЕВА

КРЕСТ 1544 ГОДА ИЗ ВОЛОКОЛАМСКА

Экспедицией Загорского музея в 1961 г. был вывезен запрестольный крест 1544 г., находившийся в церкви Рождества богоматери в селе Вóзмище, около Волоколамска [1]. Ранее этот крест упоминался в литературе, но исследован и издан не был [2].

Крест является интересным памятником древнерусского прикладного искусства, в котором профессиональное мастерство резчика по дереву и кости сочетается с традиционными приемами народной резьбы (рис. 1).

Сделан крест из липы, по форме он восьмиконечный, с прямо положенными перекладинами. С лицевой и оборотной сторон на кресте врезачы четырехугольные киотцы и место для Распятия, которые были заполнены в древности костяными вставками с изображениями праздников и святых. В настоящее время костяные вставки утрачены, а вместо них в киотцах помещены изображения святых, написанные маслом в XIX в.

По краю и вокруг киотцев крест украшен резным орнаментом в виде растянутого волнистого стебля, с отходящими от него в противоположные стороны побегами. С боковых сторон по всему периметру креста выбраны углубления, в которые вставлены ажурные прорезные деревянные пластины с орнаментом в виде соединенных между собою овалов с побегами внутри их и в пространстве между овалами. На резьбе повсюду сохранились следы серебрения, покрытого олифой и создающего вид позолоты.

У основания креста, как бы отделяя его от круглой ручки, вырезан куб со скошенными углами, в котором выбраны круглые киотцы для по-

---

[5] С. Б. Лунина. Гончарное производство, стр. 408, 409.

[1] Хранится в Загорском музее, № 7244; размеры: 174 × 85, 5 × 7,7. См. Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР. Л., 1966, стр. 46; «Древнерусское искусство», каталог. Л.— М., 1966, стр. 54.

[2] А. И. Некрасов. Города Московской губернии. М., 1928, стр. 100; Н. Н. Воронин, М. А. Ильин. Древнее Подмосковье. Сб. «Памятники зодчества XV—XVII веков». М., 1947, стр. 27.

Рис. 1. Крест 1544 г. из церкви Рождества богоматери в селе Вóзмище (общий вид)

мещения здесь костяных пластин с резьбой и надписью. Вся остальная поверхность куба украшена резным орнаментом растительнего характера. В одном круглом киотце сохранилась древняя костяная пластина с надписью, резанной вглубь: «ЛѢТА 7050 ВТОРАГО /1544/ ЗДЕЛАН БЫСТЬ СИЙ КРЕСТЪ ПРИ БЛАГОВЕРНОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛИЕВИЧЕ ВСЕА РУСИ И ПРИ АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА и ПСКОВА ВЛАДЫЩЕ ФЕОДОСИЕ» (рис. 2).

Рис. 2. Надпись на кресте 1544 г.

Резьба по дереву на кресте 1544 г. выдает руку опытного мастера, привыкшего к свободной манере нанесения орнамента без предварительно намеченных контуров. Поэтому его резьба очень пластична, не имеет строгого, симметричного построения рисунка. Она нанесена так же легко и свободно, как орнамент на народных бытовых предметах, сделанных из дерева.

Подобные деревянные запрестольные кресты с костяными вставками были весьма распространены в русских церквах XV—XVI вв.[3]. Был та-

[3] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 75—76.

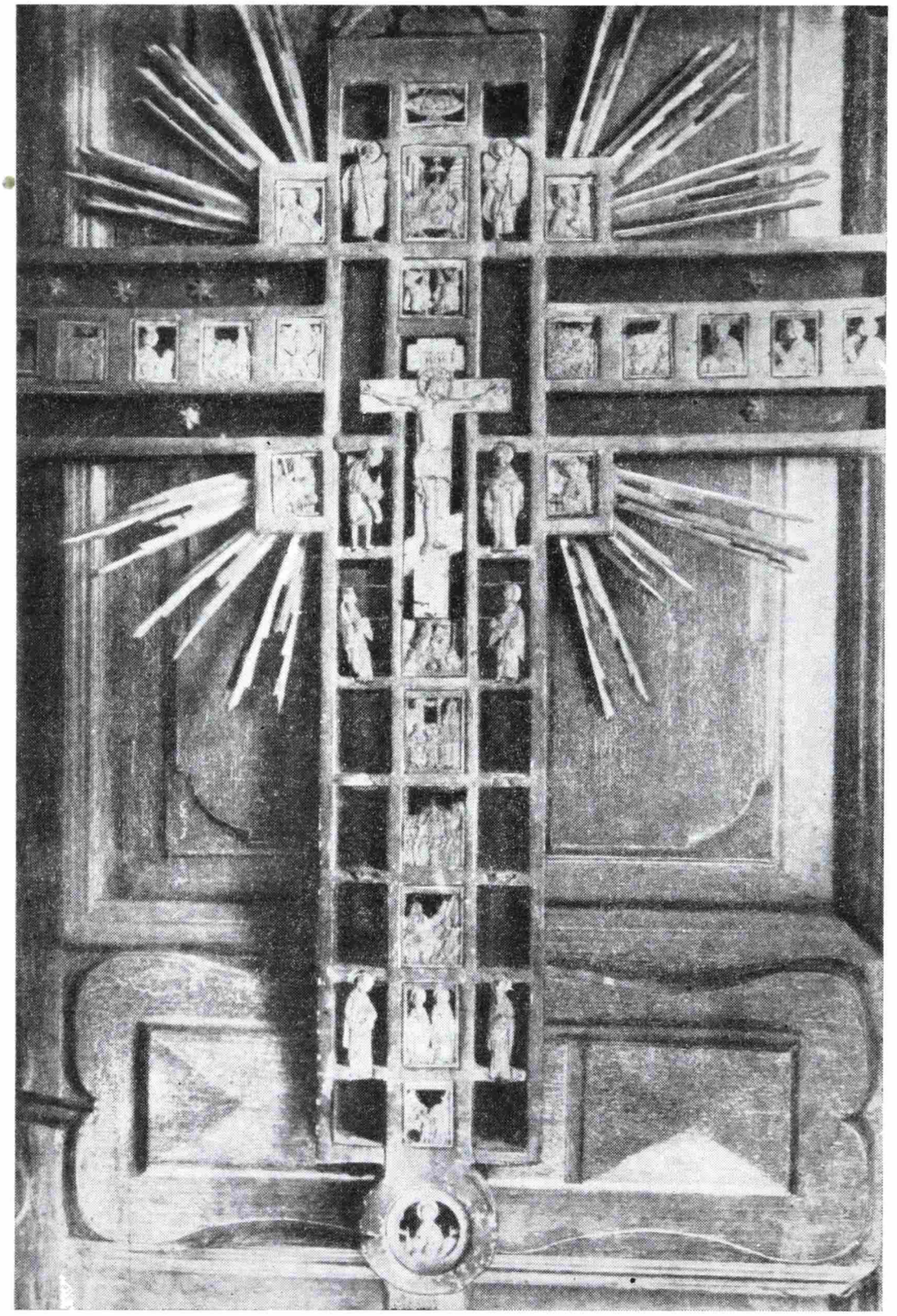


Рис. 3. Крест XIX в. со вставленными в него костяными пластинами XVI в.

кой крест и в Иосифовом Волоколамском монастыре: «В алтаре... крест большой и выносной, резаны образы святых на рыбьем зубе, а резь золочена» [4]. Возможно, что эта запись относится именно к нашему кресту, который мог быть передан в церковь на Во́змище после того, как из него были вынуты костяные вставки для нового деревянного креста, сделанного в монастыре в XIX в. Этот новый крест до недавнего времени хранил-

[4] Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 года. В кн.: В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 5.

ся в музее Иосифова Волоколамского монастыря[5] (рис. 3). По-видимому, к XIX в. большая часть костяных пластин на древнем кресте была утрачена, а сохранившиеся пластины были из креста вынуты и уже бессистемно скомпанованы на новом одностороннем кресте с добавлениями фигур святых. Свидетельством тому, что костяные вставки были перенесены на новый крест с описываемого нами креста 1544 г., являются неодинаковые размеры пластин с изображениями праздников и святых, соответствующие таким же размерам киотцев древнего креста. Кроме того, у основания нового креста помещена круглая костяная пластина с изображением Знамения богоматери, вынутая, несомненно, из круглого киотца одной из сторон куба древнего креста. По этим оставшимся на новом кресте костяным пластинам XVI в. и по аналогиям с другими запрестольными крестами можно восстановить всю композицию костяных вкладышей на кресте с. Вóзмища. Для этого достаточно привести три наиболее характерные аналогии нашему кресту — крест конца XV в. работы Амвросия и мастеров его круга из Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, крест XVI в. («Киликиевский») из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря[6] и крест XVI в. из Вяжицкого монастыря близ Новгорода[7].

На лицевой стороне креста, в средокрестии, должно было быть помещено Распятие, для которого выбрано специальное углубление. По сторонам от него, в 12 киотцах, находились праздники. Над Распятием, в двух киотцах, были помещены летящие ангелы и изображение «Агнца» — младенца Христа в дискосе (оба этих изображения имеются на новом кресте из Волоколамского музея). На верхней малой перекладине в пяти киотцах были помещены поясные изображения пророков (все пять пластин сохранились на новом кресте). В верхнем выступе креста могла быть Новозаветная Троица (Отечество). Под Распятием, на вертикальной части креста, могли быть помещены избранные сюжеты. Судя по кресту Волоколамского музея, это были: Преподание хлеба, Преподание вина, Похвала богоматери, Чудо в Хонех, Усекновение главы Иоанна Предтечи и один неизвестный сюжет. В пяти киотах нижней малой перекладины были поясные фигуры святых, как на кресте Амвросия и на «Киликиевском» кресте.

На обороте креста, в средокрестии, находилось изображение Спаса в силах, как на кресте Амвросия и на новгородском кресте из Вяжицкого монастыря. В остальных киотах большой перекладины помещались поясные фигуры в рост (часто по две в одном киоте) деисусного чина. Над Спасом в силах помещалось изображение Нерукотворного образа Спаса. На малой перекладине — Знамение богоматери, Херувимы и Серафимы, в верхнем выступе — ветхозаветная Троица. На вертикальной части креста и на нижней малой перекладине помещались по двое святых в рост. Одна из этих пластин сохранилась на новом волоколамском кресте.

В круглых киотах куба, кроме сохранившейся пластины с надписью и пластины с изображением Знамения богоматери, могло быть помещено изображение Троицы в круге и другая пластина с продолжением надписи.

Все костяные пластины были ажурными, с выбранным фоном, и они подсвечивались вызолоченными фонами киотцев. В таком виде крест представлял собой очень цельное художественное произведение, богато украшенное орнаментальной и сюжетной резьбой.

---

[5] После Отечественной войны судьбу коллекций этого музея установить не удалось. Автору статьи крест Волоколамского музея известен по фотографии Н. Н. Померанцева, которому пользуюсь случаем выразить здесь благодарность.

[6] Т. В. Николаева. Ук. соч., стр. 72—75; 318—330; № 157.

[7] Каталог фотографических снимков И. Ф. Барщевского. М., 1912, №№ 2334—2335. Негативы хранятся в музее архитектуры им. Щусева.

Несмотря на то, что костяные вставки в настоящее время утрачены и по фотографии невозможно прочитать надписи и судить о манере резьбы, можно сделать некоторое предположение о происхождении креста или о художественной школе, к которой принадлежал мастер.

Упоминание на кресте новгородского архиепископа Феодосия может свидетельствовать не только о принадлежности Волоколамска к новгородской епархии, но и о новгородском происхождении мастера. И несмотря на то, что Иосифов Волоколамский монастырь еще с начала XVI в. был переведен в ведение московского великого князя, связь с Новгородом представляла здесь давнюю традицию, которая вновь укрепилась с первой трети XVI в., когда Волоколамск перешел во владение князей Старицких, опиравшихся на Новгород.

Почти одновременно с этим крестом в Новгороде создавался знаменитый «Чудный» крест (1547 г.), в надписи на котором также упомянут архиепископ Феодосий, запрестольные деревянные кресты с резными изображениями на дереве и кости имелись в Новгороде в Юрьевом и Вяжищком монастырях и в церкви Благовещения на Аркажах [8].

Архиепископ Феодосий (из игуменов Хутынских) был непосредственно связан с Волоколамском. Среди владык новгородских он являлся одним из «иосифлян» — последовательных сторонников Иосифа Волоцкого [9]. В 1550 г. его вызвали в Москву на Стоглавый собор и оставили в Иосифовом монастыре. Здесь он и занялся строительной деятельностью [10]. Многочисленные вклады архиепископом Феодосием икон, церковного и бытового серебра, колоколов, напикадил, рукописных книг отражены в документах Иосифова Волоколамского монастыря [11]. Здесь же он и погребен в 1563 г. [12]. По-видимому, из вложенных им в Иосифов монастырь вещей было много привезенных из Новгорода. Среди них мог быть и крест 1544 г., попавший позднее в село Вóзмище.

Все это дает основание высказать предположение о новгородском происхождении мастера или об изготовлении креста в Новгороде.

---

[8] Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, стр. 125—126 и 131.

[9] В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 356.

[10] Обиходник Иосифова Волоколамского монастыря Евфимия Туркова. Рукопись ГИМ, Синодальное собрание, № 829, л. 79.

[11] А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, 5, М., 1906, стр. 43—44; Обиходник Евфимия Туркова, лл. 78 об.— 79 об.; Нектарий, иером. Историческое описание Иосифова Волоколамского монастыря Московской губернии. М., 1887, стр. 74 и 81.

[12] П. Строев. Список иерархов. СПб., 1877, стлб. 36.

Критика и библиография

T. Sulimirski. Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpathians. University of London. The Athlone Press, 1968.

Территория Волыни, Западной Подолии и Северо-Восточного Прикарпатья представляет собой своеобразные ворота, которые соединяли племена, населявшие бассейны двух крупнейших рек Европы — Днепра и Вислы. Археологические памятники, расположенные в этой контактной зоне, помогают решить многие вопросы истории древнего населения Поднепровья и Повисленья. Однако археологический материал, накопленный на этой территории, долгие годы оставался почти неизвестным науке. Рецензируемая монография представляет собой полную публикацию комплексов культуры шнуровой керамики, культуры шаровидных амфор и части памятников комаровской культуры Волыни, Подолии и Прикарпатья. По каждому памятнику составлено подробное описание, приведены неизвестные ранее планы, даны рисунки и фотографии находок. Т. Сулимирский не только опубликовал материал. Он дал подробный анализ находок и попытался разработать «относительную хронологию остатков некоторых групп культуры шнуровой керамики и культуры шаровидных амфор внутри территории, простирающейся к востоку от Вислы до Днепра, с установлением соответствующих стадий в их развитии и их положения в широкой хронологической системе всех культур зоны» (стр. VII). Эта проблема, по заявлению автора, была главным предметом его работы.

Первые три главы книги посвящены культуре курганов Прикарпатья (культуре шнуровой керамики Прикарпатья [1]), все памятники которой он разделил на семь региональных групп (премышльская, подкарпатская, львов-опольская, люблин-бугская, западноволынская и западноподольская; стр. 4—6). Детально проанализировав распространение памятников, погребальный обряд и находки, Т. Сулимирский в III главе приступает к выделению хронологических этапов. Поскольку стратиграфических признаков для установления последовательных стадий в развитии культуры курганных погребений нет, автор основывает свои выводы на «хронологии могильных находок, относительная позиция которых или их дата установлена за пределами... культуры» (стр. 25). Все погребения разделены на три этапа, а в качестве определителей взяты шесть ведущих типов керамики: тюрингские амфоры, меховские амфоры, кружки с ушком или с ручкой, чаши с ушком и кувшины.

Первый этап развития культуры Т. Сулимирский практически приравнивает к так называемому «общеевропейскому горизонту» культур шнуровой керамики [2]. Однако сравнение это далеко не однородно. Ранние кубки он выделяет по классификации К. Струве, разработанной для Шлезвиг-Гольштинии [3], хотя и отмечает, что в Чехии подобные кубки относятся ко второму этапу развития культуры шнуровой керамики (стр. 14). В то же время для определения амфор он пользуется в основном чешской классификацией М. Бухвальдека и частично У. Фишера, поскольку I тип амфор по М. Бухвальдеку соответствует раннему типу «Шраплау» по У. Фишеру (стр. 12). Однако следует отметить, что одним из признаков ранних амфор Чехии и Саксо-Тюрингии является малая величина [4], а все амфоры, найденные в Прикарпатье, большие. По орнаментации только амфора из Красова полностью соответ-

[1] В дальнейшем будет использоваться этот термин, введенный в археологическую науку И. К. Свешниковым, так как он более удачен.

[2] P. V. Glob. Studier over den jyske Enkeltgravskultur. Kobenhavn, 1944; L. Kilian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955; K. W. Struve. Die Einzelgrabkultur in Shleswig-Holstein und ihre Kontinentalen Beziehungen. Neumunster, 1955; M. Buchvaldek. Star ši šnurovakeramika v Cechach. AR, IX, 1957, стр. 362.

[3] K. W. Struve. Die Einzelgrabkultur...

[4] M. Buchvaldek. Starši snurova keramika...; U. Fischer. Mitteldeutschland und Schnurkeramik Jahresschrift fur Mitteldeutsche Vorgeschichte, 41/42. Halle, 1958.

ствует чешским и саксо-тюрингским стандартам (рис. 9), остальные же значительно отличаются. Особенно это касается амфоры из с. Коропуж, украшенной треугольными фестонами (табл. 3, *1*). Не следует забывать о том, что «общеевропейский горизонт» — это понятие, отражающее сходство ранних этапов некоторых групп шнуровой керамики при условии их независимого выделения. Причем именно сходство, а не тождество. Ранние кубки можно разделить на три группы (I — Дания, Нидерланды; II — Шлезвиг-Гольштиния; III — Саксо-Тюрингия, Чехия, Силезия); амфоры — на две (I — Дания, Жуцевская культура, Баланово; II — Саксо-Тюрингия, Чехия, Силезия). Возможно что некоторые типы амфор Прикарпатья, а также Злоты будут формировать третью группу.

При этом А-кубки продолжают существовать в Шлезвиг-Гольштинии вплоть до этапа «dolchstüfe», а А-амфоры в Дании появляются только в период младших погребений в материке [5]. Единственной территориально общей формой «горизонта» являются топоры типа «А», но их ранняя позиция доказана только для культуры одиночных погребений Дании и Северной Германии, причем в Дании эти топоры существуют до периода погребений на горизонте, т. е. до III этапа [6]. Для остальных групп культур шнуровой керамики ранняя позиция топоров типа «А» принята a priori. В Прикарпатской культуре к типу «А» Т. Сулимирский отнес только один топор (Моравско), но этот топор не имеет нервюры — признака, характерного для А-топоров. Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что сходство некоторых находок из Прикарпатья с элементами «общеевропейского горизонта» не может служить основанием для выделения раннего этапа. Непонятно, почему Т. Сулимирский отнес погребения с кубками типа Хлопице-Веселе (чаши с ушком и кувшины), так же как и меховские амфоры, ко II этапу, а кружки с ушком или ручкой — к III, в то время как меховские амфоры и кружки с ушком в краковско-сандомирской культуре (а они заимствованы из этой культуры) встречаются в одних и тех же комплексах [7]. Памятники с кубками типа Хлопице-Веселе Я. Махник считает более поздними, чем памятники краковско-сандомирской культуры [8].

Несмотря на утверждение Т. Сулимирского, что в Прикарпатских курганах нет точных стратиграфических данных, из имеющегося материала все-таки можно извлечь достаточную информацию о расположении погребений. По расположению в курганах погребения культуры шнуровой керамики Прикарпатья можно разделить на три группы: I — погребения в центральных материковых ямах; II — погребения в боковых материковых ямах; III — погребения на горизонте. Большинство погребений I группы ориентировано по оси восток — запад (костяки головой на запад) и некоторая часть по оси северо-восток — юго-запад (костяки головой на юго-запад). Погребения II и III групп ориентированы по оси северо-восток — юго-запад или север — юг. Для погребений I и II групп характерно скорченное положение костяка и трупосожжение, а в погребениях III группы зафиксировано также вытянутое положение костяка (Балинчи). Вероятно, погребения в центральных материковых ямах, ориентированные по оси восток — запад, являются наиболее ранними. Погребения в центральных и боковых материковых ямах, ориентированные по оси северо-восток — юго-запад, образуют II этап развития культуры, а погребения на древнем горизонте — III этап «Ведущие типы» Т. Сулимирского располагаются по этим трем группам следующим образом; орнаментированные «тюрингские» амфоры, близкие к амфорам общеевропейского горизонта,— I этап: неорнаментированные «тюрингские» амфоры — II этап; меховские амфоры — I, III этапы; кружки с ушком — II, III этапы; кубки типа Хлопице-Веселе — III этап.

Кроме внутренней хронологии культуры большой интерес представляет и предлагаемое автором определение ее места на «широкой хронологической шкале зоны». Так как вопросы связи культуры шнуровой керамики Прикарпатья с культурой шаровидных амфор, а также с трипольской, среднестоговской, ямной и среднеднепровской культурами более подробно рассматриваются в других разделах книги, то лучше будет обратиться к ним несколько позже. Остановимся только на синхронизации исследуемых памятников с культурой воронковидных кубков. Одним из оснований для синхронизации послужило то, что Т. Сулимирский отнес к культуре шнуровой керамики Прикарпатья два комплекса из Мышинец и Собечин (стр. 32) культуры воронковидных кубков.

К. Хадачек, раскопавший в 1912 г. курган у с. Мышинец, нашел в его насыпи урну с кальцинированными костями, а у края кургана на глубине 2,4 *м* (в яме длиной 3 *м* и глубиной 0.5 *м*) маленький сосуд (?) [9]. В Львовском музее Джедужицких перед второй мировой войной хранилась небольшая фляжка с брыжжами, зарегистрированная как находка из погребения у с. Мышинец, а Т. Сулимирский уже связал ее с сообщением К. Хадачека о находке маленького сосуда в яме у края кургa-

---

[5] P. Glob. Studier over den jyske..., стр. 73; K. Struve. Einzelgralkultur.., стр. 114.

[6] P. Glob. Studier over den jyske..., стр. 34.

[7] J. Machnik. Studia nad kultura ceramiki sznurowej w Halopolsce. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1966.

[8] Там же, стр. 140—144.

[9] B. Janusz. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwow, 1918, стр. 181.

на, яму—с курганом, курган—с культурой шнуровой керамики. Сосуды же, найденные у с. Собечин, поступили в Львовский музей Джедежицких как случайная находка, и только предположение Т. Сулимирского о том, что они найдены в кургане, связывает их с исследуемыми памятниками. Еще одним аргументом явились находки керамики культуры воронковидных кубков в насыпи курганов у с. Коропуж и у с. Стоянице (стр. 32). Но рядом с этими курганами и даже под ними раскопаны остатки жилищ поселения культуры воронковидных кубков, т. е. курганы насыпаны на территории брошенного (разрушенного) поселения, и керамика попала в насыпь вместе с землей во время сооружения курганов. Аналогичная ситуация прослежена и при раскопках курганов у с. Лукавица [10]. Таким образом, культура воронковидных кубков дает terminus post quem для культуры шнуровой керамики Прикарпатья.

Однако Ю. Н. Захарук считает что культура воронковидных кубков дает terminus post quem для культуры шаровидных амфор [11], основывая свои выводы на стратиграфических наблюдениях В. Ковальчика, который раскопал на поселении культуры воронковидных кубков в Гродке Надбужном погребение культуры шаровидных амфор, врезавшееся в землянку воронковидных кубков [12]. Это предположение было бы правомочно в случае полного совпадения территории распространения обоих культур. Т. Сулимирский, посвятивший культуре шаровидных амфор Волыни и Подолии IV и V главы своей книги, разделил ее на восемь локальных групп в отличие от ранее существовавшего членения на две группы (волынская и подольская) [13]. Подобное дробление памятников кажется излишним, так как в некоторых группах оказывается всего по два достоверных памятника культуры шаровидных амфор (например, львовская группа). Более правильным представляется членение, предлагаемое Т. Висланским: Восточнолюблинская группа (пулавская и грубежовская группы Т. Сулимирского), западноволынская группа (львовская, дубно-острожская и случская группы), восточноволынская группа (житомирская группа) и подольская группа. [14]. Памятники люблинской группы, детально изученные С. Носеком [15], тянутся узкой полосой от Вислы вдоль Западного Буга, связывая волынские и великопольские памятники. Интересно, что только эта из разбираемых групп культуры шаровидных амфор наслаивается на территорию распространения культуры воронковидных кубков, остальные же памятники восточной ветви культуры шаровидных амфор располагаются вне границ ее распространения. Житомирская или восточноволынская группа частично заходит на территорию трипольской культуры. Подобное географическое расположение позволяет предполагать возможность сосуществования культуры воронковидных кубков, культуры шаровидных амфор и поздних памятников трипольской культуры, а аргументация, приводимая Т. Сулимирским в пользу этого тезиса, вполне убедительна. Согласиться же с гипотезой сосуществования культуры шнуровой керамики с культурой шаровидных амфор внутри исследуемой территории весьма трудно, так как в пользу этого нет ни одного достоверного свидетельства. Находки обломков керамики культуры шаровидных амфор в насыпи курганов I и V у с. Колоколин могут свидетельствовать о явлении, сходном с тем, которое наблюдалось в курганах у сел Лукавица, Коропуж и Стоянице. Единственный контактный комплекс в Рациборовце малоубедителен, так как обе амфоры, найденные в нем, судя по публикации С. Носека, типичны для культуры шаровидных амфор [16]. Кроме того, территория междуречья Вислы и Буга находится вне зоны распространения культуры шнуровой керамики Прикарпатья. Здесь расположена стшижовская культура, начало которой можно синхронизировать только с третьим этапом культуры шнуровой керамики Прикарпатья, а более ранних памятников пока не обнаружено. Возможно, на Люблинщине, также как в Великопольше, Куявии, Мазовше и на верхнем Одере, культура шаровидных амфор существует несколько дольше, чем в Подолии и на Волыни, где она, как и соседняя с ней культура воронковидных кубков, предшествует культурам шнуровой

---

[10] I. Machnik. II Sprawozdanie z badan na cmentarzysku kurhanow kultury ceramiki sznurowej w Lukawicy, pow. Lubaczow. Spraw. Arch. X. 1960.

[11] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, 12, 1962, стр. 48—52.

[12] I. Kowalzyk. Osada i cmentarzysko kultury pucharow Lejkowatych w miescowosci Klementowice pow. Pulawy. Materialy starozytne. Warszawa, 2, 1957, стр. 175—201.

[13] І. Левицький. Памъятки мегалітичної культури на Волині. Антропологія. II, Київ, 1928, стр. 192; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 220; І. К. Свешніков. Мегалітичні поховання на західному Поділлі. Львів, 1957.

[14] І. Левицький. Памъятки мегалітичної культури на Волині. Антропологія. Warszawa — Kraków. 1966, стр. 76—78.

[15] S. Nosek. Kultura amfor kylistych w Polsce Polocnozachobniej. Wroclaw — Warszawa — Krakow. 1967.

[16] S. Nosek. Kultura amfor kulistych w Polsce. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1967.

керамики (в Подолии — культуре шнуровой керамики Прикарпатья, на Волыни — городоцко-здолбицкой культуре). Но культура шаровидных амфор появляется несколько позже, чем культура воронковидных кубков, и существует очень недолго, что отмечает и сам Т. Сулимирский. По его мнению, культура шаровидных амфор просуществовала здесь не более 3—4 поколений (стр. 53). Но несмотря на это предположение, автор делит культуру шаровидных амфор на две стадии, а Подольскую и Дубно-острожскую группы даже на три. К ранней стадии отнесено небольшое число погребений, в которых найдены типично куявские амфоры, все остальные памятники относятся ко второй стадии. Так называемую третью стадию образуют погребения культуры шнуровой керамики, отнесенные Т. Сулимирским к культуре шаровидных амфор (Беремьяны, Поповцы, Стадники, Городск, Здолбица и т. д.). Подольские памятники относятся к третьему этапу культуры шнуровой керамики Прикарпатья, а волынские — к городоцко-здолбицкой культуре, синхронной I и II этапам культуры шнуровой керамики Прикарпатья [17]. К сожалению, Т. Сулимирский не приводит своего определения культуры шаровидных амфор и подчас сам не знает, к какой культуре относить тот или иной памятник. Наглядный пример тому Здолбица: то он его использует для характеристики дубно-острожской группы культуры шаровидных амфор, то относит к кругу культур шнуровой керамики, как памятник раннего этапа восточной ветви стжижовской культуры (стр. 42, 59).

Большой интерес представляет рассмотрение памятников Поднепровья, предпринятое Т. Сулимирским в VI и VII главах с целью создания общей хронологической схемы. Для большей систематизации затронутых Т. Сулимирским проблем будет удобнее сгруппировать их не по географическому признаку (североукраинские культуры — глава VI; степные культуры — глава VII), а тематически (трипольская культура — I, среднестоговская культура — II, ямная культура — III, средненепровская культура — IV).

I. Рассматривая киево-софиевскую, городскую и усатовскую группы трипольской культуры, Т. Сулимирский ставит следующие вопросы: хронология, культурная принадлежность, соотношение с культурой шнуровой керамики Прикарпатья. Отметив в керамике вышеперечисленных групп целый ряд элементов, характерных для памятников этапа С-1 и даже В-2 трипольской культуры, а также учитывая отсутствие на их территории памятников этапа С-1, Т. Сулимирский предполагает, что эти группы следует синхронизировать с этапом С-1. Хотя эта гипотеза и не лишена логического смысла, однако аргументация, приводимая в ее пользу, пока еще недостаточна. Имеющийся в настоящее время археологический материал позволяет говорить о некотором хронологическом членении памятников этапа С/2 [18]. При этом наиболее ранние памятники действительно очень сходны с этапом С/1 (например, Солончены II) [19], а собственно Усатово и Городск занимают среднее положение среди памятников этапа С/2. Позднюю же фазу этапа составляют памятники типа Цыпиковцы — Звенячин. Но Т. Сулимирский считает, что вышеперечисленные группы не относятся к трипольской культуре. Городская и киево-софиевская группы, по его мнению, принадлежат к кругу культур шнуровой керамики, а усатовская образовалась в результате слияния ямной культуры с культурой шнуровой керамики и трипольской культурой. Подобное мнение не первый раз высказывается в археологической науке. Смешанная природа всех групп ясна, и дискуссия идет по той основе, на которой они сформировались.

Т. Сулимирский, ссылаясь на стратиграфию Одесского кургана, предполагает, что ямная культура предшествовала в Нижнем Поднепровье усатовским памятникам, а поэтому и является основой формирования последних. Однако А. М. Лесков и В. Б. Збенович убедительно доказали, что Одесский курган насыпался в несколько приемов, и усатовское погребение было не впускным, а основным в одном из первоначальных маленьких курганов, перекрытых впоследствии общей насыпью [20]. Стратиграфия курганных погребений, раскопанных Н. М. Шмаглием и И. Т. Черняковым в Днестро-Дунайском междуречье, показывает, что усатовские погребения древнее ямных [21]. Скорее всего, усатовская группа сформировалась на начальной трипольской основе от группы племен, продвинувшихся на юг со Среднего Поднестровья, испытав при этом сильное влияние племен ямной культуры, обитавших в

---

[17] І. К. Свешніков. Пам'ятки культур шнурової кераміки в бассейні р. Устя. МДАПВ, 4, 1962, стр. 44; его же. Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 127.

[18] М. М. Шмаглій. Керамика поселень городського типу. «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 20; В. Б. Збенович. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Памятники усатовского типа. Автореф. канд. дис.; Киев, 1967.

[19] Т. С. Пассек. Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг. КСИА, 4, 1955.

[20] В. Г. Збенович, А. М. Лесков. О статиграфии и классификации погребений Одесского кургана. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 29—38.

[21] И. Т. Черняков, Н. М. Шмаглий. Археологические исследования Днестро-Дунайской (новостроечной) экспедиции в 1964 г. Тезисы докладов VI объединенной научной сессии ОГАМ и ОГУ, посвященной итогам полевых археологических исследований. Одесса, 1964.

это время к востоку от Днепра и только впоследствии распространившихся на территорию усатовской группы [22]. Элементами культур шнуровой керамики в усатовской, а также городской и киево-софиевской групп считают обычно шнуровой орнамент на ряде сосудов и амфоры «тюрингского» типа. Шнуровая орнаментация, взятая в отрыве от всего комплекса признаков круга культур шнуровой керамики, не может считаться достаточным аргументом; ее заимствование от ямной культуры более вероятно. Поэтому большинство сторонников гипотезы синхронизации усатовской, городской и киево-софиевской групп с культурами шнуровой керамики делают основной упор на анализ амфор. В числе аналогий обычно упоминается сосуд из жилища № 25 поселения Коломийщина I (Триполье — С/I), украшенный орнаментом, типичным для тюрингских амфор [23]. Однако амфоры с таким же точно орнаментом широко известны в памятниках баальбергской и зальцмюндской групп культуры воронковидных кубков Саксо-Тюрингии [24] а также в памятниках этой культуры Чехии [25] и Польши [26]. Интересно отметить, что на поселении коломийщина I обнаружены также две амфоры грушевидной формы с ушками, расположенными у дна, типичные для баальбергской группы культуры воронковидных кубков Чехии и Саксо-Тюрингии [27]. Такая же амфора встречена и в комплексе Халепье В [28]. В памятниках культуры воронковидных кубков Западной Украины амфор этого типа нет, но они моложе общеевропейской группы и скорее всего соответствуют IV фазе развития культуры воронковидных кубков Чехии, вальтерниенбургским памятникам Саксо-Тюрингии, а также младшей любонской фазе в Польше. Как показал Ю. Н. Захарчук, эти памятники были тесно связаны с этапом С-2 трипольской культуры [29]. Но в таком случае возникает вопрос, каким образом «шнуровые амфоры» попали в усатовские, городские и киево-софиевские памятники, причем амфоры поздних типов? Ни одной классической амфоры «тюрингского» типа в трипольских памятниках нет. Т. Сулимирский, да и не один он, увлекся поисками дальних аналогий и не обратил внимания на собственно трипольские амфоры, известные еще в памятниках этапов В-1 и В-2. Сопоставление их форм с амфорами позднего триполья показывает наличие непрерывной внутренней эволюции, поддержанной контактами с культурой воронковидных кубков и с культурами дунайского круга. Возможность сосуществования позднетрипольских памятников с памятниками культуры шнуровой керамики допустима только для молдавско-румынской группы, так как она оказывается моложе культуры шаровидных амфор [30].

II. В соответствии с вышеизложенным неубедительной выглядит и попытка синхронизации среднестоговской культуры с ранними памятниками культуры шнуровой керамики Прикарпатья, проведенная через триполье. Памятники среднестоговской культуры Надпорожья значительно древнее культуры шнуровой керамики и даже древнее культуры шаровидных амфор — культуры воронковидных кубков. Только северные памятники типа Средний Стог II, связанные с позднетрипольскими поселениями типа Евминка — Лукашовка, могли доживать до горизонта культура шаровидных амфор — культура воронковидных кубков [31].

III. Синхронизация памятников ямной культуры с культурой шнуровой керамики Прикарпатья проводится Т. Сулимирским в основном через Михайловское поселение. Объявив плоскодонный сосуд с шаровидным туловом и высокой прямой шейкой, украшенной шнуровым орнаментом, тюрингской амфорой типа IIс (по своей классификации), он синхронизирует нижний слой Михайловского поселения со II стадией культуры шнуровой керамики Прикарпатья. Амфору из среднего слоя Михайловского поселения Т. Сулимирский относит к типу IIв по своей классификации, а весь слой синхронизирует с III стадией культуры шнуровой керамики Прикарпатья. Автор не замечает противоречия: в выделенных им памятниках III стадии амфор типа IIв нет. Верхний слой Михайловского поселения Т. Сулимирский считает моложе культуры шнуровой керамики в целом. Несколько непонятно, какие фрагменты позднетрипольской керамики из верхнего слоя Михайловского поселения упоминает автор. Вероятно, здесь произошла ошибка, ибо позднетрипольская

---

[22] Там же.

[23] К. Струве даже относит этот сосуд к А-амфорам общеевропейского горизонта культур шнуровой керамики. K. W. Struve. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein..., стр. 137.

[24] P. Grimm. Die Baalberger Kultur in Mitteldeutschland «Mannus», 29, Berlin, 1937, стр. 156—187.

[25] M. Zapotocky. Baalbberska skupina v Gechách, AR, VIII, 4, Praha, 1956, стр. 539—563.

[26] K. Jazdzewski. Kultury pucharaw Lejkowatych v Polsce Zachodniej i Srodkowej. Poznan, 1936.

[27] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА, 10, 1949, рис. 67.

[28] Там же.

[29] Ю. М. Захарук. До питання про співвіношення звязки між культурою лійчастого посуду та трипільською культурою. МДАПВ, 2 Киев, 1959, стр. 65.

[30] М. Дину. К вопросу о культуре шаровидных амфор на терррритории Молдовы. Dacia, IV, Bucuresti. 1960. с р. 89—106.

[31] Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

керамика найдена не в верхнем, а в среднем слое Михайловского поселения [32]. Соответственно средний слой синхронизируется с поздним трипольем. Амфору же из среднего слоя скорее следует связывать с некоторыми формами культуры шаровидных амфор (например, Кальске, пов. Сулехов, ПНР) [33], что отмечали и сами авторы раскопок поселения [34]. Таким образом, средний слой Михайловского поселения синхронизируется не с III стадией культуры шнуровой керамики Прикарпатья, а с горизонтом, предшествующим этой культуре, которой синхронен только верхний слой.

IV. Если большинство рассматриваемых археологических культур Т. Сулимирский определяет по комплексу признаков, то показателем среднеднепровской культуры почему-то является только территория. В число памятников среднеднепровской культуры он включает все доскифские погребения из курганов, расположенных в Среднем Поднепровье. Предлагаемая Т. Сулимирским четырехступенчатая периодизация среднеднепровской культуры на самом деле представляет собой хронологическое членение погребений из курганов эпохи бронзы у с. Долинка (Ясковицы) [35]. Наиболее ранние в этих курганах ямные погребения образуют первый этап среднеднепровской культуры, и тем самым убедительно доказывается ее генетическая связь со степными племенами. Но если отделить из массы среднеднепровских погребений точно определимые комплексы ямной и срубной культур, то в наличии останутся те памятники, которые в совокупности принято называть «среднеднепровской культурой»; при этом часть из них (например, Стретовка, Гришанцы, курган № 60 у с. Долинка и пр.) тесно связаны с I и II этапами культуры шнуровой керамики Прикарпатья, материал же остальных комплексов фиксирует органическое смешение предшествующих ямных элементов с прикарпатскими (особенно ярко иллюстрируют этот факт сосуды из Медвина и кургана № 48 у с. Долинка и материал поселений Исковщина, Пекари и пр.).

Не ограничиваясь построением хронологической схемы археологических культур исследуемой территории, в заключении (глава VIII) Т. Сулимирский дает аналитический обзор основных проблем исследования ямной культуры, круга культур шнуровой керамики, трипольской культуры, а также культуры шаровидных амфор и пытается нарисовать общую картину исторических явлений, отражаемых памятниками этих культур. Присоединяясь к точке зрения Л. Килиана и А. Хейслера [36], он считает, что ямная культура и культуры шнуровой керамики представляют собой два совершенно самостоятельных культурных круга: первый — восточноевропейский, второй — центральноевропейский. В соответствии с мнением Н. Я. Мерперта [37] автор описывает продвижение пастушеских племен ямной культуры на запад от Днепра, в районы земледельческих культур Украины, Венгрии, Румынии и Болгарии. Прародиной же культур шнуровой керамики Т. Сулимирский объявляет Мазовию. Памятники этого культурного круга делятся на две «легко различимые категории»: к первой относятся находки керамики, орнаментированной отпечатками шнура, на песчаных дюнах между Днепром и Одером; вторая категория памятников представлена исключительно погребениями, расположенными вокруг территории распространения первой. А-элементы «общеевропейского горизонта» относятся ко второй категории памятников. Хотя все находки на памятниках первой категории можно связывать только с поздней фазой развития круга культур шнуровой керамики, именно территория их распространения объявляется исходной. Т. Сулимирский предполагает, что памятники, характеризующие раннюю стадию культур шнуровой керамики, на этой территории пока не обнаружены, так как залегают, в глубоких слоях торфяников. Предками «шнуровиков» автор считает носителей «мазовецкой культуры» (культура гребенчатой керамики). Апелляция к неведомому вряд ли может служить достаточным аргументом для доказательства предлагаемой гипотезы. На месте желаемых оказываются вполне конкретные памятники культуры шаровидных амфор [38]. Племена этой культуры, как считает и Т. Сулимирский, вероятно, не являлись непосредственными предками круга культур шнуровой керамики в целом, но принимали участие в формировании таких групп, как жуцевская, злотская, шёнфельдская, и совершенно определенно городоцко-здолбицкой и

---

[32] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 97.

[33] T. Wislanski. Kultura amfor kulistych w Polsce polnocno — zachodniej. стр. 192, рис. 34, 15.

[34] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення.

[35] A. Budlwski. Mogily w Jackowica. «Swiatowit», IV. 1905.

[36] L. Kilian. Schnurkeramik und Ockergrabkultur. SMYA, 59/2, 1957, стр. 45; A. Häusler. Ockergrabkultur und Schnurkeramik, Jachr. mitteld. Vorgesch., 47, Halle, 1963, стр. 157—179.

[37] M. I. Merpert. L'Eneolithique de la zone steppique de la partie luropeene de l'URSS: Prague Sumposium, 1961.

[38] T. Wislanski. Kultura amfor kulistych, стр. 87—91.

стижовской. Следуя лингвистическим выводам Г. Бендера [39] и В. Бранденштейна [40], Т. Сулимирский выступает против отождествления культур шнуровой керамики с древнейшими индоевропейцами и более склонен связывать с последними ямную культуру.

При рассмотрении выводов Т. Сулимирского, мы не останавливались на предлагаемых им абсолютных датах, так как они даны в соответствии с короткой системой хронологии, и дискуссия по этому вопросу выходит далеко за рамки настоящей работы. Тем не менее следует отметить, что некритически подходя к археологическим памятникам, автор совершенно необоснованно относит к трипольской культуре поселение комаровской культуры у с. Новоселка Костюкова. Трактуя его как памятник этапа «Д» трипольской культуры, Т. Сулимирский по фибуле типа «Пескьерра», найденной на этом поселении, датирует конец трипольской культуры 1300 г. до н. э., что совершенно не соответствует ее относительному положению на общей хронологической шкале.

В послесловии (глава IX) автор кратко описывает дальнейшие судьбы рассматриваемых культур. Предлагаемая характеристика эпохи средней и поздней бронзы Прикарпатья, Волыни и Западной Подолии во многом спорна, однако, судя по заявлению, сделанному в предисловии, автор намерен выпустить монографию, посвященную этим периодам, и поэтому целесообразно отложить рассмотрение его выводов до этого момента [41].

Обычно в конце подобной рецензии принято писать «несмотря на...», но мы не будем следовать этой традиции. Первые строчки этой книги написаны более 30 лет назад. Выходу монографии в свет предшествовали более 30 лет размышлений, кропотливого творческого анализа материала. Автор работал, творил, делал открытия и ошибался, как всякий исследователь. Ошибки можно учесть, исправить, но нельзя обойтись без этой книги; она была необходима и она есть.

А. Н. Румянцев

Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. II. Орджоникидзе, 1969

В рецензируемом сборнике дана исчерпывающая публикация ряда памятников Северной Осетии и смежных районов, раскопанных в течение последних десятилетий, а также освещаются некоторые общие проблемы древней истории Кавказа.

Содержание сборника представлено тремя группами статей. Первая группа — исследования, затрагивающие большие темы проблемного характера (статьи Е. И. Крупнова, Б. В. Техова, В. П. Любина, Т. Б. Тургиева). Вторая группа — публикации новых материалов (В. И. Марковин, В. А. Кузнецов, А. П. Рунич, Я. А. Федоров, В. Х. Тменов, И. З. Копшицер). И, наконец,— работы исторического плана (статья А. П. Новосельцева).

Статья В. П. Любина «Палеолит Северной Осетии» является первым сбобщением по древнейшей эпохе обитания человека на территории республики. Исследование посвящено характеристике уникальных памятников древнекаменного века, открытых за последние 15 лет в Осетии (в районе Скалистого хребта, в холмистых предгорьях, в районе Сунжинского хребта, вплоть до границ Чечено-Ингушетии). Благодаря проведенным исследованиям значительно глубже, чем до сих пор, можно судить о локальных особенностях и этапах палеолита и мезолита Северной Осетии. Необыкновенно важен главный вывод автора: о существовании в междуречье Терека и Черной крупнейшего на Северном Кавказе очага ашело-мустьерской культуры.

Чрезвычайно интересна постановкой вопроса статья Е. И. Крупнова «К истории Моздокской степи и Западного Прикаспия». Автор доказывает возможность и необходимость экономического возрождения ныне пустынных и полупустынных районов Предкавказья. Практическое значение задачи заставило исследователя неоднократно в ряде статей возвращаться к этой теме. Основанием для постановки вопроса послужило проведенное автором статьи совместно с палеоботаниками и геоморфологами комплексное исследование данных районов.

Б. Б. Техов на основе массовых археологических материалов впервые ставит вопрос о культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. Сопоставляя материал знаменитого Кобанского могильника на северном склоне Кавказского хребта с не менее известным в

---

[39] H. H. Bender. The Home of the Indo-Europeans. Princeton, 1922.

[40] W. Brandenstein. Die erste «Indogermanische waderung». Klotho, 2, Wien, 1936.

[41] Тем более что в ближайшее время выйдет монография С. С. Березанской, посвященная тшинецко-комаровской культуре, и мы надеемся, что в ней эти спорные вопросы будут рассмотрены более подробным образом, чем это можно сделать в рецензии.

настоящее время Тлийским могильником в Южной Осетии, автор пришел к выводу о генетическом родстве племени Центрального Кавказа. Более обстоятельно и подробно, чем это было сделано до настоящего времени, автор характеризует погребальный обряд древних кобанцев. В исследовании сделана попытка дополнить круг предметов, отличающих кобанскую культуру (бронзовые топоры с клиновидным обухом и полукруглым лезвием и др.). Не лишено интереса и мнение автора об общекавказском распространении кинжальных черешковых клинков. Таблица, приложенная к тексту, наглядно демонстрирует особую близость Кобанского и Тлийского могильника, подчеркивая не только общекобанские черты, объединяющие оба памятника, но и локальные особенности центральной группы, в свое время выделенной Е. И. Крупновым. Однако в подобном исследовании желательно было бы более обстоятельно остановиться на тех данных, которые могли бы послужить прочным основанием для хронологии разновременных групп погребений Тлийского могильника, а следовательно, и для уточнения периодизации кобанской культуры в целом. На наш взгляд, было бы полезным в связи с анализом погребального обряда иметь в тексте цифровое соотношение грунтовых могил, каменных ящиков и могил с обкладкой, поскольку автор совершенно справедливо видит в конструкции могил один из признаков, характеризующих культуру.

Статья Т. Б. Тургиева «О скотоводстве алан» посвящена проблеме хозяйства аланского общества, и в первую очередь северокавказских алан. На основе исторических источников, лингвистических данных, археологических и остеологических материалов автор рисует обобщенную картину кочевого скотоводческого быта ираноязычных племен, занимавших степные пространства азиатской Сарматии и позднее известных под именем алан. Характеризуя хозяйство алан на раннем этапе как кочевое, автор тем не менее справедливо отмечает изменение формы хозяйства в местах оседания их на землю. Здесь скотоводство приобретает, по мнению Т. Б. Тургиева, полукочевой характер (стр. 121, 124). Однако для Северного Кавказа речь может идти скорее о яйлажном способе скотоводства, издавна практиковавшемся в этом районе. При такой форме хозяйства основное население имело прочно оседлый быт, занималось земледелием, и лишь часть людей специализировалась на сезонных перегонках скота. Думается, что по отношению к ираноязычным осетинам известные лингвистические данные по скотоводческой терминологии отражают не отголоски некогда пережитого древнего кочевого состояния (стр. 125), как полагает автор статьи, а могут свидетельствовать о яйлажном скотоводстве. Однозначность же терминов «жить» и «кочевать», на которую ссылается исследователь, могла просто отражать огромную роль скотоводства в быту северокавказских алан. Чрезвычайно интересна попытка автора привлечь для раскрытия темы данные, извлеченные из нартского эпоса.

Статья В. И. Марковина посвящена публикации некоторых материалов археологических разведок в Северной Осетии в 1962—1965-х годах. В результате проведенных исследований выявлены и зафиксированы разновременные памятники от эпохи бронзы до средневекового периода.

Новые данные по средневековой истории Осетии содержит публикация В. А. Кузнецова. «Раскопки Змейского поселения VIII—X вв.». Материалы раскопок 1958 г освещают хозяйство притеречных аланских поселений. Анализ керамики в сочетании со стратиграфическими наблюдениями позволи автору датировать поселение VIII—X вв. Однако этот вывод кажется нам недостаточно убедительным. Керамика исследуемого объекта в равной мере похожа на посуду памятников Северного Кавказа X—XII вв. и на посуду салтово-маяцкой культуры. Кстати, это явствует и из сопоставлений самого автора. В настоящее время вряд ли возмсжно ее дифференцировать в той степени, чтобы она могла служить опорой для дробной периодизации аланской культуры.

Задача, поставленная организаторами сборника, рассматривать аланскую проблему широко, не замыкаясь в рамки современных административных границ, позволила включить в него материалы смежных с Северной Осетией территорий. Статья А. П. Рунича «Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях» посвящена публикации раннеаланских материалов западных районов исторической Алании.

Я. А. Федоров в статье «Аланское городище и могильник Джашырын-Кала в верховьях Кубани» публикует материалы разведок в окрестностях труднодоступной «потайной крепости» аланского времени в бассейне р. Индыш.

В сборнике опубликованы поздние материалы, полученные в результате исследования знаменитого «Города мертвых» близ сел. Даргавс (статья В. Х. Тменова). В 1967 г. впервые удалось осуществить планомерное обследование этих памятников. Автор публикуемой статьи на основе новых данных уточняет известную схему Л. М. Семенова типологической классификации склепов и высказывает ряд предположений об их хронологии. В частности, надземные склепы автор относит к XVIII—первой половине XIX в. (стр. 155), а не к XIV—XVIII вв., как полагал Л. П. Семенов. Однако все аргументы автора в пользу поздней датировки (предметы фабричного производства, ткани, гребни, бутылки и т. д.) говорят лишь о том, что подобные погребальные сооружения использовались до XIX в., но отнюдь не указывают на то, что они в это время сооружались.

В статье И. З. Копшицер публикуются результаты антропологического исследования черепа из «Города мертвых».

Вопросу локализации аланских городов, и в частности столицы алан Магаса, посвящена статья А. П. Новосельцева «К истории аланских городов». Исследование построено на тщательном анализе сведений арабских, армянских, грузинских и персидских источников. По мнению автора, можно уверенно говорить лишь о четырех аланских городах, но точное их название и локализация остается неясной.

Таким образом, рецензируемый сборник интересен для самого широкого круга исследователей.

Хотелось бы остановиться на полиграфии. Иллюстративная сторона и оформление сборника оставляют желать лучшего. Не говоря о таких погрешностях, как перевернутые иллюстрации (стр. 90, рис. 5; стр. 145, рис. 6), общее оформление отличается тусклыми, «слепыми» рисунками и фотографиями. Все это тем более досадно, что содержание сборника отличается строгим подбором статей, написанных на высоком научном уровне, и широким подходом к наиболее актуальным проблемам истории Северной Осетии.

В. П. Козенкова

Archeologija un etnogrāfija, VIII, Riga, 1968, издательство «Zinātne», 216 стр.

Восьмой том латышского издания «Археология и этнография» имеет подзаголовок «Культурно-исторические связи латышей со славянами» и посвящен VIII Международному конгрессу антропологов и этнографов (1968 г., Токио). Открывают том две обзорно-итоговые статьи, написанные к 25-летию установления Советской власти в Эстонии, Латвии и Литве,— «Археологические раскопки в Советской Прибалтике за 25 лет» и «Латышская советская этнография за 25 лет». Авторы первой статьи Я. Граудонис, И. Лозе, Э. Мугуревич и Э. Шноре знакомят читателя с результатами археологических исследований в юго-восточной Прибалтике, начиная с эпохи мезолита вплоть до развитого средневековья. Во второй статье Г. Строд останавливается на вопросах развития этнографической науки в Латвии и анализирует важнейшие проблемы, как решенные так и стоящие перед латышскими исследователями.

Статьи Я. Граудониса «О связях населения Латвии в эпоху раннего металла» и Е. Цимермане «Текстильная керамика на территории Латвии и вопрос о ее связи с дьяковской культурой» касаются не латвийско-славянских культурно-исторических взаимоотношений, а связей древних обитателей Латвии с населением будущих восточнославянских территорий и, таким образом, несколько расширяют тематику рецензируемого сборника.

Для исследователей археологии лесной полосы Восточной Европы весьма важной представляется статья Е. Цимермане. На основе всестороннего анализа текстильной керамики, собранной из нескольких десятков памятников Латвии, автор пришел к заключению о локальном своеобразии этой посуды и ее местном происхождении. Иными словами, текстильная керамика эпохи раннего металла в Латвии не является результатом проникновения сюда населения из ареала дьяковской культуры, а является продуктом эволюции местной неолитической посуды.

Исследуемая глиняная посуда Латвии принадлежит к единой культуре текстильной керамики, распространенной от Прибалтики до восточных районов Волго-Окского междуречья. Этот ареал характеризуется некоторыми едиными формами керамики и единой технологией ее изготовления. По всей вероятности, носителями этой культуры были западнофинские племена. Во всяком случае, для западной части ареала текстильной керамики этот вывод представляется бесспорным. Для изучения истории отдельных западнофинских племен важно исследование локальных различий внутри ареала текстильной керамики. Работа Е. Цимермане является первым серьезным опытом, проведенным в этом направлении. Исследователь устанавливает, что латышская текстильная керамика характеризуется профилированными формами сосудов и почти полным отсутствием орнаментации. Среди текстильной керамики эпохи раннего железа наиболее близкой латвийской является глиняная посуда Эстонии и верховьев Западной Двины.

Выделение латвийского варианта текстильной керамики позволило Е. Цимермане говорить об особой этнической группе внутри древнего западнофинского населения. Однако такой вывод не может быть принят безоговорочно. Дело в том, что текстильная керамика в Латвии встречается как на территории распространения каменных могильников, приписываемым предкам эсто-ливских племен, так и вне этой территории, где обряд захоронения был иным и, следовательно, принадлежал уже иному племени. Между тем, по Е. Цимермане, текстильная керамика на территории Латвии характеризуется однообразием. Это может быть объяснено двояко: или выделенный латвийский вариант текстильной керамики не отражает этнической дифференциации, или описываемую Е. Цимермане глиняную посуду нельзя считать характерной для всей территории Латвии. Последнее объяснение кажется более вероятным. Керамический материал, исследованный Е. Цимермане, в основном происходит из латгаль-

ских и подаугавских поселений, т. е. из той части современной Латвии, где каменные могильники отсутствуют. Текстильная керамика из каменных могильников известна по единичным экземплярам, так же как и из поселений, расположенных в ареале этих памятников. Таким образом, выделенный Е. Цимермане вариант текстильной керамики, скорее всего, характеризует племенную группу западных финнов, населявшую восточную Латвию и более восточные территории — бассейн р. Великой, и может быть, Прильменье и верховья Западной Двины. Текстильную керамику северной Латвии, входящую вместе с эстонской территорией в ареал каменных могильников, со временем, видимо, удастся объединить с эстонским вариантом этой посуды.

Е. Цимермане исходит из положения, что в Придаугавье в эпоху раннего железа уже жили балты, а встречаемость текстильной керамики в этой области отражает соседские связи балтов с прибалтийско-финскими племенами. Этот вывод покоится исключительно на том, что в памятниках Придаугавья текстильная керамика составляет незначительный процент. Однако немногочисленность текстильной керамики характерна и для многих памятников бесспорной финно-угорской территории. Так, в Эстонии на всех поселениях, где встречена текстильная посуда, она составляет небольшую долю керамического материала. В памятниках Псковской земли находки текстильной керамики единичны; немногочисленны они и на западнодвинских городищах. Да и на территории Латвии только два памятника — Кивты и Эзены — содержат значительный процент текстильной керамики (69,5 и 52,9%). В этой связи, видимо, поречье Даугавы правильнее было бы считать смешанной или пограничной полосой, где балты и финно-угры жили чересполосно. Не исключено, что текстильная керамика в Придаугавье оставлена потомками древнего финно-угорского населения, занимавшего эту территорию до миграции балтов.

Большой интерес представляет статья В. Уртана «Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия н. э.», особенно ее первая часть, где анализируется кривичско-латгальское пограничье и взаимоотношения кривичей с латгалами. Первые славянские памятники в бассейне р. Великой относятся приблизительно к VI в. Видимо, чуть позже, примерно в VII—VIII вв., кривичские погребальные памятники (длинные курганы) появляются на восточной окраине современной Латвии, в бассейне р. Зилупе. Хотя эти курганы и раскапывались еще в 20-х годах, они не вошли в известную сводку Н. Н. Чернягина[1]. В. Уртан впервые собрал и подытожил все материалы по длинным курганам Латвии. Здесь они известны в 13 пунктах: Бурачки, Долгая, Каталава, оз. Кауза, Казлаука, Латышонки, Мозели, Скрипчина, Шешки, Шушкава, Терехова, Волкорезы и Заборье. В шести из них производились раскопки.

В. Уртан прав, считая что деление валообразных курганов на длинные и удлиненные нецелесообразно, хотя иногда и проводит подобное разграничение. Безусловно ошибочно отнесение к числу удлиненных курганов насыпей овальных. В Латышонках в подобных курганах вместе с трупосожжениями встречены трупоположения X в. Такие овальные насыпи (хотя они, видимо, и являются переходными от длинных к круглым) лучше причислять к числу последних. Весьма ненадежна датировка началом нашей эры длинного кургана № 21, раскопанного Э. Д. Шноре в Каталаве. Хронология основана на находках в кургане обломков керамики днепродвинской культуры. По-видимому, эти фрагменты, как и в одном из круглых курганов в Волкорезах, попали в погребальную насыпь из более раннего поселения. Подобная керамика вышла из употребления к моменту сооружения длинных курганов.

Переходя к описанию круглых курганов восточной Латвии, В. Уртан дифференцирует их на конусообразные, полусферические и сегментообразные. Подобные формы круглых курганов встречаются на всей древнерусской территории, однако какого-либо хронологического различия между ними не наблюдается. Иногда форма круглых насыпей зависит от лучшей или худшей сохранности. Между тем В. Уртан исходит из предположения, что среди круглых конусообразные курганы являются наиболее ранними. С этим мнением трудно согласиться, тем более что раскопки подобных курганов в Латвии не дали каких-либо материалов для его подтверждения. Конические курганы Латвии, как и подобные насыпи Себежского поозерья, с которыми их сравнивает В. Уртан, вовсе не напоминают сопки новгородских словен. Последние отличаются от обычных курганов не только своими размерами: обязательными для них деталями являются каменная обкладка основания и площадка, близкая к горизонтальной, на вершине. Таких погребальных насыпей ни в Латвии, ни в окрестностях Себежа нет. В этой связи нет никаких оснований датировать конусообразные курганы, исследованные в Паспене и Скрипчине, VI—IX вв. Скорее всего, они относятся к IX—X вв., когда подобные насыпи с трупосожжениями встречаются и в других областях Древней Руси.

Как длинные, так и круглые курганы восточной Латвии не являются чисто славянскими. Появления здесь обычая сооружать погребальные насыпи безусловно связано со славянской обрядностью. Однако погребены в таких курганах, судя по трупоположениям с вещами, почти исключительно латгалы или латгализированные славяне. В латвийских курганах последовательно сохраняется латгальский ритуал погребения: мужские трупоположения ориентированы на восток, женские — в обрат-

[1] Н. И. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, 7, 1941.

ном направлении. Типично кривичских украшений в этих курганах не встречено. Инвентарь женских погребений находит аналогии в латгальских могильниках, в мужских захоронениях обычны топоры и копья, что также сближает их с латгальскими погребениями. Таким образом, нужно думать, что в юго-западных районах бассейна р. Великой в результате смешения кривичей с балтами победителем вышел последний этнический компонент. Материалы, собранные В. Уртаном, говорят об этом вполне определенно.

Заслуживает внимания положение В. Уртана о влиянии латгальской обрядности на соседние славянские захоронения. Автор утверждает, что кривичи, соседившие с латгалами, переняли от последних обычай хоронить умерших в грунтовых ямах. Это положение кажется обоснованным. Если в центральных кривичских районах обряд трупоположения в подкурганных ямах появляется только с середины — второй половины XII в. и, по всей вероятности, обусловлен воздействием христианской религии, то по соседству с латгалами курганы с ингумацией в могильных ямах появляются с конца X — начала XI в. [2]

С конца X в. среди трупоположений латгальских грунтовых могильников появляются единичные женские трупосожжения. В. Уртан полагает, что последние захоронения принадлежат славянкам — женам латгалов, с чем трудно согласиться. Ведь обычай кремации умерших в это время не был исключительно славянским. Умерших сжигали и северные соседи латгалов — прибалтийскофинское население и южные — литва. Более вероятной, на мой взгляд, является прибалтийскофинская атрибуция трупосожжений латгальских могильников. В пользу этого говорят антропологические данные: в генезисе населения северо-восточных районов Латвии наряду с собственно латгалами, известными по могильникам VI—XII вв., заметная роль принадлежит местному прибалтийско-финскому компоненту.

Далее В. Уртан описывает могильник в Цирнава, состоящий из плоских курганов с крупными камнями, и интерпретирует его как памятник этнически смешанного населения (новгородские словене, латгалы и финно-угры). Ничего словенского в этом памятнике нет. Гончарная керамика древнерусского облика не может служить этническим признаком, так как она встречается и в бесспорно неславянских памятниках. Вещевой материал цирнавских курганов (топоры, копья) типично латгальский, а присутствие камней в конструкции погребальной насыпи, видимо, восходит к каменным надмогильным сооружениям прибалтийских финно-угров. По своему строению цирнавские курганы существенно отличаются от курганов новгородских словен. Если последние насыпались из песка или глины и имели в основании кольцеобразную обкладку из валунов, то описываемые курганы содержат камни в насыпи. Поэтому цирнавские и им подобные курганы Латвии, по-видимому, нужно интерпретировать как финско-латгальские.

Описывая жальники, известные в северо-восточной Латвии (Шкильбени, Даниловка), В. Уртан, видимо, вслед за С. А. Тараканową [3] называет их водскими памятниками. Между тем картография новгородских жальников показывает их концентрацию в старых словенских районах. Их почти нет там, где водь зафиксирована письменными источниками (северо-западные земли Новгородской земли), зато жальников много в восточных районах Новгородчины, где водь никогда не жила [4]. Более обоснованным представляется положение А. А. Спицына и других исследователей о словенской принадлежности новгородских жальников.

Во второй части статьи В. Уртан касается культурных и торговых связей древнего населения Латвии со славянами. Анализируются предметы второй половины I тысячелетия, попавшие на территорию Латвии из славянских земель, и, наоборот, предметы, импортированные с латышской территории в славянские области. Таких предметов оказывается очень и очень много. В этой связи автор намечает древние пути, связывающие Прибалтику с древнерусскими и западнославянскими землями.

По этой части работы возникает одно небольшое сомнение. В третьей и отчасти четвертой четвертях I тысячелетия н. э. значительная часть Верхнего Поднепровья и Подвинья были заселены балтоязычными племенами. Поэтому часть предметов, привлеченных В. Уртаном для изучения связей между древним населением Латвии и славянами, по-видимому, не отражают таковых. В частности, предметы с выемчатой эмалью V—VI вв. в Поднепровье имели распространение еще до славянского расселения. То же касается и шейных гривен V в. Какая-то часть предметов, имеющих параллели в латышских и днепровских памятниках, является не объектом связей древних латышских племен со славянами, а отражают этническое единство территории Латвии и Поднепровья. Так, арбалетовидные фибулы V—VI вв., найденные в Смоленской, Киевской, Ленинградской и Псковской областях, к славянам не имеют ни малейшего отношения — все они происходят из неславянских памятников.

---

[2] Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Десны в Вилейском округе. КСИИМК, XI, 1945, стр. 126—137.

[3] С. А. Тараканова. Археологические памятники води. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 12—14.

[4] И. И. Репников. Жальники Новгородской земли. ГАИМК, IX, 5, 1931.

По-видимому, дальнейшие исследования должны пойти по пути строгого отбора предметов, отражающих культурно-торговые взаимоотношения древних латышских племен со славянами.

В статье А. Зарини «Черты общности в тканях латгалов и славян XII—XIII в.» отмечены черты сходства в использовании сырья, орудий труда и в приемах изготовления тканей у этих двух народов и делается вывод, что общие элементы не всегда являются результатом взаимных связей. Весьма интересным представляется наблюдение А. Зарини о сходстве в технике изготовления и композиции латгальских клетчатых виллайне с тканями в клетку, встречающимися у славянского населения западных районов Волго-Окского междуречья. По-видимому, автор правильно объясняет эту общность древними культурно-этническими связями внутри единого балтского ареала.

Трудно согласиться с выводом А. Зарини о том, что распространению горизонтального ткацкого станка у латгалов способствовали оживленные торговые и культурные связи с западнославянскими землями. Наличие значительных торговых и культурных взаимоотношений в XII—XIII вв. между Латгалией и западными славянами спорно. Безусловно более теснымп были взаимоотношения между латгалами и древней Русью, где горизонтальный ткацкий стан появился не позже, чем в Польше [5].

Значительный краниологический материал второй половины I и начала II тысячелетий н. э., собранный латышскими исследователями, позволил Р. Я. Денисовой в статье «Антропологические особенности восточных латышей в связи с их этнической историей» дать убедительную картину формирования раннесредневекового и на его основе современного населения Латгалии. На территории Латвии в раннем средневековье выделяются четыре антропологических типа, три из которых локализуются в ее восточных районах. Это, во-первых, массивный, долихокранный тип с высоким и широким лицом, характерный для основной массы латгальских могильников и имеющий аналогии среди материалов днепровских балтов, во-вторых, мезокранный тип со средневысоким, широким и несколько уплощенным лицом, известный главным образом по Кивтскому могильнику и сходный с рядом серий черепов из прибалтийско-финских погребений Эстонии и Водской пятины. Особняком стоит серия из семи черепов из могильника селов в Леясдопеле. Они характеризуются грацильностью, мезокранностью и лицом средней высоты и ширины. Автор сопоставляет эту серию со славянскими курганными черепами Верхнего Поднепровья. Формальное сходство между ними бесспорно. Однако вывод Р. Я. Денисовой о том, что этот мезокефальный антропологический тип латышей своим происхождением связан с более восточными или юго-восточными территориями пока не вполне обоснован. Во всяком случае, археологи не располагают до сих пор какими-либо материалами, позволяющими предполагать более или менее заметную миграцию верхнеднепровского населения в эти области.

В другой антропологической статье «Краниология латгалов в связи с вопросами их происхождения» ее автор В. П. Алексеев публикует данные по серии черепов XVIII в. из могильника под Лудзой. Анализируя их в сравнении с краниологическими и антропологическими материалами, он ставит вопрос о происхождении у латгалов монголоидного компонента. Автор показывает, что монголоидная примесь отсутствует у средневековых латгалов и появляется позднее, когда латышское население впитало в себя местный финский этнический элемент. Этот вопрос рассматривается В. П. Алексеевым на фоне взаимоотношения европеоидного и монголоидного компонентов у древнего населения лесной полосы Восточной Европы.

Статья К. Курцалта «О топонимах первобытных погребений и поселений восточной части Латвийской ССР» является первой попыткой анализа географических названий в зависимости от расположенных по соседству археологических объектов. Для местных названий, локализуемых близ археологических памятников III тысячелетия до н. э., автор находил параллели на юге Европы (время индоевропейского языка-основы). Некоторые названия близ погребений бронзового века, по мнению автора, относятся к периоду функционирования балтского языка-основы и т. п. Такое исследование заманчиво. Однако в этом случае тот или иной вывод или сопоставление могут быть навеяны археологическим заключением.

Следующая статья «Балты в Средней Европе в доисторическое время» («Die Balten des vorgeschichtlichen Mitteleuropas») написана ныне покойным чешским исследователем Кристианом Турнвальдом. Среди географических названий Центральной Европы автор обнаруживает топо-гидронимы, которые сопоставляются с названиями исторических балтских территорий и объясняются из древнепрусского, литовского и латышского языков. К балтским относятся также и некоторые этнонимы, известные из сочинений древних авторов. К. Турнвальд приходит к выводу, что балты некогда достигали Чехословакии, среднедунайских областей, вплоть до Адриатики. В последней части статьи исследователь обращается к археологическим материалам и полагает, что что балтам, кроме культур юго-восточной Прибалтики, ос-

[5] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, Е1—55. М., 1968, стр. 68—72

тавленных предками айстов, куршей, латгалов, селов, земгалов и др., принадлежали также тшинецкая (предки мазовшан, ятвягов, бастарнов и литовцев), лужицкая (предки прусов, галиндов, Lupier, Bateiner и др.) культуры. В дунайских областях к балтам относятся племена провинций Raetier, Noriker и Pannonier.

Один из редакторов рецензируемого сборника — Г. П. Строд и рижский филолог А. Янсонс написали к статье К. Турнвальда примечание, в котором отмечается ее дискуссионный характер. Представляется, что автор явно увлекся поисками балтизмов в среднеевропейской топонимике и этнонимике. Большинство названий, упомянутых в статье, более убедительно интерпретируются на основе иных небалтских материалов. Балтская атрибуция таких центральноевропейских культур, как лужицкая и тшинецкая, представляется неоправданной.

Заключительные статьи рецензируемого сборника написаны этнографами и также посвящены вопросам культурных связей латышей со славянскими народами (А. Алсупе «Культурно-исторические связи латышского и славянских народов по материалам текстильных изделий и орудий ткачества XIX и XX вв.»; А. Крастыня «Черты народного строительства Латгале XIX— начала XX в., свидетельствующие о культурной связи латышского и русского народов»; А. Заварина «Материальная культура русского старожильческого населения Латгале во второй половине XIX— начале XX в.»; Дз. Виксна «Быт и традиции латышей в Советском Союзе в 20—30 гг. XX в.»; Л. Думпе «Некоторые вопросы взаимовлияния духовной культуры латышей и русских в период социализма и строительства коммунизма»).

В целом рецензируемый сборник, подготовленный коллективом латвийских ученых, представляет несомненную ценность и вызовет большой интерес специалистов по прибалтийским странам и среди славистов. Приходится сожалеть, что в издании не нашлось места для специальной статьи, посвященной связям населения Латвии с восточными славянами эпохи Древней Руси, когда двухсторонние культурные влияния были особенно плодотворными.

В. В. Седов

Археолого-этнографические сборники, издаваемые Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и экономики; Грозный, т. I—1966 г.; т. II—1968 г., т. III—1969 г.

Издание археолого-этнографических сборников, осуществляемое ЧИНИИИЯЛЭ, достойно всяческого одобрения. Оно свидетельствует о внимательном и бережливом отношении администрации и сотрудников сектора археологии и этнографии ЧИНИИИЯЛЭ к каждому вновь открытому археологическому памятнику, к накоплению этнографических и фольклорных материалов по истории Чечено-Ингушетии. Это и понятно, так как для разработки истории чеченцев и ингушей, равно как и других народов Северного Кавказа, данные материальной и духовной культуры приобретают принципиально важное значение в силу отсутствия местных письменных источников. Поэтому вполне оправдана систематическая публикация всех новых данных по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Эту очень важную работу и выполняют авторы указанных сборников, стремящиеся помочь созданию обобщающих трудов по еще очень слабо изученной истории и культуре чеченцев и ингушей.

Поскольку характеристика некоторых статей и публикаций по этнографии была уже дана А. Г. Трофимовой (СЭ, 1969, № 3), я остановлюсь лишь на статьях по археологии и древней истории.

В сборниках публикуются результаты новых открытий и обобщающие статьи, охватывающие почти все периоды местной истории от эпохи камня до позднего средневековья включительно. Все это стало возможным благодаря десятилетней работе Северокавказской археологической экспедиции ИА АН СССР, возглавляемой проф. Е. И. Крупновым. Систематические раскопки ведут и экспедиции ЧИНИИИЯЛЭ, руководимые В. Б. Виноградовым, при активном участии Чечено-Ингушского краеведческого музея.

В обобщающей статье Е. И. Крупнова «Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР» (т. III, 1969) характеризуются достижения СКАЭ, освещающие различные эпохи истории ЧИАССР, и говорится о направлении дальнейших исследований.

Исключительную важность приобретают отдельные, пока еще слабовыразительные палеолитические и неолитические находки у сел. Гамурзиево, Экажево, у станицы Вознесенской и др. Не менее важными являются памятники эпохи бронзы, особенно ярко представленные Мекенскими и Бамутскими курганами, Сержен-Юртовским, Луговым поселениями, Гатын-Калинским могильником и др.

Курганы у с. Бамут и станицы Мекенской свидетельствуют о распространении майкопской культуры, которую ранее локализовали на Северо-Западном Кавказе, далеко на восток. Была уточнена южная граница катакомбной культуры, ранее признаваемая примерно по линии Ростов — Астрахань или по Волго-Манычскому району Предкавказья. Получен новый материал, свидетельствующий о контактах носителей местной северокавказской культуры и степной катакомбной. Эти факты по-

лучили подробное освещение в работе Р. М. Мунчаева «Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии» (I, 1966). Обнаруженные у с. Бамут явные элементы майкопской и катакомбной культур позволили прийти к выводу о проникновении в первой половине II тысячелетия до н. э. на территорию Чечено-Ингушетии степных племен и выдвинуть очень интересную и важную проблему взаимосвязи племен Юго-Восточной Европы и Кавказа. Все это намного дополняет сведения о предкавказском варианте катакомбной культуры, выделенном А. А. Иерусалимской в 1958 г. примерно по линии Волго-Маныч.

Продвижение элементов майкопской культуры с запада на восток подтвердилось яркими материалами из раскопок последних лет у станицы Усть-Джегутинской (по раскопкам А. Л. Нечитайло), в г. Нальчике (И. М. Чеченов), на р. Урух (Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев) и в других пунктах.

Определенную ценность представляет публикация В. И. Марковина «Материалы по археологии горной части Чечни» (I, 1966), которая вводит в научный оборот новые материалы. Работа содержит интересные данные об эпохе камня (Казеной-Ам), майкопской культуре (Бачи-Юрт), эпохе развитой бронзы (Ножай-Юрт, Мескеты, Гатын-Кале и др.). Кроме того, публикуются интересные предметы, отображающие мировоззрение древнего населения Чечено-Ингушетии. Это — бронзовые фигурки животных и людей, которые могут способствовать реконструкции идеологических представлений населения края в I тысячелетии до н. э. Этой же цели посвящена публикация, авторами которой являются В. Д. Байбик, В. Б. Виноградов, Т. М. Гантимурова, И. Д. Магомадов, «Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии» (III, 1969), где рассматриваются несколько культовых сосудов скифо-сарматского времени из окрестностей с. Алпатово и г. Грозного. Большое внимание авторы уделяют так называемым «аланским курильницам» в виде глиняных стаканчиков с отверстиями из городища Алхан-Кала. Признавая культовое назначение их, авторы полемизируют с В. А. Кузнецовым о хронологических рамках бытования курильниц (VIII—X вв. В. А. Кузнецов, 1966) и расширяют диапазон их существования от первых веков нашей эры до XII в.

Новые памятники эпохи бронзы у с. Беной, Дуба-Юрт, Белгатой и г. Малгобек опубликовали молодые археологи М. Х. Ошаев и В. А. Петренко (III, 1969).

Глубокой и всесторонней характеристике обработки бронзы у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии посвящена статья В. И. Козенковой (II, 1968). В результате многолетних работ на Сержень-Юртовском поселении IX—V вв. до н. э. ей удалось обнаружить множество предметов бронзолитейного производства: льячки, тигли, литейные формы, полуфабрикаты изделий, готовые предметы и различные орудия древних металлургов поселения. Все это позволило автору достаточно ярко охарактеризовать уровень обработки бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа I тысячелетия до н. э. и показать специфику металлообработки у древних племен Чечено-Ингушетии.

Большой интерес для археологов, этнографов, фольклористов и историков Кавказа представляет статья Е. И. Крупнова «Изучение нартского эпоса и археологии» (I, 1966). Статья посвящена одной из интереснейших тем духовной культуры народов Северного и Западного Кавказа — великолепному нартскому эпосу, его увязке с данными археологии, установлению времени формирования основного ядра эпоса, т. е. одной из кардинальных проблем истории нартиады. Е. И. Крупнов справедливо отмечает, что если до недавнего времени нартский эпос приписывался только осетинской и отчасти адыгской этнической среде, то сейчас признано наличие «центров-узлов» бытования эпоса у всех народов Северного и Западного Кавказа, проживающих на территории от Дагестана до Абхазии. Уже не в первый раз он говорит, что нартский эпос еще далеко не изучен и не может считатся полноценным историческим источником, хотя должен и может стать таковым при глубоком комплексном его изучении на всей территории его бытования, Осознавая, что основное место при изучении эпоса занимает его хронология, отсутствие которой затрудняет подлинно историческое изучение древнего устного творчества кавказских народов. Е. И. Крупнов подчеркивает, что основные циклы эпоса могут быть датированы только при сопоставлении их с данными материальных источников. Например, неотъемлемым соучастником всех подвигов нартов во всех сказаниях является конь. Автор статьи доказывает, что приручение коня, предметы сбруи и конского набора — все эти атрибуты нартов получили распространение на Северном Кавказе не ранее IX—VIII в. до н. э. Именно к этому времени относится распространение железных орудий и оружия, которые также являются неотъемлемыми предметами обихода нартов. Об этом же времени говорит развитие кузнечного дела (железного) у племен Северного Кавказа, что получило блестящее отражение в эпосе в виде нартских кузнецов — Айнар-ижи, Тлепш, Гурдала-уган. Дебет и др. Все это вместе с рядом других весомых доводов дало возможность Е. И. Крупнову сделать вывод о том, что ядро нартских сказаний сложилось в период бронзы и особенно раннего железа, т. е. в XI—IX вв. до н. э., как и знаменитый гомеровский эпос.

Интересные материалы, характеризующие Чечено-Ингушетию в эпоху поздней кобани и сарматского времени, опубликованы В. Б. Виноградовым и В. М. Марковиным в статьях «Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана» (II, 1968) и «Могильники сарматской эпохи у сел. Балан-Су и Байтарки (юго-восточная Чеч-

ния») (III, 1969). У села Балан-Су авторами вскрыто 15 погребений в каменных ящиках, датирующихся временем от V в. до н. э. до III в. н. э. Погребения делятся на две хронологические группы. Ранняя несет явные традиции западных групп каякентско-харачоевской и кобанской культур. В поздней группе с первых же веков нашей эры в инвентаре усматриваются сарматоидные черты, что объясняется проникновением сюда сарматских племен и контактами местной и сарматской культур. Последнее положение более подробно освещается при публикации могильника Яман-Су, где авторами раскопано 17 погребений. Как и могильник Балан-Су, он делится ими по погребальному обряду и инвентарю на раннюю (вторая половина I тысячелетия до н. э.) и позднюю (I—III вв. н. э.) группы.

Историко-культурной характеристике могильника Яман-Су авторы посвящают специальный раздел, в котором ранняя группа погребений преемственно связывается с памятниками каякентско-харачоевской и кобанской культур, а в поздней группе усматриваются сарматоидные черты (вытянутое положение костяков, ориентированных на север, в грунтовых ямах, фрагменты зеркальца, гончарная керамика, фибулы и пр.); отмечается определенная генетическая связь материальной культуры и с предшествующими эпохами. Сарматоидный облик обряда и инвентаря этой группы авторы объясняют распространением и резко возросшим влиянием сарматских племен на Северо-Восточном Кавказе не только в плоскостной, но и горной зоне.

Историческую реальность созданной характеристики могильника Яман-Су авторы видят в том, что с I в. н. э. в его инвентаре появляются вещи сарматского происхождения, которые попали сюда «прежде всего из городищ терско-сунженского междуречья», ставших «в первых веках нашей эры ремесленно-торговыми и военными центрами аланского союза племен». В сферу влияния раннеаланского объединения, по мнению авторов, могло входить и горское племя, оставившее могильник Яман-Су. Все это приводит их к выводу, что аборигенный этнический массив испытывал сильное воздействие со стороны сарматов.

Предложенное авторами этнокультурное определение могильника Яман-Су имеет определенную долю гипотетичности и нуждается в дополнительной аргументации. Если ранняя группа могил тесно связана с предшествующими могильниками каякентско-харачоевской и кобанской культур, то следует учитывать, что грунтовые могилы (одна из отличительных особенностей поздней группы) являлись характерной чертой кобанской культуры на территории Чечено-Ингушетии. Вытянутое положение костяков с северной ориентировкой известно, хотя и мало, в могильниках Чечено-Ингушетии V в. до н. э. Весьма желательно было бы проследить связь грунтовых могил, задолго до сарматов являющихся особенностью кобанского обряда, с могилами поздней группы из Яман-Су. Возможно, что здесь продолжаются традиции ранее занесенного (V в.) погребального обряда, одного из самых консервативных элементов духовной культуры. Распространение сарматоидных и даже сарматских вещей не может говорить о сильном влиянии сарматских племен, тем более в горах Северо-Восточного Кавказа. По сравнению с погребальным обрядом, сопровождающий инвентарь при определении этнической принадлежности может быть лишь фактором дополняющим, нежели определяющим.

Трудно верить и в то, что в первых веках нашей эры терско-сунженские городища (даже Алхан-Кала и Нижний Джулат) являлись торгово-ремесленными и военными центрами аланского союза племен и экспортировали сарматские изделия. До V в. н. э. говорить о бытовании в указанном районе аланской культуры как таковой, а тем более таких её крупных центров, оказывающих сильное влияние на местную культуру горцев, пока нет достаточных оснований (В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, МИА, 106, 1962, стр. 30). Даже в V—XIII вв. н. э. горная зона, входившая в состав исторической Алании, характеризуется весьма существенными особенностями, где при массе аланского инвентаря, погребальный обряд остается традиционно кавказским. При таких обстоятельствах наличие импортных изделий может свидетельствовать лишь о тесных торговых, культурных и экономических связях, но не об этнических изменениях. В лучшем случае, при соседстве различных племен, могли появиться отдельные небольшие островки поселенцев-степняков.

Большой интерес представляют материалы, относящиеся к скифо-сарматскому времени из районов Кавминвод, опубликованные В. Б. Виноградовым и А. П. Рунич в статье «Новые данные по археологии Северного Кавказа» (III, 1969). А. П. Рунич рассматривает материал нескольких новых памятников. К ним относятся Султангорский могильник у г. Кисловодска, где представлены каменные ящики двух периодов — VIII—VII и VI—IV вв. до н. э. Инвентарь и погребальный обряд позволяют относить могильник к кругу памятников кобанской культуры. Вместе с тем здесь выявлены вещи скифского происхождения. Одновременно и во многом схож с Султангорским могильник № 2 в урочище Клин-Яр к западу от г. Кисловодска. Датируется он VI—V вв. до н. э. Заслуживают внимания и памятники, относящиеся к рубежу новой эры. Это — поселение и могильник у Кабан-горы. На могильнике раскопан один склеп, содержащий 14 костяков. Склеп интересен тем, что по инвентарю относится к рубежу двух эр, а по обряду захоронения находит много аналогий в подземных склепах горной зоны Северного Кавказа. К этому же времени (II в. до

н. э.— I в. н. э.) относится погребение в Долине Нарзанов, поселение у железнодорожного моста (г. Кисловодск). Временем II—IV вв. н. э. датируется Клин-Ярский могильник № 3, состоящий из грунтовых могил и катакомб. Их сочетание углубляет интерес и значение Клин-Ярского могильника № 3.

Определению места египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев посвящена статья В. Б Виноградова (III, 1968). Автор отмечает, что первые находки подобного рода были сделаны на территории нынешней Кабардино-Балкарии в ущелье р. Чегем и опубликованы В. Ф. Миллером (В. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, М., 1888). Коллекция египетских амулетов, происходящих из Баксанского и Чегемского ущелий, примерно тогда же была приобретена венгерским графом Зичи. В этих коллекциях выделяются предметы из цветной египетской пасты: ушебти, фигурки Тауэрт и Изиды с Гором, плакетки с рельефным изображением лежащих львов, подвески в виде баранов, черепах и скарабеи. Автор дает подробную историографическую справку и перечень почти всех подобных находок на территории Северного и Северо-Восточного Кавказа. Давая характеристику египетских амулетов по их формам и изображениям на них, В. Б. Виноградов делает вывод о том, что эти предметы, согласно религиозно-магическим воззрениям далеких предков нынешних балкарцев, осетин, вайнахских и дагестанских народностей, играли роль различного рода оберегов, талисманов и служили для исцеления больных, облегчали участь умерших в потустороннем мире, способствовали приплоду скота, охраняли их владельцев от всяких зол и несчастий. Статья В. Б. Виноградова послужит определенным подспорьем для реконструкции древней духовной культуры народов Северного Кавказа.

Большое место в археолого-этнографических сборниках отводится памятникам эпохи средневековья. Интересные материалы VII—XIII вв. н. э. содержатся в отчете В. Б. Виноградова «Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.» (II, 1968). Ранее им было опубликовано несколько погребений в каменных ящиках XIV—XVII вв. из могильников у сел. Борзой и Тумсой («Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г.», см. т. I, 1966). В этой же публикации содержится описание Тумсойской и Борзойской башен XIV—XVII вв.

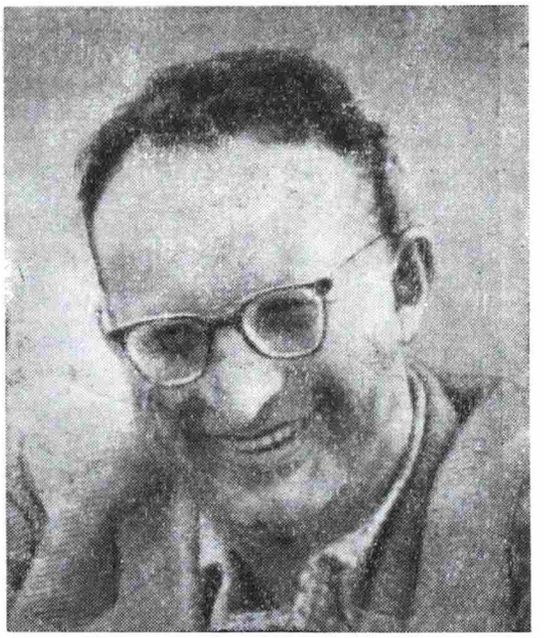
Ряд интересных позднесредневековых башен и построек Чечено-Ингушетии в селах Моцарой, Никарой, Эльнхьа, относящихся к XV—XVI вв., описал М. Х. Опаев (I, 1966). Богатую коллекцию из надземных склепов Ассинской котловины, состоящую из деревянных мисок и гребней, железных ножей, стрел, блях, ножниц, бронзовых наперстков, браслетов и подвесок, опубликовал М. Б. Мужухоев (III, 1969).

Изучением памятников XIV—XVII вв. уже несколько лет занимается С. П. Умаров. В своей обширной публикации «Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии» (II, 1968) он подробно описал ряд памятников, в том числе подземный склеп у храма «Тхаба-Ерды», печь для обжига извести у аула Хули, башенные и склеповые сооружения у аулов Хили. Моцарой, Тист, Кей, Малхиста, средневековые поселения и могильники IX—XIV вв. у сел. Балан-Су, Курен-Беной, Харачой, Цонторой.

Почти все статьи и публикации вводят в научный оборот совершенно новый материал и безусловно будут способствовать созданию обобщающих трудов по древней и средневековой истории Чечено-Ингушетии. Хотелось бы надеяться, что издание подобных сборников будет продолжено ЧИНИИЯЛИ и перенято соседними институтами Северного Кавказа.

В заключение надо отметить не совсем качественные иллюстрации во всех томах сборников, которые в следующих изданиях необходимо существенно улучшить.

И. М. Мизиев



ЕЖИ АНТОНЕВИЧ

27 июня 1970 г. на 52-м году жизни скончался польский археолог Ежи Антоневич, специалист по ранней истории западных балтов и балто-славянским взаимоотношениям, редактор «Acta Baltico-Slavica».

Родился Е. Антоневич 3 мая 1919 г. в Пиоткуве Трибунальском, окончил гимназию в Варшаве и служил в армии, когда гитлеровская Германия напала на его родину. Бежав из лагеря военнопленных, он вернулся в Варшаву, где учился в подпольном университете. Окончив его в 1945 г., Е. Антоневич работал инспектором по охране памятников культуры в Олштинском воеводстве, а с 1946 г.— в Государственном археологическом музее в Варшаве. С 1962 г. он генеральный секретарь Белостокского научного общества.

Вскоре после войны развернулась экспедиционная деятельность Е. Антоневича. Его интересовали северо-восточные области Польши, наименее изученные в археологическом отношении. Для всестороннего изучения древней истории Судовии он организует большой коллектив исследователей. С 1955 г. под руководством Е. Антоневича успешно работала Ятвяжская комплексная экспедиция, в составе которой были археологи, антропологи, топонимисты и специалисты иных профилей. Сам он ведет раскопки сначала на поселении в Езерках, а позднее могильника в Швейцарии, которые принесли ему известность.

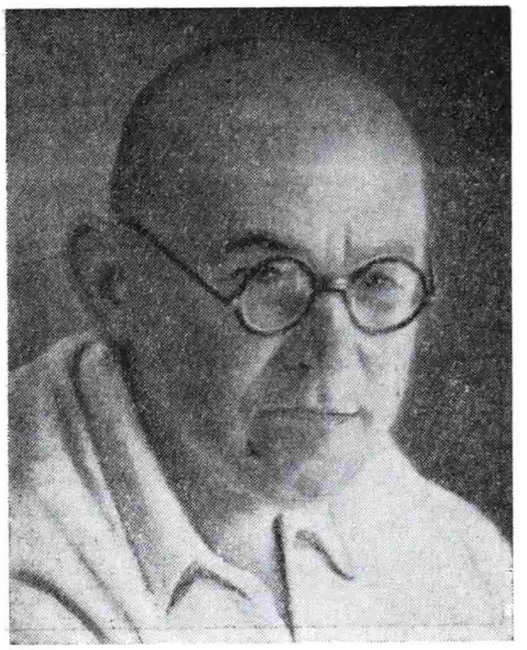
Помимо публикаций Е. Антоневичу принадлежат десятки статей по различным вопросам. Он исследует городища раннего железа территории к востоку от Вислы, историю поселений у ятвягов и пруссов, общественные отношения, погребальный обряд и мифологию ятвягов. Большое научное значение имеют работы Е. Антоневича, посвященные культурным и этническим контактам западнобалтских племен со славянами. В последние годы много внимания уделял он важнейшим вопросам древней истории балтов и их первичной дифференциации.

Значительное место в научной деятельности покойного занимала редакторская работа. В 1948—1958 гг. он ответственный секретарь «Wiadomości archeologiczne». Начиная с 1957 г., он редактор ежегодника «Rocznik Olsztyński», а с 1961 г. «Rocznik Białostocki». По его инициативе и под его редакцией с 1963 г. выходит «Acta Baltico-Slavica» — по существу международное издание по актуальным вопросам балто-славистики.

Е. Антоневич был тесно связан с советской археологической наукой, пристально следил за ее развитием и часто рецензировал наши издания. Не раз он приезжал в СССР, изучал археологические коллекции, участвовал в научных конференциях. По его инициативе советские археологи работали в составе Ятвяжской экспедиции. Он активно сотрудничал в Обществе польско-советской дружбы.

Е. Антоневич был способным исследователем и неутомимым тружеником. Память о нем сохранят надолго все, кто его знал.

В. В. Седов



Г. И. ПАЦЕВИЧ

4 октября 1970 г. в Ама-Ате скончался Героним Иосифович Пацевич — научный сотрудник ИИАЭ Академии наук Казахской ССР.

Героним Иосифович родился в 1893 г. в дер. Шатрово Витебской области Белорусской ССР. Окончив в 1910 г. Смоленское реальное училище, он поступает в Московский археологический институт, по окончании которого в 1914 г. получает звание ученого археолога. С 1919 по 1924 г. Г. И. Пацевич служит в рядах Красной Армии, а в 1924—1933 гг. работает инженером. С 1934 по 1938 г. Героним Иосифович — ученый секретарь Центрального музея Казахстана. В это время он принимает активное участие в работах Семиреченской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама. Первые его солидные работы довоенных лет посвящены исследованию памятников Таласской долины.

После организации в 1938 г. в г. Джамбуле археологического пункта по надзору за сохранностью памятников в районе средневекового Тараза Г. И. Пацевич переезжает в г. Джамбул и работает там сперва в качестве научного работника, а с 1940 г.— директором пункта при Республиканском управлении заповедниками.

За время работы в г. Джамбуле Г. И. Пацевич осуществил более 10 самостоятельных выездов и пеших маршрутов по археологическому обследованию древних торговых путей и изучению топографических особенностей средневековых городов Таласской и Чуйской долин. Им были открыты и исследованы десятки курганных могильников и раскопано большое количество погребений.

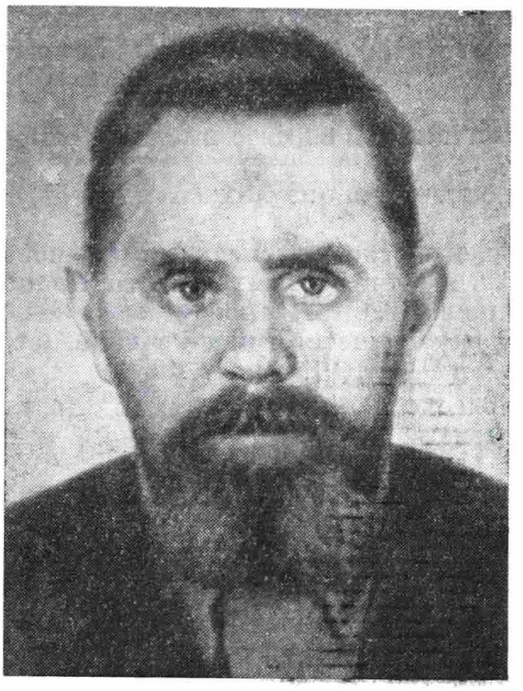
С июня 1945 г. археологический пункт был переведен в ведение Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, и Г. И. Пацевич вновь переезжает в Алма-Ату и работает в Институте по 1955 г., принимая самое активное участие во всех археологических исследованиях. Работая в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1947—1951 гг., он подготовил к печати рукопись «Развалины городов и поселений Южного Казахстана», на основе которой была написана кандидатская диссертация, успешно защищенная в 1954 г. в Москве («Историческая топография городов и поселений юга Казахстана VII—XV вв.». М., 1954 г.) и опубликованная затем в трудах ИИАЭ АН КазССР, т. V.

Г. И. Пацевич принимал активное участие в работах Центрально-Казахстанской и Западно-Казахстанской археологических экспедиций, а в 1956 г. возглавлял экспедицию в целинные земли (Кустанайская область). Полученный им новый материал заполнил белые пятна в археологическом изучении Северного Казахстана. Он участвовал в подготовке к печати сводного труда «Археологическая карта Казахстана». Всего Героним Иосифович опубликовал около 50 работ, освещающих топографию, архитектуру, строительное дело, хозяйство и быт древних насельников Казахстана. На основе добытых им в результате раскопок Тараза материалов был создан один из лучших в Казахстане краеведческих музеев с разделом по археологии.

Он был блестящим популяризатором археологических памятников, с большой любовью публиковавшим статьи в газетах и выступавшим среди населения с лекциями об археологических памятниках. Много сделал он и в области охраны памятников. В 1955 г. Г. И. Пацевич выходит на заслуженный отдых, но не порывает с археологией. В 1959 г. он принимает участие в исследованиях в зоне Чардаринского водохранилища.

Г. И. Пацевич был энергичным и общительным человеком, обладающим большим опытом археологических исследований. Археологи Казахстана всегда будут помнить этого трудолюбивого человека.

Т. Сенигова



Б. Н. ГРАКОВ

14 сентября 1970 г. скоропостижно скончался на 71-м году жизни профессор Московского университета Борис Николаевич Граков — выдающийся советский археолог и педагог. Советская археология лишилась талантливого и блестящего исследователя, особенно в области греческой эпиграфики и скифо-сарматской археологии. Его труды по керамической эпиграфике, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, пользуются широкой известностью и занимают ведущее место не только в советской науке, но и за рубежом. Скифоведение — слава русской археологии — в значительной степени благодаря полевым и теоретическим исследованиям Б. Н. Гракова в советский период превратилось в особый раздел исторической науки. Б. Н. Граков наряду с М. И. Ростовцевым, П. С. Рыковым и П. Д. Рау заложил основы изучения истории и культуры сарматов. Труды Бориса Николаевича по скифам и сарматам, написанные предельно сжато и отличающиеся тонкостью наблюдений и исторического анализа, общеизвестны. К сожалению, Борис Николаевич не дожил до выхода в свет одного из своих последних исследований «Скифы». В нем Б. Н. Граков высказал свои взгляды на скифскую проблему, которые он упорно и страстно отстаивал последние десятилетия. Он стал их высказывать вскоре после того, как по его инициативе и под его руководством был создан в 1946 г. в Институте археологии скифо-сарматский сектор, а окончательно они были сформулированы на I скифо-сарматской конференции в Москве в 1952 г. Направление, которое создал Борис Николаевич в советском скифоведении, поддерживают сейчас многие его последователи и ученики. Создатель особой школы в науке, Борис Николаевич более 30 лет своей жизни отдал воспитанию специалистов-археологов сначала в стенах Московского института истории, философии и литературы, где он в 1938 г. вместе с В. А. Городцовым создал кафедру археологии, затем почти до конца своей жизни — в стенах Московского университета. За эти три с лишним десятилетия многие сотни студентов прослушали его глубокие по содержанию лекции по археологии, спецсеминары, были участниками его археологических экспедиций. Многие его ученики, превратившись в самостоятельных исследователей, из которых старшие успели уже поседеть, а молодые только что успешно вступили на научное поприще, работают ныне в Москве и во многих других городах Советского Союза.

Оставленный Борисом Николаевичем блестящий след в советской археологии никогда не исчезнет. Память о дорогом и заботливом учителе, соратнике и друге навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа учеников и друзей

Список научных трудов Б. Н. Гракова

1. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926.
2. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Салюквасова. Труды секции археологии РАНИОН, вып. I, 1928.
3. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Труды секции археологии РАНИОН, вып. IV, 1928.
4. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III, Helsinki, 1928.

5. Отчет об археологических раскопках, произведенных Б. Н. Граковым в июле 1927 г. в окрестностях Иваново-Вознесенска. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1927 г. Иваново-Вознесенск, 1928.
6. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928 (на обложке год изд. 1929).
7. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, Helsinki, 1929.
8. Отчет о работе археологической экспедиции Иваново-Вознесенского общества краеведения летом 1928 г. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского научного общества краеведения за 1928 г. Иваново-Вознесенск, 1929.
9. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды секции археологии РАНИОН, вып. V, 1930.
10. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Кзыл-Орда, 1930.
11. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. Известия ГАИМК, вып. 104, М.— Л., 1934.
12. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 108, М.— Л., 1935.
13. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Отчет о работах. Известия ГАИМК, вып. 110 «Археологические работы на новостройках», т. II, М.— Л., 1935 г.
14. Древние германцы. Сборник документов. М., 1937. (Б. Н. Гракову принадлежат переводы греческих авторов).
15. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1.
16. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой и педагогической деятельности). ВДИ, 1939, № 2.
17. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3.
18. Рецензия на книгу «Ольвия», т. I. ВДИ, 1946. № 1.
19. Рецензия на статью А. И. Болтуновой «Греческие надписи Армавира». ВДИ, 1946, № 1.
20. Информация о книге А. И. Зографа «Античные монеты». КСИИМК, вып. XIII, 1946.
21. Скіфи. Київ, 1947.
22. Термин «Σκύθαι» и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI, 1947.
23. Никопольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947.
24. Чи мала Ольвія торговельни зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? Археологія, I, Київ, 1947.
25. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.
26. Нікопольска експедиція. Археологія, I, 1947.
27. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948.
28. Підсумки і перспективи работи Нікопольської експедиції. Археологія, II, Київ, 1948.
29. Інформаційний звит Нікопольської археологічної експедиції за 1946 р. НП, II, Київ, 1949.
30. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.
31. Очередные задачи археологии в изучении скифо-сарматского периода. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.
32. О работе Степной скифской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.
33. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне. Доклады VI научной конференции ИА АН УССР, Киев, 1953.
34. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953 (в соавторстве с А. И. Мелюковой).
35. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, 1954 (в соавторстве с А. И. Мелюковой).
36. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954.
37. Клеймо на амфоре VI века до н. э. Нумизматический сборник. М., 1957, ч. 2.
38. Субботовскее городище. СА, 1958, № 2 (в соавторстве с А. И. Тереножкиным).
39. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, № 4.
40. Греческое граффито из Немировского городища. СА, 1959, № 1.
41. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома. СА, 1961, № 4.
42. Две заметки по скифо-сарматской археологии. КСИА, вып. 89, 1962.
43. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962.
44. Новые находки скифского времени в Каменском городище на Днепре. Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962.
45. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. Археологический сборник, вып. 6., Л., Эрмитаж, 1964.

46. Рецензия на книгу В. Б. Виноградова. «Сарматы Северо-Восточного Кавказа». СА, 1964, № 4.
47. Заметки по скифо-сарматской археологии Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.
48. Заметки по греческой керамической эпиграфике. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968.
49. Легенда о скифском царе Арианте. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.
50. Пережитки скифских религий и эпоса у сарматов (по материалам археологических раскопок). ВДИ, 1969, № 3.
51. Новые надписи из Херсонеса Таврического. ВДИ, 1970, № 3 (в соавторстве с Ю. Г. Виноградовым).
52. Скифы (в печати).
53. Клейменая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Докторская диссертация, 1938.
54. Железный век (Курс лекций, прочитанных студентам кафедры археологии истфака МГУ).
55. Об одном клейме Синопы с точной палеографической датой (рукопись).
56. Корпус греческих амфорных клейм из Северного Причерноморья (рукопись).
57. Приемы хронологического определения амфорной тары (рукопись).
58. Фазосская группа амфорных клейм и вывоз вина с острова Фазоса (рукопись).
59. К истории приемов полевого исследования Керченских некрополей (рукопись).
60. Материалы к составлению археологической карты некрополей древнего Пантикапея с частичным их топографическим описанием (рукопись).
61. Рецензия на книгу Я. Бёма о памятниках скифского времени в Закарпатье (рукопись).

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГЕРАСИМОВ

21 июля 1970 г. крупнейшие радиостанции мира сообщили о кончине на 63-м году жизни всемирно известного ученого Советского Союза — доктора исторических наук, лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки Михаила Михайловича Герасимова. В некрологах, переданных главными радиовещательными корпорациями Англии, США и других стран подробно рассказывалось о М. М. Герасимове как об авторе широко известного метода пластической реконструкции и вскользь упоминалось о его археологических работах.

Заслуги М. М. Герасимова в разработке метода реконструкции лица по черепу поистине общеизвестны. Разносторонние таланты, глубокий интерес к анатомии человека, видимо унаследованный им еще от отца, врача Михаила Петровича, позволили ему впервые в мировой науке разработать метод точной портретной реконструкции по черепу. Метод пластической реконструкции М. М. Герасимова давно уже стал достоянием не только ученых, но и практиков. «В 1939 году в лесу под Ленинградом в пустынной местности были найдены разрозненные кости скелета человека... Кроме костей, не нашли ничего, что могло бы помочь опознать погибшего... Спустя некоторое время нашли череп со следами сильного удара каким-то орудием. Значит, человека убили. Кто он был, выяснить не могли. Тогда череп передали М. М. Герасимову. Он прежде всего установил, что убитый был мальчиком 12 — 13 лет. М. М. Герасимов воспроизвел голову мальчика. В это время удалось узнать, что полгода назад, в деревне, недалеко от места, где были найдены кости, пропал мальчик... Отцу показали тридцать семь фотографий разных мальчиков, среди которых было и семь фотографий с восстановленной М. М. Герасимовым головы. Он сразу же узнал своего сына, отобрав эти семь фотографий...» Это не цитата из детективной повести (хотя и во многие детективы попало имя М. М. Герасимова), а описание контрольного опыта, взятое из книги Ляпунова «Из глубины веков» о М. М. Герасимове.

Многими контрольными опытами подтверждена достоверность и точность реконструкций М. М. Герасимова. Более четверти века он трудился над разработкой этого метода. Целая галерея скульптурных портретов занимает всю стену в квартире М. М. Герасимова и большой стеллаж в созданной им лаборатории пластической реконструкции на Цветном бульваре. Эта скульптурная галерея дает нам возможность представить себе наглядно человека эпохи неолита, энеолита и раннего металла, образы исторических деятелей — Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, царя Федора, Ивана Грозного, адмирала Ушакова, Тимура, Шахруха, Улугбека, Мираншаха, поэта Рудаки и многих других. Эти скульптурные портреты украсили музеи десятков городов нашей страны.

По просьбе правительства ГДР М. М. Герасимов восстановил облик Фридриха Шиллера. На Международном конгрессе Ассоциации по изучению четвертичного периода (ИНКВА) в 1969 г. в Париже демонстрировалась выставка скульптурных реконструкций, выполненных М. М. Герасимовым, которая привлекла внимание парижан и членов Конгресса и получила самые положительные отзывы. Эта выставка была принесена в дар Музею Человека в Париже. Благодаря М. М. Герасимову мы имеем возможность познакомиться с портретами наших далеких предков. Около 40 портретов людей палеолита и мезолита — питекантропов, синантропов,

неандертальцев, кроманьонцев, негроидов и монголоидов помещено в его книге «Люди каменного века».

Отлично иллюстрированная самим М. М. Герасимовым книга «Люди каменного века» не только монография по проблемам антропогенеза и альбом удивительно достоверных портретов первобытных людей; это и археологическая монография, обобщающая важнейшие результаты многолетнего опыта исследователя. Кратко по форме и очень емко по содержанию здесь дана характеристика основных археологических культур палеолита мира и приведены сводные таблицы их инвентаря. В книге приведены исчерпывающие данные о геологических условиях и стратиграфии ведущих палеолитических памятников.

Такой высококвалифицированный сплав археологии, антропологии и геологии и представляли знания М. М. Герасимова. Во всех этих трех, казалось бы, далеких друг от друга науках, он был признанным, высококвалифицированным специалистом. Знания его были энциклопедичны. Творческий путь М. М. Герасимова отмечен глубоким проникновением в суть явлений, стремлением дойти до сокровенных глубин науки, овладеть в совершенстве всей существующей информацией по тем проблемам, которые его интересовали.

Последние годы М. М. Герасимов работал над продолжением альбома портретов, готовил книгу о людях неолита и бронзы. За несколько месяцев до смерти он закончил реконструкцию облика неолитического человека из стоянки Давлекановской на Южном Урале.

Ученики М. М. Герасимова работают не только в нашей стране, но и за рубежом. Метод пластической реконструкции получил высокую оценку в мировой науке. И все же можно сказать, что пластические реконструкции не были главной целью его жизни. Вспоминается в связи с этим разговор с М. М. Герасимовым в 1964 г. На вопрос, считает ли он себя скульптором, М. М. Герасимов ответил: «Нет, я не скульптур, я археолог».

Именно археология была главным делом его жизни. Свою археологическую деятельность М. М. Герасимов начал пятнадцатилетним подростком, работая с 1922 г. под руководством Б. Э. Петри в Сибири. Тогда же и определилось на всю жизнь место его основных археологических исследований — Сибирь, Приангарье. И несмотря на то что в 1932 г. он возвращается в Ленинград, а потом с 1944 г. поселяется в Москве, он нигде не забывает Сибирь и почти все годы продолжает там раскопки. Кто из специалистов по каменному веку не знает таких памятников, как Переселенческий пункт, Мальта, Усть-Белая? Эти и многие другие, открытые и исследованные М. М. Герасимовым, памятники вошли в золотой фонд мировой археологической науки.

Мальта — самое ранее верхнепалеолитическое поселение Сибири. Здесь, на окраине одноименного села, на высоком берегу р. Белой (приток Ангары) М. М. Герасимов в 1928 г. начал раскопки и продолжал их с перерывами почти 30 лет — до 1957 г. Уже материалы первых лет (1928 — 1932 гг.) позволили известному специалисту по первобытному обществу П. П. Ефименко оценить Мальту как памятник, который может быть поставлен «по своему значению в один уровень с наиболее известными европейскими памятниками верхнего палеолита». А ведь наиболее важные открытия в Мальте были сделаны после 1932 г. Достаточно вспомнить, что только в результате раскопок 1956—1957 гг. на Мальтинской стоянке обнаружено шесть отлично сохранившихся палеолитических жилищ. И можно прямо отметить, что многие из уникальных древностей Мальты дошли до нас только благодаря предельной тщательности и исключительной объективности М. М. Герасимова в полевой работе. Удалось обнаружить даже стружку с бивня мамонта, снятую десятки тысяч лет назад. Причем изучение М. М. Герасимовым техники обработки кости по материалам Мальтинской стоянки не только блестящее, но, пожалуй, и первое в науке исследование такого рода, которое в дальнейшем вылилось в самостоятельную отрасль археологии — трассологию.

М. М. Герасимов одним из первых в мире детально проследил и систематизировал палеолитические жилища, выделив три типа жилых сооружений. В Мальте, в отличие от распространенных в палеолите землянок, было открыто впервые наземное жилище диаметром 4,5 *м*. Снаружи оно было обложено массивными плитами известняка; некоторые из плит, ограждающие жилище, стояли в момент раскопок на ребре, как 25 тыс. лет тому назад. В полу жилища, почти строго в центре, выкопано очажное углубление в виде чаши, дно которой было выстлано тонкими плитками известняка. С одной стороны очага лежали обломки расщепленного нефрита, ножевидные пластинки, костяные острия, стружки бивня мамонта — остатки работы палеолитического скульптора, а выше — изображения гагары и лебедя. С другой стороны очага сохранились бусы из бивня мамонта, подвески из кальцита, «пуговицы», орнаментированные резными зигзагами, иглы, шилья, скребки и ножи. Над тонким слоем без находок лежала женская статуэтка.

В Мальте были найдены своеобразные жилища, одна сторона которых, окаймленная плитками и костями животных, была врыта в толщу отложений террасы, а вторая выходила к реке.

Среди художественных вещей имеются уникальные скульптуры одетых в меховую одежду женщин. «Одетые» статуэтки, открытые М. М. Герасимовым,— единст-

венные в своем роде среди всех других женских изображений верхнепалеолитического времени; в Европе на них имеются только отдельные элементы одежды в виде перевязей, браслетов и поясков. На мальтинских статуэтках видна шитая одежда типа мехового комбинезона шерстью наружу, плотно облегающая тело с головы до ног. Такая одежда не стесняет движений и сохраняет внутри тепло. Она оставляет открытыми только руки и лицо. Все остальное надежно скрыто под пушистым меховым покровом. В Мальте найдены и палеолитические «Венеры». Если «одетые» женские скульптурки показывают палеолитического человека вне дома, в океане снега, то обнаруженные статуэтки характеризуют его жизнь с другой, домашней стороны — внутри палеолитического жилища. По мальтинским статуэткам можно проследить лица и даже прически женщин палеолита.

Мальта дает возможность воссоздать не только общие черты хозяйства, техники и быта, но и основные стороны духовной культуры жителей Сибири того времени. Здесь была открыта первая дошедшая до нас коллекция художественно обработанной кости. Эти находки произвели в мире исследователей палеолита и палеолитического искусства огромное впечатление. Академик А. П. Окладников назвал Мальту «удивительной сокровищницей первобытного искусства, занимающей одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию художественной резьбы по кости и мелкой скульптуры каменного века». В I томе «Истории Сибири» говорится: «Чтобы в полной мере оценить впечатление, произведенное на ученых открытыми в глубине Сибири художественными сокровищами людей ледникового времени, достаточно сказать, что Мальта и Буреть дали 20 женских статуэток — почти половину «мирового запаса» этих изделий палеолитических скульптур. Теперь стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и одновременные центры палеолитического искусства в Западной Европе. Впечатление от новых находок, а вместе с тем и их сходство с европейскими были настолько сильными, что снова встал вопрос о происхождении палеолитического искусства, а вместе с ним и самого «разумного человека» из глубин Азии».

На полу жилищ в Мальте, в том числе непосредственно около очагов, вместе с женскими статуэтками лежали вырезанные из бивня мамонта фигурки летящих водоплавающих птиц — уток или гагар. Они поражают стереотипным единообразием формы, канонически неизменной манерой исполнения. Весь облик фигурок показывает, что птицы изображены в движении, в стремительном полете. Интересны три фигурки птиц, не похожие на остальные. Первые две изображают водоплавающих птиц — утку и гуся, третья — скорее всего, снежную куропатку. Фигурки удивительно реалистично запечатлели птиц в состоянии покоя.

На двух бляхах из бивня мамонта, служивших, очевидно, амулетами-оберегами (одна из них обнаружена в погребении на скелете младенца), имеются выгравированные изображения змей. На одной из таких блях змеиные фигуры показаны особенно отчетливо: у них волнообразно извивающиеся тела и большие, преувеличенно раздутые стилизованные головы, похожие на головы кобр в угрожающем положении.

Подлинным украшением мальтинской коллекции служит тонко выгравированное на пластинке из бивня изображение мамонта. В рисунке несколько упрощенно, но все же правдоподобно переданы своеобразный облик ископаемого мохнатого слона. Древний художник изобразил здесь все самое существенное и характерное для мамонта: грузное туловище, крупную шишковидную голову, отделенную седловидной впадиной от крутого горба над передними лопатками, и падающую в задней части, как бы обрубленную линию спины.

Большую область художественного творчества древних мальтинцев составляют украшения и орнамент. Украшения вообще занимали важное место в жизни палеолитических людей, им уделялось много внимания и времени. На головах палеолитических людей кроме пышной прически и шапок были головные обручи, похожие на царские диадемы античного мира. Такая диадема найдена на лбу младенца, погребенного под полом одного из мальтийских жилищ. Кстати, это пока единственное палеолитическое погребение в Сибири.

На шее младенца висело богатое ожерелье из узорчатых бус, вырезанных из бивня мамонта. Ожерелье заканчивалось, как драгоценным кулоном, фигуркой в виде искусно стилизованной летящей птички. Здесь же встречены и более простые украшения: диски с отверстиями, бусы-пронизки из кости, украшения из зубов животных. Из зубов животных самыми популярными были клыки марала, явно привлекавшие людей каменного века своим блестящим белым цветом, и клыки хищников, которые, нужно думать, связаны были с определенными магическими представлениями.

Вместе с каменными изделиями над могилой находились остатки конструкции жилища — рога северного оленя. Сама могила представляет своеобразный и самый древний в мире дольмен. Около черепа лежали куски уже упомянутой выше диадемы-обруча из бивня мамонта. На шее великолепное, даже по современным понятиям, ожерелье, на пояснице бляха с орнаментом в виде резных зигзагов — «змей», на груди — птица в стремительном полете, на правую руку у плеча был надет браслет из бивня мамонта — подлинный шедевр косторезного палеолитического

искусства. Поблизости — нож ориньякского типа, у ног — отлично изготовленный наконечник копья, проколка, пластинка и острие.

Мальта не только самая древняя палеолитическая стоянка Сибири, Она до сих пор остается самым изученным и богатейшим памятником палеолита Азии.

Одних работ М. М. Герасимова по Мальтийской стоянке было бы достаточно, чтобы его имя навсегда сохранилось в науке. Но им не менее тщательно и детально исследованы и многие другие памятники. Только один из них — стоянка Усть-Белая послужила основой успешно защищенной одним из его учеников кандидатской диссертации.

Трудно представить какую-либо обобщающую работу по палеолиту мира без упоминания Мальты, Переселенческого пункта, Усть-Белой и других памятников, открытых М. М. Герасимовым. Однако его заслуги в археологии выходят далеко за пределы этих открытий. Большой вклад им был внесен в разработку относительной хронологии сибирского неолита. Он был участником очень многих экспедиций и стал одним из лучших знатоков первобытной археологии в нашей стране.

Вполне обоснованно можно утверждать, что в целом заслуги М. М. Герасимова-археолога не менее значительны, чем достижения М. М. Герасимова-антрополога и создателя метода пластической реконструкции. Сам этот метод, как мне представляется, был разработан им для более полного чтения археологических источников, для того чтобы служить вспомогательным средством археологических исследований.

Даже нам, современникам М. М. Герасимова, с трудом верится, что руками одного человека проделана такая громадная работа. Возможно, что недоверчивые потомки выразят еще больше сомнений в этом. Но те, кто знал близко М. М. Герасимова, имеют представление о том, насколько напряженным и действительно самоотверженным был его труд и насколько выдающимися талантами он обладал.

Говоря о М. М. Герасимове, нельзя забыть его как яркого и интересного человека, с неисчерпаемым жизнелюбием и мягким, тонким юмором. Его чуткость, доброта и отзывчивость были безграничны. Уже будучи тяжело больным, месяца за полтора до кончины, Михаил Михайлович, узнав, что в ту же больницу поступил молодой археолог, нашел в себе силы подняться на несколько этажей и навестить лично младшего коллегу. И в эти трудные минуты жизни он думал не о себе, а о том, как бы подбодрить попавшего в беду товарища. Такая скромность и самоотверженность, к сожалению, встречаются еще не так часто.

Память о человечности М. М. Герасимова, его скромности, доброте и отзывчивости сохранят все, кому выпало счастье жить и работать рядом с ним. Советская археология понесла невозместимую утрату.

Г. Н. Матюшин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В тезисы моего доклада «Славяне в Поднепровье», опубликованные в Москве в 1970 г. в Сборнике докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии, было внесено без моего ведома существенное «исправление».

Я писал: «Крушение черняховской оседлости явилось, по-видимому, результатом вторжения гуннов в конце IV в. ... После крушения черняховской оседлости потомки зарубинецких племен — днепровские славяне расширили свою территорию в южном направлении». Второе предложение было изменено следующим образом: «После того как черняховское население перешло к кочевому образу жизни...» и т. д. Сообщаю, что за «новую» точку зрения на судьбу черняховцев я не несу никакой ответственности.

П. Третьяков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БАИЧП — Бюллетень Ассоциации по изучению четвертичного периода
БД — Белград — днестровская экспедиция
ВВ — Византийский временник
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ГМИИ — Гос. Музей изобразительных искусств. Москва
ГМТР — Гос. Музей Татар. АССР
ГПИ — Гос. педагогический ин-т
ГЭ — Гос. Эримитаж
ДАН — Доклады Академии наук
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научн.-исслед. ин-та
ИЭ — Институт этнографии
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исслед. ин-т
КГМ — Карельский гос. музей
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УРСР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ — Матеріалі та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МКА — Сб. «Материальная культура Азербайджана»
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НІЛ — Новгородская первая летопись
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОГУ — Одесский государственный университет
ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
Працы — Працы сэкцыі археолёгіі БАН
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — «Советская этнография»
Тр. АИЧПЕ — Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИ АН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук ТаджССР
Тр.МАЭ — Труды Марийской экспедиции
Тр. СУАК — Труды Саратовской Ученой архивной комиссии
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ЛПИ — Ученые записки Ленинградского педагогического института
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
Уч. зап. Тарту ГУ — Ученые записки Гос. университета г. Тарту
Уч. зап. ТГУ — Ученые записки Томского государственного университета
Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исслед. ин-та
Уч. зап. Тарту ГУ — Ученые записки Госуд. университета г. Тарту
Уч. зап. ТГУ — Ученые записки Томского госуд. университета
Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исслед. ин-та
ЧИНИИЯЛИЭ — Чечено-Ингушский научно-исслед. институт языка, литературы, истории и этнографии
ЮУЭ — Южно-Уральская экспедиция
AAH — Acta archaeologia hungaricae
AÉ — Archaeologiai Ertesitö
AJA — American Journal of Archaeology
AR — Archeologické rozhledy. Praha
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger

BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
CZ — Коллекция В. И. Заусайлова, хранится в Национальном музее Финляндии в Хельсинки за № 5384
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
FA — Folia archaeologica
IG — Inscriptiones Graecarum
JDAI — (IDI) — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen instituts
PA — Památky archeologické. Praha
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
PPS — Proceedings of the Prahistorie Society
PW — Paulys — Wissowa — Kroll. Real Encyclopödia der Klassischen Altertumswissenschaft
REG — Revue des études grecques
Revue arch. — Revue archéologique
RGZM — Römisch — Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SA — Slovenská archeológia. Bratislava
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization (Chicago)
SC — Scythica et Caucasica
SMYA — Suomen muinais — muistoyhdistykcen aikakauskirja
WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Д. Я. Телегин (Киев). О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии 3

В. Ф. Филатова (Петрозаводск). Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии 32

М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии 39

Ю. А. Краснов (Москва). Рала симферопольской стелы 51

В. А. Ильинская (Киев). Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве 64

С. Я. Неверов (Ленинград). Митридат и Александр 86

А. К. Амброз (Москва). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы 96

Г. Ф. Соловьева (Москва). О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья 124

Публикации

В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова (Ленинград, Душанбе). Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане 133

М. Д. Марченко (Москва). Архаическая мастерская оружейника в Пантикапее 148

В. Н. Цыгылык (Львов). Поселение возле села Ремезовцы Львовской области 157

А. П. Рунич (Пятигорск). Скальные захоронения в окрестностях г. Кисловодска 167

Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт (Москва, Ленинград). Раскопки в Смоленске в 1967 г. 179

Е. С. Овчинникова (Москва). Резная каменная икона с изображением св. Тимофея 196

Заметки

Б. И. Маршак (Ленинград). Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии 204

С. Б. Вадецкая (Ленинград). Роль бугровщиков и мифы о «могильном золоте» на Енисее 208

Б. Ф. Исаенко (Минск). Неолитический сосуд с рисунком из Белоруссии . 211

Г. Л. Розенфельдт (Москва). Новлянский фатьяновский могильник . . . 213

Я. И. Сунчугашев (Абакан). Есинский поминальный памятник карасукской культуры 216

Ю. В. Деревягин, Р. М. Симонов (Саратов). Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья 218

В. И. Мамонтов (Волгоград). Литейная форма срубной культуры из фондов Волгоградского областного краеведческого музея 221

В. Алиев (Баку). Археологические раскопки в урочище Бабадервиш 223

Ю. Г. Виноградов (Москва). Из истории архаической Ольвии 232

Е. К. Максимов, М. Р. Полесских (Саратов). Заметка об акинаках 238

Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). Клейма на амфорах типа Солоха — II 242

Г. А. Тирацян (Ереван). Об одной группе расписных сосудов из Армавира 246

С. К. Кабанов (Ташкент). Изображение Шивы на оссуарии 249

В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Два византийских креста из Алании 255

Е. С. Флеров (Таганрог). Поселение VIII—IX вв. у ст. Богоявленской . . 258

В. К. Труммал (Тарту). Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. 265

В. Д. Белецкий (Ленинград). Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове 272

В. П. Даркевич (Москва). Редкий памятник романской металлопластики . 278

М. Н. Федоров (Ташкент). Находка керамики с именем гончара XII в. Абу Бакра ибн Ахмада 284

Т. В. Николаева (Москва). Крест 1544 г. из Волоколамска 285

Критика и библиография

А. Н. Румянцев (Ленинград). T. Sulimirski. Corded Ware and Clobular Amphorae North-East of the Carpathians 291

В. И. Козенкова (Москва). Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии 297

В. В. Седов (Москва). Arheologija un etnogrāfija 299

И. М. Мизиев (Нальчик). Археолого-этнографические сборники, издаваемые Чечено-Ингушским НИИ истории, языка, литературы, экономики . . . 303
Е. Антоневич . . . 307
Г. И. Пацевич . . . 308
Б. Н. Граков . . . 309
М. М. Герасимов . . . 312

SOMMAIRE

Articles

D. J. Téléguine (Kiev). Sur la division culturelle et territoriale et de la périodisation des monuments néolithiques de l'Ukraine et de la Belarussie . . . 3
V. F. Filatova (Petrozavodsk). Le type russe-carélien des outils néolithiques en Carélie . . . 32
M. F. Kossarev (Moscou). Certaines particularités de l'histoire anciennes de la contrée du fleuve Obi (régions de Tomsk et de Narym) du point de vue paléogéographique . . . 39
J. A. Krasnov (Moscou). L'araire de la stéle de Simféropol . . . 51
V. A. Iliinskaia (Kiev). L'image du carnassier félin dans la période initiale de l'art scythique . . . 64
O. Y. Névérov (Léningrad). Mithridate et Aléxandre. Notes sur l'iconographie de Mithridate VI . . . 86
A. K. Ambroz (Moscou). Problémes chronologiques de l'Europe Orientale du début du moyen âge . . . 96
G. F. Solovieva (Moscou). Sur le rôle du substratum balte dans l'histoire des tributs slaves des régions du cours supérieur du Dniepr . . . 124

Publications

V. A. Ranov, G. F. Korobkova (Léningrad, Duchambé). Toutkaoul. la station à plusieur couches appartenant à la culture Hissar au Tadjikistan méridional . . . 133
I. D. Martchenko (Moscou). L'armurérie du VI siècle av. n. è. à Panticapée . . . 148
V. N. Tzyghylyk (Lvov). Fouilles du site près du village de Rémézovtzy dans la région de Lvov . . . 157
A. P. Rounitch (Piatigorsk). Lépultures rupestres dans les environs de Kislovodsk . . . 167
N. N. Voronin, P. A. Rappoporte (Moscou, Léningrad). Fouilles archéologiques à Smolensk en 1967 . . . 179
E. S. Ovtchinnikova (Moscou). L'image en pierre sculptée représentant le Saint Timophée . . . 196

Notes

B. I. Marchak (Léningrad). La céramique et les dates des couches . . . 204
E. B. Vadetzkaia (Léningrad). Le rôle des pilleurs des tombes et les mythes de l'or tombal à Iénissei . . . 208
V. F. Issaenko (Minsk). Etude néolithique . . . 211
R. L. Rosenfeldt (Moscou). Le nécropole fatian à Novliansk . . . 213
Y. I. Sountchougachev (Abakan). Un monument de repas funéraire se rapportant à la culture Karassouk (régions de Iénissei) . . . 216
Y. V. Dereviaguine, R. M. Simonov (Saratov). La céramique ornée des rouleaux dans les sites «sroubny» de la basse Volga . . . 218
T. V. Mamontov (Volgograd). Une forme à Fondre de la culture «sroubnaya» . . . 221
V. Aliev (Bakou). Les travaux archéologiques récent dans la localité Babadérvich . . . 223
Y. G. Vinogradov (Moscou). Une des questions de l'histoire d'Olbia de la période archaique . . . 232
E. K. Maximov, M. R. Polesskikh (Saratov). Notes sur les akinaques (une forme de glaive) . . . 238
B. A. Vasilenko (Ivano-Frankovsk). Timbres sur les amphores du type Solocha—II . . . 242

G. A. Tiratzian (Erevan). Sur un groupe des vases peints trouves à Armavir 246
S. K. Kaubanov (Tachkent). La représentation de Chiva sur un ossoarium . 249
V. A. Kouznetzov (Ordyonikidze). Deux croix bizantines troveés en Alania 255
V. S. Flerov (Taganrog). Sites des VIII et IX siècles près de la station Bogoiavlenskaya 258
V. K. Troummal (Tartou). Fouilles archéologiques à Tartau et campagne du prince Yaroslav à 1030 265
B. D. Beletzki (Léningrad). Timbres et signes sur les briques du XIIe s. de l'église Dmitri-Solounski à Pskov 272
V. P. Darkevitch (Moscou). Un monument rare de la métalloplastique romaine 278
M. N. Fedorov (Tachkent). A propos d'une trouvaille de la céramique de Mery portant le nom d'artisan indigène de la première moitié du XII s. Abou Bakr ibn Ahmad 284
T. V. Nikolaieva (Moscou). La croix datant de 1544 trauvée à Volokolamsk . 285

Critique et bibliographie

A. N. Roumiantzev (Léningrad). T. Sulimirski. Corded ware and Clobular amphorae north-east of the Carpathians 291
V. I. Kozenkova (Moscou). Matériaux pour l'archéologue et l'histoire ancienne des Nord Osetia 297
V. V. Sedov (Moscou). Archeologiya un etnogräfiya. VIII. Riga, 1968 . . . 299
I. M. Misiev (Naltchik). Recuils archéologiques et ethnographiques publiés par l'Institut des Etudes historiques, linguistiques, littéraires et économiques de Tchetcheno-Ingouche 303
E. Antonevitch 307
G. I. Patzevitch 308
B. N. Grakov 309
M. M. Gerasimov 312

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18/I-1971 г. Т-06423 Подписано к печати 8/IV-1971 г. Тираж 2800 экз.
Зак. 1695 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28 Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 30,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10